

Северо-Западный филиал
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»
(г. Санкт-Петербург)

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

**Сборник материалов
VII-ой Международной научно-практической конференции
(1-2 ноября 2019 года, Санкт-Петербург)**

Санкт-Петербург
2019

УДК [redacted]
ББК [redacted]

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского Фонда Фундаментальных исследований, грант № 19-011-20083

Под редакцией

Дикаева Салмана Умаровича, заведующего кафедрой уголовного права
Российского государственного университета им. А. И. Герцена,
доктора юридических наук, профессора

Уголовная политика и правоприменительная практика : Сборник материалов VII-й Международной научно-практической конференции (1–2 ноября 2019 года, Санкт-Петербург). СПб.: Астерион. – 646 с.

ISBN 978–5–00045–762–7

Сборник научных статей составлен по результатам VII Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и правоприменительная практика» (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург, 1–2 ноября 2019 г.). Сборник представляет собой комплексное исследование современного состояния, направлений и перспектив развития уголовной политики в Российской Федерации, Республике Абхазия, Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Донецкой Народной Республике, Польше, Венгрии, Республике Босния и Герцеговина. Для специалистов в области уголовного, уголовно-процессуального права, уголовно-исполнительного права и криминологии, а также всех, кто интересуется уголовно-правовыми проблемами.

ISBN 978–5–00045–762–7

© Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный
университет правосудия», 2019
© Коллектив авторов

Оглавление

Раздел I. Состояние и проблемы современной уголовной политики	10
<i>Глинский Я.И.</i> Социальный контроль в обществе постмодерна: мировые тенденции	10
<i>Gorazd Meško</i> Police Reforms and Research – Community Policing, Integrity and Legitimacy - Experiences from Slovenia	16
<i>Бавсун М.В.</i> Предмет и метод уголовного права в условиях трансформации общественных отношений	29
<i>Волков К. А.</i> Уголовная политика и принципы права	35
<i>Клейменов М. П.</i> Коррупция и правосудие: мифы и реальность	43
<i>Пинкевич Т.В.</i> Особенности обеспечения криминологической безопасности в сфере цифровой экономики	52
<i>Пудовочкин Ю.Е.</i> Понятие, критерии и пределы учета общественной опасности преступления судом	57
<i>Номоконов В.А.</i> Уголовная политика в свете принципов в Новой криминологии	67
<i>Милоков С. Ф.</i> О соотношении судебной и внесудебной репрессии в механизме противодействия преступности	75
Раздел II. Проблемы современного уголовного законодательства	79
Уголовное право. Общая часть	79
<i>Антонова Е. Ю., Антонов И. М.</i> К вопросу об эффективности системы наказания для несовершеннолетних	79
<i>Берестовой А.Н.</i> Становление и перспективы развития уголовно-правового института обстоятельств, исключающих преступность деяния	84
<i>Галиев Б. Б.</i> Коллизионные моменты освобождения от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки по новому УК Республики Казахстан	93
<i>Гейнце О.В.</i> О месте преступного посредничества в системе норм института соучастия в преступлении	100

<i>Гельдибаев М.Х.</i> Меры наказания за совершение преступлений исключительно в силу занимаемой должности или осуществляемой деятельности	105
<i>Голикова А. В.</i> Содержание общественной опасности как криминообразующего признака умышленных и неосторожных преступлений	109
<i>Евсикова Е. В.</i> Административная преюдиция как один из инструментов современной уголовно-правовой политики: проблемы теории и практики	117
<i>Зарецкая Е. А.</i> Нормативное определение состояния ограниченной вменяемости согласно действующего уголовного законодательства	125
<i>Карпов К.Н.</i> Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76 ¹ УК РФ)	129
<i>Кафиатуллина А.В.</i> Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в системе мер государственного принуждения	135
<i>Кокин Д.М.</i> Основание уголовной ответственности за неоконченное преступление, совершённое в соучастии	140
<i>Краснова К. А.</i> Введение уголовного проступка: проблемы и решения	143
<i>Кузнецова Н.В.</i> Тенденции развития международного уголовного права в условиях континентальной интеграции	147
<i>Лопашенко Н. А.</i> Сравнительно-правовой анализ уголовного наказания последнего советского и современного периода сквозь призму уголовной политики	151
<i>Марчук В. В.</i> К вопросу о правилах квалификации неоконченного преступления	159
<i>Миронова Г. Н.</i> Практика назначения наказания за преступления, предусмотренные ст. 204 ² УК РФ (Мелкий коммерческий подкуп)	166
<i>Никуленко А. В.</i> Уголовно-правовая политика в сфере применения нормы о необходимой обороне	172
<i>Оситов М. Ю.</i> Ложные нормы в уголовном праве России: понятие и причины их возникновения	181
<i>Петрашьева Н.В.</i> Институт соучастия в новом прочтении: закон и практика ...	190
<i>Сафонов В.Н.</i> Обещание или предложение коррупционных действий в контексте учения о стадиях преступления	194
<i>Семенова В. В.</i> Назначение наказаний за склонение к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения	200
<i>Шкеле М.В.</i> Уголовная политика и толкование уголовного закона	204

Уголовная право. Особенная часть	207
<i>Борков В.Н.</i> Квалификация незаконного возбуждения уголовного дела (ч. 3 ст. 299 УК РФ)	207
<i>Бычков С.Н.</i> Дискуссионные вопросы квалификации разбоя, совершенного группой лиц по предварительному сговору	211
<i>Голубовский И.Ю.</i> Оставление в опасности в части соответствия тенденциям современной уголовной политики	216
<i>Грибков А.В.</i> К вопросу об изменении статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации	220
<i>Емельянов В. А.</i> О некоторых вопросах квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в отношении несовершеннолетних и наказания за него	228
<i>Куниц Е.В.</i> К вопросу об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в контексте уголовно-правовой политики	231
<i>Николаев К. Д.</i> Акт международного терроризма – преступление против мира и согласия между народами и (или) государствами	235
<i>Панкова Д. В., Сиренко Б. Н.</i> Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: законодательный аспект	240
<i>Перекислов В.Е.</i> Уголовное и гражданское законодательство в сфере интеллектуальной собственности	247
<i>Попов В. С.</i> «Личность» в родовом объекте и в непосредственных объектах некоторых преступлений и уголовных проступков	251
<i>Рахманова Е.Н.</i> Законодательство о защите животных: сравнительно-правовой анализ	260
<i>Сафонов В. Н., Гельдибаев М.М.</i> Гомеопатия и народная медицина с позиций уголовного права Российской Федерации	266
<i>Сумачев А.В.</i> Суицидальная детерминация: морально-правовой анализ	271
<i>Топильская Е.В.</i> Развитие уголовного законодательства об ответственности медицинских работников за причинение вреда жизни и здоровью пациентов .	277
<i>Тюнин В.И., Радошинова Н.В.</i> Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах (ст. 172 ³ УК РФ)	283
<i>Филатова Н. Ю.</i> Проблемные вопросы применения признака «из корыстных побуждений» в рамках статьи 245 УК РФ	289
<i>Цветков П.В.</i> Преступления в сфере спорта: некоторые проблемы квалификации	294
<i>Шикла И.Р.</i> Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемные вопросы квалификации и тенденции решения	300

Раздел III. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности	307
<i>Акимжанов Т.К.</i> Инновация в сфере правопонимания и правоприменения: проблемы и перспективы (уголовно-правовые и криминологические аспекты)	307
<i>Акимова Н. В.</i> К вопросу о понятии правовой политики в отношении криминальной сферы	318
<i>Александров А. И.</i> Уголовная политика и проблемы внесудебной репрессии ...	322
<i>Андреева Л. А.</i> Уголовно-правовая и криминологическая характеристика коррупционных преступлений в бюджетной сфере	327
<i>Бибик О.Н.</i> Теория циклов в уголовном праве и криминологии	335
<i>Голобородько В.И.</i> Уголовная политика Донецкой Народной Республики по противодействию коррупции	343
<i>Генрих Н.В.</i> Культурные факторы криминализации общественно опасных деяний	347
<i>Готчина Л.В.</i> Об уголовной политике в сфере незаконного оборота наркотиков: состояние, тенденции, перспективы	355
<i>Гуринская А.Л.</i> Цифровые технологии в уголовной политике: противодействие семейному насилию в США	358
<i>Дворянсков И.В.</i> Виртуализация преступности несовершеннолетних	364
<i>Ефремова М. А.</i> Обеспечение информационной безопасности как одно из направлений уголовно-правовой политики	370
<i>Зубалова О.А.</i> Противодействие организованным преступным формированиям экстремисткой направленности	376
<i>Ильюк Е.В.</i> Секты и правоприменительная практика	381
<i>Клейменов И. М.</i> Уголовно-правовое реагирование на преступления коррупционной направленности	388
<i>Лебедь А. Л.</i> Уголовная политика в сфере преступлений против собственности	397
<i>Лясковска К.</i> Уголовная политика Польши в отношении лиц, совершающих домашнее насилие	404
<i>Магнутов Ю.С.</i> Криптовалюта как предмет финансирования организованной преступной деятельности	416
<i>Мироненко С. Ю.</i> Специально-криминологическая профилактика преступлений, которые совершаются с использованием оружия	419
<i>Нестеренко А.В.</i> Уголовно-правовая охрана цифровых технологий в международном и зарубежном законодательстве	425

<i>Петрянин А. В.</i> Модернизация и эволюционирование уголовной политики в области противодействия экстремизму	431
<i>Потанов Ю.А.</i> Поражение в правах как социальный феномен (ретроспективный анализ)	435
<i>Ретин М. Е.</i> Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств среди подростков: вектор борьбы определен	440
<i>Szabolcs M.</i> Predictive policing softwares in law enforcement	449
<i>Смирнов Л. Б.</i> Уголовно-правовые меры противодействия угрозам национальной безопасности и их реализация	459
<i>Tihanyi M.</i> Outcome of Faith Based Prison in Hungary in the Context of an Empirical Research	465
<i>Федотова А. В., Безлеткина О.В.</i> Исторический аспект образования преступного феномена «вор в законе» в Российском государстве	475
<i>Цэнгэл С. Д.</i> Основные принципы противодействия экстремистской деятельности	480

Раздел IV. Современное состояние уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики	485
<i>Антюпов А. Н.</i> Проблемы обеспечения безопасности в уголовно-исполнительной системе	485
<i>Vince Vári, Dragana Cvorovic</i> The concept and role of suspicion in criminal proceedings	488
<i>Жугралина Б.М., Мухамеджанов Э. Б.</i> Уголовная политика в сфере исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы	496
<i>Лесников Г.Ю.</i> Лишение свободы как вид уголовного наказания: реальность и альтернатива	499
<i>Simović M. N., Simović M. M., Simović V. M.</i> The Right to Access to Court as an Element of the Right to a Fair Trial – International Standards and Case-Law of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina	506
<i>Сопнева Е.В.</i> Разновидности подозрения: уголовно-правовой и процессуальный взгляд	517
<i>Титов А.Н.</i> Некоторые вопросы исправления осужденных в постпенальной стадии	523
<i>Шевелева С.В.</i> Проблемы исполнения штрафа как вида уголовного наказания	527

Раздел V. Проблемы уголовной политики и правоприменительной практики в исследованиях молодых ученых	532
<i>Андреев С.П.</i> Возмещение ущерба и заглаживание вреда при освобождении от уголовной ответственности при назначении судебного штрафа	532
<i>Багавиева Э.А.</i> Значение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при расследовании уголовных дел	536
<i>Волкова А. Ю.</i> Институт согласия лица на причинение вреда в рамках современной уголовной политики	539
<i>Григорян Н.Г.</i> Уголовная ответственность за получение взятки в государствах-членах СНГ и странах Балтии (сравнительно-правовой анализ)	542
<i>Грицюк Л.С.</i> Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение: проблемы теории и практики	546
<i>Давиденко М.А.</i> Религиозный терроризм: понятие и содержание	551
<i>Зокина А.М.</i> Ответственность за совершение транспортных преступлений по законодательству Англии	555
<i>Иващенко К.А.</i> Некоторые проблемы уголовной политики в сфере защиты конкуренции	560
<i>Казаринов И.А.</i> К вопросу об ответственности российских граждан, пользующихся иммунитетом, в случае совершения преступления вне пределов Российской Федерации	565
<i>Комягин Р.А.</i> Доктринальный обзор нормативистского подхода к пониманию категории «состав преступления»	573
<i>Кривенко В.А.</i> Позиции Европейского Суда по правам человека по вопросу не признания провокации преступления в качестве обстоятельства, исключающие преступность деяния	577
<i>Лазарев А. А.</i> Проблемы совершенствования уголовного законодательства в области борьбы с разглашением государственной тайны	580
<i>Ляхова В.В.</i> Документы как предмет преступлений, предусмотренных ч. ч. 1, 3 ст. 327 УК РФ: проблемы теории и практики	586
<i>Мартынкова А.А.</i> Некоторые вопросы отграничения посредничества во взяточничестве от смежных составов преступления	596
<i>Морозов А.В.</i> Контент-анализ положений об уголовной ответственности за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд	600
<i>Непомнящий В.В.</i> Уголовная ответственность за преступления в сфере предпринимательской деятельности в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ	605

<i>Пешкова Н. А.</i> Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности	609
<i>Преблагин В.А.</i> Проблемы разграничения ст. 184 УК РФ со смежными составами преступления	615
<i>Протасова А.Г.</i> Проблемы разграничения мелкого взяточничества от мошенничества	620
<i>Родимкина Е.В.</i> Крайняя необходимость в ситуации невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат	624
<i>Романченко О.С.</i> Психическое насилие как средство достижения преступных целей в некоторых должностных преступлениях	628
<i>Романюк В.И.</i> К вопросу о субъективной стороне преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ	633
<i>Стадникова О.А.</i> Актуальные проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: соотношение понятий	637
<i>Чамян Р.С.</i> Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Республике Абхазия	641
СПИСОК АВТОРОВ	647

Раздел I. Состояние и проблемы современной уголовной политики

Гилинский Я.И.

Социальный контроль в обществе постмодерна: мировые тенденции Social Control in Postmodern Society: Global Tendencies

Аннотация: в статье рассматриваются особенности преступности и социального контроля над преступностью в современном обществе постмодерна и возможные и реальные новеллы по совершенствованию уголовной политики государств.

Abstract: The author discusses the characteristics of crime and social control over crime in contemporary postmodern society and the possible and actual new laws to improve the criminal policy of states.

Ключевые слова: преступность, социальный контроль, постмодерн
Key words: crime, social control, postmodern

*Следует отказаться
от надежд, связанных
с иллюзией контроля.*

Никлас Луман

Введение

В самом общем виде социальный контроль над преступностью включает правотворчество (уголовно-правовое законодательство), правоприменение (в т. ч. наказание) и профилактику преступлений¹. Основное содержание социального контроля, его средства и методы существенно зависят от социально-экономического строя, политического режима, культуры каждого конкретного общества. И преступность, и социальный контроль над ней – суть порождения общества и его культуры². Поэтому, в частности, смертная казнь отменена в европейских государствах (кроме Белоруссии), широко применяется в странах мусульманского мира и в Китае, сохраняется... в большинстве штатов США.

Поэтому не случайно о «кризисе наказания» заговорили тогда, когда прошлая эпоха модерна начала сменяться современным постмодерном (постклассическим, постсовременным, постиндустриальным обществом)³. Оказывается, что наказание, в течение тысячелетий предназначавшееся выполнять функцию сдерживания, сокращения преступности, а то и ее «ликвидации», - не эффективно, не выполняет возлагаемых на него задач!⁴

¹ Подробнее авторская позиция в: Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд. – СПб: Алеф-Пресс, 2018. С.392-459.

² Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. – Oxford University Press, 2003; Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. – SAGE, 2008.

³ Например: Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. – Oslo-London, 1974; Christie N. Limits to Pain. – Oxford: Martin Robertson, 1981.

⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. – Apocalypse Publishing, Co, 1990; Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. – Oxford University Press, 2003; Rotwax H. Guilty.

Об этом достаточно убедительно говорят отечественные авторы. «Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны... Наказание – это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения»¹. И еще: «Вне всякого сомнения, наказание есть реакция на совершенное зло, но в этом смысле наказание – то же зло»².

«Кризис наказания» проявляется, в частности, в том, что (1) за всю историю человечества никакие, самые жестокие наказания не «ликвидировали» преступность; (2) со времени окончания Второй мировой войны до конца 1990-х – начала 2000-х годов уровень преступности возрастал во всем мире, невзирая на все старания полиции и уголовной юстиции (а с конца 1990-х – начала 2000-х годов сокращается во всех странах независимо от деятельности правоохранительных органов); (3) уровень рецидива относительно постоянен для каждой страны (а в России увеличился за последние десять лет с 25% до 52%, что свидетельствует о полной неэффективности наказания). Кроме того, по мнению психологов, длительное нахождение в изоляции приводит к *необратимым* изменениям психики (разумеется, не в лучшую сторону).

Естественно, проблема социального контроля стала преобладающей в криминологической тематике. Так, если на первой конференции Европейского общества криминологов (ESC) в 2001 г. в Лозанне было 25 докладов по проблемам социального контроля, то в 2018 г. на 18-й конференции в Сараево – свыше 200 докладов. И это не удивительно. Что такое «преступность» и каковы ее тенденции в современном мире – более или менее известно. Каковы криминогенные факторы, при всех их разнообразии – то же. А вот «что делать»? – остается весьма спорным и неопределенным³.

Какие же особенности общества постмодерна следует учитывать, обсуждая проблемы социального контроля, как его оптимизировать и как не усугубить негативные последствия привычных мер социального контроля, включая наказание?

Общество постмодерна и социальный контроль

Процессы *глобализации* не могли не затронуть преступность. Глобализируется деятельность организованной преступности (торговля наркотиками, оружием, людьми, человеческими органами, криминальный игорный

The Collapse of Criminal Justice. – NY: Random House, 1996; и др.

¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е издание. – М.: Проспект 2009. С. 15, 18, 56, 68.

² Ромашов Р., Тонков Е. Тюрьма как «Град земной». – СПб: Алетея, 2014. С. 13.

³ Подробнее об этом: Гилинский Я.И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского института МВД РФ, №1 (35) 2019. С. 6-13.

бизнес), экономическая преступность. Следовательно, должны крепнуть и развиваться международные контакты, взаимодействие правоохранительных органов. Однако международная обстановка последних лет не способствует этому.

Конечно, отдельные эпизоды совместной деятельности в рамках Интерпола и Европола или прямых международных контактов имеют место, но явно отстают от развития международной преступной деятельности. Так, только в 2013 г., по словам президента Европейской парламентской комиссии по борьбе с мафией (CRIM) Сони Альфано, «удалось убедить всех членов Европарламента, что организованная преступность пронизала все общество и отступать некуда». В результате был разработан и одобрен промежуточный проект, закладывающий основу для выработки единого свода антимафиозных норм, которые должны укрепить расследовательское и юридическое сотрудничество на уровне Евросоюза и на международном уровне¹.

Глобализация сопровождается *массовой миграцией*. Это влечет «конфликт культур» (Т. Селлин), сопровождающийся криминальными последствиями, «преступлениями ненависти» (hate crime), терроризмом. Конфликты с мигрантами возникают во Франции и Германии, в Норвегии и Италии, в США и России. Особенно опасно, когда столкновение культур происходит на религиозной почве. По данным Pew Research Center, случаи связанного с религией терроризма, экстремизма и насилия в 2012 г. зарегистрированы более чем в 60 странах². Между тем, остаются не выработанными мировым сообществом стратегия и тактика противодействия преступности как со стороны мигрантов, так и против них. Стена между США и Мексикой? Политика Ангелы Меркель в Германии или Виктора Орбана в Венгрии? Как быть с проблемой «понаехали тут» в России? Последние события в Якутии (март 2019 г.) лишь подтвердили ее нерешенность.

Виртуализация реальности, «цифровой» мир, зарождающийся ИИ (искусственный интеллект) влекут двойные последствия. С одной стороны, невиданные информационные возможности, предоставляемые Интернетом, смартфонами и прочими ИТ. Современные технологии позволяют отслеживать происходящее на улице, в транспорте, других общественных местах. Видеонаблюдение существенно ограничило уличную преступность и квартирные кражи. С другой стороны, те же технологии позволяют наблюдать за каждым, нарушая свободу и права человека. Где и как найти оптимальную грань между «мерами безопасности» и правами человека? Сегодня вполне реализуем «1984» Оруэлла. Благо ли это? Думается – зло³. И это – не плод

¹ Брусини М. Скоро будет принят европейский закон по борьбе с мафией -/ URL: <https://inosmi.ru/world/20130614/210046270.html> (Дата обращения: 07.04.2019).

² Радов З. Эксперты: в мире процветает религиозный терроризм // Комсомольская правда, 17.01.2014.

³ Подробнее см.: Гилянский Я.И. Уголовная политика государства и человек /Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции 2 ноября 2018 г./Отв. ред. Е.Н. Рахманова, доктор юридических наук, доцент. – СПб, 2019. С. 105-111.

досужих размышлений. США в значительной степени пошли по пути приоритета «мер безопасности»¹. Это очень опасная тенденция, о чем предупреждают российские и немецкие коллеги: «Безопасность относится к дискурсу политики безопасности и оказывается медленно действующим ядом для правового государства, которое им разрушается» (проф. Й. Арнольд); «Человеческая история – это драма, в которой средства защиты превращаются в источники опасности, для защиты от которых создаются новые средства, которые вновь становятся опасными» (проф. Н.В. Щедрин)².

Виртуализация порождает еще один вид современной преступности – *киберпреступность*. Это явилось новой проблемой, решать которую достаточно сложно. По данным, представленным на 16-ой Европейской криминологической конференции (г. Мюнстер, 2016), при средней раскрываемости преступлений в европейских странах 42-46%, раскрываемость киберпреступлений – всего 5%. На 18-й Европейской криминологической конференции (г. Сараево, 2018) около 30 докладов были посвящены киберпреступности, тогда как в России это в основном труды проф. В.С. Овчинского³.

Известно, что один из значимых криминогенных факторов – *социально-экономическое неравенство*. В обществе постмодерна оно привело к разделению человечества (и населения каждой конкретной страны) на меньшинство *включенных* (в активную экономическую, социальную, политическую, культурную жизнь) и большинство *исключенных*. Экономическое и социальное неравенство при этом только возрастает. Происходит размывание среднего класса – Middle class, когда часть его представителей все чаще попадает в массу исключенных.

Характеризуя первичную (общесоциальную) профилактику, мы говорим о необходимости сокращения неравенства, как одного из главных криминогенных факторов. Но слова остаются словами, и неравенство возрастает во всем мире. Реальное изменение ситуации за гранью возможностей криминологов. Но может быть следует хотя бы почаще напоминать об этом властным структурам, выдвигать перед экономистами соответствующую задачу. Предупреждать о растущей криминальной угрозе, не говоря уже о политической (Occupy Wall-Street, «желтые жилеты», майдан и др.).

Разделение общества на включенных / исключенных сопровождается дальнейшей их *фрагментацией* (внутри каждой из этих групп). Каждый фрагмент, каждая субкультура имеет свои представления о дозволенном / недозволенном, допустимом / недопустимом, разрешенном / запрещенном. Разделение общества на фрагменты может быть по расовому, национальному, религиозному, гендерному, возрастному, политическому и

¹ Подробнее см.: Гурина А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. – СПб: РГПУ, 2018.

² 12 октября 2018 года международная беседа по криминологии закона: «Криминология – уголовное право – право безопасности: схватка или единение?» - URL: <http://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/347-2018-10-20-07-48-31.html> (Дата обращения: 07.04.2019).

³ Овчинский В.С. (сост.) Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом. - М.: Норма, 2017; Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. Учебник для магистратуры. – М., 2018; и др.

иному критерию. Удивительно, но расхождения между представителями разных фрагментов не сглаживаются в современном, казалось бы, едином, глобальном мире, а нередко обостряются. Растет взаимная нетерпимость. Так активизировалось движение феминисток, либералы и консерваторы готовы схватиться в рукопашную, межконфессиональные конфликты приводят к войнам и массовым убийствам, в отдельных регионах усилилось враждебное отношение к гомосексуалам. И уж в совершенно разных мирах живут подростки, молодежь и взрослое население...

В этих условиях государственная политика должна идти не по пути запретов той или иной деятельности, а напротив, большей либерализации законов, легализации тех или иных деяний, не представляющих большой общественной опасности и распространенных в значительных фрагментах (субкультурах) общества. По этому пути идут наиболее развитые, «продвинутое» государства. Так, проституция, неизбежная в условиях товарно-денежных отношений, легализована в Нидерландах, Германии, Австрии, Швейцарии, Греции, Турции, Венгрии, Латвии и ряде других стран. Производные каннабиса (которые значительно менее «опасны», чем алкоголь¹), включая марихуану, разрешены для личного потребления в Германии, Чехии, Бельгии, Португалии, Нидерландах, Канаде, Уругвае, Чили, Эквадоре, Мексике, Грузии, в девяти штатах США и ряде других стран. Эвтаназия легализована в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге, Канаде, кантоне Цюрих, в ряде штатов США. В России давно пора легализовать и проституцию, которая и так широко распространена и крышуется полицией, и производные каннабиса для личного потребления (треть всех заключенных в стране – лица, осужденные за преступления, связанные с наркотиками!), и заместительную терапию, помогающую поддерживать жизнь больных наркоманией, и эвтаназию – у каждого человека есть право и на жизнь, и на смерть. Следует безусловно сохранить право женщин на аборт, оспариваемое некоторыми «законодателями» и коллегами.

Немного о *наказании*. Не буду в очередной раз останавливаться на недопустимости смертной казни – как убийства государством и необходимости исключить смертную казнь из перечня наказаний в России (ст. ст. 44, 59 УК РФ). Мир идет по пути отказа от смертной казни. Она отменена во всех странах Европы (кроме Белоруссии), во всех странах Северной (кроме США) и Южной Америки, в Австралии и Новой Зеландии, сохраняясь только в странах Африки и Азии.

Что касается лишения свободы, то в связи с «кризисом наказания» и *ускорением времени*, как одной из характеристик общества постмодерна², основные мировые тенденции сводятся к следующему³.

Сокращение назначения наказания в виде лишения свободы, расширение применения иных мер наказания, не связанных с лишением свободы.

Так, в Японии к лишению свободы приговариваются 3,5-4,5% осужденных, к штрафу – до 85%. Обычно лишение свободы в европейских странах применяется только за тяжкие преступления против личности и только в отношении совершеннолетних.

Сокращение сроков лишения свободы. Так, в Европе средний срок лишения свободы – 1,8 года, в Японии – до 2 лет лишения свободы. Это особенно важно в условиях ускорения времени.

Условия отбывания наказания в виде лишения свободы не должны носить репрессивный характер, не должны нарушать чувства собственного достоинства заключенного, должны быть обеспечены нормальное питание, своевременная и современная медицинская помощь. Лишение свободы должно быть направлено на ресоциализацию, реадaptацию заключенных, а не на репрессивность условий содержания. О реальности этой тенденции свидетельствуют как соответствующие публикации¹, так и личные наблюдения автора в тюрьмах Германии, Ирландии, Финляндии и ряда других стран. Ценные и обоснованные предложения по «современиванию» социального контроля в России содержатся в монографии Л.М. Карнозовой².

Несомненно, в создании, организации и осуществлении современных методов социального контроля над преступностью будут все большую роль играть *информационные, «цифровые»* методы, что является темой самостоятельного исследования и обсуждения³.

Список литературы

12 октября 2018 года международная беседа по криминологии закона: «Криминология – уголовное право – право безопасности: схватка или единение?» - URL: <http://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/347-2018-10-20-07-48-31.html> (дата обращения: 07.04.2019).

Аликперов Х.Д. Компьютерная программа определения меры наказания. – СПб, 2019.

Брусини М. Скоро будет принят европейский закон по борьбе с мафией - URL: <https://inosmi.ru/world/20130614/210046270.html> (дата обращения: 07.04.2019).

Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд. – СПб: Алеф-Пресс, 2018.

Гилинский Я.И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского института МВД РФ, №1 (35) 2019. С. 6-13.

Гилинский Я.И. Уголовная политика государства и человек / Сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции 2 ноября 2018 г. // Отв. ред. Е.Н. Рахманова, доктор юридических наук, доцент. – СПб, 2019. С. 105-111.

Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. – СПб: Алетей, 2017.

Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. – СПб: РГПУ, 2018.

Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е издание. – М.: Проспект 2009.

¹ См., например: От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли. Финский опыт сокращения числа заключенных / Сост. И.Г. Ясавеев. – Хельсинки, 2012.

² Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. – М.: НЭПС, 2010.

³ См., например: Аликперов Х.Д. Компьютерная программа определения меры наказания. – СПб, 2019.

¹ Santino U., La Fiura G. Behind Drugs. – Edizioni Gruppo Abele, 1993, pp. 35,36.

² Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. – СПб: Алетей, 2017. С. 27-28.

³ См. также: Дикаева М.С. Уголовное наказание в России и зарубежных странах. – М.: Юрлитинформ, 2017.

- Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. – М.: НЭПС, 2010.
- Овчинский В.С. (сост.) Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом. – М.: Норма, 2017.
- Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. Учебник для магистратуры. – М., 2018.
- От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли. Финский опыт сокращения числа заключенных / Сост. И.Г. Ясавеев. – Хельсинки, 2012.
- Ромашов Р., Тонков Е. Тюрьма как «Град земной». – СПб: Алетейя, 2014.
- Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999.
- Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. – Apocalypse Publishing, Co, 1990.
- Christie N. Limits to Pain. – Oxford: Martin Robertson, 1981.
- Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. – SAGE, 2008.
- Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. – Oxford University Press, 2003.
- Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. – Oxford University Press, 2003.
- Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. – Oslo-London, 1974.
- Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. – NY: Random House, 1996.
- Santino U., La Fiura G. Behind Drugs. – Edizioni Gruppo Abele, 1993.

Gorazd Meško

Police Reforms and Research – Community Policing, Integrity and Legitimacy - Experiences from Slovenia

Результаты полицейской реформы – работа с гражданами, законность и профессиональная этика – опыт Словении

Аннотация. Словения обрела независимость в 1991 году и провела символические реформы (например, милиция была переименована в полицию). Существенные реформы начались в 1998 году с принятием нового Закона о полиции. Новый закон существенно изменил полномочия полиции и ввел гражданский надзор над ее действиями. Главное полицейское управление также приобрело автономию в рамках Министерства внутренних дел. В 2013 году был принят новый закон, целью которого стала децентрализация полиции и укрепление сотрудничества между полицией и гражданами. Ведущие идеи новой полиции: умение договариваться, работа с общественностью и работа на основе разведанных. Все нововведения и усилия по улучшению работы полиции в Словении отражаются в подготовке полицейских. Требуемый уровень образования для базовых полицейских задач был повышен со средней школы до высшего образования. В данном исследовании представлен обзор исследований полицейской реформы за последние двадцать лет. Эти исследования подтверждают существование многообещающего движения в сторону работы полиции, основанной на доказательствах.

Abstract. After the Slovenian independence in 1991 and symbolic reforms (e.g. renaming militia to police), a significant milestone of police reforms started in 1998 with the adoption of the new Police Act. The Police Act which significantly changed police powers and introduced a civilian oversight of policing. The General Police Directorate also became an autonomous body within the Ministry of the Interior. In 2013, the adoption of new police legislation aimed at decentralisation, defining cooperation between the police and local communities. Problem-solving, community policing and intelligence-led policing are the leading ideas of policing. All legislative changes and efforts to improve policing in Slovenia are

reflected in police training. The required level of education for basic police tasks increased from a secondary school to higher education qualification. Selected studies related to police reforms in the past twenty years are presented. The studies prove a promising direction towards evidence-based policing in Slovenia.

Ключевые слова. Полиция, реформы, исследования, Словения
Key words: Policing, reforms, research, Slovenia

Introduction

The goal of this paper is to give an overview of changes in the Slovene Police and policing over the past 25 years and some changes in policing. Since 1990, policing has changed significantly both in conceptual and formal-organisational terms. The transformation of policing in Slovenia is a process. From the present position, a quarter of a century after the independence of Slovenia, changes in the area of police work are still occurring to reflect contemporary security challenges and ideals of policing in a democratic society.

Slovenia is a Central-European country, which declared its independence from Yugoslavia on 25 June 1991. The declaration of independence was followed by a short War of Independence, the departure of the Yugoslav People's Army from Slovenia in October 1991, the adoption of a new constitution in December 1991, and broad international recognition of the country from December 1991 to May 1992. In 1992, Slovenia joined the United Nations, as well as the Organisation for Security and Cooperation in Europe (OSCE). In the following years, it also joined other major international political, security, and economic organisations, such as the Council of Europe (1993), the European Union (2004), NATO (2004) and the Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD) (2010). All these changes have had an impact on the development of policing, especially joining the European Union, taking into consideration processes of unification and harmonisation of legislative, policy and strategic perspectives.¹

Policing in Slovenia after 1991 may be characterised by several attempts aiming at initiating police reforms. The following sections discuss these changes from the legislative and organisational points of view. The development of community policing as an organisational strategy have had an impact on training, as well as the accountability and integrity of the Slovene Police. The following section examines the major transformations in the organisation of the police in Slovenia after its independence in 1991. Since 1991, police in Slovenia has been characterised by several police reforms introduced to bring the police closer to the democratic style of policing.² Despite certain obstacles related to the police organisation and professional culture, some notable changes have been achieved. The following sections analyse the police reforms based on two criteria: a formal one, which is primarily related to the adaptation of legislation governing police work, and a substantive one, which is related to the introduction of new methods and strategies of policing.

¹ Meško G., Lobnikar B., Jere M., Sotlar A. (2013). 'Recent Developments of Policing in Slovenia'. In Meško G., Fields C. B., Lobnikar B., Sotlar A. (eds), *Handbook on Policing in Central and Eastern Europe*. New York: Springer, pp. 57–81.

² Meško G., Lobnikar B., Jere M., Sotlar A. (2013). 'Recent Developments of Policing in Slovenia'. In Meško G., Fields C. B., Lobnikar B., Sotlar A. (eds), *Handbook on Policing in Central and Eastern Europe*. New York: Springer, pp. 57–81.

Reforms – Symbolic and Legal

The very first police reforms introduced in 1991, just after Slovenia had become independent, were symbolic, yet important—the former ‘*milica*’ was renamed the ‘police’, and the insignias were replaced.¹ The next challenge was to draw a clear distinction between law enforcement authorities and security and intelligence services. Already in 1991, the security and intelligence services had been removed from the Ministry of the Interior and stripped of their law enforcement powers. The Constitution of 1991² explicitly prohibited members of the police and armed forces from being members of a political party, which is still the case today.

As the changes made to the political system were driven by demands for democratisation and respect for human rights, the societal changes in Slovenia led to significant transformations in the criminal justice system in general and to policing in particular. The 1991 Constitution put a great deal of emphasis on the protection of human rights and fundamental freedoms. It enacted several rights directly relevant to police practices, such as the introduction of *Miranda* rights and *Habeas Corpus*, substantial limitations with respect to pre-trial detention, as well as to search and seizure powers, and the reinforcement of the protection of privacy and fundamental rights in criminal proceedings, such as the right to counsel and the right to cross-examine a hostile witness. The 1991 Constitution also gave a basis for the establishment of two institutions: the Constitutional Court and the Ombudsman, which have had an important influence on police practices in Slovenia.

New legislation governing the criminal procedure and, in particular, the pre-trial investigation, which was adopted in 1995, introduced adversarial elements in the pre-trial and trial stages of proceedings and reinforced judicial control over police powers through strict warrant requirements and broad judicial powers to exclude illegally obtained evidence.³ In 1993, Slovenia became a member of the Council of Europe and ratified the European Convention on Human Rights.⁴

A landmark institutional reform of the police was introduced in 1998 with the adoption of a new Police Act. It established the General Police Directorate as an autonomous body within the Ministry of the Interior. The Police Act also introduced the Office of Director General of the Police, whereas the police were previously headed by the Minister of the Interior. Since 1998, this position has been reserved for a professional and not a political appointee. The Director General of the Police is a civil servant, appointed and dismissed by the government upon the proposal of the Minister of the Interior. Furthermore, the Police Act of 1998 significantly altered basic police powers, for instance, by limiting the powers to stop and search, abolishing preventive identification checks and preventive detentions, as well as notably raising the threshold for the application of coercive measures.⁵

¹ Kolenc T. (2003). *The Slovene Police*. Ljubljana: Ministry of the Interior of the Republic Slovenia, Police, General Police Directorate.

² Ustava Republike Slovenije [Constitution of the Republic of Slovenia]. (1991). Official Gazette (33/91-I).

³ Meško G., Klemenčič G. (2007). ‘Rebuilding Legitimacy and Police Professionalism in an Emerging Democracy: The Slovenian Experience’. In Tyler T. R. (ed.), *Legitimacy and Criminal Justice*. New York: Russell Sage Foundation, pp. 84–115.

⁴ Meško G., Maver D. (2010). ‘On Police and Policing in Slovenia: Obstacles and Challenges’. In Roberson C., Das D. K., Singer J. K. (eds), *Police Without Borders: The Fading Distinction between Local and Global*. New York: CRC Press, pp. 87–109.

⁵ Meško G., Klemenčič G. (2007). ‘Rebuilding Legitimacy and Police Professionalism in an Emerging Democracy: The Slovenian Experience’. In Tyler T. R. (ed.), *Legitimacy and Criminal Justice*. New York: Russell Sage Foundation, pp. 84–115.

In 1998, civilian oversight was introduced in the area of resolving complaints involving police ill-treatment. A Department for the Prosecution of Officials with Special Authorisations within the Specialised Department of the Office of the State Prosecutor General was established in 2007, thus moving the investigation of police officers suspected of having committed criminal offences to a body independent of the police organisation.¹

In 2001, the pre-trial investigation process undertaken by the police was brought under closer control of public prosecutors as part of the criminal investigation process. Despite remaining within the institutional framework of the police organisation, the section of the police working on solving crimes has become, in operational terms, fully subordinated to the prosecution service.

Within the Criminal Police Directorate, the National Bureau of Investigation was established in 2010 as a specialist criminal investigation unit for detecting and investigating economic crime, corruption, and other forms of serious crime.² At the beginning of 2013, new police legislation was adopted, namely the Police Tasks and Powers Act³ and the Organisation and Work of the Police Act.⁴

The Organisation and Work of the Police Act provides for the decentralisation and strengthening of the independence and autonomy of police directorates at the regional level and defines the cooperation between the police and local communities in terms of community policing. The Act also prescribes the concept of integrity, which had not previously appeared in a legislative context, by stating that the police should ensure the organisational and personal integrity of the police organisation employees.

Policing in Local Communities – On Safety and Security Partnership

Apart from the legal and organisational reforms described in the previous section, the main substantive changes in policing were characterised by the introduction of community policing as an official organisational policy. In Slovenia, community policing was introduced as part of the democratisation process and the process of transposing western ideas about police work⁵, but one has to bear in mind that community policing in a specific form existed in the previous political regime.⁶ Like many other postsocialist countries, Slovenia followed the concept of community policing along the lines of western democracies at the declarative level, however, due to the hastily introduced practices and the lack of understanding of the underlying philosophy and basic

¹ Meško G., Klemenčič G. (2007). ‘Rebuilding Legitimacy and Police Professionalism in an Emerging Democracy: The Slovenian Experience’. In Tyler T. R. (ed.), *Legitimacy and Criminal Justice*. New York: Russell Sage Foundation, pp. 84–115.

² Jevšek A., Meško G. (2011). ‘The Slovenian National Bureau of Investigation - an Attempt to Respond to Contemporary Unconventional Forms of Criminality’. In Meško G., Sotlar A., Winterdyk J. (eds), *Policing in Central and Eastern Europe - Social Control of Unconventional Deviance: Conference Proceeding*. Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede, pp. 243–257.

³ Zakon o nalogah in pooblastitih policije [Police Tasks and Powers Act]. (2013). Official Gazette (15/13).

⁴ Zakon o organiziranosti in delu v policiji [Organisation and Work of the Police Act] (2013). Official Gazette (15/13).

⁵ Meško G. (2009). ‘Transfer of Crime Control Ideas – Introductory Reflections’. In Meško G., Kury H. (eds), *Crime Policy, Crime Control and Crime Prevention – Slovenian Perspectives*. Ljubljana: Tipografija, pp. 5–19.

⁶ Lobnikar B., Meško G. (2010). ‘Responses of Police and Local Authorities to Security Issues in Ljubljana, the Capital of Slovenia’. In Cools M., De Kimpe S., Dormaels A., Easton M., Enhus E., Ponsaers P. (eds), *Police, Policing, Policy and the City in Europe*. The Hague: Eleven International Publishing, pp. 161–179.

requirements, the implementation of community policing during the first decade following Slovenia's independence was characterised by various problems. In 1992, the police reorganisation at the local level led to the transformation of 635 former security zones into 318 newly established policing areas headed by 318 community policing officers (CPOs). A policing area is part of a territory falling under the authority of a specific police station, which is designated for the direct implementation of specific tasks carried out by the police and for establishing cooperation between the police and citizens, local community bodies, and other entities involved in providing.¹

Since then, the CPO has been the head of a community policing service, whose tasks, apart from traditional policing tasks, also include activities undertaken within local government advisory bodies, the provision of advice and warnings, the organisation and implementation of preventive projects and other activities, child and adult education, as well as informal socialising and networking. By introducing the position of the CPO, the police aimed to re-establish a particular aspect of police work that involves policing within the local community. The strategy of the community(-oriented) policing requires greater engagement on the part of police officers by cooperating with citizens and other entities within a given community policing area.²

The provision of security at the local level is the responsibility of the police alone. The Organisation and Work of the Police Act recommends that the police cooperate with local communities in areas related to crime prevention and other local security issues. Therefore, councils, committees, commissions and other similar forms of local security partnerships were established. The Local Self-government Act³ allows the establishment of councils and committees operating as working bodies within a municipal council. However, both provisions are more or less recommendatory. Article 21 of the Local Self-government Act defines the tasks a municipality is required to perform to meet the needs of its residents. Among other tasks, municipalities are also responsible for the environmental protection (air, soil, and water protection; waste collection and disposal and protection from noise pollution), as well as the legal regulation of road traffic in the municipality. The municipal warden service exercise control over local events, maintain order in the municipality, provide fire safety and rescue assistance, as well as assistance and rescue in case of natural and other disasters, and respond to minor offences and issues fines for the violation of municipal regulations.

The Act on Local Police⁴ requires annual municipality security plans to be coordinated between the police and the local municipality. Upon the proposal of the mayor, the municipal council adopts a municipal security programme based on an assessment of the security situation within the municipality. The purpose of such a municipal security programme is to systematically ensure the quality of public spaces, which includes residents' satisfaction with their living and working environment, as well as to establish a partnership between the police and the municipal warden service in the area of the local safety provision.⁵ The mayor and the CPO are responsible for

¹ Meško G. (2011). 'V skupnost usmerjeno policijsko delo – Izziv za Slovensko policijo? [Community Oriented Policing – A Challenge for the Slovenian Police?]'. *Teorija in praksa* 38(2): 272-289.

² Meško G., Lobnikar B. (2005). 'The Contribution of Local Safety Councils to Local Responsibility in Crime Prevention and Provision of Safety'. *Policing: An International Journal of Police Strategies and Management* 28(2): 353-373.

³ Zakon o lokalni samoupravi [Local Self-government Act]. (2007). Official Gazette (94/07).

⁴ Zakon o občinskem redarstvu [Act on Local Police]. (2006). Official Gazette (106/06).

⁵ Gostič Š. (2007). 'Občinski program varnosti kot strateški dokument za zagotavljanje varnosti v lokalni skupnosti [Municipal Programme of Safety as a Strategic Document for Providing Safety in

ensuring regular cooperation between the municipal warden service and the police.

The national policy guidelines for preventing crime in Slovenia are also worth mentioning; they form part of the Resolution of the National Plan on Preventing and Combating Crime for the 2012–2016 Period. The Resolution stresses the importance of a systematic and coordinated implementation of all activities performed by governmental institutions, civil society, and citizens that could in any way contribute to crime prevention and control.¹ The constant and long-term provision of safety for the people of the Republic of Slovenia, which consequently ensures that people feel safe, is the fundamental goal of the Resolution. One of its general objectives is also to improve cooperation between law enforcement authorities, criminal justice authorities, state authorities, local communities, research organisations, and non-governmental organisations. Along with the new police legislation from 2013, a new strategy on community policing was adopted in 2013. The strategy follows the legislative provisions, particularly by emphasising the autonomy of police stations, which must adapt their activities to the needs and interests of local communities regarding security. The new strategy declares that community policing is a comprehensive police approach based on preventive work, but does not exclude the repressive tasks of CPOs. The strategy includes a rather novel approach to the proclaimed orientation by stating that apart from CPOs, other police officers are also obliged to make their contribution to community policing, as they all serve the people. This strategy implies the ideas of protecting and serving Slovenia's citizens and other residents. In this regard, it does not only point to the legality perspectives of policing, but also to the legitimacy of police actions, which is considered an important aspect of the Slovene Police.² A new resolution on crime prevention and suppression³ places community policing at the centre of policing (local) communities in the country. Community policing aims at problem-solving and attempts to complement the new criminal investigation model in Slovenia by using intelligence-led policing (ILP) and crime analytics as a starting point.⁴ The ILP can be described as a collaborative enterprise based on improved intelligence operations and community policing. The merging of ILP and community policing also requires a re-evaluation of crime investigation strategies and policies, a process that is still in its initial phase. Community policing officers are important professional partners in a criminal investigation because they are well acquainted with their policing areas and security problems in their areas. In this case, the CPOs play a vital role in prevention as well as criminal investigation activities.

Local Communities']. In Lobnikar B. (ed.), *Zbornik prispevkov 8. Slovenski dnevi varstvoslovja*. Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede, pp. 1–10.

¹ Anželj D. (2011). 'Predstavitev Resolucije o nacionalnem programu preprečevanja in zatiranja kriminalitete za obdobje 2012-2016, pp. 1–17 [Presentation of the Resolution on the National Plan for Preventing and Combating Crime 2012-2016]'. In Pavšič Mrevlje T. (ed.), *Zbornik prispevkov 12. Slovenski dnevi varstvoslovja*. Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede.

² Meško G., Bobnar T., Ivančič R., Ogulin J. (2017). 'Strategija policijskega dela v skupnosti 2013 – Izkušnje in Izzivi [Strategy of Community Policing in 2013 – Experiences and Challenges]'. In Pavšič Mrevlje T., Modic M., Flander B., Areh I. (eds), *18. Dnevi Varstvoslovja*. Maribor: Univerza v Mariboru, p. 14.

³ Ministrstvo za notranje zadeve. (2019). 'Resolucija o Nacionalnem Programu Preprečevanja in Zatiranja Kriminalitete' [Resolution on the Prevention and Suppression of Crime].

⁴ Potparić D., Wilson H. N. (2013). 'Relationship between Intelligence-Led Policing and Community Policing: Conceptual and Functional Considerations for National Criminal Intelligence Model in Slovenia'. In Meško G., Sotlar A., Greene J. R. (eds), *Criminal Justice and Security - Contemporary Criminal Justice Practice and Research: Conference Proceedings*. Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede, pp. 113–124.

Police Integrity and Legitimacy

There are two prerequisites for successful policing: the legal operation of police organisations and an adequate level of legitimacy. Legality is a necessary, albeit not a sufficient condition for the success of the police organisation. Successful policing requires an adequate level of legitimacy and public approval. One method for assessing trust in and the legitimacy of policing is by monitoring public opinion regarding the police and their work. The results of public opinion surveys should become a tool for everyday decisionmaking, as well as for the strategic management of the police. As demonstrated by a body of research on the legitimacy of police organisations, public opinion is a perception based on previous experience that has a significant impact on one's future behaviour. Therefore, monitoring public opinion regarding the police is not simply the latest fad or a good public relations technique, but an essential tool for ensuring the successful professional conduct of the police. Public attitudes to the police are fundamental for successful policing since the police depend on the people to report and provide information about crime and to testify as witnesses in court proceedings.¹ However, the public is divided in its attitudes to the police, which is problematic because it hinders the police from functioning effectively.² By summarising findings from considerable amount of research on trust³ in and the legitimacy of policing, one could emphasise that public opinion regarding the police and their work shapes citizens' behaviour in reaction to the police.⁴ Therefore, the police should learn about the public's opinion.⁵ Moreover, it should become their key concern, which is why the Slovene Police supported research into the concepts of legitimacy and self-legitimacy⁶ of police officers in Slovenia.⁷

Integrity is emphasised in the Police Tasks and Powers Act that states that police officers shall observe the code of professional conduct and strengthen the integrity of the police when performing police tasks.⁸ The Organisation and Work of the Police Act⁹ refers to integrity and internal security within the police. It stipulates that the police shall ensure internal security by applying internal security procedures to prevent, detect, evaluate, and analyse potential risks threatening the internal security of the police, and take measures to reduce the risks of degrading the integrity of police employees and police units.

A National Working Group on Police Integrity was established within the police (from 2008 to 2010) to strengthen the accountability and legitimacy of the Slovene Police. This group was later transformed into the Integrity and Ethics Committee in the Police in 2011.

¹ McConville M., Shepherd D. (1992). *Watching Police, Watching Communities*. London: Routledge.

² Sunshine J., Tyler T. (2003). 'The Role of Procedural Justice and Legitimacy in Shaping Public Support for Policing'. *Law and Society Review* 37(3): 513–547.

³ Lobnikar B., Sotlar A., Modic M. (2015). 'Do We Trust Them? Public Opinion on Police Work in Plural Policing Environments in Central and Eastern Europe'. In Meško G., Tankebe J. (eds), *Trust and Legitimacy in Criminal Justice: European Perspectives*. Cham: Springer, pp. 189–203.

⁴ Reisig M., Tankebe J., Meško G. (2012). 'Procedural Justice, Police Legitimacy, and Public Cooperation with the Police among Young Slovene Adults'. *Varstvoslovje* 14(2): 147–164.

⁵ Reisig M., Tankebe J., Meško G. (2014). 'Compliance with the Law in Slovenia: The Role of Procedural Justice and Police Legitimacy'. *European Journal on Criminal Policy and Research* 20(2): 259–276.

⁶ Tankebe J., Meško G. (2015). 'Police Self-Legitimacy, Use of Force, and Pro-Organizational Behavior in Slovenia'. In Meško G., Tankebe J. (eds), *Trust and Legitimacy in Criminal Justice: European Perspectives*. Cham: Springer, pp. 261–277.

⁷ Meško G., Tankebe J. (eds) (2015). *Trust and Legitimacy in Criminal Justice: European Perspectives*. Cham: Springer.

⁸ Zakon o nalogah in pooblastilih policije [Police Tasks and Powers Act]. (2013). Official Gazette (15/13).

⁹ Zakon o organiziranosti in delu v policiji [Organisation and Work of the Police Act] (2013). Official Gazette (15/13).

The Integrity and Ethics Committee in the Police is a consultative body of the Director General of the Police and consists of experts employed by the Police. Its goal is to systematically examine and issue strategic proposals, innovations, questions and dilemmas in the fields of integrity and ethics, the Code of Police Ethics, equal opportunities, conflict management, interpersonal relations and the organisational climate within the Police. The Committee also delivers opinions, participates in preparing and implementing integrity plans, and is in charge of managing conflict situations in the Police.

The Committee is independent in its work – it functions separately from supervisory activities, complaints procedures, and internal security procedures within the police. To carry out their work, Committee members cooperate with experts and institutions that are involved in scientific studies or professionally active in areas falling under the scope of the Committee's competence.¹

Selected Research on Policing in Slovenia

All police reforms and developments have been followed up by researchers. There was a great deal of interest in researching the development of policing in Slovenia. The following section of the paper presents some research findings on the policing in Slovenia.

Meško and Lobnikar² conducted a study focused on the functioning of local safety councils in Slovenia. Findings show that in terms of solving local safety problems, *ad hoc* approaches are based on a temporary partnership in which the police represent the most active participant according to more than 50% of respondents. More than 80% (53 police officers and 89 representatives of local governments) of respondents opined that the police performs its tasks well and that the local administration should cooperate more closely in solving local safety problems and preventing crime. According to respondents, the police bear the greatest responsibility for local crime control and safety problems, followed by local/city administrations, individuals, schools, social services, and families. Social (crime) prevention measures are recognised as priorities, whereas the least appropriate preventive measures seem to be citizen's patrols, private security at schools, police repression—strict law enforcement, designing out crime, private security, situational crime prevention, and personal and property insurance. In another study, Meško and Sotlar³ found out that the lack of knowledge- and evidence-based approaches were one of the main challenges for more efficient local safety efforts in Slovenia. Instead, crime prevention activities were often directed by action (ad-hoc) and common sense. Concerning the latter, one could also discuss public opinion-led policymaking, which is a new phenomenon leading to the exclusion of criminological expertise from crucial crime prevention issues.⁴

¹ Lobnikar B., Meško G., Šumi R. (2014). 'Police Integrity Surveys and Implementation of Findings within the Slovenian Police'. In Hovens L. J. (ed.), *Building Police Integrity: A Post-Conflict Perspective*. The Hague: Royal Netherlands Marechaussee, pp. 249–271; Lobnikar B., Meško G. (2015). 'Perception of Police Corruption and the Level of Integrity among Slovenian Police Officers'. *Global Issues in Contemporary Policing* 16(4): 341–353.

² Meško G., Lobnikar B. (2005). 'The Contribution of Local Safety Councils to Local Responsibility in Crime Prevention and Provision of Safety'. *Policing: An International Journal of Police Strategies and Management* 28(2): 353–373.

³ Meško G., Sotlar A. (2012). 'Preprečevanje kriminalitete v lokalnih skupnostih - med ad hoc pristopi in na znanju temelječih preventivnih dejavnostih. [Prevention of Crime in Local Communities – Between Ad Hoc Approaches and Knowledge-Based Prevention Activities]'. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo* 63(3): 229–239.

⁴ Meško G. (2009). 'Transfer of Crime Control Ideas – Introductory Reflections'. In Meško G., Kury H. (eds),

Different surveys have dealt with the issue of effectiveness and efficiency of community policing and their perception among police officers and the general public. In 2010, a study on local security provision was conducted among mayors and local safety council members from 42 Slovene municipalities. On the one hand, respondents' willingness to cooperate with the police was found to be high; on the other hand, police-community cooperation was found to be quite low.¹ A nationwide study established that cooperation between the police and municipal administrations exists mainly on a case-by-case and informal basis.² Another study partly confirmed the results presented in the study conducted by Gorenak and Gorenak³, since it showed that citizens' willing to cooperate with the police was much higher than police officers believed it to be.⁴ Another study conducted in 2011 aimed at examining whether Slovene police officers' views on citizen – police relationships and community policing had changed in the period from 2006 to 2011⁵ by using the same set of questions regarding community policing in 2006 and 2011. Authors compared officers' perceptions regarding the various perspectives of police-citizen relationships and their relationship with police work and community policing before and after the more active promotion of community policing. Police officers were asked to assess their perceptions of the overall mission of the police organisation: 'Officers in the police department are aware of its overall mission.' The results showed that there was an increase in the number of officers who noted their awareness between 2006 (37%, mean = 3.16) and 2011 (50%, mean = 3.43). The authors asked officers about the extent to which they agreed on their most important responsibility by presenting them with the following statement: 'Enforcing the law is by far a police officer's most important responsibility.' While 59% of officers (mean = 3.71) agreed with the statement in 2006, only a third of respondents (30%, mean = 3.10) agreed with it in 2011. The results suggest that there was a statistically significant difference between police officers' perceptions in 2006 and 2011 ($t = 13.35$; $P = 0.00$). The previous finding suggested that in 2011, officers appeared to disagree with responses from 2006 regarding the fact that law enforcement was the most important responsibility of the police. To clarify this result, researchers asked the respondents the extent to which they agreed with the following statement: 'Officers in my unit know that their primary duty is to serve the people of the community.' There was a slight increase in the percentage of officers who believed that officers in their unit felt that their primary duty was to serve the people in the community when comparing data from 2006 (33%,

mean = 3.08) with data from 2011 (41%, mean = 3.28). The mean differences were statistically significant ($t = -3.92$; $P = 0.00$). The previous finding suggested that in 2011, there was a greater consensus among officers about the value and importance of the community as the central focus of their duties. Consistent with this topic, respondents were also asked about the usefulness of community policing with the following statement: 'Community policing is a waste of time and has no value whatsoever.' Compared to the groups of respondents in 2006 (72%, mean = 2.14), fewer officers agreed with such a negatively worded statement in 2011 (37%, mean = 1.84). This statistically significant finding ($t = 5.85$) was similar to the trend observed in the officers' assertion regarding the importance of citizens in police operations.

Lobnikar *et al.*¹ developed a questionnaire, comprising four interdependent areas of measurement that are closely connected to the nature of community policing. The applied scales included (1) 'quality of contact with the police' (citizens believe that the police may have a direct impact on the success of partnerships between the police and the community), (2) 'perception of crime and disorder' (disorder, fear, and serious crime form a causal chain resulting in a spiral and leading to a neighbourhood decline), (3) 'personal fear' (fear weakens community cohesion and consequently leads to the dissipation of informal social control), and (4) 'community cohesion' (when community cohesion is absent, social control collapses). The survey was conducted on a representative sample of 1,506 Slovene residents, and the measurement made it possible to calculate the index of community policing implementation in local communities on the scale from 20 (minimum) to 100 (maximum). Respondents highlighted the issue of waste accumulation in their local environment as the security problem that raises the greatest concern, whereas almost one-third of respondents believed that police officers were not impartial, objective, and fair in carrying out police procedures. The results show that Slovene residents generally feel safe in their communities and that—following a decade of planning community policing in Slovenia—the community policing index, calculated on the basis of applied measurements, amounted to 69 (out of 100). The implementation of community policing was evaluated better in rural areas, while there were no statistically significant differences when using gender as a criterion. Younger respondents evaluated the quality of police-citizen contacts as less favourable and expressed their concerns about their potential victimisation more frequently than older respondents.²

The overall findings of different studies show that today, the Slovene Police generally possesses more favourable views of the overall mission of citizen-centred policing, as officers held more positive views of the usefulness and value of community policing, which in turn led to increasingly favourable attitudes towards citizen–police cooperative efforts and community building.

Crime Policy, Crime Control and Crime Prevention – Slovenian Perspectives. Ljubljana: Tipografija, pp. 5–19.

¹ Gorenak V., Gorenak I. (2011). 'Dejavniki pripravljenosti lokalnih skupnosti za sodelovanje s policijo v Sloveniji [Factors of Local Communities' Willingness to Cooperate with the Police in Slovenia]'. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo* 62(3): 253–262.

² Meško G., Sotlar A., Lobnikar B., Jere M., Tominc B. (2012). *Občutek ogroženosti in vloga policije pri zagotavljanju varnosti na lokalni ravni [Feelings of Insecurity and the Role of Police in Local Safety Provision]*. Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede.

³ Gorenak V., Gorenak I. (2011). 'Dejavniki pripravljenosti lokalnih skupnosti za sodelovanje s policijo v Sloveniji [Factors of Local Communities' Willingness to Cooperate with the Police in Slovenia]'. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo* 62(3): 253–262.

⁴ Meško G., Sotlar A., Lobnikar B., Jere M., Tominc B. (2012). *Občutek ogroženosti in vloga policije pri zagotavljanju varnosti na lokalni ravni [Feelings of Insecurity and the Role of Police in Local Safety Provision]*. Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede.

⁵ Nalla M., Modic M., Meško G. (2014). 'Community Policing Reforms and Organizational Changes: An Assessment of Officers' Perceptions of Community-Police Relations in Slovenia'. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo* 65(4): 272–286.

¹ Lobnikar B., Prisljan K., Modic M. (2016). 'Merjenje uspešnosti implementacije policijskega dela v skupnosti v Sloveniji [Measuring the Effectiveness of Implementing Community Policing in Slovenia]'. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo* 67(2): 89–110.

² Lobnikar B., Prisljan K., Modic M. (2016). 'Merjenje uspešnosti implementacije policijskega dela v skupnosti v Sloveniji [Measuring the Effectiveness of Implementing Community Policing in Slovenia]'. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo* 67(2): 89–110.

Concluding Remarks

As it was demonstrated, policing in Europe and Slovenia is increasingly becoming a knowledge-based activity, which includes strengthened educational standards for policing. Trends, such as international police cooperation¹, seeking legitimacy² in a competitive environment among other stakeholders operating in the field of providing security, as well as the development of research and educational activities within policing (including attempts to provide the grounds for a modern police science), are bringing the police closer to the standards of a classic profession. In Slovenia, a body of research on the police, financed, among others, by the Ministry of the Interior, has shown the openness and benevolence of the police concerning scientific contributions over the past two decades. At present several research projects on policing are being conducted at the Institute of Criminal Justice and Security: Safety and security in local communities – a comparison between rural and urban settings (2019-2024); Plural policing (2018-2020); Prevention of radicalisation (as a part of community policing) (2018-2020).

It is also necessary to mention that the Faculty of Criminal Justice and Security, University of Maribor, has been developing criminology and criminal justice research, particularly on police and policing, since the mid-1990s. In particular, the Chairs of Policing and Security Studies, and Criminology have been actively involved in the majority of police reforms in the past three decades, therefore providing the Slovene Police with knowledge, research, and discussions (round tables, national and international conferences) on the development of policing in Slovenia and in general.

Nevertheless, a substantial amount of research could not be done without the interest and support of the Slovenian police, especially in regard to organisation of conferences on Policing in Central and Eastern Europe (1996, 1998, 2000, 2002, 2004, 2006, 2008, 2010, 2012, 2014, 2016, and 2018), as well as (co)financing research projects on police integrity), community policing and security partnerships, victims of crime and their satisfaction with police investigations, community policing and the provision of security in local communities, legitimacy of police and policing, and a research project on local safety and security (2015–2018; 2019-2024), which includes the continuation of the previous research on community policing.

It is also necessary to mention that Slovenian »police and policing« researchers have successfully defended their doctoral dissertations based on their research on police and policing, starting with Janez Pečar (1964, on the role of councils competent for the internal affairs), Darko Maver (1984, on criminal investigation), Andrej Anžič (1995, on parliamentary oversight of security services), Gorazd Meško (1998, on police personality and police officers' attitudes towards marginal social groups), Darko Anželj (1999, on organisation and leadership in the police). Tomaž Čas (1999, on private security), Anton Dvoršek (2000, on criminal investigation strategies), Kristija Musek Lešnik (2002, on personal and work-related values of police officers), Bojana Virjent (2002, on sociolinguistic factors in police encounters with foreigners), Irena Gorenak (2006, on police subculture and communication), Janez Mekinc (2007, on ethics in police

management), Miroslav Žaberl (2007, on legal perspectives of policing), Sotlar (2007, on police-private security cooperation), Jurij Ferme (2009, policing – between state and local administration), Emanuel Banutai (2012, competencies of police leaders), Maja Modic (2013, police officers and citizens about local safety and security), Tinkara Pavšič Mrevlje (2013, posttraumatic stress in criminal investigators), Damijan Potparič (2014, on intelligence-led policing), and Bruno Blažina (2018, on suicide of police officers). This body of work proves both – that researchers have been specialised in police topics and that the police chiefs have expressed their interest in research and some of them proved themselves to be able to achieve a doctoral level of education. In my opinion, this is a significant factor contributing to understanding both professional environments that contribute to the development of practice and research in the field of policing.

Literature

Anželj D. (2011). 'Predstavitev Resolucije o nacionalnem programu preprečevanja in zatiranja kriminalitete za obdobje 2012-2016, pp. 1–17 [Presentation of the Resolution on the National Plan for Preventing and Combating Crime 2012-2016]'. In Pavšič Mrevlje T. (ed.), *Zbornik prispevkov 12. Slovenski dnevi varstvoslovja*. Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede.

Gorenak V., Gorenak I. (2011). 'Dejavniki pripravljenosti lokalnih skupnosti za sodelovanje s policijo v Sloveniji [Factors of Local Communities' Willingness to Cooperate with the Police in Slovenia]'. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo* 62(3): 253–262.

Gostič Š. (2007). 'Občinski program varnosti kot strateški dokument za zagotavljanje varnosti v lokalni skupnosti [Municipal Programme of Safety as a Strategic Document for Providing Safety in Local Communities]'. In Lobnikar B. (ed.), *Zbornik prispevkov 8. Slovenski dnevi varstvoslovja*. Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede, pp. 1–10.

Jevšek A., Meško G. (2011). 'The Slovenian National Bureau of Investigation - an Attempt to Respond to Contemporary Unconventional Forms of Criminality'. In Meško G., Sotlar A., Winterdyk J. (eds), *Policing in Central and Eastern Europe - Social Control of Unconventional Deviance: Conference Proceedings*. Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede, pp. 243–257.

Kolenc T. (2003). *The Slovene Police*. Ljubljana: Ministry of the Interior of the Republic Slovenia, Police, General Police Directorate.

Lobnikar B., Meško G. (2010). 'Responses of Police and Local Authorities to Security Issues in Ljubljana, the Capital of Slovenia'. In Cools M., De Kimpe S., Dormaels A., Easton M., Enhus E., Ponsaers P. (eds), *Police, Policing, Policy and the City in Europe*. The Hague: Eleven International Publishing, pp. 161–179.

Lobnikar B., Meško G. (2015). 'Perception of Police Corruption and the Level of Integrity among Slovenian Police Officers'. *Global Issues in Contemporary Policing* 16(4): 341–353.

Lobnikar B., Meško G., Šumi R. (2014). 'Police Integrity Surveys and Implementation of Findings within the Slovenian Police'. In Hovens L. J. (ed.), *Building Police Integrity: A Post-Conflict Perspective*. The Hague: Royal Netherlands Marechaussee, pp. 249–271.

Lobnikar B., Prisljan K., Modic M. (2016). 'Merjenje uspešnosti implementacije policijskega dela v skupnosti v Sloveniji [Measuring the Effectiveness of Implementing Community Policing in Slovenia]'. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo* 67(2): 89–110.

Lobnikar B., Sotlar A., Modic M. (2015). 'Do We Trust Them? Public Opinion on Police Work in Plural Policing Environments in Central and Eastern Europe'. In Meško G., Tankebe J. (eds), *Trust and Legitimacy in Criminal Justice: European Perspectives*. Cham: Springer, pp. 189–203.

McConville M., Shepherd D. (1992). *Watching Police, Watching Communities*. London: Routledge.

Meško G. (2011). 'V skupnost usmerjeno policijsko delo – Izziv za Slovensko policijo? [Community Oriented Policing – A Challenge for the Slovenian Police?]'. *Teorija in praksa* 38(2): 272-289.

¹ Meško G., Furman R. (2014). 'Police and Prosecutorial Cooperation in Responding to Transnational Crime'. In Reichel P., Albanese J. (eds), *Handbook of Transnational Crime and Justice*. Los Angeles: Sage, pp. 323–352.

² Meško G., Tankebe J. (eds) (2015). *Trust and Legitimacy in Criminal Justice: European Perspectives*. Cham: Springer.

Meško G. (2009). 'Transfer of Crime Control Ideas – Introductory Reflections'. In Meško G., Kury H. (eds), *Crime Policy, Crime Control and Crime Prevention – Slovenian Perspectives*. Ljubljana: Tipografija, pp. 5–19.

Meško G., Tankebe J. (eds) (2015). *Trust and Legitimacy in Criminal Justice: European Perspectives*. Cham: Springer.

Meško G., Furman R. (2014). 'Police and Prosecutorial Cooperation in Responding to Transnational Crime'. In Reichel P., Albanese J. (eds), *Handbook of Transnational Crime and Justice*. Los Angeles: Sage, pp. 323–352.

Meško G., Klemenčič G. (2007). 'Rebuilding Legitimacy and Police Professionalism in an Emerging Democracy: The Slovenian Experience'. In Tyler T. R. (ed.), *Legitimacy and Criminal Justice*. New York: Russell Sage Foundation, pp. 84–115.

Meško G., Lobnikar B. (2005). 'The Contribution of Local Safety Councils to Local Responsibility in Crime Prevention and Provision of Safety'. *Policing: An International Journal of Police Strategies and Management* 28(2): 353–373.

Meško G., Maver D. (2010). 'On Police and Policing in Slovenia: Obstacles and Challenges'. In Roberson C., Das D. K., Singer J. K. (eds), *Police Without Borders: The Fading Distinction between Local and Global*. New York: CRC Press, pp. 87–109.

Meško G., Sotlar A. (2012). 'Preprečevanje kriminalitete v lokalnih skupnostih - med ad hoc pristopi in na znanju temelječih preventivnih dejavnostih. [Prevention of Crime in Local Communities – Between Ad Hoc Approaches and Knowledge-Based Prevention Activities]'. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo* 63(3): 229–239.

Meško G., Bobnar T., Ivančič R., Ogulin J. (2017). 'Strategija policijskega dela v skupnosti 2013 – Izkušnje in izzivi [Strategy of Community Policing in 2013 – Experiences and Challenges]'. In Pavšič Mrevlje T., Modic M., Flander B., Areh I. (eds), *18. Dnevi Varstvoslovja*. Maribor: Univerza v Mariboru, p. 14.

Meško G., Lobnikar B., Jere M., Sotlar A. (2013). 'Recent Developments of Policing in Slovenia'. In Meško G., Fields C. B., Lobnikar B., Sotlar A. (eds), *Handbook on Policing in Central and Eastern Europe*. New York: Springer, pp. 57–81.

Meško G., Sotlar A., Lobnikar B., Jere M., Tominc B. (2012). *Občutek ogroženosti in vloga policije pri zagotavljanju varnosti na lokalni ravni [Feelings of Insecurity and the Role of Police in Local Safety Provision]*. Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede.

Ministrstvo za notranje zadeve. (2019). 'Resolucija o Nacionalnem Programu Preprečevanja in Zatiranja Kriminalitete [Draft Resolution on the Prevention and Suppression of Crime].

Ministrstvo za notranje zadeve. (2019). 'Resolucija o Nacionalnem Programu Preprečevanja in Zatiranja Kriminalitete' [Resolution on the Prevention and Suppression of Crime].

Nalla M., Modic M., Meško G. (2014). 'Community Policing Reforms and Organizational Changes: An Assessment of Officers' Perceptions of Community-Police Relations in Slovenia'. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo* 65(4): 272–286.

Potparič D., Wilson H. N. (2013). 'Relationship between Intelligence-Led Policing and Community Policing: Conceptual and Functional Considerations for National Criminal Intelligence Model in Slovenia'. In Meško G., Sotlar A., Greene J. R. (eds), *Criminal Justice and Security - Contemporary Criminal Justice Practice and Research: Conference Proceedings*. Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede, pp. 113–124.

Reisig M., Tankebe J., Meško G. (2012). 'Procedural Justice, Police Legitimacy, and Public Cooperation with the Police among Young Slovene Adults'. *Varstvoslovje* 14(2): 147–164.

Reisig M., Tankebe J., Meško G. (2014). 'Compliance with the Law in Slovenia: The Role of Procedural Justice and Police Legitimacy'. *European Journal on Criminal Policy and Research* 20(2): 259–276.

Sunshine J., Tyler T. (2003). 'The Role of Procedural Justice and Legitimacy in Shaping Public Support for Policing'. *Law and Society Review* 37(3): 513–547.

Tankebe J., Meško G. (2015). 'Police Self-Legitimacy, Use of Force, and Pro-

Organizational Behavior in Slovenia'. In Meško G., Tankebe J. (eds), *Trust and Legitimacy in Criminal Justice: European Perspectives*. Cham: Springer, pp. 261–277.

Ustava Republike Slovenije [Constitution of the Republic of Slovenia]. (1991). Official Gazette (33/91-I).

Zakon o občinskem redarstvu [Act on Local Police]. (2006). Official Gazette (106/06).

Zakon o lokalni samoupravi [Local Self-government Act]. (2007). Official Gazette (94/07).

Zakon o organiziranosti in delu v policiji [Organisation and Work of the Police Act] (2013). Official Gazette (15/13).

Zakon o nalogah in pooblastilih policije [Police Tasks and Powers Act]. (2013). Official Gazette (15/13).

Бавсун М.В.

Предмет и метод уголовного права в условиях трансформации общественных отношений

Transforming Social Matter Affects the Subject and Method of Criminal Law

Анотация. Предмет и метод уголовного права рассматриваются с позиции трансформации общественных отношений, происходящей в последнее столетие. Показано несоответствие базовых уголовно-правовых категорий новому общественному устройству. Обращается внимание на противоположные подходы к их представлению в западном и отечественном уголовных законодательствах, что обусловило принципиальность различий в моделях противодействия преступности. Предлагается свой вариант дальнейшего развития уголовно-правового воздействия через изменение отношения к преступлению и наказанию как базовым категориям уголовного права.

Abstract. The article discusses subject and method of criminal law from the perspective of transformation of social relations in the last century. Author raises a question of the inconsistency of the basic criminal law categories in a new social order. Current work offers a comparison between the Western and local approaches to the basic criminal law concepts and explains how their opposition have led to differences in the criminal countermeasure models. The further development of criminal law demands a change in attitudes towards crime and punishment as the basic categories of criminal law.

Ключевые слова: трансформация, общественные отношения, предмет, метод уголовного права, иные меры уголовно-правового характера.

Keywords: transformation, social order, subject, criminal law method, criminal law measures

Предмет отечественного уголовного права, а также его методы сегодня остаются в тех пределах, в которых они были сформулированы изначально, не подвергаясь какой-либо коррекции. Между тем таковая необходима, так как ни преступление в его традиционном понимании, ни тем более наказание (имеющее карательную сущность) уже не отвечают требованиям предмета и метода уголовного права с учетом тех общественных отношений, которые характерны для современного социума. Интересно, что об ущербе существующего, в том числе и сейчас, подхода, который сводится лишь к преступлению и наказанию за него, в крайне жесткой форме высказывался еще В.С. Соловьев. Он отмечал: «эта «абсолютная» теория преступления и наказания, которую мы назовем *варварскою*, – если ее рас-

смагивать согласно ее собственным требованиям, именно как абсолютную и окончательную, представляет собой одну из самых поразительных диковинок в богатой кунсткамере человеческих заблуждений»¹. С изменением общественных отношений, которые произошли с момента, когда была высказана данная мысль, прошло достаточно времени, но сама она приобрела дополнительную остроту лишь сегодня.

И если еще 30-40 лет назад подобная модель казалась незыблемой, а во взаимодействии с рядом социальных институтов – во многом и эффективной, то в современных условиях сохранение прежних позиций в этом вопросе уже не выглядит настолько бесспорным. Дело в том, что при той тотальности трансформации общественных отношений, которая наблюдается в последние два десятилетия, сохранение прежних позиций в оценке предмета и метода уголовного права становится опасным в силу недооценки объективных условий реальности. Консерватизм в решении этого вопроса к концу прошлого столетия и так уже достиг апогея, а в современной обстановке просто перестал выполнять свои функции, оставаясь не более чем декларацией. Сегодня повсеместно наблюдается реализация концептуально нового подхода в построении общественных отношений, что находит свое проявление на идейном уровне. Подобное становится возможным, в том числе за счет нарушения баланса в существующей иерархии социальных ценностей, отмирания старых и, казалось бы, незыблемых идей и насаждения новых, не всегда воспринимаемых однозначно начал. Меняется мировоззрение в целом, меняется сама парадигма развития, не оставляя места прежним категориям в их неизменном и привычном для нас виде. Прямое подтверждение данному тезису можно встретить в современной юридической, философской, социологической и иной литературе, где все активнее речь идет уже даже не о формировании общества постмодерна, а о его постмодернистских вариациях. Речь, хотя и в рамках научной полемики, ведется о постчеловеке как о самостоятельном субъекте правоотношения! Сам факт постановки вопроса о любом из перечисленных явлений, не говоря уже о достаточно серьезной их теоретической проработке, которая длится не одно десятилетие, указывает на масштабность поднимаемых вопросов и недопустимость игнорирования последствий их реализации. И ведь это не просто теории. Очевидность происходящих изменений невозможно не замечать. Они носят глубинный, структурный характер, видоизменяя, прежде всего, самих людей, в результате чего меняются и отношения между ними. Однако не может быть, чтобы сами общественные отношения менялись на принципиальном уровне, а базовые категории (понятия, явления) оставались бы при этом незыблемыми. Это в равной степени касается и преступления, и в особенности наказания, а точнее, в целом системы уголовно-правового воздействия, которая традиционно в российском уголовном праве сводится к репрессии².

¹ Соловьев В. С. Проповедник в пустыне: проповеди о праве. (Избранные труды). М., 2014. С. 157.

² Дело в данном случае не в объеме репрессии, который может постоянно меняться как в одну, так и в другую стороны, а в сущности тех средств воздействия, которые сегодня являются основными.

К этому тезису, безусловно, можно апеллировать, ссылаясь при этом на те многочисленные изменения, которые претерпела система средств воздействия на лицо, совершившее преступление, в российском УК в последние годы. В то же время даже поверхностный взгляд без труда позволяет сделать вывод об их количественном, а не качественном характере. Да, появились новые средства в виде отдельных видов наказаний, иных мер уголовно-правового характера, а также ограничений, реализуемых при условном осуждении, условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания и т.д. Изменились пределы реализации ранее существовавших средств воздействия, причем как в одну, так и в другую стороны. Законодатель, следует признать, весьма активно занимается пролиферацией норм, забывая при этом, что количество далеко не всегда переходит в качество. Между тем количеством изменений невозможно обеспечить потребности по противодействию преступности, по сути, уже нового общества.

И здесь мы все заложники той схемы, которая была критикована В. С. Соловьевым более ста лет назад, а создана еще раньше, в которой есть только два элемента – преступление и наказание. И это, скорее, не вина, а беда, причем всех – законодателя, правоприменителя, ученых и др., всех, кто оказался ограничен привычной моделью и действует строго в ее рамках, которые очерчены предметом и методом уголовного права. И выхода из сложившейся ситуации не видно. Между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера (воздействия) сегодня сохраняется законодательная пропасть, что подтверждается полным отсутствием какого-либо взаимодействия между ними на нормативном уровне. Иное так и остается иным в прямом смысле этого слова, оцениваясь и законодателем, и правоприменителем в качестве второстепенного, необязательного, чего-то дополнительного, что не может оказывать существенного влияния на степень воздействия на виновного. Они не оцениваются в комплексе, хотя «в чистом виде наказания и в чистом виде меры безопасности в жизни встречаются очень редко. Данные меры в зависимости от обстоятельств могут дополнять либо заменять друг друга»¹. Мы по-прежнему боремся с последствиями совершаемых преступлений, продолжая игнорировать собственно лицо, которое допустило общественно опасное поведение. Наказание не направлено на решение этой проблемы, а в определении предмета уголовного права иной категории просто не существует.

Необходимо отметить, что сложившаяся ситуация не является случайной, а ее формирование происходило не одно столетие. В свое время Ф. Лист отмечал, что «уже давно просматривается проблема “перекоса” в направлении воздействия, которое сегодня в основном оказывает влияние (или стремится оказать) на преступность, а не на конкретных лиц, совершивших преступления»². Под воздействием классической школы в общем

¹ Щедрин Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 2000. С. 71.

² Лист Ф. Задачи уголовной политики. М., 2004. С. 31.

учении о наказании стал господствовать принцип возмездия «...как в чистом виде, так и под прикрытием более мягких названий, например, «необходимое искупление» или «воздающая справедливость», – принцип, переносящий центр тяжести субъективного критерия на объективный, с человека – на учиненное им деяние»¹. Однако подобный взгляд на государственную политику по противодействию преступности был критикован еще Ф. Гольцендорфом, криминалистом-классиком, который сделал вывод о «банкротстве карательной системы»² с теми принципами, которые ее олицетворяют.

Выхода из ситуации нет и сейчас. Мы продолжаем реализовывать ту же схему, не опираясь на результат, а соответственно и корректировка средств осуществляется бессистемно. При этом те попытки, которые предпринимаются на законодательном уровне в последние годы, беспрецедентны по своей антинаучности, хаотичности и отсутствию обоснованности появления тех или иных мер. В этой связи нельзя не согласиться с В.А. Уткиным, который отмечает, что появление в уголовном законе иных мер без достаточного теоретического обоснования превратило их в своего рода «...научного «троянского коня», открыв дверь для размывания предмета и метода уголовного права и традиционно присущих отечественной догматике его классических постулатов и основ»³. В результате непродуманного подхода в формировании средств иного воздействия на лиц, совершивших преступление, происходит размывание предмета и метода уголовного права, в то время как речь должна идти о системном развитии данных категорий и их целенаправленном и научно обоснованном расширении.

Безусловный интерес в этом отношении представляет зарубежное уголовное право и законодательство, демонстрирующее так называемый рискоориентирующий⁴ подход к формированию средств уголовно-правового воздействия. Будучи более ориентированным, как раз на результат и не обремененным вопросами объективного вменения, а зачастую и в целом вины, а также другими факторами сдерживающего характера, западноевропейское, а в особенности англосаксонское уголовное право действует в данном направлении значительно смелее. На это указывают как средства, которые уже не одно десятилетие успешно применяются в обеих системах, так и новые меры, о применении которых только начинает вестись речь.

Следует отметить, что изменения, произошедшие в структуре общественных отношений начиная с середины 90-х годов прошлого столетия, носили масштабный характер, вынудив законодателя как англо-саксонской, так и романо-германской правовых семей пойти в решении вопроса о пределах допустимости в выборе средств, необходимых для противодействия

¹ Чубинский М. П. Очерки уголовной политики. М., 2008. С. 381.

² Цит. по: Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 34.

³ Уткин В. А. Уголовное право и перспективы уголовно-исполнительного законодательства. М., 2013. С. 489.

⁴ См.: Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: диссертация доктора юрид. наук. СПб., 2018. С. 311-312.

преступности, значительно дальше. И теоретическими разработками либо абстрактными законодательными конструкциями данный процесс не ограничился, позволив реальности превзойти все самые смелые ожидания, максимально быстро насыщая практику новыми идеями, обеспечивая таким образом их апробацию. Во многом это обусловлено как раз иным подходом к пониманию предмета и метода уголовного права, формирующих общественные отношения вокруг наиболее опасных нарушений и максимально карательных мер воздействия за эти нарушения. Применяемые при этом новые средства воздействия, а также идеи, обосновывающие необходимость их появления, хотя и по-разному и с разной интенсивностью в разных регионах мира, тем не менее свидетельствуют о наличии соответствующей реакции на происходящее в обществе. Смена основной идеи уголовно-правового воздействия на Западе фактически уже произошла, позволяя с уверенностью констатировать тот факт, что речь сегодня необходимо вести не о случившейся коррекции давно сложившейся системы, а об изменении самих принципов воздействия (в том числе и на сознание виновного). Эра физического принуждения в западноевропейском уголовном законодательстве постепенно уступает эпохе принуждения иного рода, скорее, не психического, а психолого-физиологического, но не в плане влияния на психику осужденного за счет суровости принятых мер, а именно на сознание, у которого не остается выбора под воздействием реализуемых способов. И если в отечественном праве это практически неощутимо (хотя это лишь вопрос времени), то Запад (в его максимально прогрессивных вариациях) активно и уже давно экспериментирует в этом направлении. Химическая кастрация – одно из ярких, но далеко не единственных тому подтверждений. С ее помощью происходит воздействие на психику человека через его физиологию, за счет подавления тестостерона женским половым гормоном. Сегодня уже не является фантастикой чипизация, а соответственно и управляемость населения, и осужденные в данном списке первые в очереди. Все большую популярность приобретают идеи вроде «черного зеркала», технологий допроса в виде загрузок сознания, виртуальные пытки и т. д. Они лишь пока выглядят малореальными, но технологический процесс говорит об обратном, активно работая над усилением позиций государства в части его возможностей оказания безальтернативного влияния на психику индивида. Во второй половине XX-го столетия в Европе было проведено значительное количество криминологогенетических исследований¹, многократно развивших идеи Г. Модсли, Д. Причарда, Б. Мореля, Ч. Ломброзо, Б. Томсона и др. Часть из них длились десятилетиями, а сделанные выводы позволили максимально точно раскрыть область приложения карательного механизма, оголив наиболее «слабые» места не только физиологии, но и психики человека.

Надо сказать, что новые средства сегодня совершенно необходимы,

¹ См. об этом, например: Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение. М., 2008; или: Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2004.

что обусловлено новыми угрозами, воздействие на которые старыми методами далеко не всегда эффективно или неэффективно вовсе. Мы живем в век развития киберпреступности, терроризма, педофилии, беспрецедентного роста экономической преступности и тех угроз, которые она раньше не несла обществу. Эти и множество других форм и методов негативного воздействия на общество преступным путем, появляющихся с калейдоскопической быстротой, и справиться с которыми прежними способами удастся все меньше. Вполне естественно, что в складывающихся условиях вопрос о стабильности предмета и метода уголовного права становится все более актуальным.

И если мы все так же исповедуем прежний подход, основанный на идее необходимости назначения за совершенное преступление наказания, то уголовное право на Западе уже давно вышло за пределы столь узкого представления о рассматриваемом явлении, предлагая совершенно иные способы воздействия, причем не только за факт совершенного, но и лишь за потенциально возможное преступление. Рано или поздно мы вынуждены будем двигаться в том же направлении, хотя и со своими вариациями. Особенности присущи всем, они есть и внутри западного общества, но направление определяется той совокупностью общественных отношений, которые типичны для определенного отрезка времени. Они, следует признать, в России не идентичны западным, но они и не те, что были в советский период нашего развития. Будучи принципиально иными, способы воздействия на лиц, совершивших преступление, остались по своей сути неизменны. Они с завидной регулярностью меняются количественно, но не качественно, находясь в пределах традиционной модели. Рано или поздно нам придется эту модель трансформировать, дополняя ее новыми идеями и элементами, необходимыми для обеспечения приемлемого уровня эффективности противодействия преступности за счет реализации мер уголовно-правового характера. В случае появления таких средств и их реального применения мы сможем получить иные результаты в сфере специальной превенции. При этом ее показатели способны оказаться действительно достоверными, находясь под влиянием реализации конкретных мер, а не являться итогом манипуляций с нормами уголовного закона (декриминализации деяний, а также изменений иного рода, не позволяющих признавать совершенное деяние рецидивом) или статистикой. Доминирующий консерватизм в данном направлении правового регулирования рано или поздно должен быть преодолен. И преодоление вполне возможно. Прежде всего, оно должно происходить через использование уже накопленного опыта, причем как в зарубежном уголовном законодательстве, так и в рамках антропологии и генетики, тех знаний, которые в данных отраслях уже накоплены и могут быть адаптированы к разработке новых мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших отдельные (в особенности новые) виды преступлений. Для этого нужен более широкий взгляд на проблему и выход за пределы традиционной схемы, в которой преступление и наказание выступают в качестве единственно возможных элементов.

Список литературы

- Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: диссертация доктора юрид. наук. СПб., 2018.
- Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение. М., 2008
- Лист Ф. Задачи уголовной политики. М., 2004.
- Соловьев В. С. Проповедник в пустыне: проповеди о праве. (Избранные труды). М., 2014.
- Уткин В. А. Уголовное право и перспективы уголовно-исполнительного законодательства. М., 2013.
- Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005.
- Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2004.
- Чубинский М. П. Очерки уголовной политики. М., 2008.
- Щедрин Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 2000.

Волков К. А.

Уголовная политика и принципы права Criminal Policy and Principles of Law

Аннотация: Принципы уголовного права играют сегодня существенную роль в реализации и развитии уголовно-правовой политики. В работе рассматриваются проблемы взаимовлияния уголовной политики и принципов уголовного права. Делается вывод, что они выступают самостоятельным регулятором уголовно-правовых отношений; определяют содержание правовых норм и направляют практику реализации уголовно-правовой политики, нуждаются в дальнейшем изучении.

Abstract. The principles of criminal law play a significant role in the implementation and development of criminal law policy today. The paper deals with the problems of mutual influence of criminal policy and principles of criminal law. Author concludes that they act as an independent regulator of criminal law relations; determine the content of legal norms and guide the practice of criminal law implementation and must be studied further.

Ключевые слова: уголовная политика, принципы права, проблемы уголовной политики, система принципов, правопонимание

Key words: criminal policy, principles of law, problems of criminal policy, system of principles, understanding of law

Принципы права выступают перманентной чертой любой отрасли права, которая выражают не только сущность определенной отрасли права, но и наполняют её содержание. Данный тезис в полной мере относится к уголовному праву. Впервые принципы уголовного права на законодательном уровне были закреплены в Уголовном кодексе РФ в 1996 году. Как известно, причиной разработки в середине 90-х гг. прошлого столетия нового уголовного закона стали закономерные процессы, связанные с изменениями социально-экономических отношений, политического режима, качественных и количественных показателей преступности в стране, с изменениями в позитивном смежном законодательстве. Кроме того, необходимо было привести действовавшее на тот момент уголовное законодательство в соответствие с международным обязательством России в области борьбы с наиболее опасными формами проявления преступности (терроризм, организованная преступность, коррупция и т. д.).

Безусловно, принятие нового уголовного закона явилось серьезным достижением отечественной правовой науки и законотворчества.

Оценивая достижения УК РФ 1996 года сквозь призму десятилетий, можно отметить, что его появление позволило решить многие задачи, поставленные перед разработчиками. В частности, произошла переоценка приоритетов уголовно-правовой охраны, впервые определены принципы уголовного права, по-новому сформулированы задачи уголовного закона, расширены и получили новую регламентацию многие институты уголовного права (обстоятельства, исключающие преступность деяния, освобождение от уголовной ответственности и наказания и т.п.), проведена криминализация и декриминализация общественно опасных деяний с учетом новой криминогенной ситуации. Однако критический анализ действующего двадцать три года уголовного закона приводит автора настоящей статьи к убеждению, что говорить о достижении адекватности уголовно-правового регулирования преждевременно. На наш взгляд, главным достоинством УК РФ 1996 года стало приведение его норм в соответствие с современными реалиями жизни в России, что, прежде всего, выразилось в усилении охраны социально-экономических и политических интересов новой элиты российского общества. Причем данный процесс произошел не в момент принятия нового уголовного закона, а путем поэтапно внесения соответствующих изменений и дополнений в его содержание. Например, Федеральным законом от 8 декабря 2003 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» было внесено изменение в содержание 257 статей уголовного закона. Из них 36 статей в Общей части УК РФ и 221 статью в Особенной части УК РФ. Указанные изменения и дополнения уголовного закона существенным образом перекроили содержание уголовно-правовых норм, привели к рассогласованности институтов уголовного права. Нельзя отказать в справедливости тем авторам, которые в этом вопросе более категоричны и называют ситуацию не иначе как «контрреформой уголовного законодательства»¹. Так, не устояв перед мощным политическим и научным лоббированием отказа от такого уголовно-правового института, как конфискация имущества, разработчики закона исключили его из системы уголовного наказания². Причем для малоимущих преступников конфискация была сохранена в прежнем объеме путем повышения размера штрафа до уровня в 1 млн руб. И хотя конфискация имущества впоследствии была реанимирована в виде иной меры уголовно-правового характера, фактически депенализация конфискации имущества даже на короткий период позволила уйти от возможности безвозмездного обращения в собственность государства имущества осужденных за совершение крупномасштабных хищений в период так называемого «дикого капитализма» в 90-е годы прошлого столетия. Вышеназванная тенденция сохраняется до сих пор. Более того, по отдельным изменениям уголов-

¹ Кузнецова Н. Мнение ученых о реформе УК (или QUI PRODEST?) // Уголовное право. - 2004. - № 1. - С. 34.

² Волков К. А., Лужбин А.В. Конфискация имущества - «новая» мера уголовно-правового характера и новые проблемы // Российская юстиция. - 2006. - № 9. - С. 33-35

ного закона, направленным на дифференциацию уголовной ответственности по социальному принципу, была дана критическая оценка со стороны высших судебных органов страны. Так, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 11 декабря 2014 г. № 32-П признал не соответствующими Конституции РФ положения ст. 159.4 УК РФ, предусматривающие ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. В частности, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что специальным видом мошенничества для предпринимателей установлены юридические преференции для предпринимателей. Несправедливым было названо и то обстоятельство, что мошенничество в «крупном и особо крупном» размере для предпринимателей по ст. 159.4 УК РФ начинается с суммы в шесть раз более высокой, чем для «простых» мошенников по ст. 159 УК РФ. Кроме того, в отличие от простого мошенничества, в ст.159.4 УК РФ отсутствует целый ряд квалифицированных составов, а санкция статьи в два раза мягче простого мошенничества¹.

Сегодня можно с печалью отметить, что «законодательный зуд» в виде очередных законодательных инициатив, не имеет большей частью объективных оснований, и является современной чертой уголовной политики. За двадцатилетний период существования в уголовный закон было внесено более 3000 поправок путем принятия около 236 федеральных законов о внесении изменений и дополнений (по состоянию на 01 июня 2019 года).

Не касаясь предметного анализа всех внесенных поправок уголовного закона, рассмотрим значение принципов уголовного права в реализации и развитии уголовно-правовой политики.

Позиции относительно уголовной политики в науке также неоднозначна. Давая обобщенное определение уголовной политики М. М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин и В. К. Андрианов² под уголовной политикой понимают социальную политику борьбы с преступностью, которую можно характеризовать «как концентрированную, социально обусловленную концептуальную реакцию государства на существующую совокупность криминальных угроз». Сегодня в юридической науке традиционно выделяются уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную политику. При этом некоторые авторы, справедливо обращая внимание на взаимосвязь указанных направлений, делают поспешный вывод о малопродуктивности и даже оторванности от правовой реальности рассмотрения отдельных направлений уголовной политики в качестве самостоятельных её направлений. По мнению Р. А. Ромашова, сторонники подобного рода разграничения смешивают отраслевое и научное правовосприимчивости, в связи с чем автор предлагает обойтись понятием «государственная уголовная полити-

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 УК РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П // Российская газета. - 2014. - 24 декабря.

² Бабаев М. М., Пудовочкин Ю.Е., Андрианов В. К. Уголовная политика: Учебное пособие. - М.: РГУП, 2018. - С. 10.

ка»¹. Представляется, что указанная позиция с научной точки зрения малопродуктивная, поскольку само по себе добавление к термину уголовная политика слово «государственная» не свидетельствует о невозможности проводить классификацию подсистемы указанного явления. Кроме того, вне рамок деятельности государства уголовная политика существовать не может по определению, поскольку является одним из направлений политики государства в сфере социально-правового контроля преступности, а это означает что данный признак является перманентным для понимания уголовной политики.

Рассматривая современные приоритетные направления российской уголовной политики, можно отметить, что таковыми стали в области уголовно-правовой политики борьба с терроризмом и экстремизмом, коррупцией, наркотизмом, преступлениями против несовершеннолетних. В свою очередь, в сфере российской уголовно-процессуальной политики такими направлениями являются: дифференциация форм уголовного судопроизводства, в том числе расширение института компромисса; придание важного значения судебному контролю на различных стадиях уголовного судопроизводства, вплоть до появления «института следственных судей»; усиление защиты процессуальных интересов потерпевших, а также такой категории обвиняемых, как предприниматели; расширение процессуальных возможностей стадии исполнения приговоров и института суда присяжных; укрепление независимости и самостоятельности при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб и представлений путем обособления апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции. В области уголовно-исполнительной политики векторами деятельности являются: гуманизация отбывания наказания; усиление контроля в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы; достижение европейских стандартов содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей, а также осужденных в местах лишения свободы; попытка «разгрузить» уголовно-исполнительную систему, в том числе за счет применения института амнистии, а также путем придания условиям института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания императивного метода правового регулирования.

В юридической литературе неоднократно подчеркивалось, что задачи уголовной политики должны решаться на основе ее принципов, исходных нормативно руководящих начал, идей, которые в рамках отрасли уголовного права обладают стабильностью, универсальностью, императивностью и системностью².

Действующий российский уголовный закон содержит пять принципов уголовного права: законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма. Каждый из них является самостоятельным; в

¹ Ромашов Р.А. К вопросу о понимании, соотношении и взаимном влиянии государства и преступности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. - 2013. - № 2 (24). - С. 320-324.

² Борсученко С. А. Принципы уголовно-правовой политики / С. А. Борсученко // Вестник российской правовой академии. - 2009. - № 1. - С. 51–55.

своей же совокупности принципы образуют определенную систему, в которой они находятся в тесной связи и взаимообусловленности¹. По справедливому замечанию А.И. Чучаева, уголовное право не может основываться только на каком-то одном из них, пусть даже самом значительном и важном. Воплощение отдельно взятого принципа зависит от полноты и реальности всех составляющих, входящих в систему².

Рассматривая правовую природу принципов уголовного права В.А. Блинников полагает, что уголовное право и уголовная политика строятся на определенных принципах, которые не ограничиваются рамками закона³. При этом автор помимо традиционных принципов уголовного права, которые закреплены в ст.3-7 УК РФ, дополняет систему принципов еще шестью: единства и согласованности уголовной политики; целесообразности, дифференциации уголовной ответственности; неотвратимости уголовной ответственности; научной обоснованности уголовной политики и социальной обусловленности. Следует отметить, что идея расширения принципов уголовного права не является новой для науки уголовного права, и в юридической литературе выделяется до двух десятков принципов уголовного права.

Анализ работ, посвященных вопросам принципов уголовного права, позволяет также констатировать, что сегодня отсутствует не только четкая единообразная классификация принципов уголовного права, но и единый подход к определению самого понятия «принцип уголовного права». В современной юридической литературе по уголовному праву, как правило, принцип уголовного права определяется как «начало», «идея», «положение». По мнению В.А. Блинникова, принципы уголовного права – это «основополагающие начала и руководящие идеи, которые определяют содержание и направление государственной деятельности в сфере борьбы с преступностью»⁴. А. А. Матвеева принципы уголовного права определяет как «главные положения, основные начала, руководящие идеи, определяющие содержание уголовного права, на основании и в соответствии с которыми строятся и применяются основные институты и нормы»⁵. При этом большинство авторов, анализирующих правовую природу принципов уголовного права отстаивают позицию, согласно которой по своей юридической природе и сущности принципы представляют собой нормы права, но лишь с более общим и принципиальным содержанием.

В связи с этим представляется обоснованным мнение В. В. Ершова,

¹ Рахманова Е. Н. Принципы уголовного права Российской Федерации. В кн. Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие / Под ред. Е. Н. Рахмановой. – М.: РГУП, 2017. С. 7

² Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Отв. ред. Ю. В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017.

³ Блинников В.А. Уголовная политика в кн.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник. 2-е изд., перераб. и дополн. / Под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. - С. 35.

⁴ Там же.

⁵ Матвеева А. А. Принципы уголовного законодательства в кн.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов. / Под ред. В.С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. - М.: «Статут», 2012.

что такой подход является «узким» и характерен для юридического позитивизма, который ограничивает право исключительно нормами права, установленными правотворческими и (или) исполнительными органами государственной власти в «законодательстве». В результате в юридической литературе и на практике возникает теоретическая неопределенность природы, места и роли принципов и норм права, содержащихся в иных формах национального и международного права. Сложившаяся неопределенность права, выработанного с позиции юридического позитивизма негативно сказывается на регулировании общественных отношений¹.

Представляется, что уголовное право содержит не только нормы права, но и принципы уголовного права. Указанное понимание уголовного права позволяет решить многие теоретические и практические проблемы уголовного права. В частности, интегративный подход к пониманию уголовного права позволяет теоретически убедительно обосновывать содержание и сущность уголовного права с позиции одной из разновидностей синтетической теории права, эффективно защищать уголовно-правовыми средствами права и законные интересы граждан, общества и государства от общественно-опасных посягательств, повышать степень определенности норм уголовного закона, а также степени стабильности, непротиворечивости, ожидаемости и прозрачности судебной практики по уголовным делам.

Кроме того, учитывая постоянно возникающие противоречия в уголовно-правовом регулировании общественных отношений, в том числе связанные с абстрактным и относительно определенным характером норм уголовного закона, бесконечно возникающими коллизиями и пробелами в уголовно-правовом регулировании, а также противоречивую динамику развития уголовно-правовых отношений, представляется, что в ходе судебного разбирательства, суды обязаны опираться и руководствоваться принципами уголовного права при квалификации содеянного и назначении наказания.

Так, прямое применение принципов уголовного права и уголовного судопроизводства позволит разрешить межотраслевые коллизии и противоречия. Например, нормативно-правовая регламентация правомерности применения сотрудниками полиции института необходимой обороны имеет системный характер и включает в себя взаимосвязанные правовые предписания норм административного и уголовного права². В этой связи очень важно определить иерархию отраслевых норм в правовом регулировании применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Иначе говоря, необходимо ответить на вопрос: какие нормы права имеют преваляющее значение?

Данный вопрос имеет сугубо практическое значение, поскольку как по-

казывает сравнительно-правовой анализ норм административного и уголовного законодательства по вопросам правовой регламентации применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия существуют неустранимые противоречия. В частности, согласно ч. 3 ст. 19 Федерального закона от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», применяя физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие сотрудник полиции действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления. При этом сотрудник полиции должен стремиться к причинению минимального ущерба. Однако в нормах уголовного права не содержится запрета в отношении «минимизации» причиняемого вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны. Более того, при условиях неожиданности посягательства либо отражения насилия опасного для жизни границ причиняемого ущерба вообще не обозначено, т. е. допустимо причинение смерти нападающему лицу.

Следуя смыслу ст. 37 УК РФ, сегодня граждане имеют гораздо больше прав при защите своих интересов, прав и законных интересов других лиц от общественно опасного посягательства, используя оружие, нежели сотрудники органов внутренних дел, которые должны осуществлять свою деятельность строго в рамках закона о полиции.

Вместе с тем нормы регламентирующие основания и порядок применения сотрудниками правоохранительных органов физической силы и оружия лишь конкретизируют пределы необходимой обороны к определенным правовым ситуациям. При этом специальные нормы по отношению к общим нормам, установленным в уголовном законе, не должны им противоречить и тем более ограничивать права обороняющегося на защиту от общественно опасного посягательства. Данная точка зрения является преобладающей в теории российского права и подкреплена судебной практикой. Поэтому приоритет при определении правомерности причинения вреда в результате применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в деятельности сотрудников полиции должен отдаваться уголовному законодательству о необходимой обороне.

Специальные нормы закона о полиции рассматриваются как дополнительные условия правомерности действий сотрудников полиции в рамках конкретного обстоятельства, исключающего преступность деяния. Очевидно, что при таком подходе специальным административно-правовым нормам, закрепляющим основания и порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия отводится вспомогательная функция.

Рассматривая сущность принципов права, В.В. Ершов справедливо подчеркивает, что они являются объективными, первичными, наиболее абстрактными, выражающие основополагающие закономерности средствами правового регулирования общественных отношений, достоверными элемен-

¹ Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М: РГУП, 2018. - С. 9-10.

² Волков К.А. Деятельность полиции по противодействию преступности: коллизии проблемы правового регулирования необходимой обороны и уголовно-правового задержания // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2013. - № 2. - С. 83.

тами единой, развивающейся и многоуровневой системы форм национального и международного права, в процессе конкретизации которых управомоченными органами вырабатываются в большей степени определенные и «действительные» нормы права¹.

Следовательно, принципы права являются первичным (фактическим) регулятором общественных отношений и выражают основополагающие средства правового регулирования при реализации уголовной политики. Во-первых, несмотря на то, что государство определяет основные направления борьбы с преступностью, воплощение указанных идей не всегда соответствует ожиданиям обществу. Например, путем излишней криминализации общественных отношений в сфере предпринимательства осуществлять таковую становится небезопасно ввиду наличия неопределенно сформулированных норм-запретов. Во-вторых, судебная практика при реализации уголовной политики со временем меняется, что требует ответа на вопрос: о правильности выбранного пути в сфере борьбы с преступностью. Например, до 30 июня 2015 года ответственность за незаконный сбыт наркотических средств или психотропных веществ при проведении «проверочной закупки» сотрудниками правоохранительных органов квалифицировалось как покушение на преступление. После внесения соответствующих изменений в официальные разъяснения Пленумом Верховного Суда, указанные действия стали оцениваться как оконченный сбыт, как следствие наказываться гораздо строже². Вместе с тем на практике остался открытым вопрос о том, какой вариант правоприменения является правильным. В-третьих, многие ошибки в практике правоприменения преодолеваются путем применения принципов права при интерпретационной деятельностью Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Подводя итог влиянию принципов уголовного права на уголовно-правовую политику можно заключить: во-первых, принципы уголовного права выступают самостоятельным регулятором уголовно-правовых отношений; во-вторых, принципы уголовного права не только определяют содержание правовых норм, но и направляют практику реализации уголовно-правовой политики; в-третьих, с учетом научно обоснованной концепции интегративного понимания права, современное учение о принципах уголовного права требует дальнейшего научного исследования в целях эффективной реализации задач уголовной политики.

Кроме того, обращение к принципам права при реализации основных направлений в сфере противодействия преступности свидетельствует о неудовлетворенности существующим представлением правопонимания в уголовного праве, что, в свою очередь, заставляет отыскивать новые парадигмы модерниза-

ции уголовной политики. При этом, какая бы парадигма правопонимания ни находилась в основе уголовно-правовых моделей, критерием эффективности норм уголовного права остаются принципы, а не нормы позитивного права.

Список литературы

- Бабаев М. М., Пудовочкин Ю.Е., Андрианов В. К.* Уголовная политика: Учебное пособие. - М.: РГУП, 2018. - С. 10.
- Блишников В.А.* Уголовная политика в кн.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник. 2-е изд., перераб. и дополн. / Под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2015.
- Борсученко С. А.* Принципы уголовно-правовой политики // Вестник российской правовой академии. - 2009. - № 1.
- Волков К.А.* Деятельность полиции по противодействию преступности: коллизии проблемы правового регулирования необходимой обороны и уголовно-правового задержания // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2013. - № 2.
- Волков К. А., Лужбин А.В.* Конфискация имущества - «новая» мера уголовно-правового характера и новые проблемы // Российская юстиция. - 2006. - № 9.
- Ершов В. В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. - М: РГУП, 2018.
- Ершова Е. А., Ершов В. В.* Концепция интегративного правопонимания: Сб. статей. - М.: РГУП, 2019.
- Кузнецова Н.* Мнение ученых о реформе УК (или QUI PRODEST?) // Уголовное право. - 2004. - № 1.
- Матвеева А. А.* Принципы уголовного законодательства в кн.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов. / Под ред. В.С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. - М.: "Статут", 2012.
- Рахманова Е. Н.* Принципы уголовного права Российской Федерации. В кн. Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие / Под ред. Е. Н. Рахмановой. - М.: РГУП, 2017. С. 7-27
- Ромашов Р.А.* К вопросу о понимании, соотношении и взаимном влиянии государства и преступности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. - 2013. - № 2 (24).
- Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Отв. ред. Ю. В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017.

Клименов М. П.

Коррупция и правосудие: мифы и реальность

Corruption and Justice: Myths and Reality

Аннотация: в статье показывается, что проблема правосудия в России обросла множеством мифов, имеющих как эндогенное, так и экзогенное происхождение. В то же время реальная ситуация, о которой известно населению, не учитывается при формировании уголовной политики в сфере правосудия.

Abstract: the article shows that the problem of justice in Russia has acquired many myths of both endogenous and exogenous origin. At the same time, the real situation, which is known to the population, is not considered in the formation of criminal policy in the field of justice.

Ключевые слова: коррупция, правосудие, общественное мнение, беловоротничковая преступность, равенство перед законом.

Key words: corruption, justice, public opinion, white-collar crime, equality before the law.

¹ Ершова Е. А., Ершов В. В. Концепция интегративного правопонимания: Сб. статей. - М.: РГУП, 2019. - С. 9.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. N 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. - 2015. - 10 июля.

Вокруг проблемы коррупции в правосудии существует множество мифов. Первый миф - о «глубочайших корнях коррупции» в России. Истоки такого представления заложены отечественной литературной обличительной традицией (произведениями Н. В. Гоголя, Н. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского и др.). При этом забывается, что у литературы свои задачи и приемы, и привлечение внимания к язвам общественного бытия вовсе не означает, что эти язвы охватывают все сферы государственного устройства.

По нашему глубокому убеждению, коррупции в императорской России было все же меньше, чем в настоящее время. И прежде всего потому, что нравственное сознание представителей власти не было столь свободно от традиционных российских ценностей. К тому же часто давала эффект самодержавная карательная практика, а также энергичная борьба отдельных государственных институтов (например, прокуроров) с должностными злоупотреблениями. «Борьба эта не всегда была успешна, но уже самое возникновение её, основанное на предписаниях закона, определявшего обязанности gubernского прокурора, действовало благотворно, не говоря уже о тех случаях, когда последствием её являлись сенаторские ревизии»¹. Что же касается советской России, то все экономические отношения находились под тотальным контролем государства и для коррупции не было соответствующей материальной основы. Она имела место там, где создавались неучтенные «излишки» (например, в сфере потребительской кооперации)², но это было скорее исключением, чем правилом.

Второй миф выражает уверенность в достоверности исследований коррупции, которые проводятся ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центром. Между тем обращает на себя внимание недостаточная юридическая грамотность социологов. Как можно формировать вопросник, не обращаясь к процессуальному законодательству, не побывав хотя бы на одном судебном заседании, да и просто не проконсультировавшись со специалистами? Как можно формулировать такой вопрос: «Одни говорят, что в России часто выносятся несправедливые приговоры. Другие говорят, что несправедливые приговоры выносятся редко. С каким мнением – с первым или вторым вы согласны»? В результате опроса – 43% опрошенных выражают согласие с первым мнением и 28% - со вторым³. Юристу очевидно, что нельзя смешивать коррупцию среди арбитражных и мировых судей, а социологу должно быть понятно, что коррупция среди федеральных судей в Краснодарском крае и Омской области – это разные величины. Однако в приведенном вопросе эти различия проигнорированы.

Третий по счету, но главный по значению миф российской действительности выражен в лозунге «кошмарят бизнес». Ответственным предста-

¹ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 169.

² Хруцкий Э. Криминальная Москва. М., 2000. – 320 с.

³ О судах и судьях. Справедливы российские суды и чем они руководствуются в своей работе. - URL: <http://www.fom.ru>.

вителям власти настойчиво навязывается мнение о «правовом беспределе» и судебном произволе в отношении бизнеса. Такая дезинформация последовательно осуществляется «деловыми объединениями» (которым открыт доступ на самый высокий уровень), начиная с 2010 г. и связана с активным противодействием борьбе с организованной экономической преступностью. Ее организационно-идеологической основой выступила Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере¹.

По материалам ежегодных опросов населения г. Омска (2010-2019 гг.) около 60% респондентов (колебания не превышают 3 %) уверенно отмечают, что наибольший вред гражданам причиняет экономическая (беловоротничковая), а не общеуголовная преступность. Иными словами, респонденты понимают, что потери для каждого гражданина, связанные угрозами национальной безопасности, порождаемые экономической преступностью (потеря работы, обнищание населения, защита интересов олигархического клана, коррупция и др.) существенно выше угроз общеуголовной преступности (которая к тому же обусловлена маргинализацией населения т.е. является следствием той же экономической преступности).

На вопрос «Чего следует ожидать от декриминализации экономических преступлений и запрета избрания меры пресечения в виде заключения под стражу для экономических преступников?» получены следующие ответы²:

- улучшения инвестиционного климата – 4,2%;
- оживления экономической деятельности, 8,0%;
- повышения сбора налогов – 12,8%;
- криминализации экономики 44,6%;
- снижения налоговых поступлений – 14,5%;
- увеличения числа экономических преступников – 45,6%;
- иное – 3,4%.

Как видим, граждане демонстрируют преимущественно адекватное понимание развития политики модернизации уголовной политики в экономической сфере и понимают реальные угрозы и последствия беловоротничковой преступности.

В то же время хорошо видно, не чьей стороне играют те силы, которые создают мифы о коррумпированности правосудия в Российской Федерации.

Сказанное, конечно, не означает, что в судебной системе отсутствует проблема коррупции. Но, во-первых, она требует четкой расстановки акцентов и, во-вторых, понимания важности реального, а не декларируемого противодействия коррупционным проявлениям.

С точки зрения акцентуации проблемы следует учитывать уровень коррумпированности различных судебных и правоохранительных органов.

В процессе исследования респондентам был задан вопрос: «Какие суды наиболее подвержены коррупции?». На него получены следующие ответы:

¹ Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М.» Фонд «Либеральная мысль», 2010. – 196 с.

² По материалам анкетирования 429 человек в Омске в мае 2019 г.

Оценки респондентами коррумпированности различных судебных органов, %

Таблица 1.

Судебные органы	Оценка
Конституционный Суд РФ	2,8
Верховный Суд РФ	5,6
кассационные арбитражные суды	3,8
апелляционные арбитражные суды	9,0
арбитражные суды субъектов РФ	15,2
краевые и областные суды	48,6
районные суды	17,6
мировые судьи	25,7

Ответы интересны закономерностью адресовать коррупционные процессы судам в соответствии с представлениями: «дальше от центра – больше коррупции», «ближе к интересам населения – больше коррупции» что вполне укладывается в модель коррупционного мифотворчества.

В действительности ситуация иная и сами респонденты об этом свидетельствуют. Так, на вопрос «Уверены ли Вы в том, что судебная власть в России самостоятельна и действует независимо от исполнительной и законодательной властей?» они ответили:

- а) абсолютно уверен – 9,5%;
- б) скорее уверен, чем не уверен – 23,8%;
- в) затрудняюсь ответить – 22,8%;
- г) скорее не уверен, чем уверен – 22,8%;
- д) абсолютно не уверен – 21,1%.

Как видим, число сомневающихся в реализации указанной декларации превышает количество тех, кто уверен в ее осуществлении, что указывает на довольно неустойчивую «антикоррупционную репутацию» судебной системы.

Конечно, можно упрекнуть респондентов в некомпетентности и предвзятости, сформированной влиянием масс-медиа, и эти упреки будут в определенной степени небезосновательны. Однако более уместной представляется самокритичное восприятие высказанных оценок. Судейскому корпусу есть над чем работать в плане своей репутации и авторитета. Тем более, что, судя по материалам опроса, многие респонденты непосредственно сталкивались с правонарушениями в сфере правосудия (табл. 13).

Таблица 2.

Оценки респондентов правонарушений в судебной сфере, в %

Правонарушения	Известны	Не известны	Уклонились от ответа
вынесение заведомо неправосудного решения	45,1	27,1	27,8
заведомо ложное показание свидетеля, потерпевшего	49,5	29,0	21,5
заведомо ложное заключение эксперта	23,8	41,4	34,8

Подобные случаи известны и автору. Их распространенность во многом обусловлена безответственностью правонарушителей. Именно она мотивирует появление нового бизнеса «алиби на заказ».

В процессе исследования респондентам был задан вопрос «В производстве М. Пьюзо «Крестный отец» обращаются за справедливостью к дону Корлеоне, когда официальное правосудие оказывается бессильным. Возможно ли подобное развитие событий в современной России, когда за справедливостью обращаются к «криминальной юстиции»?

Такой вопрос был задан гражданам. Положительно ответили на него 47,0% опрошенных, отрицательно – 20,0%, остальные уклонились от ответа.

Внимание респондентов было также обращено на ситуацию, показанную в кинофильме «Ворошиловский стрелок», главный герой которого прибегает в целях восстановления справедливости к самосуду. В анкету был включен вопрос: «Как Вы относитесь к возможности самосуда, когда официальное правосудие оказывается бессильным?» Ответы на него распределились следующим образом:

- а) сугубо отрицательно - 16,0%;
- б) скорее отрицательно, чем положительно – 24,0%;
- в) затрудняюсь ответить – 17,0%;
- г) скорее положительно, чем отрицательно – 32,5%;
- д) сугубо положительно 10,5%.

Бесспорно, что положение, при котором почти половина населения выражает готовность обратиться за помощью к криминалитету в поисках справедливости или заняться самосудом, недопустимо. Оно в принципе подрывает основы правосудия в стране. Между тем общий негативный настрой по отношению к состоянию правосудия подтверждается и ответами на другие вопросы.

На просьбу уточнить, какое крылатое выражение наиболее точно характеризует правосудие в современной России, респонденты ответили:

- а) закон суров, но это закон – 12,9%;
- б) закон что дышло – куда повернешь, туда и вышло – 35,4%;
- в) закон существует для того, чтобы его нарушать – 13,4%;
- г) кто платит, тот и заказывает музыку – 38,3%.

Как видим, ситуация далека от того, что характеризовать ее в выражениях классического римского права. Архаизация общественных отношений в судебной сфере – опасный симптом, требующий принятия мер, направленных не только на коррекцию общественного мнения. Граждане ожидают от органов правосудия большей справедливости, эффективности, солидарности с населением

Большая часть опрошенных (77,2%) высказали согласие с утверждением, что «от уголовной ответственности можно откупиться». Такая солидарность сигнализирует о том, что рыночные отношения проникли не только в судебную систему, они присутствуют в деятельности правоохранительных органов.

Развитие рыночной экономики привело к коммерциализации процесса принятия ответственных решений, который затронул и сферу судебной деятельности. В том, что предметом рыночных сделок стали судебные решения, нет ничего удивительного. С одной стороны, так было во все времена. С другой стороны, в реформируемой России рыночные отношения возведены в ранг культовых, поэтому торгуют «всем», в том числе судебными решениями. Тем более, что некоторые ученые недвусмысленно включают сферу юстиции в рыночные отношения. Так, доцент Московского государственного университета С. Третьяков прогнозирует передел рынка правосудия по административным делам¹. При этом он не дает себя отчета в том что «рынок правосудия» – это оксюморон, поскольку рынок исключает правосудие по определению. Такая оговорка характеризует мышление новой генерации ученых (политиков, судей), которые выросли в системе коммерческих координат, а не идеалов Просвещения.

Следует признать, что правосудие в России только начинает формироваться. Оно осуществляется в большей степени людьми (с их интересами, заботами, ценностными ориентациями и фобиями), чем беспристрастными служителями Фемиды. Необходимо еще приложить немало усилий для того, чтобы очистить атмосферу принятия судебных решений от духа рыночных отношений и конъюнктурных соображений, которые были неизбежно внесены в нее агрессивными рыночными преобразованиями в стране. Необходимо последовательно решать задачу, направленную на достижение поставленной цели – создания нового поколения судей, свободного от рыночной психологии и способного противостоять коммерческому давлению. Актуальность такой задачи постоянно возрастает.

В этой связи принципиальное значение имеет реализация принципа равенства всех пред законом. Равенство всех перед законом и судом является основополагающим принципом любого цивилизованного демократического государства. Он закреплен ст. 7 Всеобщей декларации прав человека, ст. 19 Конституции Российской Федерации, ст. 7 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ст. 4 Уголовного кодекса Российской Федерации, целым рядом иных нормативно-правовых актов. В этой связи возникает вопрос, в какой степени этот принцип реален, жизнеспособен, утвержден в современной социальной действительности. С таким вопросом («Равны ли все перед законом и судом?») мы обратились к респондентам. Ответы на него распределились следующим образом:

- а) бесспорно «да», ведь так провозглашает Конституция РФ – 14,2%;
- б) скорее «да», если проявить настойчивость, можно добиться справедливости – 25,4%;
- в) затрудняюсь ответить – 5,6%;
- г) скорее «нет», закон часто избирателей – 37,0%;

¹ Третьяков С. Грядет масштабный передел рынка правосудия. URL: <http://www.legal.report>

д) бесспорно «нет», декларация о равенстве всех перед законом не подтверждается на практике – 17,8%.

Как видим, только седьмая часть опрошенных выражает твердое убеждение в действительности рассматриваемого принципа правосудия. Более половины респондентов настроены скептически, они выражают сомнение в его действительности. Жизненный опыт подсказывает нам, что скорее правы скептики, чем оптимисты, хотя мнение вторых вызывает уважение. В особенности заслуживает поддержки жизнеутверждающая позиция «осторожных оптимистов», которые указывают, что настойчивость может помочь достижению справедливости. Здесь сразу вспоминаются те немногие (пока) случаи, когда, добиваясь справедливого решения суда, граждане обращаются в Европейский суд по правам человека и выигрывают дело.

В ст. 19 Конституции РФ установлено, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Обратимся к анализу этой гарантии с помощью оценок респондентов. На вопрос: «Какие личностные признаки чаще всего обуславливают неравенство перед законом и судом» получены ответы:

- а) пол – 1,8%;
- б) образование – 3,6%;
- в) национальность – 7,2%;
- г) социальное положение – 20,6%;
- д) имущественное положение – 25,0%;
- е) должностное положение – 41,0%;
- ж) иное – 1,4%.

Пол, образование, национальность человека, попавшего в орбиту правовых отношений, по мнению граждан, не оказывают существенного влияния на принимаемое судебное решение. Зато такое воздействие оказывают социальное, имущественное, а в особенности – должностное положение.

В самом деле, только в последнее время средства массовой информации стали сообщать об арестах представителей власти (федеральной и муниципальной) за совершенные преступления. Однако такая практика должна стать более убедительной, чтобы изменить устойчивое мнение о наличии в обществе касты «неприкасаемых», для которых «закон не писан».

Определенное должностное положение нередко рассматривается представителями политической элиты как своеобразная правовая индульгенция. Это, кстати говоря, отчасти объясняет феномен инфильтрации во властные структуры представителей организованной преступности. Тогда справедлив и другой вывод: если обеспечить равенство всех перед законом и судом, невзирая на самое высокое должностное положение, это будет дей-

ственной профилактической мерой. В результате обладание властью теряет свою криминальную ценность и будет создана мотивация для пополнения соответствующих органов честными, порядочными людьми, которым интересны не деньги и безответственность, а благо населения.

Следует обратить внимание на широкий диапазон правовых привилегий и иммунитетов в Российской Федерации, который охватывает не только дипломатов, но также в соответствии со ст. 447 УПК РФ:

1) членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, депутатов, членов выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица органа местного самоуправления;

2) судей Конституционного Суда Российской Федерации, судей федерального суда общей юрисдикции или федерального арбитражного суда, мировых судей и судей конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, присяжных или арбитражных заседателей в период осуществления им правосудия;

3) Председателя Счетной палаты Российской Федерации, его заместителей и аудиторов Счетной палаты Российской Федерации;

4) Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации;

5) Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, а также кандидата в Президенты Российской Федерации;

6) прокуроров;

6.1) Председателя Следственного комитета Российской Федерации;

6.2) руководителей следственного органа;

7) следователей;

8) адвокатов;

9) членов избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса;

10) зарегистрированных кандидатов в депутаты Государственной Думы, зарегистрированных кандидатов в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Дисбаланс в правовом регулировании привилегий и иммунитетов дестабилизирует обстановку в сфере правосудия и выступает ее криминогенным фактором¹. Это вытекает из официальной аксиологии всей системы правосудия, которая, отталкиваясь от аксиологии судебного конституционализма², пронизывает все институты судебной и правоохранительной деятельности.

¹ Казakov А. А. Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов в сфере уголовного судопроизводства // *Lex russica*. 2016. N 4. С. 115 – 123; Малько А. В. Иммунитеты в праве: общетеоретические проблемы // *Вестник Волжского университета*. 1999. N 6. С. 17; Морозова И. С. Льготы в российском праве (вопросы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 30; Репьев А.Г. Иммунитет как категория российского права: Автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 3; Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: Автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 17

² Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. М.: Юрист, 2013. 176 с.

На вопрос: «Как вы думаете, почему уголовно-процессуальный кодекс устанавливает столь прочные процессуальные гарантии неприкосновенности судей, прокуроров, Членов Федерального Собрания?» опрошенные нами граждане ответили:

а) потому что только так можно обеспечить независимость главных ветвей власти – 39,7%;

б) потому что законы лоббируются представителями главных ветвей власти – 27,9%;

г) потому что власть заинтересована для создания для себя условий безответственности - 30,8%

д) иное – 1,6%.

Как видим, отношение к иммунитетам в сфере процессуальной деятельности у респондентов в целом довольно критическое.

Надо сказать, что такое отношение нередко разделяют и ученые, отмечая бессистемность, непродуманность правовых привилегий и иммунитетов, их несоответствие международным обязательствам, принятым Российской Федерацией при ратификации конвенций¹.

Другим достаточно распространенным негативным явлением выступает защита ведомственных интересов («чести мундира»). Здесь существует известное противоречие между «правом на критику» и авторитетом органов правосудия.

Наконец, следует обратить внимание на криминогенную роль профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов и судей.

В целом, обобщая материалы различных исследований², можно констатировать наличие наиболее распространенных и криминогенных профессиональных деформаций: деление окружающего мира на «мы» (полицейские, судьи, прокуроры и т. д.) и «они» (население, в том числе преступники и потерпевшие); склонность к самооправданию в любых ситуациях; ориентация на внешние механизмы социального контроля; готовность к использованию предоставленной власти в собственных интересах.

Первая деформация имеет отношение к корпоративному мышлению и правосознанию. Она эксплуатируется в целях создания наиболее благоприятных условий для получения сверхприбылей крупным капиталом. Другие деформации имеют общечеловеческое «измерение», получая наиболее заметное воплощение в коррупции.

¹ Овчинников О.А., Тришкин С.В. Правовые и социальные аспекты, оказывающие влияние на коррупционную ситуацию в России // *Административное право и процесс*. 2012. N 5. С. 7 – 11; Романенко Н. В. О правовой регламентации института публично-правовой неприкосновенности // *Российская юстиция*. 2015. N 8. С. 42 - 45.

² Байниязов Р. С. Проблемы правосознания в современном российском обществе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. Безносос С. П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004; Крапивина О.В. Эмоциональное выгорание как форма профессиональной деформации у пенитенциарных служащих: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тамбов 2004; Осицкий А.К. Психологические механизмы самостоятельности М.; Обнинск: ИГ–СОЦИН, 2010. – 232 с.

Список литературы

- Байниязов Р. С. Проблемы правосознания в современном российском обществе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
- Безносков С. П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004.
- Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия "Библиотечка судебного конституционализма". Вып. 2. М.: Юрист, 2013. - 176 с.
- Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. - С. 169.
- Казаков А. А. Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов в сфере уголовного судопроизводства // Lex russica. 2016. № 4. С. 115 – 123.
- Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М.: Фонд «Либеральная мысль», 2010. – 196 с.
- Кративина О. В. Эмоциональное выгорание как форма профессиональной деформации у пенитенциарных служащих: Автореф. дис. ... канд. психол. наук, Тамбов, 2004.
- Малько А. В. Иммунитеты в праве: общетеоретические проблемы // Вестник Волжского университета. - 1999. - № 6.
- Морозова И. С. Льготы в российском праве (вопросы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999
- Овчинников О.А., Тришкин С.В. Правовые и социальные аспекты, оказывающие влияние на коррупционную ситуацию в России // Административное право и процесс. - 2012. - № 5. - С. 7 – 11.
- Осницкий А.К. Психологические механизмы самостоятельности М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. – 232 с.
- Репьев А.Г. Иммунитет как категория российского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
- Романенко Н. В. О правовой регламентации института публично-правовой неприкосновенности // Российская юстиция. - 2015. - № 8. - С. 42 - 45.
- Сулменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.
- Хруцкий Э. Криминальная Москва. М., 2000. – 320 с.

Пинкевич Т.В.

Особенности обеспечения криминологической безопасности в сфере цифровой экономики

Features of Criminological Security in the Digital Economy

Аннотация: В статье анализируются проблемные вопросы обеспечения криминологической безопасности в сфере цифровой экономики. По мнению автора, процесс внедрения цифровых технологий не только диктуют новые правила созидания, но и увеличивают криминологические риски и угрозы, что подтверждает необходимость исследовать последствия распространения цифровых технологий. При этом, автор указывает на необходимость создания современного механизма обеспечения криминологической безопасности. Особое внимание в статье уделяется проведению мониторинга, прогнозирования социальных последствий внедрения цифровых технологий и подготовке специалистов правоохранительной деятельности к работе в условиях цифрового общества, а также обучению населения способам, методам, приемам и формам защиты от преступных посягательств в указанной сфере.

Abstract: The article analyzes the problematic issues of criminological security in the digital economy. According to the author, the process of introduction of digital technologies not only dictate new rules of creation, but also increase criminological risks and threats, which re-

quires to investigate the consequences of the spread of digital technologies. At the same time, the author points to the need to create a modern mechanism to ensure criminological safety. Particular attention is paid to monitoring, forecasting the social consequences of the introduction of digital technologies and training of law enforcement specialists to work in a digital society, as well as training of the population in ways, methods, techniques and forms of protection against criminal attacks in the field of digital technologies.

Ключевые слова: цифровые технологии, мониторинг, механизм, обеспечение, криминологическая безопасность, преступность.

Key words: digital technologies, monitoring, mechanism, provision, criminological security, crime

Обеспечение криминологической безопасности в сфере цифровой экономики требует в современных условиях существенной переориентации деятельности правоохранительных органов на реальное выполнение основной задачи защиты жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз. Такие изменения обусловлены принятием государством направления на развитие цифровой экономики и формирование цифрового общества, которые в свою очередь характеризуются существенными, как положительными, так и отрицательными изменениями, происходящими в обществе. Так, процессы внедрения цифровых технологий не только диктуют новые правила созидания, но и увеличивают криминологические риски и угрозы¹, поэтому уже сегодня следует исследовать последствия столь стремительного все поглощающего распространения цифровых технологий. Именно их изучение позволит определить прогноз о том, «как будет меняться структура преступности, какие будут появляться новые формы организации преступных сообществ, как изменится преступное поведение под воздействием технологий новой технологической революции и т.п.»². Однако, в настоящее время, не достаточно разработаны механизмы выявления криминологических рисков и пресечения угроз, связанных с развитием цифровой экономики и с созданием и применением на практике цифровых технологий³. Особое значение приобретает и выявление социальных факторов, которые должны быть учтены при создании современного механизма обеспечения криминологической безопасности.

Одним из основных механизмов обеспечения криминологической безопасности, можно считать мониторинг факторов, определяющих криминологические угрозы. Так, в современных условиях необходимо получение сведений о результатах мониторинга социально-экономического развития⁴, социально-экономической и социально-политической ситуации в стране. Особое внимание следует уделять исследованию преступности и проблем-

¹ Пинкевич Т.В. Криминологические риски индустрии цифровых технологий в России / Криминологические реалии, реагирование на них и закон (Москва, 23-24 января 2018 г.) / под ред. А.И. Долговой. – М., 2018. С. 94.

² Овчинский В.С. Как изучать организованную преступность в XXI веке : <https://izborsk-club.ru/15222.14мая2018>.

³ Пинкевич Т.В. Там же. С.94.

⁴ Письмо Минэкономразвития России от 05.10.2018 N Д14и-1974 «О проведении мониторинга прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов»//<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=582296#003539112225932883>

ным вопросам противодействия ей и прогнозу на ближайшие 3-5 лет. Полученные результаты исследования позволят определить прогноз изменения структуры противоправных проявлений и выявить особенности воздействия развития цифровых технологий на изменения, происходящие не только в экономической, политической и социальной сфере, но и в структуре преступности. Но кто и как должен проводить такой мониторинг?

Постоянный мониторинг в соответствии с законом РФ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹ в сфере профилактики правонарушений как особый комплекс мероприятий, направленных на получение полной информации о состоянии профилактики правонарушений проводится МВД РФ в субъектах РФ, но единого комплексного исследования, которое бы объединило все показатели преступности, определило причинный комплекс и пути снижения уровня криминологических угроз и рисков, нет. Статистические отчеты, которые представлены на сайтах правоохранительных органов не отражают полной картины криминогенной ситуации в стране. Зачастую исследуются только статистические показатели, зарегистрированной преступности, в редком случае - указывается ущерб. Пришло время отказаться от такого рода мониторинга и осуществлять анализ, основой которого должны стать, результаты работы с использованием методов и программ искусственного интеллекта, анализа больших данных и математико-статистических методов². Такая подготовка должна вестись совершенно на новом методологическом уровне.

Но для этого необходимо: а) запретить в политических целях использовать криминальную статистику; б) создать единую базу данных по преступности, которая будет ориентирована на машинную обработку данных и количественный анализ, что позволит «используя одни фрагменты данных, извлекать более глубокие выводы из других, казалось бы, не связанных с первыми, баз сведений»³; в) пополнить базу данных открытых исследований преступности, внутренней статистикой правоохранительных органов, при этом провести разделение по критерию достоверности информации о событиях, ситуациях, персонах, организациях и т.п.; г) дополнить информацией о деятельности общественных приемных, молодежных и ветеранских организаций, учебных заведений, а также результатами мониторинга в интернет-среде; д) уделить особое внимание анализу и прогнозированию преступности, с ее региональным аспектом, личности преступника, причинного комплекса с целью прогнозирования и противодействия тем новым вызовам криминологической безопасности, которым необходимо противостоять.

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ :<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=199976&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7524468668141593>

² Овчинский В.С. Указ. соч.

³ Например, в 2016 г на конференции в Академии ФБР было принято решение о создании такой базы в рамках программы ФБР на 2015-2025 гг. «Искусственный интеллект против криминала» (См. Овчинский В.С. Там же)

Если весь названный массив информации постоянно пополнять и анализировать с учетом новых цифровых технологий, то, по мнению В.С. Овчинского «будет сформирован беспрецедентный массив информации о преступности»¹, который, как представляется, должен быть основным материалом для оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов и вспомогательным материалом для повышения качественной и эффективной деятельности всех субъектов профилактики. Именно результаты такой деятельности должны быть положены в основу подготовки целевых программ по противодействию преступности.

Следующим механизмом обеспечения криминологической безопасности является прогнозирование социально-экономического, социально-политического развития общества и социальных последствий, с учетом факторов и процессов, угрожающих криминологической безопасности государства. В их числе речь должна идти и о научном предвидении в сфере противодействия преступности. Она позволяет на основе результатов наблюдений, изучения закономерностей и тенденций, особенно криминологических закономерностей общественных отношений и результатов научно обоснованного криминологического прогноза, изучения законодательной базы и определения наступления состояний, детерминирующих преступные проявления, прогнозировать свойства преступных проявлений в будущем².

Результативность такого мониторинга будет зависеть от того, насколько правильно будет подобран набор сведений, необходимых для получения требуемого результата. Нельзя оставлять без внимания и исследование социальных последствий цифровой экономики и внедрение цифровых технологий. Сегодня сложно представить какого уровня достигнет безработица при внедрении робототехник искусственного интеллекта, а то, что уровень ее будет высоким не вызывает сомнений, так как многие считающиеся ранее профессиональными специалистами окажутся невостребованными в новых условиях. А на фоне продления срока выхода на пенсию такая ситуация приведет к еще большему расслоению общества и росту преступности. Это сразу скажется на уровне миграции, поскольку именно она является индикатором ухудшения социально-экономических, политических и экологических условий. При этом увеличится не только внутренняя, но и внешняя миграция, а численность нелегальных мигрантов будет возрастать.

Особое внимание должно уделяться в ходе мониторинга состоянию защищенности населения Российской Федерации и ее регионов от преступности в сфере цифровых технологий. В этой связи, большую роль, в ходе мониторинга, будет играть применение технологии «Больших данных», а именно информационной системы, включающей обработку и использование в цифровом виде сведений колоссального объема и неоднородного содержания. Большие данные –

¹ Овчинский В.С. Указ. соч.

² Пинкевич Т.В. Указ. соч. С.94.

это «фундамент делового, политического и культурного могущества страны»¹, который является «наиболее ценным в мире активом, определяющим капитализацию компаний»². Как свидетельствуют результаты проведенных исследований, для анализа структурированных и неструктурированных данных (больших данных) уже существует достаточное количество инструментов, методов и программ интеллектуального анализа данных, которые успешно работают в государственном и частном секторах³. Особое значение здесь имеет и использование эффективных методов интеллектуального анализа.

Одним из механизмов обеспечения криминологической безопасности следует считать и проведение экспертизы принимаемых нормативно-правовых актов и государственных решений. Итогом такой работы могут стать предложения по подготовке и применению криминологического обоснования всех принимаемых законодательных актов, а также предложений по изменению законодательства. Особое внимание должно быть уделено «криминологической экспертизе не только уголовно-правовой, но и других составных частей (отраслей, подсистем, направлений) единой политики в сфере борьбы с преступностью: уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, административно-правовой»⁴.

И, конечно же, особое значение должно быть уделено разработке и реализации мер организационного, нормативно-правового и методического характера в целях обеспечения экономической безопасности⁵. В их числе: соответствующая подготовка специалистов, техническая оснащенность правоохранительных органов новейшими технологиями цифрового мира, сотрудников правоохранительных органов и банковской сферы, разработка методических рекомендаций по противодействию современным вызовам преступности. Но самое главное необходимо привлечение современных специалистов, имеющих определенные знания в названной сфере.

В связи с этим необходима разработка и внедрение специальной образовательной программы предназначенной для обучения будущих специалистов правоохранительной деятельности и повышения квалификации действующего правоохранительного сообщества способами, методам, приемам и формам обеспечения криминологической защиты населения от преступных посягательств; и в то же время такое же направление деятельности должно быть направлено на обучения населения самостоятельным способам, методам, приемам и формам защиты от преступных посягательств в сфере цифровых технологий.

¹ Ларина Е.С. Криминал будущего уже здесь. – М., Книжный мир. – 2018. - С. 344.

² Там же.

³ Овчинский В.С. Как изучать организованную преступность в XXI веке : <https://izborsk-club.ru/15222> . 14 мая 2018.

⁴ Шабанов Д.В. Криминологическая обоснованность уголовного законодательства и практики его применения в сфере охраны собственности: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – Краснодар, 2017.

⁵ Пинкевич, Т. В. Легализация криптоиндустрии: за и против /Уголовная политика и правоприменительная практика: Сб. статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции 3 ноября 2017 г. // под ред. Е. Н. Рахмановой, доктора юридических наук, доцента// Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО РГУП, - СПб, 2018 г. – С. 301.

Список литературы

Ларина Е.С. Криминал будущего уже здесь. – М., Книжный мир. – 2018. - С. 344.

Овчинский В.С. Как изучать организованную преступность в XXI веке : <https://izborsk-club.ru/15222> . 14 мая 2018.

Пинкевич Т.В. Криминологические риски индустрии цифровых технологий в России / Криминальные реалии, реагирование на них и закон (Москва, 23-24 января 2018 г.) / под ред. А.И. Долговой. – М., 2018. С.94.

Пинкевич Т. В. Легализация криптоиндустрии: за и против /Уголовная политика и правоприменительная практика: Сб. статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции 3 ноября 2017 г. // под ред. Е. Н. Рахмановой, доктора юридических наук, доцента// Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО РГУП, - СПб, 2018 г. – С. 301.

Шабанов Д.В. Криминологическая обоснованность уголовного законодательства и практики его применения в сфере охраны собственности: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 – Краснодар, 2017.

Пудовочкин Ю.Е.

Понятие, критерии и пределы учета общественной опасности преступления судом

Concept, Criteria and Limits of Accounting of Public Danger of Crime by Court

Аннотация. Общественная опасность, будучи ключевым признаком преступления, имеет оценочный характер. Ее параметры измеряются и оцениваются на двух уровнях: уголовно-политическом, когда законодатель принимает решение о криминализации деяния, и на правоприменительном, когда суд решает вопросы квалификации деяния и определения меры уголовно-правового воздействия. Оценка опасности преступления судом – сложная и многоаспектная задача. В статье раскрываются основные теоретические подходы к осуществлению такой оценки: предмет оценки, ее параметры и пределы.

Abstract. Public danger, being a key sign of a crime, has an evaluative character. Its parameters are measured and evaluated at two levels: criminal-political, when the legislator decides to criminalize the act, and law enforcement level, when the court decides on the qualification of the act and chooses the penalty. Assessment of the danger of crime by the court is a complex and multifaceted task. The article describes the main theoretical approaches to the implementation of such an assessment: the subject of evaluation, its parameters and limits.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность, характер и степень общественной опасности, правоприменительная деятельность

Key words: crime, public danger, character and degree of public danger, law enforcement activity

Объективные трудности, возникающие в связи с оценкой социально-психологических и политико-правовых аспектов общественной опасности, преодолеваются в конституционно установленной процедуре и разрешаются посредством закрепления в уголовном законе ответственности за то или иное преступление. С этого момента общественная опасность деяний определенно-го вида считается официально подтвержденной. Возможные сомнения в справедливости криминализации, конечно, остаются на уровне доктринальных и общественных дискуссий; для правоприменителя же констатируется данность: описанные в законе деяния являются общественно опасными.

Это вполне зримое различие уровня, субъектов, содержания дискуссий об общественной опасности закрепляется четкой законодательной формулой, определяющей понятие преступления. Преступлением, согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ, является общественно опасное, виновно совершенное и противоправное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания.

Наличие признака общественной опасности в нормативной дефиниции преступления, как известно, неоднозначно оценивается наукой. Существует мнение, что в условиях правового государства, когда суд подчиняется только закону, а закон воплощает в себе начала права и справедливости, когда функции законодателя и суда предельно «разведены» (один создает закон, другой его исполняет), для описания понятия преступления достаточно лишь указания на его противоправность, ибо противоправное деяние по определению не может не быть общественно опасным. Строго следуя этой логике, оценка деяния как общественно опасного должна осуществляться исключительно на уровне принятия решения о его криминализации, тогда как правоприменителю достаточно соотнести признаки конкретного деяния с его нормативным описанием, чтобы сделать вывод о преступности этого деяния. При таком подходе правоприменитель как бы исключается из круга субъектов оценки общественной опасности деяния и превращается в «слепого» исполнителя законодательной воли.

Между тем, такой формальный, восходящий к абсолютным проявлениям нормативизма подход, в современных условиях не может быть ни теоретически оправдан, ни практически реализован. Самостоятельная оценка судом уголовного закона с точки зрения соответствия его нормативных предписаний идеалам справедливости – важнейший компонент правоприменения и функционирования суда как государственного института, реальное воплощение механизма «сдержек и противовесов» в правовом государстве, подлинное участие суда в реализации уголовной политики страны. Оценка параметров общественной опасности преступления в этом отношении составляет необходимый элемент такой системы.

В теоретико-прикладном аспекте также важно подчеркнуть, что законодательная оценка общественной опасности распространяется на все деяния определенного вида, которые в конкретно-исторической обстановке воспринимаются как вредоносные, в то время как правоприменитель всегда имеет дело с конкретным поведенческим актом, который имеет неповторимые характеристики, уникальную конфигурацию причинного комплекса, своеобразные последствия и т.д. Распространять «без оглядки» на этот индивидуальный акт человеческого поведения обобщенные оценки, сформулированные законодателем для всех подобных деяний, было бы не верным, ни с точки зрения законов формальной логики, ни с позиций выполнения задач правосудия. Ведь именно оцененная правоприменителем «индивидуальная опасность» конкретного преступления выступает необходимым условием возложения на лицо бремени уголовной ответственности и индивидуализации

объемов связанных с этим правоограничений, тем самым составляя часть процесса отправления правосудия и выступая условием достижения его целей.

Таким образом, оценка общественной опасности преступления судом составляет важнейший, необходимый элемент общего механизма разделения властей, защиты прав человека, юридической квалификации содеянного, индивидуализации ответственности, и в целом – обеспечения справедливости.

Переходя к вопросу о содержании и критериях оценки преступления судом, надо сделать несколько предварительных замечаний относительно самого предмета оценки – общественной опасности преступления.

Во-первых, следует четко различать опасность преступления и опасность лица, совершившего преступление.

Нет сомнений в том, что эти феномены тесно взаимосвязаны, и что опасность личности во многом определяется опасностью совершенного ею преступления. Однако нет оснований и для того, чтобы отождествлять их или смешивать. В науке было высказано мнение, что «отделить свойства деяния от свойств деятеля невозможно»¹, что «недопустимо выводить из факторов, образующих общественную опасность, личность виновного, а также рассматривать ее в отрыве от общественно опасного деяния»².

Однако согласиться с таким подходом в полной мере вряд ли возможно. Совокупная оценка опасности преступления и опасности личности, действительно, и оправдана, и необходима. Вместе с тем такое «сложение опасностей», даже с точки зрения законов формальной и математической логики не приводит к тому, что одно из двух слагаемых наделяется значением их суммы. Такая «совокупная опасность» характеризует не преступление как юридический факт, и не личность преступника, она отражает опасность некоего социального явления – общественно опасное поведение лица. В данном случае представляется разумным поддержать суждение В. В. Мальцева о том, что «общественно опасное поведение, включает в себя общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и личность виновного с ее общественно опасными свойствами»³. Иными словами, «сумма опасностей» деяния и личности дает нам представление об опасности человеческого поведения не как обособленного акта действия или бездействия, подпадающего под признаки преступления, а как некоего эпизода социальной биографии этого человека. Это, безусловно, важный показатель, имеющий существенное значение для решения уголовно-правовых задач противодействия преступности, но он все же не есть показатель общественной опасности именно преступления.

¹ Бриллиантов А.В. Общественная опасность деяния // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 250.

² Солодков И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – С. 13.

³ См. об этом: Мальцев В. В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993. – С. 9.

О различающихся аспектах опасности преступления и опасности личности виновного можно ответственно говорить в весьма многочисленных ситуациях, например, при совершении преступления небольшой тяжести или при замене на менее тяжкую категорию преступления, совершенного при наличии рецидива, опасного или особо опасного рецидива; при оценке особо тяжкого преступления впервые совершенного лицом с безупречной репутацией вследствие случайного стечения тяжелых жизненных обстоятельств; при утрате лицом общественной опасности вследствие изменения обстановки и т.д. Эти и ряд иных ситуаций убедительно доказывают, что при всей взаимосвязи, опасность преступления и опасность личности – не совпадающие феномены, имеющие, к тому же, различающиеся критерии и параметры оценки.

Опасность личности виновного, пожалуй, только в одном случае может составлять компонент опасности преступления: если свойствам личности законодатель придает значение одного из признаков состава преступления. Характерной иллюстрацией здесь может служить проблема конструирования преступлений с административной преюдицией, а также квалифицирующих признаков «повторности», «совершения преступления ранее судимым лицом», «совершения преступления рецидивистом». Учитывая, что обсуждение вопроса о допустимости и целесообразности таких конструкций выходит за пределы предмета анализа, оставим его в стороне, констатируя лишь одно: в случае если и когда такие свойства личности включаются законодателем в число признаков состава преступления, их правовая природа кардинально меняется, они утрачивают значение собственно личностных свойств человека и становятся признаком преступления, что требует их оценки уже с позиций опасности не лица, а совершенного им преступления.

Второй момент, на который следует обратить внимание, состоит в необходимости уточнения предмета, наделяемого свойствами опасности, - самого деяния.

В уголовно-правовой науке сегодня сложилось два основных подхода к пониманию того, какому именно деянию (поведению, явлению) может быть присуща общественная опасность. Некоторые юристы (Ю.И. Ляпунов, В.С. Прохоров¹) утверждают, что общественная опасность выражает весь тот ущерб, который причиняется обществу вне зависимости от социальных и иных качеств субъекта и его вины; что она присуща не только противоправному поведению, но и иным причиняющим силам (например, силам природы). Другие специалисты (В. В. Мальцев, М.И. Ковалев, П.А. Фефелов²), напротив, указывают, что поскольку

¹ Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. – М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – С. 26; Прохоров В. С. Преступление и ответственность. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – С. 23.

² Мальцев В. В. Введение в уголовное право. – Волгоград: ВА МВД России, 2000. – С. 58; Ковалев М. И. Понятие и признаки преступления, и их значение для квалификации. – Свердловск: СЮИ, УрГУ им. А. М. Горького, 1977. – С. 34; Фефелов П.А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности. Основные методологические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1972. – 14, 24.

социально обусловленное общественно опасное поведение людей формируется при осознании субъектом своих интересов в качестве противоречащих интересам общества, то и общественная опасность может быть свойством только и исключительно сознательного волевого поведения.

Представляется, что этот глубокий методологический спор сегодня можно разрешить на основе уголовно-правовых предписаний. Учитывая, что ч. 3 ст. 20 УК РФ не рассматривает в качестве преступлений общественно опасные деяния несовершеннолетних, обнаруживающих отставание в психическом развитии; ст. 37 УК РФ допускает необходимую оборону от общественно опасного посягательства (которое может и не являться преступлением в силу отсутствия в нем таких признаков субъекта, как возраст или вменяемость); ст. 97 УК РФ признает общественную опасность свойством деяний, дающих основание для применения принудительных мер медицинского характера, можно констатировать в целом, что согласно УК РФ общественная опасность не является свойством, характерным только для сознательного виновного поведения. Наличие этого признака в первую очередь зависит от того, чему и какой вред причиняется или создается угроза причинения. В этом отношении общественная опасность – есть объективный признак деяния. В то же время наличие вины и ее формы изменяют показатели общественной опасности и придают ей особое качество, позволяющее устанавливать за такое виновное общественно опасное деяние публично-правовую ответственность.

Третий значимый момент заключается в том, что общественная опасность не есть эксклюзивный признак преступления.

В науке давно ведется, на наш взгляд, малосодержательный спор относительно того, обладают ли общественной опасностью только преступления или же и иные правонарушения также. По мнению некоторых специалистов, иные, кроме преступления, правонарушения могут быть лишь общественно вредными, но не опасными¹. Тогда как другие совершенно обоснованно, по нашему представлению, указывают что «понятие общественной опасности рассматривается как универсальное понятие, которое характеризует все правонарушения»². С таким подходом стоит согласиться, учитывая, что общественная опасность заключается в свойстве деяния причинять вред охраняемым системой права общественным отношениям, вне зависимости от того, насколько велик этот вред. Опасность заключена в самом действии или бездействии лица, которое по своим внутренним характеристикам и свойствам является негативным социальным отклонением, угрожающим стабильности общества и безопасности составляющих его членов. Прав Ф.Н. Сотсков, когда указывает, что деяние становится общественно опас-

¹ См.: Дурманов Н.Д. Понятие преступления. – М. - Л.: Издательство АН СССР, 1948. – С. 135–136; Самошенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. – М. Юрид. лит., 1963. – С. 53.

² Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. – М., 1969 // Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 443.

ным тогда, когда его результат причиняет вред объектам и общественным отношениям, охраняемым законом, а вот преступлением, малозначительным деянием или проступком оно становится после оценки законодателем характера и степени общественной опасности конкретного деяния¹.

Наконец, четвертый аспект общетеоретического понимания общественной опасности преступления состоит в признании ее категорией, зависящей не только от объективных, но и от субъективных признаков преступления.

При раскрытии понятия общественной опасности преступления в науке зачастую делается акцент на том, что преступлением причиняется вред или создается угроза причинения вреда. На этом основании формулируются утверждения об объективном характере общественной опасности, а следовательно, и о критериях, исходя из которых можно о ней судить. К таким рассуждениям стоит подходить осмотрительно. Общественная опасность, как категория объективная, тем не менее, всегда есть результат оценки деяния определенным субъектом и в этом отношении несет на себе отпечаток субъективных предпочтений и субъективного статуса того, кто ее оценивает. Но этот субъективный компонент отражает не предмет оценки – деяние, а результат оценочной деятельности. В самой же общественной опасности деяния отражаются не только его объективные признаки, но субъективные устремления автора этого деяния, субъекта преступления. В этом отношении предметом оценочной деятельности выступает общественная опасность как объективно-субъективная категория.

Изложенные теоретические подходы к пониманию общественной опасности преступления позволяют перейти к вопросу о том, в чем, собственно, она состоит и чем определяется.

Общепризнанным в науке является понимание того, что общественная опасность преступления заключается в свойстве запрещенного уголовным законом деяния причинять вред или создавать угрозу причинения вреда тем общественным отношениям, которые в силу их особой значимости для личности, общества и государства, поставлены под охрану и допускают применения для своей защиты наиболее суровых средств правового воздействия в отношении нарушителей.

Это свойство общественной опасности (или вредоносности – для целей нашего исследования мы не видим особой необходимости противопоставлять эти понятия) зависит от множества факторов. В науке, в принципе, существует широкая зона согласия относительно того, чем определяется опасность преступления, от чего она зависит. Еще Н.Д. Дурманов, описывая обстоятельства, определяющие общественную опасность, указывал на объект посягательства, причиняемый ему ущерб, степень вероятности наступления этого ущерба и его размеры, пространственно-временные условия и обстановку осуществления

¹ Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 47 – 48.

посягательства, способ совершения преступления, обстоятельства, относящиеся к субъективной стороне посягательства, включая мотивы и цели действий преступника, признаки субъекта преступления¹. В тех или иных вариациях эти суждения воспроизводятся и в современной литературе.

При этом все специалисты сходятся во мнении, что обстоятельства, определяющие общественную опасность, позволяют оценить соответствующий признак преступления с качественно-количественной стороны, то есть определить характер и степень общественной опасности. При этом, однако, соотношение понятий «характер» и «степень» общественной опасности воспринимается в науке различным образом.

К примеру, Н. Ф. Кузнецова писала, что характер и степень отражают одновременно опасность и преступлений определенного вида, и каждого отдельного преступления: характер – с качественной стороны, степень – с количественной². В этом ее поддерживают и иные специалисты³.

В тоже время другие авторы (и нам представляется, что их позиция более убедительна) утверждают о том, что характер и степень отражают различные уровни оценки преступления: характер свидетельствует о об опасности преступлений определенного вида, а степень – об опасности конкретного преступления. По этому поводу В.В. Мальцев пишет: «если «характер» опасности употребляется для выражения качественной определенности конкретного вида преступлений, характеризует опасность как бы «снаружи» по отношению ко всей остальной массе преступных посягательств, то «степень» опасности используется для отражения спектра ее количественных изменений, раскрывает опасность вида деяния «изнутри». Если «характер» опасности, в основе которого находятся общие свойства преступлений, вполне употребим в различных значениях — меняется всего лишь уровень абстрагирования, то «степень» опасности, охватывающая и отдельные, специфические свойства каждого преступного деяния, можно использовать только при оценке обстоятельств реально совершенного преступления в рамках его конкретного вида, ибо всякое нормативное закрепление свойств деяния является определенной ступенью обобщения, предполагающей обязательный отказ от специфики этих свойств, непереносимое абстрагирование от особенностей опасности деяния, а следовательно, означает и утрату термином «степень» опасности части своего основания и обретение им черт понятия «характер» общественной опасности преступления»⁴.

Именно этот подход, как представляется, разделяет сегодня и высшая судебная инстанция. Такой вывод можно сделать, исходя из анализа динамики ее позиции в части толкования терминов «характер» и «степень» об-

¹ Дурманов Н.Д. Понятие преступления. – М. - Л.: Издательство АН СССР, 1948. – С. 160 – 167.

² Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. – М., 1969 // Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. – СПб., 2003. – С. 435 – 442.

³ См., например: Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. – Киев: Вища шк., 1983. – С. 45; Козлов А. П. Понятие преступления. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 720 – 724.

⁴ Мальцев В. В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993. – С. 27.

ественной опасности преступления. Если Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 3 от 29 июня 1979 г. «О практике применения судами общих начал назначения наказания» обошел стороной вопрос о содержании понятия «характер общественной опасности», то Пленум Верховного Суда РФ, взяв на себя решение этой задачи, продемонстрировал существенную эволюцию во взгляде на проблему. В частности: в постановлении № 40 от 11 июня 1999 г. «О практике назначения судами уголовного наказания» не содержится указания на то, кем определяется характер опасности, но указываются лишь критерии его оценки, в постановлении № 20 от 29 октября 2009 г. «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» установлено, что характер опасности определяется судом, но в соответствии с законом, а постановление № 58 от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» уже прямо указывает, что характер опасности определяется уголовным законом, но лишь учитывается судом.

Представляется, что указание на субъекта оценки характера опасности в противопоставлении субъекту учета этой опасности, непосредственно связано с пониманием того, что законодатель по определению не может оценить характер общественной опасности конкретного, отдельно взятого преступления, ибо он оперирует обобщенными категориями, видовым понятием преступления. Характер общественной опасности определен законодателем, когда он принял решение о криминализации того или иного общественно опасного деяния. В этом отношении характер опасности не может быть и изменен без законодательного решения. Прав в том отношении А.В. Бриллиантов, когда пишет, что характер общественной опасности – фактор неизменный¹, с той лишь оговоркой, что оценка характера опасности деяний определенного вида остается неизменной в пределах действия уголовного закона, но вполне может быть изменена в процессе изменения самого закона.

Такое понимание характера общественной опасности преступления ставит вполне определенные пределы его восприятия судом. Суд не вторгается в оценку характера общественной опасности, ибо иное означало бы сомнение в обоснованности самой криминализации деяния. Суд лишь учитывает, принимая то или иное правоприменительное решение, характер опасности преступления.

Иное дело – степень общественной опасности преступления. Это показатель опасности конкретного, индивидуально определенного преступления. Это динамическая категория, меняющая свои параметры от одного деяния к другому. На это обращено внимание во всех постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, раскрывающих понятие степени общественной опасности. Во всех постановлениях содержится в целом совпадающий перечень критериев для оценки степени опасности деяния: характер и размер послед-

ствий деяния, способ совершения преступления, его мотивы и цели, роль виновного, степень реализации преступных намерений и т.д. Этот список критериев обоснованно представлен открытым списком.

Традиционный взгляд на степень общественной опасности преступления как на ее количественную характеристику с необходимостью ставит вопрос о том, что «степень» может быть измерена математически, что есть некая «мера» степени опасности, которая различает одно преступление от другого. Между тем, все попытки обдумать и разрешить этот вопрос в научной литературе не увенчались сколько-нибудь значимым результатом. Думается, что основная причина тому – отсутствие представлений о единицах изменения общественной опасности преступления и отсутствие возможности такие единицы найти. Если преступление есть зло, измерить это зло математически так же невозможно, как невозможно при помощи математики исчислить степень доброты, вежливости, порядочности и других социально-этических понятий. Измерить можно некоторые критерии оценки общественной опасности, например, размер имущественного вреда, размер вреда, причиненного здоровью и т. д. Но измерить саму опасность вред ли возможно. Такое измерение всегда будет выступать не измерением в чистом виде, как оно представлено в математических науках, а оценкой. Оценкой, основанной на изучении судом определенных критериев, показателей опасности (в частности, тех, что указаны в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ). Оценка эта всегда будет отражать субъективный, личностный компонент, связанный с мировоззрением, профессиональным сознанием, жизненным опытом судьи, его морально-деловыми качествами. В этом отношении оценка степени общественной опасности преступления судом – это не только сугубо уголовно-правовая, правоприменительная задача, но и задача, решение которой восходит к проблематике осуществления судебной власти и реализации судом уголовной политики страны.

Оценка и учет общественной опасности преступления судом – она из основных (если не основная!) задача, которую призван решать суд при рассмотрении любого уголовного дела. Требование такого учета «красной нитью» проходит через все содержание уголовного закона. В частности:

а) при установлении основания уголовной ответственности суд должен:

- установить, что характер опасности совершенного лицом деяния соответствует законодательному представлению об общественной опасности преступления, то есть зафиксировать наличие признаков состава преступления в деянии (ст. 8, ч. 1 ст. 14 УК РФ);

- признать, что степень общественной опасности совершенного лицом деяния настолько высока, что требуется реализация именно уголовной ответственности (ч. 2 ст. 14 УК РФ);

- исключить несоответствие действий, совершаемых при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, опасности посяательства на охраняемые законом ценности (ст. 37, ст. 38 УК РФ);

¹ Бриллиантов А.В. Общественная опасность деяния // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 247.

- определить категорию совершенного преступления, в том числе с учетом возможности ее изменения в сторону понижения (ст. 15 УК РФ);

б) при определении меры уголовно-правового воздействия в отношении лица, совершившего преступление, суд должен:

- с учетом общественной опасности преступления решить вопрос о возможности освобождения лица от уголовной ответственности (глава 11 УК РФ);

- назначить лицу справедливое наказание, исходя, в том числе, из оценки опасности совершенного преступления (ст. 60 УК РФ);

- решить вопрос о возможности признания отягчающим обстоятельством состояния опьянения (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ);

- учесть характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений при оценке рецидива преступлений (ч. 1 ст. 68 УК РФ);

- рассмотреть вопрос о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 64 УК РФ);

- обсудить вопрос о возможности сохранения за виновным права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 4 ст. 47 УК РФ);

- учесть характер и степень общественной опасности совершенного преступления при назначении условного осуждения (ч. 2 ст. 73 УК РФ);

- оценить возможность освобождения от уголовного наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1, ст. 134 УК РФ).

Во всех приведенных уголовно-правовых нормах содержится прямое требование к суду – оценивать и (или) учитывать характер и степень общественной опасности преступления (в том числе наряду с иными критериями) при принятии того или иного решения по уголовному делу.

Стоит однако обратить внимание, что учет общественной опасности преступления, при всей значимости этой уголовно-правовой категории, имеет и некоторые пределы, заданные самим уголовным законом, согласно положениям которого в ряде случаев принятие решения по уголовному делу обосновывается данными, отражающими иные социально значимые обстоятельства и не связанные с опасностью преступления. Предельно четко эту мысль сформулировало постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 21 апреля 2009 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», в котором, в частности, указано, что при рассмотрении вопросов, связанных с освобождением осужденного от уголовного наказания «характер и степень общественной опасности совершенного осужденным преступления, в том числе его тяжесть и последствия, не могут являться основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства или представления, поскольку они служат критериями для установления сроков, указанных в статьях 79, 80 и 93 УК РФ, а также учтены судом в приговоре при назначении наказания осужденному». Несоблюдение этих пределов вле-

чет за собой принятие неправильных судебных решений, которые впоследствии отменяются высшей судебной инстанцией¹.

Список литературы

- Бриллиантов А.В. Общественная опасность деяния // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4.
- Дурманов Н.Д. Понятие преступления. – М. - Л.: Издательство АН СССР, 1948.
- Ковалев М. И. Понятие и признаки преступления, и их значение для квалификации. – Свердловск: СЮИ, УрГУ им. А. М. Горького, 1977.
- Козлов А. П. Понятие преступления. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
- Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. – Киев: Вища шк., 1983.
- Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. – М., 1969
- Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
- Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. – М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989.
- Мальцев В. В. Введение в уголовное право. – Волгоград: ВА МВД России, 2000.
- Мальцев В. В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993.
- Прохоров В. С. Преступление и ответственность. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
- Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. – М. Юрид. лит., 1963.
- Солодков И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013.
- Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
- Фефелов П.А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности. Основные методологические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1972.

Номоконов В.А.

Уголовная политика в свете принципов Новой криминологии

Criminal Policy in the Light of the Principles of New Criminology

Аннотация. В рамках исследования проблем оптимизации современной отечественной уголовной политики всё более явно ощущается потребность в создании концептуальных основ новой криминологии как интегративной науки с перспективным использованием идей, выдвинутых и обоснованных философской и психологической наукой, которые до сих пор не включались в методологию криминологии. Автор поддерживает предложения о поиске и об обосновании принципиально новых подходов к расширению методологического и теоретического арсенала криминологии, об объединении усилий представителей всех гуманитарных и даже естественных и точных наук. Важной представляется актуализация проблемы возможности и целесообразности использования гуманно-личностного подхода как противовеса тотальной роботизации и насилию, а также критического переосмысления устоявшихся взглядов на всемогущество силовых вариантов решения социальных проблем, включая преступность.

¹ БВС РФ. – 2018. – № 8. – С. 41; БВС РФ. – 2016. – № 4. – С. 22 – 23; Верховный Суд РФ. Дело № 11-УД 15-31. Кассационное определение от 11 августа 2015 г.

Abstract. As part of the study of the problems of optimization of modern domestic criminal policy, there is an increasing need to create the conceptual foundations of new criminology as an integrative science with the prospective use of ideas put forward and justified by philosophical and psychological science, which have not yet been included in the methodology of criminology. The author supports the proposals on the search and justification of fundamentally new approaches to the expansion of methodological and theoretical arsenal of criminology, to unite the efforts of representatives of all humanities and even natural and exact sciences. It is important to actualize the problem of the possibility and expediency of using a human-personal approach as a counterweight to total robotization and violence, as well as a critical rethinking of the established views on the omnipotence of power options for solving social problems, including crime.

Ключевые слова: криминология, преступность, уголовная политика, гуманно-личностный подход.

Key words: criminology, crime, criminal policy, human-personal approach.

Проблема стратегии и тактики противодействия преступности является сквозной для правоприменительной практики. Отраднo, что отечественные специалисты в области уголовного права и криминологии, практики, достаточно интенсивно исследуют названную проблему¹. Сегодня мы наблюдаем некий парадокс: на фоне очевидного обострения экономической ситуации, роста политической напряжённости, усиления социального расслоения в стране, массового правового нигилизма, т.е. известных криминогенных факторов, зарегистрированная преступность и в стране и в регионах продолжает катиться вниз с 2007 года.

В 2018 году, по официальным данным МВД РФ, продолжалось снижение числа преступлений и потерпевших в результате преступных посягательств. В предшествующие 20 лет, после незначительного снижения преступности в начале «перестройки» (до 814 на 100 тысяч человек 1987 году), преобладала, напротив, тенденция повышения преступности. В России общий уровень преступности достиг наивысшей отметки в 2006 году, составив 2695 преступлений в расчете на 100 тысяч человек постоянного населения. В 2018 году он упал до 1360 на 100 тысяч человек. Сократились даже кражи, не говоря уже об убийствах и изнасилованиях². И это требует своего научного объяснения.

Да, немалую роль в формировании тенденций регистрируемой преступности играло реформирование законодательства и правоприменительной практики. Да, определенное влияние на изменение числа правонарушений могли оказывать значительные изменения численности возрастных групп, в большей степени склонных к совершению правонарушений (молодежи). Да, молодёжь сегодня массово с улиц «ушла в виртуал», сместив активность в сети Интернета. Да, всё больше увеличиваются «ножницы» меж-

¹ См., напр.: Социальный контроль над преступностью: что делать? Материалы XXXI Международной Балтийской криминологической конференции. СПб., 2019; Трифонов И. Преступления без наказания // Профиль. 2018. 26 ноября

² См. подробнее: Щербакoвa E. Преступность в России, 2018 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0809/barom01.php>.

ду растущим числом подаваемых заявлений и сообщений граждан и числом возбуждаемых уголовных дел и это тоже порождает немало вопросов к достоверности как общей, так и уголовной статистики.

Мы все понимаем, что благополучные вроде бы цифры преступности явно контрастируют с продолжающейся моральной деградацией населения, повсеместной коррупцией и нарастающей ненавистью. Всё это требует глубокого исследования, и возможно, в аспекте новых научных подходов

Человечество сегодня подошло к критической черте, за которой грозно маячит гибель от глобальных и локальных войн, терроризма, насилия, эпидемий, голода, жажды, социальных потрясений в результате раскола на благополучное меньшинство и обездоленное большинство, религиозных и этнических конфликтов, паразитирования одной части человечества на другой его части и т.п.

Есть ли альтернатива? Криминологи совместно с коллегами, представляющими другие области науки, пытаются внести посильный вклад в попытки решения социальных проблем. Представляется, что проблема заключается не только в плохой криминологической обоснованности антикриминальной политики в глобальном и национальном масштабах, и не только в игнорировании полезных рекомендаций криминологической науки.

Актуальной задачей является *расширение и обновление методологического и теоретического арсенала криминологии*, объединении усилий представителей всех гуманитарных, и даже естественных и точных наук. Такие предложения уже сделаны и их, безусловно, следует поддержать. Трудность и неразрешённость целого ряда проблем, на наш взгляд, обусловлена чрезмерной узостью «поля зрения» отдельных наук.

Медленно, но ситуация, кажется, начинает меняться. Характерно, что известный криминолог, советник министра внутренних дел В.С. Овчинский, в одной из своих последних работ говорит уже именно о *контроле* над преступностью, а не, как многие раньше, о борьбе с ней, что ближе к стандартам скорее мировой, чем отечественной, криминологии¹.

1). Полагаю, что назрела необходимость поиска и обоснования принципиально новых подходов (принципов), как к объяснению закономерностей современной преступности, так и предложений по оптимизации антикриминальной политики. Говоря о принципах или основах новой криминологии, я имею в виду тот её раздел, где речь идёт о криминологии на новой методологической основе - не традиционной вульгарно-материалистической и не религиозно-идеалистической, а т.н. реалистической философии. Мне думается, что здесь заложен потенциал для качественного прорыва общественознания вообще и криминологии в частности.

Представляется, что современная наука вообще и криминология в том числе, подошла к рубежу, за которым обозначился *переход к новой методологической основе, а именно – реалистической философии*. В одном из но-

¹ См.: Овчинский В.С. Контроль над преступностью в цифровом обществе: современные технологии как инструмент борьбы с криминалом // http://zavtra.ru/blogs/kontrol_nad_prestupnost_yu_v_tcifrovo...

вых отечественных учебников впервые в современной отечественной философии реализован подход с позиции реалистического мировоззрения. Реализм понимается как подлинно диалектическое направление, "снимающее" крайности материализма и идеализма и понимающее природу и дух как равнозначные, равновеликие, противоположные стороны мироздания¹.

К новому мировоззрению призывают и учёные мира. Ряд известных мировых специалистов, представляющих различные отрасли знания, собравшись в 2014 г. на саммит о постматериалистической науке, призвали к тому, чтобы учёные не боялись исследовать духовность и духовный опыт, поскольку они представляют собой центральный аспект человеческого бытия².

Пожалуй, общим недостатком многих криминологических работ последнего времени является их приверженность старым устоявшимся подходам, устаревшим теоретическим взглядам. В рамках новых подходов представляется перспективным использовать идеи, выдвинутые и обоснованные философской и психологической наукой, и, не исключено, даже эзотерическими положениями, которые до сих пор не включались в методологию криминологии, но могли бы быть полезными для решения криминологических задач.

Надо сказать, что наша идея о возможном использовании данных эзотерики встретило вполне ожидаемую критику (Ю.М. Антонян). Любопытно, что в это же время проф. Ю.М. Антонян, отвергая категорически религиозные постулаты, тем не менее, полагает полезным и возможным привлекать батюшек для профилактики преступлений³. Двойной стандарт?

2). В числе важнейших принципов можно назвать личностный подход. Казалось бы, проблема личности преступника уже и без того всесторонне исследована криминологами и уже «белых пятен» не осталось. Однако, как представляется, несмотря на обилие работ, посвящённых проблеме личности, в криминологии пока преобладает в значительной мере механистический, упрощённый взгляд на личность преступника. Неслучайно в последнее время и в судебно-следственной практике борьбы с преступностью всё более отчётливо обнаруживается явное обезличивание, выражающееся в слабом учёте либо вообще игнорировании особенностей личности преступника. Больше того, всё громче слышны голоса тех, кто полагает, что не существует разницы между теми, кто совершает преступления и законопослушными гражданами. Уже становятся даже общим местом утверждения о том, что в самой природе человека заложена склонность к преступлениям, о том, что совершит или не совершит преступление конкретный человек, зависит, прежде всего, от случайного стечения обстоятельств и т. п. В этой связи вновь актуализировалась про-

¹ См. подробнее: Обухов В.Л. и др. Реалистическая философия. СПб., 2009.

² См.: Манифест постматериалистической науки // <http://eroskosmos.org/manifesto-of-post-materialistic-science/>.

³ См. подробнее: Антонян Ю.М. Перспективы криминологии // Общество и право. 2019. № 1. С. 26; Номоконов В.А., Судакова Т. М. Осмысление будущей криминологии: обзор современных тенденций // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 11, № 4. — С.247–257.

блема возвращения личности в центр криминологической и уголовно-правовой проблематики.

Возможно, стоит задуматься об адаптации криминологии к какому-то более рациональному подходу, в котором будут главенствовать личностно-ориентированные принципы по формированию гармоничной личности (если это вообще будет возможным) как базы ранней, прежде всего, профилактики преступности. Суть его - в признании целостной сущности человека: он есть полнота двух природ – духовной и материальной, в которых ведущей является природа духовная.

Проф. Антонян выступает категорически против данного тезиса о том, что человек по своей сущности - носитель Духа и что, может быть, пора криминологии включить в свой предмет сущность личности в этом аспекте, поскольку это, якобы, теологический, а не научный подход¹. Такое возражение можно было бы принять, если бы мы оставались на позициях, как нам представляется, устаревшей вульгарно-материалистической философии.

А вот что утверждает известный эзотерик В. Гиберт: «не бывает злых людей, темных, есть всего лишь люди очень обиженные. И эти обиды вокруг человека образуют черную шелуху. Я искренне верю, что у каждого, даже самого подлого или мерзкого на ваш взгляд человека есть светлое ядро. Глядя в него, в его ядро, я прежде всего проникаю в чистоту его души. Я не обращаю внимания на то навязанное в нем, на шелуху снаружи. Копая глубже и обращаюсь к нему светлому. И человек, от того, что хоть кто-то его любит, несмотря на его проявления, начинает расцветать. И все лишнее само отваливается»². Криминологи и психологи давно заметили, что насильственные преступники в детстве или в юности поголовно пережили опыт унижения, насилия над ними, и впоследствии они начинают мстить и уже не только обидчикам, но и ни в чём не повинным людям.

Глубоко убеждён в том, что любое преступление - и всегда – это не только вина, но и беда, драматическая ошибка лица в выборе жизненного пути или конкретного варианта поведения. Но как добиться осознания этого самим виновным? Как добиться покаяния, без которого остаётся высокой вероятностью повторения подобной ошибки?

3). Принцип универсального гуманизма и ненасильственного разрешения конфликтов. На наш взгляд, нуждается в критическом переосмыслении устоявшееся упование на всемогущество силовых вариантов решения социальных проблем, включая преступность. В этой связи возникает сакраментальный вопрос: исчерпана ли старая забытая идея «непротивления злу насилием»? Понимаю, насколько спорно, особенно в нашей профессиональной среде, даже ставить подобный вопрос. Разумеется, общество и государство, как и любой гражданин, имеют право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств, это не может обсуждаться. Преступные посягательства должны пресе-

¹ См.: Антонян Ю. М. Цит. соч. С. 26.

² Гиберт В. Моделирование будущего. СПб., 2013. С. 34-35.

каться по всей строгости закона. Речь идёт о возможности, целесообразности, условиях и границах применения к преступникам государством и обществом мер, альтернативных принудительным. И речь в данном случае идет не просто о развитии и дальнейшем воплощении существующих институтов (к примеру, восстановительного правосудия), а о формировании нового подхода, с теми базовыми тактическими и стратегическими принципами, которые были бы стройно вплетены в контекст будущего общества.

Великие русские писатели, как известно, высказали в своё время отношение к этой проблеме. Пока, к сожалению, идеи Толстого о том, что закон жизни человеческой есть закон любви, дающей высшее благо как отдельному человеку, так и всему обществу, остаются невостребованными и насилие продолжает омрачать нашу жизнь. Но может ли человечество предложить принципиально что-нибудь другое, кроме морального самосовершенствования, осознания приоритетности Духовного начала?

Ф. М. Достоевский, как известно, увидел в добре не столько беззащитность, сколько жизненную силу. Носители добра становятся в его творчестве людьми, влияющими на ход исторических событий. Он так же, как и Л.Н. Толстой, считал, что добро как реальная сила не может насаждаться искусственно, насильственно, оно может быть только результатом собственных исканий и убеждений человека, выступая и существуя как внутренний идеал. Утрата нравственности в обществе представляется Достоевскому опасной потому, что зло позволяет с легкостью манипулировать душами, а продвижение человека по пути зла приводит только к разрушению. Мир включает в себе основания и для гармонии, и для дисгармонии. Основанием первой является добро, второй – зло¹.

Высказанные, казалось бы, утопические идеи, тем не менее, нашли своё развитие в трудах наших современников. Так, известный американский исследователь, врач-психиатр Д. Хокинс, на обширном практическом и теоретическом материале пришёл к выводу, что простая доброта к себе и ко всему сущему представляет собой самую могущественную силу. Сила всегда ассоциируется с тем, что выступает в поддержку жизни. Она вызывает к благородному началу в человеке, в противоположность насилию, которое обращается к тому, что мы называем грубыми энергиями. Сила стремится к тому, что возвышает и делает человека достойным, — к благородству. Насилие отождествляется им с ущербностью, а сила — с целостностью и совершенством. Насилие всегда порождает силу противодействия; ее влияние заключается в том, чтобы разделять, а не объединять. Разделение всегда подразумевает конфликт; поэтому его цена бывает очень высокой. Если сила вызывает к нашей высшей природе, то насилие обращается к низменным инстинктам. Оно ограничено, сила же не имеет границ. Духовность всегда сопровождается отсутствием насилия².

¹ См.: Проблема человека в философии Ф. М. Достоевского // <https://infopedia.su/9x125b8.html>

² См.: Хокинс Д. Сила против насилия. СПб., 2010.

По мнению Д. Хокинса, если нельзя убивать человеческое существо, этот принцип не должен иметь никаких исключений. Общество, в котором разрешена смертная казнь, всегда будет сталкиваться с убийствами. И то, и другое является результатом одного и того же уровня восприятия. Для убийцы смерть жертвы тоже становится позволительным исключением¹. Чезаре Беккариа в своё время, как известно, выступал в числе первых учёных за отмену смертной казни, обосновывая это, в частности, теми же аргументами.

В наши дни мы ещё редко сталкиваемся с практической реализацией принципа универсального гуманизма и ненасильственного разрешения конфликтов. Этого никак не скажешь и о нашей российской политике борьбы с преступностью, грешащей явно чрезмерной криминализацией многих деяний, опасность которых вызывает сомнения у специалистов и наоборот, впрочем, также и либерализацией в отношении деяний, опасность которых, напротив, не должна допускать их декриминализации или депенализации.

Говоря о недопустимости преувеличения роли принудительных методов обеспечения общественной безопасности, о повышении степени терпимости общества к отклоняющемуся поведению, конечно, надо видеть и определённую границу, порог, черту, за которую нельзя переступать, чтобы не нарушить хрупкий баланс между правами человека и интересами общественной безопасности².

Общая задача педагогики и криминологии должна заключаться в очищении Душ от деструктивной скверны, в возвращении личности её подлинного человеческого облика. По своему социальному содержанию каждый человек - продукт Социума, а по сущности - носитель Духа (частицы Бога/Космического Разума и т. п.). Может быть, пора криминологии включить в свой предмет сущность личности в этом аспекте?

4). *Принцип формирования «здорового общества».* В своё время Э. Фромм выдвинул идею «здорового общества», имея в виду общество социальной гармонии. К последнему он относил общество, соответствующее потребностям человека. Это такое общество, в котором ни один человек не является средством для другого человека. Это общество, в котором такие качества как алчность, склонность к эксплуатации невозможно использовать для достижения материальной выгоды и роста личного престижа. Нездоровое, ущербное общество, напротив, порождает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляций и эксплуатации. Но если человек живет в условиях, противоречащих его природе, основным требованиям его развития и душевного здоровья, то он не может не реагировать на них; он вынужден либо деградировать и погибнуть, либо создать условия, более согласующиеся с его потребностями³.

И этот принцип вызвал возражения. Проф. Ю.М. Антонян пишет:

¹ Там же.

² См. подробнее: Данилов А. Преступноведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4.

³ См.: Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005. С. 26, 28, 112, 268 и др.

«Какая судьба ни ждет криминологию, она не должна исходить из того, что насилие и в целом зло преодолимы, они, в том числе преступность, будут существовать вечно, а зло есть потому, что есть добро». И далее: «прекраснодушные рассуждения о «здоровом обществе», «обществе социальной гармонии» и т.д. не могут быть расценены иначе, как элементарная маниловщина»¹. Да, я, конечно, отдаю себе отчет в том, что общество социальной гармонии остаётся ещё далёкой мечтой. Но я уверен в том, что осознание человечеством всего того, что мешает быть полноценными людьми, поможет минимизировать криминогенные факторы и двигаться в сторону реального снижения уровня и степени опасности преступности.

Не ставя своей задачей описывать более конкретный облик будущего общества, будем исходить из предположения, что верх, рано или поздно, всё же возьмёт идея воплощения высших ценностей государства. Под высшими ценностями государства понимаются специфические желаемые состояния и характеристики наиболее важных для его жизнеспособности факторов, выступающих и деятельностными мотиваторами для народа и государственной власти. К таким жизненно важным факторам государства безусловно должно относиться утверждение высокой нравственности как на уровне государства, так и каждого отдельного человека.

Нуждается в специальном исследовании предположение о том, что любое преступление есть проявление не просто безнравственности, а духовного рабства (исключение одно: когда преступно само государство или его законы). В безнравственном государстве его граждане, по сути, объективно ставятся в положение духовных рабов, которые не ощущают своей нравственной ответственности перед государством и другими гражданами. Нравственное государство заботится о формировании духовно-нравственного облика граждан, осознающих приоритет духовного начала в реализации стратегии своей личной судьбы.

Вне зависимости от того или иного ответа на поставленные выше вопросы, бесспорно, что параметры и направления развития отечественной уголовной политики в существенной степени будут зависеть от формата и степени совершенства будущего общества. Общества, которое либо будет всячески содействовать развитию и внедрению рекомендаций Новой криминологии, понимая её вклад в реальное позитивное воздействие на преступность, либо, наоборот, исподволь деградирующее государство не увидит необходимости в новых подходах со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Список литературы

Антоян Ю.М. Перспективы криминологии // Общество и право. 2019. № 1.

Данилов А. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4.

¹ Антоян Ю.М. Цит. соч., С. 26.

- Гиберт В. Моделирование будущего. СПб., 2013.
Манифест постматериалистической науки // <http://eroskosmos.org/manifesto-of-post-materialistic-science/>.
Номоконов В.А., Судакова Т. М. Осмысление будущей криминологии: обзор современных тенденций // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 11, № 4.
Обухов В. Л. и др. Реалистическая философия. СПб., 2009.
Овчинский В.С. Контроль над преступностью в цифровом обществе: современные технологии как инструмент борьбы с криминалом // http://zavtra.ru/blogs/kontrol_nad_prestupnost_yu_v_tcifrovo...
Проблема человека в философии Ф. М. Достоевского // <https://infopedia.su/9x125b8.html>.
Социальный контроль над преступностью: что делать? Материалы XXXI1 Международной Балтийской криминологической конференции. СПб., 2019.
Трифонов И. Преступления без наказания // Профиль. 2018. 26 нояб.
Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005.
Хокинс Д. Сила против насилия. СПб., 2010.
Щербакова Е. Преступность в России, 2018 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0809/barom01.php>.

Милоков С. Ф.

О соотношении судебной и внесудебной репрессии в механизме противодействия преступности

The Balance between Extrajudicial and Judicial Repression in Combating Crime

Аннотация. Нежелание российской власти провести контрреформы в интересах большинства российского населения обуславливает достаточно широкое использование судебной и внесудебной репрессии в противодействии особо опасным преступникам

Abstract. The unwillingness of the Russian authorities to carry out counter-reforms according to the interests of the majority of the Russian population causes a fairly wide use of judicial and extrajudicial repression in countering particularly dangerous criminals.

Ключевые слова: Контрреформы, латифундисты, внесудебная репрессия

Key words: counter-reforms, latifundists, extrajudicial repression

Основной причиной сегодняшней нестабильности российского общества и слабой поддержки населением государственных структур (в т. ч. так называемых «силовых») является ограбление основной части граждан России в ходе преступной приватизации, процесс которой, увы, не остановился в 90-х гг. прошлого века, а продолжается и поныне. Законопослушной части общества мало что достается от гигантских барышей добывающих монополий, причем основная часть сверхприбыли уходит за рубеж и присваивается пресловутой глобальной олигархической властью¹.

В качестве нетривиального доказательства беззастенчивого присвоения национальных богатств страны кучкой т. н. «олигархов» и сросшихся с

¹ Корецкий Д., Милоков С. Экономические преступники — друзья или враги народа? // Уголовное право. 2013. №3. — С. 86-90; Милоков С. Ф. Транснациональное кубло экономических хищников: мы или они? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. №2 (41). — С. 30-31.

ними чиновников приведем недавно опубликованные журналом Forbes сведения о крупнейших землевладельцах России. Семья бывшего министра сельского хозяйства РФ А. Ткачева владеет 649 тысячами гектаров земли в Краснодарском крае, Адыгее, Ростовской области и Ставропольском крае. В. Евтушенко (63 место в списке российских богачей по версии того же журнала) принадлежит 412 тысяч гектаров в тех же регионах. Братья Виктор и Александр Линники обратили в свою собственность целый миллион (!) гектаров уже в других регионах — Калининградской, Тульской, Брянской, Орловской, Калужской, Смоленской, Белгородской и Курской областях¹.

Это как раз те местности (за исключением, естественно, Калининграда-Кенигсберга, который, впрочем, тоже принадлежал, пусть и короткое время Российской империи в XVIII веке и был возвращен Пруссии в период недолгого царствования Петра III), где, с одной стороны находились наиболее плодородные земли, а, с другой стороны, крестьяне веками страдали от безземелья, что порождало смуты, локальные восстания и даже настоящие крестьянские войны.

Обращает на себя внимание и относительно низкая стоимость высокопродуктивной земли. Даже на настоящий момент стоимость земельных угодий фирмы «Агрокомплекс» им. Н. И. Ткачева составляет всего 68,5 млрд руб., а агрохолдинга «Степь» и фирмы «Мираторг» (принадлежащих соответственно В. Евтушенко и братьям Линшекам) и того ниже — около 45 млрд руб. Отсюда можно догадаться, за какие ничтожные суммы они приобрели названными латифундистами.

Думается, что власть, уповая на сомнительный постулат об исчерпанности лимита на революции, пока не пойдет на коренное улучшение благосостояния населения, прекращение разрушительного давления на промышленность, сельское хозяйство, системы здравоохранения, образования, научных изысканий и социального обеспечения. Посему в обозримом будущем не стоит ожидать проведения в России кардинальных контрреформ, позволивших бы перевести ее на рельсы ленинского НЭПа или современных Китая и Вьетнама, успешно сочетающих общегосударственное и частное начало. Если, конечно, в ней в очередной раз и, как всегда, «неожиданно» не произойдут серьезные потрясения, которые спутают карты политическим и экономическим игрокам.

Остается уповать лишь на то, что здравомыслящая часть отечественного управленческого аппарата не допустит дальнейшего наращивания режима «наибольшего благоприятствования» хотя бы наиболее одиозным представителям организованной (прежде всего, гангстерского, террористического и коррупционного типов) и неорганизованной частей преступного множества (массовых и серийных убийц, насильников-педофилов, громилхулиганов, профессиональных воров, высокочеловеческих мошенников-одиночек и др.).

¹ Нешецев М. Кому принадлежит российская земля // Metro. 2019. 20 июня.

После многолетнего спада регистрации преступных проявлений в январе-мае 2019 года обозначился ее незначительный прирост (+2,0 %). Пока трудно судить насколько устойчива эта тенденция, поскольку сразу в 33-х субъектах Российской Федерации по-прежнему фиксируется снижение числа выявленных преступлений.

За последнее десятилетие среди отечественных криминологов появились те, кто склонны верить в благостные показатели падения преступной активности населения, особенно молодого¹. Думается, что для подобного оптимизма нет объективных оснований. Снижение регистрации — результат отвлечения огромного числа полицейских и сотрудников других правоохранительных ведомств на нейтрализацию массовых политических выступлений оппозиции (прежде всего ориентированной на Запад) и катастрофического снижения профессиональной (в том числе юридической) подготовки основной части силового корпуса², который растет количественно, но отнюдь не качественно.

На это указывают даже препарированные статистические данные. За те же пять месяцев 2019 года количество преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, сократилось на 3,8 %, а с использованием такового — сразу на 6,6%. И это при нарастающих темпах милитаризации населения, прежде всего его криминально пораженной части! То же видно и в отношении мигрантов, преступная активность которых якобы упала еще в большей степени — на 7,9%.

Задачей криминологов и правоведов является побуждение государства отказаться от нарастающей пассивности в противодействии преступным проявлениям, развевать иллюзии относительно возможности саморегуляции социальных противоречий.

Надо продолжить на должном научном уровне дискуссию о возврате в систему наказаний конфискации имущества, отказе от «моратория» на смертную казнь и распространения ее на верхушку коррупционеров, казнокрадов, наркочеловеческих и государственных изменников, подобно тому, как это делается в ведущих государствах мира — Китае, Индии, Японии и Соединенных Штатах. В качестве противовеса исключительным наказаниям, к которым, помимо расстрела, мы относим пожизненное и сверх длительное (более 20 лет) лишение свободы, следует реанимировать ссылку и высылку, используя их для привлечения осужденных, их близких, соответствующие государственные и частные структуры для заселения обезлюдиваемых с конца с конца 80-х гг. территорий Севера, Сибири, Забайкалья и Приморья.

Эти меры должны подкрепляться внесудебной репрессией не только и

¹ Милоков С. Ф., Сипягина М. М. Отзыв на автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук Бытко С.Ю. На тему: «Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты. Саратов. Саратовская гос. юрид. акад., 2018-46 с. // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. №2. — С. 265-267.

² Милоков С. Ф. Правовое невежество как злокачественная угроза национальной безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. №4 (43). — С. 29-32.

не столько в виде уничтожения членов вооруженных террористических экстремистских и бандитских формирований, но и, прежде всего, разрушения их инфраструктуры, финансового разорения, дискредитации их вожаков и активных участников в средствах массовой коммуникации¹ и т. п.

При этом важно работать на упреждение, не дожидаясь наступления пагубных последствий действий особо опасных преступников, а искусственно создавая контролируруемую ситуацию, при которой их легче обезвредить и задержать, не допуская при этом, конечно, фальсификации доказательств².

Список литературы

Корецкий Д., Милоков С. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. № 1. – С. 112-114.

Корецкий Д., Милоков С. Экономические преступники — друзья или враги народа? // Уголовное право. 2013. №3. – С. 86-90.

Милоков С. Ф. Внесудебная репрессия как способ противодействия особо опасным посягательствам на экономическую систему // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. №1. – С. 126-127.

Милоков С. Ф. Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук (специальность 12.00.08): Дударенко В. В. Юридическая природа провокации преступления в уголовном праве. Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т, 2017.-196 с. // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: матер. IV межведомств. науч. практич. конф. / отв. ред. В.Л. Кувалдин. М.: ИД Юриспруденция, 2019. – С. 69-74.

Милоков С. Ф. Правовое невежество как злокачественная угроза национальной безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. №4 (43). – С. 29-32.

Милоков С. Ф. Транснациональное кубло экономических хищников: мы или они? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. №2 (41). – С. 30-31.

Милоков С. Ф., Сипягина М. М. Отзыв на автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук Бытко С.Ю. На тему: «Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты. Саратов. Саратовская гос. юрид. акад., 2018-46 с. // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. №2. – С. 265-267.

¹ Корецкий Д., Милоков С. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. № 1. – С. 112-114; Милоков С. Ф. Внесудебная репрессия как способ противодействия особо опасным посягательствам на экономическую систему // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. №1. – С. 126-127.

² Милоков С. Ф. Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук (специальность 12.00.08): Дударенко В. В. Юридическая природа провокации преступления в уголовном праве. Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т, 2017.-196 с. // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: матер. IV межведомств. науч. практич. конф. / отв. ред. В.Л. Кувалдин. М.: ИД Юриспруденция, 2019. – С. 69-74.

Раздел II. Проблемы современного уголовного законодательства Уголовное право. Общая часть

Антонова Е. Ю., Антонов И. М.

К вопросу об эффективности системы наказания для несовершеннолетних

Questionable Effectiveness of the Juvenile Penal System

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с эффективностью системы наказаний, которые могут быть назначены несовершеннолетним лицам, совершившим преступление. Анализируются статистические данные об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. Авторы формулируют вывод о недостаточной эффективности существующей в настоящее время системы наказаний для несовершеннолетних лиц.

Abstract: The article deals with issues related to the effectiveness of the system of punishments that can be assigned to minors who have committed a crime. Authors have analyzed statistical data on convicts who have committed crimes as juveniles. The authors draw a conclusion about the lack of effectiveness of the current system of penalties for minors..

Ключевые слова: наказание; несовершеннолетние; система наказаний несовершеннолетних; эффективность системы наказаний несовершеннолетних.

Key words: punishment; minors; juvenile punishment; the effectiveness of the juvenile punishment system

Российский законодатель предусмотрел усеченную систему наказаний, которые могут быть назначены несовершеннолетним лицам, совершившим преступление (штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок). В данный перечень не включены наказания, которые нецелесообразно назначать несовершеннолетним в силу их социально-правового положения (лишение права занимать определенные должности; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; ограничение по военной службе; содержание в дисциплинарной воинской части), психофизического развития (принудительные работы), а также обусловленные чрезмерной строгостью (пожизненное лишение свободы, смертная казнь), что согласуется с п. «а» ст. 37 Конвенции о правах ребенка, согласно которому ни один ребенок не должен быть «подвергнут пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания. Ни смертная казнь, ни пожизненное тюремное заключение, не предусматривающее возможности освобождения, не назначаются за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет».

Руководствуясь принципом гуманизма, законодатель существенно сократил сроки и размеры наказаний, которые могут быть назначены несовершеннолетним лицам (исключение составляет такой вид наказания как лишение права заниматься определенной деятельностью).

Обращает на себя внимание и п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», в соответствии с которым «суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных статьей 90 УК РФ». Кроме того, при назначении наказания несовершеннолетним лицам, совершившим преступление, суд обязан учитывать не только общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ), но и условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц. Возраст несовершеннолетнего как смягчающее обстоятельство учитывается только в совокупности с другими смягчающими и отягчающими обстоятельствами (ст. 89 УК РФ).

Сказанное позволяет заключить, что законодатель гуманно относится к несовершеннолетним лицам, совершившим преступление. С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что «несовершеннолетний правонарушитель находится в самом начале своего жизненного пути, его моральные установки и социальные связи до конца не сформированы, и от того, насколько правильно будет назначено ему наказание, зачастую зависит вся его дальнейшая жизнь»¹. Но, с другой стороны, всегда ли это оправдано?

Если обратиться к статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, то можно обнаружить, что количество лиц, осуждаемых за совершение преступления в несовершеннолетнем возрасте, сокращается.

Так, в 2008 г. всего осуждено 73 333 несовершеннолетних лиц, совершивших преступление, в 2009 г. – 56 406 (снижение на 23,1% по отношению к предыдущему году), в 2010 г. – 46 954 (снижение на 16,8%), в 2011 г. – 38 287 (снижение на 18,5%), в 2012 г. – 32 572 (снижение на 14,9%), в 2013 г. – 29 205 (снижение на 10,3%), в 2014 г. – 23 586 (снижение на 20,4%), в 2015 г. – 22 939 (снижение на 2,7%), в 2016 г. – 23 939 (прирост на 4,4%), в 2017 г. – 20 646 (снижение на 13,8%), в 2018 г. – 18 826 (снижение на 8,8%)².

Вместе с тем, нельзя не учитывать и высокую латентность, совершаемых несовершеннолетними, преступлений. Как отмечается в научной литературе, во многих образовательных организациях имеется практика «умалчивания» о совершенных несовершеннолетними правонарушениях. Выявляя

факты совершения учащимися мелких хищений, умышленного повреждения имущества, причинения побоев, администрация ограничивается собственными воспитательными мерами¹. Часто это приводит к повторному совершению противоправных деяний со стороны несовершеннолетних лиц.

Обеспокоенность вызывает и большой процент повторных преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами, имеющих неснятую или непогашенную судимость. Так, в 2008 г. из общего числа осужденных несовершеннолетних лиц 16 550 (22,6%) имели неснятые и непогашенные судимости на момент совершения преступления, в 2009 г. – 14 167 (25,1%), в 2010 г. – 11 258 (24%), в 2011 г. – 8 898 (23,2%), в 2012 г. – 7 712 (23,7%), в 2013 г. – 6 591 (22,6%), в 2014 г. – 4 446 (18,9%), в 2015 г. – 4 076 (17,8%), в 2016 г. – 3 968 (16,6%), в 2017 г. – 4 043 (19,6%), в 2018 г. – 3 849 (20,4%)².

Представленные достаточно стабильные показатели повторных преступлений свидетельствуют о неэффективности наказаний, назначаемых несовершеннолетним.

При этом по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ несовершеннолетним, совершившим преступление, как правило, назначается условное осуждение к лишению свободы.

Так, условное осуждение к лишению свободы было назначено в 2008 г. 36 233 (49,4%) несовершеннолетним осужденным, в 2009 г. – 27 912 (49,5%), в 2010 г. – 23 069 (49,1%), в 2011 г. – 18 466 (48,2%), в 2012 г. – 13 531 (41,5%), в 2013 г. – 11 487 (39,3%), в 2014 г. – 10 176 (43,1%), в 2015 г. – 9 467 (41,4%), в 2016 г. – 9 310 (38,9%), в 2017 г. – 7 923 (38,4%), в 2018 г. – 7 244 (38,5%).

Условное осуждение к иным видам наказания назначается значительно реже. Так, в 2008 г. условное осуждение к иным видам наказаний было назначено 1 401 несовершеннолетнему осужденному (1,9%), в 2009 г. – 1 005 (1,8%), в 2010 г. – 705 (1,5%), в 2011 г. – 513 (1,3%), в 2012 г. – 578 (1,7%), в 2013 г. – 571 (2%), в 2014 г. – 343 (1,5%), в 2015 г. – 296 (1,3%), в 2016 г. – 378 (1,6%), в 2017 г. – 331 (1,6), в 2018 г. – 280 (1,5%).

Опять-таки, руководствуясь принципом гуманизма, законодатель допустил возможность повторного назначения условного осуждения в отношении несовершеннолетнего, совершившего в течение испытательного срока новое преступление, не являющееся особо тяжким. Согласимся с Л.М. Прокументовым в том, что совершение нового умышленного преступления в течение назначенного судом испытательного срока свидетельствует о том, что несовершеннолетний не встал на путь исправления и, следовательно, к

¹ Антонян Ю.М., Гончарова М. В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского государственного областного университета. – Сер. Юриспруденция. – 2018. – № 2. – С. 92-94.

² Антонов И. М., Бойко Н. В. Некоторые особенности личности несовершеннолетних повторных преступников // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве: сб. науч. ст. по итогам работы четвертого международного круглого стола. 31 мая 2019 г. Часть 1. – Шахты: ООО «Конверт», 2019. – С. 115-118.

нему нецелесообразно применять меру уголовно-правового воздействия, за-рекомендовавшую себя как неэффективную¹.

В числе реальных наказаний, наиболее часто назначаемых в отношении несовершеннолетних лиц, числятся обязательные работы и лишение свободы на определенный срок.

Так, в 2008 г. реальное лишение свободы к лишению свободы было назначено 16 520 несовершеннолетним осужденным лицам (22,5% от всех осужденных несовершеннолетних лиц), а обязательные работы назначены 8 152 несовершеннолетним (11,1%), в 2009 г. – 11 678 (20,7%) и 7 359 (13%), в 2010 г. – 8 644 (18,4%) и 7 130 (15,2%), в 2011 г. – 6 065 (15,8%) и 6 613 (17,2%), в 2012 г. – 5 053 (15,5%) и 6 749 (20,7%), в 2013 г. – 4 602 (15,7%) и 6 391 (21,9%), в 2014 г. – 3 923 (16,6%) и 3 974 (16,8%), в 2015 г. – 3 962 (17,3%) и 3 834 (16,8%), в 2016 г. – 3 864 (16,1%) и 5 595 (23,4%), в 2017 г. – 3 482 (16,9%) и 4 905 (23,7%), в 2018 г. – 3 163 (18,8%) и 4 205 (22,3%) соответственно. Из представленных данных видно, что с 2011 года такой вид наказания как обязательные работы стал назначаться чаще, чем лишение свободы.

Процент назначения лишения свободы достаточно высок несмотря на то, что законодатель существенно ограничил возможность применения данного вида наказания в отношении несовершеннолетних лиц. В частности, наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые.

Штраф в 2008 г. назначался в отношении 7 481 несовершеннолетнего (10,2%), в 2009 г. – 5 998 (10,6%), в 2010 г. – 4 889 (10,4%), в 2011 г. – 4 267 (11,1%), в 2012 г. – 3 916 (12%), в 2013 г. – 3 440 (11,8%), в 2014 г. – 2 253 (9,6%), в 2015 г. – 2 046 (8,9%), в 2016 г. – 2 199 (9,2%), в 2017 г. – 1 917 (9,3%), в 2018 г. – 1 809 (9,6%).

При этом обращает на себя внимание тот факт, что штраф стал чаще назначаться несовершеннолетним, только после того, как законодатель Федеральным законом от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ установил, что данный вид наказания по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. До введения этого правила штраф к несовершеннолетним лицам практически не применялся. Например, в 2003 году из 98 809 осужденных несовершеннолетних штраф был назначен только 708 лицам (0,7%)².

Считаем, что хотя введение данного правила назначения штрафа несовершеннолетним и способствовало увеличению числа лиц, к которым ука-

занный вид наказания стал применяться, в целом оно привело к нарушению принципа личной ответственности и не может оказать эффективного воздействия на рассматриваемую категорию лиц.

Ограничение свободы в 2010 г. назначалось 488 несовершеннолетним осужденным (1%), в 2011 г. – 655 (1,7%), в 2012 г. – 984 (3%), в 2013 г. – 962 (3,3%), в 2014 г. – 630 (2,7%), в 2015 г. – 572 (2,5%), в 2016 г. – 742 (3,1%), в 2017 г. – 685 (3,3%), в 2018 г. – 662 (3,5%).

Исправительные работы в 2008 г. назначались 2 151 несовершеннолетнему (3%), в 2009 г. – 1 117 (2%), в 2010 г. – 686 (1,5%), в 2011 г. – 407 (1,1%), в 2012 г. – 502 (1,6%), в 2013 г. – 472 (1,7%), в 2014 г. – 295 (1,4%), в 2015 г. – 286 (1,4%), в 2016 г. – 328 (1,5%), в 2017 г. – 314 (1,6%), в 2018 г. – 248 (1,3%).

Такой вид наказания как лишение права заниматься определенной деятельностью практически не применяется к рассматриваемой категории лиц – оно назначалось в 2009 г. одному несовершеннолетнему осужденному и в 2014 г. также одному несовершеннолетнему осужденному.

Изложенное позволяет сформулировать вывод о недостаточной эффективности существующей в настоящее время системы наказаний для несовершеннолетних лиц. Существующая система не способствует достижению всех целей наказания, в частности исправлению осужденного и предупреждению совершения нового преступления (о чем свидетельствует процент повторных преступлений). Кроме того, о пробелах в системе наказаний для несовершеннолетних лиц свидетельствует значительный процент условного осуждения к лишению свободы. С учетом же того, что в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р) ставится задача расширения сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы, полагаем необходимым совершенствование и практики назначения наказания несовершеннолетним лицам.

Список литературы

Антонов И. М., Бойко Н. В. Некоторые особенности личности несовершеннолетних повторных преступников // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве: сб. науч. ст. по итогам работы четвертого международного круглого стола. 31 мая 2019 г. Часть 1. – Шахты: ООО «Конверт», 2019. – С. 115-118.

Антонян Ю. М., Гончарова М. В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского государственного областного университета. – Сер. Юриспруденция. – 2018. – № 2. – С. 92-94.

Киселева Е. С. Система наказаний для несовершеннолетних по современному уголовному законодательству РФ: состояние, эволюция и перспективы // Вестник ТГУ. – 2015. – Вып. 8 (148). – С. 113-121.

Прозументов Л. М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних: вопросы правотворчества и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 421. – С. 183-187.

¹ Прокументов Л. М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних: вопросы правотворчества и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 421. – С. 185.

² Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2007 годы // Судебный департамент при Верховном Суде РФ, 2008. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

Становление и перспективы развития уголовно-правового института обстоятельств, исключающих преступность деяния

Development and Future of Circumstances Excluding the Criminality of an Act Concept in Criminal Law

Аннотация. В статье автор попытался обозначить и рассмотреть наиболее значимые и дискуссионные вопросы общего характера, связанные с обстоятельствами, исключающими преступность деяния. К ним автором отнесены: социальная сущность поведения при рассматриваемых обстоятельствах; природа норм, регламентирующих правовые положения об указанных обстоятельствах и четкость положений гл. 8 УК РФ.

Традиционно основным способом решения исследуемой проблемы принято считать установление уголовно-правовых запретов на совершение тех или иных общественно опасных деяний. Таким же традиционным является и другой способ – исключение преступности содеянного, наказуемого при прочих равных условиях, в силу его специфических социально-правовых характеристик.

Abstract. The article is dedicated to the challenge of separating criminal behavior from non-criminal – a fundamental problem of criminal law regulation. The author tries to identify and consider the most significant and controversial issues related to the circumstances excluding criminality of an act. The author includes in this list the following: the social nature of behavior in the considered circumstances, the nature of the legal definition of these circumstances and the clarity of the provisions of chapter 8 of the Criminal Code.

Traditionally, we consider the establishment of criminal law prohibitions to be the main way to solve our problem. Another tradition method is the exclusion of the act from the offenses due to its specific social and legal characteristics.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, преступление, условия правомерности, правомерный поступок, уголовно-правовая квалификация.

Key words: circumstances excluding the criminality of an act, crime, the conditions of legality, legitimate act, criminal legal definition

В теории уголовного права проблема обстоятельств, исключающих преступность деяния, занимает важное место и признается одной из самых сложных. Несмотря на существование в теории уголовного права целой совокупности обстоятельств, исключающих преступность деяния вопрос этот в науке уголовного права, не является до конца разрешенным.

Ученые правоведы неоднократно пытались рассмотреть обстоятельства, исключающие преступность деяния, как нечто общее, т. е. подойти к ним как к самостоятельному уголовно-правовому институту. Критический анализ юридической литературы позволяет проследить тенденцию становления этого уголовно-правового института. Здесь необходимо подчеркнуть, что в настоящее время, вопросы, касающиеся определению общего понятия обстоятельств, исключающих преступность деяния, их перечня, условий правомерности и другие, до сих пор являются дискуссионными.

Следует отметить, что ныне действующие положения уголовного закона об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, вызывают серьезные теоретические споры и сложности в правоприменительной практике. В числе наиболее значимых дискуссионных моментов общего характера следует выделить социальную сущность поведения при рассматриваемых об-

стоятельствах, природу норм регламентирующих положения об указанных обстоятельствах, полноту и четкость положений гл. 8 УК РФ, возможность применения норм о соучастии и стадиях совершения преступления к лицам, нарушившим условия правомерности причинения вреда, оценку субъективной ошибки, трансформацию одного обстоятельства в другое, конкуренцию норм об обстоятельствах и наличие совокупности указанных обстоятельств¹.

Многочисленные научные дискуссии в отечественной науке уголовного права на протяжении последних десятилетий связаны с вопросом о том, что является основанием и основой для обособления норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в самостоятельный институт Общей части УК. Чтобы ответить на этот вопрос ученые криминалисты пытались сформулировать главное отличие от внешне сходных преступных деяний, а также определить какой признак преступления ими устраняется (общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость). При этом одни авторы отмечали, что поведение человека при данных обстоятельствах является в различной степени общественно полезным², другие — общественно опасным, но в силу прямого указания закона не признается преступным³, третьи же полагали, что указанные обстоятельства характеризует социальная полезность совершенных действий либо их целесообразность в определенной обстановке, а потому и отсутствие как уголовной противоправности, так и общественной опасности деяния⁴. В то же время высказывалась и точка зрения, согласно которой при разных обстоятельствах исключается либо общественная опасность, либо противоправность, либо вина⁵. Целый ряд представителей уголовно-правовой науки, в свою очередь, сделали вывод о том, что рассматриваемые обстоятельства исключают все признаки преступления — общественную опасность, уголовную противоправность, виновность и наказуемость⁶.

Действительно, если обратиться к самому тексту уголовного закона, то уже по самому определению законодателя исключается преступность деяния, что свидетельствует об отсутствии уголовной противоправности. Нет признака виновности в силу того, что лицо осознает не общественную опасность, а общественную полезность совершаемых им действий при необходимой обороне, задержании лица, совершившего преступление, обособленном риске либо вынужденности своего деяния, причиняющего вред, и его направленность на спасение более важного и ценного блага при крайней

¹ Орешкина Т. Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера. // Уголовное право, 2016, № 4. С. 46.

² Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 11.

³ Блинников В.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России. Ставрополь, 2001., С. 17.

⁴ Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков., 1991, С. 37.

⁵ Келина С. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды. // Уголовное право. 1999. № 3. С. 5-7.

⁶ Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций. М., 2004. Т. 1. Общая часть. С. 313.

необходимости, физическом или психическом принуждении. Но деяние, не являющееся уголовно-противоправным и виновным, не может повлечь наказание лица, его совершившего, что, в свою очередь, обуславливает исключение наказуемости¹.

Сложнее определиться с наличием или отсутствием общественной опасности поведения лица при рассматриваемых обстоятельствах. Думается, что следует согласиться с А. В. Наумовым в том, что причинение вреда при рассматриваемых обстоятельствах «компенсируется социально полезными последствиями совершенного деяния для интересов личности, общества и государства»². В действительности же имеет место правомерное поведение, направленное на спасение какого-либо существенного социального блага. Так, при необходимой обороне путем причинения вреда посягающему осуществляется защита жизни, здоровья, законных интересов личности, общества или государства. При крайней необходимости деяние, вынужденно причиняющее вред менее ценному благу, направленно на спасение более ценного блага. Вместе с тем подобного рода вывод нельзя распространять на исполнение приказа, предусмотренное ч. 1 ст. 42 УК РФ, а также на непреодолимое физическое принуждение (ч. 1 ст. 40 УК РФ). Эти нормы для гл. 8 УК РФ являются инородными. Исполнение приказа лицом, обязанным подчиняться и не осознающим его незаконности, а потому и возможности причинения вреда охраняемым уголовным законом отношениям, должно рассматриваться как вариант невиновного причинения вреда в самостоятельной части ст. 28 УК РФ. Непреодолимое физическое принуждение является одним из вариантов непреодолимой силы, исключающей возможность волевого поведения человека. Отсутствие в УК РФ нормы о непреодолимой силе, думается, является пробелом закона, который следовало бы восполнить, предусмотрев общую норму о непреодолимой силе в гл. 3 УК РФ³.

Не являясь общественно опасным, правомерное поведение далеко не всегда может быть признано общественно полезным. Подобный вид правомерного поведения получил название социально допустимого или общественно приемлемого.

Специфическая общая социально-правовая основа, которая обусловила выделение нормативных положений об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в какой-то мере, предопределила и особенности их правовой природы. Целый ряд авторов относит анализируемые нормы к поощрительным⁴. Вызывает и определенные возражения, и отнесение положений об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, к нормам допускающим компромисс в борьбе с преступностью⁵.

¹ Орешкина Т. Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера. // Уголовное право, 2016, № 4. С. 49.

² Наумов А. В. Там же. С. 314.

³ Орешкина Т. Ю. Там же. С. 52.

⁴ Елеонский В. А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. Хабаровск, 1984. С. 30.

⁵ Алиперов Х.Д. Виды норм уголовного законодательства, допускающих компромисс в борьбе с

Думается, что верной является позиция авторов, которые относят нормативные положения об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, к управомочивающим. Такую точку зрения высказывала, например С.Г. Келина, отмечая, что «законодатель дает право на необходимую оборону, обоснованный риск...»¹. При этом следует отметить необходимость исключения из гл. 8 УК РФ норм об исполнении приказа и непреодолимом принуждении, которые не вписываются в систему рассматриваемых обстоятельств.

Важно также отметить, что исследуемые нормы характеризуются определенным своеобразием, связанным с тем, что в отличие от большинства управомочивающих положений уголовного закона они наделяют правами любого человека, а не только должностных лиц органов дознания, следствия и суда².

В науке уголовного права, на протяжении всей ее истории остро стоит вопрос о том, какие обстоятельства следует выделить в качестве исключающих преступность деяния, которые не предусмотрены уголовным законом. Исторически сложилось, что число таких обстоятельств в науке уголовного права и действующем уголовном законодательстве различно. Так, В. Платонов выделял необходимую оборону, крайнюю необходимость и исполнение обязательного приказа³, в то время как Н. С. Таганцев называл восемь оснований, исключающих преступность деяния, - исполнение закона, исполнение приказа, дозволение власти, осуществление дисциплинарной власти, осуществление профессиональных обязанностей, осуществление частного права, необходимую оборону и крайнюю необходимость⁴.

В советский период развития уголовно-правовой науки ряд ученых правоведов предлагал расширить перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния. Кроме тех, что были названы выше, к их числу предлагалось отнести согласие потерпевшего, выполнение общественно полезных профессиональных функций, добровольный отказ от доведения преступления до конца, примирение с потерпевшим, малозначительность правонарушения, истечение сроков давности и давности исполнения обвинительного приговора⁵. Помимо этого, обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, предлагалось считать также добровольный отказ от доведения преступления до конца⁶.

Другой известный русский ученый криминалист Ю. В. Баулин приводит более расширенный перечень таких обстоятельств: осуществление сво-

преступностью. Баку, 1992. С. 5-7.

¹ Келина С. Указ. соч. С. 5.

² Орешкина Т. Ю. Указ. соч. С. 54.

³ Платонов, И.В. Уголовное право. Популярные лекции для самообразования. – СПб. - 1903.- С. 160.

⁴ Таганцев, Н.С. Курс уголовного права. Вып. 1. – СПб. - 1874. – С. 234.

⁵ См., например: Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве - Москва: Юридическая лит. - 1963.; Слущкий И. И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л.: Изд-во ЛГУ. - 1956.

⁶ Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть - М.: Госюриздат. - 1961. – С. 123.

его права; согласие потерпевшего; занятие спортом; выполнение правовых обязанностей; исполнение закона, приказа или приговора; выполнение профессиональных функций; исполнение обязанностей военной службы; принуждение для выполнения правовой обязанности; коллизия обязанностей; исполнение служебного долга; последнее средство; правомерное применение физического насилия, специальных средств и оружия; исполнение законной функции власти; принуждение к повиновению; разрешенная самопомощь; осуществление родительской власти в отношении детей; врачебное вмешательство и др.¹

По мнению следующего, не менее известного правоведа Г. С. Курбанова, к обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния следует отнести: изъятие чужого имущества в небольших размерах либо когда лицо считало себя в праве им распоряжаться; нанесение вреда личности в порядке самозащиты либо в конфликтной ситуации; совершение действий приносящих вред, для того, чтобы избежать худших последствий; причинения вреда лицу в целях восстановления порядка; совершение осуждаемых моралью действий в безвыходном положении; нарушение правовых норм для достижения благоприятных результатов либо спасения посторонних ценностей; совершение действий, когда лицо было вынуждено к этому чужим приказом или обстоятельствами².

Многие ученые юристы отмечали и отмечают направленность на расширение числа обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, критическому отношению к уже закрепленным в уголовном законе в этом проявляется общая тенденция развития уголовного права в целом. Проиллюстрировать это можно обратив внимание на следующий пример.

В настоящее время, когда стали проводиться многочисленные официальные соревнования по таким контактными видам спорта как карате, кикбоксинг, бои без правил при полном контакте, участники этих соревнований, в том числе и международных, нередко получают телесные повреждения, им причиняется вред здоровью, в том числе тот, который подпадает под категорию тяжкого.

В связи с этим возникает целый ряд вопросов уголовно-правового свойства: возбуждаются ли уголовные дела в подобного рода случаях, каков характер уголовно-правовой оценки наступивших последствий, можно ли данные действия спортсменов рассматривать с точки зрения обстоятельств, исключаяющих преступность деяния?

Проводимые спортивные соревнования по тому или иному виду спорта, призваны определить сильнейшего, следовательно, бой (спарринг) не может рассматриваться как нарушение уголовного закона. Действия спортсменов на ринге при взаимном причинении вреда здоровью не могут быть

¹ Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключаяющие преступность деяния - Харьков: Основа. - 1991. - С. 30.

² Курбанов Г. С. Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния, Баку. - 1991.- С. 115-116.

приравнены к драке несмотря на то, что по ряду признаков и даже внешне эти действия аналогичны. Практика проведения подобных соревнований показывает следующее: если во время предусмотренного законом спортивного поединка, риск которого всем участникам известен, с учетом соблюдения правил соревнований один из участников убит либо получил тяжкий вред здоровью, то эти обстоятельства квалифицируются как несчастный случай, за который никто не несет ответственности.

Зарубежное уголовное законодательство подобного рода вопросы решает по-разному. К примеру, для американского уголовного законодательства характерным является отрицание ответственности в этих случаях на основании согласия потерпевшего. Так, в Уголовном кодексе штата Нью-Йорк в ст. 35.15 зафиксировано, что не признается самообороной результат поединка по соглашению, специально не предусмотренный законом. В уголовном кодексе штата Техас также установлено, что если лицо дало предварительное согласие на применение силы нападающим, то его действия не признаются обороной¹.

Относительно так называемых «спортивных» преступлений, в уголовном законодательстве некоторых зарубежных государств отведена отдельная статья. В ситуации, когда при проведении соревнований по разрешенным видам спорта умышленно причиняется тяжкий вред здоровью в нарушение правил игры ответственность наступает на общих основаниях; если повреждение нанесено не намеренно, но с нарушением спортивных правил, то ответственность наступает по неосторожности; если вред причинен не намеренно и без нарушения спортивных правил, то уголовная ответственность не предусмотрена. Примечательно, что судья, согласившийся с нарушением спортивных правил, рассматривается как соучастник.

Российские и советские ученые криминалисты редко обращались к этой теме. Так, М. Д. Шаргородский считал: «Если лицо, нанесшее повреждение, придерживалось существующих спортивных правил, то наступивший результат является случайным, и уголовная ответственность исключается, но если эти правила умышленно или по неосторожности были нарушены, то уголовная ответственность должна иметь место на общих основаниях»².

Понятно, что нанесение какого-либо вреда здоровью или даже причинение смерти во время проведения какого-либо соревнования нельзя приравнивать ни к необходимой обороне, ни к превышению пределов необходимой обороны, так как в этих случаях отсутствует общественно опасное посягательство.

Описанные случаи причинения вреда спортсменам в ходе проведения спортивных соревнований не подпадают и под другие обстоятель-

¹ Уголовное право США. Сборник нормативных актов. Ответственный редактор И.Д. Козочкин. М. - 1986.- С. 54.

² Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР. - 1947.- С. 370-371.

ва, исключают преступность деяния. В некотором смысле они сопряжены с обоснованным риском, в том смысле, что цель участников спортивных соревнований общественно полезна – выявление сильнейшего, определение предельных физических границ возможностей человека. Тем не менее, описываемые ситуации необходимо рассматривать под другим углом зрения.

Некоторые ученые правоведы привязывали описанную ситуацию либо с согласием потерпевшего, либо с риском, который добровольно принимают на себя лица, занимающиеся спортом профессионально. Но правомерность согласия потерпевшего на причинение ему вреда не урегулирована действующим уголовным законодательством РФ, а обоснованный риск, предусмотренный в ст. 41 УК РФ подразумевает несколько иную ситуацию, чем та, которая может возникнуть на спортивных соревнованиях.

А. Н. Красиков, исследовавший этот вопрос, в своих работах неоднократно высказывался о необходимости включения нормы об ответственности за умышленное нарушение правил спортивных соревнований, повлекшее причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью¹. Но в подобных ситуациях может быть причинен и иной вред, даже более тяжкий, например, смерть. Большого количества подобного рода травм, было бы правильней ужесточить сами правила проведения спортивных соревнований, дополнять же уголовное законодательство еще одной уголовно-правовой нормой об ответственности за причинение вреда во время проведения спортивных соревнований нецелесообразно.

Если обратиться к истории формирования уголовно-правового института, обстоятельств, исключают преступность деяния в теории уголовно-правовой науки и законодательстве, то обращает на себя внимание значительный количественный разрыв между ними. Имеют ли значение для уголовного права обстоятельства, не предусмотренные действующим законодательством? Ответ на этот вопрос не однозначен. Одни ученые сходятся в мысли о том, что такого рода обстоятельства, не предусмотренные уголовным законом, не имеют юридического значения. Другие полагают, что даже если ныне действующее уголовное законодательство и не предусматривает какое-либо из них, оно все равно имеет правовое значение в том смысле, что исключает уголовную ответственность.

По справедливому замечанию В. Н. Козака, не предусмотренные действующим уголовным законом обстоятельства не имеют права на самостоятельное существование. Искусственное их объединение в одну группу с уже имеющимися в уголовном законе обстоятельствами, исключают преступность деяния, носит лишь умозрительный характер; изучение таких оснований в курсе уголовного права представляет собой вторжение в совершенно постороннюю для этого права область².

¹ Керимов Д. А. Философские проблемы права - М.: Мысль. - 1972. - С. 116.

² Козак В. Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. - 1981. - С. 52-55.

Тем не менее, в науке уголовного права существует точка зрения, что к обстоятельствам, исключают преступность деяния, относятся также поступки, за которые предусмотрена ответственность не только по уголовному законодательству, но также и иными отраслями законодательства РФ.

Здесь необходимо отметить, что в начале 90 – х годов ученые отмечали, что за все предшествующие годы, в исследовании обстоятельств, исключают преступность деяния, накоплен обширный и разносторонний эмпирический материал. В изучении этого не простого, с точки зрения уголовно-правовой науки вопроса, имеются определенные результаты аналитической деятельности, определились позиции по наиболее дискуссионным проблемам¹. На протяжении длительного времени в науке и теории уголовного права велась оживленная дискуссия относительно института, обстоятельств, исключают преступность деяния. Итоги этой дискуссии, в определенной мере были отражены в проекте Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г., которые, правда, так и не стали нормативным документом.

Рассматриваемый нами уголовно-правовой институт в различные периоды своего развития назывался по-разному. И в настоящее время, это вопрос остается дискуссионным. Н. С. Таганцев называл данные обстоятельства «уничтожающими преступность деяния»².

Если обратиться к уголовному законодательству советского периода, то можно увидеть, что в различные периоды данный уголовно-правовой институт назывался по-разному: «обстоятельства, исключают общественную опасность»³, «обстоятельства, исключают уголовную ответственность»⁴, «исключают уголовную ответственность и наказуемость»⁵. В 60-70 годах прошлого столетия среди ученых криминалистов сформировалось мнение о том, что рассматриваемые обстоятельства следует именовать как исключают не только общественную опасность, но и противоправность деяния⁶. По мнению С. Ф. Милокова, дополнительное указание на отсутствие противоправности делает понимание природы этих обстоятельств более глубоким, всесторонним⁷.

Вместе с тем сам С. Ф. Милоков придерживается несколько иной точки зрения, по его мнению, уголовное право не должно всегда слепо следо-

¹ Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключают преступность деяния - Харьков: Основа. - 1991. - С.8

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. Т. 1 – 2-е изд., пересмотр. и доп. – С.-Пб.: Гос. Тип. - 1902. - С 484-486.

³ Якубович М. И. Учение о необходимой обороне в советском уголовном праве. М., Госюриздат. - 1961. - С.6.

⁴ Халиков К. Необходимая оборона по советскому уголовному праву: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Алма-Ата. -1970. - С.7.

⁵ Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключают уголовную ответственность. Л.: Изд-во ЛГУ. - 1956. - С.-11-12.

⁶ Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть - М.: Госюриздат. - 1961.- С.410-416/

⁷ Милоков С. Ф. Криминологическая обоснованность законодательной регламентации обстоятельств, исключают преступность деяния. Российское уголовное законодательство: опыт криминологического анализа. СПб. - 2000. - С. 93.

вать в русле законодательной регламентации тех или иных институтов, он считает возможным сохранить за данным разделом Общей части УК прежнее, на наш взгляд более точное название: «Обстоятельства, исключаящие общественную опасность деяния»¹.

Следует заметить, что аналогичной точки зрения придерживаются и другие ученые правоведы.

Список литературы

Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / Ю. В. Баулин. - Харьков: Основа. - 1991

Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин. - М.: Юридическая лит. - 1963

Керимов Д. А. Философские проблемы права - М.: Мысль. - 1972.

Козак В. Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. - 1981.

Курбанов Г. С. Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния, Баку. - 1991

Милоков С. Ф. Криминологическая обоснованность законодательной регламентации обстоятельств, исключаящих преступность деяния. Российское уголовное законодательство: опыт криминологического анализа. СПб. - 2000.

Милоков С. Ф. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность деяния. СПб.: Знание. - 1998.

Орешкина Т. Ю. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера. // Уголовное право, 2016, № 4.

Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть - М.: Госюриздат. - 1961

Платонов И. В. Уголовное право. Популярны лекции для самообразования – СПб. - 1903

Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность. Л.: Изд-во ЛГУ. - 1956

Таганцев, Н. С. Курс уголовного права. Вып. 1– СПб. - 1874

Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. Т. 1 – 2-е изд., пересмотр. и доп. – С.-Пб.: Гос. Тип. - 1902.

Уголовное право США. Сборник нормативных актов. Ответственный редактор И.Д. Козочкин. М. - 1986

Халиков К. Необходимая оборона по советскому уголовному праву: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1970.

Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР. - 1947

Якубович М. И. Учение о необходимой обороне в советском уголовном праве. М.,; Госюриздат. - 1961

¹ Милоков С. Ф. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность деяния. СПб.: Знание.- 1998.- С.9.

Коллизионные моменты освобождения от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки по новому УК Республики Казахстан

Exemptions from Criminal Liability Due to Change in Situation in the New Kazakhstan Criminal Code Lead to Contradictions

Аннотация: В данной статье рассматриваются условия освобождения от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки в контексте законодательной интерпретации нового Уголовного кодекса Республики Казахстан 2014 г.

Abstract. New Criminal Code of Kazakhstan (2014) suggests new approaches to the exemptions from criminal liability due to change in situation. The article analyses the legal collisions it has generated and suggests a legislative interpretation of the norm..

Ключевые слова: уголовное правонарушение, уголовная ответственность, освобождение, изменение обстановки.

Keywords: criminal offense, criminal liability, release, change of a situation.

Новый Уголовный кодекс Республики Казахстан, принятый 3 июля 2014 г., сохранил нормы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки, фактически позаимствовав их из прежнего УК РК 1997 г., лишь с небольшими изменениями изложив их в ст. 70 нового УК.

Согласно части первой этой статьи лицо, совершившее уголовное правонарушение, подлежит освобождению судом от уголовной ответственности, если будет признано, что ко времени рассмотрения дела в суде вследствие изменения обстановки совершенное им деяние перестало быть общественно опасным.

Часть вторая излагает условия освобождения применительно к виновному лицу и, если, оно впервые совершило уголовный проступок либо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, то подлежит освобождению судом от уголовной ответственности, если будет установлено, что в силу последующего безупречного поведения это лицо ко времени рассмотрения дела в суде не может быть сочтено общественно опасным.

Как следует из текста Закона, в ч.1 и ч.2 ст. 70 УК РК законодатель закрепил две разновидности освобождения от уголовной ответственности:

- а) изменение обстановки, повлекшее утрату общественной опасности деяния;
- б) безупречное поведение виновного лица, причем в пределах с момента совершения уголовного правонарушения до рассмотрения дела в суде, по причине чего оно не может быть сочтено общественно опасным.

В обоих случаях вопрос об освобождении от уголовной ответственности может быть решен только судом и в соответствии со ст. 343 УПК РК 2014 г. суд в этом случае выносит постановление о прекращении уголовного дела, так как нормы ч.1 и ч.2 ст. 70 УК РК носят императивный характер и

при установлении указанных в Законе условий, лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности.

В ч.1 ст. 70 УК РК говорится о совершении уголовного правонарушения, которое по своей сути охватывает уголовные проступки и преступления различных категорий. Буквальное толкование нормы позволяет сделать вывод что под действие ч.1 ст. 70 УК РК, во-первых, подпадают уголовные правонарушения, совершенные не впервые, а во-вторых, уголовные проступки и преступления всех категорий, включая тяжкие и особо тяжкие, что не может не противоречить устоявшейся практике.

Мы, тем не менее, полагаем, что это лишь теоретическое допущение. Соглашаясь традиционно с преступлениями небольшой или средней тяжести, вместе с тем нельзя согласиться с теми деяниями, которые не могут быть перестать общественно опасными (как на это указывает законодатель), какие бы изменения обстановки ни произошли, ибо сам характер ряда преступлений и их последствия делают индекс общественной опасности этой группы преступлений неизменным. Речь идет о тяжких и особо тяжких преступлениях, связанных с посягательствами против личности, где личность выступает как в качестве основного, так и дополнительного объекта преступления.

Вероятно, именно по этой причине законодатель не стал ограничивать категорию преступлений в ч.1 ст. 70 УК РК, хотя это надобно было сделать в целях недопущения возможных злоупотреблений, как сейчас принято говорить, коррупционного характера.

Уголовный закон не раскрывает сути такого основания освобождения от уголовной ответственности как «изменение обстановки», причем это обстоятельство характеризует деяние с его внешней, объективной стороны и не зависит от поведения виновного. Такую попытку в свое время с доктринальных позиций предпринял М. И. Федоров, один из соавторов учебника по Советскому уголовному праву. «Под изменением обстановки, - считал он, — следует понимать такие существенные изменения во внешних условиях, относящихся к объективной стороне преступления, при которых не только конкретное деяние, но и все другие аналогичные деяния, совершенные при соответствующих условиях, либо совсем утратили общественную опасность, либо стали малозначительными». По его мнению, такие изменения встречаются нечасто, и освобождение от уголовной ответственности по этому основанию должно носить исключительный характер.¹

Практически сходное определение было дано авторами учебника по Уголовному праву Казахской ССР. Вместе с тем они считали, что не может быть освобождено лицо от уголовной ответственности по признаку отпадения общественной опасности за совершение деяния, содержащего признаки тяжкого преступления (государственных, тяжких преступлений против лич-

¹ Курс советского уголовного права. Часть общая. Т.2. /Ответ ред. Н. А. Беляев, проф. М. Д. Шаргородский. - Издат-во Ленинградского ун-та. - Ленинград, 1970. - С.406-407

ности и т.д.), поскольку изменение обстановки не может изменить правовую оценку указанных преступлений как тяжких.¹

Изменение обстановки должно быть настолько существенным, что в результате этого отпадает общественная опасность не отдельно взятого конкретного противоправного деяния, а всех деяний данного вида, тем самым отпадает типовая степень общественной опасности определенной категории уголовных правонарушений, предусмотренных уголовным законодательством. Если совершить краткий экскурс в историю развития уголовного закона Казахстана, то в УК Казахской ССР 1959 г. имелась ст. 168, предусматривавшая ответственность за спекуляцию, то есть скупку и перепродажу товаров и иных предметов с целью наживы.² Но в связи с переходом к рыночной экономике, подобные преступления утратили общественную опасность и уголовные дела, находившиеся в производстве, были прекращены.

По мнению авторов учебника по Общей части уголовного права, изменение обстановки, влекущее отпадение общественной опасности деяния, может заключаться и в отпадении особых условий места и времени, придающих деянию преступный характер. Так, по их мнению, не может считаться общественно опасным лов рыбы в запрещенных местах, если чрезмерно возросшее ее поголовье в условиях недостатка кормов находится на грани массовой гибели и если с учетом этих условий отлов рыбы в этих местах вскоре после деяния был разрешен официально.³

Освобождение лица от уголовной ответственности в порядке ч. 1 ст. 70 УК РК вызывает вопрос: если будет признано, что ко времени расследования или рассмотрения дела в суде, вследствие изменения обстановки, совершенное виновным деяние потеряло характер общественно опасного, то является ли оно, в момент решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности, преступлением?

Отвечая, на поставленный вопрос одни авторы пишут, что деяние было преступлением в момент его учинения, но к моменту расследования или рассмотрения в суде оно уже не заключает в себе состава преступления. Уголовное преследование прекращается здесь по существу за отсутствием состава преступления в действиях лица».⁴

Данную точку зрения разделяет М. С. Строгович, полагающий, что «общественная опасность является существенным и необходимым признаком преступления; если нет общественной опасности, нет и преступления, Поэтому, если деяние, ранее бывшее преступлением, потом перестало быть общественно опасным, оно перестало быть и преступлением».⁵

¹ Уголовное право Казахской ССР: Общая часть. - Алма-Ата: Мектеп, 1986. - С.270-271

² Уголовный кодекс Казахской ССР. - Алма-Ата: Изд-во Казахстан, 1987. - С.131

³ Уголовное право России. Учебник для вузов. - В 2-х томах. - Т.1. - Общая часть. - /Ответ ред. и рук. д.ю.н. проф. А. Н. Игнатов и д.ю.н., проф. Ю. А. Красиков. - М.: Издат-во НОРМА (Издат. Группа НОРМА-ИНФРА-М), - 2000. - С.470

⁴ Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс уголовного права: Общая часть. - М., Госюриздат. - 1961. - С.40

⁵ Курс советского уголовного права в 6-ти томах. - Том III- наказание. - М.: Издательство «Наука»,

Этой же позиции придерживается Х.Д. Аликперов, который считает, что если деяние потеряло свойство общественной опасности, то и лицо, его совершившее, не может нести уголовно-правовую ответственность за такое деяние. И вопрос должен идти об освобождении от уголовной ответственности (прекращении уголовного дела) за отсутствием в действиях лица состава преступления.¹

Другие, наоборот, полагают, что «действие, утратившее общественную опасность к моменту его расследования или рассмотрения в суде, следует считать преступлением, поскольку в момент его совершения оно отвечало всем признакам преступного деяния».²

Последний вариант ответа на поставленный вопрос нам представляется более предпочтительным. Он полностью согласуется с логикой правовой нормы (ст.5 УК РК), определяющей действие уголовного закона во времени, согласно которой преступность и наказуемость деяния определяется законом, действовавшим во время совершения этого деяния. Логика ответа очевидна: деяние не перестало быть преступлением, ибо оно было таковым во время его совершения.

При реализации этого права суд в соответствии со ст. 327 и 343 УПК РК 2014 г. выносит постановление об освобождении лица от уголовной ответственности, поскольку деяние все же остается преступлением. В противном случае суд должен был бы вынести оправдательный приговор.

Как правильно, на наш взгляд, отмечает В. С. Прохоров, общественная опасность деяния «зависит от исторически изменчивых оценочных моментов».³

Так, Дмитришина 25 января 1996 г. при выезде за пределы республики, имея в наличии 2690 долларов США, при прохождении таможенного контроля заявила о наличии у нее 2090 долларов США, 600 долларов в таможенной декларации не указала и пыталась их незаконно вывезти. Эти действия были правильно расценены как преступление, поскольку в соответствии с действующим на тот момент требованием пункта 5.10 «Правил проведения валютных операций в Республике Казахстан», утвержденных Постановлением правления Национального банка РК от 24 ноября 1994 г. №188, за пределы Казахстана можно было вывезти без подтверждения соответствующих документов иностранную валюту до 500 долларов США. Однако постановлением правления Национального банка РК от 29 февраля 1996 г. №39 в п.5.10 вышеназванных Правил были внесены изменения, согласно которым с 1 марта 1996 г. за пределы Казахстана допускается вывоз иностранной валюты без подтверждения соответствующими документами в размере 10 тыс. долларов США.

1970. – С.200

¹ Аликперов Х.Д., Курбанова К. Ш. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности//Государство и право. - 2000. - №1. - С. 58-59.

² Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. - М., «Наука», 1974. – С.11

³ Курс Советского уголовного права. Часть общая, Т.1. - Л., 1968. – С.350

В связи с указанными обстоятельствами совершенное Дмитришиной Н.И. деяние с 1 марта 1996 г. потеряло характер общественно опасного. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Казахстан, рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденной, приговор суда в отношении последней отменила, а дело производством прекратила.¹

Как нередко отмечалось в юридической литературе, для освобождения от уголовной ответственности достаточным бывает изменение конкретной обстановки в масштабах населенного пункта, предприятия, учреждения, учебного заведения. В связи с этим в одном из учебников приводится пример, когда Гончаров был признан виновным в незаконной порубке в берегозащитном лесу. Однако в последующем, ввиду затопления этого участка леса водохранилищем, возникла необходимость спешной вырубке леса и вывоза древесины. В связи с изменением обстановки последний был освобожден от уголовной ответственности.²

С точки зрения В. Мальцева, уменьшение опасности деяний в упомянутых ситуациях очевидно, но это – уменьшение опасности конкретного, единичного, происшедшего в определенном ограниченном районе преступления, которое не затрагивает его видовых свойств. Опасность незаконной порубки деревьев и кустарников (ст. 260 УК) и незаконной охоты (ст. 258 УК) в общегосударственном масштабе не изменилась. Поэтому ни о какой утрате ими общественной опасности говорить нельзя...Подобные локальные изменения обстановки делают незначительным, как бы «обесценивают» вред, причиненный конкретным посягательством, снижая тем самым опасность преступления, но не более того. Поэтому и установление общественной опасности преступления здесь должно производиться с учетом всех влияющих на опасность посягательства факторов – социальной ценности правоохраняемого объекта, интенсивности деяния, степени вины и опасности лица, его совершившего, а не только утративших опасность последствий преступного деяния.³

Мнение В. Мальцева весьма существенно, поэтому при решении вопроса о применении ч.1 ст. 70 УК РК важно определить, насколько изменение обстановки повлияло на трансформацию степени общественной опасности совершенного деяния, что применение реальных мер уголовной ответственности окажется нецелесообразным.

Что касается ч.2 ст. 70 УК РК, то основанием освобождения является не изменение обстановки, имеющее отношение к личности виновного лица, а его последующее безупречное поведение, в силу чего оно не может быть сочтено общественно опасным, поскольку, надо полагать, безупречность последующего поведения лица не равносильна изменению обстановки. По на-

¹ Мами К.А., Жукенов А.Т. Судебная практика Верховного Суда Республики Казахстан по уголовным делам. 1995-1997 г.г. - Алматы: издат-во «Борки». - 1998. - С.19

² Уголовное право. Общая часть. М.: Изд.-во Московского университета. - 1994. – С.297.

³ Мальцев В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки//Уголовное право. - 2008. - № 6. - С.24

шему мнению, «последующее поведение лица» охватывает период времени с момента совершения преступления до момента рассмотрения дела в суде. К сожалению, законодатель не раскрывает содержание признака «последующее безупречное поведение лица», которое по логике вещей ассоциируется с законопослушным поведением как критерий утраты общественной опасности лица. Помимо этого, законодатель не называет каких-либо действий компенсационного характера, подлежащие совершению со стороны причинителя вреда (например, возмещение материального ущерба), поскольку ставит во главу угла именно последующее безупречное поведение лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, которое выполняет роль доминанты при решении вопроса о прекращении уголовного преследования.

Тем, не менее, гипотетически можно предположить, что «последующее безупречное поведение лица» охватывает такие составляющие, как добросовестное отношение к труду либо к учебе, активное участие в общественной жизни коллектива либо общественной организации, повседневная забота о семье и престарелых родителях, если ранее эти обязанности игнорировались, и т.д., то есть, связаны с позитивными субъективными устремлениями этого лица.

Привлекательно суждение Т.Ф. Минязевой о субъективных факторах, с которыми она, справедливости ради надо заметить, связывает изменение обстановки. Но далее она пишет, что субъективные факторы связаны с позитивными изменениями лица, совершившего преступление, в силу чего оно перестало быть общественно опасным. Такие обстоятельства (в нашем случае – последующее безупречное поведение лица) резко меняют нравственно-юридическую оценку личности с точки зрения ее опасности для общества. При этом закон, устанавливающий ответственность за подобное преступление, не отменяется.¹

Вместе с тем, одного последующего безупречного поведения виновного лица для освобождения его от уголовной ответственности недостаточно. Поэтому, закон в этой ситуации требует наличия, как уже отмечалось, двух условий, указанных в ч.2 ст. 70 УК РК:

- 1) уголовный проступок или преступление должны быть совершены лицом впервые;
- 2) преступление должно относиться к категории небольшой или средней тяжести.

Рассмотренный вид освобождения от уголовной ответственности является обязательным, т.е. составляет обязанность, а не право суда применять его с учетом характера совершенного преступления, тяжести причиненных общественно-опасных последствий, длительности времени, истекшего с мо-

мента совершения преступления и содержательности безупречного поведения виновного, позволяющего сделать вывод об отпадении общественной опасности последнего. Все это в совокупности должно быть установлено ко времени рассмотрения дела в суде.

Существенным недостатком ст. 70 УК РК следует считать то, что субъектом ее применения определен только суд и это невольно сужает сферу ее применения. Думается, отечественному законодателю следует внести изменения в статью 70 УК РК, исключив указание, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности по настоящей статье только судом, так как в этом случае возникает далеко не праздный вопрос: какой смысл направлять уголовные дела в суд, затрачивая на это силы и время, если они заведомо подлежат прекращению? Кроме того, суд – это не панацея от возможных злоупотреблений и нарушений закона в процессе правоприменения, а прекращение уголовного дела на досудебной стадии осуществляется в рамках прокурорского надзора.

Список литературы

- Аликперов Х.Д., Курбанова К. Ш. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности//Государство и право. - 2000. - №1. - С. 54-60.
- Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. - М., «Наука», 1974. - 232 с.
- Комментарий к Уголовному кодексу РФ /Под общ. ред. В. М. Лебедева. - М.: Норма. - 2004. - 896 с.
- Курс Советского уголовного права. Часть общая, Т.1. - Л., 1968. - 646 с.
- Курс советского уголовного права в 6-ти томах. - Том III- наказание. - М.: Издательство «Наука», 1970. - 350 с.
- Курс советского уголовного права. Часть общая. Т.2. /Ответ ред. Н. А. Беляев, проф. М. Д. Шаргородский. - Изд-во Ленинградского ун-та. - Ленинград, 1970. - 672 с.
- Мами К.А., Жукенов А.Т. Судебная практика Верховного Суда Республики Казахстан по уголовным делам. 1995-1997 г.г. - Алматы: изд-во «Борки». - 1998. - С.129
- Мальцев В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки//Уголовное право. - 2008. - №6. - С.23-26
- Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс уголовного права: Общая часть. - М., Госюриздат. - 1961. - 666 с.
- Скибицкий В.В. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. Монография. - Киев, Наукова думка. - 1987. - 184 с.
- Уголовное право. Общая часть. М.: Изд-во Московского университета. - 1994 - 367с.
- Уголовное право Казахской ССР: Общая часть. – Алма-Ата: Мектеп, 1986. - 368 с.
- Уголовный кодекс Казахской ССР. - Алма-Ата: Изд-во Казахстан, 1987. - 266 с.
- Уголовное право России. Учебник для вузов. - В 2-х томах. - Т.1. – Общая часть. - /Ответ ред. и рук. д.ю.н, проф. А. Н. Игнатов и д.ю.н., проф. Ю. А. Красиков. – М.: Издат-во НОРМА (Издат. Группа НОРМА-ИНФРА-М), - 2000. - 639 с.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ /Под общ. ред. В. М. Лебедева. - М.: Норма. - 2004. - С.190-191

О месте преступного посредничества в системе норм института соучастия в преступлении

Criminal Mediation as a Complicity in Crime

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы преступного посредничества и соучастия в преступлении. Выявлены отличительные особенности преступного посредничества, определяющие его место в системе норм института соучастия. Освещаются вопросы, имеющие определяющее значение для юридической оценки посредничества во взяточничестве и коммерческом подкупе. Предложены способы совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Abstract. The article deals with the issues of criminal mediation and complicity in crime. The author reveals distinctive features of criminal mediation, determining its place in the system of norms of the institution of complicity. Issues that are crucial for the legal assessment of mediation in bribery and commercial bribery are specially underlined. Author proposes ways to improve the criminal law and law enforcement practice.

Ключевые слова: посредничество, соучастие, групповое преступление, взяточничество, коммерческий подкуп.

Key words: mediation, complicity, group crime, bribery, commercial bribery

Современное состояние нашего общества характеризуется продолжающейся сохраняться сложной криминальной обстановкой. Одним из важнейших направлений уголовной политики государства является совершенствование нормативно-правового регулирования в области усиления уголовно-правовой борьбы с коррупцией во всех ее проявлениях.

Преступное посредничество как самостоятельная форма преступного поведения получило свое нормативное закрепление в 2011 году на основании Федерального закона от 04.05.2011 № 97-ФЗ, устанавливающего уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ установлена уголовная ответственность за посредничество при оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ч. 5 ст. 184 УК РФ), а также за посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ).

Сущность преступного посредничества состоит в способствовании достижению соглашения между двумя сторонами криминальной сделки и (или) в реализации такого соглашения. Формы этой деятельности разнообразны, отличаются завуалированностью, спецификой преступных схем, могут носить неединичный характер, сочетаться с пособничествами, подстрекаТЕЛЬскими действиями, с действиями организатора преступления.

Определение места посредничества в системе норм соучастия в преступлении становилось объектом внимания ученых-криминалистов. Несмотря на наличие ряда научных исследований, теоретического решения этого вопроса пока не имеется. Не разрешен данный вопрос и на законодательном уровне. Положения ст. 33 УК РФ, определяющие виды соучастников, в настоящее время не позволяют отнести посредника к какому-либо из предусмотренных законом видов соучастников преступления. Это порождает

правовые коллизии и создает противоречия в правоприменительной деятельности.

Как показало изучение уголовных дел и судебных актов о взяточничестве и коммерческом подкупе, до сих пор достаточно распространены случаи признания посредников взяточниками, особенно в случаях физического посредничества, что объясняется отсутствием детальной регламентации их правового положения.

Например, по приговору Ленинского районного суда г. Чебоксары от 13 февраля 2017 года К.А.В. и К.Е.М. были осуждены по ч. 3 ст. 30 - п. п. «а, б» ч. 4 ст. 291 УК РФ за как покушение на дачу взятки в виде денег в крупном размере должностному лицу - сотруднику УФСБ России по Чувашской Республике Я. лично за совершение заведомо незаконных действий, связанных со способствованием в прекращении уголовного преследования в отношении Б., являвшейся подругой К.Э.В. По данному приговору К.Э.В., будучи осведомленным о том, что в отношении Б. осуществляется уголовное преследование, желая ей помочь, предложил К.Е.М., являющейся адвокатом и осуществлявшей защиту интересов Б. по вышеуказанному уголовному делу, дать взятку должностному лицу в виде денег в крупном размере, за совершение заведомо незаконных действий, связанных со способствованием в прекращении уголовного преследования в отношении Б. по уголовному делу в ходе предварительного следствия, на что К.Е.М. согласилась. К.Э.В. и К.Е.М. распределили преступные роли, согласно которым, К.Э.В. должен был предложить должностному лицу взятку в виде денег за совершение заведомо незаконных действий, связанных со способствованием в прекращении уголовного дела в отношении Б., а К.Е.М. должна была осуществить передачу денежных средств в качестве взятки. Сумма оговоренной взятки составила 500 000 рублей.

К.Е.М., получив деньги от К.Э.В., поместила 495 000 рублей в индивидуальную сейфовую ячейку, уплатила страховой депозит за пользование сейфовой ячейкой, а денежную сумму в размере 583 рубля обратила в свою собственность, о чем поставила К.Э.В. в известность. Кроме того, К.Е.М. встретила с Я. и попросила оказать содействие в прекращении уголовного преследования в отношении Б., на что Я., действовавший в рамках ОРМ – оперативный эксперимент, согласился и получил от К.Е.М. один из ключей от банковской ячейки. После этого К.Э.В. и К.Е.М. были задержаны¹.

В рассматриваемом примере правильность признания К.Е.М. взяточником вызывает сомнение, поскольку, как установлено судом первой инстанции, К.Е.М. осуществляла посреднические действия, связанные как с физической передачей незаконного вознаграждения, когда помещала принадлежащие К.Э.В. деньги в банковскую ячейку и передавала ключ должностному лицу, а также осуществляла иное способст-

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары от 13 февраля 2017 года (предоставлен Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ)

вованье в достижении соглашения между взятодателем – К.Э.В. и должностным лицом – Я.

Также при изучении уголовных дел о взяточничестве и коммерческом подкупе выявлено, что до настоящего времени в ряде случаев действия лиц, осуществляющих посреднические функции, квалифицируются как пособничество со ссылкой на положения ч. 5 ст. 33 УК РФ, хотя с введением в действие ст. 291.1, 204.1 УК РФ такой подход является неприемлемым.

С целью определения места посредничества в системе норм о соучастии следует отталкиваться от общего понятия соучастия и его признаков, установленных ст. 32 УК РФ, таких как наличие двух и более лиц, совместность, т.е. функциональная связь соучастников, общий результат, объективная связь между поведением каждого соучастника и результатом, субъективная связь (элемент согласованности действий), умышленная вина¹, а также видов соучастников преступления.

При анализе понятия и содержания преступного посредничества на примере посредничества во взяточничестве и коммерческом подкупе (понятия иных видов посредничества, как и общего понятия преступного посредничества УК РФ не содержит) видно, что таковое обладает всеми объективными и субъективными признаками соучастия.

Исходя из этого, Ю. А. Клименко обоснованно указывает, что посредник – это участник формы соучастия, известной в науке как сложное соучастие, предполагающее распределение ролей². Однако его дальнейший вывод о том, что роль посредника полностью охватывается таким способом пособничества, как устранение препятствий для совершения преступления³, представляется надуманным, поскольку если так рассуждать, то можно считать пособничествами вообще любые действия, включая соисполнительство, подстрекательство и даже организацию преступления. В этой связи Аникин А. еще в 2009 году верно отмечал, что функция посредника заключается «не в устранении препятствия для совершения преступления, а в техническом обеспечении получения или дачи взятки»⁴, т.е. существо посредничества необходимо изначально определить именно как техническое обеспечение совершения преступления другими лицами. Это тот объективный критерий, который позволяет провести разграничение между посредником и иными видами соучастников.

Изложенное позволяет сделать вывод, что преступное посредничество является самостоятельной формой преступного поведения, представляет собой создание условий для совершения преступления другими лицами. При

¹ См., например: Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., Издательство «Юридический центр пресс», 2001 г. 362 с. Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении. Учебное пособие. Советское уголовное право. Часть Общая в 18 вып. Вып. 11. М., 1962. 67 с. Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы учения о соучастии // Правоведение. 1960 г. № 1. с. 84-97.

² Клименко Ю. А. Указ.соч. С. 97

³ Клименко Ю. А. Указ.соч. С. 99

⁴ Аникин А. Посредничество во взяточничестве // «Законность». 2009 г. № 3 // СПС «Консультант-Плюс».

этом создание условий для совершения преступления другими лицами не тождественно оказанию содействия совершению преступления. Создание условий означает сделать возможным что-либо, в данном случае - обеспечить возможность совершения преступления иными лицами, а именно участниками преступного соглашения, совершающими самостоятельное преступление, тогда как понятие «содействие» носит более общий характер и не всегда предполагает наличие именно такого круга участников.

Таким образом, при определении места преступного посредничества в системе норм института соучастия в преступлении, на примере взяточничества и коммерческого подкупа, следует исходить из того, что нормы о преступном посредничестве во взяточничестве и коммерческом подкупе устанавливают уголовную ответственность за самостоятельное преступление, объективная сторона которого имеет свои особенности, отличающие посредника от иных видов соучастников, предусмотренных ст. 33 УК РФ.

Более того, нормы о соучастии и посредничестве во взяточничестве и коммерческом подкупе не соотносятся как общая и специальная. На это указывает запрет квалификации посредничества во взяточничестве в размере менее 25 тысяч рублей как соучастия в получении или даче взятки. Кроме того, квалификация в соучастии предполагает обязательное установление факта, на чьей стороне - взяткополучателя либо взятодателя, или лица, дающего либо получающего коммерческий подкуп, действует соучастник. Если же он действует на стороне обоих соучастников, то содеянное образует совокупность преступлений, тогда как по ст. 291.1, 204.1 УК РФ лицо несет ответственность за посредничество в получении и даче взятки или коммерческого подкупа одновременно.

Из изложенного следует, что преступное посредничество как таковое представляет собой согласованную деятельность по совершению преступления несколькими лицами, таким образом, предлагается рассматривать преступное посредничество как вид соучастия в системе норм института соучастия.

В целом считаем, озвученный выше подход к определению места посредничества в системе норм института соучастия позволяет правильно определить сущность посреднической деятельности и ее проявления в отдельных составах преступлений. В этом случае можно избежать таких ситуаций, когда лицо, совершая посреднические действия, признается и соисполнителем, и пособником, и даже при определенных условиях не исключена оценка его роли как организаторской и подстрекательской. При этом следует официально охватить понятием посредничества две его разновидности – физическую и интеллектуальную, а также акцентировать внимание на том, что посредник является лишь «представителем» участника криминальной сделки между двумя и более лицами, которым он обеспечивает создание условий для совершения преступления без личной выгоды от достижения преступного результата.

Введение в УК РФ ст. 291¹ является первым шагом в законодательном

закреплении преступного посредничества без кардинальной «перестройки» уголовного закона, которая потребовалась бы в случае введения понятия посредника либо признания посредничества видом соучастия. Тем не менее, с высокой вероятностью российский законодатель придет к этому решению, поскольку посредническая деятельность в силу ее разнообразия может состоять из действий, характерных для других видов соучастников.

Другим вариантом решения проблемы квалификации преступного посредничества, возможно, станет дополнение ч. 5 ст. 33 УК РФ указанием на отнесение к пособничеству посреднических действий. Однако такая корректировка представляется нежелательной, поскольку в силу отсутствия в законе понятия преступного посредничества как такового указание в ч. 5 ст. 33 УК РФ на возможность пособничества в виде посредничества приведет к неопределенности данной нормы уголовного закона.

Как минимум, в ближайшее время законодателю необходимо дать понятие преступного посредничества применительно к положениям ч. 5 ст. 184 УК РФ – посредничество при оказании противоправного влияния на результаты официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, поскольку его отсутствие делает данную норму полностью нерабочей на практике.

С целью усовершенствования нормативно-правовых предписаний и повышения эффективности их применения, обеспечения реализации современной уголовной политики, одним из приоритетных направлений которой является борьба с преступлениями коррупционной направленности, предлагается рассмотреть вопрос о возможности признания преступного посредничества видом соучастия, а посредника – одним из соучастников преступления наряду с существующими в ст. 33 УК РФ. Предлагаемые изменения нацелены на способствование реализации принципа справедливости, усиление и дифференциацию уголовной ответственности, индивидуализацию наказания, достижению баланса публичных и частных интересов посредством уголовно-правового регулирования.

Список литературы

- Аникин А. Посредничество во взяточничестве // «Законность». 2009 г. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».
- Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., Издательство «Юридический центр пресс», 2001 г. 362 с.
- Клименко Ю. А. Квалификация посредничества в коммерческом подкупе и взяточничестве // Право. Журнал высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 99-105.
- Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы учения о соучастии // Правоведение. 1960 г. № 1. С. 84-97.
- Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении. Учебное пособие. Советское уголовное право. Часть Общая в 18 вып. Вып. 11. М., 1962. 67 с.

Меры наказания за совершение преступлений исключительно в силу занимаемой должности или осуществляемой деятельности

Penalties for Crimes Committed Solely Based on Position or Activity

Аннотация. Статья посвящена анализу санкций, предусматривающих виды наказаний за совершение преступлений исключительно в силу занимаемой должности или осуществляемой деятельности.

Abstract. The author analyses the legal norms providing penalties for crimes committed solely by virtue of the position held or activities carried out.

Ключевые слова: уголовное законодательство, наказание, санкция, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

Key words: criminal law, punishment, sanction, deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities.

Конституция Российской Федерации (ч.1 ст.37) определяет, что каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Однако, данное конституционное положение может быть существенно ограничено при наличии к тому оснований и условий.

Так, уголовное законодательство (УК РФ) предусматривает систему наказаний, среди которых лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью занимает особое место в силу присущих ему специфических свойств (признаков). Обозначенный вид наказания может применяться в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания (ч.2 ст. 45 УК РФ). При этом, данное свойство не является единственной особенностью рассматриваемой меры государственного принуждения.

Известно, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве наказания может применяться в том случае, если совершенное преступление связано или обусловлено занимаемой определенной должностью на государственной службе, в органах местного самоуправления либо осуществляемой определенной профессиональной или иной деятельностью.

Между тем, применение данной меры наказания не является обязательной даже в тех случаях, когда, то или иное преступление может быть совершено исключительно в силу занимаемой определенной должности и обладания различного рода полномочиями, предоставленных законом. В тех случаях, когда санкция статьи Особенной части УК РФ не предусматривает применение данного наказания, оно может быть назначено в качестве дополнительного наказания «...если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью» (ч.3 ст.47 УК РФ).

Из приведенного положения видно, что применение данной меры наказания в указанных случаях зависит от усмотрения суда. Данное положение

ние, как нам представляется, требует изменений. Так, уголовно-процессуальное законодательство (УПК РФ), устанавливает круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, к числу которых относятся те, что определены ч. 1 ст. 73 УПК РФ, например, событие преступления (время, место, способ и др.), виновность лица в совершении преступления и т.д.

Наряду с ними, в соответствии с ч.2 ст. 73 УПК РФ подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступлению. Однако, закон не устанавливает, в каких случаях эти обстоятельства подлежат обязательному выявлению и учету при назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что само по себе, негативно влияет на следственно-судебную практику.

Обратимся к анализу некоторых уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ с позиции предусмотренных в них санкций за совершение общественно-опасных деяний (действий или бездействия), которые стали возможны исключительно в силу занимаемой определенной должности или осуществляемой определенной деятельности, т.е. при наличии обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ч.2 ст.73 УПК РФ).

В главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» предусмотрены составы преступлений, совершаемых в силу занимаемой должности или осуществляемой деятельности: в ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями», в ст. 285¹ «Нецелевое расходование бюджетных средств», в ст.285² «Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов», в ст. 285³ «Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений», в ст. 286 «Превышение должностных полномочий», в ст. 286¹ «Неисполнение сотрудником органов внутренних дел приказа», в ст. 287 «Отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации». За совершение указанных преступлений применение наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью не является обязательным, несмотря на то, что их совершение становится возможным исключительно в силу занимаемой должности или осуществляемой деятельности.

В ч. 1 ст. 290 УК РФ «Получение взятки» применение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью является обязательным только в случае назначения в качестве основного наказания в виде штрафа, исправительных работ или принудительных работ. При назначении наказания в виде лишения свободы за совершение рассматриваемого преступления лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью не является обязательным. За совершение деяний, предусмотренных в частях 2, 3, 4, 5 и 6 ст. 290 УК РФ лишение права занимать определенную должность или занимать-

ся определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания также не является обязательным.

В ч. 1 ст. 292 УК РФ «Служебный подлог» наказание в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью не является обязательным, а в ч. 2 данной нормы указанный вид наказания предусмотрен в качестве альтернативы. Соответственно его назначение зависит от усмотрения суда. Примерно такая же ситуация и при совершении халатности, предусмотренной ст.293 УК РФ «Халатность».

Наиболее правильной с точки зрения санкций за совершение преступлений в силу занимаемой должности или осуществляемой деятельности представляется норма, предусматривающая ответственность в ст.285.4 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» Данная норма предусматривает две части, в каждой из которых, лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания является обязательным.

Обращают внимание и другие составы преступлений, совершаемых в силу занимаемой должности или осуществляемой деятельности. К их числу можно отнести ст. 299 «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела»; ст.300 УК РФ «Незаконное освобождение от уголовной ответственности». В указанных составах применение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью законом не предусмотрено.

Между тем, данные преступления, могут быть совершены исключительно в силу занимаемой должности или осуществляемой деятельностью¹. При этом субъект совершения этих преступлений специальный. В случае осуждения должностных лиц, отнесенных к их числу: прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, то эти лица не будут назначены на соответствующие должности, несмотря на погашенную или снятую судимость. Однако это будет последствием отбытия наказания, а не следствием назначения наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.

В ч.1 ст.301 УК РФ «Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей» в качестве санкции предусмотрено лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, но только в качестве альтернативы иным наказаниям, т.е., его применение не является обязательным для суда.

¹ Намиясева В.В. Преступления против правосудия: особенности освобождения от уголовной ответственности //Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С.Ф. Кравцова): материалы ежегодной всероссийской конференции, 9-10 июня 2016 года: в 2 -ух частях. Ч.1/Под ред.С.А. Денисова, Л.В. Готчиной и А.В. Никуленко/ сост.: А.В. Никуленко, Л.В. Готчина. СПб.: СПб ун-та МВД России. С. 15-19; Гельдибаев М.Х. Проблемы квалификации преступлений против правосудия. В: Проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права: Курс лекций/ Под ред. Е. Н. Рахмановой. – М., РГУП. 2019. С. 274-294

В сфере медицинской деятельности также имеются составы преступлений, которые могут совершаться исключительно в силу занимаемой должности или осуществляемой деятельности¹. Так, ст.233 УК РФ «Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ» в качестве альтернативы иным наказаниям, предусматривает лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Некоторые преступления могут совершаться и бездействием, путем неоказания помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказать (ст. 124 УК РФ). В санкции данной статьи предусмотрено лишь возможность применения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Таким образом, проведенный анализ санкций применительно к отдельным составам преступлений, совершаемым исключительно в силу занимаемой должности или осуществляемой деятельности показывает, что назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не является обязательным и зависит от усмотрения суда, что в нашем понимании не соответствует интересам правосудия, а также не способствует противодействию обозначенным и иным общественно-опасным посягательствам на охраняемые и регулируемые уголовным законом наиболее важные общественные отношения.

Исходя из изложенного полагаем, что назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного, должно быть обязательным во всех случаях совершения преступлений исключительно в силу занимаемой должности или осуществляемой деятельности для следует внести изменения в санкции статей Особенной части УК, предусматривающие ответственность и наказания за соответствующие общественно-опасные посягательства на наиболее важные отношения.

Список литературы

Гельдибаев М.Х. Проблемы квалификации преступлений против правосудия. В: Проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права: Курс лекций/ Под ред. Е. Н. Рахмановой. – М., РГУП. 2019. С. 274-294

Намясева В.В. Преступления против правосудия: особенности освобождения от уголовной ответственности//Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С.Ф.Кравцова): материалы ежегодной всероссийской конференции, 9-10 июня 2016 года: в 2 -ух частях. Ч.1/Под ред.С.А. Денисова, Л.В. Готчиной и А.В. Никуленко/ сост.: А.В. Никуленко, Л.В. Готчина. СПб.: СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. – 312 с.

¹Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. 3 марта 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»/ Под общ. ред. Е. Н. Рахмановой, доктора юридических наук, доцента – СПб.: ИД «Петрополис, 2017. – 216 с

Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. 3 марта 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»/ Под общ. Ред. Е.Н. Рахмановой, доктора юридических наук, доцента – СПб.: ИД «Петрополис, 2017. – 216 с.

Голикова А. В.

Содержание общественной опасности как криминообразующего признака умышленных и неосторожных преступлений Public Danger as a Sign of Intentional and Negligent Crimes

Аннотация: В статье рассматривается проблема определения критериев общественной опасности умышленных и неосторожных преступлений, необходимых для криминализации деяний и дифференциации межотраслевой юридической ответственности. Предложенная автором статьи концепция определения различных критериев общественной опасности умышленных и неосторожных преступлений позволяет разграничивать публичную ответственность.

Abstract. The article explores the frameworks of public danger concept in intentional and negligent crimes. Public danger is an important concept that helps to differentiate criminal acts. The author offers a new understanding of public danger criterions

Ключевые слова: общественная опасность, неосторожные преступления, дифференциация публичной ответственности.

Key words: public danger, negligent crimes, differentiation of public responsibility

Общественная опасность, как свойство преступного деяния наделяется в теории отечественного уголовного права настолько разнообразным содержанием¹ и функциями², что усложняет любые попытки трактовать эту категорию и устанавливать ее признаки. В результате – отсутствие однозначного отношения к общественной опасности деяния, затруднение процесса правоприменения (особенно при оценке малозначительности содеянного или разграничении уголовно- наказуемых и административно- наказуемых правонарушений), вечная дискуссия на страницах научно- исследовательских работ практически по любым уголовно- правовым проблемам: от вопросов криминализации³ до использования оценочных признаков⁴ при конструиро-

¹ См., например: Козлов А. П. Понятие преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 234; Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 22, 123; Гребенкин Ф. Общественная опасность преступления и ее характеристика // Уголовное право. 2006. № 1. С. 22-26.

² См., например: Лобанова Л. В. Мерность общественной опасности деяния как основа межотраслевой и отраслевой дифференциации юридической ответственности // Logos et Praxis. 2017. Т.16. № 4. С. 126-133; Кленова Т.В. Общественная опасность – истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. 2013. № 2(7) С. 136-144; Герасимов А. М. Общественная опасность преступления: понятие, структура, существенные характеристики // Мир юридической науки. 2018. № 8. С. 45-56; Рожнов А. П. Нужна ли российскому праву категория общественной опасности? // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 3. С. 38-42.

³ См., например: Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. С. 203; Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Томского университета, 2012. С. 102 с.; Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С.5.

⁴ См., например: Оценочные признаки в уголовном законе / Кобзева Е. В.; Под ред.: Лопашенко Н. А. - Саратов: Изд-во ГОУ ВПО "Саратовская государственная академия права", 2004. С. 20-200; Малинов-

вании составов преступлений. С учетом того, что именно это свойство деяния в науке уголовного права признается главным критерием преступления, а в уголовном законе используется для дифференциации деяний (ч. 2 ст. 14, ст. 15 УК РФ) и уголовной ответственности (например, ст. 75 УК РФ), сформулируем собственное отношение к данному термину, определив ключевые концептуальные предпосылки наших рассуждений.

Самое частое описание общественной опасности деяния сводится к понятной и простой его характеристике, как поведения человека, создающее угрозу наступления вреда либо причинившего вред общественным отношениям¹. Известен и механизм причинения такого вреда – разрушение общественных отношений путем воздействия (иногда исключения из структуры этого отношения) либо субъекта (например, убийство или вред здоровью), предмета (например, кража либо повреждение имущества), искажение социальной связи между субъектами правоотношения (например, нарушение правил оборота огнестрельного оружия или процедуры оборота сведений, составляющих тайну). В каждом из указанных случаев связь между субъектами общественного отношения разрушается, и само отношение перестает существовать. При покушении на преступление разрыв обычно не успевает произойти, но создаются все необходимые условия для него, и лишь счастливая случайность не дает материализоваться высоковероятному вреду. То есть ключевая особенность деяния, представляющего интерес для уголовного права – вредоносность, то есть способность причинять вред.

Принципиальным моментом в причинении такого вреда классики теории уголовного права называли адресата, - общественное отношение², а не потерпевшего. Страдания лица, который претерпевает вред, для публичной отрасли уголовного права могут представлять интерес лишь с позиции оценки его, как участника социума, и только в тех случаях, когда совершенное в его отношении преступление, изменило его статус в общественном отношении. Перестал быть полноценным субъектом, например при краже (ст. 158 УК РФ, когда утратил возможность распоряжаться своим имуществом) или похищении (ст. 126 УК РФ, когда сам стал рассматриваться в качестве имущества). В любом случае общественно- опасное деяние настолько изменяет окружающий мир, что это создает опасность разрушения общественно-го отношения.

В зависимости от модели поведения, продемонстрированного виновным, и ситуации развития причинно-следственной связи, которую он задей-

ствовал, вред либо наступит, либо нет. При этом вероятность наступления вреда при умышленном поведении равна 100%, потому что лицо специально воздействует такие процессы, которые согласно элементарным законам физики обязаны привести к причинению вреда (конкретного при прямом умысле и многовариантного при косвенном). Таким образом, опасное деяние то, которое так изменило объективную реальность, в которой наступление вреда стало 100% вероятным, то есть – гарантированным.

В тоже время в неосторожном поведении такой гарантии нет, отсюда и отмечаемая законодателем неспособность легкомысленных и небрежных преступников предвидеть общественную опасность своего деяния. Опасность умышленных и неосторожных деяний для общественного отношения изначально различна по степени вероятности. Потому легко описать в законе запрещенный умышленный тип поведения, путем указания на способ причинения вреда, даже без описания последствий состава, так как его потенциал опасности ясен и закономерен. Но тяжело охарактеризовать опасность неосторожного поступка, не убедившись в наступлении вреда в его результате.

Различие в причинно-следственных механизмах нарушения общественного отношения отличают умышленные деяния от неосторожных. Когда деяние является одним из многочисленных условий изменения реальности, чье влияние не относится к категории определяющих, виновный не осознает опасность своего поступка, то есть действует неосторожно. В таких случаях (в сравнении с умышленными актами поведения это именно случаи) вероятность наступления вреда в момент совершения деяния достаточно низка, а потому недооценивается субъектом (легкомыслие) либо вообще оказывается за пределами его сознания (небрежность). Уголовная ответственность для таких моделей поведения объясняется тем, что лицо было обязано верно оценить складывающуюся обстановку и предвидеть опасность либо в силу жизненного опыта, либо в силу наличия специальных навыков.

Следовательно, неосторожное причинение вреда можно вменить в вину только если субъект преступления мог предвидеть такое развитие причинно- следственной связи и был обязан это сделать. Подобная формула приводит к мысли о том, что неосторожность всегда представлена юридически значимым бездействием лица. Во-первых, есть обязанность – предвидеть развитие причинно- следственной связи своих поступков. Обязанность, естественно, вытекает либо из предписаний закона, либо из подзаконных актов, договоров и соглашений, либо из предшествующего поведения виновного, создавшего ситуацию опасности. Во-вторых, обязательно должен наступить вред, иначе невозможно определить, какие именно последствия ускользнули от внимания виновного и в чем опасность его поведения. Не случайны предложения исследователей об изменении конструкции диспозиций статей, предусматривающих ответственность за неосторожные преступления. Вместо традиционных «нарушение правил... повлекшее причинение

ский А. А. Оценочные понятия в законодательстве / Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Т. 1. – Нижний Новгород, 2001. С.271; Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве. Автореф. дис. ...к.ю.н. – Свердловск, 1974. С.7-14.

¹ См.: Пионтковский А. А. Курс уголовного права. Т. 2. М., 1970. С. 93; Плохова В. И. Криминологическая и правовая обоснованность составов ненасильственных преступлений против собственности. Автореф. дисс. докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 14.

² См. Например: См: Михлин А. С. Последствия преступления. М., 1969. С. 5; Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно- правовой охраны. М., 1980. С. 108; Брагин Я. М. Уголовная ответственность и её основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 102.

вреда» на формулу: причинение вреда вследствие нарушения правил...»¹, что удачнее отражает социальную сущность и опасность неосторожности.

Традиционный подход, согласно которому наказываем за деяние², а не за последствия, в отличие от умышленных преступлений здесь не работает. По этой же причине нет уголовной ответственности за покушение на неосторожное причинение вреда, его наступление зависит не только от самого виновного. Презумпция осведомленности о вероятных последствиях при неосторожном поступке действительно имеет смысл лишь при действиях специального субъекта. Не случайно подавляющее число неосторожных преступлений совершаются (согласно законодательной конструкции) бездействием, путем нарушения или несоблюдения правил и требований. В сущности, каждое нарушение правил можно рассматривать сквозь категорию риска, который может быть обоснованным или необоснованным. Обоснованно рисковать (нарушать правила, бездействовать в правовом смысле) и нести ответственность за это способен лишь тот, кто знает, чем рискует, то есть имеет навык предвидеть развитие причинно-следственной связи, наступление последствий и их свойства. Уголовная ответственность должна наступать лишь в случаях фактического причинения вреда бездействием, иначе - риск удался, с сохранением возможности иных видов юридической ответственности.

Вызывает сомнение оправданность уголовной ответственности за неосторожное поведение лиц, не обладающих свойствами специальных субъектов преступления, и не имеющих навыки предвидения общественно-опасных последствий. Речь идет в основном о ст. 109, 118, 219 УК РФ, вызывающих чрезвычайно большое число споров в науке, где обязанность (то есть презумпция знания или навыков) предвидеть последствия трактуется очень широко. Значит есть элемент несправедливости уголовной ответственности за бытовую неосторожность. Детальное обсуждение этого вопроса выходит за рамки нашего действительного исследования.

В поле действия уголовного закона попадают не любые опасные поступки людей, а те, что являются социально (общественно) опасными. Полагаем, термин «общественная опасность» несет в себе несколько большую информацию, чем «способность деяния разрушать общественные отношения»³. Дело в том, что для социума не любой вред разрушителен, а лишь тот, что подрывает систему общественных отношений, нарушает баланс интересов ее участников. Так законодатель от имени большинства не считает, что хищение имущества на сумму в 1000 руб. существенно меняет потерпевшего в его правовом статусе активного участника экономической жизни,

¹ См.: Квашис В.Е., Махмудов Ш. Д. Ответственность за неосторожность - Душанбе: Ирфон, 1975. С. 96; Церетели Т. В. Деликты создания опасности — «Сов государство и право», 1970. № 8. С. 63.

² См.: Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М. 1969, с. 51; Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве / Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1957. С.38.

³ См.: Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 141; Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2001. С. 15.

не снижает его имущественную массу до уровня малоимущего или нищего. Следовательно, нарушение отношений собственности здесь есть, а вот изменения социального статуса собственника в отношении имущества не произошло. Аналогичные примеры можно привести по иным видам умышленных посягательств. Государство от имени общества определяет объем вреда для потерпевшего, который способен «подрывать» общественные отношения и серьезно изменять статус потерпевшего (человека, юридического лица, государства) в сравнении с его докриминальным состоянием.

Сказанное объясняет категорию «общественная опасность» как сумму двух свойств деяния: опасности разрушения общественного отношения путем причинения вреда и ее оценки социумом в лице государства в конкретную единицу времени (на момент совершения преступления или при сложившихся жизненных обстоятельствах после этого момента). Подтверждением вечной оценочности общественной опасности служат такие институты уголовного права, как «обстоятельства, исключающие преступность деяния», когда законодатель фиксирует правила причинения правомерного вреда, и институт сроков давности привлечения к уголовной ответственности, когда время «обнуляет» социальную значимость совершенного поступка, стирает актуальность для социума.

Подытоживая сказанное, приходим к выводу: признак преступления «общественная опасность» содержит в себе 2 критерия: опасность (объективную вредоносность) и оценочную социальную значимость в конкретную единицу времени (исторический момент).

Как отмечается в классической¹ и современной² юридической литературе, вредоносность (опасность) деяния определяется двумя критериями вреда: характером и степенью. Иными словами, она зависит от вида вреда, предопределяемого способом воздействия и предмета приложения силы виновным лицом: имущественный, моральный, организационный, физический; и объема вреда, который исчисляется лишь в случае материальных последствий преступления. Потому предпочтительно конкретизированное описание преступных последствий в тексте уголовного закона. Иначе оценочные признаки усиливают зыбкость уголовного запрета, основанного на подвижной общественной (социальной) значимости опасности любого деяния. Социальная значимость вредоносного поступка, как было указано вы-

¹ См, например: Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М. 1969. С. 51; Причинная связь в уголовном праве / - Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1957 С.39; Михлин А. С. Последствия преступления. М., 1969. С. 39, 51 –55; Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. / Ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 125; Карпушин М. П., Курляндский В. М. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 99 – 100; Словарь по уголовному праву/ Отв. ред. Наумов А. В., М., 1997. С.307.

² См, например: Мальцев В. Категория «общественно- опасное поведение» и ее уголовно- правовое значение. // Государство и право. 1995. № 9. С. 52; Гонтарь И. Я. Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект // Уголовное право. 2007. № 1. С. 16-19; Епифанова Е. В. «Общественная опасность» как признак преступления в доктринах российского уголовного права в XVIII-XIX в.в. // Юридическая наука. 2011. № 3. С. 12-15; Смирнов А. М. К вопросу о критериях общественной опасности // Дневник науки. 2018. № 10 (22). С. 63-65.

ше, напрямую зависит от обстоятельств его совершения: места (например, при экологических преступлениях), времени причинения вреда (например, при соблюдении правил техники безопасности), состоянием субъекта преступления опосредованного мотивом (включая аффект, и цель через которые законодатель обычно описывает истинные намерения виновного). Указанные обстоятельства не меняют вредоносность (опасность) содеянного (она зависит от способа воздействия и его интенсивности), но влияют на оценку социальной значимости такого поступка.

При этом вред от поступка и его причина- способ, - носят универсальный характер, позволяющий определить деяние к тем нормам права, которые регулируют публичные типы отношений (уголовное и административное). Иными словами, способ совершения умышленного деяния и вред от неосторожного, - выступают единственными критериями так называемой типовой общественной опасности¹, позволяющей отнести поступок в ряд преступных. Сказанное предопределяет устранение из текста уголовного закона так называемых «составов создания угрозы», потому что их типовая общественная опасность не имеет указанных критериев, а потому «размывает» границу между преступным и не преступным поведением.

Социальная значимость деяния отвечает за дифференцирование ответственности внутри публичного регулирования. Главная трудность здесь заключается в подвижности социальной оценки опасности и отсутствии четких критериев ее установления. Часто эти вопросы ставятся в зависимость от политических потребностей и не всегда отвечают реальным запросам социума. Да и сам законодатель в ч. 2 ст. 14 УК РФ указывает на неоднозначность общественной опасности.

Какими приемами можно было бы сократить (полностью устранить «зыбкость» общественной опасности преступления невозможно по указанным выше причинам, да и не нужно) содержание данной категории при криминализации и дифференциации деяний на преступления и правонарушения?

1. Необходимо иметь в виду, что опасность умышленных и неосторожных преступлений разная. Опасность умышленных деяний понятна и полностью определяется способом их совершения. Значит, для криминализации умышленных деяний ключевым критерием законодательного описания будет способ причинения вреда и, по необходимости, сам вред. Для неосторожных форм поведения – факт причинения вреда вследствие нарушения специальных правил, что относит эти виды преступлений к юридически значимому бездействию.

2. Зависимость социальной значимости деяния от факультативных признаков объективной стороны, а так же от свойств потерпевшего и мотива, позволяет сделать вывод о том, что их учет оправдан для дифференциро-

¹ См., например: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, докт. юрид. наук, проф. А.И. Рарога, докт. юрид. наук, проф. А.И. Чучаева. Изд. доп. М.: Инфра-М; Контракт, 2005. С. 56.

вания уголовной ответственности внутриотраслевой и публичной ответственности в целом. Предмет преступления в главной своей функции ориентирует правоприменителя не на поиск общественной опасности, а является инструментом корректного установления объекта уголовно- правовой охраны (имущество, наркотики, информация и др.)

3. В неосторожных преступлениях главное свойство общественной опасности заключается в преступных последствиях, которые должны четко описываться законодателем. Иначе общественная опасность таких посягательств теряет свою очевидность. Диспозиции статей, содержащих в себе дефиниции неосторожных преступлений, кроме того, должны содержать указание на *виды нарушаемых правил*¹ и предполагать ответственность только для специальных субъектов, во имя соблюдения принципа субъективного вменения.

4. Преступления, чьи признаки оформлены в диспозициях УК РФ в виде «составов создания угрозы» должны быть устранены из текста уголовного закона (либо получить полноценное описание последствий, либо трансформироваться в формальные составы умышленных преступлений с четким описанием опасных способов их совершения, исключающих бланкетный характер).

5. Социальное значение опасного деяния очень важно учитывать при криминализации, для исключения создания избыточных норм. Нельзя использовать уголовное право лишь как инструмент предупреждения (здесь – запугивания) совершения преступлений. Задача уголовного права в том, чтобы исправить ситуацию после совершенного преступления, расставить приоритеты и всем «раздать» соответствующие правовые статусы – судимого, потерпевшего, и др. Перекося в сторону устрашения уголовной ответственностью и судимостью искажает природу уголовного права как публичной отрасли.

Список литературы

- Брайнин Я. М.* Уголовная ответственность и её основание в советском уголовном праве. М., 1963, - 275 с.
- Герасимов А. М.* Общественная опасность преступления: понятие, структура, сущностные характеристики // Мир юридической науки. 2018. -№ 8. -С. 45-56.
- Гонтарь И. Я.* Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект // Уголовное право. 2007. -№ 1.- С. 16-19.
- Гребенкин Ф.* Общественная опасность преступления и ее характеристика // Уголовное право. 2006. -№ 1. -С. 22-26.
- Демидов Ю. А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. 184 с.
- Етифанова Е. В.* «Общественная опасность» как признак преступления в доктринах российского уголовного права в XVIII-XIX в.в. // Юридическая наука. 2011. -№ 3.- С. 12-15.
- Карпушин М. П., Курляндский В. М.* Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974,- 232 с.

¹ См.: Курляндский В.И. Некоторые вопросы ответственности в связи с научно-техническим прогрессом // Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права. Сборник материалов научно-практической конференции. - М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1975. С. 9-23.

Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве. Автореф. дис. ...к.ю.н. – Свердловск, 1974. 17 с.

Квашиш В.Е., Махмудов Ш. Д. Ответственность за неосторожность - Душанбе: Ирфон, 1975. – 108 с.

Кленова Т.В. Общественная опасность – истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. 2013.- № 2(7) -С. 136-144.

Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе Под ред.: Лопашенко Н. А. - Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. - 228 с.

Козлов А. П. Понятие преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 819 с.

Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980,- 248 с.

Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М. 1969, - 232 с.

Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. / Ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999, 592 с.

Лобанова Л. В. Мерность общественной опасности деяния как основа межотраслевой и отраслевой дифференциации юридической ответственности // Logos et Praxis. 2017. Т.16.- № 4. -С. 126-133.

Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. -339 с.

Малиновский А. А. Оценочные понятия в законодательстве / Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Т. 1. – Нижний Новгород, 2001. - 352 с.

Мальцев В. Категория «общественно-опасное поведение» и ее уголовно-правовое значение // Государство и право. 1995.- № 9. -С. 52-59.

Михлин А. С. Последствия преступления. М., 1969, - 103 с.

Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960, - 230 с.

Пионтковский А. А. Курс уголовного права. Т 2. М., 1970, - 156 с.

Плохова В. И. Криминологическая и правовая обоснованность составов насильственных преступлений против собственности. Автореф. дисс. докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.- 46 с.

Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Томского университета, 2012. - 142 с.

Рожнов А. П. Нужна ли российскому праву категория общественной опасности? // Правовая парадигма. 2017. -Т. 16.- № 3.- С. 38-42.

Смирнов А. М. К вопросу о критериях общественной опасности // Дневник науки. 2018. -№ 10 (22). - С. 60-65.

Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 178 с.

Церетели Т. В. Деликты создания опасности //Советское государство и право, 1970. -№ 8.- С. 56- 63.

Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве - Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1957. - 276 с.

Евсикова Е. В.

Административная преюдиция как один из инструментов современной уголовно-правовой политики: проблемы теории и практики

Administrative Prejudice as an Instrument of Modern Criminal Law Policy: Problems of Theory and Practice

Аннотация. В статье раскрываются понятие и особенности категории «административная преюдиция» как важного инструмента уголовно-правовой политики государства, исследуются различные подходы к обоснованию необходимости введения института административной преюдиции в уголовное законодательство, проблемы правоприменения и пути их разрешения.

Abstract. The article reveals the concept and features of the category "administrative prejudice" as an important tool of the criminal law policy of the state, explores various approaches to the rationale for the introduction of the institution of administrative prejudice in criminal law, the problems of law enforcement and ways to resolve them.

Ключевые слова. Административное правонарушение, преступление, административная преюдиция, уголовно-правовая политика.

Key words. administrative offense, crime, administrative prejudice, criminal law policy.

Как известно, в последнее время, одним из направлений современной уголовно-правовой политики (одного из видов государственной политики в сфере противодействия преступности) является повторное возрождение института административной преюдиции в уголовном законодательстве Российской Федерации. В свою очередь, Концепция развития российского законодательства предусмотрела достижение оптимизации средств согласования уголовно-правовых и административно-деликтных санкций путем расширения сферы административной преюдиции¹.

При этом, серьезная проблема соотношения норм уголовного и административно-деликтного российского законодательства привела к значительным и коренным изменениям всего кодифицированного массива уголовного и административно-деликтного законодательства, дополняя нормы последнего все более жесткими санкциями.

В силу чего, в юридической науке поднимается вопрос о том, что законодательство об административной ответственности, по сути, превращается в хаотическое продолжение криминализации².

В то же время степень научной разработки проблемы позволяет говорить о различных подходах представителей юридической науки к пониманию термина «административная преюдиция» и обоснованию необходимости реализации института административной преюдиции в качестве важного и неотъемлемого инструмента современной уголовно-правовой политики.

¹ Евсикова Е. В. Некоторые аспекты возрождения института административной преюдиции в уголовном законодательстве РФ // В сборнике: Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. 2019. С. 61-67.

² Синюков В.Н. Рецензия на книгу «Научные концепции развития российского законодательства»: монография. 7-е изд., доп. и перераб. / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. И. Абрамова и др.; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015. 544 с.

Одним из первых, в уголовно-правовой науке понятие «административной преюдиции» предложил Грунтов И.О., который отмечал, что это закреплённая специальной конструкцией состава преступления преюдициальная связь между несколькими аналогичными правонарушениями, совершенными в течение года после применения к виновному мер административного взыскания за одно из правонарушений, в силу которой содеянное оценивается как преступление и к виновному применяются меры уголовной ответственности¹.

Серкова Т.В. отмечает, что административная преюдиция – это совершение лицом, ранее подвергнутым административному наказанию, нового тождественного или однородного административного правонарушения, за повторное совершение которого предусмотрена уголовная ответственность².

Курченко В. Н. поддерживает позицию, что внедрение в уголовный закон составов с административной преюдицией делает более гибким в рассматриваемой сфере переход от административной к уголовной ответственности, что в полной мере отвечает правилам межотраслевой дифференциации ответственности. Однако, законодательные конструкции составов различных преступлений с административной преюдицией могут совпадать. Юридическая конструкция — это форма, а преступления отличаются прежде всего содержанием. Значит в рамках одной и той же конструкции может содержаться информация о разных преступлениях³.

Так, З.З. Мамхягов указывает, что под административной преюдицией в российском уголовном праве традиционно понимается средство (способ) криминализации, при котором (при соблюдении определенных условий) повторное совершение административного правонарушения превращает последнее в преступление. При этом использование административной преюдиции для криминализации деяний приводит к тому, что в качестве единичного преступления объявляются несколько административных правонарушений, даже не имеющих между собой внутренней связи. В силу чего обосновывается недопустимость применения административной преюдиции в уголовном праве, поскольку, административные деликты не обладают признаком общественной опасности, а уголовное и административно-деликтное законодательство требуют четкого разграничения во избежание ошибочного правотолкования и правоприменения⁴.

Новикова Е. В. настаивает, что административная преюдиция предполагает переход от административной к уголовной ответственности за одно и

то же деяние, указывая, на необходимость усовершенствования института административной преюдиции¹.

Вишнякова Н.В. указывает на два проблемных аспекта административной преюдиции: законодательного и правоприменительного характера, которые требуют дальнейших научных разработок и исследования, указывая на то, что использование в уголовном законодательстве признака административной преюдиции с многократным совершением деяний, предусмотренных административно-правовыми нормами, носит преимущественно произвольный характер, а также, ссылаясь, на то, что более необходимым и эффективным является использование в уголовном законодательстве именно однократной административной преюдиции, тем более, что аналогичные нормы содержатся в законодательства ряда зарубежных, например, Республики Беларусь².

Колосова Н.В. считает обоснованным введение в уголовное законодательство РФ института административной преюдиции, рассматривая его как инструмент предупреждения совершения правонарушений и преступлений, поскольку при назначении административного наказания лицо должно быть предупреждено о возможности уголовной ответственности при повторном совершении аналогичного правонарушения в течение определенного законом срока, что заставит его, оставаясь свободным в выборе своего поведения, попытаться вести законопослушный образ жизни³.

Сидоренко Э. Л. также указывает на необходимость разработки научно обоснованных рекомендаций по применению уже существующих норм с административной преюдицией, ссылаясь на тот факт, что в современном УК РФ расширения границ административной преюдиции приобрело характер устойчивого тренда⁴.

При этом непоследовательность в нормативном оформлении преюдиционных норм ставит перед практикой ряд сложных проблем, прямо или косвенно касающихся согласования положений уголовного и административного законодательства. Одной из таких проблем является определение начального времени исчисления срока привлечения к административной ответственности. В случае административной преюдиции лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, если только оно привлечено к административной ответственности.

Некоторые авторы, наряду с Акининой Н.Ю. считают, что причины возвращения административной преюдиции обусловлены сложностью установления грани между общественной опасностью преступления и вредонос-

¹ Грунтов И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 1985. – 22 с.

² Серкова Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук Нижний Новгород, 2016. – 34с.

³ Курченко В. Н. Парадигма административной преюдиции в уголовном праве // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. № 2. – С. 10-21.

⁴ Мамхягов З.З. Об административной преюдиции в уголовном законодательстве // Общество и право. – 2016. № 1 (55). – С. 100-102.

¹ Новикова Е. В. Административная преюдиция: дискуссия продолжается // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. № 12. – С. 108-112.

² Вишнякова Н. В. Преступления с административной преюдицией: проблемы законодательного и правоприменительного характера // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019

³ Колосова В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2011, № 5 (1). - С. 246-254.

⁴ Сидоренко Э. Л. Административная преюдиция сквозь призму междисциплинарных связей // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. № 5. – С. 28-33.

ностью административного правонарушения, особенно в преступлениях с криминообразующими признаками деяния оценочного характера, а также желанием законодателя проведения либеральной политики уголовного законодательства. Ссылаясь, при этом, на то, что общественная опасность преступного деяния, основанного на административной преюдиции, определяется не только объективными, но и субъективными свойствами, в частности устойчивостью правонарушающего поведения субъекта¹.

В свою очередь, Гошаев И.М. указывает, что формальные различия при определении административной преюдиции не влияют на ее общее правовое содержание и суть, указывая, что признаками норм с административной преюдиции являются: 1) повторное совершение одного или двух однородных или аналогичных административных правонарушений, ранее за которые лицо привлекалось к административной ответственности; 2) определенный срок, в течение которого совершались данные административные правонарушения².

Анализ позиций различных ученых показывает, что дискуссии вокруг института административной преюдиции в основном сводятся к тому, что с одной стороны речь идет о сохранении отраслевой чистоты уголовного законодательства, поскольку, состав преступления образуется за счет признаков административного правонарушения, а в качестве критерия разграничения преступления и проступка выступает факт предшествующего наложения административного взыскания за такое же деяние, с другой – решение проблемы повышения эффективности правоохранительной деятельности за счет перераспределения репрессивных мер.

Ряд авторов во главе с Лопашенко Н. А. вообще отстаивают позицию, что «административная преюдиция неприемлема для уголовного закона, для криминализации», и обращают внимание на то, что преступление с административной преюдицией противоречит теории преступления и существовать не может, поскольку в природе отсутствует такое явление! Это полностью искусственно созданная конструкция, не имеющая под собой никаких оснований³.

Однако, вернувшись в 2009 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее - УК РФ), институт административной преюдиции получает все большее распространение, однако, в уголовном законодательстве нет норм, определяющих на законодательном уровне понятие, сущность и признаки такой юридической категории, как «административная преюдиция», за исключением ст. 90 УПК, которая содержит понятие «преюдиция», т.е. совокупность определенных обстоятельств, установленных гражданским,

арбитражным или административным судопроизводством, которые признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

Вместе с тем возвращение к институту административной преюдиции носит достаточно спорный характер и сопряжено рядом проблем.

Анализ составов с административной преюдицией показывает, что, как правило, квалифицирующим признаком данных преступлений выступает неоднократность деяния или повторность, на что прямо указывается в диспозиции нормы (ст. 154; 180) и примечании к статье, в котором указывается, что лицо должно быть подвергнутыми административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (ст. 151.1; 157; 215.4), либо совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ст. 116.1), либо просто указание на совершение конкретного правонарушения, предусмотренное КоАП РФ без указания на неоднократность или повторность (ст. 158.1; 264.1), либо указание на то, что лицо должно быть ранее привлечено к административной ответственности (а не подвергнуто административному наказанию) за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение 180 дней (ст. 212¹), либо указание на то, что лицо должно быть ранее привлечено к административной ответственности за аналогичное деяние 2 раза в течение 1го года (ст. 284¹; 314¹).

Как видим, указанные расхождения не способствуют соблюдению принципа системности, который является важнейшим условием совершенства любой отрасли законодательства и предполагает внутреннюю согласованность всех ее положений, норм и институтов, отсутствие коллизий и несоответствий между ними, а скорее, наоборот. При этом, расхождения начинаются от указания на неоднократность либо повторность деяния, привлечения лица к административному наказанию либо административной ответственности и заканчивая периодом в течение которого лицо должно быть привлечено к административной ответственности, что, по общему правилу, составляет один год со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания и до окончания исполнения данного постановления.

В свою очередь, совокупность статей с административной преюдицией не может рассматриваться как завершенная логическая система, построенная по одним и тем же правилам, что обусловлено недостаточной системой координацией отдельных норм.

Таким образом, предлагается изменить и выработать единую формулировку указанных уголовно-правовых норм с административной преюдицией, имеющих ссылку не на неоднократность деяния (ранее привлекалось) и привлечение к административной ответственности, в том числе, в течение 180 дней или более 2х раз в течение года, а общую формулировку, что лицо

¹ Акинина Н.Ю. Возвращение к институту административной преюдиции в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юридические науки. – 2017. № 4. – С. 1-6.

² Гошаев И.М. Административная преюдиция в уголовном законодательстве: понятие и виды // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. № 7. – С. 81-86.

³ Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. № 3 (23). – С. 64-71.

должно быть ранее подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние.

При этом, сроки давности административного наказания, необходимые для привлечения лица к уголовной ответственности, должны соответствовать требованиям ст. 4.6 КоАП РФ, т.е. лицо, подлежащее уголовному наказанию по одной из статей УК РФ с административной преюдицией должно быть подвергнутым административному наказанию, т.е. до истечения одного года со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания и до окончания исполнения данного постановления. Указанные предложения, по нашему мнению, должны обеспечить системность и единообразие применения норм административно-деликтного и уголовного законодательства РФ.

В соответствии со ст. 4.5 КоАП РФ, сроки привлечения к административной ответственности исчисляются с момента совершения административного правонарушения до вынесения постановления по делу. Из этого законоположения можно сделать вывод, что именно постановление по делу является юридическим фактом привлечения к административной ответственности.

Вопрос, однако, заключается в том, с какого времени начинает исчисляться этот срок: с момента вынесения постановления или его вступления в юридическую силу. В судебной практике он не имеет однозначного решения.

Так, Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ, вступивший в силу с 01.07.2015¹, внес изменения в нормы УК РФ об ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения, в результате чего, УК РФ был дополнен ст. 264¹, которой предусмотрена уголовная ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного данной ст. либо ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ.

Применительно к нормам КоАП РФ ответственность по ст. 264¹ УК РФ наступает тогда, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию по ч. 1 и ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ; ч. 1 и ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ.

В этих случаях прямому применению подлежит ст. 4.5 КоАП, согласно которой лицо считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного на-

казания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

С учетом того, что санкция указанных статей КоАП РФ в качестве вида административного наказания наряду со штрафом предусматривает лишением права управления транспортными средствами на определенный срок, в каждом случае необходимо учитывать нормы ст. 32.7 КоАП РФ, которые предусматривают, что течение срока лишения специального права начинается со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания в виде лишения соответствующего специального права. Так, в течение трех рабочих дней со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания в виде лишения соответствующего специального права лицо, лишенное специального права, должно сдать документы, предусмотренные ч. 1 - 3 ст. 32.6 КоАП РФ, в орган, исполняющий этот вид административного наказания.

Однако, в случае уклонения лица, лишенного специального права, от сдачи соответствующего удостоверения (специального разрешения) или иных документов срок лишения специального права прерывается. Течение срока лишения специального права начинается со дня сдачи лицом либо изъятия у него соответствующего удостоверения (специального разрешения) или иных документов, а равно получения органом, исполняющим этот вид административного наказания, заявления лица об утрате указанных документов.

Таким образом, уплата административного штрафа, при последующем уклонении лица, лишенного специального права, от сдачи соответствующего удостоверения (специального разрешения) или иных документов, не является днем окончания исполнения постановления и срок, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, прерывается. А, при рассмотрении уголовных дел анализируемой категории необходимо учитывать течение срока лишения специального права в случае назначения лицу, лишенному специального права, административного наказания в виде лишения того же специального права.

Как показывает практика, в материалах уголовных дел данной категории в обязательном порядке должны быть копии постановлений об административном наказании с отметкой о дате вступления постановления в законную силу и сведения об исполнении административного наказания (справки ГИБДД, приставов-исполнителей), сведения о том прерывался или нет срок давности исполнения административного наказания в соответствии с требованиями ст. 31.9 КоАП РФ. В большинстве своем дела содержат заверенные надлежащим образом копии судебных постановлений, справки ГИБДД о сроках сдачи водительского удостоверения с указанием истечения срока лишения специального права, срока его исчисления и истечения.

Вместе с тем, по некоторым материалам уголовных дел отсутствуют сведения о том, прерывался или нет срок давности исполнения административного наказания в соответствии с требованиями ст. 31.9 КоАП РФ. По ря-

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» от 31.12.2014 N 528-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173165/. (дата обращения: 29.06.2019).

ду дел копии постановлений мировых судей о ранее привлечении к административной ответственности не заверялись надлежащим образом, т.е. заверены сотрудниками полиции - инспекторами ДПС, дознавателями и являются светокопиями с копий процессуальных решений (постановлений) судей¹.

Таким образом, введение уголовной ответственности за неоднократное нарушение охраняемых административно-деликтным законодательством общественно-значимых ценностей допустимо - если она эквивалентна характеру и степени общественной опасности подпадающего под нее деяния, не влечет избыточного уголовного принуждения и не приводит к отступлению от принципов равенства, соразмерности и справедливости, - а потому с конституционно-правовой точки зрения не может рассматриваться как выходящее за рамки дискреционных полномочий федерального законодателя.

Вместе с тем, на сегодняшний день, административная преюдиция, предусмотренная рядом статей УК РФ не соответствует принципам системности и соразмерности, в силу чего, требует существенной доработки и усовершенствования в части выработки единой формулировки и квалифицирующих признаков таких составов и единой конструкции таких составов.

Список литературы

Акинина Н.Ю. Возвращение к институту административной преюдиции в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юридические науки. – 2017. № 4. – С. 1-6.

Вишнякова Н. В. Преступления с административной преюдицией: проблемы законодательного и правоприменительного характера // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019

Гошаев И.М. Административная преюдиция в уголовном законодательстве: понятие и виды // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. № 7. – С. 81-86.

Грунтов И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук – Минск, 1985. – 22 с.

Евсикова Е. В. Некоторые аспекты возрождения института административной преюдиции в уголовном законодательстве РФ// Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов «Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности». 2019. С. 61-67.

Колосова В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2011, № 5 (1). - С. 246–254.

Курченко В. Н. Парадигма административной преюдиции в уголовном праве // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. № 2. – С. 10-21.

Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. № 3 (23). – С. 64-71.

Мамхатов З.З. Об административной преюдиции в уголовном законодательстве // Общество и право. – 2016. № 1 (55). – С. 100-102.

¹ Справка по результатам обобщения практики по делам об административных правонарушениях, создающих преюдицию для привлечения к уголовной ответственности" (подготовлена Тверским областным судом). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=909185#046245253852460255>. (дата обращения: 29.06.2019).

Новикова Е. В. Административная преюдиция: дискуссия продолжается // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). -2018. № 12. –С. 108-112.

Ситюков В.Н. Рецензия на книгу «Научные концепции развития российского законодательства» (монография. 7-е изд., доп. и перераб.; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015. 544 с.

Серкова Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ...канд. юрид. юрид: 12.00.08 - Нижний Новгород, 2016. – 34с.

Сидоренко Э. Л. Административная преюдиция сквозь призму междисциплинарных связей // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. № 5. – С. 28-33.

Зарецкая Е. А.

Нормативное определение состояния ограниченной вменяемости согласно действующего уголовного законодательства

Legal Definition of Limited Liability According to the Current Criminal Law

Аннотация. Статья посвящена такой важной части механизма нормотворчества, как юридическая техника. Автор приходит к выводу, что совершенство, четкость, логичность и лаконичность текста закона обусловлена грамотным использованием юридических терминов. Именно конкретные, проверенные на практике средства, приемы, способы, правила во многом определяют качество и эффективность принимаемых правовых актов. Целью исследования является разработка рекомендаций по совершенствованию УК РФ и практики его применения.

Abstract. The article is dedicated to such an important part of the rule-making mechanism as the legal technique. The author concludes that the perfection, clarity, consistency and conciseness of the text of the law depend on the competent use of legal terms. Specific, field-proven means, techniques, methods, rules largely determine the quality and effectiveness of the adopted legal acts. The aim of the study is to develop recommendations for improving the Criminal Code of the Russian Federation and the practice of its application..

Ключевые слова: нормотворчество, юридическая техника, ограниченная вменяемость.

Key words: rulemaking, legal technique, limited liability.

Средства юридической техники призваны придавать правовым понятиям такое словесно-логическое выражение, которое сводит к минимуму необходимость в грамматическом и логическом толковании принятых юридических актов и их структурных элементов. Права, обязанности, дозволения, запреты, льготы, санкции и другие конструкции правовых актов, адресованные субъектам права, должны однозначно восприниматься всеми участниками жизненных ситуаций, регламентируемых правом. Однозначность усвоения указанных правовых конструкций обусловлена уровнем правосознания, правовой культуры, наличием или отсутствием юридического опыта, не последняя роль отводится и умело применяемым средствам юридической техники.

Вопрос об уголовной ответственности лиц с психическими аномалиями, не исключаящими вменяемости урегулирован ст. 22 УК РФ: «Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключаящим вменяемости:

1. Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими подлежит уголовной ответственности.

2. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера».

На наш взгляд данная статья содержит две значимые проблемы, первая касается юридической техники, вторая – практики применения ч.2 ст. 22 УК РФ.

При анализе данной нормы, первое, на что мы обращаем внимание это название статьи, а именно на то, что в тексте закона не используются термины «уменьшенная вменяемость» или «ограниченная вменяемость». Вместо этого в названии статьи 22 УК РФ указывается на уголовную ответственность для лиц с психическими расстройствами, хотя это же следует из текста самой статьи. К тому же, в названии статьи указан один лишь медицинский критерий ограниченной вменяемости – психическое расстройство, не исключающее вменяемости, и не упоминается о психологическом критерии – невозможности вследствие данного расстройства в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Как отмечает в своей работе Тугушев Р.Р.: «При полном указании всех критериев ограниченной вменяемости в сегодняшней редакции название статьи носило бы чрезмерно объёмный характер, фактически, дублировало бы текст самой статьи. Необходимости в этом нет. Ограниченную вменяемость как юридический признак субъекта преступления необходимо подчеркнуть в названии статьи, которая специально посвящена ей и в которой уже указано на юридические последствия установления факта ограниченной вменяемости – на то, что лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности и на возможность применения принудительных мер медицинского характера в случаях, предусмотренных законом»¹. Мы так же считаем, что в перспективе развития уголовного законодательства, возможно, появится значительный перечень правовых норм об уголовной ответственности указанной категории граждан, и тогда, по нашему мнению, целесообразно было бы ввести в УК раздел с таким названием. А на сегодняшний день существует норма ст.22 УК РФ, название которой, как мы полагаем, должно быть следующим: «Ограниченная вменяемость». В такой редакции названия статей главы 4: «Лица, подлежащие уголовной ответственности» образовывали бы стройную систему норм: сначала ст.19 УК, в которой указываются два признака субъекта преступления – возраст и вменяемость (ограниченная вменяемость), далее – статья 20 УК о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность, после неё статья

¹ Тугушев Р.Р. Невменяемость: Уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 2002. С. 26

о вменяемости, следом за ней – статья о невменяемости, а далее – статья об ограниченной вменяемости и т.д. Так же можем предположить, что в законе изложена, на наш взгляд, неверная формулировка в связи с тем, что законодатель не признаёт промежуточного состояния между вменяемостью и невменяемостью. Но, хотим подчеркнуть, что «ограниченную вменяемость» принято считать не пограничным состоянием, а частью вменяемости.

Определённые затруднения вызывает практика применения ч.2 комментируемой статьи. Указание на то, что наличие у виновного психических аномалий, не исключающих вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для применения принудительных мер медицинского характера, в научном сообществе до сегодняшнего дня вызывает множество споров. Как показывает правоприменительная практика, суды испытывают затруднения при принятии решений по данному вопросу¹.

Затруднения, при этом, вызывает то, что в законе не оговаривается, как именно суд учитывает данное обстоятельство.

До настоящего времени не выработано единого мнения среди работников правоохранительных органов по вопросу о том, в какой мере и как следует учитывать данное состояние при вынесении приговора. Существуют полярные мнения — от смягчения наказания в обязательном порядке при подтверждении факта наличия у подсудимого психического расстройства, не исключающего вменяемости, до рассмотрения как отягчающего обстоятельства, к примеру, в случае совершения таким лицом нового преступления, если оно ранее уклонялось от исполнения назначенного ему принудительного амбулаторного лечения. В поддержку данной позиции, в разное время высказывались такие исследователи как В. Н. Кудрявцев, С.Н. Шишков считая, что нельзя всех лиц с психическими аномалиями признавать менее ответственными за свои поступки, аргументируя свою позицию тем, что на человека с психическими аномалиями ложится дополнительная обязанность по контролю за своим поведением².

Представляется, что подход к оценке психических расстройств в качестве отягчающего обстоятельства является неверным. Исходя из принципа гуманизма, болезнь никогда не должна ухудшать положение лица, совершившего преступление, поэтому психические аномалии не могут рассматриваться как отягчающее обстоятельство.

Судебная практика показывает, что уголовная ответственность лица, признанного ограниченно вменяемым, должна наступать на общих основаниях, так как лицо в данном случае признаётся субъектом преступления. На основании ч.2 ст.61 УК РФ медицинский критерий ограниченной вменяемости может учитываться судом лишь в качестве смягчающих обстоя-

¹ Аргунова Ю. Применение нормы об ограниченной вменяемости // Российская юстиция. 1999. № 7. С. 42.

² Шишков С. Н. Об ограниченной (уменьшенной) вменяемости // Рос. юстиция. – 1995. – № 2. – С. 24-26.

тельств, и ни при каких условиях не может быть признан обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность, в связи с тем, что перечень отягчающих обстоятельств, предусмотренный ст.63 УК РФ, является закрытым и не подлежит расширенному толкованию.

Так же, при оценке судом конкретного деяния необходимо учитывать, имелась ли причинная связь между этими психическими аномалиями и совершенным правонарушением. И только в тех случаях, когда психические аномалии являлись если не решающим, то по крайней мере важным звеном в общей системе причинных связей, приведших к совершению правонарушения и наступлению преступного результата, наказание виновному может быть смягчено¹. Учет имеющегося у субъекта преступления психического расстройства всегда должен соотноситься с этиологией психического расстройства. Если психическое расстройство является результатом какой-либо антиобщественной привычки или аморальности поведения лица (злоупотребление алкоголем, наркотиками и т. п.) или если общественно опасное деяние было совершено в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, то все смягчающие вину последствия к этому лицу отношения не имеют². Нельзя ставить вопрос о смягчении наказания уменьшено вменяемому лицу, если вследствие того или иного психического расстройства преступление приняло особенно жестокий или дерзкий характер.

Таким образом, на основании, ст. 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание с учетом характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, в том числе и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, а также влияния назначенного наказания на исправление осужденного, формулировку ч.2 ст. 22 УК «учитывается судом» следует понимать именно как учет данного факта, а не как обязательные и какие-либо конкретные последствия этого учета.

В обобщенном виде норма ст. 22 УК РФ характеризуется следующими признаками: является категорией уголовного права, характеризующей интеллектуальное и волевое отношение лиц с психическими аномалиями к совершенному преступлению; относится только ко времени (моменту) совершения лицом преступления и самостоятельно никаких правовых или иных последствий после отбывания наказания не несет; является составной частью вменяемости, а не промежуточной категорией между вменяемостью и невменяемостью; никогда и ни при каких условиях не может быть истолкована как обстоятельство, отягчающее вину;

- может служить основанием для определения режима содержания осужденных к лишению свободы при назначении им принудительных мер медицинского характера, сочетаемых с уголовным наказанием.

¹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1997. С. 195-196.

² Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права - С. Петербург.: Типография М. Стасюлевича. – 1874. – с. 71

Таким образом, с целью обеспечения совершенства ст. 22 УК РФ законодательно необходимо решить вопрос юридической техники. Учитывая при этом конкретные требования, предъявляемые к процессу выработки уголовно-правовой нормы, основанные на методах юридической техники. В ходе разработки статьи решаются вопросы точности и адекватности её текстуальной формы. Особое внимание необходимо уделить лингвистическим методам (соответствие терминов понятиям, которые они фиксируют; обеспечение компактности юридического документа; повышение информативности правового документа; обеспечение ясности и доступности правовых актов.), использование данных методов связано с тем, что правовое регулирование воздействует на сознание людей. Любая мысль (законодателя, толкователя или правоприменителя) имеет лингвистическую форму.

Список литературы

Аргунова Ю. Применение нормы об ограниченной вменяемости // Российская юстиция. 1999. № 7.

Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1997.

Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права - С. Петербург.: Типография М. Стасюлевича. –1874.

Тугушев Р.Р. Невменяемость: Уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 2002.

Шушков С. Н. Об ограниченной (уменьшенной) вменяемости // Рос. юстиция. – 1995. – № 2. – С. 24-26.

Карнов К.Н.

Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76¹ УК РФ)

Terms of Exemption from Criminal Responsibility Due to Compensation of Damage (art. 76¹ of the Criminal Code)

Аннотация. В связи с внесением изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части корректировки содержания ст. 76¹ УК РФ автором рассматриваются вопросы определения условий освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. С учетом выработанных доктриной уголовного права подходов к определению условий, выполнение которых позволяет констатировать отсутствие необходимости реализации мер уголовной репрессии, а также современных требований в части предупреждения совершения преступлений, автором выявляет некорректность закрепленных в ст. 76¹ УК РФ условий, выполнение которых не способствует решению задач уголовного кодекса и предлагает изменить предписания данной нормы УК РФ.

Abstract. The author considers the issues of determining the conditions for exemption from criminal liability in connection with compensation for damage linked to the introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation regarding the adjustment of the content of Art. 76¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. Taking into account the doctrinal approaches to determining the conditions allowing to state the absence of the need to implement criminal repression measures, as well as modern requirements of crime prevention, the author reveals the incorrectness of the Art. 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federa-

tion, that in its current state does not address the tasks of the criminal code, and proposes to change the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, возмещение ущерба, основание освобождения от ответственности, условия применения ст. 76¹ УК РФ, преступление.

Keywords: exemption from criminal liability, damages, grounds for exemption from liability, art. 76¹ of the Criminal Code, crime

В соответствии с Федеральным законом (далее ФЗ) от 27.12.2018 № 533-ФЗ в УК РФ были внесены изменения, предусматривающие возможность. Действующая редакция ст. 76¹ УК РФ (*освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба*) предусматривает безоговорочное освобождение от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, предусмотренное статьями 198 - 199¹, 199³, 199⁴ УК РФ, если ущерб, причиненный бюджетной системе РФ в результате преступления, возмещен в полном объеме, а так же лиц, впервые совершивших преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. ч. 5-7 ст. 159, ч. 1 ст. 159¹, ч. 1 ст. 159⁶, ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 165 УК РФ и другими статьями, преимущественно относящимися к категории преступлений в сфере экономической деятельности, возместившие ущерб потерпевшему и перечислившие в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба (полученного дохода, эквивалента размера убытков, которых удалось избежать).

Изменение данной нормы связывают с очередной попыткой гуманизации уголовного законодательства и включения диспозитивных начал в сферу разрешения уголовно-правовых конфликтов в экономической сфере. Не углубляясь в политическую обоснованность и целесообразность подобного решения законодателя, необходимо отметить, что статистика применения указанного основания освобождения от уголовной ответственности свидетельствует о незначительном количестве случаев освобождения от ответственности.

Так, за 2017 год ст. 76¹ УК РФ была применена всего лишь 39 раз¹. При этом 35 раз применялась именно ч. 1 ст. 76¹ УК РФ, при совершении налоговых преступлений (ст. ст. 198-199² УК РФ), в рамках которой не требовалась дополнительная выплата в бюджет Российской Федерации двукратного размера причиненного ущерба. И всего 4 раза лица соглашались не только на возмещение причиненного вреда, но и на дополнительные выплаты, предусмотренные уголовным законом в качестве условия освобождения от уголовной ответственности. Учитывая, что за указанный период более 400 человек были осуждены за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, становится очевидным,

1 Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 12 месяцев 2017 г. // сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс] <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения 12.01.2019).

что количество желающих добровольно возместить причиненный ущерб является крайне низким, а желание простимулировать данную категорию преступников к возмещению вреда, при этом остается весьма обособленным и необходимым.

Внесенные в ст. 76¹ УК РФ поправки затронули ряд условий, выполнение (соблюдение) которых влечет освобождение от уголовной ответственности. В рамках существующих оснований освобождения от уголовной ответственности (ст. 75-76² УК РФ) данные условия делят на объективные и субъективные в зависимости от возможности их появления после совершения преступления¹. Так объективными условиями выступают: совершение преступления впервые, отнесение преступления к определенной категории, к субъективным же относят такие как факт возмещения вреда, причиненного преступлением и осуществление выплат в федеральный бюджет².

Исходя из задач уголовного законодательства предполагается, что применение оснований освобождения от уголовной ответственности повлечет за собой предупреждение преступлений и позволит осуществить охрану различных прав и свобод человека и гражданина (например, права собственности). При этом условия должны непосредственно способствовать решению указанных задач. Однако, представляется, что на сегодняшний день произошедшие изменения в ст. 76¹ УК РФ содержат не вполне прозрачные и недостаточно объективные условия, позволяющие избегать уголовного преследования и наказания.

Во-первых, был изменен перечень преступлений, за совершение которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности. При этом закрепленный в ст. 76¹ УК РФ круг преступлений вызывает вопрос относительно его условной соотносимости с принципом равенства³, и в настоящее время этот вопрос приобретает особую актуальность. Так, рассматривая общие основания освобождения от уголовной ответственности, А.М. Балафендиев отмечал допустимость «возможности, различного подхода к определению правовых последствий в отношении лиц, совершивших деяния одинаковой степени общественной опасности, при равной общественной опасности их личности, в связи с законодательной регламентацией освобождения от уголовной ответственности в ст. 75, 76 УК РФ: «Лицо... может быть освобождено...»⁴. Однако подход, использованный в ст. 76¹ УК РФ, предполагает обязательное освобождение от уголовной ответственно-

1 Сверчков В. В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности: Дисс... д-ра. юрид. наук / Н. Новгород, 2008. С. 176.

2 Власенко В.В. Субъективные условия освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ч. 2 ст. 76.1 УК РФ)

3 Разгильдиев Б.Т. Конституционное равенство и его отражение в уголовном праве России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4. С. 208-213. Сабитов Р.А., Сабитов Т.Р. О несоответствии некоторых норм УК РФ принципу равенства граждан перед законом независимо от имущественного и должностного положения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Право. 2012. № 31. С. 69-74.

4 Балафендиев А.М. Принцип равенства и вопросы освобождения от уголовной ответственности // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2007. № 6. С. 235.

сти, что порождает и вопросы относительно обоснованности формирования такого особого правового положения освобождаемых.

Следующим обязательным условием прекращения уголовного преследования выступают выплаты в бюджет Российской Федерации и возмещение причиненного вреда при совершении налоговых преступлений, а равно преступлений в сфере экономической деятельности. Однозначно обоснованным является мнение о существенном снижении уровня общественной опасности совершенных деяний и целесообразности стимулирования подобных постпреступных действий в части совершения преступлений в сфере экономической деятельности, так как речь идет об осуществлении предпринимательской деятельности на свой страх и риск и экономическая составляющая является преобладающей. Так бесспорным является утверждение Н. А. Лопашенко о том, что «в основе криминализации налоговых преступлений должен лежать ущерб, который причиняется бюджетам различных уровней, а не статус субъекта налогового правонарушения (частное физическое лицо, индивидуальный предприниматель, организация)»¹. В то же время, относительно других преступлений, попавших в перечень, предусмотренный ст. 76¹ УК РФ, нельзя высказаться столь же однозначно относительно значимости факта возмещения вреда для констатации утраты их общественной опасности. Избирательное включение в ст. 76¹ УК РФ лишь отдельных составов хищения чужого имущества, существенно различающихся по категориям преступлений и предусматривающих санкции от наказаний, не связанных с лишением свободы, до 10 лет лишения свободы, объективно не может способствовать достижению задач уголовного законодательства. Так, невключение ч. 1 ст. 159 УК РФ в содержание ст. 76¹ УК РФ создает неравные условия освобождения от уголовной ответственности по отношению к другим лицам, совершившим по сути аналогичные деяния (ч. 1 ст. 159¹, 159², 159³, 159⁵, 159⁶ УК РФ, а также ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 165 УК РФ). Представляется, что основания для дифференциации уголовной ответственности и наказания (а равно и закрепления оснований об освобождении от ответственности) должны носить значимый характер, определяющийся существенными признаками, оказывающими влияние на общественную опасность совершенного деяния, последствия преступления восстановление социальной справедливости и предупреждение преступлений. Сравнение признаков статей, включенных в настоящее время в ч. 2 ст. 76¹ УК РФ, демонстрирует выборочный несистематизированный подход к определению содержания основания освобождения от уголовной ответственности. Так, ч. 1 ст. 159³ УК РФ предусматривает наказание до 3 лет лишения свободы, что предполагает большую общественную опасность данного деяния по сравнению с ч. 1 ст. 159¹, 159², 159⁵, 159⁶, где наказание в виде лишения свободы вообще не устанавливается. Менее опасными в данном контексте выступают даже деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 165 УК РФ, санкции которых пре-

дусматривают наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет. Данные обстоятельства должны оказывать существенное влияние на вопросы освобождения от уголовной ответственности, однако, в рамках ст. 76¹ УК РФ этого не происходит.

В то же время другие преступления против собственности, предусматривающие возможность возмещения вреда и во многом криминализованные именно по признакам наступления существенных материальных последствий для потерпевшего, не вошли в указанный перечень. Так, ч. 1 ст. 167 УК РФ, предусматривающая наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет, а также ст. 168 УК РФ (до 1 года) напрямую связаны с причинением крупного и значительного имущественного ущерба, а соответственно предполагают возможность его возмещения, особенно в случае уничтожения имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ). При этом размер причиняемого вреда является сопоставимым с основными составами мошенничества в части причинения значительного ущерба. В случае же причинения крупного ущерба (250 тыс.) по неосторожности, этот показатель является существенно меньше размера ущерба, причиняемого в результате совершения преступлений, предусмотренных ч. ч. 5-7 ст. 159 УК РФ (более 3 млн. рублей, более 12 млн. рублей). При этом в ч. ч. 5-7 ст. 159 УК РФ предусматривается наказание в виде лишения свободы на 5, 6 и 10 лет соответственно. В то же время ч. 1 ст. 159 УК РФ, не содержащая даже причинение значительного ущерба потерпевшему (т.е. до 5 тысяч рублей) и предусматривающая наказание до 2 лет лишения свободы, не вошла в содержание ч. 2 ст. 76¹ УК РФ, что соответственно не позволит такому лицу претендовать на освобождение от уголовной ответственности.

Учитывая, что данные составы предусматривают ответственность за однотипные общественные посяательства – хищение имущества путем обмана либо злоупотребления доверием, возникает ситуация когда выполнение предписанных в УК РФ условий не позволяют говорить о принципиальном снижении общественной опасности совершенного деяния и решении задачи предупреждения совершения новых преступлений

Рассматриваемая ситуация, применительно к указанному основанию освобождения от уголовной ответственности, до настоящего времени не воспринималась как несоответствующая принципу равенства. Это было связано с тем, что существующие виды освобождения уголовной ответственности (ст.ст. 75-76, 76² УК РФ), являются средствами поощрения правомерного постпреступного поведения лиц, совершивших преступления, которые таким образом получают возможность доказать свое исправление (утрату общественной опасности), позволяют решить задачу по возмещению вреда, причиненного преступлением. Определение же круга таких лиц определяется законодателем, а решение о применении данных норм находится в компетенции правоприменителя. Однако особенность ст. 76¹ УК РФ выражается в обязательности и безоговорочности ее применения при выполнении лицом обозначенных условий.

¹ Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. С. 288-289.

Данная норма по сути закрепляет право преступника быть освобожденным от уголовной ответственности и соответственно обязанность государства прекратить уголовное преследование в случае, если он возместит вред, причиненный преступлением, в связи с чем лица, совершившие преступления, указанные в ст. 76¹ УК РФ, приобретают своими постпреступными правомерными действиями соответствующее право, и государство обязано предоставить возможность данное право реализовать.

В то же время другие лица, совершившие порой менее тяжкие преступления, очень схожие по своей правовой природе и механизму совершения (ч. 1 ст. 159 и ч. 1 ст. 159¹, ч. 1 ст. 159², ч. 1 ст. 159⁵ и др.), фактически лишаются такого права. При этом признак, положенный в обоснование такого решения, остается неочевидным, непонятным и спорным.

В частности, выборочное включение отдельных видов хищения имущества ставит в неравное положение лиц, совершивших во многом схожие преступления. Например, в случае совершения мошенничества, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, и мошенничества, предусмотренного ч. 1 ст. 159⁵ УК РФ, а также наличия прочих равных условий, в рамках постпреступного поведения (возмещение вреда и т.д.), лицо, совершившее первое преступление, не получает права на освобождение от уголовной ответственности, а в отношении второго государство обязано прекратить уголовное преследование без учета воли потерпевшего и даже мнения суда о целесообразности подобного решения.

Представляется, что подход к формированию оснований освобождения от уголовной ответственности должен соответствовать не только потребностям в смягчении средств уголовно-правовой репрессии, но и конституционным принципам равенства всех перед законом, а также быть логически непротиворечивым.

Очевидно, что стимулирование возмещения вреда в результате совершенного преступления является одним из важных элементов уголовно-правового воздействия, однако вводимые поощрительные нормы не должны умалять интересы других участников, вовлеченных поневоле в указанные правоотношения. В частности, анализируемое законодательное решение приводит к тому, что потерпевшие в результате совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159, ст. 167, ст. 168 УК РФ, находятся также в более ущербном положении по сравнению с потерпевшим от преступления¹, предусмотренного ч. 1 ст. 159¹ или ч. 5-7 ст. 159 УК РФ, так как их интересы менее защищены государством.

Отмечая безусловный положительный эффект существования в УК РФ поощрительных норм, стимулирующих правомерное постпреступное поведение лица в части возмещения вреда, причиненного преступлением. Однако подход к конструированию данных норм необходимо строить на началах ра-

венства возможностей лица вне зависимости от их финансового положения, а также не ставить возможность либо невозможность освобождения от уголовной ответственности в зависимость от несущественных факторов.

С учетом сказанного и в целях систематизации уголовно-правовых норм считаем, что в качестве условий освобождения от ответственности необходимо использовать и закрепить в статьях УК РФ устоявшиеся признаки: а) категорию преступления; б) отсутствие тяжких последствий; в) ненасильственный характер; г) группировку преступлений, объединенных едиными признаками (объектом, объективной стороной, последствиями), например, хищения чужого имущества, налоговые преступления и т.д.

Список литературы

Балафендиев А.М. Принцип равенства и вопросы освобождения от уголовной ответственности // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2007. № 6.

Власенко В. В. Субъективные условия освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ч. 2 ст. 76.1 УК РФ)

Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009.

Матвеева Я. М. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Правоведение 2014. № 1.

Разгильдиев Б.Т. Конституционное равенство и его отражение в уголовном праве России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4. С. 208-213.

Сабитов Р.А., Сабитов Т.Р. О несоответствии некоторых норм УК РФ принципу равенства граждан перед законом независимо от имущественного и должностного положения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Право. 2012. № 31. С. 69-74.

Сверчков В. В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности: Дисс... д-ра. юрид. Наук / Н. Новгород, 2008.

Кафиатуллина А.В.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в системе мер государственного принуждения

Disqualification to Hold Certain Positions or to Practice Certain Professions in a System of State Enforcement Measures

Аннотация: Статья посвящена месту наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в системе мер государственного принуждения. На основе анализа различных точек зрения обосновывается необходимость сохранения за лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью статуса самостоятельного вида уголовного наказания.

Abstract: The article is dedicated to the place of punishment in the form of disqualification to hold certain positions or to practice certain professions in the system of state enforcement measures. The effectiveness and importance of that kind of criminal punishment are proved by doctrinal analysis.

Ключевые слова: система уголовных наказаний, основное наказание, дополнительной наказание, лишение права, занимать определенные должности, заниматься определенной деятельностью.

¹Матвеева Я. М. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Правоведение 2014. № 1. С. 166.

Key words: criminal penalties system, main punishment, additional punishment, disqualification to hold certain positions or to practice certain professions.

В последнее время в литературе значительное внимание уделяется вопросам совершенствования системы уголовных наказаний путем включения новых наказаний, исключения или совершенствования существующих¹. Много полемики можно слышать относительно карательного потенциала того или иного вида наказания. Достаточно дискуссионным является и вопрос о месте наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и его роли в системе мер государственного принуждения.

Исторический опыт России показывает, что лишение виновного определенных прав, связанных с его социальным статусом, известно русскому законодательству вот уже более тысячи лет. В разные исторические периоды оно имело различные социальные предпосылки, но всегда главной целью такой меры принуждения выступало отстранение от сферы, в которой произошло нарушение таким лицом предоставленных ему прав.

В настоящее время лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью занимает второе место в лестницы наказаний, и является, по задумке законодателя, вторым по репрессивности видом наказания после штрафа. В. П. Малков, полагает, что такое положение несправедливо и, по его мнению, названный вид наказания следует поместить в ст. 44 УК РФ на восьмое место, то есть перед наказанием в виде лишения свободы на определенный срок².

В.А. Уткин вообще предлагает исключить лишение права из системы уголовных наказаний, предусмотрев его как установленную законом меру безопасности в УК РФ либо в более широком плане – в отраслевом (конституционном, трудовом, административном и т. п.) законодательстве³.

По мнению А.В. Звонова, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как основной вид наказания демонстрирует «некую несостоятельность указанной меры в качестве самостоятельного наказания» по сравнению с дополнительным⁴.

Мы вынуждены не согласиться с такими суждениями. Проводимые профессором В. С. Устиновым в конце 1980-х гг. социологические исследования показали, что для представителей сферы торговли лишение права трудиться в торговых предприятиях являлось самым строгим наказанием за

совершенные ими преступления. Аналогичное исследование, проведенное нами среди осужденных, лишенных права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, также показало, что наложенный судом запрет отразился на материальном положении, существовавшем до осуждения, на это указали 60 % респондентов; назначение данного вида наказания привело к лишению доходов, которые приносила занимаемая должность или деятельность, – 58,8 %; лишению привилегий и комфорта, связанных с должностью (деятельностью), – 20,5 %; утрате престижа занимаемой должности – 17,6 %. При анкетировании судей Ивановской, Московской, Мурманской, Костромской областей и Пермского края установлено, что лишь 4 % судей считают данный вид наказания малоэффективным, 13 % посоветовали на невозможность контроля за наложенным запретом и 19 % указали на то, что роль лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью выполняет судимость.

Позволим себе высказать промежуточный вывод, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как основной вид наказания не исчерпал своего потенциала. Реализация данного наказания не позволяет осужденному совершать новые преступления с использованием должности или вида профессиональной или иной деятельности. Данный вид наказания избирательно воздействует на определенные проявления и свойства личности преступника, способствовавшие совершению преступления. Это особенно актуально в условиях совершения преступлений с использованием служебного положения. Кроме того, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не преследует цели – унижение человеческого достоинства, так как в случае судебной ошибки нарушенное право обратимо, то есть субъекту всегда можно вернуть те права, которых он лишен. Этот вид наказания экономичен с точки зрения расходов федерального бюджета.

Особенность наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью заключается в том, что оно является смешанным, то есть может быть назначено как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания. В настоящее время судебная практика демонстрирует, что это самый востребованный вид дополнительного наказания. В связи с этим, И.А. Подройкина отстаивает позицию, согласно которой, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью следует исключить из числа «смешанных» и сохранить его только в качестве дополнительного, аргументируя это тем, что сам законодатель лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью ведущее значение придает именно как дополнительному наказанию, поскольку оно включено в санкции статей Особенной части УК РФ в качестве дополнительного в 5

¹ Подройкина И.А., Улезко С.И. Система уголовных наказаний в иерархии мер юридической ответственности // Вестник Краснодарского университета МВД. – 2016. – № 2 (32). – С. 40 – 44.

² Малков В. П. Еще раз о противодействии коррупционной и иной преступности наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Актуальные проблемы экономики и права. – 2007. – № 3 (3). – С. 161 – 170.

³ Уткин В. А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: уголовное наказание или мера безопасности? // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 3 (82). – С. 58 – 61.

⁴ Звонов А.В. Реализуемость уголовных наказаний в практической деятельности судов: аналитический обзор // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 1 (32). – С. 51 – 57.

раз больше, чем как основного¹. В очередной раз мы вынуждены не согласиться с мнением ученого. Действительно, в санкциях статей Особенной части УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания мы встречаем чаще. И даже полагаем, что и этого количества недостаточно. Хотя, в силу специфики его назначения в порядке ч. 3 ст. 47 УК РФ, этот пробел может быть восполнен правоприменителем. Проблему мы видим не столько в недооценке судами карательного потенциала анализируемого вида наказания, а в уголовной политике, не ориентированной в настоящее время на альтернативные лишению свободы виды наказаний.

А. Ю. Чупрова говорит о том, что «весьма трудно ограничить в правах лицо, выполняющее управленческие функции, злоупотребляющее своими полномочиями, а также тех, кто использует предоставленные по службе возможности при незаконном распространении порнографических материалов или предметов. При посягательствах на осуществление правосудия отсутствует возможность лишить виновных права занимать должности в этой системе. Вышеуказанные лица после отбытия наказаний могут вернуться к тому же виду деятельности (если в специальных нормативных актах не будут установлены соответствующие ограничения) и на аналогичные должности, что повышает опасность рецидива»². Это не совсем так. В настоящее время суды проявляют вариативность в формулировках налагаемых запретов. Например, за факт изготовления и оборота материалов с порнографическим изображением несовершеннолетнего виновному, работающему до назначения наказания сторожем, запрещено заниматься педагогической деятельностью³.

Мы полностью согласны с В.П. Силкиным, который полагает, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является одним из самых перспективных видов наказания⁴. Это подтверждается и тем, что подобного рода запреты предусмотрены не только в уголовном праве, при применении института уголовной ответственности, но и в других отраслях права. Так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в качестве административных наказаний предусматривает лишение специального права и дисквали-

фикацию. Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) введен новый вид меры пресечения – *запрет определенных действий* (ст. 105.1 УПК РФ), который заключается, в числе прочих ограничений, в возложении на подозреваемого или обвиняемого запрета на управление автомобилем или иным транспортным средством. В соответствии со ст. 114 УПК РФ в отношении подозреваемого или обвиняемого возможно применение иной меры процессуального принуждения – *временное отстранение от должности*¹.

Итак, высказываемые идеи сводятся к следующим предложениям: 1) исключить лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью из числа основных видов уголовных наказаний по причине его редкого назначения в таком качестве; 2) изменить место расположения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в перечне ст. 44 Уголовного кодекса РФ; 3) исключить лишение права из системы уголовных наказаний, предусмотрев его как установленную законом меру безопасности в УК РФ либо в более широком плане – в общеправовом (конституционном, трудовом, административном и т. п.) законодательстве.

Наиболее взвешенным представляется подход к сохранению за лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью статуса самостоятельного уголовного наказания, место расположения которого определено законодателем верно. Это проявляется в ограничении целого ряда конституционных прав осужденного лица, длительном сроке пребывания в статусе осужденного.

Список литературы

Звонов А.В. Реализуемость уголовных наказаний в практической деятельности судов: аналитический обзор // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 1 (32). – С. 51 – 57.

Кафиатулина А.В. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: законодательное регулирование и правоприменительная практика // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции 2 ноября 2018 г. / Отв. ред. Е. Н. Рахманова. СПб. – 2019. – С. 178 – 185.

Кафиатулина А.В. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: проблема сроков // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 3 (23). – С. 268 – 272.

Маков В. П. Еще раз о противодействии коррупционной и иной преступности наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Актуальные проблемы экономики и права. – 2007. – № 3 (3). – С. 161 – 170.

¹ Кафиатулина А.В. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: законодательное регулирование и правоприменительная практика // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции 2 ноября 2018 г. / Отв. ред. Е. Н. Рахманова. СПб. – 2019. – С. 178 – 185.

¹ Подройкина И.А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в судебной практике // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2017. – № 4 (29). – С. 66 – 71.

² Чупрова А.Ю. Практика применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности в России и за рубежом // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. № 2 (3). – С. 226 – 230.

³ Кафиатулина А.В. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: проблема сроков // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 3 (23). – С. 268 – 272.

⁴ Силкин В.П. О размерах уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом. Сборник материалов круглого стола международной научно-практической конференции, 2018. С. 270 – 274.

Подройкина И.А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в судебной практике // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2017. – № 4 (29). – С. 66 – 71.

Подройкина И.А., Улезко С.И. Система уголовных наказаний в иерархии мер юридической ответственности // Вестник Краснодарского университета МВД. – 2016. – № 2 (32). – С. 40 – 44.

Силкин В.П. О размерах уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом. Сборник материалов круглого стола международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 270 – 274.

Чурова А. Ю. Практика применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности в России и за рубежом // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 2 (3). – С. 226 – 230.

Кокин Д.М.

Основание уголовной ответственности за неоконченное преступление, совершённое в соучастии Basis of Criminal Liability for an Unfinished Crime Committed in Complicity

Аннотация: В данной статье рассматриваются аспекты оценки юридически-значимых признаков неоконченных преступлений, совершаемых в соучастии, их значение для квалификации и применение на практике оценки общественно-опасного деяния.

Abstract: The article discusses aspects of the assessment of legally significant signs of unfinished crimes committed in complicity, their importance for the qualification and practical application of the assessment of socially dangerous acts.

Ключевые слова: неоконченное преступление, приготовление к преступлению, покушение на преступление, соучастие, квалификация.

Key words: unfinished crime, preparation for crime, attempted crime, complicity, qualification

Особое место в противодействии преступной деятельности занимает выявление и пресечение преступлений на ранних стадиях, как показывают статистические данные, в 2018 году на стадии приготовления или покушения было выявлено 87,4 тыс. преступлений, что составляет 4,4% от общего числа зарегистрированных преступлений¹. Такое положение дел говорит об актуальности выработки единого подхода к противодействию неоконченным преступлениям, правильной и единообразной уголовно-правовой оценки всех юридически-значимых аспектов такой деятельности и доведения этого подхода до сведения правоприменителя.

Уголовный кодекс содержит нормы, устанавливающие ответственность за два вида предварительной преступной деятельности, отличающиеся степенью продвижения субъекта к достижению преступного результата в

своей деятельности. Это стадии приготовления и покушения на преступление. Дальнейшее достижение преступного результата переносит антисоциальную деятельность лица на стадию оконченного преступления. Предшествующая приготовлению интеллектуальная деятельность по обнаружению умысла на совершение преступления не влечёт наступления уголовной ответственности и не отражается в тексте уголовного закона.

В соответствии с точкой зрения авторов большинства источников доктринального толкования, приготовление и покушение на преступление возможна только в умышленных преступлениях. Умысел может быть конкретизирован (кража конкретной вещи, убийство конкретного человека) или не определён (кража кошелька с неизвестной суммой денег, убийство неизвестных виновному жильцов квартиры при разбойном нападении), но в каждом случае он должен быть прямым для наличия возможности предварительной преступной деятельности.

О невозможности покушения на преступление с двумя формами вины пишет, например, А.И. Рарог: «Приготовление и покушение юридически невозможны в преступлениях с двумя формами вины. Если вследствие частичного выполнения действий, образующих объективную сторону конкретного состава преступления, наступают причинно связанные с ними последствия, играющие роль квалифицирующего признака, субъективное отношение к наступлению которых выражается в неосторожности, содеянное следует квалифицировать по правилам идеальной совокупности преступлений»¹. Н. А. Карпова придерживается противоположной точки зрения: «, По нашему мнению, стадия приготовления недопустима в преступлениях, совершённых с двумя формами вины, а стадия покушения может присутствовать»². Признавая доводы обеих сторон, следует отметить, что точка зрения Г.А. Есакова, А.И. Рарога и А.И. Чучаева, представляется более обоснованной.

Закономерные вопросы возникают при попытке разграничения деяний как преступления и предварительная преступная деятельность при наличии признаков возможного или имевшего место соучастия. Часть 5 ст. 34 УК РФ устанавливает правила, в соответствии с которыми: «В случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление». Таким образом, правовая оценка общественной опасности деятельности подстрекателя, пособника и организатора преступления будет зависеть от успешности действий исполнителя. На первый взгляд это положение соответствует общим принципам и логике установления оснований уголовной ответственности. Как наступление более тяжких последствий, к которым виновный относится неосторожно, повышают степень общественной опасности деяния, так и ус-

¹ Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Велби, Проспект, 2007. С. 46

² Карпова Н. А. Неоконченная преступная деятельность (понятие и проблемы квалификации): учебное пособие / отв. ред. Н.Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2017. С. 43

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. Сборник статистических сведений Главного информационно-аналитического центра МВД России. Москва. 2019. С. 3

пешные действия исполнителя, в достижении совместного преступного результата усиливают общественную опасность такой деятельности в целом. Однако, если рассмотреть взаимосвязь отграничения оконченного и неоконченного покушения друг от друга, и наличия возможности добровольного отказа всех соучастников от совершения преступления, картина может несколько измениться.

Покушение признаётся оконченным в момент, когда субъект совершил все необходимые действия для достижения преступного результата, однако результат не наступил по независящим от него обстоятельствам. Неоконченным является покушение, когда виновный, по независящим от него обстоятельствам не совершил всех действий, необходимых для достижения преступного результата.

В качестве примера рассмотрим хищение автомобиля с использованием механических и программно-аппаратных средств. В данном сложном технологическом процессе, направленном на установление контроля над основными функциями автомобиля, подавление противоугонных систем и поддержании работоспособности транспортного средства, для изъятия его у собственника, предмет преступления используется, в том числе как одно из средств совершения преступления. Стадию приготовления могут составлять сбор информации о предмете преступления, о распорядке дня предполагаемой жертвы, наличии в предполагаемом месте преступления препятствий к совершению кражи, в том числе систем видеонаблюдения, подбор орудий, в том числе подходящих для конкретной модели транспортного средства, сговор с другими лицами, охранником стоянки, знакомым предполагаемой жертвы, сотрудником станции технического обслуживания, где происходит ремонт предполагаемого предмета преступления и так далее. Переход к стадии покушения будет происходить в тот момент, когда исполнитель окажется в непосредственной близости от предмета преступления с орудием (-ями) и намеренем реализовать запланированное изъятие автомобиля. Пока исполнитель не совершил все действия, направленные на достижение преступного результата, сохраняется возможность добровольного отказа от совершения преступления, следовательно, иные соучастники могут избежать появления оснований уголовной ответственности. Далее исполнитель механически открывает дверь автомобиля (применяя вороток, разбивая стекло и т. д.), в этот момент преступление ещё не окончено, предмета преступления не изъят, хотя потерпевшему уже причинён материальный вред в размере стоимости восстановления повреждённого имущества. Возможность добровольного отказа сохраняется. Преступник смог преодолеть систему противоугонной защиты и запустить двигатель, действия для хищения автомобиля всё ещё не все, субъект совершает отказ от доведения преступления до конца и покидает салон автомобиля, за несколько кварталов от места происшествия его задерживают с орудиями преступления, проанализированные обстоятельства по-

зволяют сделать вывод о наличии добровольного отказа. Если же в тех же условиях злоумышленнику не удалось запустить двигатель автомобиля, и он решил не продолжать пытаться и покинул место происшествия, его действия будут содержать признаки оконченного покушения с негодными средствами и возможность добровольного отказа при возникновении препятствий в реализации преступного намерения будет отсутствовать вплоть до устранения данного препятствия.

Список литературы

Есаков Г.А., Парог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Парог. М.: Велби, Проспект, 2007

Карпова Н. А. Неоконченная преступная деятельность (понятие и проблемы квалификации): учебное пособие / отв. ред. Н.Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2017.

Краснова К. А.

Введение уголовного проступка: проблемы и решения

Criminal Misconduct: Problems and Solutions

Аннотация. В данной статье автор предпринимает попытку выявить проблемные вопросы в проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», анонсированном Верховным Судом Российской Федерации 31 октября 2017 года, а также предлагает варианты их устранения.

Abstract. In this article the author makes an attempt to reveal problematic issues in the draft federal law «About Introduction of Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with Introduction of a Concept of Criminal Offence», announced by the Supreme Court of the Russian Federation on October 31, 2017 and also offers options of their elimination.

Ключевые слова: уголовная репрессия, уголовная политика, уголовный закон, уголовный проступок, судимость.

Key words: criminal repression, criminal policy, criminal law, criminal offense, criminal record.

Перспектива реформирования отечественного уголовного законодательства, связанная с введением института уголовного проступка, вот уже третий год вызывает оживленную дискуссию на научных форумах различного уровня и страницах ведущих юридических изданий¹.

К.А. Сыч², в частности, напоминает об исторических корнях данной уголовно-правовой категории и говорит об устоявшемся в дореволюцион-

¹ Жестеров П.В. Медиация как форма разрешения гражданско-правового деликта: актуальные вопросы экономики уголовной репрессии при проступках // Научные исследования в частном праве России. Сборник научных трудов юридического факультета Российского государственного социального университета. Под ред. Р.Р. Ленковской. Москва: Издательство «Саратовский источник», 2018. С. 65-70.

² Сыч К.А. Уголовно-правовой проступок и меры наказания за его совершение // Вестник УЮИ. – 2018. – № 4 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoy-prostupok-i-mery-nakazaniya-za-ego-sovershenie> (дата обращения: 29.06.2019).

ном уголовном законе понимании проступка как нарушения «правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы»¹.

С. А. Старостин, рассуждая о возможности и условиях законодательного закрепления категории «уголовный проступок», обращается к положениям Уголовного уложения 1903 года, которыми устанавливались три категории уголовных деяний: тяжкие преступления, преступления и проступки².

Другие ученые апеллируют к современной законотворческой практике и анализируют первые результаты аналогичной новеллизации, прошедшей относительно недавно в одной из республик постсоветского пространства – Казахстане³.

Однако наибольший интерес у специалистов и судей ожидаемо вызвал проект, подготовленный Верховным Судом Российской Федерации⁴. Анализ положительных сторон проекта изложены в целом ряде публикаций⁵. Считаем целесообразным остановиться на его недостатках.

1. Относительно сущности уголовного проступка в проекте, представленном высшей судебной инстанцией, предполагается, что он будет одной из категорий преступлений. Этот вывод можно сделать, исходя из следующих фактических обстоятельств. Во-первых, уголовный проступок формулируется как преступление небольшой тяжести, отличаясь от последнего, по сути, лишь отсутствием в санкции наказания в виде лишения свободы. Во-вторых, в законопроекте не сформулированы изменения в названии ст. 15 УК РФ. Также рассматриваемый проект не предусматривает изменений названия и содержания ст. 14, названия главы 3 и раздела II УК РФ. Если в рамках ретроспективного анализа обратиться к Уложению, то в нем проступок упоминается и в названии первого раздела («О преступлениях, проступках и наказаниях вообще»), и первой главы («О существе преступлений и проступков и о степенях вины»), и первого отделения («О существе преступлений и проступков»). Тем самым дорево-

¹ Россия. Законы и постановления. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. - Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. - [4], IV, 898, XVII с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=9> (дата обращения: 29.06.2019). Далее – Уложение.

² Старостин С. А. Уголовный проступок: взгляд административиста // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Том 14. - № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-prostupok-vzglyad-administrativista> (дата обращения: 29.06.2019).

³ Дикаев С.У. Нужно ли Казахстану кардинальное изменение уголовного законодательства и нужна ли уголовная ответственность за проступки? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 2 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhno-li-kazahstanu-kardinalnoe-izmenenie-ugolovnogo-zakonodatelstva-i-nuzhna-li-ugolovnaia-otvetstvennost-za-prostupki> (дата обращения: 29.06.2019).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». Документ опубликован не был. URL: <http://vsrf.ru/files/24307> (дата обращения: 29.06.2019).

⁵ Корсун Д.Ю. Анализ законопроекта Верховного суда РФ о введении в УК РФ понятия уголовного проступка: за и против // Юридическая наука. – 2018. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zakonoproekta-verhovnogo-suda-rf-o-vvedenii-v-uk-rf-ponyatiya-ugolovnogo-prostupka-za-i-protiv> (дата обращения: 29.06.2019).

люционным законодателем подчеркивалась самостоятельность исследуемой уголовно-правовой категории.

2. К очевидному минусу рассматриваемого проекта следует отнести нерешенность вопроса о соотношении уголовного проступка и рецидива преступлений. Косвенно вопрос о вероятности повторного привлечения к уголовной ответственности за уголовный проступок затронут в ст. 1 проекта, в той части, где предложена новая редакция примечания к ст. 76²: «...лицо признается впервые совершившим уголовный проступок, если оно не имеет неснятой или непогашенной судимости». Тем самым логично предположить, что возможен рецидив уголовных поступков, то есть наличие на момент оглашения приговора (в его вводной части) указания на неснятую или непогашенную судимость за ранее совершенный уголовный проступок и/или преступление. Однако еще на стадии подготовки данного проекта Председатель Верховного Суда Российской Федерации особо подчеркивал, что привлечение к ответственности за совершение уголовного проступка не может образовывать судимость¹.

В условиях, когда до сих пор в приговорах российских судов встречаются ошибки при признании рецидива преступлений, а также необоснованные ссылки на погашенные судимости, несложно представить, с какой практической проблемой столкнутся судьи при решении вопроса о рецидиве преступлений в случае неурегулированности данного вопроса в уголовном законе. Здесь возможны два варианта. В том случае, если в положениях ст. 86 УК РФ будет закреплено правило об учете уголовного проступка при признании рецидива преступлений, то тем самым будет поддержан общий репрессивный курс всей правоохранительной системы в нашей стране (при декларируемой направленности реформы на гуманизацию уголовного законодательства) в условиях ежегодного роста рецидивоопасности российской преступности. Так, в 2018 г. доля повторных деяний в общей структуре преступности составила уже 58,3%². Если же будет закреплено правило, согласно которому, не подлежат учету судимость за уголовный проступок, то необходимо внесение соответствующих изменений в п. 4 ст. 18 УК РФ, где перечислены виды судимости, не учитываемые при признании рецидива преступлений. Оставление этого вопроса неурегулированным будет создавать вполне конкретные проблемы на практике вследствие того, что в предложенном высшей судебной инстанцией определении «уголовного проступка» сделано указание на то, что это преступление небольшой тяжести (следовательно, влекущее за собой судимость), за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Напомним, что в действующей редакции

¹ Адвокатская газета: Вячеслав Лебедев о развитии правосудия в России. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vyacheslav-lebedev-o-razvii-pravosudiya-v-rossii/> (дата обращения: 29.06.2019).

² Официальный сайт МВД России: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации, за январь – декабрь 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 29.06.2019)

п. «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ речь идет о порядке погашения судимости в отношении «лиц, осужденных к более мягким видам наказаний, чем лишение свободы».

3. В настоящем проекте не определена общественная опасность уголовного проступка. Если проектом подразумевается, что привлечение к ответственности за уголовный проступок не повлечет за собой судимости, тогда возникает вполне резонный вопрос: по какому критерию должна определяться степень общественной опасности правонарушения? И если в отношении действующих составов преступлений она будет определена по критерию наказания – санкция не должна предусматривать лишение свободы. То в случае будущей криминализации новых деяний у законодателя не будет четких ориентиров для выбора формы ответственности – административное правонарушение или уголовный проступок. В этой связи следует также упомянуть о зарубежном опыте новеллизации норм об уголовном проступке, которая прошла в 2015 году в уголовном законодательстве Республики Казахстан и сопровождалась криминализацией части административных правонарушений, предусматривавших штрафные санкции и административный арест, в качестве уголовного проступка во вновь принятый УК РК¹. Полагаем, данный аспект исследуемой проблемы не был учтен высшей судебной инстанцией при разработке проекта.

В заключении резюмируем. Введение института уголовного проступка в уголовное законодательство могло бы стать одним из перспективных направлений экономии уголовной репрессии. В проекте высшей судебной инстанции уголовный проступок определяется по одному критерию: наказание (не предусмотрено лишение свободы). При этом только совершеннолетних лиц, впервые совершивших уголовный проступок, предлагается освобождать от уголовной ответственности с применением иных мер уголовно-правового характера (судебный штраф, обязательные или исправительные работы).

Однако представленный проект, в случае его принятия, вызовет не только многочисленные теоретические вопросы, но и проблемы в правоприменительной практике, особенно по такому чувствительному вопросу, не только для судебного сообщества, но и для граждан и общества в целом, как рецидив. В этой связи целесообразно обратить особое внимание на соответствие возможных последствий совершения уголовного проступка, в том числе повторно, действующим положениям уголовного закона.

Список литературы

Дикаев С.У. Нужно ли Казахстану кардинальное изменение уголовного законодательства и нужна ли уголовная ответственность за проступки? // Криминология: вчера,

¹ Жестеров П.В. Введение уголовного проступка как одно из направлений экономии уголовной репрессии // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2018. – Т. 1. – № 1 (61). – С. 42-46.

сегодня, завтра. – 2013. – № 2 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhno-li-kazhstanu-kardinalnoe-izmenenie-ugolovnogo-zakonodatelstva-i-nuzhna-li-ugolovnaya-otvetstvennost-za-prostupki> (дата обращения: 29.06.2019).

Жестеров П.В. Введение уголовного проступка как одно из направлений экономии уголовной репрессии // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2018. – Т. 1. – № 1 (61). – С. 42-46.

Жестеров П.В. Медиация как форма разрешения гражданско-правового деликта: актуальные вопросы экономии уголовной репрессии при проступках // Научные исследования в частном праве России. Сборник научных трудов юридического факультета Российского государственного социального университета. Под ред. Р.Р. Ленковской. Москва: Издательство «Саратовский источник», 2018. С. 65-70.

Корсун Д.Ю. Анализ законопроекта Верховного суда РФ о введении в УК РФ понятия уголовного проступка: за и против // Юридическая наука. – 2018. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zakonoproekta-verhovnogo-suda-rf-o-vvedenii-v-uk-rf-ponyatiya-ugolovnogo-prostupka-za-i-protiv> (дата обращения: 29.06.2019).

Официальный сайт МВД России: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации, за январь – декабрь 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 29.06.2019)

Россия. Законы и постановления. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. - [4], IV, 898, XVII с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=9> (дата обращения: 29.06.2019).

Старостин С. А. Уголовный проступок: взгляд административиста // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Том 14. – № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-prostupok-vzglyad-administrativista> (дата обращения: 29.06.2019).

Сыч К.А. Уголовно-правовой проступок и меры наказания за его совершение // Вестник УЮИ. – 2018. – № 4 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoy-prostupok-i-mery-nakazaniya-za-ego-sovershenie> (дата обращения: 29.06.2019).

Кузнецова Н.В.

Тенденции развития международного уголовного права в условиях континентальной интеграции

International Criminal Law Development Trends in the Context of Continental Integration

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу современного международного права и вопросу о его месте относительно национальных систем права различных стран – участниц различных международных объединений континентального (регионального) уровня. Здесь же сформулированы предположения относительно перспектив развития международного уголовного права в условиях развития тенденций межгосударственной экономической, социальной и иной интеграции.

Abstract: The author analyses modern international criminal law and questions its place in context of different national law systems and various international associations of the continental (regional) level. Author makes assumptions about the prospects for the development of international criminal law according to the latest trends of multinational economic, social and other integration.

Ключевые слова: международное уголовное право, межгосударственная интеграция, российская система права, международные союзы и объединения, преступления международного характера.

Key words: international criminal law, multinational integration, Russian law system, international unions and associations, international crimes.

Создание межгосударственных объединений является закономерным итогом процесса глобализации, направленного на всемирную экономическую, политическую, культурную интеграцию. На наш взгляд наиболее успешно указанный процесс влияет на экономическую сферу, поскольку процесс объединения национальных экономик участников подобных союзов положительно сказывается на функционировании единого рынка, свободном межгосударственном перемещении товаров, работ, услуг, капитала, рабочей силы, способствуя повышению жизненного уровня населения государств-участников, вхождению в мировую экономическую систему.

Протекающие в мировом сообществе интеграционные процессы в значительной степени отражаются на состоянии и тенденциях развития преступности. Фиксируемое в России в последнее десятилетие снижение абсолютных показателей преступности в целом и ее отдельных видов свидетельствует о ее качественном изменении.

На изменение показателей преступности накладывают отпечаток процессы глобализации, которые детерминируют деятельность транснациональных преступных группировок и сообществ, международных террористических и экстремистских организаций, специализирующихся на незаконной торговле наркотиками, оружием, произведениями искусства и людьми, контрабанде стратегических товаров и ресурсов, совершении киберпреступлений, отмывании денег, полученных преступным путем, организации незаконной миграции и др.

На международный уровень выходят и российские преступные сообщества. В настоящее время общее количество преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами (преступной организацией) составляют лишь 1% от общего количества расследованных преступлений. Однако каждое девятое преступление в структуре организованной преступности совершено организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), сформированным по этническому признаку¹.

Состояние транснациональной преступности вынуждает мировое сообщество искать различные направления сотрудничества, разрабатывать механизмы правовой защиты. В этой связи, наряду с теоретическими вопросами, связанными с установлением причинного комплекса, детерминирующего международную преступность, все большую потребность вызывают практические меры, эффективность которых должна быть очевидна. По мнению А.Р. Каюмовой, рост взаимозависимости государств в отдельных областях, предопределил общемировую тенденцию «коллективного» решения различных вопросов, в том числе касающихся борьбы с преступностью в рамках международных объединений². В сложившихся условиях можно

¹ См.: Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: Аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражник, М.В. Гончарова и др. – М., 2018. – С. 9.

² См.: Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: Дис. д-ра юрид. наук. – Казань, 2016. – С. 68.

предположить, что международное уголовное право в ближайшее время продемонстрирует очередной виток своего развития. В первую очередь это будет связано с установлением запретов на посягательства, которые способны причинить вред интересам участникам государственных союзов и иных международных объединений, в состав которых включены различные страны. На основе соответствующих региональных международных соглашений будут формироваться в национальном уголовном законодательстве новые группы преступлений международного характера.

По разным причинам вопрос о правомерности формулирования дефиниции «международное уголовное право» в научной сфере не получил своего окончательного решения. Сторонники такого решения предлагают рассматривать международное уголовное право или в качестве специальной отрасли международного права¹, или специальной отраслью международного публичного права², или даже как часть внутреннего права, поскольку многими национальными нормативными актами, имеющими высшую юридическую силу, международному праву отдается приоритет в случае возникновения коллизий с внутренним правом.

Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые указывают на международное уголовное право как на право комплексного значения. Оно представляет собой систему международно-правовых принципов и норм, регулирующих сотрудничество различных субъектов по вопросам противодействия международным и трансграничным преступлениям, оказания правовой помощи по уголовным делам, экстрадиции преступников, взаимодействия в области уголовного правосудия.

Анализ общего понятия международного уголовного права помогает раскрыть его сущность, которая состоит в разработке эффективного механизма, обусловленного общей, взаимной волей большинства государств или международных организаций, позволяющего привлекать виновных лиц к ответственности за совершение международных и транснациональных преступлений. При этом не имеет значения, каким органом осуществляется уголовное преследование: международным судом или судом конкретного государства в соответствии с международными уголовно-правовыми нормами.

Учитывая, что международное уголовное право начало развиваться сравнительно недавно, то вполне вероятно возникновение вопросов, не урегулированных нормами международного уголовного права. В этой связи представляется правильным применять национальные правовые нормы, не противоречащие международному уголовному праву. При указанных условиях применение национального законодательства следует также отнестись к общим принципам международного уголовного права.

¹ См.: Каюмова А. Р. Международное уголовное право: становление и современные тенденции развития. Казань: изд-во Казанского государственного университета. – 1998. – С. 5.

² См.: Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. – М.: Спарк, 1999. – С. 7.

Говоря о международной и транснациональной преступности, следует определить, за совершение каких преступлений применяются (или могут применяться в ближайшей перспективе) нормы международного уголовного права. Международные преступления понимаются как наиболее тяжкие нарушения принципов и норм международного права, затрагивающие глобальные интересы человечества и представляющие угрозу международному миру и безопасности. Повышенная опасность преступлений по международному праву определяет особенности субъектов уголовной ответственности. В настоящее время указанный вид ответственности может возлагаться на страну в целом, а также на конкретных лиц, действовавших от имени и (или) в интересах государства, признанные виновными в установленном международном порядке.

Основные составы деяний, признающиеся преступлениями по международному праву, определены Уставом Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран. В современных условиях, наиболее распространенными источниками международного уголовного права, признаются международные договоры, решения и резолюции международных организаций, судебные прецеденты. Среди них основными источниками международного уголовного права являются международные договоры, существующие в виде конвенций, уставов, статуты, соглашений, деклараций и др.¹

В настоящее время точное количество многосторонних и двусторонних международных договоров, посвященных преступности и наказуемости деяний и действующих как на универсальном, так и региональном уровне превышает несколько сотен. Многие из них, как и прежде, посвящены вопросам оказания взаимной помощи по уголовным делам, выдаче преступников, их судебному преследованию, установлению ответственности за отдельные международные преступления и преступления международного характера.

Международные двусторонние договоры, как правило, посвящены вопросу выдачи и передачи преступников, оказания правовой помощи. Однако, в условиях сближения отдельных государств и создания межгосударственных объединений, преследующих, преимущественно, не военные, а иные цели: экономическое сотрудничество, миграционное регулирование, транспортная и экологическая безопасность, – возникает потребность регламентации общих начал уголовной ответственности именно за те преступления, совершение которых на территории одной из стран может негативно отразиться на интересах иной страны или всех государств, которые входят в союзное международное объединение: ЕС, ЕАЭС, ЛАГ и др. По этой причине уже сегодня можно наблюдать активную правотворческую деятельность надгосударственных органов перечисленных объе-

¹ См.: Измайлова П.Р. Международные преступления // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2011. – №5. – С. 180-187.

динений по выработке нормативных актов – источников нового международного уголовного права¹.

Учитывая изложенное, международное уголовное право, с определенными оговорками на особенности национальных правовых систем, предусматривает, что ряд уголовно-правовых понятий государства применяют согласно своим правовым принципам. Учет особенностей внутригосударственного уголовного права допустим, когда они не противоречат общепризнанным международным принципам и нормам. Поэтому, принимая во внимание цели создания межгосударственных объединений регионального (континентального) уровня можно прогнозировать, что международное уголовное право, будучи сформированное как право ответственности за посягательства на мир и мирное сосуществование всех народов планеты, сегодня дополнится существенным количеством преступлений, которые посягают на общественные отношения в сфере экономической и управленческой деятельности, а равно причиняют существенный вред экологической и транспортной безопасности.

Список литературы

Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: Дис. д-ра юрид. наук. – Казань, 2016. – 447 с.

Каюмова А. Р. Международное уголовное право: становление и современные тенденции развития. Казань: изд-во Казанского государственного университета. – 1998. – 94 с.

Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: Аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова и др. – М.: ВНИИ МВД России, 2018. – 86 с.

Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. – М.: Спарк, 1999. – 287 с.

Измайлова П.Р. Международные преступления // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2011. – № 5. – С. 180-187.

Лопашенко Н. А.

Сравнительно-правовой анализ уголовного наказания последнего советского и современного периода сквозь призму уголовной политики² Comparative Legal Analysis of the Criminal Punishment in the Late Soviet Period and Modern Times through the Lens of Criminal Policy

Аннотация. Правильно оценить изменения уголовной политики в области уголовного наказания возможно, лишь принимая во внимание целый ряд моментов. Одним из них является исторический аспект, который позволяет сравнить состояние системы

¹ См.: Типовое соглашение о сотрудничестве органов внутренних дел приграничных регионов / Одобрено Решением Совета министров внутренних дел государств-участников СНГ от 17.02.1995 г. – URL: <https://base.garant.ru/1345062> (дата обращения: 18.05.2019).

² В рамках гранта РФФИ «Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: разработка теоретической модели и перспектив ее внедрения в законотворческую практику Российской Федерации».

уголовных наказаний ранее и в настоящее время. Опираясь на изучение уголовного законодательства последнего советского периода и сравнивая его с действующим уголовным законодательством, автор приходит к выводу о том, что современный уголовный закон гораздо более репрессивен, нежели УК РСФСР 1960 г.

Abstract. Correct assessment of the changes in criminal policy in the field of criminal punishment is possible only if you consider certain condition. The first is the historical context which allows to compare the previous system of criminal penalties to the modern one. Drawing from the study of the criminal legislation of the late Soviet period and comparing it with the current criminal legislation, the author comes to the conclusion that modern criminal law is much more repressive than the Criminal Code of the RSFSR of 1960.

Ключевые слова. Система уголовных наказаний, УК РСФСР, уголовная политика, лишение свободы, штраф.

Key words: criminal penalties, Criminal code, criminal policy, imprisonment, fine

Об уголовном наказании сквозь призму уголовной политики можно говорить бесконечно долго и, к сожалению, почти по всем моментам с констатацией, по меньшей мере, упущенных возможностей, а чаще – просто ошибок, злоупотреблений, перегибов, приводящих к невозможности достижения того, ради чего это наказание применяется, - восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Потому остановлюсь здесь только на одном моменте, достаточно иллюстрирующем сказанное: на сравнении уголовного наказания последнего советского и современного периода.

Как известно, определив когда-то необходимость борьбы с опасными разновидностями человеческого поведения посредством объявления его в ряде случаев преступным (и таких случаев, опять-таки, к сожалению, становится все больше, при этом, отнюдь не всегда, а правильнее – практически никогда, это не связано с возникновением новых реальных опасностей), человечество не придумало ничего лучше, как за это поведение предусматривать уголовное наказание, т.е. самые строгие в любом государстве меры, применяемые к лицам, презревшим уголовно-правовой запрет. Перечень и жестокость (или жесткость) этих наказаний значительно различались в разные исторические эпохи. Понятно, разумеется, что в России (нельзя говорить в данном случае обо всем мире) уже невозможны калечащие или уродующие (членовредительские) наказания; нет и так называемых религиозных наказаний. Многие виды уголовных наказаний, в то же время, особенно для близких временных эпох – повторяются.

Попробуем оценить современную уголовную политику России, сравнивая уголовные наказания советского и постсоветского периодов; правда, принимая во внимание конец советской эпохи и сегодняшнее состояние уголовного закона.

К концу своего действия УК РСФСР 1960 г. уже освободился от таких видов уголовных наказаний, как ссылка и высылка (исключены в феврале 1993 г.), и системе уголовных наказаний, в соответствии со ст. 21 УК РСФСР, включала в себя девять видов наказаний, - 1) лишение свободы; 2) исправительные работы без лишения свободы; 3) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 4)

штраф; 5) увольнение от должности; 6) возложение обязанности загладить причиненный вред; 7) общественное порицание; 8) конфискация имущества; 9) лишение воинского или специального звания. Воинское наказание в виде направления в дисциплинарный батальон в систему не входило, оговаривалось в той же статье отдельно. Стояла за рамками системы и смертная казнь, предусмотренная ст. 23 УК РСФСР и именуемая исключительной мерой наказания. Законодательно было возможно и пожизненное лишение свободы, которое стояло тоже за рамками системы уголовных наказаний; оно применялось в случае замены в порядке помилования смертной казни лишением свободы (ст. 24 УК РСФСР).

Согласно ст. 44 УК РФ 1996 г., система уголовных наказаний представлена тринадцатью видами: 1) штрафом; 2) лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 3) лишением специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; 4) обязательными работами; 5) исправительными работами; 6) ограничением по военной службе; 7) ограничением свободы; 8) принудительными работами; 9) арестом; 10) содержанием в дисциплинарной воинской части; 11) лишением свободы на определенный срок; 12) пожизненным лишением свободы; 13) смертной казнью. Вне системы никакие наказания не предусмотрены; отмечаем и принципиально иной порядок изложения системы наказаний. Если в УК РСФСР система начиналась с самого тяжкого наказания – с лишения свободы (учитывая, что пожизненное лишение свободы и смертная казнь в систему не входили), то в УК РФ принят обратный порядок представления наказаний в системе: они располагаются, начиная с самого мягкого – штрафа (по мнению законодателя, которое с моим не совпадает) и заканчивая самым жестким – смертной казнью.

Посмотрим, для наглядности, в таблице.

Таким образом, и советский, и российский уголовный закон знают штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение воинского или специального звания, исправительные работы, срочное лишение свободы. С оговорками оба УК предусматривают содержание в дисциплинарной воинской части (направление в дисциплинарный батальон), пожизненное лишение свободы, смертную казнь, конфискацию имущества.

В УК РФ есть, в отличие от УК РСФСР, такие достаточно жесткие наказания, как принудительные работы (хотя указанный вид наказания и не связан с изоляцией осужденного от общества) и арест (последний, правда, так и не введен в действие). Таким образом, даже по количеству высоко карательных видов наказаний современный УК обходит советский кодекс, то есть является более жестким.

УК РСФСР был богат наказаниями, которые можно рассматривать как очень мягкие и которые не воспринял современный законодатель - увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред, общественное порицание. Однако, в свою очередь, УК РФ предусматривает

такой мягкий вид наказания, неизвестный ранее, как ограничение свободы и специальный вид наказания для военнослужащих – ограничение по военной службе. Хотя по количеству мягких наказаний первенство, опять, принадлежит советскому уголовному закону.

Посмотрим на суть повторяющихся наказаний

Таблица № 1.

Виды уголовных наказаний по УК РСФСР и УК РФ

Виды наказаний / УК	УК РСФСР	УК РФ
Штраф	Есть	Есть
Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	Есть	Есть
Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград	Есть , но только лишение воинского или специального звания	Есть
Обязательные работы	Нет	Есть
Исправительные работы	Есть , с оговоркой – без лишения свободы	Есть
Ограничение по военной службе	Нет , с оговоркой в отношении лиц, которым заменяются исправительные работы содержанием на гауптвахте. Но пересечений слишком мало.	Есть
Ограничение свободы	Нет	Есть
Принудительные работы	Нет	Есть
Арест	Нет	Есть
Содержание в дисциплинарной воинской части	Есть , в виде направления в дисциплинарный батальон (<i>вне системы наказаний</i>)	Есть
Лишение свободы на определенный срок	Есть , без оговорки по срокам	Есть
Пожизненное лишение свободы	Есть , <i>вне системы</i> и при замене смертной казни лишением свободы	Есть
Смертная казнь	Есть , <i>вне системы</i>	Есть
Увольнение от должности	Есть	Нет
Возложение обязанности загладить причиненный вред	Есть	Нет
Общественное порицание	Есть	Нет
Конфискация имущества	Есть	Нет , в виде уголовного наказания, но предусмотрено в качестве иной меры уголовно-правового характера

Штраф по УК РСФСР и УК РФ

Характеристики / УК	УК РСФСР	УК РФ
Место в системе наказаний	Признавался самым мягким из ныне известных наказаний (мягче только увольнение от должности и пр.)	Самое мягкое наказание
Принцип исчисления	В виде суммы, соответствующей количеству МРОТ, установленных законодательством РФ, либо в виде суммы, исчисляемой из кратного размера причиненного ущерба	В виде точной суммы или в размере заработной платы или иного дохода осужденного либо исчисляется в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, подкупа
Размеры (в твердой сумме)	В пределах от одной второй МРОТ до пятидесяти МРОТ ¹	От пяти тысяч до пяти миллионов рублей

Чтобы понять порядок цифр в размерах штрафа, переведем МРОТы в рубли. Например, на 1 января 1996 г. МРОТ составлял 63250 неденоминированных рублей, или, в современных деньгах, - 63 руб. 25 коп. Таким образом, пределы уголовно-наказуемого штрафа в этот период составляли 31 руб. 63 коп. – 3162 руб. 50 коп. В отдельных случаях (в ч. 2 ст. 30 УК РСФСР оговаривалось: «Размер штрафа за существенное нарушение законодательства Российской Федерации о труде, а также за нарушение правил и норм охраны труда и производственной санитарии, повлекшие за собой несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия, может быть увеличен до пятисот минимальных размеров оплаты труда»), максимальный размер штрафа, в пересчете МРОТ на рубли составлял 31625 руб. При этом в январе 1996 г. средняя зарплата в России, по данным статистики, составляла 634,7 руб.², т. е. равнялась примерно 10 МРОТам.

На 1 января 2019 г. один МРОТ в России составляет 11280 руб.³. Средняя заработная плата в 2018 г. - 37100 руб., то есть, примерно, 3,3 МРОТ (соответственно, в МРОТ средняя зарплата упала с середины девяностых годов в три раза). Максимальный размер штрафа сейчас, если исчислять его в МРОТах, равен 443,3 МРОТ.

Таким образом, максимальный штраф как уголовное наказание вырос за двадцать с небольшим лет с 50 до 433 МРОТ. И только по отдельным видам преступления он был раньше в МРОТах больше.

Как к этому относиться?

С одной стороны, штраф, конечно, не лишение свободы, и если он будет назначен кому-то взамен, следует это только приветствовать. Но, с другой стороны, исполнимость наказания в виде штрафа – самая минимальная. Фактически по большим размерам штрафа (особенно по кратным размерам)

¹ См.: http://fincan.ru/articles/58_mrot-v-rossii-po-godam/.

² См.: <https://visasam.ru/russia/robotavr/sredniaya-zarplata-v-rossii-po-godam.html>.

³ См.: http://fincan.ru/articles/58_mrot-v-rossii-po-godam/.

он почти не исполняется. То есть штраф, при всей его привлекательности, стал непосильным наказанием для многих, к кому он применен или мог бы применен (суды, вынося приговор, учитывают это обстоятельство и назначают более строгое наказание), с одной стороны, а с другой есть, разумеется, и проблема уклонения, в том числе, злостного, осужденного от этого вида наказания.

Таблица № 3.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью по УК РСФСР и УК РФ

Характеристики / УК	УК РСФСР	УК РФ
Сроки как основного наказания	От одного года до пяти лет	От одного года до пяти лет
Сроки как дополнительного наказания	От одного года до пяти лет	От 6 месяцев до трех лет, но в отдельных случаях – до двадцати лет

Сравнительный анализ демонстрирует схожесть лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в том случае, если оно выступает в качестве основного наказания. Если же принять во внимание этот вид наказания как дополнительное наказание, жесткость действующего уголовного закона бросается в глаза: в ряде случаев лишение права сегодня превышает срок лишения в советское время в четыре раза.

Таблица № 4.

Исправительные работы по УК РСФСР и УК РФ

Характеристики / УК	УК РСФСР	УК РФ
Сроки	От двух месяцев до двух лет	От двух месяцев до двух лет
Размеры удержаний из заработной платы	В пределах от пяти до двадцати процентов	В пределах от пяти до двадцати процентов

Можно констатировать, что по основным положениям уголовная политика в отношении исправительных работ не изменилась. Если закрыть глаза на гораздо более высокую сейчас ценность постоянной работы. Следовательно, и карательность нынешних исправительных работ, видимо, выше, в сравнении с советским периодом. Хотя вопрос об ответственности в случае злостного уклонения от отбывания наказания в виде исправительных работ ныне решается для осужденного более льготно: по УК РСФСР суд может заменить неотбытый срок исправительных работ наказанием в виде лишения свободы на тот же срок (ч. 2 ст. 28), в то время как по УК РФ - суд может заменить неотбытое наказание принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за три дня исправительных работ (ч. 4 ст. 50).

Более высокая жесткость и карательность наказания в виде лишения свободы по действующему УК совершенно очевидна. Максимальные сроки наказания выросли в два (с 10 до 20 лет) или в полтора (с 15 до 20 лет) по тяжким и некоторым другим преступлениям. А система назначения наказа-

ния в виде лишения свободы при совокупности преступлений и совокупности приговоров в советское время и сейчас отличается вообще разительным образом: по совокупности преступлений срок лишения свободы увеличился в 2,5 или три раза; по совокупности приговоров – в три или 3,5 раза.

Таблица № 5.

Лишение свободы (срочное)

Характеристики / УК	УК РСФСР	УК РФ
Сроки	От трех месяцев до десяти лет, а за особо тяжкие преступления, за преступления, повлекшие особо тяжкие последствия, и для особо опасных рецидивистов в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР и Особенной частью УК РСФСР, - не свыше пятнадцати лет	От двух месяцев до двадцати лет
Максимальные сроки при совокупности преступлений	Не меняется, «в пределах, установленных статьей, предусматривающей более строгое наказание» (ч. 1 ст. 40 УК РСФСР)	Не более 25 лет (ч. 4 ст. 56 УК РФ) По некоторым преступлениям – не более 30 лет (ч. 5 ст. 56 УК РФ)
Максимальные сроки при совокупности приговоров	Не меняется: «общий срок наказания не должен превышать максимального срока, установленного настоящим Кодексом для данного вида наказания. При сложении наказаний в виде лишения свободы общий срок наказания не должен превышать десяти лет, а за преступления, по которым настоящим Кодексом допускается назначение лишения свободы на срок более десяти лет, не должен превышать пятнадцати лет» (ч. 2 ст. 41 УК РСФСР)	Не более 30 лет (ч. 4 ст. 56 УК РФ) По некоторым преступлениям – не более 35 лет (ч. 5 ст. 56 УК РФ)

Что же такого случилось в стране и в мире, когда мы полностью меняли жесткость системы наказания? Риторический вопрос. Напомню, в середине девяностых мы еще радовались пришедшей в страну демократии, большей свободе во всех отношениях, чем была раньше, непривычному рыночному изобилию, возможности (впервые полученной за многие десятилетия) поехать куда-то за границу (если доходы позволяли). Ужесточение уголовной политики в сфере наказания – это было своеобразной платой за перечисленные блага? Для наведения порядка? Но разве его нужно было с этой стороны наводить? Никто не жаловался, между тем, на мягкую репрессивность уголовного наказания в советской России...

Оценивать уголовную политику нужно, непременно принимая во внимание высочайшую степень криминализованности самых разных видов отклоняющегося поведения. Не просто неразумную, а категорически вредную для государства. С учетом этого фактора следует констатировать, что УК демократического государства, которым мы себя провозглашаем, оказался на порядок (а то и несколько) жестче УК последнего советского пе-

риода. Вызвало ли это позитивные изменения в преступности? Основываясь на данных статистики – вряд ли. Добавила ли эта политика уважения к уголовному закону? – Точно нет, с учетом избирательности его действия, иногда прямого игнорирования правоприменителем верхних пределов санкций, а главное – с учетом непонимания основной массой населения обоснованности уголовно-правового запрета (исключая ответственность за традиционные общеуголовные преступления).

Марчук В. В.

К вопросу о правилах квалификации неоконченного преступления

Understanding Qualification an Unfinished Crime

Аннотация. Рассматривается вопрос о проблеме квалификации деяний, при совершении которых объективная сторона квалифицированного состава, сформулированного в соответствующей статье уголовного кодекса, не получает в конкретной уголовно-правовой ситуации логического завершения в рамках умысла виновного лица.

Abstract. The article analyses the situation of unfinished crime. Author considers the challenges that arise since the physical stages of the offence, mentioned in the relevant article of the criminal code, don't come to a logical end in the specific criminal situation according to the intent of the perpetrator.

Ключевые слова: неоконченное преступление, нормы с квалифицирующими обстоятельствами, правила квалификации покушения на преступление.

Key words: unfinished crime, norms constituting offences, rules applied to attempt to commit a crime

В теории уголовного права термин «неоконченное преступление» обычно употребляется в собирательном значении как родовое понятие приготовления к совершению преступлению и покушения на его совершение.

В соответствии с п. 2 и п. 3 ст. 10 УК Республики Беларусь (далее – УК) приготовление к совершению преступления и покушение на совершение преступления являются самостоятельными разновидностями преступного деяния как основания уголовной ответственности. Указанные положения ст. 10 УК предполагают отражение в квалификации преступления норм соответствующих статей Общей и Особенной части УК.

Известны общие черты, характеризующие неоконченное преступление:

1. В своем внешнем проявлении неоконченное преступление выражается в совершении действия (бездействия).
2. Содеянное не образует оконченого преступления, т. е. в полном объеме либо частично отсутствуют признаки объективной стороны преступления, которые предусмотрены конкретной статьей Особенной части УК.
3. Неоконченное преступление есть поведение, которое прервано по независящим от виновного лица обстоятельствам.
4. Субъективная сторона неоконченного преступления характеризуется прямым умыслом и наличием определенной преступной цели.

Следует заметить, что в теории и практике квалификации преступления до настоящего времени не выработаны четкие правила квалификации неоконченного преступления. Наиболее остро они проявляется в вопросах уголовно-правовой оценки покушения на преступление. И одним из проблемных является вопрос о квалификации деяния при наличии нескольких квалифицирующих обстоятельств.

Законодатель достаточно часто использует уже давно апробированный им прием конструирования квалифицированных составов преступления, выделяя в статье несколько частей, в которых помимо основного состава преступления формулируются квалифицированные и особо квалифицированные составы.

Однако возникают вопросы при уголовно-правовой оценке ситуаций, при которых объективная сторона квалифицированного состава, сформулированного в одной и той же части соответствующей статьи не получает в конкретной уголовно-правовой ситуации логического завершения в рамках умысла виновного лица.

Уголовно-правовую ситуацию, когда в отношении одного квалифицирующего признака умысел был реализован полностью (например, группа лиц по предварительному сговору), а в отношении другого, предусмотренного этой же частью статьи признака, - лишь частично (например, стремление причинить вред нескольким потерпевшим), в литературе предлагают решать по-разному. В.Ф. Щепельков единственно допустимым и основанным на системных началах дифференциации уголовной ответственности видит следующий вариант оценки: «Здесь посягательство на охраняемые уголовным законом интересы необходимо квалифицировать как преступление, предусмотренное квалифицированной нормой, без ссылки на ст. 30 УК РФ. Критерием окончания преступления в таких ситуациях будет наступление последствий, указанных в основном составе. Так, умышленное причинение смерти только одному человеку из корыстных побуждений при замысле убить двух или более лиц необходимо квалифицировать по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ... Квалификация содеянного в таких случаях, как покушения на соответствующие преступления, существенным образом необоснованно улучшает положение виновного. Ведь в случае, если умысел не был направлен на причинение квалифицированных последствий, содеянное оценивалось бы как оконченого преступления с отягчающими обстоятельствами. Вариант квалификации содеянного как совокупности преступлений также не выдерживает критики, поскольку тогда возможное наказание будет больше, нежели при доведении посягательства до конца»¹.

Такого рода ситуации С.А. Иванчина уточняет необходимостью учета «недовыполненной объективной стороны преступления» при назначении наказания: «Например, грабеж в составе организованной группы, несмотря

¹ Щепельков В.Ф. Квалификация посягательств при частичной реализации умысла // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 28.

на фактическое изъятие только четверти от планируемой миллионной суммы, подлежит оценке по п. «а» ч. 3 ст. 161 УК как оконченный особо квалифицированный грабеж. Нереализованный же умысел на выполнение п. «б» ч. 3 ст. 161 УК, не меняя квалификации содеянного, подлежит учету при назначении наказания»¹.

Еще более сложные ситуации могут возникать при уголовно-правовой оценке деяний в ситуациях, когда в содеянном присутствуют квалифицирующие признаки, предусмотренные разными частями одной и той же статьи, но умысел в отношении одного из квалифицирующих обстоятельств не был реализован полностью. Некоторые законодательные комбинации конструирования квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений могут порождать весьма странные ситуации с уголовно-правовой оценкой. И не всегда это связано с квалифицирующими последствиями.

Рассмотрим этот вопрос на примере конкретного дела из практики белорусских правоохранительных органов. По одному из уголовных дел о даче-получении взятки было установлено, что между взяткодателем и взяткополучателем было достигнуто соглашение о передаче взятки в крупном размере. Существовала также договоренность, что заранее обусловленная сумма взятки будет передаваться частями. После передачи первой части суммы взятки виновные были задержаны.

Нет проблем с квалификацией действия взяткодателя: он должен быть привлечен к ответственности за покушение на дачу взятки в крупном размере (ч. 1 ст. 14 и ч. 2 ст. 431 УК). Однако взяткополучателем было должностное лицо, занимающее ответственное положение, что согласно ч. 3 ст. 430 УК является особо квалифицирующим обстоятельством получения взятки. Между тем, получение взятки в крупном размере является квалифицирующим признаком в рамках ч. 2 ст. 430 УК. Содеянное было квалифицировано судом по ч. 3 ст. 430 УК. При этом формально было применено правило квалификации при конкуренции норм с отягчающими обстоятельствами, если они предусмотрены разными частями одной и той же статьи, то есть уголовно-правовая оценка была дана по норме, предусматривающей наиболее тяжкий квалифицирующий признак. При этом содеянное было признано оконченным преступлением.

Вместе с тем объективная сторона данного преступления не достигла стадии оконченного преступления. Умысел на получение взятки в крупном размере должностным лицом не был реализован полностью. Здравый смысл подсказывает, что незавершенность преступного поведения в таких ситуациях должна быть отражена в формуле квалификации.

В контексте анализа уголовного закона Республики Беларусь следует обратить внимание на еще одно обстоятельство юридико-технического свойства. Одним из требований законодательной техники при конструиро-

вании квалифицированных составов преступлений в современном уголовном законодательстве зарубежных стран, является необходимость цифрового или буквенного обозначения в уголовно-правовой норме каждого квалифицирующего или особо квалифицирующего обстоятельства в случае, если соответствующая часть статьи содержит два или более квалифицирующих признака. Такого рода обозначение соответствующих квалифицирующих обстоятельств некоторые авторы называют «индексацией»¹. Этот технический прием достаточно широко использован в современном уголовном законодательстве многих государств-участников СНГ. Изучение норм зарубежных уголовных кодексов показывает, что законодатели в основном выдерживают, за некоторыми исключениями, рассматриваемый прием (правило) при конструировании статей Особенной части УК, содержащих квалифицирующие обстоятельства.

Вместе с тем в Особенной части УК Республики Беларусь «индексация» квалифицирующих обстоятельств использована только в шести нормах: ч. 2 ст. 139 (квалифицированное убийство), ч. 2 ст. 147 (квалифицированное умышленное причинение тяжких телесных повреждений), ч. 2 ст. 181 (квалифицированная торговля людьми), ч. 2 ст. 181¹ (квалифицированное использование рабского труда), ч. 2 ст. 182 (квалифицированное похищение человека), ч. 2 ст. 291 (квалифицированный захват заложников). В данных статьях УК используется цифровое обозначение соответствующих квалифицирующих обстоятельств. При этом к названию статьи 1 УК есть сноска, объясняющая использование арабских цифр при юридической технике конструирования составов преступлений: «Части статей и примечаний (за исключением имеющих одну часть) в настоящем Кодексе нумеруются арабскими цифрами с точкой, пункты частей статей – арабскими цифрами со скобкой».

Анализ норм УК Республики Беларусь показывает, что критерий введения цифровых обозначений для соответствующей группы квалифицирующих обстоятельств не имеет логического объяснения. Первоначально при конструировании статей Особенной части УК 1999 г. белорусский законодатель использовал цифровое обозначение квалифицирующих обстоятельств только в тех случаях, когда в соответствующей части статьи УК указывалось на семь и более квалифицирующих признаков. Потом предел множественности обстоятельств, необходимых для «индексации», был снижен до шести. В 2008 г. УК Республики Беларусь был дополнен ст. 181¹, в которой была установлена ответственность за использование рабского труда. Часть 2 данной статьи содержит шесть квалифицирующих признаков, четко определенных соответствующими цифровыми обозначениями: «Те же действия, совершенные: 1) в отношении заведомо несовершеннолетнего; 2) в отношении двух или более лиц; 3) группой лиц по предварительному сгово-

¹ Иванчина С. А. Оконченное преступление. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 158-159.

¹ См., напр.: Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М., 2000. – С. 292.

ру; 4) должностным лицом с использованием своих служебных полномочий; 5) в отношении заведомо для виновного беременной женщины; б) лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные настоящей статьёй, статьями 171, 171¹, 181 или 187 настоящего Кодекса». Однако в системе происходящих изменений в УК этот подход не был последовательным. За год до введения в УК Беларуси ст. 181¹ были внесены изменения в ч. 3 ст. 328 УК Республики Беларусь, в соответствии с которыми квалифицированный состав незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров стал характеризоваться также шестью альтернативными квалифицирующими признаками: «Действия, предусмотренные частью 2 настоящей статьи, совершенные группой лиц, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные статьями 327 - 329 или 331 настоящего Кодекса, либо в отношении наркотических средств или психотропных веществ в крупном размере, либо в отношении особо опасных наркотических средств или психотропных веществ, либо сбыт наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров на территории учреждения образования, организации здравоохранения, воинской части, исправительного учреждения, арестного дома, в местах содержания под стражей или в месте проведения спортивных, культурно-массовых либо иных массовых мероприятий». Однако указанные квалифицирующие признаки не были выделены («индексированы») арабскими цифрами. Непонятно, почему при наличии одинакового количества квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 2 ст. 181¹ и ч. 3 ст. 328 УК Республики Беларусь, использованы разные приемы законодательной техники при конструировании нормы? Кроме того, во многих рассматриваемых статьях УК Беларуси помимо квалифицирующих признаков, предусмотрены особо квалифицирующие обстоятельства (ч. 3 ст. 147, ч. 3 ст. 181, ч. 3 ст. 181¹, ч. 3 ст. 182, ч. 3 ст. 291). Их количество меньше (три или четыре признака). По форме изложения такие нормы вызывают достаточно странное восприятие. Так в ч. 2 ст. 181¹ УК Беларуси шесть квалифицирующих обстоятельств «оцифрованы», но в ч. 3 этой же статьи указано на четыре особо квалифицирующих обстоятельства, описанных по правилам сложносочиненного предложения с разделительными союзами.

Использование или неиспользование цифрового обозначения квалифицирующих признаков предопределяет разные правила квалификации преступления, если его совершение было сопряжено с наличием нескольких квалифицирующих признаков, предусмотренных одной частью соответствующей статьи. К примеру, ч. 2 ст. 147 УК Республики Беларусь предусматривает десять квалифицирующих признаков умышленного причинения тяжкого телесного повреждения. Не исключена ситуация, когда совершение этого преступления будет сопряжено со всеми десятью квалифицирующими обстоятельствами. Содеянное, в таком случае, мы будем квалифицировать по п.п. 1-10 ч. 2 ст. 147 УК Беларуси. Но если при наличии тех же квалифи-

цирующих обстоятельств умышленное причинение тяжкого телесного повреждения будет совершено, например, повторно и в отношении двух потерпевших (особо квалифицирующие признаки), то преступление будет квалифицировано по ч. 3 ст. 147 УК. Почему при наличии нескольких квалифицирующих обстоятельств формула квалификации требует предельной точности, а при установлении двух и более *особо квалифицирующих обстоятельств* (курс. автора) они не находят четкого обозначения в квалификации преступления? Указание в приведенном примере только на часть третьей ст. 147 УК смазывает формулу квалификации преступления. Уголовно-правовая оценка в таком случае является неполной, неопределенной, порождает неясность в объеме и содержании нарушенного запрета. В таких случаях правоведа говорят о том, что наличие нескольких квалифицирующих признаков должно отражаться в формуле обвинения. Но, к сожалению, органы, ведущие уголовный процесс, не всегда выдерживают это требование. Изучение материалов некоторых уголовных дел показывает, что иногда соответствующие обстоятельства, имеющие квалифицирующие значение, не находят отражения в предъявляемом обвинении, хотя материалы дела очевидно показывают их наличие при совершении соответствующего преступления. Государственный обвинитель в таких случаях не всегда принимает решение об изменении обвинения, а суд, не может на это прореагировать соответствующим образом, поскольку его решение будет противоречить требованиям о недопустимости поворота к худшему. Таким образом, могут быть ситуации, когда государственному обвинителю и суду известно о наличии отягчающего обстоятельства, но оно не находит отражения ни в обвинении, ни тем более в квалификации преступления. Соответствует ли такое правосудие требованиям социальной справедливости? С другой стороны, исключение из обвинения одного из квалифицирующих признаков, вмененных необоснованно на стадии предварительного расследования, не влечет никаких изменений в формуле квалификации преступления. Согласно ч. 4 ст. 301 УПК Республики Беларусь государственный обвинитель вправе исключить из обвинения отдельные пункты. При этом составления нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого не требуется. В таких случаях формула квалификации внешне остается неизменной (если не происходит перекалфикации на ту часть статьи, которая предусматривает менее тяжкое по степени общественной опасности обстоятельство), хотя объем обвинения реально сужается. В этом контексте Т.А. Лесниевски-Костарева отметила, что такие ошибки даже не признаются в практике ошибками в квалификации¹. Получается, что при наличии одной и той же квалификации преступления объем обвинения в суде может меняться. При этом могут быть существенно нарушены права обвиняемого. Можно ли такое состояние дел признавать нормальным? Почему существующие подходы к формуле квалификации в таких случаях позволяют скрывать ошибки и

¹ Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. соч. С. 293.

недочеты правоприменительной деятельности? Представляется, что основные пределы и объем обвинения должны предопределяться формулой квалификации совершенного преступления. И изменение обвинения должно влечь корректировку формулы квалификации преступления. Во всяком случае, соответствующее нормативное предписание, сформулированное в диспозиции и гипотезе уголовно-правовой нормы, должно находить адекватное отражение в формуле квалификации преступления.

Таким образом, в целях унификации законодательного подхода в конструировании квалифицированных составов преступлений, с учетом накопленного законодательного опыта по этому вопросу в государствах-участниках СНГ, необходимости обеспечения принципов уголовного права и уголовного процесса, соблюдения точности и полноты формулы квалификации преступления в УК Республики Беларусь следует «оцифровать» те квалифицирующие обстоятельства, количество которых в соответствующей части статьи Особенной части УК составляет не менее двух.

Однако вернемся к вопросу об уголовно-правовой оценке деяний в ситуациях, когда в содеянном присутствуют квалифицирующие признаки, предусмотренные разными частями одной и той же статьи, но умысел в отношении одного из квалифицирующих обстоятельств не был реализован полностью. Оригинальный подход в уголовно-правовой оценке подобных ситуаций предлагает И. П. Семченков. Предлагая идею о необходимости закрепления в ст. 30 УК РФ специальной нормы о частично реализованных покушениях указанный автор предлагает следующее: «В подобной ситуации, поскольку один из признаков не реализован, содеянное надлежит квалифицировать как покушение, то есть наказание должно назначаться с послаблением (ч. ч. 3, 4 ст. 66 УК РФ). Однако реализация другого признака требует назначения наказания не как за покушение, а как за окончательное преступление, то есть без послаблений, предусмотренных ст. 66 УК РФ для покушений... Проблему квалификации, возникающую в подобного рода случаях, сможет решить только частично реализованное покушение – ч. 4 ст. 30, п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 165 (п. «а» ч. 2 ст. 165) УК РФ, а также предлагаемая редакция ч. 5 ст. 66 УК РФ»¹. Предлагаемое И.П. Семченковым дополнение в ст. 30 УК РФ выглядит следующим образом: «4. Частично реализованным покушением признается умышленное деяние, при совершении которого умысел лица реализован в определенной его части. При квалификации частично реализованного покушения предусмотренные настоящим Кодексом признаки преступления, характеризующие реализованную часть деяния, указываются в скобках после основной квалификации покушения»².

Можно понять стремление автора сформулировать через создание нормы о «частично реализованных покушениях» универсальное правило

¹ Семченков И. П. Актуальные проблемы квалификации частично реализованных покушений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. - № 4. – С. 15-19.

² Там же. С. 17.

квалификации. Вместе с тем, представляется, что упразднить проблемные вопросы квалификации следует через устранение причин, содержащихся непосредственно в уголовном законе.

В этом контексте верно утверждение Н.А. Бабия о том, что «корни проблемы с квалификацией изложенных случаев кроются в допущенном нарушении системности построения УК в части употребления в качестве дифференциации уголовной ответственности квалифицирующих обстоятельств»¹.

Список литературы

- Бабий Н.А. Учение о стадиях преступления и неоконченных преступлениях. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 752 с.
- Иванчина С. А. Оконченное преступление. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 192 с.
- Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 2000. – 389 с.
- Семченков И. П. Актуальные проблемы квалификации частично реализованных покушений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. - № 4. – С. 13-20.
- Щепельков В.Ф. Квалификация посягательств при частичной реализации умысла // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 25-29.

Миронова Г. Н.

Практика назначения наказания за преступления, предусмотренные ст. 204² УК РФ (Мелкий коммерческий подкуп)

Judicial Practice in the Field of Petty Commercial Bribery

Аннотация. В статье анализируется судебная практика назначения наказаний за совершение мелкого коммерческого подкупа, используются статистические данные Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации, Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации, а также приговоры судов, размещенные на официальных сайтах районных, областных, краевых и республиканских судов. Автором сформулирован вывод о том, что самым часто назначаемым наказанием за мелкий коммерческий подкуп является штраф, предложен способ повысить эффективность его исполнения. Отмечена целесообразность назначения дополнительных наказаний в виде штрафа и лишения права заниматься определенной деятельностью наряду с основными видами наказаний.

Abstract. The article analyses the judicial practice of sentencing for committing a petty commercial bribery. The research is based on the data provided by Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, the Federal bailiff service of the Russian Federation, as well as the courts decisions published on the official websites of district, regional, provincial and national courts. The author concludes that the most frequently imposed punishment for petty commercial bribery is a fine and proposes a way to improve the efficiency of its execution. Author notes the expediency of imposing additional penalties in the form of a fine and deprivation of the right to engage in certain activities along with the main types of punishment.

Ключевые слова: мелкий коммерческий подкуп, назначение наказания, наказание в виде штрафа, эффективность исполнения наказания в виде штрафа, дополнительные виды наказаний.

¹ Бабий Н.А. Учение о стадиях преступления и неоконченных преступлениях. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 689.

Key words: petty commercial bribery, sentencing, penalty in the form of a fine, the effectiveness of the penalty in the form of a fine, additional penalties.

Статья об ответственности за мелкий коммерческий подкуп введена в УК РФ с июля 2016 года¹, а ее фактическое применение датируется лишь концом указанного года. В действующей редакции ч. 1 ст. 204² УК РФ санкция за коммерческий подкуп на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей, предусматривает следующие виды наказаний: штраф в размере до ста пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев; обязательные работы на срок до двухсот часов; исправительные работы на срок до одного года; ограничение свободы на срок до одного года.

По данным официальной статистики Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации, в 2017 году при рассмотрении уголовных дел о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 204² УК РФ, осуждено 35 человек. Из указанного числа 1 человек осужден к ограничению свободы (2,8%), такое же количество составило осуждение к обязательным работам и условное осуждение к лишению свободы. Большинство, а именно 80%, или 28 человек, осуждены к штрафу, назначенному в качестве основного наказания. В отношении двух человек (5,7%) применено условное осуждение к другим наказаниям, два человека освобождено от наказания по амнистии².

В 2018 году по ч. 1 ст. 204² УК РФ было осуждено 15 человек, из них к штрафу – 8 человек (53% осужденных), к обязательным работам – 2 человека (13,3% осужденных), по одному человеку к ограничению свободы, исправительным работам (по 6,6%). По ч. 2 ст. 204² УК РФ судами дела не рассматривались, что согласуется со статистическими данными органов внутренних дел, по данным которых дела указанной категории в отчетном периоде не возбуждались³. В результате анализа приговоров, размещенных в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на официальных сайтах районных, областных, краевых и республиканских судов, на официальном сайте Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации, установлено, что самым часто назначаемым наказанием за мелкий коммерческий подкуп является штраф. Размер назначаемого штрафа варьируется от 7 000 руб. до 90 000 руб.

Исходя из данных официальной статистики, основная доля назначаемых наказаний (около 80%) приходится именно на штраф. По содержанию изученных приговоров, размещенных на официальных сайтах судов, процент назна-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4257. С. 9278-9287.

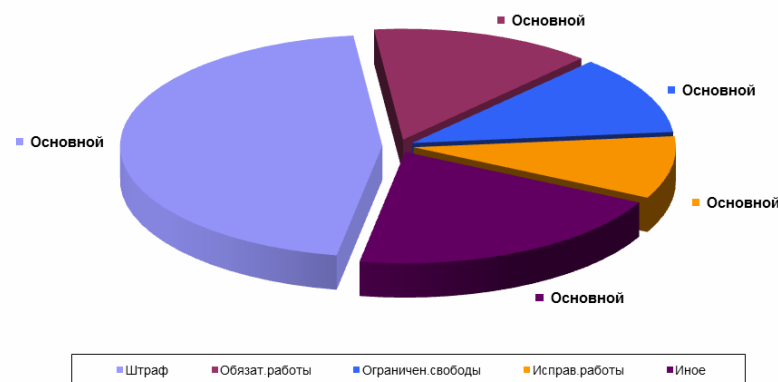
² Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 2017 год (форма 10.3), Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов за 2017 год (форма 10.3.1). URL: <https://www.cdep.ru>

³ Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 2018 год (форма 10.3), Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов за 2018 год (форма 10.3.1). URL: <https://www.cdep.ru>

ченного штрафа составил 45,5%. По 20,3% приговоров, отмеченных на диаграмме как «иные принятые судами меры в отношении осужденных», приняты решения о прекращении уголовных дел в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Такая ситуация связана с переходным моментом действия норм, изменением категории тяжести совершенного преступления, что, как следствие, привело к истечению установленных сроков привлечения лица к уголовной ответственности. А именно, в соответствии с разъяснениями Президиума Верховного Суда Российской Федерации 28 сентября 2016 г. уголовные дела, возбужденные по ст. 204 УК РФ, где сумма подкупа составила менее десяти тысяч рублей, подлежали пересмотру¹.

Диаграмма 1

Наказания, назначаемые по приговорам судов

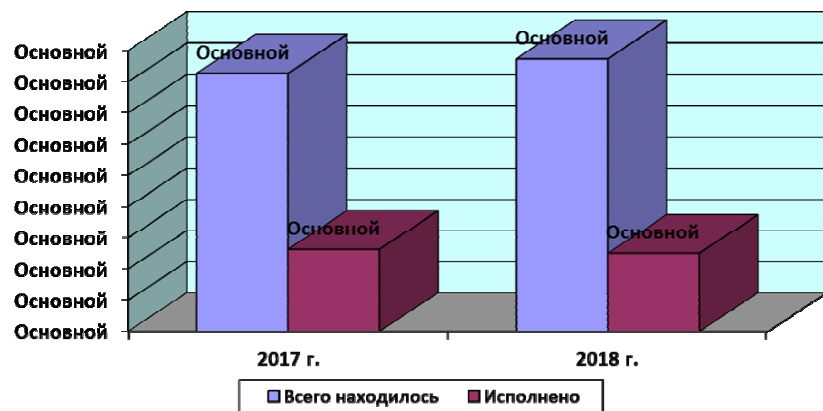
Важно отметить, что штраф, назначенный судами в качестве наказания, исполняется не настолько эффективно в сравнении с другими видами наказаний, например, с лишением свободы. Подтверждением данному тезису являются статистические данные Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации, на которую в соответствии с действующим законодательством (Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об исполнительном производстве») возложена обязанность по исполнению указанного вида наказания. Анализ данных официальной статистики показал, что в 2017 году процент фактического исполнения штрафа составил 31,8 % от общего количества находящихся на исполнении исполнительных производств по взысканию штрафов, назначенных в качестве наказания за преступления. В

¹ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ – 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 сентября 2016 г.) // СПС КонсультантПлюс.

2018 году процент фактического исполнения штрафа составил 36% от общего количества находящихся на исполнении исполнительных производств по взысканию штрафов, назначенных в качестве наказания за преступления.

Диаграмма 2

Исполнение штрафов за совершенные преступления

В целях повышения эффективности исполнения уголовных штрафов, назначенных в качестве основного наказания, применительно к преступлениям коррупционной направленности, в том числе мелкого коммерческого подкупа, на наш взгляд, целесообразно установить нижнюю границу назначаемого штрафа, которая не должна быть меньше тридцати тысяч рублей. Установление именно такого нижнего предела штрафа позволит согласовать нормы разных отраслей права: уголовного, уголовно-исполнительного, исполнительного.

Предложенная нижняя граница возможного назначаемого штрафа, с одной стороны, будет посильной «карой» для осужденного, с другой – позволит органу, осуществляющему исполнение, применять дополнительные ограничения в отношении осужденного, а именно: у субъекта-исполнителя данного вида наказания появятся дополнительные рычаги воздействия на осужденного. Так, в соответствии со ст. 67 Федерального закона от 2 декабря 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» судебный пристав-исполнитель вправе вынести постановление о временном ограничении на выезд должника из Российской Федерации при неисполнении должником-гражданином в установленный для добровольного исполнения срок без уважительных причин требований исполнительного документа на сумму тридцать тысяч рублей и более. В настоящее время средняя сумма штрафа не превышает 25 тысяч рублей, а именно в 60% случаев вынесенных приговоров в 2017 году, в 80% случаев в первом полугодии 2018 года. Такой размер штрафа существенно ниже медианы установленной санкцией размера штрафа. В результате назначение штрафа в сумме, не превышающей 30 ты-

сяч рублей, фактически лишает субъекта-исполнителя данного вида наказания применить к осужденному весь комплекс мер, направленных на стимулирование последнего понести возложенную на него обязанность. В сформировавшихся условиях несогласованности различных отраслей законодательства штраф, являясь одним из наиболее часто назначаемых видов наказания, также выступает в качестве одного из наименее исполнимых способов воздействия на виновного, а неисполнимость наказания оказывает серьезное влияние на снижение авторитета как самого наказания, так и в целом уголовного закона. Предложенные изменения будут способствовать повышению уровня исполняемости штрафа, что позволит обеспечить возможность реализации идеи неотвратимости уголовного наказания. Предложенное изменение сегодня необходимо именно с позиции формирования в обществе уверенности в своей защите со стороны государства, повышения авторитета уголовного закона и его восприятия в общественном сознании как хотя и жесткого, но объективного акта официально-властного волеизъявления в отношении лиц, противопоставляющих себя общественному и государственному устройству посредством совершения преступлений коррупционной направленности.

О несогласованности не только уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, но и норм законодательства об исполнительном производстве, также отмечается специалистами в области уголовного процесса¹.

В настоящий момент основная идея законодателя, предусматривающего возможность использования штрафа в качестве дополнительного наказания, в своей основе строится на необходимости усиления карательного потенциала санкций. Таким образом, в целях предотвращения совершения лицами новых преступлений коррупционной направленности, а также эффективного достижения целей наказания считаем также возможным назначать наряду с основными видами наказаний, такими как ограничение свободы, исправительные или обязательные работы, дополнительные, такие как штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности.

Все остальные виды наказаний, предусмотренные санкцией ч. 1 ст. 204² УК РФ, также в той или иной мере используются судьями при постановлении приговоров. Так, наказание в виде обязательных работ назначено в 13,7% проанализированных приговоров. Назначаются обязательные работы на срок от 90 до 180 часов при максимальном пределе, установленном санкцией нормы, 200 часов. Так, по приговору № 1-318/2016 от 15 августа 2016 г. в отношении С., осужденного по ч. 1 ст. 204² УК РФ (по трем установленным фактам указанного преступления), а именно за получение подкупа за составление акта разграничения балансовой принадлежности элек-

¹ См.: Булатов Б.Б., Николок В.В. Замена штрафа лишением свободы в связи со злостным уклонением осужденного от его уплаты // Уголовный процесс. 2017. № 7. С. 64-65.

тросетей, технических условий по согласованию замены электрокабелей, технических условий на подключение электроснабжения торгового павильона, Октябрьским районным судом г. Кирова назначены за каждое совершенное преступление обязательные работы на срок 160 часов. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, путем частичного сложения назначенных наказаний, С. назначено наказание в виде 300 часов обязательных работ¹.

Наказание в виде ограничения свободы назначалось в 11,4% приговоров. Сроки ограничения свободы установлены судами от 4 до 6 месяцев. Так, приговором Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону в отношении Ж. по девяти эпизодам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 204² УК РФ, назначено 4 месяца ограничения свободы. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ, по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 204² УК РФ, путем частичного сложения назначенных наказаний окончательно назначено наказание в виде ограничения свободы сроком на 6 месяцев². Приведенный пример не является единичным, а, скорее, выступает в качестве иллюстрации общей картины, которая уже сформировалась сегодня в отечественной практике назначения данного вида наказания.

Исправительные работы назначаются судами чуть реже, примерно в 9,1% случаев на срок от 4 до 8 месяцев с удержанием 10% заработка осужденного, при максимальном сроке исправительных работ по санкции нормы – один год. Так, приговором Нижнекамского городского суда г. Нижнекамска в отношении Ф. за выдачу фиктивных документов о сдаче экзаменов назначены исправительные работы на срок 5 месяцев с удержанием из заработной платы 10%³.

В двух случаях судами применено дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности на срок от 6 месяцев до 1 года, а в одном случае в качестве дополнительного наказания применен запрет на выдачу листков нетрудоспособности. Определенный интерес в этом отношении представляет следующий пример. Заводским районным судом г. Саратова осуждена С., которая, реализуя свой преступный умысел, находясь в помещении аптечного пункта ООО, являясь его директором, передала председателю фонда защиты прав потребителей А. денежные средства за ненаправление составленного акта фиксации результатов проведенного общественного контроля за соблюдением законодательства в сфере защиты прав потребителей с выявленными нарушениями. Суд признал С. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 204 УК РФ, и назначил ей наказание в виде штрафа с лишением права занимать руководящие

должности, связанные с выполнением управленческих функций в коммерческих и иных организациях, сроком на 1 год. Судом апелляционной инстанцией приговор был изменен. Действия осужденной переквалифицированы на ч. 1 ст. 204² УК РФ, по которой назначено наказание в виде штрафа в размере 10000 рублей¹.

Считаем, что дополнительные наказания в условиях современной государственной политики, направленной на снижение количества лиц, осужденных к реальному лишению свободы, являются весомым аргументом в вопросе достижения целей уголовно-правового воздействия.

Анализ практики назначения наказания за исследуемое посягательство позволяет сформулировать некоторые рекомендации, осмысление и теоретическая разработка которых в дальнейшем способны существенно повысить эффективность механизма реализации карательного воздействия за мелкий коммерческий подкуп. Полагаем, что наряду с основными видами наказаний, такими как ограничение свободы, принудительные или обязательные работы, в целях предотвращения совершения лицами новых преступлений коррупционной направленности, эффективного достижения целей наказания следует назначать дополнительные наказания в виде штрафа, лишения права заниматься определенной деятельностью. Устранение пробелов в правовом регулировании данного вопроса будет способствовать повышению эффективности исполнения такого распространенного вида назначаемого наказания, как штраф, процент исполнения которого на настоящий момент не превышает 40%. В связи с этим для достижения установленных законом целей уголовных наказаний, обеспечения исполнения назначаемых наказаний в виде штрафа предлагаем установить нижнюю границу назначаемого штрафа – тридцать тысяч рублей.

Список литературы

Булатов Б.Б., Николюк В.В. Замена штрафа лишением свободы в связи со злостным уклонением осужденного от его уплаты // Уголовный процесс. – 2017. – № 7. – С. – 64-65.

Никулenco А. В.

Уголовно-правовая политика в сфере применения нормы о необходимой обороне

Criminal Law Policy and the Regulation of Self-Defense

Аннотация. Статья рассказывает о об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России. Затронуты вопросы применения нормы о необходимой обороне, в том числе ряд вопросов применения оружия сотрудниками правоохранительных органов. Подвергается критике, действующий порядок правовой оценки пределов необходимой обороны и применения оружия полицейскими. Предлагаются возможные пути разрешения указанных проблем.

¹ Приговор Заводского районного суда г. Саратова № 1-185/2016 от 24 июня 2016 г. по делу № 1-185/2016 /. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 09.02.2018)

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Кирова от 15 августа 2016 г. по делу № 1-318/2016. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 09.02.2018)

² Приговор Кировского районного суда г. Ростов-на-Дону от 29 сентября 2016 г. по делу № 1-321/2016/. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 09.02.2018)

³ Приговор Нижнекамского городского суда г. Нижнекамска от 14 июня 2017 г. по делу № 1-307/2017/. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 09.02.2018)

Abstract. The article is dedicated to the circumstances changing the criminal nature of an act by the criminal law of Russia. Author discusses the challenges of self-defense regulation, and specifically the issues of the use of arms by law enforcement officers. The current procedure for the legal assessment of the limits of the self-defense and the use of arms by the police deserves critique. Author suggests possible ways of solving these problems.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное законодательство, преступление, обстоятельства, исключющие преступность деяния, необходимая оборона, применение оружия сотрудниками правоохранительных органов.

Key words: criminal law, criminal law, the crime, the circumstances excluding wrongfulness of an act, self-defense, use of weapons by law enforcement officials

Издrevле право на необходимую оборону (ст. 37 УК РФ) являлось важнейшим средством защиты. И сейчас, право на необходимую оборону является важнейшим средством реализации гражданином своего права на защиту: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом»¹.

Прогрессивная тенденция уголовной политики обеспечила возможность законодательного закрепления в качестве абсолютного права необходимой обороны (ч. 1 ст. 37 УК). Именно в этом законодательном установлении реализована конституционная норма, гарантирующая гражданам право защищать свои права и законные интересы.

Институт необходимой обороны в уголовном праве претерпел значительные изменения. Из текста нормы о необходимой обороне против опасного для жизни нападения изъят существовавший ранее ограничительный критерий защитных действий, что предоставило возможность гражданам любым способом осуществлять защиту от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, или непосредственной угрозой применения такого насилия.

В условиях, когда государство не всегда может обеспечить эффективную защиту жизни, здоровья, чести, достоинства, собственности и других благ законопослушного населения, оно должно предоставить возможность осуществлять такую защиту самим гражданам. Это право гарантируется государством за счет включения в Уголовный кодекс России института необходимой обороны.

Не оставил без внимания механизм реализации указанного права и Верховный Суд России. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъяснено: «Уголовно-правовая норма о необходимой обороне, являясь одной из гарантий реализации конституционного положения о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (часть 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации), обеспечивает защиту личности и прав обороняющегося, других лиц, а также защиту охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства».

¹ Ст. 45 Конституции Российской Федерации.

Институт необходимой обороны нацелен на поощрение любой правомерной активности граждан, направленной на пресечение общественно опасных посягательств. Именно так уголовный закон ориентирует законопослушных граждан на нетерпимое отношение к нарушениям закона. Одновременно он осуществляет превентивную функцию, обращаясь и к неустойчивым лицам, способным встать на путь совершения преступления, предупреждая их о том, что совершение ими общественно опасного посягательства может вызвать достойное сопротивление, связанное с причинением серьезного вреда.

Регламентируя институт необходимой обороны, законодатель стремится обеспечить права обороняющегося от общественно опасного посягательства для того, чтобы стимулировать его на подобные действия и оградить от возможного необоснованного привлечения к ответственности, в частности за эксцесс необходимой обороны или даже простое причинение вреда жизни и здоровью (что нередко встречается в судебно-следственной практике).

Следует подчеркнуть, что законодательство и следственно-судебная практика далеко не всегда лояльны к гражданам, которые применяют физическую силу, специальные средства и, тем более, огнестрельное оружие в ситуациях необходимой обороны.

Полагаем, что, несмотря на значительную правовую разработанность и глубокие исторические корни, институт необходимой обороны так и не заработал в полную силу и не может полноценно обеспечить защиту прав и законных интересов, прежде всего, простых граждан, так как нормы ст. 37 УК РФ не дают надёжных гарантий однозначной уголовно-правовой оценки совершенных деяний¹. Кроме того, статистика не свидетельствует об однозначном улучшении ситуации в рассматриваемой сфере: например, в 2010 г. в России по статье 108 УК РФ зарегистрировано 473 преступления, выявлено лиц, совершивших преступление – 631, в 2011 г. 389 преступлений, а выявлено 415 лиц, их совершивших, в 2012 г. уже 351 преступление, а выявлено 377 лиц, их совершивших, в 2013 г. – 408 преступлений, а выявлено 448 лиц, их совершивших, в 2014 г. уже 280 преступлений, а выявлено 426 лиц, их совершивших, в 2015 – 308 преступлений, в 2016 – 292, в 2017 – 244. По статье 114 УК РФ в 2010 г. зарегистрировано 1067 преступлений, выявлено лиц, совершивших преступление – 1313, в 2011 г. соответственно 1123 преступления и 1406 лиц, совершивших преступление, в 2012 г. соответственно 1117 преступлений и 1386 лиц, совершивших преступление, в 2013 г. соответственно 1224 преступления и 1389 лиц, совершивших преступление, в 2014 г. соответственно 1094 преступления и 1296 лиц, совершивших преступление, в 2015 – 1297 преступлений, в 2016 – 1272, в 2017 – 1143².

¹ См.: Никуленко А. В. Обстоятельства, исключющие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации. Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2019. С. 4.

² См.: Никуленко А. В. Указ. соч. С. 7.

Таким образом, на фоне значительного сокращения количества зарегистрированных убийств с привилегированным составом (ст. 108 УК РФ), количество деяний, связанных с причинением вреда здоровью, предусмотренных ст. 114 УК РФ, остается практически неизменным. Разумеется, указанная статистика не может в полной мере отразить действительное положение дел, в том числе, динамику данных преступлений, что требует проведения более глубокого исследования.

Неужели остальные случаи обоснованно квалифицированы как правомерная необходимая оборона и правомерное причинение вреда при наличии остальных обстоятельств, исключающих преступность деяния? Полагаем, что ответ на этот вопрос отрицательный. Эти данные также позволяют нам сделать вывод о том, что содеянное было квалифицировано по общим (не привилегированным) нормам Особенной части УК РФ о преступлениях против личности.

Изучением института необходимой обороны в разные отрезки времени занимались такие ученые, как А. Ф. Кони, Н. Н. Розин, И. И. Слуцкий, В.И. Ткаченко, В.В. Меркурьев, В.В. Орехов, Ю.Н. Юшков, Е.А. Бравилова, Д.А. Черкасов и другие.

Довольно важно заметить, что институт необходимой обороны чаще рассматривался в уголовно-правовом контексте. Криминологический аспект института необходимой обороны затрагивался крайне редко.

Так, например, В. В. Меркурьев в своей диссертации отчасти затронул данную проблему: «Принципиальное решение вопроса об условиях правомерности необходимой обороны и пределах ее допустимости всегда находилось в прямой зависимости от положения личности в государстве»¹.

Исходя из диспозиции ст. 37 УК РФ, вред в состоянии необходимой обороны должен причиняться только при защите прав личности и прав обороняющихся или других лиц, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Отсюда следует, что правом на необходимую оборону может воспользоваться любой гражданин. Однако, защита должна быть от посягательства, которое сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или же с непосредственной угрозой применения вышеуказанных действий, т.е. посягательство должно быть сопряжено с причинением легкого, среднего или тяжкого вреда здоровью, или же с непосредственной угрозой причинения данного вреда (в данном случае имеет место быть защита с упреждением).

Однако, практика показывает, что право на необходимую оборону используется гражданами довольно редко. Причиной этого является негативная судебная практика, складывающаяся по делам, связанным с причинением пределов необходимой обороны. В. В. Меркурьев в проведенном социологическом исследовании называет следующие причины редкого примене-

ния права на необходимую оборону гражданами: «незнание данного права — 15,5%, незнание конкретных правил поведения в таком состоянии — 23,4%, боязнь наступления нежелательных правовых последствий — 53%, известный гражданину негативный опыт наступления подобных последствий для обороняющихся — 13,6% и только 6,5% опрошенных недооценивают собственные силы и возможности при отражении посягательства»¹.

Интересно, что необходимая оборона, может быть не только правом, но и обязанностью для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Важно отметить, что сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, как и граждане Российской Федерации, боятся использовать свое право на необходимую оборону.

Вышеизложенное подтверждает проведенный нами в 2016 году опрос сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (полиции), который показал, что из 127 опрошенных, 100 респондентов ответили, что им приходилось осуществлять акт необходимой обороны или применять меры, необходимые для задержания преступника (правонарушителя), что является 89% от общего числа опрошенных. Если за 100% взять количество сотрудников органов внутренних дел, которым приходилось задерживать преступника (правонарушителя), то более 70% опрошенных боялись наступления уголовной (или иной – чаще дисциплинарной) ответственности за правомерные действия при осуществлении необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

79% от общего числа опрошенных ответили, что в Федеральном законе №-3 ФЗ «О полиции» от 07.02.2011 г. досконально не прописан порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, что порождает скрытые возможности для судебного-следственного усмотрения при квалификации действий полицейских, связанных с применением силовых способов обороны. Опрошенные свидетельствуют о многочисленных ограничениях (прежде чем применить силу, необходимо разъяснить права хулигану, применение наручников (п. 6. ст. 21 федерального закона №-3 ФЗ «О полиции» от 07.02.2011 г.) связано с особыми ограничениями, что чревато появлением жалоб на правомерные действия, случаи попыток завладения огнестрельным оружием нередки, но оцениваются весьма субъективно (в том числе контролирующими инстанциями) что создаёт повышенный риск наступления неблагоприятных последствий для самих сотрудников и сдерживает возможную инициативу.

61% от общего числа опрошенных полагают, что статья 37 УК РФ требует уточнения и изменения (причём многие респонденты заявляют, что в реальной ситуации применения силы сотрудник полиции действует на свой риск и законодательно не защищен). Респонденты отмечают, что норма

¹ Меркурьев В. В. Состав необходимой обороны. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 11.

¹ Меркурьев В. В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф. дисс... канд. юр. наук. – Рязань, 1998. С. 16.

не работает в крупных городах и в ней содержится мало конкретизирующих и характеризующих признаков действий обороняющегося и посягающего, в связи с чем, по мнению опрошенных, следователь неправильно понимает смысл дефиниций и, по своему усмотрению, определяет среди оппонентов обороняющихся и посягающих.

И в первом случае, когда необходимая оборона является правом – субъект: гражданин, и, во втором случае, когда необходимая оборона является обязанностью – субъект: сотрудник правоохранительного органа, нередко судебные и следственные ошибки необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, действующих в состоянии необходимой обороны¹.

Граждане и сотрудники полиции, призванные стоять на страже законности, опасаются использовать конституционное право на необходимую оборону по причине как неудачных (не конкретизированных) законодательных формулировок норм статьи 37 Уголовного кодекса РФ, так и складывающейся правоприменительной практики, отнюдь не лояльной к гражданам, занимающим активную позицию и правоохранителям, выполняющим свой служебный долг.

Для исправления сложившейся ситуации необходимо тщательно проанализировать законодательство в области необходимой обороны и обсудить возможность внесения соответствующих поправок.

Предлагается перечислить в норме уголовного закона о необходимой обороне конкретные преступные посягательства, при пресечении которых возможно причинение любого вреда посягающему.

В работе же отечественных правоохранительных органов сложилась «недобрая» практика, когда по фактам причинения вреда здоровью и, тем более, жизни, уголовное дело возбуждается по общей норме об умышленных преступлениях против личности. Такая квалификация на первоначальном этапе ведёт к избранию меры пресечения – ареста для лица, которое возможно находилось в рамках правомерной необходимой обороны или даже может быть и превысило её пределы. В дальнейшем, в ходе предварительного расследования изменить квалификацию на более «мягкую» статью представляется практически невозможным делом. Ведь правоохранители уже отчитались о раскрытии более опасного преступления. Таким образом, «горе-обороняющемуся», находящемуся в СИЗО не менее 6 месяцев (именно столько расследуется дело, например, об убийстве или причинении тяжкого вреда здоровью, предусмотренные ст. ст. 105 и 111 УК РФ в том числе по объективным причинам – проведения соответствующих экспертиз) приходится рассчитывать лишь на помощь квалифицированного адвоката, если к тому же у него есть средства для оплаты его работы. И, наконец, в суде, когда вся правоохранительная машина работала над сбо-

¹ Никуленко А. В., Ручкин В. А. Необходимая оборона и ее роль в профилактике преступности // Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития. – СПб., 2016. – С. 178-183.

ром доказательств инкриминируемого деяния, то есть общей нормы, опровергнуть их выводы и доказать свою невиновность представляется весьма трудной задачей. И большая удача, в суде кассационной или апелляционной инстанции, это переквалификация действий «виновного» на норму о превышении пределов необходимой обороны и назначении условного наказания. Вынесение оправдательного приговора в суде первой инстанции практически невозможно!

Пессимизм автора связан как раз с тем, что, несмотря на усилия в сфере обеспечения общественной безопасности¹, государство фактически выводит из сферы уголовно-правового регулирования такие составы преступлений, как побои и др.², выполнявшие роль профилактики тяжких и особо тяжких преступлений, прежде всего, направленных против личности, связанных с насилием.

Фактически это будет ограничивать и права граждан по противодействию подобного рода «правонарушениям», ведь возможности осуществить правомерную защиту от таковых посягательств существенно снижаются³.

Необходимо качественно повысить уровень правовой культуры населения, значительная часть которого видит в уголовном праве лишь карательное начало и не учитывает позитивного содержания норм, регулирующих условия правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, содержащихся в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также иных нормативно-правовых актах.

Коренного изменения требует и правовое мышление работников правоохранительных органов, которое, в первую очередь, должно быть ориентировано на обеспечение прав человека, прежде всего потерпевших, в сфере уголовной юстиции. Важно и то, что нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, являются в большинстве своём дозволительными (управомочивающими), то есть рассчитанными на их активную реализацию гражданами, однако без достаточных юридических знаний, дополнительных разъяснений малоприменимы как гражданами, так и сотрудниками правоохранительных органов.

¹ См.: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Российская газета. – 2016. – 11 июля.

² См.: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. – 2016. – 8 июля; Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2016. – 8 июля; Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. – 2016. – 8 июля.

³ Милкоков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. – СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. – С. 178-183.

Все это обуславливает необходимость выработки единого подхода к квалификации обстоятельств, исключających общественную опасность деяния, способной удовлетворять потребностям как науки, так и эффективной законодательной и правоприменительной деятельности¹.

О необходимости внесения коренных изменений, расширяющих права и конкретизирующих условия правомерности причинения вреда, в ст. 37 УК РФ с нами согласились 89% опрошенных нами представителей судебного сообщества и 92% сотрудников иных правоохранительных органов (ОВД РФ, СК РФ).

На наш взгляд, в основу такого подхода должно быть положено законодательное закрепление определения обстоятельств, исключających преступность деяния, ошибки в наличии таковых обстоятельств, включение в состав УК РФ обстоятельств, регулирующих правомерное причинение вреда, предусмотренных иными законами и даже подзаконными актами².

Следует также поддержать инициативу Палаты молодых законодателей при Совете Федерации РФ передать на рассмотрение судов присяжных все дела, так или иначе связанные с необходимой обороной³. Несмотря на прогрессивное изменение УПК РФ, внесенные Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ (значимые положения вступили в действие с 1 июля 2018 г.) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей», интересующие нас составы преступлений не попали в перечень рассматриваемых судом присяжных.

Хотя для обеспечения прав и законных интересов граждан в ходе предварительного расследования, на наш взгляд, целесообразно выделение следователей ОВД и СК РФ, специализирующихся на делах данной категории.

Для совершенствования нормы УК о необходимой обороне и практики её применения, как мы уже говорили, необходим, прежде всего, переход к перечневой системе защищаемых благ, при которых возможна, так называемая, «беспредельная» оборона.

В этот «перечень» должны входить: здоровье, личная свобода, половая свобода и половая неприкосновенность, защита от противоправного насильственного вторжения в жилище или помещение, а также случаи группового и вооруженного нападения и т. п.

На наш взгляд, не стоит опасаться казуистичности такого подхода.

¹ Милоков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. – СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. – С. 202.

² Никуленко А. В. Проблемы оценки условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С. Ф. Кравцова) : Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции : Санкт-Петербургский университет МВД России. – СПб., 2016. – С. 173-181.

³ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ (в ред. № 467-ФЗ от 29.12.2017 г.) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // СЗ РФ. – № 26 (часть I). – 27 июня 2016 г. – Ст. 3859.

Ведь за каждым из таких случаев стоит человеческая судьба. В завершении, предлагаем авторскую редакцию статьи о необходимой обороне.

«Статья 37. Необходимая оборона»

1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было направлено на жизнь, здоровье, личную свободу, половую свободу или половую неприкосновенность, неприкосновенность жилища, помещения или иного хранилища. Указанные условия правомерности распространяются также на случаи совершения посягательства на государственные и (или) общественные интересы, если это посягательство было сопряжено с причинением или угрозой причинения вреда вышеуказанным общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, а также случаи совершения группового посягательства или посягательства с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

2. Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. Указанные положения не распространяются на случаи, предусмотренные в части первой настоящей статьи.

3. При оценке правомерности причинения вреда при необходимой обороне, учитываются, наряду с характером и степенью общественной опасности совершенного посягательства, данные о личности посягающего, способы посягательства, разумная необходимость в причинении вреда при оборонительных действиях, силы и возможности обороняющегося, его психическое состояние и иные обстоятельства, связанные с обстановкой обороны.

4. Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое в силу неожиданности посягательства, замешательства, испуга, страха или по другим обстоятельствам, находилось в состоянии душевного волнения и потому, превысило пределы мер необходимой обороны.

5. Провокация посягательства не порождает состояния необходимой обороны, за исключением случаев, когда она выразилась в правомерных действиях, предусмотренных статьей 39¹ настоящего Кодекса.

6. Превышением пределов необходимой обороны признается умышленное применение обороняющимся от общественно опасного посягательства, указанного в ч. 2 ст. 37 УК РФ, лицом такого способа защиты, применение которого явно, очевидно для обороняющегося, не вызывалось характером и опасностью посягательства, когда посягавшему, без необходимости, умышленно был причинен тяжкий вред здоровью или смерть.

7. Положения настоящей статьи в полной мере распространяются на

всех лиц, независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки или служебного (должностного) положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. В случае противоречия содержания норм других законодательных или подзаконных нормативных правовых актов применяются положения настоящей статьи».

Список литературы

Меркурьев В. В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф. дисс... канд. юр. наук. – Рязань, 1998. – 27 с.

Меркурьев В. В. Состав необходимой обороны. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 216 с.

Миллюков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. – СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. – 560 с.

Никуленко А. В., Ручкин В. А. Необходимая оборона и ее роль в профилактике преступности // Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития. – СПб., 2016. – С. 178-183.

Никуленко А. В. Проблемы оценки условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С. Ф. Кравцова): Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции: Санкт-Петербургский университет МВД России. – СПб., 2016. – С. 173-181.

Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации. Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2019. – 48 с.

Осинов М. Ю.

Ложные нормы в уголовном праве России: понятие и причины их возникновения

False Norms In The Criminal Law of Russia: The Concept and Causes Of Their Occurrence

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и причины возникновения ложных норм в уголовном праве России. Делается вывод о том, что под ложными нормами в уголовном праве России следует понимать такие нормы уголовного права, которые неадекватно отражают правовую реальность. К числу основных причин появления ложных норм в уголовном праве России следует отнести игнорирование законодателем некоторых закономерностей становления, развития и функционирования уголовного права. Поэтому для профилактики появления «ложных» норм в уголовном праве России необходимо осуществлять повышение квалификации законодателя, приглашение представителей депутатского корпуса на научные конференции, посвященные, в том числе проблемам уголовного права, вручение им сборников докладов указанных конференции, иными словами налаживание обратной связи законодателей с научным юридическим сообществом.

Abstract. The article discusses the features and causes of false norms in the criminal law of Russia. False norms are such norms of criminal law, that inadequately reflect the legal reality. One of the main reasons for the emergence of false norms in the criminal law of Russia is the legislators disregard to some of the rules of criminal law formation, development and functioning. Therefore, to prevent the emergence of «false» norms in the criminal law of Russia, it

is necessary to improve the qualifications of the legislator, invite representatives of the deputies to scientific conferences devoted to, inter alia, criminal law issues, hand them collections of reports of the said conference, in other words expand the feedback between the legislators and the legal community.

Ключевые слова: ложные нормы, уголовное право, юридическая наука, закономерности права.

Key words: false norms, criminal law, legal science, laws of law.

Одной из актуальных проблем, стоящих перед наукой уголовного права, является проблема осмысления феномена «ложных норм» в уголовном праве России. Необходимо отметить, что впервые вопрос о возможности существования ложных норм в праве был поставлен профессором В. М. Барановым. Как справедливо отмечает профессор В.М. Баранов в своей докторской диссертации «истинность — интегративное свойство нормы советского права, выражающее проверяемую практикой социалистического строительства меру пригодности ее содержания и формы в виде познавательно-оценочного образа, соответственно отражать тип, вид, уровень либо элемент развития в конкретных условиях места и времени прогрессивной человеческой деятельности»¹. По его мнению, «ложность отдельных норм права — элемент консервативного механизма государственного управления. Ложность — оценка нормы советского права, выражающая несоответствие содержащихся в ней знаний отражаемой прогрессивно развивающейся деятельности и влекущая малую эффективность либо вредные социальные последствия. В прогностическом контексте ложные нормы советского права представляют собой конкретный вариант социального перегиба в форме забегания вперед»². «Критерием же истинности норм права выступает прогресс юридической практики, т. е. социально-преобразующая деятельность, в результате которой демократично изменяются политико-правовые отношения и всесторонне развиваются субъекты права. Эмпирическими эквивалентами прогрессивной юридической практики при критериальной проверке юридических норм выступают конкретные свидетельства прогресса правотворчества и правореализации»³ Однако, при таком подходе к проблеме истинности норм права возникает опасность смешения критериев «истинного и прогрессивного» «истинного и эффективного», «истинного и правильного» и т.д.

Кроме того, такой подход к определению критериев истинности норм права открывает возможность объявлять некоторые истинные нормы права ложными, поскольку, будучи прогрессивными на определенном этапе исторического развития нормы права становятся реакционными и препятствуют прогрессу. Если рассматривать нормы права с подобной точки зрения, тогда получается, что истинным объявляется все то, что служит по мнению того

¹ Баранов, В. М. Истинность норм советского права: Проблемы теории и практики: Автореферат дисс. ...доктора. юридич. наук. -М.,1990. -33 с.

² Баранов, В. М. Указ. соч.

³ Там же

или иного исследователя прогрессу, а ложность все то, что препятствует такому прогрессу. Между тем категория истины и лжи имеет в философской литературе несколько иную трактовку.

Классическая концепция истины гласит о том, что «истину можно определить как адекватное отражение объективной реальности познающим субъектом, в ходе которого познаваемый предмет воспроизводится так, как он существует вне и независимо от сознания»¹. Иными словами истина – это соответствие суждений действительности или фактам.

Поэтому, если норму права рассматривать просто как факт действительности, ей нельзя приписывать категории истины и лжи. Но если норму права рассматривать как суждение, тогда ей вполне возможно приписывать категорию истины и лжи. Возникает вопрос, каким образом это возможно сделать.

Для этого необходимо понять, что же, собственно говоря, делает норма права.

Мы говорим она вместе с другими нормами, образующими институт регулирует общественные отношения. Регулируя общественные отношения, норма права преодолевает рассогласование между сущим и должным в правовой сфере.

Преодоление рассогласования между сущим и должным в правовой сфере возможно только при признании двойственности норм права: принадлежности нормы права к обоим мирам: миру сущего и миру должного

Принадлежность нормы права к миру сущего предполагает, что она (норма права) отражает правовую реальность, принадлежность нормы права к миру должного означает, что норма права проектирует правовую реальность

Следовательно, и отражательная и проектировочная функции нормы права в равной степени присущи правовой норме.

Поэтому, когда мы говорим об истинности норм права то мы рассматриваем только отражательную функцию норм права: то есть насколько адекватно норма права отражает правовую реальность. Когда же мы говорим об эффективности, правильности, полезности норм права, то мы говорим прежде всего о проектировочной функции права, а не об отражательной функции.

Поэтому в исследованиях проблем истинности норм права следует различать эти два аспекта или две функции норм права им не смешивать их друг с другом.

Возникает, однако, вопрос, что отражает нормы права. Утверждается, что предмет правового отражения и предмет правового регулирования совпадают»² По нашему мнению это не так.

Дело все в том, что нормы права отражают объективную реальность:

¹ Истина и ее критерии// <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/istina.html> (дата обращения 24.06.2016)

² Баранов, В. М. Указ. соч.

регулируемые общественные отношения не в полном объеме, не во всем их многообразии, но определяют кто может быть субъектом данных общественных отношений и какие деяния в отношении того или иного объекта дозволены, предписаны или запрещены.

При этом нормы права естественно отражают реальность, но не в категории действительного, но в категории возможного. Определяя круг субъектов общественных отношений, круг объектов этих отношений, основания их возникновения и прекращения, способы и сроки реализации субъективных прав и обязанностей, и меры защиты и меры ответственности за их нарушения субъект правотворчества исходит не из мнимых, а из реально существующих субъектов общественных отношений, объектов этих отношений, возможных деяний и социальных фактов, которые существуют в реальной действительности и которые отбирает законодатель для конструирования нормы права.

В этом смысле норма права действительно отражает правовую реальность и закрепляет ее в своих положениях. В этом смысле под истинностью норм права следует понимать способность права адекватно отражать правовую реальность.

Если в нормах права адекватно отражается правовая реальность, значит норма права истинная, если она неадекватно отражает правовую реальность значит она ложная.

Таким образом, под ложными нормами в уголовном праве России следует понимать такие нормы уголовного права, которые неадекватно отражают правовую реальность.

Далее рассмотрим некоторые виды ложных норм в уголовном праве России.

Одной из разновидностей «ложных норм» в уголовном праве России является «ложные нормы», касающиеся института административной преюдиции. Как отмечается в литературе: «В 2011 г. в УК РФ появились первые уголовно-правовые нормы с административной преюдицией (ст. 151¹ УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции»), не утратившие силу до настоящего времени. В 2014 г. введены еще три состава преступлений с административной преюдицией (ст. ст. 212¹, 264¹, 314¹ УК РФ), в 2015 г. административная преюдиция появляется в составах преступлений, закрепленных ст. ст. 215⁴, 284¹ УК РФ, в 2016 г. - ст. ст. 116¹, 157, 158¹ УК РФ, и наконец, в 2017 г. уголовный закон дополнен ст. 171⁴ УК РФ.

Уголовную ответственность за преступление с административной преюдицией может нести не любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, а лицо, повторно (неоднократно) совершившее деяние, аналогичное тому, за которое оно ранее привлекалось к административной ответственности или, как указано в примечаниях к статьям УК РФ, подвергалось административному наказанию»¹ примечаниях к статьям УК РФ,

¹ Эргашева З.Э. Обстоятельства, имеющие значение для квалификации по делам о преступлениях с

подвергалось административному наказанию». Возникает вопрос, каким образом административное правонарушение, под которым Кодекс РФ об административных правонарушениях понимает «противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое Кодексом РФ об административных правонарушениях или законом субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность превращается в преступление, то есть виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом РФ под угрозой наказания». Более того, согласно Постановлению Европейского суда по правам человека по делу «Сергей Золотухин против России» было установлено, что учитывая максимальный срок наказания в виде 15 суток ареста, предусмотренный за данное нарушение статьей 158 Кодекса об административных правонарушениях, и три дня ареста, которые заявитель в действительности отбыл, пришла к выводу о том, что признание виновным в рамках разбирательства 4 января 2002 г. представляло собой «уголовное» осуждение в значении статьи 4 Протокола N 7 к Конвенции. Таким образом, в основе так называемой «административной преюдиции» лежит нежелание законодателя признавать такую категорию уголовный проступок¹ Как справедливо отмечается в литературе: «Институт уголовного проступка является предметом бурных дискуссий правоведов уже более 25 лет. Неоднозначность мнений и долгие полемики в основном связаны со значительным количеством правовых последствий, которые повлечет внедрение данного института. Данный вопрос требует отдельного рассмотрения, так как существует острая необходимость оценки необходимости и эффективности внесения соответствующих изменений в систему уголовного права приводимых стран. Н. Ф. Кузнецова еще в 1969 г. сформулировала дефиницию уголовного проступка, понимая под ним, во-первых, умышленное либо неосторожное малозначительное по характеру и степени общественной опасности деяние»². На наш взгляд, под уголовным проступком следует понимать запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания виновно совершенное деяние, не представляющее большой общественной опасности как преступление. Идею введения уголовного проступка в качестве самостоятельной категории уголовного права России, также поддержал Пленум Верховного суда РФ, который внес в Государственную думу законопроект о введении понятия «уголовный проступок» в российское законодательство. Однако, в нем понятие уголовный проступок раскрывалось

административной преюдицией // Российский следователь. 2018. № 4. С. 62 - 65.

¹ Несвит Е.А. Уголовный проступок: от идеи к комплексной реформе деликтного законодательства Российской Федерации // Мировой судья.- 2018.- № 8.- С. 28 - 37. Юрченко И.А. Мелкое преступление: новеллы российского уголовного законодательства и вопросы его совершенствования // Вестник Омской юридической академии.- 2018.- № 1. С. 58 - 63. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-1-58-63 (www.doi.org). Уржанова Д.Т. Институт уголовного проступка: опыт Республики Казахстан // Мировой судья. - 2018.- № 3. С. 33 - 36.

² Григонис Э.П. Понятие уголовного проступка в законодательстве зарубежных стран и перспективы его введения в российское уголовное законодательство // Мир юридической науки. - 2015.- № 9. С. 36 - 4 Уржанова Д.Т. Указ. соч. С.33

через понятие «преступление»: «Преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, признается уголовным проступком»¹. По нашему мнению, все же следует учесть опыт Франции, которая в своем уголовном кодексе разделила все нарушения уголовного законодательства на преступления, проступки и нарушения.² По нашему мнению введение в уголовный кодекс РФ понятие уголовного проступка, понимаемого как вид правонарушения, запрещенного уголовным законом под угрозой наказания, но которое, в отличие от преступления не представляет большой общественной опасности, позволит избежать использования «мифической конструкции» административная преюдиция, которая не может в действительности иметь место в уголовном праве России, поскольку согласно статье 4, протокола № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод . Никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же Государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого Государства. Кроме того, подобное положение вещей противоречит принципу non bis in idem – никто не может быть судим дважды за одно и то же.

В силу этого принципа административная преюдиция является мифом уголовного права России. Почему? Дело все в том, что для того, чтобы признать человека виновным в совершении преступления, преступления, предусмотренного к примеру ст. 151¹. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции необходимо установить что лицо неоднократно продавало несовершеннолетним алкогольную продукцию, а для этого необходимо дважды провести разбирательство в порядке, предусмотренном Кодексом РФ об административных правонарушениях, что противоречит принципу non bis in idem.

Аналогичная ситуация со ст. 116¹ УК РФ, согласно которым «нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 Уголовного Кодекса, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 настоящего Кодекса, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние», для этого необходимо в силу принципа презумпции невиновности провести рассмотрение дела дважды в порядке, предусмотренном Кодексом РФ об административных правонарушениях, а затем уже провести судебное разбирательство в порядке уголовного судопроизводства, что, на наш взгляд, противоречит

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 N 42 "О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка"

² Александров А., Головкин Л., Есаков Г., Пашин С., Пастухов И., Баграков А. Уголовный проступок: новые грани уголовного закона // Закон. - 2016.- № 9.- С. 18 - 23.

принципу non bis in idem и нарушает единство процессуальной формы.¹ Для исправления этой ситуации предлагается ввести в уголовный кодекс РФ понятие уголовного проступка и к ним отнести все деяния неоднократное совершение которых образует состав преступления.

Следующей разновидностью ложных норм в уголовном праве России являются нормы, о так называемом «неосторожном соучастии»². Суть данных «ложных» норм состоит в том что ч. 3 ст. 263¹ УК РФ предусматривает, что возможно совершение преступления, предусмотренного ст. 263¹ Уголовного кодекса РФ «Неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба», группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. С точки зрения теории уголовного права – это нонсенс, поскольку состав преступления, предусмотренный ст. 263¹ УК РФ является материальным с неосторожной формой вины. Следовательно, при анализе данной ситуации невозможно рассуждать о преступлениях с двойной формой вины³, поскольку преступление, предусмотренное ст. 263¹ УК РФ является преступлением с материальным составом и с неосторожной формой вины, а, следовательно, оно является неосторожным преступлением. Согласно ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления, в неосторожном преступлении соучастия быть не может.

Кроме того, согласно ч. ч. 1-3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора.

2. Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

3. Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

В силу этих причин положения ч. 3 ст. 263¹ УК РФ, в части установления такого квалифицирующего признака как совершение неосторожного преступления», группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой является ложной нормой.

Каковы же причины появления ложных норм в уголовном праве России.

¹ Тарасов А. А., Развейкина Н.А. Проблемы единства и дифференциации процессуальной формы осуществления правосудия // Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: Учебник для магистров / Под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. - М.: Юрайт, 2012. С. 339

² Грибков А.В. К вопросу о неосторожном соучастии // Современные проблемы права, экономики и управления. - 2015.- № 1.- С. 18-21.

³ Грибков А.В. Указ. соч.

На наш взгляд одной из главных причин появления ложных норм в уголовном праве России является влияние мифов и стереотипов на правосознание законодателя.

Необходимо отметить, что категория «миф в праве», а тем более категория «миф» в уголовном праве, и получила пока надлежащее отражение в юридической литературе. Отсутствует само определение понятия «миф в праве». Обычно в юридической литературе понятие «миф» используется в качестве метафоры в заголовках некоторых статей.¹ Однако наука, а тем более юридическая наука не вправе использовать какие-либо понятия в метафорическом значении этого слова без определения данных понятий². Возникает вопрос, что же представляет собой миф в уголовном праве России. Для того, чтобы ответить на данный вопрос, необходимо, прежде всего, понять, а что такое миф вообще, и что представляет собой миф в праве. При этом понятие мифа в философской литературе трактуется неоднозначно³.

При этом в научной литературе выделяются понятия «научная картина мира» и «мифологическая модель мира»⁴ Мифологическая модель мира – это «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах»⁵ Если исходить из данной концепции, тогда получается, что под «мифом в праве» следует понимать сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о праве и правовой системе внутри данной правовой традиции, взятые в их системном и операционном аспектах⁶. В чем же это упрощение выражается? По нашему мнению, оно выражается в игнорировании законодателем закономерностей становления, развития и функционирования государственно – правовых явлений, а также в игнорировании некоторыми учеными существующей правовой реальности.

Применительно к уголовному праву можно сказать, что под мифом в уголовном праве следует понимать сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений об уголовном праве и правовой реальности, которая выражается в игнорировании законодателем некоторых закономерностей становления, развития и функционирования уголовного права.

¹ Румянцев Н. В., Фумм А.М. АУЕ: миф или реальность? // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2018.- № 1. С. 16 - 19. DOI: 10.18572/2072-4438-2018-1-16-19 (www.doi.org). Архипов В. В. Киберспортивное право: миф или реальность? // Закон. - 2018.- № 5.- С. 80 - 92. Гаврилов Б. Я. Мифы и реалии института предъявления обвинения: нужен ли он российскому досудебному производству? // Судья. - 2018.- № 4. С. 57 - 60. Цветков И. В. Партнерство в налоговой сфере: миф или реальность? // Налоговед. 2008. № 6. С. 22 - 27. Цепов Г.В. Выйти из тумана метафор, или Ответственность контролирующего лица перед кредиторами компании // Закон. - 2015.- № 4. С. 83 - 97.

² Юрченко И.А. Мелкое преступление: новеллы российского уголовного законодательства и вопросы его совершенствования // Вестник Омской юридической академии.- 2018.- № 1.- С. 58 - 63. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-1-58-63 (www.doi.org).

³ Чагинский А.А. О понятии «миф» в русской философии XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. - 2015.- № 3 (15). - С. 51-59. Садыкова М. А. Сопоставление понятий «картина мира» и «модель мира»: архетип - миф - религия – наука // Современные проблемы науки и образования. - 2007. -№ 3. С. 26.

⁴ Садыкова М. А. Указ. соч. С. 26.

⁵ Садыкова М. А. Указ. соч.

⁶ Садыкова. Указ. соч.

При этом понятно, что игнорирование законодателем некоторых закономерностей становления, развития и функционирования уголовного права приводит к ложным нормам уголовного права, то есть нормам, которые неадекватно отражают правовую реальность.

В заключение необходимо отметить, что для предотвращения появления «ложных» норм в уголовном праве России необходимо осуществлять повышение квалификации законодателя, приглашение представителей депутатского корпуса на научные конференции, посвященные в том числе проблемам уголовного права, вручение им сборников докладов указанных конференций, иными словами налаживание обратной связи законодателей с научным юридическим сообществом.

Указанные меры на наш взгляд будут способствовать развенчанию мифов и стереотипов у законодателя в том числе в сфере уголовного права и повышению эффективности уголовно – правовой политики российского государства.

Список литературы

- Александров А., Головкин Л., Есаков Г., Пашин С., Пастухов И., Бахраков А. Уголовный проступок: новые грани уголовного закона // Закон. – 2016. – № 9. – С. 18 - 23.
- Архипов В. В. Киберспортивное право: миф или реальность? // Закон. – 2018. – № 5. – С. 80 - 92.
- Баранов, В. М. Истинность норм советского права: Проблемы теории и практики: Автореферат ...доктора. юридич. наук. - М.,1990. -33 с.
- Гаприлов Б. Я. Мифы и реалии института предъявления обвинения: нужен ли он российскому досудебному производству? // Судья. – 2018. – № 4. С. 57 - 60.
- Грибков А.В. К вопросу о неосторожном соучастии// Современные проблемы права, экономики и управления. –2015. – № 1. – С. 18-21.
- Григорис Э.П. Понятие уголовного проступка в законодательстве зарубежных стран и перспективы его введения в российское уголовное законодательство // Мир юридической науки. – 2015. – № 9. – С. 36 - 41.
- Истина и ее критерии// <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/istina.html> (дата обращения 24.06.2016)
- Несвит Е.А. Уголовный проступок: от идеи к комплексной реформе деликтного законодательства Российской Федерации // Мировой судья. – 2018. – № 8. – С. 28 - 37.
- Румянцев Н. В., Фумм А.М. АУЕ: миф или реальность? // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. –2018. – № 1.–С. 16 - 19. DOI: 10.18572/2072-4438-2018-1-16-19 (www.doi.org).
- Садыкова М. А. Сопоставление понятий «картина мира» и «модель мира»: архетип - миф - религия – наука // Современные проблемы науки и образования. – 2007. – № 3
- Тарасова А. А., Развейкина Н.А. Проблемы единства и дифференциации процессуальной формы осуществления правосудия // Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: Учебник для магистров / Под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. – М.: Юрайт, – 2012.
- Уржанова Д.Т. Институт уголовного проступка: опыт Республики Казахстан // Мировой судья. – 2018. – № 3. – С. 33 - 36.
- Цветков И. В. Партнерство в налоговой сфере: миф или реальность? // Налоговед. –2008. – № 6. – С. 22 - 27.

Цепов Г.В. Выйти из тумана метафор, или Ответственность контролирующего лица перед кредиторами компании // Закон. – 2015–. № 4. – С. 83 - 97.

Чагинский А.А. О понятии «миф» в русской философии XIX века// Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. – 2015. – № 3 (15). – С. 51-59.

Эргашева З.Э. Обстоятельства, имеющие значение для квалификации по делам о преступлениях с административной преюдицией //Российский следователь. – 2018. – № 4. – С. 62 - 65.

Юрченко И. А. Мелкое преступление: новеллы российского уголовного законодательства и вопросы его совершенствования // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – № 1. –С. 58 - 63. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-1-58-63 (www.doi.org).

Петрашева Н.В.

Институт соучастия в новом прочтении: закон и практика

Re-examining the Institute of Complicity: Law and Case-study

Аннотация. Статья посвящена вопросам разъяснения в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ содержания признаков соучастия и условий квалификации преступлений, совершенных совместными усилиями двух и более лиц.

Abstract. The article clarifies the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation that list the signs of complicity and the conditions for qualifying crimes committed by the joint efforts of two or more persons.

Ключевые слова: соучастие, Постановление Пленума Верховного Суда РФ, соучастник, квалификация преступления, ответственность соучастников.

Keywords: complicity, Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, accomplice, qualification of a crime, responsibility of accomplices.

Институт соучастия имеет довольно высокую степень разработанности как в науке, так и в уголовном законе, однако вопросы квалификации совместно совершенных преступных посягательств вызывают дискуссию по многим аспектам правоприменения.

Сложившаяся ситуация, по нашему мнению, обусловлена тем, что нормы о соучастии, закрепленные в Общей части УК РФ наделены определенной долей догматизма, тогда как современные реалии объективной действительности наглядно иллюстрируют необходимость реформирования законодательства, предусматривающего ответственность за групповые формы проявления преступной деятельности. Такие реформы, безусловно, должны касаться, в первую очередь, базовых понятий, основы анализируемого уголовно-правового института, а в реалии попытки модернизировать институт соучастия сводятся к разъяснению отдельных вопросов соучастия в нормах Особенной части УК РФ. Справедлив подчеркивает Ю. А. Клименко, что «УК РФ регулярно пополняется новыми нормами о соучастии»¹. При этом

¹ Клименко Ю. А. Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Журнал российского права. – 2017. – № 4. – С. 114.

дополнения вносятся не в Общую, а в Особенную часть Уголовного закона. Закрадывается мнение, что таким образом законодатель стремится помочь правоприменителю в сложных вопросах квалификации преступлений, совершенных совместно действующими лицами, свести к минимуму ошибки, путем детализации деятельности тех или иных соучастников в контексте конкретного общественно опасного посягательства. Действительно, немало спорных вопросов возникает при уголовно-правовой оценке «сложного соучастия», где имеет место распределение ролей.

Зачастую, так называемые второстепенные соучастники, остаются за рамками уголовной ответственности, ввиду сложности установления в их деятельности состава преступления. В связи с этим, в Особенной части УК в ряде статей данный вид соучастия приобретает характер признака самостоятельного состава преступления. Суть проблемы в этом аспекте сводится к тому, что в соответствии с законом, правоприменитель сталкивается с необходимостью квалификации единолично совершенного общественно опасного посягательства, а по факту в этом деянии проявляются признаки соучастия в преступлении. Естественно, применение новелл Уголовного кодекса, вызывает разночтение, избежать которого помогают рекомендации высшей судебной инстанции, которые, к сожалению, появляются уже после того, как редакционные правки Уголовного кодекса приобретают законную силу. А создаваемые разъяснения довольно часто просто дублируют закон. В итоге, теоретический инструментарий квалификации преступлений, совершенных в соучастии, «не работает», а альтернативы не выработано.

Например, норма, предусматривающая ответственность за финансирование терроризма уравнивается с деятельностью по подстрекательству к террористической деятельности, допуская, таким образом, мысль, что, по степени общественной опасности эти формы причастности к террористической деятельности идентичны. Это обстоятельство косвенно находит подтверждение в примечании 1 к ст. 205¹ УК РФ. При этом «уравнивание» прослеживается не только в степени опасности, но и в содержании этих видов деятельности, т. е. в контексте ч. 1.1. ст. 205¹ срачиваются понятия подстрекательства и пособничества. Завершает эту «сложную конструкцию» название статьи: «Содействие террористической деятельности». Очевидно, законодатель предпринимает попытки таким образом уйти от идентификации данной уголовно-правовой нормы с институтом соучастия, однако, в других частях указанной статьи, оперирует терминами, присущими этому правовому институту, а в примечании и вовсе практически дублирует положения ст. 33 УК РФ, в части определения пособничества. Разница усматривается лишь в акцентах, где в ч. 5 ст. 33 УК РФ раскрывается понятие пособника, а в примечании 1¹ к ст. 205¹ УК РФ внимание направлено на пособническую деятельность. Вывод, соответственно напрашивается такой: в контексте преступлений террористической направленности пособническую функцию может выполнить любой участник преступления, без привязки к роли пособника. Идет ли это вразрез с положениями ст. 33 УК РФ? Полагаем, что да.

Редакционные правки, внесенные в Постановление Пленума Верховного Суда № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 03.11.2016 г. расширили понятие склонения, вербовки или иного вовлечения определенного лица (группы лиц) в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в части 1 статьи 205¹ УК РФ, за счет внесения термина «угрозы».

Тем самым, это определение практически идентифицировалось с понятием подстрекателя, путем перечисления способов склонения другого лица к совершению преступления. Помимо указанных изменений в данное Постановление был включен абзац, согласно которому: «склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в части 1 статьи 205¹ УК РФ, следует считать окончанным преступлением с момента совершения указанных действий, независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо соответствующее преступление террористической направленности»¹. Это правило квалификации идет вразрез с положениями ч. 5 ст. 34 УК РФ, где прямо указано, что так называемое «неудавшееся подстрекательство» квалифицируется как приготовление к преступлению. В итоге сущность преступного проявления одна, а уголовно-правовая оценка абсолютно разная. В п. 17.1. этого же документа судам рекомендовано учитывать, что ответственность за пособничество по части 3 статьи 205¹ УК РФ наступает при условии, если оно имело место в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 205, частью 3 статьи 206, частью 1 статьи 208 УК РФ и квалификации по совокупности со ст. 205, частью 3 статьи 206 или частью 1 статьи 208 УК РФ не требует. Здесь правило квалификации можно косвенно сопоставить с положением о том, что деятельность исполнителя преступления квалифицируется без ссылки на статью 33 УК РФ.

Далее по тексту Пленума отмечается, что, если имеет место организация или руководство преступлением террористической направленности, или содействием террористической деятельности, вид которой не указан в ст. 205¹ УК РФ, данная деятельность подлежит квалификации по правилам положений ст. 34 УК РФ. Получается для того, чтобы исключить ошибки в квалификации преступлений, совершенных в соучастии, необходимо имплементировать общие положения этого правового института в каждый состав преступления, закрепленный в особенной части УК РФ. Но тогда и без того «истерзанный» фундаментальный правовой институт утратит свою целесообразность.

На примере Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных престу-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 в редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.11.2016 № 41 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_ARB_91853 (дата обращения 25.06.2019).

плениях» мы видим, что в п. 15 отмечено следующее: «действия лиц, не обладающих признаками специального субъекта, предусмотренными статьей 290 или статьей 204 УК РФ, участвующие в получении взятки или предмета коммерческого подкупа в составе группы лиц по предварительному сговору, квалифицируются как посредничество во взяточничестве (статья 291¹ УК РФ) или соучастие в коммерческом подкупе (статья 204 УК РФ со ссылкой на статью 33 УК РФ)»¹. Правило квалификации коммерческого подкупа, совершенного в составе группы, полностью дублирует ч. 3 ст. 34 УК РФ. Вполне достаточно было бы в п.15 отметить особенность квалификации, выходящей за общее правило, что по умолчанию позволило бы применить в остальных случаях нормы о соучастии, закрепленные в гл.7 УК РФ.

Еще один пример, где указано правило квалификации, в котором нет необходимости это п. 7. Постановления Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» в котором указано: « если требования охраны труда, правила безопасности при ведении горных или иных работ, а равно правила промышленной безопасности опасных производственных объектов были нарушены двумя или более лицами, обладающими признаками субъекта преступления, предусмотренного статьями 143, 216 или 217 УК РФ, то содеянное каждым из них влечет уголовную ответственность по данным нормам при условии, что допущенные ими нарушения специальных правил находились в причинной связи с наступившими последствиями, указанными в названных статьях Уголовного кодекса Российской Федерации»². Упомянутые в тексте Пленума статьи раскрывают признаки неосторожных преступлений, соответственно соучастие в них исключено, согласно прямого указания в тексте ст. 32 УК РФ о том, что групповая форма преступного поведения допустима только в умышленных преступлениях.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» отводит вопросам квалификации п. 27, в котором предписывается учитывать положения статей 32, 33, 35 УК РФ при выяснении, какие конкретно действия, непосредственно направленные на исполнение объективной стороны преступления выполнял каждый из соучастников³. На наш взгляд этот абзац

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07. 2013 г. № 24 (в ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». - URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_ARB_91853 (дата обращения 20.06.2019).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11. 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов». - URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_ARB_91853 (дата обращения 25.06.2019).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11. 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». - URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_ARB_91853 (дата обращения 25.06.2019).

является излишним в контексте положений Пленума, так как не содержит никакой информации, способствующей квалификации анализируемых в этом документе преступлений. Более того, в ч.1 ст. 34 УК РФ все вышеизложенное находит свое отражение.

В данной статье мы привели лишь некоторые примеры, наглядно иллюстрирующие теоретические проблемы применения уголовного закона в вопросах квалификации преступлений, совершенных в соучастии. Опубликованные Постановления Верховного Суда становятся для правоприменителей источником уголовного права de facto¹, соответственно, содержащиеся в них разъяснения по вопросам квалификации должны быть тщательно проработаны, отвечать нуждам правоприменителя и не идти вразрез с положениями Уголовного закона.

Список литературы

Клименко Ю. А. Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Журнал российского права. – 2017. – № 4. – С. 114.

Яни П. С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике. Статья 1 // Законность. – 2013. – № 7. – С. 44.

Сафонов В.Н.

Обещание или предложение коррупционных действий в контексте учения о стадиях преступления

Promise or Offer of Corrupt Practices According to the Stages of Crime Theory

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы криминализации конвенционных преступлений - обещания или предложения посредничества во взяточничестве и обещания или предложения взятки. Автор приходит к выводу о необходимости комплексного учёта при этом фундаментальных положений учения о стадиях преступления, глобализационных процессов и традиционных требований юридической техники.

Abstract. The article deals with the problems of conventional crimes criminalization - the promise or offer of mediation in bribery and the promise or offer of a bribe. The author concludes that it is necessary to integrate the fundamental provisions of the stages of the crime theory with the globalization processes effects and traditional governmental requirements of legal technique.

Ключевые слова: стадия совершения преступления, обнаружение умысла, приготовление к преступлению, глобализация, криминализация, обещание взятки, обещание или предложение взятки, обещание или предложение посредничества во взяточничестве.

Key words: stages of crime, the detection of intent, the preparation for a crime, globalization, criminalization, the promise of a bribe, the promise or offer of a bribe, the promise or offer of mediation in bribery.

Совершенствование нормативной базы противодействия коррупции – одно из наиболее активно развивающихся направлений российского уголовного законодательства последних лет. Характерная особенность современного этапа уголовной политики в этой сфере – дуалистический подход к не-

¹ Яни П. С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике. Статья 1 // Законность. – 2013. – № 7. – С. 44.

которым конкретным проблемам, один из которых – традиционный отечественный, второй сводится к не критической имплементации международных уголовно-правовых норм в национальное законодательство. В последнем случае речь идёт о глобализации в сфере правового регулирования¹.

Двойственность правотворчества в этой сфере привела к нормативно-терминологической неточности и неопределённости правоприменительной практики. Всё это в свою очередь вызвало энергичные дебаты в доктрине уголовного права, участники которой отстаивают полярные точки зрения.

Дискуссия, в частности, касается удачности, а точнее сказать, – неудачности криминализации российским законодателем посредничества во взяточничестве. Напомним, федеральным законом №97 от 04 мая 2011г. (далее – ФЗ №97) УК РФ был дополнен ст.291¹, в рамках которой посредничество во взяточничестве стало самостоятельным преступлением. Остроту спорам придают открывшиеся неожиданности, связанные с применением нового состава преступления, предусмотренного ст.291¹ УК РФ. Это преступление поименовано как обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч.5)

В обобщённом виде проблемы применения этой нормы права сводятся к следующему перечню: 1. сложность отграничения рассматриваемого деяния от ненаказуемого этапа развития преступления (по мнению других исследователей – стадии преступления) – обнаружения умысла; 2. различное понимание момента окончания преступления в силу неоднозначности семантических особенностей категорий «обещание» или «предложение»; 3. спорные перспективы вменения этого преступления при обещании или предложении посредничества в получении или даче взятки в сумме до 25000 рублей, а именно с этого порога криминализирован основной состав посредничества во взяточничестве; 4. сомнительность юридической техники, когда в одну норму включаются разные составы преступлений; 5. в ряд ли оправданная строгость санкции, что хорошо просматривается на фоне основных, более тяжких составов преступлений. Так, максимальный вид наказания за обещание или предложение посредничества во взяточничестве – лишение свободы на срок до семи лет с дополнительными наказаниями в виде штрафа в размере до тридцатикратной суммы взятки или лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до пяти лет, что выше, чем санкция за получение взятки (ч.ч.1-2 ст.290 УК РФ) и за дачу взятки (ч.ч.1-2 ст.290 УК РФ); 6. отсутствие возможности добровольного отказа при наличии таковой применительно к основным и более опасным составам преступлений (получение, дача взятки, остальные виды посредничества во взяточничестве).

Дискуссия о состоятельности криминализации и технико-юридических особенностях состава преступления (обещания или предложе-

¹ Рахманова Е.Н. Государство и право в условиях глобализации// Современное государство: Политико-правовые и экономические исследования Сб. науч. тр. Сер. «Правоведение» Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отв. ред. Е. В. Алферова. М., 2010. С. 14-36.

ния посредничества во взяточничестве) стала частью более широкого дискурса, часть которого также – необходимость криминализации института предложения или обещания взятки.

Поскольку доводы сторонников и противников включённого в УК РФ состава обещания или предложения посредничества во взяточничестве и предлагаемого (предложения или обещания взятки) распространяются на обе эти юридико-технические конструкции, целесообразно рассматривать проблемы состоявшейся и предлагаемой криминализации коррупционных действий, связанных с обещанием или предложением коррупционных действий, системно.

Напомним предысторию проблемы. Криминализация обещания или предложения посредничества во взяточничестве – это минимум от конвенционных обязательств, взятых на себя Россией. Многие конвенционные положения, например Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций 1997 г. (ст. 1), Конвенции ООН об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. (ст. 2, 3, 8, 12), Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (ст. 8), Конвенции ООН против коррупции 2003 г. (ст. 15, 16), в совокупности содержат рекомендацию о внедрении в национальное уголовное законодательство обещания и предложения в двух структурно сложных блоках преступлений: во-первых, обещания и предложения активного и пассивного подкупа в частном и публичном секторах; во-вторых, обещания и предложения выгод в целях получения каких-либо преимуществ в результате злоупотреблений служебным и должностным положением.

1 февраля 2012 г. Президент Российской Федерации подписал ФЗ № 3 о присоединении к ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г. Присоединение к конвенции дало старт трём фазам оценки национального уголовного и административного законодательства на предмет реализации в нём положений конвенции¹. С этого времени проделана значительная работа по приведению российского законодательства в соответствие с антикоррупционными требованиями ОЭСР: УК РФ и КоАП РФ дополнены понятиями «иностранное должностное лицо», «должностное лицо международной организации», усилена ответственность физических и юридических лиц за подкуп иностранных должностных лиц (ст. 291 УК РФ и 19.28 КоАП РФ), установлена административная ответственность юридических лиц за подкуп иностранных должностных лиц и определены соразмерные штрафные санкции за коррупционные преступления (ФЗ от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ). Но рабочая группа посчитала эти меры недостаточными. В рамках второй фазы

¹ Семькина О.И. Историческая обусловленность института предложения и обещания взятки//Журнал российского права.2016. № 4. С.93-100.

обзора России было рекомендовано обеспечить криминализацию «предложения» и «обещания» взятки, расширить предмет взятки за счёт неденежных выгод и др.

В декабре 2013 г. на закрытом заседании рабочей группы был заслушан доклад о прохождении РФ второй фазы обзора. По его итогам было рекомендовано: расширить наказуемость коррупционных преступлений за счёт криминализации предложения и обещания взятки; добиться соответствия размеров штрафов и конфискуемого имущества размерам взятки, даваемой должностному лицу; установить уголовную ответственность за фальсификацию документов, мошенничество и иные злоупотребления в бухгалтерской сфере, совершаемые в рамках подкупа иностранных должностных лиц¹.

Комментаторы отмечают, что особенностью конвенции ОЭСР является «мягкое» закрепление жёстких требований к её участникам². Таким образом, криминализация обещания или предложения посредничества во взяточничестве есть частный случай имплементации международно-правовой нормы в российскую правовую материю и представляет собой влияние глобализации на российскую правовую сферу.

Поскольку предпринятые и обсуждаемые изменения российского антикоррупционного уголовного законодательства в той или иной мере продиктованы феноменом глобализации, нелишне обратиться хотя бы к тем её сторонам, которые связаны с уголовным правом.

Исследуя феномен глобализации в интересующем нас контексте, Е.Н. Рахманова, в частности, заключает, что Россия – участник глобализационных процессов, которые самым существенным образом модифицируют ее внутреннее экономическое, политическое, социальное устройство. Причем содержание и направление этих изменений в России выдержано в общем русле тех трансформаций, которые происходят в странах, присоединившихся к глобализации. Важно подчеркнуть, что глобализация и сопровождающие ее последствия является процессом, причем процессом нелинейным и неоднозначным; в науке до сих пор нет четких представлений о его конечной цели³. Процессы глобализации, отмечает Е. Н. Рахманова, с неизбежностью сопровождаются универсализацией уголовного права, которая предполагает формирование единых для всех стран принципов уголовно-правовых запретов. Концептуальным, содержательным ядром универсализации уголовно-правовых систем национальных государств является международный стандарт прав человека. Однако, будучи объективным требованием времени, универсализация уголовного права не должна входить в противоречие с национальными интересами страны, которые предполагают сохранение за каждым государством его естественных возможностей включать в своё зако-

нодательство нормы, соответствующие возможностям его позитивных традиций, правовой культуры и адекватные объективным условиям его жизнедеятельности¹.

Выводы Е. Н. Рахмановой подтверждает анализ практики глобализационной экспансии в национальные системы права, предпринятый Э. Л. Сидоренко². В частности, констатирует исследователь, несмотря на общую политику криминализации коррупционных деяний, существующую в Европе практику трудно назвать единообразной. Например, Германия, устанавливая ответственность за предложение взятки, существенно сужает его содержание³.

Таким образом, глобализационные процессы, с одной стороны, возлагают на страны определённые обязательства, а с другой стороны, они не должны оказывать разрушающего действия на сложившиеся правовые институты. Не следует забывать, что влияние глобализации на правовую систему нередко болезненно воспринимается в разных странах в контексте её альтернативы – национального суверенитета.

Анализ мнений исследователей относительно конвенционных обязательств России в части реформирования антикоррупционного уголовного законодательства и удачности редакции ч.5 ст.291.1 УК РФ позволяют выделить различные позиции. Так, Э.Л. Сидоренко⁴ и А.В. Федоров⁵ убеждены в необходимости оперативного и полного исполнения конвенционных обязательств России, поддерживают предпринятые меры, оправдывают появление ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, равно как и отдельного состава посредничества во взяточничестве и обосновывают необходимость криминализации обещания и предложения взятки. В более поздних работах Э. Л. Сидоренко делит возникшие проблемы на стратегические и тактические и относит к последним сложности криминализации обещания и предложения взятки⁶.

Н.В. Бугаевская считает, что обещание или предложение посредничества во взяточничестве не может прижиться на российской почве и вряд ли в целом является удачной, так как буквальный перевод конвенционных норм расходится в некотором роде с основными постулатами доктрины российского уголовного права⁷. С Н.В. Бугаевской солидарны И.В. Пантюхина и С.Д. Бражник⁸, а также И. О. Ткачев¹. А. Магуза проблемы криминализации

¹ Рахманова Е. Н. Защита прав человека от преступности в условиях глобализации. Автореф. дис...д.ю.н. наук / Всероссийский научный исследовательский институт МВД РФ. СПб., 2010. С.19-21.

² Сидоренко Э. Л. Указ. соч.

³ Там же.

⁴ Сидоренко Э.Л. Указ. соч., а также: Сидоренко Э.Л., Катмамбетов М.И. Обещание и предложение взятки: международные стандарты и перспективы их реализации в УК РФ//Международное уголовное право и международная юстиция.2017.№3.С.22-26.

⁵ Федоров А. В. Антикоррупционная конвенция ОЭСР и совершенствование российского уголовного законодательства//Юридическая наука: история и современность. 2013.№ 10. С.163-184.

⁶ Сидоренко Э. Л. К вопросу о целесообразности криминализации и обещания предложения взятки//Общество и право.2017. № 1 (59). С.40-45.

⁷ Бугаевская Н.В. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве//Человек: преступление и наказание.2013. №2(81). С.41-43.

⁸ Пантюхина И.В.,Бражник С.Д. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве:

¹ Сидоренко Э.Л. Реформирование российского антикоррупционного законодательства: требование ОЭСР или правовая необходимость/ Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3 (36). С. 188-194.

² Там же.

³ Рахманова Е. Н. Цит соч. С.18.

обещания и предложения взятки рассматривает преимущественно в плоскости толкования и правоприменения². О.И. Семькина, считая исторически обусловленной криминализацию предложения и обещания взятки, предлагает три варианта (дословно – «модели») юридико-технической конструкции состава предложения и обещания взятки.

Несложно заметить, что семантический аспект обещания и предложения посредничества во взяточничестве, равно как обещания или предложения взятки, вкупе со сложившейся теорией и практикой понимания таких этапов (стадий) развития преступления как обнаружения умысла и приготовления к преступлению требует осторожного подхода к криминализации этих действий. Как нами уже указывалось выше, частными проблемами здесь являются основания ответственности, понимание момента окончания этих деяний, пределы наказуемости и др.

В условиях российской действительности ещё достаточно свежа практика оценки предложений совершения преступления как действий, не выходящих за пределы обнаружения умысла³. Поэтому в одночасье, под влиянием международных обязательств России по криминализации ряда коррупционных действий, отказавшись от фундаментальных положений уголовного права, в частности, учения о стадиях преступлений, а также игнорируя приемлемые формы глобализационных процессов, сложно ожидать «мягкое» закрепление жёстких требований международных конвенций.

Подводя итог попытке анализа некоторых аспектов криминализации коррупционных деяний, связанных с обещанием или предложением коррупционных действий, считаем уместным предложить следующие выводы.

1. Криминализация коррупционных деяний - обещание или предложение посредничества во взяточничестве, а равно обещание или предложение взятки обусловлена конвенционными обязательствами России.

2. Диспозиция состава преступления обещания или предложения посредничества во взяточничестве (ч.5 ст.291.1 УК РФ) обнаружила целый ряд конструктивных недостатков, которые привели к полярным мнениям в доктрине уголовного права и нестабильности правоприменительной практики.

3. В доктрине уголовного права назрела необходимость более детального исследования «границ» стадий совершения преступления, в особенности - «демаркационной линии» между обнаружением умысла и приготовлением, что, возможно, повлечёт пересмотр сложившихся представлений о тех же «границах» в правоприменительной практике.

вопросы теории и правоприменения // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. №1. С.8-13.

²Ткачев И.О. Ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 1 (27). С.58-62.

⁴Магуза А. Особенности криминализации и обещания предложения взятки в свете международных антикоррупционных обязательств // Уголовное право. 2013. № 5

⁵Семькина О.И. Указ. раб.

³Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 марта 2011 г. № 48-О10-170; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 июля 2004 г. № 05-004-102.

4. Особенности криминализации рассматриваемых коррупционных действий требуют необходимости комплексного учёта фундаментальных положений учения о стадиях преступления, глобализационных процессов, в которые вовлечена Россия, и традиционных требований юридической техники.

Список литературы

Бугаевская Н.В. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве // Человек: преступление и наказание. 2013. №2 (81). С.41-43.

Магуза А. Особенности криминализации и обещания предложения взятки в свете международных антикоррупционных обязательств // Уголовное право. 2013. №5.

Пантюхина И.В., Бражник С.Д. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: вопросы теории и правоприменения // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. №1. С.8-13.

Рахманова Е. Н. Государство и право в условиях глобализации // Современное государство: Политико-правовые и экономические исследования Сб. науч. тр. Сер. «Правоведение» Центр социал. науч.- информ. исслед.; Отв. ред. Е. В. Алферова. М., 2010. С. 14-36.

Рахманова Е. Н. Защита прав человека от преступности в условиях глобализации. Автореф. дис... д.ю.н. наук // Всероссийский научно-исследовательский институт МВД РФ. СПб., 2010.

Семькина О.И. Историческая обусловленность института предложения и обещания взятки // Журнал российского права. 2016. № 4. С.93-100.

Сидоренко Э.Л. Реформирование российского антикоррупционного законодательства: требование ОЭСР или правовая необходимость // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3 (36). С. 188-194.

Сидоренко Э. Л., Катмамбетов М.И. Обещание и предложение взятки: международные стандарты и перспективы их реализации в УК РФ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 3. С.22-26.

Сидоренко Э. Л. К вопросу о целесообразности криминализации и обещания предложения взятки // Общество и право. 2017. №1 (59). С.40-45.

Ткачев И. О. Ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 1 (27). С. 53-57. С.58-62.

Федоров А. В. Антикоррупционная конвенция ОЭСР и совершенствование российского уголовного законодательства // Юридическая наука: история и современность. 2013. №10. С.163-184.

Семенова В. В.

Назначение наказаний за склонение к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения

Encouraging Consumptions of Substances Posing a Threat to Public Health

Аннотация. Основным способом приобщения лиц к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения, является их склонение к этому. Именно оно является начальным звеном в преступной цепи незаконного оборота наркотиков.

Abstract. The main way of introducing people to the consumption of substances that pose a threat to public health is an encouragement to try them. That it is the initial link in the criminal chain of illicit drug trafficking.

Ключевые слова: склонение к потреблению, наркотики, назначение наказания.

Key words: encouraging consumption, drugs, sentencing

Потребление наркотиков способствует распространению ВИЧ-инфекции, при этом ежегодный прирост ВИЧ-инфицированных в России составил уже более 100 тыс. чел.¹. Поэтому группа преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 228¹, 230, 232, 234 и 234¹ УК РФ, характеризуется повышенной общественной опасностью, т. к. в данных преступлениях помимо основной цели, предусматривается дополнительная – склонение к потреблению.

За совершение преступлений, связанных со склонением к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения, предусматриваются различные виды наказаний от штрафа до пожизненного лишения свободы.

По изученным уголовным делам за 2013–2018 гг. судьями федеральных районных судов были применены различные виды наказаний и способы их отбывания (в %)²: лишение свободы – 55; условное лишение свободы – 36; лишение свободы и дополнительно штраф – 1,5; штраф – 7 и ограничение свободы – 0,5. По нашему мнению, процент назначения условного осуждения слишком велик, а применения наказания в виде штрафа – мал.

Так, по ч.ч. 1 ст.ст. 228¹, 234 и 234¹ УК РФ самый строгий вид наказания предусмотрен ст. 228¹ УК РФ (8 лет лишения свободы), а самое мягкое среди максимальных сроков наказаний ст. 234¹ УК РФ (ограничение свободы до 2 лет). Анализ уголовных дел, возбужденных по ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, показал, что к 12 % осужденных применено наказание в виде лишения свободы на срок от 4 до 5 лет и 88% назначено условно на срок от 4 до 5 лет. Основанием назначения условного осуждения послужило применение в отношении их положений статьи о назначении наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 62 УК РФ). Отметим, что в ст. 228¹ УК РФ такой вид наказания, как штраф, отсутствует. По нашему мнению, он является обязательным видом наказания, который должен устанавливаться за совершение преступлений, связанных с извлечением незаконной прибыли.

По ч. 2 ст. 228¹ УК РФ законодателем предусмотрен максимальный срок наказания в виде лишения свободы до двенадцати лет. За совершение преступлений, предусмотренных данной частью, в 74% случаев назначены наказания в виде лишения свободы от 1 до 4 лет и в 26% – от 5 до 6 лет.

Обратим внимание, что в перечне квалифицирующих признаков ч. 3 ст. 228¹ и ч.ч. 2 ст.ст. 234 и 234¹ УК РФ закреплён аналогичный признак – совершенные группой лиц по предварительному сговору, где максимальное наказание предусмотрено в ст. 228¹ УК РФ (15 лет лишения свободы), и в 7% случаях виновные за совершение преступления, предусмотренного ч. 3

ст. 228¹ УК РФ, осуждены к лишению свободы на срок от 4 до 5 лет, в 22% от 6 до 7 лет, а в 19% – от 8 до 9 лет. Минимальное наказание предусмотрено ст. 234 УК РФ (5 лет лишения свободы). Необходимо отметить, что по ч.ч. 1 ст.ст. 234 и 234¹ УК РФ законодатель считает незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта наиболее общественно опасным преступлением, однако по вторым частям данных статей мы видим, что большую опасность представляют деяния, закреплённые в ст. 234¹ УК РФ, что свидетельствует о нарушении дифференциации наказания. Так, С. Ф. Милоков и А. Д. Щербаков указали, что отсутствие в санкции ч. 1 ст. 234¹ УК РФ лишения свободы, не может надёжно препятствовать деятельности сбытчиков новых потенциально опасных психоактивных веществ¹. С чем нельзя не согласиться.

Отметим, что ч. 4 ст. 228¹ и ч. ч. 3 ст.ст. 234 и 234¹ УК РФ имеют общий квалифицирующий признак – совершенные организованной группой, а ст.ст. 228¹ и 234 УК РФ – совершенные в отношении средств и веществ в крупном размере. По ст. 228¹ УК РФ предусмотрен самый максимальный срок лишения свободы (20 лет лишения свободы), а по ст.ст. 234 и 234¹ УК РФ – лишение свободы до 8 лет. Данные преступления относятся к категории тяжких и особо тяжких, однако в 43% анализируемых уголовных делах, возбужденных по ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, вынесено наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 4 лет, 48% – от 5 до 7 лет и 9% – от 8 до 10 лет. За совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 234 УК РФ в 33% случаях назначены наказания в виде лишения свободы условно на срок от 1 до 2 лет, в 43% – от 3 до 4 лет и в 24% – штраф. Отметим, что при назначении наказания по ч. 3 ст. 234 УК РФ в виде штрафа и лишения свободы условно от 1 до 2 лет судом применялись положения ст. 62 УК РФ. В изученных 43% уголовных дел, возбужденных по ч. 3 ст. 234 УК РФ, по которым лицам было назначено условное осуждение от 3 до 4 лет не выявлено ни смягчающих, ни отягчающих обстоятельств.

По ч. 5 ст. 228¹ УК РФ предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы, но виновным в 83% случаях назначено наказание в виде лишения свободы на срок от 4 до 5 лет и в 17% – 16 лет лишения свободы со штрафом 150 тыс. руб.

Обратим внимание на то, что в 60 случаях, что составляет 34% от всех изученных уголовных дел, возбужденных по ч.ч. 2–5 ст. 228¹ УК РФ судьями на основании ст. 64 УК РФ (Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление) и ст. 66 УК РФ (Назначение наказания за неоконченное преступление) назначено наказание ниже низшего пре-

¹ Милоков С.Ф. Наркоагрессия против России: поиск асимметричных ответов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 1 (36). С. 38; Щербаков А.Д. Уголовная политика в области противодействия незаконному обороту наркотиков в Российской Федерации: проблемы и перспективы решения // Уголовная политика и правоприменительная практика/ Сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. СПб, Петрополис, 2015.

¹ Ежегодный прирост ВИЧ-инфицированных в России впервые превысил 100 000. // Режим доступа к изд: Иносми.ру. URL: <https://inosmi.ru/social/20171018/240553616.html>.

² Семенова В. В. Уголовная ответственность за склонение к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – СПб, 2019 – С. 30.

дела, предусмотренного санкцией уголовно-правовой нормы. При этом штраф за совершение указанных деяний назначался редко.

Так, в 67% анализируемых уголовных делах, возбужденных по ч. 1 ст. 230 УК РФ вынесено наказание в виде лишения свободы условно сроком на 3 года, в 16,3 % – 3 года реального лишения свободы и в 8,35% – 1 год лишения свободы условно и ограничение свободы на 2 года. Отметим, что при назначении двух последних видов и сроков наказаний судом применялись положения ст. 62 УК РФ, а при назначении реального лишения свободы, лицо было признано виновным в совершении преступлений по совокупности ст.230 и ч. 2 ст. 228¹ УК РФ.

По п. «в» ч. 2 ст. 230 УК РФ, в 76% случаях, судом применялись положения ст.ст. 62 и 64 УК РФ и виновным назначены наказания в виде лишения свободы на срок от 2 до 4 лет лишения свободы и только в 24% минимальный размер наказания, предусмотренный санкцией, также в уголовных делах, возбужденных по п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ, выявлено, что в 100% изученных случаев, при назначении наказания судом применялись положения ст.ст. 62 и 64 УК РФ и назначались наказания в виде 4 лет лишения свободы.

Исследуя уголовные дела, возбужденные по признакам преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ, отметим, что по ч. 1 в 19% случаях виновным назначено лишение свободы на срок от 1 до 2 лет и в 81% случаев они получили условное осуждение, в случаях назначения реального наказания лицу судом принимались во внимание обстоятельства, отягчающие наказание (ст. 63 УК РФ), например, такие, как «рецидив преступления», по ч. 2 во всех 100% изученных уголовных дел, виновные были приговорены к лишению свободы на срок 2 года условно.

Проанализировав приговоры уголовных дел, можно сделать вывод, что назначенные наказания за преступления, предусмотренные ст.ст. 228¹, 230, 232 и 234 УК РФ, слишком мягкие несмотря на то, что санкции статей позволяют судьям выносить более строгие наказания. Назначение лишения свободы условно, по нашему мнению, не являются соизмеримым со степенью причиненного вреда.

Также считаем, что количество вынесенных приговоров с назначением виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 228¹ и 234 УК РФ, наказаний в виде штрафа должно увеличиться в связи с тем, что лицо от совершения преступных действий получает доход.

На основании вышеизложенного, предлагаем в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.07.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»¹ расширить пункт 35 об-

¹ Постановление Пленума Верховного суда от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. – № 137. – 2006.

стоятельствами, установление которых необходимо при решении вопроса о назначении наказания. Изложив его в следующей редакции: «... Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом устанавливать возможность назначения виновному дополнительного наказания в виде штрафа, если он предусмотрен санкцией соответствующей статьи УК РФ».

Список литературы

Милоков С.Ф. Наркоагрессия против России: поиск асимметричных ответов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 1 (36).

Щербаков А.Д. Уголовная политика в области противодействия незаконному обороту наркотиков в Российской Федерации: проблемы и перспективы решения // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. СПб, Петрополис. – 2015. С. 406-413

Семенова В. В. Уголовная ответственность за склонение к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – СПб, 2019

Шкеле М.В.

Уголовная политика и толкование уголовного закона

Criminal Law Policy and Interpretation of the Law

Аннотация. Уголовно-правовая политика традиционно считается прерогативой законодателя. Полагаем, что круг субъектов уголовно-правовой политики шире. Кроме законодательной власти субъектами уголовной политики выступают Президент Российской Федерации, органы судебной и исполнительной власти, что находит свое отражение в формулировании стратегических задач, направлений противодействия преступности, в расстановке приоритетов, в направлении законодательных инициатив, в правоприменительной деятельности по привлечению к уголовной ответственности.

Abstract. Criminal law policy is traditionally viewed as a legislature's prerogative. But there are more subjects of this policy. Besides the legislature, the subjects of the criminal law policy are the President of the Russian Federation, judicial authorities and executive agencies. They largely influence the definition of the strategic tasks, counteractions to crime, legislative initiatives and criminal prosecution.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовно-правовая политика, борьба с преступностью, толкование закона, применение закона.

Key words: criminal policy, criminal law policy, war on crime, interpretation of the law, application of law

Вопросам понятия, содержания и направлений уголовной политики посвящено значительное количество научных исследований. Не остался в стороне от этой тематики и автор данной статьи¹. Однако следует отметить, что за последнее время значительно усилилась политическая составляющая общественной и государственной жизни в России. Так, например, в мае этого года был принят Федеральный закон «О внесении изменения в статью 27 Федерального закона «О статусе военнослужащих», направленный на уточнение

¹ См. Шкеле М.В. Уголовная политика и наука // Уголовная политика России в XX столетии: Сб. науч. статей / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Тюнина – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. С. 14 - 17; Шкеле М.В. Уголовная политика, законодательство и наука. // Научные воззрения профессоров Пионтковских (отца и сына) и современная уголовно-правовая политика /Под ред. профессоров Ф.Р. Сундунова и М.В. Талан. – М.: Статут, 2014. С. 68 – 72.

ответственности командиров в части, касающейся морально-политического и психологического состояния подчинённого личного состава¹.

Генератором политики, в том числе и уголовной, являются органы государственной власти. Даже если в более узком смысле рассматривать только уголовно-правовую политику, то и она формируется и реализуется органами государственной власти. Мы полагаем, что сводить уголовно-правовую политику только к деятельности законодателя, осуществляемой посредством криминализации и декриминализации деяний, пенализации и депенализации², не следует. Кроме законодательной власти субъектами уголовной политики выступают Президент Российской Федерации, органы судебной и исполнительной власти, что находит свое отражение в формулировании стратегических задач, направлений противодействия преступности, в расстановке приоритетов, в направлении законодательных инициатив, в правоприменительной деятельности по привлечению к уголовной ответственности.

Так, например, недавно был принят Федеральный закон от 17.06.2019 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»³, усиливающий уголовную ответственность за транспортные преступления⁴. Пояснительная записка к законопроекту начинается так: «Проект федерального закона направлен на реализацию Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в части совершенствования государственной политики в области безопасности дорожного движения. В пункте 8 данного нормативного правового акта определяется задача по снижению уровня смертности в результате дорожно-транспортных происшествий в 3,5 раза по сравнению с 2017 годом - до уровня, не превышающего 4 человек на 100 тысяч населения, а к 2030 году - к приблизительно нулевому уровню. Эту задачу в числе иных мер предлагается реализовать посредством ужесточения ответственности водителей за нарушение правил дорожного движения»⁵. То есть в основу обоснования законодательной инициативы, которая в крайне сжатые сроки (с 10 апреля по 17 июня 2019 года) была реализована, заложены задачи, обозначенные в указе Президента РФ.

Вопросы, связанные с уголовным правом, регулярно поднимаются и в

¹ Подписан закон, направленный на уточнение ответственности командиров в части, касающейся морально-политического и психологического состояния подчинённого личного состава - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60618> (дата обращения 25.06.2019).

² Крайнова Н. А. Цели и задачи уголовной политики в сфере предупреждения рецидивной преступности в Российской Федерации // Уголовное право: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Тюнина – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. - С. 129.

³ Официальный интернет-портал правовой информации. 17.06.2019 - URL: <http://www.pravo.gov.ru>, (дата обращения 25.06.2019).

⁴ Усиlena ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60774> (дата обращения 25.06.2019).

⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» - URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/685843-7> (дата обращения 25.06.2019).

посланиях Президента РФ Федеральному Собранию. 20 февраля текущего года в Послании В.В. Путин уделил внимание уголовной ответственности за экономические преступления: «Согласен с тем, что нужно внимательно посмотреть на критерии, по которым все сотрудники той или иной компании только по факту совместной работы могут попасть под такой квалифицирующий признак, как группа лиц по предварительному сговору. Это вообще ерунда какая-то, но такое бывает, к сожалению. И это влечёт за собой более строгую меру пресечения на этапе следствия и более тяжёлое наказание позднее»¹. Полагаем, что обозначена очень важная проблема недопустимости расширительного толкования группы лиц по предварительному сговору.

В качестве еще одного примера можно вспомнить получивший широкую известность случай с коровой, оснащенной GPS-трекером. Многолетний фермер из села Лопатки Лебяжьевского района Курганской области Евгений Васильев обвинялся по ст. 138¹ УК РФ. Этот случай благодаря журналисту И. Петренко получил огласку в декабре 2017 года в ходе пресс-конференции В. В. Путина.

В СМИ сообщают о такой реакции Президента РФ на данную историю: «...Я обязательно посмотрю в отношении и статьи в целом, и этих конкретных людей, о которых вы сказали. По поводу того, что нельзя прикрепить к корове. В первый раз слышу. К котам я знаю, даже привинчивают GPS и ГЛОНАСС, чтобы кот не потерялся. Я не понимаю, в чём проблема, связанная с коровой... Нужно как-то это отрегулировать, я постараюсь это сделать»².

Вполне можно предположить связь между решением по этому отдельному уголовному делу и принятием 25 декабря 2018 года Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)»³, в котором дается следующее разъяснение: «Не могут быть квалифицированы по статье 138¹ УК РФ также действия лица, которое приобрело предназначенное для негласного получения информации устройство с намерением использовать, например, в целях ... сохранности имущества или в целях слежения за животными и не предполагало применять его в качестве средства посягательства на конституционные права граждан»⁴.

Таким образом, уголовно-правовая политика реализуется не только в сфере законотворчества, но и в практике правоприменения. А практика применения уголовного закона тесно связана с его толкованием. В выше-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 20 февраля 2019 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения 25.06.2019).

² Презумпция невиновности. «Не понимаю, в чём проблема с коровой»: Путин пообещал разобраться в деле фермера, которого судят за GPS-трекер // Автономная некоммерческая организация «ТВ-Новости». 14 декабря 2017 - URL: <https://russian.rt.com/russia/article/460255-putin-fermer-gps-korova> (дата обращения 25.06.2019).

³ Российская газета, № 1, 09.01.2019.

⁴ Абз. 2 пункта 9 указанного постановления.

приведенном примере Верховным судом даны разъяснения, то есть как раз толкование, касающееся отсутствия состава преступления в поведении граждан, использующих технические устройства для слежения за своими животными. Поэтому и при отсутствии изменений в нормах уголовного закона можно наблюдать изменения в практике их применения, в том числе связанные с толкованием положений уголовного закона.

Уголовная право. Особенная часть

Борков В.Н.

Квалификация незаконного возбуждения уголовного дела (ч. 3 ст. 299 УК РФ)

Unlawful Initiating of a Criminal Case according to part 3 of art. 299 of the Criminal Code of the Russian Federation

Аннотация. Дополнение уголовного закона нормой, предусматривающей ответственность за незаконное возбуждение уголовного дела в связи с предпринимательской деятельностью (ч. 3 ст. 299 УК РФ), анонсировалось в качестве реакции государства на незаконное давление правоохранительных органов на бизнес. С момента внесения соответствующих изменений ч. 3 ст. 303 УК РФ ни разу не применялась, согласно информации, предоставляемой Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, никто за совершение предусмотренного ей преступления осужден не был. Даже при возможном выявлении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 303 УК РФ, несоответствие сформулированного запрета реальным угрозам для добросовестных предпринимателей не может не сказаться негативно на их квалификации.

Abstract. A new Criminal Code norm providing responsibility for unlawful initiation of criminal proceedings in connection with business activities (part 3 of art. 299 of the Criminal Code of the Russian Federation) was announced as a state reaction to the illegal practice of harassing business owners. According to information provided by the Supreme Court of the Russian Federation Judicial Department from the moment of creation it has never been used, no one was convicted according to that law. Even taking in mind possibly brilliant work of law enforcement, the discrepancy between the law and the real threats for bona fide entrepreneurs must lead to a negative impact on their protection..

Ключевые слова: злоупотребление полномочиями; возбуждение уголовного дела; воспрепятствование предпринимательской деятельности; корыстная или иная личная заинтересованность.

Key words: abuse of authority; criminal proceedings; obstruction of business activities; self-interest or other personal interest

В качестве объекта преступлений, предусмотренных ст. 299 УК РФ, выступают развивающиеся в сфере уголовного судопроизводства общественные отношения в части обеспечения защиты «личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» (п. 2 ч. 2 ст. 6 УПК РФ). Причем, если привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности ч. ч. 1 и 2 ст. 299 УК РФ фактически представляет собой незаконное обвинение лица в совершении преступления, то незаконное возбуждение уголовного дела (ч. 3 ст. 299 УК РФ) только создает

предпосылки для нарушения прав и свобод личности. Применительно к комментируемому преступлению честь и достоинство человека, его здоровье, право на свободное занятие предпринимательской деятельностью, как правило, называются дополнительными объектами. Полагаем, дробить основной консолидированный объект не нужно. В случае привлечения невиновного к уголовной ответственности посягательство на правосудие как раз и выражается в необоснованном умалении чести и достоинства потерпевшего, угрозе его неприкосновенности, ограничении свободы предпринимательства, дискредитации правоохранительных органов. Правосудие в данном случае выступает в качестве сложного составного объекта. Подобно, например, общественной безопасности, которая включает в себя физическую защищенность граждан и каждой конкретной личности, а также собственности. Кроме того, общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 299 УК РФ, выражается в том, что привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного и незаконное возбуждение уголовного дела направляют расследование по ложному пути, а лицо, действительно совершившее преступление, избегает наказания.

Ч. 3 ст. 299 УК РФ, представляет собой специальную норму по отношению к злоупотреблению должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Виновный вопреки интересам службы злонамеренно, т.е. из корыстной или иной личной заинтересованности использует предоставленные ему процессуальные полномочия, что выражается в незаконном возбуждении уголовного дела. Возбуждение уголовного дела будет незаконным, если отсутствуют соответствующие основания достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Причем, требуемый в соответствии с ч. 1 ст. 146 УК РФ повод является вторичным условием для возбуждения уголовного в сравнении с основанием. Заявление или иное сообщение о преступлении, сделанные лицом, осознающим отсутствие признаков преступления, являются ничтожными. В свою очередь совершенное преступление является основанием для возбуждения уголовного дела независимо от того заявил кто-либо о нем, или нет.

«Факт возбуждения уголовного дела, – как отмечается в одном из постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, – сам по себе отнюдь не является пустой формальностью, якобы не затрагивающей чьи-либо основные права и свободы. В соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства постановление о возбуждении уголовного дела является первичным основанием для всех последующих процессуальных решений и следственных действий. Без этого акта невозможно проведение допросов, обысков, назначение экспертиз, применение любых мер процессуального принуждения, сбор доказательств по делу»¹. «В настоящий

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырцекого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «МОКом» // Соб-

момент общепризнанно и нормативно закреплено, – пишет В.В. Кальницкий, – что обвинительная деятельность начинается задолго до предъявления обвинения»¹.

В ч. 3 ст. 299 УК РФ отсутствует указание на то, что следователь или дознаватель, возбуждая уголовное дело, действуют заведомо незаконно. Нужно учитывать, что любое процессуально решение является относительно определенным (дискреционным), т.е. предоставляющим «...субъекту возможность относительного выбора поведения в зависимости от конкретных обстоятельств юридического дела и в пределах, очерченных законодателем»². Уголовно-правовая охрана интересов личности общества и государства, в том числе и общественных отношений, развивающихся в сфере уголовного судопроизводства, предполагает установление ответственности только за виновное причинение вреда. О наличии у субъекта преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 299 УК РФ, прямого умысла, осознании им незаконности принимаемого процессуального решения свидетельствуют предусмотренные в законе цели посягательства – воспрепятствование предпринимательской деятельности либо корыстная или иная личная заинтересованность. Установление указанных целей, которые могли быть реализованы только путем незаконного возбуждения уголовного дела будет свидетельствовать о прямом умысле виновного.

Если в силу «благоприятно» складывающихся для следователя реальных обстоятельств извлечению им незаконной материальной и иной выгоды способствовало обоснованное возбуждение уголовного дела в отношении предпринимателя, исследуемая норма применяться не должна. Сотрудника правоохранительных органов следует проверять на предмет совершения других должностных преступлений: получения взятки (ст. 290 УК РФ), незаконного участия в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ) или незаконного ей воспрепятствования (ст. 169 УК РФ). Актуальнейшим направлением правоохранительной деятельности является декриминализация российской экономики, пресечение объединения должностных лиц и бизнесменов в целях совершения коррупционных преступлений, бескомпромиссная борьба с выгодоприобретателями от коррупции. Без эффективного противодействия коррупционной и экономической преступности невозможно создание конкурентной и благоприятной среды для добросовестных предпринимателей. Они больше обычных, не принимающих активного участия в рыночных отношениях, граждан заинтересованы в изобличении и наказании мошенников, лжепредпринимателей и дельцов, использующих незаконные методы для того, чтобы «присосаться» к государственному бюджету, участвовать в его разворовывании. Изложенные обстоятельства, а

также анализ содержания ч. 3 ст. 299 УК РФ, позволяют предположить, что ее направленность на «создание благоприятного делового климата в стране» не очевидна. «Доктринальная оценка новой уголовно-правовой нормы, регламентированной в ч. 3 ст. 299 УК РФ, – пишет А. А. Симоненко, – позволяет с высокой вероятностью утверждать, что эта новелла применяться на практике не будет. Законодательные просчеты, допущенные при конструировании ч. 3 ст. 299 УК РФ (пробельность, неопределенность некоторых признаков состава, их заведомая недоказуемость), сделали эту норму «мертво-рожденной»¹.

Состав преступления, описанный в ч. 3 ст. 299 УК РФ, сконструирован как материальный. Последствиями незаконного возбуждения уголовного дела определены прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба. Сложно представить ситуацию, когда бы существовала непосредственная связь между возбуждением уголовного дела и указанными в ч. 3 ст. 299 УК РФ организационными и материальными последствиями, когда бы возбуждение уголовного дела являлось главной причиной и с неизбежностью вызывало прекращение предпринимательской деятельности или причинение крупного ущерба. Возможно возбуждение уголовного дела, а точнее последующее его расследование действительно дают право следователю, для обеспечения установленного порядка судопроизводства и исполнения приговора, применить отдельные меры процессуального принуждения. Следователь может наложить арест на ценные бумаги, имущество организации или ограничения, связанные с его использованием, избрать обвиняемому пресечения, использовать другие процессуальные возможности, но подобная деятельность является уголовным преследованием (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Этот термин и следовало бы использовать в новой норме. В соответствии с УПК РФ уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Соответственно, заведомо незаконное уголовное преследование – это процессуальная деятельность, также осуществляемая стороной обвинения, но осуществляемая заведомо необоснованно и из корыстной или иной личной заинтересованности.

Дополняя закон ч. 3 ст. 299 УК РФ законодатель не учитывал, что в разрушении успешных компаний и лишении добропорядочных предпринимателей бизнеса не последнюю роль играют другие как плохие, так и хорошие предприниматели. «Нередко они [представители бизнеса] сами настаивают на производстве судебных экспертиз, анализе многочисленных финансовых операций и бухгалтерских документов. Сделать это закон позволяет исключительно в рамках уголовного дела», – заявил Министр внутренних дел В. А. Колокольцев на расширенном заседании коллегии ведомства.

¹ Симоненко А. А. Уголовно-правовая норма об ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела (ч. 3 ст. 299 УК РФ) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4. С. 30.

рание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1749.

¹ Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: современная характеристика и предпосылки реформирования // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3. С. 24.

² Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: автореф. дисс... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 12.

«При этом, когда правоохранители предлагают заявителям идти в суд, чтобы восстановить нарушенные их партнерами по бизнесу права, они категорически отказываются и требуют возбуждать уголовные дела, подчеркнул глава МВД. Часть прекращенных впоследствии дел данной категории граждане воспринимают как давление на бизнес»¹, отметил В. А. Колокольцев. Изложенное убедительно свидетельствует о том, что и сами предприниматели наиболее эффективным средством защиты своей свободы признают механизмы уголовной ответственности.

За время прошедшее с момента дополнения уголовного закона ч. 3 ст. 299 УК РФ данная норма ни разу не применялась, согласно информации, предоставляемой Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, никто за совершение предусмотренного ей преступления осужден не был. Данное обстоятельство подтверждает отсутствие социальной и криминологической обусловленности нормы, несоответствие сформулированного запрета реальным угрозам для добросовестных предпринимателей.

Список литературы

Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: автореф. дисс... д-ра юрид. наук. М., 2011.

Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: современная характеристика и предпосылки реформирования // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3.

Симоненко А. А. Уголовно-правовая норма об ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела (ч. 3 ст. 299 УК РФ) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4.

Бычков С.Н.

Дискуссионные вопросы квалификации разбоя, совершенного группой лиц по предварительному сговору

Robbery Committed by a Group of Persons upon a Preliminary Collusion Raises Legal Challenges

Аннотация. Наиболее опасной формой хищения чужого имущества является разбой. Одним из квалифицирующих признаков разбоя выступает совершение его группой лиц по предварительному сговору. В статье раскрываются проблемы, возникающие при квалификации разбойного нападения, совершенного группой по предварительному сговору.

Abstract. The most dangerous form of theft of another's property is robbery. One of the qualifying signs of robbery is the commission of a group of persons in a preliminary conspiracy. The article reveals the problems arising from the qualification of a robbery attack committed by a group of persons upon a preliminary collusion.

Ключевые слова: разбой, квалификация разбоя, группа лиц по предварительному сговору.

Key words: robbery, robbery qualification, a group of persons upon a preliminary collusion

¹ Колокольцев В. А.: бизнесмены сами часто просят возбуждать уголовные дела ради экспертиз // Аргументы и факты. 2019. 28 февр. URL: http://www.aif.ru/society/law/kolokolcev_biznesmeny_chasto_sami_prosyat_vozbuzhdad_dela_radi_ekspertiz (дата обращения: 28.05.2019).

Уголовная ответственность за разбой, т.е. за нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, предусмотрена ст. 162 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Совершение разбоя группой лиц по предварительному сговору является квалифицирующим признаком данного состава преступления (ч. 2 ст. 162 УК РФ). Вопрос квалификации такого разбоя является одним из самых проблемных в уголовном праве.

Совершение любого преступления, в том числе и хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору является одной из форм соучастия в преступлении. Как установлено в ч. 2 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору в том случае, если в нем участвовали лица, которые заранее договорились о совместном совершении преступления. При этом понятие «совместности» преступной деятельности можно определить следующим образом: каждый из соучастников вносит свой вклад в совершение преступления.

Для квалификации разбоя в качестве совершенного группой лиц по предварительному сговору, требуется установить, что такой разбой совершен двумя либо более исполнителями (соисполнителями), а также то, что между указанными лицами состоялся предварительный сговор о совместном совершении хищения имущества именно путем разбойного нападения.

Следует сказать, что Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»¹ (далее – Постановление Пленума) указал следующее: «При квалификации действий виновных как совершения хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору следует выяснять, имел ли место такой сговор соучастников до начала действий, непосредственно направленных на хищение чужого имущества, а также состоялась ли договоренность о распределении ролей в целях осуществления преступного умысла, и какие конкретно действия совершены каждым исполнителем и другими соучастниками преступления».

Верховный суд РФ пресекает всяческие попытки вменить признак совершения преступления группой лиц по предварительному сговору одному исполнителю и непосредственно не участвовавшему совместно с ним в совершении преступления организатору, подстрекателю либо пособнику. В связи с чем в Постановлении Пленума указывает, что, если организатор (подстрекатель, пособник) непосредственно не участвовал в совершении хищения, содеянное исполнителем не может квалифицироваться по признаку «группой лиц по предварительному сговору». При этом согласно ч. 3 ст.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29 (с изм. и доп.)

34 УК РФ действия организатора (подстрекателя, пособника) следует квалифицировать со ссылкой на ст. 33 УК РФ¹.

Пленум Верховного суда РФ предписывает считать соисполнителями разбоя, совершенного группой лиц по предварительному сговору, не только лиц, которые согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственно изымали имущество, но и других лиц, которые в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, которые были направлены на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении разбоя². Если же лицо непосредственно не участвовало в разбое, но содействовало его совершению советами, указаниями либо заранее обещало скрыть следы преступления, сбить похищенное, то его действия не могут быть признаны соисполнительством в составе группы лиц по предварительному сговору, их надлежит квалифицировать как соучастие в форме пособничества со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Наибольшие сложности возникают при оценке таких деяний, когда один из соучастников совершает действия, которые не охватывается умыслом других соучастников.

По смыслу уголовного закона, если применение оружия (предметов, используемых в качестве оружия) охватывалось умыслом виновных, совершивших разбой группой лиц по предварительному сговору, то все участники разбоя несут ответственность по ч. 2 ст. 162 УК РФ как соисполнители и в том случае, когда оружие (предметы, используемые в качестве оружия) было применено одним из них. Следовательно, для вменения этого квалифицирующего признака, должно быть установлено, что соучастники, которые непосредственно не применяли оружие при разбое, должны не только осознавать общественную опасность его применения соучастниками, совершающим соответствующие действия, но и желать совершения этих действий. В противном случае, исходя из недопустимости объективного вменения, действия соучастников, непосредственно не применявших оружие, подлежат уголовно-правовой оценке по правилам ст. 36 УК РФ об эксцессе исполнителя³.

В том случае, когда имела место, предварительная договоренность о совершении кражи, но кто-либо из соисполнителей совершает грабеж или разбой. Пленум Верховного Суда, на этот счет дает следующую рекомендацию: «В тех случаях, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие право-

вой оценке как грабеж или разбой, содеянное им следует квалифицировать по соответствующим пунктам и частям ст. 161, 162 УК РФ. Если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насилием либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками»¹.

С одной стороны, нужно согласиться, что участники кражи, использовавшие для хищения примененное одним из них насилие, становятся соучастниками более опасного преступления (грабежа или разбоя). Но с другой стороны, можно ли в рассматриваемой ситуации считать разбой совершенным группой лиц по предварительному сговору? Думается, что вменение здесь квалифицирующего признака «группой лиц по предварительному сговору» является необоснованным. Сговор считается предварительным только, если он состоялся до выполнения объективной стороны преступления. Преступление-эксцесс совершается лицом инициативно, без предварительного сговора с другими соисполнителями, они присоединяются к нему в процессе его совершения с внезапно возникшим у них умыслом². То есть действия соисполнителей нужно оценивать как разбой, совершенный группой лиц без предварительного сговора.

Стоит отметить, что и Верховный Суд РФ в апелляционном определении, воспроизведя упомянутые разъяснения Пленума, отметил: «Ж. хотя сам и не применял насилие к потерпевшему, однако продолжил свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным М1. насилием, опасным для жизни и здоровья М2., желая завладеть имуществом потерпевшего, собирал в доме последнего ценные вещи». Однако также Верховный Суд РФ указал: «Поскольку согласно положениям ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совершении преступления, а материалами дела данное обстоятельство подтверждено не было, указание о квалификации действий осужденных в части разбойного нападения на потерпевшего М2., как совершенных по предварительному сговору группой лиц, следует из приговора исключить, а наказание, назначенное осужденным: М1. по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ и Ж. по ч. 3 ст. 162 УК РФ, смягчить соответственно уменьшению объема обвинения, признанного доказанным»³.

¹ Капинус О.С., Ображиев К.В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. 2018. N 2. С. 42 - 51.

² Постановление Президиума Московского городского суда от 20.09.2013 по делу N 44у-261/13 [Электронный ресурс] - Доступ из справ.-правовой системы «ГарантХоум». — Режим доступа: <http://home.garant.ru> (дата обращения 20.05.2019)

³ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 07.07.2017 по делу N 10-3101/2017 [Электронный ресурс] - Доступ из справ.-правовой системы «ГарантХоум». — Режим доступа: <http://home.garant.ru> (дата обращения 20.05.2019)

¹ Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 22.01.2018 N 44у-2/2018 [Электронный ресурс] - Доступ из справ.-правовой системы «ГарантХоум». — Режим доступа: <http://home.garant.ru> (20.05.2019)

² Капинус О.С., Ображиев К.В. Там же. С. 42 - 51.

³ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11.01.2017 N 48-АПУ16-47 [Электронный ресурс] - Доступ из справ.-правовой системы «ГарантХоум». — Режим доступа: <http://home.garant.ru> (дата обращения 20.05.2019)

Таким образом, полагаем, целесообразным внести изменение в абз. 2 пункта 14.1 Постановления Пленума указанием на то, что другие члены преступной группы, продолжившие участие в преступлении, «несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц без предварительного сговора». А потому как в составе разбоя такой квалифицирующий признак не указан, действия соисполнителей, при отсутствии других отягчающих признаков, нужно квалифицировать по ч. 1 ст. 162 УК РФ. Совершение хищения путем разбоя в составе группы лиц без предварительного сговора в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ может быть признано судом обстоятельством, отягчающим наказание. Аналогичной позиции придерживаются, например, Ю.А. Клименко¹, Н.Н. Рогова².

Если умыслом виновных, совершивших разбой группой лиц по предварительному сговору, охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или лишение его жизни, но только один из них сделал это, действия всех участников следует квалифицировать по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ как соисполнительство в разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. При этом действия лица, причинившего тяжкий вред здоровью потерпевшего, повлекший по неосторожности его смерть, или совершившего убийство потерпевшего, квалифицируются также соответственно по ч. 4 ст. 111 или п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Таким образом, квалификация разбойного нападения, совершенного группой лиц по предварительному сговору, предполагает установление в совокупности всех объективных и субъективных признаков как разбоя, так и признаков группы лиц по предварительному сговору как формы соучастия.

Список литературы

1. Капинус О.С., Ображиев К.В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. 2018. N 2. С. 42 - 51.
2. Клименко Ю.А. Эксцесс соучастника преступления // Судья. 2016. N 4. С. 22 - 24.
3. Рогова Н.Н. Некоторые вопросы квалификации групповых хищений // Уголовное право. 2017. N 3. С. 63 - 67.

¹ Клименко Ю.А. Эксцесс соучастника преступления // Судья. 2016. N 4. С. 22 - 24.

² Рогова Н.Н. Некоторые вопросы квалификации групповых хищений // Уголовное право. 2017. N 3. С. 63 - 67.

Оставление в опасности в части соответствия тенденциям современной уголовной политики

The Penalty for Leaving in Danger and Its Compliance with the Trends of Modern Criminal Policy

Аннотация: Данная статья раскрывает особенности применения ст. 125 УК РФ за оставление в опасности. Ее специфика заключается в том, что она предусматривает множество разных возможностей, особенно, если в это время здоровью какого-либо человека грозит опасность. Кроме того, эта статья рассматривает оставление без какой-либо помощи человека, которому тем временем необходима была помощь. Учитывая важность уголовно-правового объекта охраняемых отношений, автор предлагает усилить наказание за данное преступление.

Abstract: This article reveals the peculiar aspects of application the Art. 125 of the Criminal Code (Leaving in Danger). That norm includes many different possibilities, especially emphasizing the possibility of victim's bad health. Criminal norms also distinguish the situation where the person left without help objectively needed that help. Given the importance of the social norms protected by Criminal Code in that way, the author proposes to strengthen the penalty for this crime.

Ключевые слова: оставление в опасности, наказание, здоровье, уголовный закон

Key words: leaving in danger, punishment, health, criminal law

Уголовно-правовая политика Российской Федерации выступает одним из направлений реализации государственной стратегии обеспечения криминологической безопасности и базируется на признании фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости ее основных положений с социальной политикой государства, а также политикой в области профилактики преступности, защиты и поддержки потерпевших от преступлений, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, социальной реабилитации и надзора за лицами, отбывшими уголовное наказание¹. В связи с этим, любое посягательство на права человека и гражданина должно сурово наказываться.

Оставление без особой помощи гражданина, который тем временем находился в сугубо опасном состоянии, где его жизни или здоровью грозит большая опасность, тем более если это немощный, ребенок требует особый подход к назначению наказания. Вероятно, в этом состоянии он был полностью лишен единственной возможности принимать основные меры на самосохранение при старости, в малолетнем возрасте, при проявлении заболевания, а также вследствие беспомощного состояния, если во всех этих ситуациях виновник имел непосредственную возможность для того чтобы оказать неотложную помощь данному гражданину. В результате должен был оказать помощь больному, но забыв обо всех обязанностях, которые обязует

¹ Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. URL: <https://www.oprf.ru/ru/discussions/1389/newsitem/17889?PHPSESSID=atq9p55uupsd3uq6egn6e4145> (дата обращения 12 марта 2019 год)

брать на себя, и вместо этого он ставит его в самую опасную ситуацию, где влечет риск для здоровья жизни гражданину, а также могли бы возникнуть ситуации, которые привели бы к летальному исходу.

Здоровью или жизни пострадавшей стороны могут угрожать: критические состояния болезни; вялотекущие заболевания, требующие постоянной терапии, заботы; малолетство – до 12-14 лет; несовершеннолетие – от 14 до 18-20 лет; слабость и беспомощность человека в старости; алкогольное, наркотическое, медикаментозное, иное опьянение, либо зависимость; тяжелая ситуация из-за природных катаклизмов, стихийных бедствий; несчастные случаи; нападение иных лиц; создание условий виновником для появления угрозы жизни, здоровью жертвы. При этом виновник имел все возможности облегчить состояние жертвы, либо положительно повлиять на сложности, чтобы снизить их влияние.

Результаты анализа следственной практики указывают на то, что чаще всего в такой ситуации оказываются дети, более того, одновременно помимо оставления в опасности в отношении них совершаются еще и другие преступления. Так, следствием перед судом в отношении обвиняемой по уголовному делу приемной матери гр-ки Б. возбуждено ходатайство об изменении ранее избранной меры пресечения на заключение под стражу. Первоначально в удовлетворении ходатайства было отказано, однако после отмены данного решения вышестоящим судом при повторном рассмотрении ходатайства следствия судом принято решение об аресте гр-ки Б. Причиной изменения меры пресечения явилось предъявление женщине обвинения по более тяжкой статье Уголовного кодекса Российской Федерации – «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего» (ч. 4 ст. 111). Ей также инкриминируются преступления, предусмотренные ст. 117 УК РФ (истязание), ст. 125 УК РФ (оставление ребенка в опасности) и ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего). Кроме того, фигурантами уголовного дела остаются супруг гр-н Б., которому предъявлено обвинение по ст. 117 УК РФ, и два представителя органов опеки и попечительства. На основании имеющихся у следствия доказательств теперь уже бывшему начальнику управления социальной защиты, опеки и попечительства администрации предъявлено обвинение в халатности, повлекшей по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью ребенка, существенное нарушение прав и законных интересов граждан (ч. 2 ст. 293 УК РФ). Специалисту отдела инкриминируется совершение двух фактов должностного подлога (ч. 2 ст. 292 УК РФ)¹.

Следственными органами Следственного комитета РФ по Московской области возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ст. 125 УК РФ (оставление в опасности) и ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка).

По предварительным данным следствия, 28 мая 2019 года неизвестная женщина с двумя годовалыми детьми, мальчиком и девочкой, обратилась в один из хостелов, расположенный в г. Котельники, для предоставления им спального места. После этого, под предлогом забрать паспорт из машины, вышла из здания и не вернулась. Сотрудники хостела обратились с сообщением в правоохранительные органы. Дети направлены в медицинское учреждение до выяснения всех обстоятельств. В настоящее время проводится комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленный на установление местонахождения женщины, оставившей ребенка, и её возможных родственников¹.

Преступлением по данной уголовной статье будет считаться: оставление беспомощного человека в опасности; отказ устранять угрозу для жизни, здоровья потерпевшего; бездействие в отношении спасения или оказания помощи малолетнему лицу (не старше 14 лет) или несовершеннолетнему лицу (не старше 18 лет); покидание пожилого человека в момент существующей угрозы для его жизни, здоровья; оставление больного беспомощного человека в опасности. При этом покинувшее место лицо должно: иметь все возможности и средства к оказанию помощи, спасению пострадавшей стороны; либо – на законных основаниях быть ответственным за его жизнь, здоровье, содержание, уход; создать сам опасные для здоровья, жизни потерпевшего условия, ситуации. Только при наличии вышеописанных оснований, лицо может быть привлечено по ст. 125 УК РФ.

Состав преступления будет отсутствовать: искреннее убеждение об отсутствии опасности для потерпевшей стороны; устранение более серьезных угроз (напр., пришлось отойти от пострадавшего, чтобы исключить нападение на него); незнание о наличии угроз; ответственное лицо само попало в стесненные обстоятельства, подверглось агрессии со стороны нападающего, либо пострадало от стихии, несчастного случая; наличие цели облегчить состояние больного, но для этого пришлось его покинуть (напр. чтобы вызвать скорую помощь); отсутствие объективных возможностей помочь.

Пострадавшей стороной считается гражданин, который все это время находится в рисковом для жизни, а также здоровья положении возможность принимать различные меры для самосохранения при не достижении совершеннолетия, при оказании в пожилом возрасте, в результате заболевания или же беспомощном положении самого врача, например, опьянение или же сонное состояние. Под самым опасным для жизнедеятельности или же здоровья положением необходимо будет понимать, присутствие реально-рисковой угрозы для жизни больных или же возможному причинению особо тяжкого урона здоровью (также следует рассматривать среднюю тяжесть вреда). Рисковое и вполне опасное для здоровья положение может создать

¹В рамках расследования уголовного дела об оставлении двух малолетних детей в хостеле в Московской области следователи разыскивают их родственников URL: [https://sledcom.ru/news/item/1360838/?to=&from=&type=&dates=\(дата обращения 12 июня 2019\)](https://sledcom.ru/news/item/1360838/?to=&from=&type=&dates=(дата обращения 12 июня 2019))

¹В рамках расследования уголовного дела об оставлении двух малолетних детей в хостеле в Московской области следователи разыскивают их родственников URL: [https://sledcom.ru/news/item/1359712/?to=&from=&type=&dates=\(дата обращения 10 июня 2019\)](https://sledcom.ru/news/item/1359712/?to=&from=&type=&dates=(дата обращения 10 июня 2019))

множество разных проблемных ситуаций, к примеру, если больной оказался в обморочном состоянии.

Таким образом, в результате основных предшествующих событий виновника, который поставил пострадавшую сторону в рисковое состояние, которое очень опасно для жизни, а также здоровья. Объективная сторона преступного деяния зачастую может быть охарактеризована любым бездействием, в результате которого некоторые граждане оказались без какой-либо помощи. Преступное деяние будет считаться законченным, если в момент того, когда пострадавшая сторона оказалась в опасной ситуации, которая способна привести большой урон жизни, а также здоровья больного. Здесь нужно обратить внимание на разные моменты, так как данная статья распространяет возможность в защите любого лица, который нуждается в реальной помощи, а из-за полного равнодушия люди оказались беззащитными и попали в рисковую ситуацию.

Субъективная сторона преступного деяния зачастую может быть охарактеризован обычным умышленным деянием. Возможно, деяние при этом было спланированным, то здесь также можно будет рассматривать в качестве в нескольких вариантов. Виновным в преступном деянии оказывается специальное лицо, которое еще не достигло определенного возраста, то есть шестнадцати лет. Именно в этом возрасте все граждане до 16 лет считаются беспомощными гражданами, которые нуждаются в соответствующей помощи. Следует особо заметить то, что обязанный заботиться человек, не должен оставлять своего подопечного в опасной ситуации полном рискованных ситуаций. Согласно с законодательством или же деятельностью, связанной с данной работой, а также профессии, обязывающие сохранять жизнь малолетнему или другим беззащитным гражданам, должны будут обеспечить защиту жизнедеятельности гражданина. При неоказании соответствующей защиты, гражданин РФ понесет наказание согласно ст. 125 УК РФ, в частности, лицо наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года.

Учитывая увеличение числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 125 УК РФ, целесообразно усилить наказание, включив в санкцию дополнительные наказания. Данное положение будет в свете действующей Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации.

К вопросу об изменении статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации

On the issue of changing article 264 of the Criminal code of the Russian Federation

Аннотация. Статья посвящена проблемам уголовной политики и уголовному законодательству, устанавливающему ответственность за совершение дорожно-транспортных преступлений. Анализируются последние изменения ст. 264 УК РФ, а также возникающие в связи с ними проблемы применения.

Abstract. The article is dedicated to the problems of criminal policy and criminal law establishing liability for road traffic offenses. Author has analyzed the latest changes to Art. 264 of the Criminal Code, as well as the problems of its practical use.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, уголовная ответственность, состояние опьянения, оставление места дорожно-транспортного происшествия, сопряженность.

Key words: traffic accident, criminal responsibility, intoxication, leaving the scene of a traffic accident, a contingency

Статистика автотранспортных преступлений на протяжении десятилетней периодически порождает активность отечественного законодателя, стремящегося уголовно-правовыми средствами решить проблему безопасности дорожного движения. Анализ истории вопроса показывает, что на этом пути были попытки как либерализации уголовного законодательства в части ответственности за совершение дорожно-транспортных преступлений (далее – ДТП) в Уголовном кодексе России, так и усиление таковой. В настоящее время реализовалась тенденция по дальнейшему ужесточению уголовного законодательства за нарушения в сфере безопасности дорожного движения. Следует отметить, что действующая редакция ст. 264 УК РФ по строгости наказаний мало чем стала отличаться от ранее критикуемой ст. 211 УК РСФСР, санкции которой были жестче, чем за умышленные преступления против личности. Последнее изменение ст. 264 УК РФ в связи с внесением 10 апреля 2019 года четырьмя фракциями ГД и членами Совета Федерации законопроекта № 685843-7 об ужесточении уголовной ответственности за совершение ДТП в состоянии опьянения, если оно повлекло за собой тяжкий вред здоровью или гибель людей, показывает, что санкции ст. 264 УК РФ перекрыли санкции ст. 211 УК РСФСР. Кроме того, теперь и неосторожные преступления, к каковым относится и ст. 264 УК РФ, могут быть тяжкими.¹ Однако уместно напомнить, что жестокость наказаний за совершение ДТП проблему безопасности дорожного движения в бывшем СССР не решила.

Очередной этап усиления ответственности за совершение ДТП зако-

¹ Федеральный закон от 30.05.2019 № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»//Официальный интернет-портал правовой информации Государственная система правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/president/> (дата обращения 18.06.2019).

номерно можно связать с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2018 г. № 17-П, которым признан не соответствующим Конституции Российской Федерации пункт 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации¹.

Не вдаваясь в подробности, можно констатировать, что Конституционный Суд поставил задачу приравнять ответственность лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения и совершивших ДТП, и лиц, оставивших место совершения ДТП, фактически презумируя, что такие также могли находиться в состоянии опьянения. Вряд ли следует доказывать, что пьяный водитель опасен и должен нести соответствующую ответственность. В связи с этим Правительство Российской Федерации 29 октября 2018 года за № 8755п-П4 в Государственную Думу внесло проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 264 и 264-1 Уголовного кодекса Российской Федерации», а с 23 апреля с.г. вступил в силу Федеральный закон от 23.04.2019 № 65-ФЗ «О внесении изменений в статьи 264 и 264-1 Уголовного кодекса Российской Федерации»².

Представляется, что внесенные именно данным законом изменения не бесспорны и вот почему.

Как известно, изначально УК РФ устанавливал уголовную ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия (ст. 265 УК РФ). Практика применения ст. 265 УК РФ в свое время создала немало сложностей, вызванных законодательной неопределенностью ее положений. Состав этого преступления был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова³. И, несмотря на то что Конституционный суд Российской Федерации признал положения ст. 265 УК РФ, не противоречащими Конституции РФ федеральным законом от 8.12.2003 года № 162-ФЗ она была исключена из УК РФ.

Для уяснения сути изменений ст. 264 УК РФ уместно обратиться к анализу ранее действовавшей ст. 265 УК РФ. Объективную сторону данного преступления составляло «оставление места дорожно-транспортного происшествия лицом, управляющим транспортным средством и нарушившим правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, в случае наступления последствий, предусмотренных статьей 264 настоящего Кодекса». Действующая редакция ст. 264 УК РФ в частях второй, четвертой и шестой теперь содержит квалифицирующее обстоятельство – нарушение

правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, сопряженное с оставлением места ДТП. Таким образом, это мало чем отличается от содержания прежней ст. 265 УК РФ. Указанное квалифицирующее обстоятельство сформулировано в ст. 264 УК РФ в полном соответствии с замечанием Верховного Суда РФ на внесенный Правительством РФ проект.

В связи с этим обращает на себя внимание некая нелогичность законодательной формулировки в части понимания сопряженности оставления места происшествия с нарушением правил безопасности движения, что само по себе уже затрудняет применение данной статьи, поскольку нарушение уже состоялось, последствия наступили, а оставление места ДТП есть пост криминальное поведение. В русском языке термин сопряженный – это всегда «взаимно связанный, непременно сопутствующий чему-либо»¹. Каким же образом поведение виновного после ДТП связано с уже наступившими последствиями? А если виновный оставил место ДТП, а затем вернулся – будет ли это сопряжено с наступившими последствиями? Следует признать, что в действующем уголовном законодательстве и следственно-судебной практике уголовно-правовая категория сопряженность уже представляет большую проблему², а ее использование в ст. 264 УК РФ только усугубляет ситуацию, поскольку само оставление места ДТП преступлением не является. Именно в таком контексте категория сопряженность используется в уголовном праве, показывая связь одного преступления с другим. Применительно к ст. 264 УК РФ более логичным было бы использовать в качестве квалифицирующего признака сопряженность ДТП с предшествующими систематическими нарушениями Правил дорожного движения или с так называемой агрессивной ездой. Но почему-то законодатель до сих пор не видит закономерной связи между систематическим нарушением правил безопасности движения и преступлениями, предусмотренными ст. 264 УК РФ, но установил таковую в случае оставления виновным места ДТП.

Ст. 265 УК РФ имела сложную диспозицию - бланкетную и ссылающую одновременно. Обязанности водителя, причастного к дорожно-транспортному происшествию, определены в п.2.5 Правил дорожного движения. Оставление в нарушение указанного пункта правил места происшествия, не повлекшего наступления последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ, влечет административную ответственность по ч. 2 ст. 12. 27 КоАП РФ. Причем, как следует из текста закона, ответственности подлежит и водитель, не нарушивший правил дорожного движения, но, будучи участником дорожно-транспортного происшествия, покинувший его место.

Вполне логично, что нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее предусмотренные ст. 264 УК РФ последствия и оставление затем места происшествия влекло более

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2018 № 17-П по делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда // Официальный интернет-портал правовой информации Государственная система правовой информации/ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201804270005/>. (дата обращения 5.06.2019).

² Федеральный закон от 23.04.2019 № 65-ФЗ «О внесении изменений в статьи 264 и 264-1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ, № 17. – 2019. – Ст 2028.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. N 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А.Шевякова». Российская газета, 2001, 15 июня.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986 г.

² Бовсун М.В., Вишнякова Н. В. Сопряженность как уголовно-правовая категория. //Общество и право. Уголовная политика: теория и практика. Омская академия МВД России. № 4 (50), 2014.

строгую ответственность - уголовную. Поскольку правила дорожного движения в п. 2.5 говорят о лицах, причастных к происшествию, следовательно, ответственность по ст. 265 УК РФ наступала вне зависимости от того, находится ли допущенное нарушение в причинной связи с наступившими последствиями или нет. Таким образом, до исключения статьи 265 из УК РФ лицо, виновное в происшедшем и оставившее место дорожно-транспортного происшествия, несло ответственность по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 264 и 265 УК РФ. Следовательно, только по ст. 265 УК РФ наступала ответственность для лица, хотя и нарушившего правила, но не виновного в происшествии.

Законодательная конструкция ст. 265 УК РФ в свое время породила еще одну проблему применения данной нормы. Прежде всего, она связана с моментом окончания данного преступления. Обсуждение законодательной конструкции данного преступления началось еще до принятия нового УК. Одни авторы относили это преступление к преступлениям с материальным составом¹, другие не относили последствия к числу обязательных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 265 УК, а рассматривали их как условие наступления ответственности, характеризуя его в целом как преступление с формальным составом².

Проанализируем позицию сторонников отнесения состава данного преступления к материальным. Итак, последствия в виде причинения вреда жизни и здоровью являются обязательным признаком объективной стороны состава оставления места дорожно-транспортного происшествия. Следовательно, между оставлением места дорожно-транспортного происшествия и наступившими последствиями должна быть причинная связь. Как известно — она должна носить характер неизбежности: если бы лицо, нарушившее правила дорожного движения и эксплуатации транспорта, не покинуло место происшествия - последствия не наступили бы. Таким образом, уголовная ответственность по ст. 265 УК наступала не во всех случаях оставления места происшествия, а только в тех из них, когда такое оставление вызывает последствия, предусмотренные ст. 264 УК³. Но представление состава данного преступления как материального свидетельствует о том, что его основным непосредственным объектом выступает не безопасность дорожного движения, а жизнь и здоровье человека. В связи с этим возникала необходимость в постановке вопроса о соотношении признаков деяний, предусмотренных ст. 265 и ст. 125 УК РФ⁴.

¹ Новое Уголовное право России. Особенная часть. Учебное пособие. - М.: Зерцало, ТЕИС, 1996, С.265., Ветров Н.И. Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов - ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. М., 2000, С. 352.

² Уголовное право. Особенная часть: Учебник под редакцией профессора А.И. Рарога. - М.: Институт международного права и экономики. Издательство «Трида, Лтд».1996. С.315-316

³ Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации. /Отв. ред. А.В.Наумов. - М., Юристъ. 1996, С.652-653.

⁴ О проблемности положений ст. 265 УК РФ свидетельствует и тот факт, что гражданин А. А. Шевяков был обвинен не только в совершении преступления, предусмотренного данной статьей, но и ст. 125 УК РФ.

Анализ составов указанных преступлений показывает, что их законодательные конструкции совпадали по основным признакам. Более того, предусмотренное ст. 265 УК преступление можно было рассматривать как частный случай совершения преступления, предусмотренного ст. 125 УК, т. е. речь шла об установлении специальной ответственности за оставление в опасности пострадавших в результате автотранспортного происшествия. Аналогичный вывод напрашивается при анализе ч. 2 ст. 264 УК РФ в последней редакции - оставление места ДТП в случае причинения тяжкого вреда здоровью. В случае причинения смерти оставление места ДТП уже никакой угрозы для погибших не представляет.

Такой подход к уголовно-правовой оценке оставления места дорожно-транспортного происшествия позволял признать, что в ст. 265 УК речь шла о таких последствиях, которые находились в причинной связи с оставлением места происшествия лицом, нарушившим правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств.

С позиции сторонников отнесения состава, предусмотренного ст. 265 УК преступления к формальным необходимо, чтобы лицо оставило место дорожно-транспортного происшествия, при котором уже наступили предусмотренные ст. 264 УК последствия, в том числе и причинение смерти по неосторожности. Но в подобных случаях речь идет уже не об оставлении в опасности потерпевшего, а действительно об оставлении места происшествия, поскольку в случае уже наступившей смерти потерпевшего само оставление места происшествия никакой опасности для жизни и здоровья человека создать не может. В связи с этим возникает вопрос: почему не установлена уголовная ответственность за оставление, например, места того же дорожно-транспортного происшествия пешеходом, по вине которого оно произошло (ст. 268 УК РФ), места причинения смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), места неосторожного уничтожения имущества в крупном размере (ст. 168 УК РФ) и т.п.?

Представление состава данного преступления как формального несколько упрощало задачу возложения ответственности. Уголовная ответственность по ст. 265 УК РФ в данном случае определялась самим фактом оставления места ДТП, если оно уже привело к наступлению предусмотренных законодателем в ст. 264 УК последствий. Столь детальное рассмотрение ныне не действующей статьи 265 УК РФ необходимо, поскольку анализ новой редакции ст. 264 УК РФ показывает, что ответственность, сопряженная с оставлением места ДТП, теперь определяется именно таким образом. И это еще одно противоречие, созданное внесенными изменениями.

Состав преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ материальный и это означает, что допущенные виновным лицом нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств находятся в причинной связи с наступившими последствиями. Следовательно, оставление места ДТП должно также находиться в причинной связи с наступившими последствиями, как и состояние опьянения, являющееся квалифицирующим обстоятельством. Теория уголовного права категорична в этом вопросе, а

как поступать теперь правоприменителю? Вывод напрашивается только один – становиться на позицию объективного вменения, что однозначно нарушает принцип вины, предусмотренный ст. 5 УК РФ.

Наряду с указанными выше, внесенные изменения порождают еще одну весьма актуальную проблему - насколько действующая редакция ст. 264 УК отвечает конституционным положениям о защите прав личности?

Снова обратимся к вышеупомянутому постановлению Конституционный Суд Российской Федерации по результатам рассмотрения жалобы Шевякова А. А. Конституционный Суд пришел к выводу о том, что статья 265 УК РФ не противоречит Конституции Российской Федерации. При этом Суд указал в п. 3 данного постановления: «Вытекающая из статьи 265 УК Российской Федерации обязанность лица, нарушившего правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, оставаться на месте происшествия в случае наступления последствий, предусмотренных статьей 264 данного Кодекса, не препятствует ему воспользоваться правом не свидетельствовать против самого себя (статья 51, часть 1, Конституции Российской Федерации), которое должно обеспечиваться на любой стадии уголовного судопроизводства».

Ст. 51 Конституции Российской Федерации в ч. 1 провозглашает, что «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом». Из положения, закрепленного в ч. 1 ст. 51, следует несколько весьма важных в процессуальном плане практических выводов. Они достаточно известны, тем не менее, уместно привести их еще раз.

Человек вправе по своему усмотрению решать, свидетельствовать ему в отношении себя самого, своего супруга и близких родственников или отказаться от дачи показаний. При этом процессуальная роль допрашиваемого лица не имеет существенного значения: даже если человек не является подозреваемым или обвиняемым, от него нельзя под угрозой ответственности требовать показаний по делу, возбужденному в отношении него, или по тем противоправным действиям, к которым он может быть причастен. Точно так же не имеет значения, является ли супруг или близкий родственник допрашиваемого участником процесса.

Отсутствие обязанности свидетельствовать против себя самого или против своих близких родственников предполагает право человека отказаться не только от дачи показаний, но и от предоставления правоприменительным органам иных компрометирующих его доказательств: предметов и орудий преступлений, других вещественных доказательств, документов и т.д.

Суды и иные правоприменительные органы не могут обязать допрашиваемое лицо в той или иной форме свидетельствовать против себя, супруга и близких родственников¹.

¹ Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. Кудрявцева Ю. В.) М.: Фонд «Правовая культура», 1996.

Конституционный Суд в п. 3 постановления по делу А.А. Шевякова подчеркивает это, указывая, что «Данное конституционное право предполагает, что лицо может отказаться не только от дачи показаний, но и от предоставления органам дознания и следователю других доказательств, подтверждающих его виновность в совершении преступления... С учетом этого при установлении обстоятельств дорожно-транспортного происшествия и возбуждении уголовного дела соответствующие должностные лица обязаны разъяснить лицу, управлявшему транспортным средством, нарушившему правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств и оставшемуся на месте дорожно-транспортного происшествия, его право отказаться от дачи объяснений, показаний и от предоставления иных доказательств по поводу данного происшествия. Доказательства же, которые были получены от него принудительно, не могут быть положены, как следует из статей 49 (часть 2), 50 (часть 2) и 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации, в основу выводов и решений по уголовному делу».

Проанализируем с учетом данных выводов то, что стоит за уголовно-правовым запретом на оставление места дорожно-транспортного происшествия.

Казалось бы, обязанность не покидать место происшествия нельзя отождествлять с обязанностью давать показания, то есть свидетельствовать против самого себя. Но это только на первый взгляд. Если ответственность по ст. 264 УК наступает только в отношении водителя - нарушителя правил дорожного движения в случае наступления известных последствий, то требование оставаться на месте происшествия для него означает самим фактом своего присутствия свидетельствовать против себя. Кроме того, как известно, транспортные средства, участвовавшие в дорожно-транспортном происшествии, становятся материальными носителями информации о происшедшем, подлежат осмотру, при необходимости исследуются и признаются вещественными доказательствами. Поэтому требование оставаться на месте происшествия равнозначно требованию представить доказательства своей причастности к событию происшествия или виновности в нем. Иными словами, в ст. 264 УК теперь закреплено требование обязательной явки с повинной. Но почему же это требование не закрепить как обязанность любого лица, совершившего преступление, а оставление места преступления не рассматривать как квалифицирующее обстоятельство во всех случаях, а не только по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях? По всей вероятности, только потому, что в соответствии с упомянутым ранее пунктом 2.5 Правил дорожного движения оставаться на месте происшествия - обязанность водителя.

Представляется, что решение проблемы оставления места дорожно-транспортного происшествия лицами, причастными к ним, не может основываться только на усилении ответственности. Многие нормы Особенной части уголовного законодательства содержат примечания, определяющие условия освобождения лиц, совершивших преступления, в случаях их дея-

тельного раскаяния. Причем, как правило, речь идет о тяжких умышленных преступлениях. Автотранспортные преступления отличаются не только своей достаточно высокой распространенностью, но и тем, что в массе своей они совершаются вполне добропорядочными людьми, оказавшимися в результате своей беспечности или неосмотрительности в ситуации, при которой их опыт управления транспортными средствами был явно недостаточным для предотвращения вредных последствий. Личность их ничего общего не имеет с личностью преступника, захватившего заложников или подготовившего акт терроризма, освобождение от ответственности которых связано с их деятельным раскаянием. Было бы целесообразным и ст. 264 УК дополнить упомянутым примечанием.

Справедливости ради следует отметить, что спорность положений ст. 265 УК привела к ее отмене. Вопрос об усилении уголовной ответственности за оставление места ДТП в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ был поставлен впервые во внесенном Президентом РФ проекте федерального закона № 304898-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», принятого в первом чтении Государственной Думой 23 апреля 2003 г.¹ Однако в то время такое решение представлялось недостаточно обоснованным. Во-первых, это возлагало на участника дорожно-транспортного происшествия обязанности свидетельствовать против самого себя, а, во-вторых, разрушало однообразие подхода к лицам, скрывшимся с мест преступлений. В таком случае законодатель просто обязан во всех статьях Особенной части УК РФ предусмотреть повышенную ответственность за оставление места преступления, либо ввести самостоятельную статью, предусматривающую ответственность за оставление места преступления. Почему Государственная Дума действующего состава приняла решение о дополнении ст. 264 УК РФ квалифицирующим признаком об оставлении места ДТП в 2019 году с точки зрения теории права объяснить сложно.

Небезынтересно отметить, что названный выше проект изменений и дополнений УК был связан с идеей гуманизации уголовного законодательства. Между тем возможности поощрительных норм уголовного права остаются невостребованными. А это весьма эффективное средство, которое, наряду с обязательным страхованием гражданской ответственности, ставшим реальностью, может существенно изменить ситуацию на наших дорогах, стимулируя оказание помощи пострадавшим при дорожно-транспортных происшествиях и законопослушное поведение. Как известно – страх перед наказанием мало кого удерживает от совершения преступления.

Что же касается внесенных изменений в ст. 264 УК РФ, то их идея проста: если виновное лицо скрылось с места ДТП, его ответственность приравнена к совершению данного преступления в состоянии опьянения. И

теперь доказывать это состояние не требуется. Однако остается вопрос об общественной опасности совершения ДТП в состоянии опьянения и оставления места этого преступления. Вряд ли использованный законодателем подход можно назвать справедливым, поскольку в нем на первом месте стоит целесообразность, противоречащая законности.

Список литературы

- Бовсун М.В., Вишнякова Н. В.* Сопряженность как уголовно-правовая категория. //Общество и право. Уголовная политика: теория и практика. Омская академия МВД России. № 4 (50), 2014.
- Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации.* /Отв. ред. А.В.Наумов. - М., Юристь. 1996
- Новое Уголовное право России. Особенная часть. Учебное пособие.* - М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. С.265., Ветров Н.И. Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов - ЮНИТИ–ДАНА, Закон и право. М., 2000, С. 352.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1986 г.
- Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации* (под общ. ред. Кудрявцева Ю. В.) М.: Фонд «Правовая культура», 1996.
- Уголовное право. Особенная часть: Учебник под редакцией профессора А.И. Рарога.* - М.: Институт международного права и экономики. Издательство «Триада, Лтд».1996. С.315-316

Емельянов В. А.

О некоторых вопросах квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в отношении несовершеннолетних и наказания за него

Concerning the Severe Punishments of Minors for the Sale of Drugs, Psychotropic Substances Or Their Analogs

Аннотация. Отмечается чрезмерная суровость наказания за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в отношении несовершеннолетних. Рекомендательные положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ в отношении сбыта требуют законодательного закрепления в УК РФ.

Abstract. The author analyses an excessive severity of punishment for the sale of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues by minors. The article leads to conclusion that recommendation provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation regarding drug sales should be incorporated in the Criminal code.

Ключевые слова: сбыт, наркотические средства, несовершеннолетний, лишение свободы.

Key words: drugs, juvenile, imprisonment.

Вопросы квалификации преступлений, несомненно, требуют законодательного разрешения. Такие попытки предпринимаются постоянно, об этом свидетельствуют многочисленные нескончаемые изменения, вносимые в статьи УК РФ. К сожалению, зачастую такие изменения не характеризуются последовательностью. Эта характеристика относится и к редактированию статей 228-234 УК РФ. В частности, если рассмотреть норму, содержащуюся в п. «в» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, мы сталкиваемся с конструкцией состава

¹ Проект федерального закона № 304898-3 «О внесении изменений и дополнений в уголовный кодекс Российской Федерации» СЗ РФ, № 18, - 2003. - Ст. 1688.

преступления со специальным субъектом и специальным потерпевшим. Первым является лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, вторым - несовершеннолетний.

Отметим, что согласны с законодателем в утверждении через указанную норму принципа гуманности. В связи с чем, и был поднят минимальный возрастной порог уголовной ответственности до 18 лет. Такое положение также обосновывается весьма серьезным наказанием, предлагаемым в санкции указанной части статьи 228¹ УК РФ. В частности, она предполагает «лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового и со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового». Ничего не имея против максимальной защиты здоровья несовершеннолетних, выскажем свою точку зрения о чрезмерной суровости наказания в этой части. Для сравнения: за простое, то есть неквалифицированное убийство законодатель суду предлагает руководствоваться санкцией в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Сравнительный анализ таких законодательных положений позволяет сделать выводы, что санкция при совершении убийства мягче, так как нижний предел ниже, а именно «от шести лет», верхний предел ниже, а именно «до пятнадцати лет». При этом, в иерархии ценностей, защищаемых уголовным законом, жизнь –наибольшая ценность, здоровье населения также охраняемо уголовным правом, однако эти ценности не равнозначны.

При таком законодательном подходе судья действительно может выносить более суровые наказания за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении несовершеннолетнего по сравнению с совершенным убийством. Все в рамках закона. Однако ряд теоретических наработок не подтверждают наличие профилактического эффекта от ужесточения наказания. Наоборот, о каком законопослушном поведении преступника можно говорить после 20 лет лишения свободы?

По прошествии такого срока обычно социальные связи рвутся, в том числе семейные, лица лишаются жилья, соответственно, работы, никто их на свободе не ждет и не помогает социально адаптироваться. Отсюда и рецидив. Какой? Вероятнее всего, специальный.

А теперь проанализируем, кто является жертвами сбыта. На 80 % — это дети и подростки, то есть несовершеннолетние, и молодежь. Исследователи преступности в сфере незаконного оборота наркотиков утверждают, что каждый наркоман в среднем в год сажает на иглу около 15 новых потребителей. То есть это и есть те же 80 % несовершеннолетних. Тогда при выявляемости виновных, совершивших такие преступные действия в отношении таких малолеток, им грозит рассмотренное выше суровое наказание. Пусть назначат по минимуму 10 лет лишения свободы. И по их прошествии

наркосбытчики окажутся на свободе, и вероятнее всего, займутся тем же самым. Надо же на что-то жить, нужен заработок.

Совершенно очевидно, что в предусмотренном наказании за совершение преступления, предусмотренного пунктом «в» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, имеется явный законодательный перекосяк. Подтверждением тому является не уменьшающееся число наркопотребителей среди несовершеннолетних и молодежи.

Кроме того, рассмотрим статус специального потерпевшего, предусмотренного тем же пунктом «в» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ. В соответствии с п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. №14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»¹ (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 30) судам дается разъяснение о том, «что уголовная ответственность по пункту «в»" части 4 статьи 228.1 УК РФ наступает лишь в тех случаях, когда лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, совершает деяния, предусмотренные частями 1, 2 или 3 статьи 228.1 УК РФ, зная или допуская, что такое деяние совершается в отношении несовершеннолетнего». По юридической силе положения Постановлений Пленума Верховного Суда РФ носят рекомендательный характер, но при квалификации преступлений, конечно, все ориентируются на эти положения. Однако, как нам видится, более последовательно была бы законодательная формулировка, внесенная в п. «в» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, следующего содержания: «лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении заведомо несовершеннолетнего».

Многие могут возразить, что такое положение излишне, практики и так руководствуются рекомендациями Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, однако понятие «заведомости» имеет значение для квалификации преступления, и это дает основание для закрепления такого признака в норме закона, которым является УК РФ. Кроме того, законодатель же включил такой признак в п. «б» ч. 2 ст. 230¹ УК РФ «в отношении заведомо несовершеннолетнего спортсмена либо двух или более спортсменов». Значит, такая формулировка допустима в рамках закона.

Сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в отношении несовершеннолетних, несомненно, является одним из серьезнейших преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Интересы несовершеннолетних, самой незащищенной социальной группы населения, должны надежно охраняться законом. В виду этого должно быть и адекватное наказание. Однако анализ действующего законодательства не позволяет об этом констатировать. В ближайшей перспективе требуется его пересмотр с внесением обобщенных изменений и опорой на результаты теории и судебной практики.

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. №14 (ред. от 16.05.2017) // Российская газета, № 137, 28.06.2006.

К вопросу об ответственности за убийство матью новорожденного ребенка в контексте уголовно-правовой политики

Murder of a Newborn Child by Mother in the Context of Criminal Law Policy

Аннотация: Данная статья содержит тенденции развития уголовной политики за убийство матью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). При определении наказания матери за подобное преступление предполагается много нюансов, связанных как с самой личностью матери, так и с возрастными особенностями младенца. Не менее важным будет исследование психологического состояния преступницы и условия, в которых находится роженица. В результате анализа автор приходит к выводу, что отечественный законодатель разграничил убийство и убийство матью новорожденного ребенка ввиду большого количества преступлений такого рода в конце 90-х – начале 2000-х годов.

Abstract: This article explains trends in the development of criminal policy for the murder of a newborn child by the mother (art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation). Penalty for that crime is determined both by the personality of the mother and the age characteristics of the infant. The psychological state of the criminal and the conditions in which woman goes in labor are also very important. As a result of the analysis, the author concludes that the domestic legislator distinguished between killing and killing a newborn child by the mother due to a large number of such crimes in the late 90s and early 2000s.

Ключевые слова: новорожденный, мать, убийство, наказание, ответственность
Key words: Keywords: newborn, mother, murder, punishment, responsibility

Применение ст. 106 УК РФ возможно в том случае, если произошло убийство матью новорождённого ребёнка. Квалификация деяния по данной статье возможно при следующих условиях: 1) ребёнок был новорождённый; 2) мать находилась в тяжёлой психологической обстановке; 3) мать имеет заболевание, не делавшее её невменяемой, но в сложной стрессовой ситуации женщина может вести себя неадекватно.

Законодателем чётко определён возраст малыша, в котором против него совершено преступление. Если возраст будет превышать установленный законодательством в данном случае, то злодеяние будут квалифицировать по иной статье Уголовного кодекса. Возраст матери на момент родов тоже будет иметь значение. Особого внимания заслуживает психологическое состояние матери, в котором она пребывает в момент совершения правонарушения, поскольку именно от него зависит, будет ли дело квалифицировано именно по статье 106 УК РФ.

Если не выявлено достаточных причин, указывающих на особое состояние роженицы в момент родов, которые привели к трагедии, то преступление может быть квалифицировано по иным статьям уголовного закона.

В принципе, убийство нарождающегося ребенка «во время родов» матью, которая находилась «в нормальном состоянии» психики, несправедливо, хотя и вполне законно квалифицировать по ст. 106 УК РФ. Содеянное в таких случаях надлежало бы оценивать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ¹. Это

правило следовало бы распространить и на те случаи «детоубийства», когда оно совершается непосредственно («сразу же») «после родов».

При убийстве новорождённого ребёнка в первые сутки психологическое состояние матери оценивается как не имеющее признаков послеродовой депрессии, поскольку данное состояние не может наступить сразу после родов или во время родов. Некоторые женщины убивают младенца позже. Если обстоятельство произошло не позднее возраста 4 недель со дня рождения, то может учитываться депрессивное настроение. В этот период принимаются во внимание более веские доводы о личности матери и о её состоянии психики. При нагрузках, связанных с послеродовым периодом и уходом за новым человеком, некоторые матери проявляют нестабильные признаки психики, иногда могут терять логичность действий и совершать поступки, которые вызваны сиюминутными решениями. В том случае, если на момент убийства ребёнка сразу после родовой деятельности мать не находится в изменённом сознании, совершённое правонарушение будет считаться убийством, а это даёт возможность для квалификации ситуации по другой статье уголовного закона. При оценке преступления необходимо учитывать, в каких психологических условиях пребывала мать. Если будет установлено, что мама находилась под давлением родственников или обстоятельств, то у суда будут основания для назначения ответственности по указанному преступлению. Необходимо отметить, что права новорождённой или новорождённого будут считаться объектами преступления, если будет доказан факт их появления на свет в жизнеспособном состоянии. При условии того, что ребёнок был живым и мог жить вне организма матери, мог есть и пить, совершать глотательные движения, он будет считаться отдельной личностью, против которой было совершено злодеяние. То есть на момент преступления ребёнок должен родиться и не быть частью материнского тела. Факт самостоятельной жизнеспособности всегда подлежит проверке консультантами и следствием при работе с уликами по делу. Не будет оснований для проверки данного момента в период совершения преступления после суток самостоятельной жизни родившегося. Субъектом преступления всегда должна являться мать нового человека. По правовому аспекту данная мера является привилегированной, поскольку ответственность предполагается мягкая.

Учитываются такие особенности: 1) психотравмирующая ситуация самого факта родов; 2) тяжёлая жизненная ситуация, в которой пребывает беременная или только что родившая; 3) послеродовая депрессия, возникающая у женщин; 4) давление, оказываемое на роженицу иными лицами; 5) наличие психологических особенностей беременной. Если судебным органом будет установлено, что имело место психотравмирующая ситуация, то преступление будет квалифицировано по ст. 106 УК РФ. Следует отметить, что под действие данной статьи попадает только достигшая возраста 16 лет и находящаяся в адекватном состоянии женщина. Если мать будет иметь

¹Красиков А. Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву.-Саратов, 1999.-

возраст менее 16 лет, психиатрическое заболевание, делающее её ограниченно дееспособной или полностью недееспособной, то ответственность будет определяться исходя из условий, которые влияют на её способность в принятии решений. Если мать новорожденного ребенка не достигла возраста 14 лет, она не подлежит уголовной ответственности как лицо. В силу ст. 20 УК РФ не являющееся правосубъектным в уголовно-правовом смысле. По поводу ответственности за детоубийство лиц в возрасте от 14 до 16 лет высказывалось мнение, что они, не подпадая под действие специальной нормы должны нести ответственность по общей норме, то есть по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹. Даная позиция является неверной, поскольку в данном случае между собой конкурируют не общая и специальная нормы, а нормы с квалифицированным и привилегированными составами, которая в соответствии с позицией Пленума Верховного Суда РФ должна разрешаться в пользу нормы с привилегированным составом². Для несения ответственности по ст. 106 УК РФ необходимо, чтобы субъективная сторона преступления понималась женщиной особо, то есть важно, чтобы она находилась в изменённом сознании и не могла временно оценивать свои поступки. При выявлении убитого младенца и преступницы-матери нужно собрать определённую доказательную базу, достаточную для квалификации дела по ст. 106 УК РФ. В обязательном порядке женщину направляют на судебно-медицинскую экспертизу, где устанавливают: отношение родившей женщины к беременности; объективную сторону поступка, то есть каким способом злодеяние было совершено; психологические особенности женщины, позволяющие установить её отношение к самому факту совершённого. Если при убийстве ребёнка матерью последняя находилась в изменённом сознании, вызванном психологическим нарушением, то она будет нести ответственность в соответствии со ст. 106 УК РФ. Поскольку срок ей реальное наказание возможно только при определении того, был ли жизнеспособный плод и сколько он прожил после родов, то убитого младенца тоже направляют на экспертизу, где выносятся характеристика этих данных. При определении жизнеспособности плода, а также срока его жизни на основании судебно-психологической экспертизы женщине может грозить наказание в виде: 1) ограничения свободы на срок от 2 до 4 лет; 2) принудительно-исправительных работ на срок до 5 лет; 3) лишения свободы до 5 лет. При выборе наказания внимательно изучается дело, а также возможные иные существующие против женщины подобные обвинения. Если мать ранее привлекалась по подобным обвинениям, то в смягчающем наказании ей будет отказано.

¹ Куркузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: природа, причины, предупреждение. Воронеж, 1999. – С. 22.

² П. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ №1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве» (ст. 105 УК РФ) URL: [http://magnitogorsk.bezformata.com/listnews/pod-sud-za-ubijstvo-novorozhdenogo/930312/\(дата обращения 12 июня 2019\)](http://magnitogorsk.bezformata.com/listnews/pod-sud-za-ubijstvo-novorozhdenogo/930312/(дата обращения 12 июня 2019))

В Челябинской области предстанет перед судом 18-летняя жительница Трехгорного, обвиняемая в убийстве новорожденного ребенка. По версии следствия, вечером 23 мая 2011 года в приемное отделение городской больницы поступила 18-летняя жительница Трехгорного с диагнозом - криминальные роды, низкое артериальное давление. На вопрос медиков о нахождении ребенка, девушка назвала адрес квартиры. Тело девочки было завернуто в полотенце и спрятано в шкафу. Причиной смерти новорожденной явилась механическая асфиксия при утоплении в воде. 18-летняя мать ребенка пояснила, что после родов она поместила девочку в ванну с водой, чтобы та не разбудила криком родителей, которые ничего не знали о беременности дочери¹.

Сама по себе ответственность по ст. 106 УК РФ является привилегированной, то есть более мягкой, чем обычное наказание за подобного рода преступления, поэтому основаниями для её применения являются имеющиеся у женщины смягчающие обстоятельства, выражающиеся в её временном помешательстве или отношении к процессу беременности, родам и младенцу в целом. Но иногда таких оснований может не быть ввиду того, что мать сознательно убила дитя из-за нежелания заботиться о нём. Если практикой по делу подтверждено, что роженица планировала убийство, то совершённое деяние стоит квалифицировать по иным сводам правил УК РФ, а именно: 1) ст. 105 УК РФ – в случае целенаправленного умысла на лишение жизни; 2) ст. 107 УК РФ – если совершённое происходило в состоянии аффекта; 3) ст. 123 УК РФ – если планировалось проведение искусственного прерывания беременности. В ст. 105 УК РФ и ст. 123 УК РФ прямо указывается на прямой умысел, то есть эти статьи прямо говорят о том, что у матери должен быть прямой умысел на избавление от плода. Поэтому тяжесть наказания по ним будет серьезней. Ст. 107 УК РФ будет иметь место, если обнаружатся доказательства того, что мать действовала в состоянии аффекта, вызванном психотравмирующей ситуацией, в которой она обвинила своего малыша. В таких ситуациях роженица обвиняет новорождённого в том, что своим фактом существования или появления на свет он спровоцировал иное к ней, матери, отношение.

Если роженицу заранее доводили до совершения преступления, то лицо, настаивающее на таких действиях, также нести ответственность. При этом преступление уже не будет иметь привилегированный вид, его пере-квалифицируют на ст. 105 УК РФ, поскольку это уже прямой умысел на убийство. Тоже самое наступит, если женщина выступит в качестве организатора, то есть найдёт того, кто совершит указанное преступления. По статистике, преступления против новорожденных не редкость, связано это с тем, что в период беременности молодая женщина испытывает значительные изменения и не всегда способна справиться с ними. Если её не поддер-

¹ Молодая женщина пойдет под суд за убийство новорожденного URL: [http://magnitogorsk.bezformata.com/listnews/pod-sud-za-ubijstvo-novorozhdenogo/930312/\(дата обращения 12 июня 2019\)](http://magnitogorsk.bezformata.com/listnews/pod-sud-za-ubijstvo-novorozhdenogo/930312/(дата обращения 12 июня 2019))

живают родственники, то ей приходится особенно тяжело, в результате чего она совершает подобного рода поступки. Привилегированное» убийство, предусмотренное ст. 106 УК РФ, в том виде, как оно описывается в действующей редакции данной статьи, без указания на подлинные нравственно-психологические основания смягчения уголовной ответственности за объективно наиболее опасный вид преступления, не должно оставаться в прежнем виде и требует изменений. Думается будет правильным исключить ст. 106 УК РФ, как привилегированный состав, поскольку признаки привилегированных составов должны согласовываться с иными институтами уголовного права, а в данной ситуации оно отсутствует. В целях смягчения наказания достаточным было бы применение п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ. При данных обстоятельствах убийство матерью новорожденного ребенка квалифицировалось бы на общих основаниях с учетом индивидуализации наказания. Отнесение с. 106 УК РФ к привилегированному составу противоречит правовому принципу равенства граждан перед законом, принципу справедливости.

Список литературы

Красиков А. Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву - Саратов, 1999

Куркузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: природа, причины, предупреждение. Воронеж, 1999

Николаев К. Д.

Акт международного терроризма – преступление против мира и согласия между народами и (или) государствами

Act of International Terrorism – Crime against Peace and Harmony among Nations and (or) States

Аннотация. Рассматриваются преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 361 УК РФ «Акт международного терроризма». Показано, что названные деяния входят составной частью в систему преступлений против мира и безопасности человечества и посягают на мир и согласие между народами и (или) государствами. Осуществлен уголовно-правовой анализ составов соответствующих посягательств. Обосновано, что ч. ч. 1 и 2 ст. 361 УК РФ содержат самостоятельные составы преступлений.

Abstract. The author researches offenses, mentioned by Art. 361 of the Criminal Code of Russian Federation «Act of international terrorism». These acts are an integral part of the system of crimes against the peace and security of mankind and infringe the peace and harmony between peoples and (or) states. Author analyses the corpus delicti of the adjacent crimes and concludes that parts 1 and 2 of the art. 361 of the Criminal Code contains separate bodies of crimes.

Ключевые слова: акт международного терроризма; мир и безопасность человечества.

Key words: act of international terrorism, peace and security of mankind.

Глава 34 УК РФ содержит десять статей, предусматривающих ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. Запрещенные нормами данной главы УК РФ деяния называют международ-

ными преступлениями, т. к. они посягают на международные отношения, затрагивают интересы многих государств.

Принимая во внимание развитие международного права, в том числе и международного уголовного права, необходимость уголовно-правовой охраны соответствующих отношений, а также появление в главе 34 УК РФ новых составов преступлений, можно выделить следующие виды названных преступных посягательств: а) преступления против мира и согласия между народами и (или) государствами (ст.ст. 353, 354, 354¹, 361 УК РФ); б) преступления против безопасности существования человечества (ст.ст. 355, 357, 358 УК РФ); в) военные преступления (ст.ст. 356, 359 УК РФ); г) преступление против лиц или учреждений, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ).

Одним из преступлений против мира и согласия между народами и (или) государствами является акт международного терроризма. Ст. 361 УК РФ «Акт международного терроризма» введена в уголовный закон сравнительно недавно – Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»¹.

Среди международных нормативных правовых актов, имеющих отношение к составу рассматриваемого преступления, следует указать Декларацию Генеральной Ассамблеи ООН о мерах по ликвидации международного терроризма от 9 декабря 1994 г., Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г. и Глобальную контртеррористическую стратегию ООН от 8 сентября 2006 г.

Основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления выступают общественные отношения в сфере мира и согласия между народами и (или) государствами. Дополнительными непосредственными объектами рассматриваемого преступления являются: жизнь, здоровье, свобода или неприкосновенность граждан Российской Федерации, собственность и т. д.

Объективная сторона данного посягательства характеризуется тем, что диспозиция ч. 1 ст. 361 УК РФ закрепляет альтернативный состав преступления, содержащий описание вариантов совершения преступного деяния (выступающих в форме действия), каждый из которых является самостоятельным (взрыв, поджог, иные действия, а также угроза совершения указанных действий). Перечень преступных деяний при совершении акта международного терроризма является открытым, на это указывает законодательная формулировка «иные действия». Для привлечения к уголовной ответ-

¹ Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4559.

венности достаточно совершение хотя бы одного деяния, образующего акт международного терроризма. Совершение в одном месте в одно время двух или нескольких из указанных деяний рассматривается как сложное единичное (единое) преступление, множественности не образует и квалифицируется по ч. 1 ст. 361 УК РФ. В этом заключается особенность объективной стороны рассматриваемого преступления.

Состав акта международного терроризма, запрещенного ч. 1 ст. 361 УК РФ, по конструкции объективной стороны является формальным – для признания преступления окончанным достаточно выполнения указанного общественно опасного деяния. Общественно опасные последствия, а также причинная связь между общественно опасным деянием и наступившими общественно опасными последствиями находятся за рамками состава рассматриваемого преступного посягательства и при квалификации не учитываются. Что касается совершения акта международного терроризма в виде «угрозы совершения» указанных действий, то в данном случае по конструкции объективной стороны состав является усеченным: преступление признается окончанным с момента возникновения реальной угрозы совершения соответствующих деяний (так называемый «состав опасности»).

Обязательным признаком объективной стороны состава рассматриваемого преступления является место совершения деяния – «вне пределов территории Российской Федерации».

Субъект преступления общий – физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления четырнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Обязательным признаком субъективной стороны выступает цель: совершение взрыва, поджога или иных действий, образующих акт международного терроризма, осуществляется «в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов». Либо виновный осознает, что эти деяния направлены «против интересов Российской Федерации», т.е. цель заключается в ущемлении интересов России.

Часть 2 ст. 361 УК РФ закрепляет самостоятельный состав преступления: «финансирование деяний, предусмотренных частью первой настоящей статьи, склонение, вербовка или иное вовлечение лица в их совершение либо вооружение или подготовка лица в целях совершения указанных деяний».

Встречающиеся в юридической литературе высказывания о том, что ч. 2 ст. 361 УК РФ содержит квалифицированный, по отношению к ч. 1 ст. 361 УК РФ, состав преступления¹ являются несостоятельными, т.к. деяния, предусмотренные ч. 1 рассматриваемой статьи более опасны для общества, нежели деяния, запрещенные ч. 2 данной статьи, что нашло свое отра-

¹ См., например, Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю. В. Грачева, А.И. Чучаев. «Контракт». 2017. // СПС «КонсультантПлюс», Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 4 т. Т. 4: Особенная часть. Разделы X-XII / отв. ред. В. М. Лебедев. «Юрайт». 2017. // СПС «КонсультантПлюс».

жение в санкциях. Соответствующие преступления по ч. 1 ст. 361 УК РФ наказываются «лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы», тогда как преступления по ч. 2 ст. 361 УК РФ наказываются «лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет со штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет либо без такового или пожизненным лишением свободы». Санкция ч. 1 ст. 361 УК РФ строже, чем санкция ч. 2 этой же статьи, следовательно, ч. 2 не может содержать квалифицированный состав по отношению к ч. 1 ст. 361 УК РФ.

На то, что ч. 2 ст. 361 УК РФ закрепляет самостоятельный состав преступления указывает не только содержание диспозиций и санкций ч. ч. 1 и 2 ст. 361 УК РФ, но и законодательная техника, используемая при конструировании ст. 361 УК РФ: в ч. 2 отсутствуют формулировки «то же деяние...» или аналогичные, применяемые законодателем для квалифицированных составов.

Объективная сторона данного посягательства характеризуется тем, что диспозиция ч. 2 ст. 361 УК РФ закрепляет альтернативный состав преступления, содержащий описание возможных вариантов преступного деяния (в рассматриваемом случае выступающих в форме действия), каждое из которых является самодостаточным (финансирование деяний, предусмотренных ч. 1 данной статьи, склонение, вербовка или иное вовлечение лица в их совершение либо вооружение или подготовка лица в целях совершения указанных деяний). Для привлечения к уголовной ответственности достаточно совершение хотя бы одного из перечисленных действий. Совершение двух или всех указанных деяний рассматривается как сложное единичное (единое) преступление, множественности не образует и квалифицируется по ч. 2 ст. 361 УК РФ. В этом заключается особенность объективной стороны рассматриваемого состава преступления.

Состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 361 УК РФ, по конструкции объективной стороны является формальным – для признания преступления окончанным достаточно выполнения указанного общественно опасного деяния.

По большому счету ч. 2 ст. 361 УК РФ закрепляет ответственность за подстрекательство и (или) пособничество акту международного терроризма. Так, лицо, осуществляющее финансирование деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 361 УК РФ, является пособником, т. к. содействует «совершению преступления... предоставлением... средств» (см. ч. 5 ст. 33 УК РФ «Виды соучастников преступления»). Вооружение или подготовка лица в целях совершения акта международного терроризма так же может рассматриваться как пособничество, поскольку «пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации... или орудий совершения преступления» (см. ч. 5 ст. 33 УК РФ). Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение акта международного терроризма также содержит признаки подстрекательства, а

именно: «подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом» (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Однако, законодатель выделил рассматриваемые деяния в самостоятельные составы преступления (по аналогии со ст. 205¹ УК РФ «Содействие террористической деятельности»). Не разделяя данный подход законодателя, отметим, что в подобных случаях не следует вводить в УК РФ дополнительные статьи, а осуществлять уголовно-правовое противодействие соответствующим посягательствам уже имеющимися в УК РФ средствами, в частности, применяя нормы о соучастии.

Субъект рассматриваемого преступления общий – физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления четырнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Обязательным признаком субъективной стороны выступает цель совершения альтернативных действий, перечисленных в диспозиции ч. 2 ст. 361 УК РФ: в целях совершения деяний, указанных в ч. 1 данной статьи.

Часть 3 ст. 361 УК РФ содержит квалифицированный состав: «Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, повлекшие причинение смерти человеку». Исходя из законодательной формулировки ошибочным является утверждение о том, что «в ч. 3 предусмотрен общий для обоих составов квалифицирующий признак»¹. Данный состав преступления по конструкции объективной стороны является материальным – для признания преступления оконченным необходимо выполнение хотя бы одного из указанных в ч. ч. 1 или 2 ст. 361 УК РФ общественно опасных деяний и наступления общественно опасных последствий в виде смерти человека. Необходимо также причинная связь между соответствующими общественно опасными деяниями и наступившими общественно опасными последствиями в виде смерти человека.

Субъект данного преступления общий – физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления четырнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла по отношению к деянию и в виде прямого или косвенного умысла по отношению к последствию. Нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей, полагающих, что субъективное отношение виновного к последствию может быть и неосторожным². Дело в том, неосторожное отношение виновного к наступившим последствиям законодатель прописывает в тексте соответствующей нормы. Например, ч. 4 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» предусматривает ответственность за «деяния, предусмотренные частями первой, второй или

третьей настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего»; ч. 2 ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному» устанавливает наказание за «то же деяние, если оно повлекло по неосторожности смерть больного либо причинение тяжкого вреда его здоровью» и др.

Итак, акт международного терроризма – это виновно совершенное общественно опасное деяние, посягающее на мир и согласие между народами и (или) государствами, запрещенное УК РФ под угрозой наказания.

Часть 1 ст. 361 УК РФ закрепляет альтернативный состав преступления, содержащий открытый перечень вариантов преступных деяний (выступающих в форме действия), каждый из которых является самостоятельным (взрыв, поджог и др.). Часть 2 названной статьи содержит самостоятельный состав преступления. Составы преступлений, предусмотренных ч. ч. 1 и 2 ст. 361 УК РФ, по конструкции объективной стороны формальные.

Часть 3 ст. 361 УК РФ содержит квалифицированный состав по отношению к составу преступления, закрепленному в ч. 1 указанной статьи. По конструкции объективной стороны данный состав является материальным.

Субъект рассматриваемых преступных посягательств общий. Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 361 УК РФ, характеризуется виной в форме умысла: прямого применительно к деяниям (чч. 1, 2 и 3); прямого либо косвенного в отношении последствий (ч. 3).

Список литературы

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 4 т. Т. 4: Особенная часть. Разделы X-XII / отв. ред. В. М. Лебедев. «Юрайт». 2017. // СПС «КонсультантПлюс».

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. «Проспект». 2017. // СПС «КонсультантПлюс».

Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю. В. Грачева, А.И. Чучаев. «Контракт». 2017. // СПС «КонсультантПлюс».

Панкова Д. В., Сиренко Б. Н.

Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: законодательный аспект

Rape and Sexual Assault: The Legislative Aspect

Аннотация. В условиях дальнейшего развития государственности в Донецкой Народной Республике все большее значение приобретает защита половой свободы и половой неприкосновенности личности, с помощью которых определяются стереотипы сексуального поведения граждан, обосновываются принципы взаимоотношений между людьми разного пола, формируются нравственные устои общества и тому подобное.

Abstract. Circumstances of further development of statehood in the Donetsk People's Republic make the protection of sexual freedom and sexual integrity of the person increasingly important. Those laws have a potential to determine the citizens' attitudes towards sexual behavior, become the base of the relationships between people of different sexes, form the moral foundations of society, and so on.

Ключевые слова. Изнасилование, жертва, преступление сексуального характера, насилие, насильник.

Key words. Rape, victim, crime of a sexual nature, violence, rapist.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. «Проспект». 2017. // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

Избранная тема является недостаточно изученной в научной литературе, однако стоит отметить, что изнасилование относится к наиболее опасным преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Опасность его определяется тем, что оно может повлечь за собой тяжелые последствия, вредно влияет на психику и здоровье потерпевшего, нередко приводит к разрыву брака, способствует распространению разврата, снижает уровень общества. На проблему искоренения насилия, в том числе в области половых отношений, обращают внимание международные организации.

Вопросы уголовной ответственности за изнасилование и другие половые преступления освещали советские, российские и украинские ученые, в частности, Ю. В. Александров, Л. Андреева, М.И. Бажанов, С. Бородин, Л. Дорош, П.С. Матышевская, В.А. Навроцкий, А. В. Наумов и другие.

История совершения насилия против женщин и ответственности за нее в научной литературе освещены недостаточно. Частично это обусловлено тем, что в результате действия социальных норм, табу, стигм и деликатного характера определенных проблем большинство видов насилия (изнасилование, сексуальные нападения, домашнее насилие) не регистрируют, поэтому статистика по ним существенно занижена или ее совсем не составляют. Это затрудняет исследования этого явления в целом и в историческом контексте частности.

Проблема сексуального насилия и его последствий существует на протяжении всей истории человечества, однако предметом научных исследований она стала только в 70-х годах XX в. (Р. Крукс и К. Баур, М. Роден и Г. Абарбанель, С. Старович и др.).¹

Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики определяет ответственность за данное преступление в статьях 133-137.

Стоит также отметить, что сексуальное насилие может происходить между людьми разных полов (пола) или одного пола. Восстановление после сексуального насилия требует времени, и как восстановление произойдет, будет отличаться для всех.

К формам, принуждения, которые относят к сексуальному насилию относят: использование угроз (то есть, если вы этого не сделаете, у вас возникнут проблемы); запугивание (внешностью, жестами или языком тела); стимулирование или принуждение вас пить или принимать наркотики; использование оружия; основная угроза насилия, если вы не подчиняетесь (например, в прошлом было насилие); не уважение того, кто говорит «нет» или «стоп».²

Также было выяснено, что в целях формирования единой судебной практики по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и

¹ Балеев, С. А. Уголовное право России. учебник /С. А. Балеев, Б. С. Волков, Л. Л. Кругликов; под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. - М.: Статут, 2009. – С. 157

² Борзенков Г. Н. Курс уголовного права: Общая часть: Т. 1: Учение о преступлении: Учебник для — Москва: СИНТЕГ, 2016. – 329 с.

половой свободы личности, постановлением Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 29 апреля 2016 года №10 «О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» судам Республики даны соответствующие разъяснения.

К преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы относятся преступления, предусмотренные главой 18 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики: изнасилование (ст. 133 УК ДНР); насильственные действия сексуального характера (ст. 134 УК ДНР); понуждение к действиям сексуального характера (ст. 135 УК ДНР); половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 136 УК ДНР); 5) развратные действия (ст. 137 УК ДНР).

К преступлениям, предусмотренным ст. ст. 133 и 134 УК ДНР, относятся половое сношение, мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера в отношении потерпевшего лица (потерпевшей или потерпевшего), которые совершены вопреки его воле, согласию и с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему лицу, к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица. При этом мотив совершения указанных преступлений (удовлетворение половой потребности, месть, национальная или религиозная ненависть, желание унижить потерпевшее лицо и т. п.) для квалификации содеянного значения не имеет.

Под половым сношением следует понимать совершение полового акта между мужчиной и женщиной в виде физиологического контакта, под мужеложством – сексуальные контакты между мужчинами, под лесбиянством – сексуальные контакты между женщинами. Под иными действиями сексуального характера следует понимать удовлетворение половой потребности другими способами, способными удовлетворить половую страсть мужчины или женщины неестественным способом, к которым относятся орогенитальный контакт женщины с мужчиной или мужчины с женщиной, аногенитальный контакт мужчины с женщиной, суррогатные формы половых связей, которые имитируют естественный половой акт (вестибулярный коитус, межбедренный коитус и тому подобное), фроттаж (сексуальное удовлетворение мужчины путем трения о тело женщины), садистские действия сексуального характера (например, совершение действий, направленных на получение сексуального удовлетворения с использованием посторонних предметов). К этим же случаям относится половой контакт между мужчиной и женщиной в естественной форме в случае применения насилия женщиной по отношению к мужчине, принуждения его к совокуплению.

Ответственность за изнасилование или совершение насильственных действий сексуального характера с угрозой применения насилия наступает лишь в случаях, если такая угроза явилась средством преодоления сопротивления потерпевшего лица и у него имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

Изнасилование и насильственные действия сексуального характера признаются совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее лицо, лицо престарелого возраста) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. При этом лицо, совершая изнасилование или насильственные действия сексуального характера, должно сознавать, что потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии. Малолетним лицом является лицо в возрасте до 14 лет, лицом престарелого возраста является лицо от 75 лет и старше. Как указано в постановлении Пленума, при квалификации изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении потерпевшего лица, которое находилось в состоянии опьянения, суды должны исходить из того, что беспомощным состоянием может быть признана лишь такая степень опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, которая лишала это лицо возможности понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному лицу. При этом не имеет значения, было ли потерпевшее лицо приведено в такое состояние виновным или находилось в беспомощном состоянии независимо от его действий. Причинение вреда здоровью потерпевшего, находившегося в беспомощном состоянии в результате применения наркотических средств, сильнодействующих или ядовитых веществ, лекарственных или иных препаратов должно устанавливаться заключением соответствующих судебных экспертов. В этом случае ответственность наступает и за физическое насилие, и за использование беспомощного состояния лица.

Добровольный отказ возможен лишь в случае добровольного и окончательного прекращения лицом своих действий на стадии приготовления или покушения, если оно осознает возможность доведения преступления до конца. Если лицо объективно не могло совершить начатое преступление, например, по физиологическим причинам, из-за опасения быть задержанным при появлении посторонних лиц, то отказ не может считаться добровольным. При этом мотивы добровольного отказа юридического значения не имеют.

Изнасилование признается совершенным с особой жестокостью, если в процессе его совершения потерпевшей или другим лицам умышленно причинены физические или нравственные мучения и страдания. Особая жестокость может выражаться, в частности, в пытках, истязании, глумлении над потерпевшим лицом, причинении ему особых страданий в процессе совершения изнасилования или иных действий сексуального характера, в совершении изнасилования или иных действий сексуального характера в присутствии его близких, а также в способе подавления сопротивления, вызы-

вающим тяжелые физические либо нравственные страдания самого потерпевшего лица или других лиц.

Состав изнасилования является формальным, оно считается оконченным преступлением в момент начала полового акта. Приготовление к изнасилованию может выражаться в создании условий для совершения этого преступления и использовании благоприятной обстановки. Способами воздействия на потерпевшее лицо с целью получения от него вынужденного согласия на совершение указанных действий являются шантаж, угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо использование материальной или иной зависимости потерпевшего лица.

Уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, а равно за совершение в отношении указанных лиц развратных действий (статьи 136 и 137 УК ДНР), наступает в случаях, когда половое сношение, мужеложство, лесбиянство или развратные действия были совершены без применения насилия или угрозы его применения и без использования беспомощного состояния потерпевшего лица.

Целями уголовного преследования по ст. ст. 136, 137 УК ДНР является защита половой неприкосновенности несовершеннолетних, которая сохраняется до 16 лет, поскольку именно до этого времени ребёнок в силу своих физиологических особенностей не способен в полной мере выполнять половые функции. По смыслу закона уголовной ответственности за преступления, предусмотренные частями 1–6 статьи 136 УК ДНР и частями 1–5 статьи 137 УК ДНР, подлежат лица, достигшие ко времени совершения преступления восемнадцатилетнего возраста.

К развратным действиям в ч. 2 ст. 137 УК ДНР относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершённые в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших четырнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям. К развратным действиям относятся не только такие типичные физические действия, как обнажение половых органов виновного или потерпевшего лица, прикосновения к ним, ощупывание, принятие непристойных форм, совершение непристойных жестов, полового акта, иных действий сексуального характера в присутствии несовершеннолетнего, склонение к занятию онанизмом, мастурбацией, но и действия интеллектуального характера, такие как демонстрация порнографических материалов, предметов, аудио-, кино- или видеозаписей, изображений порнографического характера, чтение порнографической литературы, ведение бесед, разговоров, рассказов на сексуальные темы циничного характера и т.д.

Пленум обратил внимание судов на запрет назначения осуждённым за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, условного осуждения.

Принимая во внимание повышенную общественную опасность преступлений, предусмотренных статьями 133–137 УК ДНР, совершённых в отношении несовершеннолетних, судам следует выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению таких преступлений, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом. При рассмотрении дел данной категории необходимо обращать внимание соответствующих организаций и должностных лиц на выявленные факты нарушений закона путем вынесения частных постановлений (определений).¹

Непосредственным объектом изнасилования является половая свобода и(или) половая неприкосновенность лица женского пола в части, касающейся природных половых отношений.

Изнасилование с объективной стороны выражается в совершении полового акта с потерпевшей в естественной форме, которое сочетается с применением физического насилия, с применением угрозы и с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

Субъективная сторона изнасилования характеризуется виной в виде прямого умысла.

Субъектом изнасилования - непосредственным исполнителем преступления - является вменяемое лицо мужского пола, достигшее возраста уголовной ответственности.²

Подытоживая все вышеизложенное с уверенностью, можно сказать о том, что изнасилование является наиболее тяжелым и опасным половым преступлением. Общественная опасность изнасилования содержится в исключительной аморальности и циничности действий преступника. Оно может причинить серьезный ущерб здоровью женщины, наносит ей моральную травму, грубо унижает ее достоинство, посягает на ее половую свободу, а если потерпевшая является малолетней или не достигшей половой зрелости - на ее половую неприкосновенность.

Об изнасиловании зачастую молчат и не хотят заявлять в правоохранительные органы, в связи с боязнью, что заявление не примут, т.к. не будет доказано, что половой акт случился не добровольно, поэтому статистика заявлений по данному виду преступления значительно низкая, только вот преступление это совершается довольно часто, ведь не обязательно изнасилованию подвергаются посторонним лицом, т.к. оно может быть совершено и человеком которого вы хорошо знаете.

Список литературы

Балеев С. А. Уголовное право России. учебник / С. А. Балеев, Б. С. Волков, Л. Л. Кругликов; под ред. Ф. Р. Сундунова, И. А. Тарханова. - М. : Статут, 2009. - 751 с.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 29 апреля 2016 года №10 «О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»

² Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие. – Мн.: Тесей, 2005. – С.132

Борзенков Г. Н. Курс уголовного права: Общая часть: Т. 1: Учение о преступлении: Учебник для вузов — Москва: СИНТЕГ, 2016. – 329 с.

Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие – Мн.: Тесей, 2005. – 592 с.

Перекислов В.Е.

Уголовное и гражданское законодательство в сфере интеллектуальной собственности

Criminal and Civil Law in the Field of Intellectual Property

Аннотация: В докладе рассматриваются проблемные вопросы соотношения уголовного и гражданского закона в сфере интеллектуальной собственности. Показано несовершенство уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности. Обосновывается вывод о необходимости внесения изменений в действующее законодательство.

Abstract: The article addresses the problematic issues of the relationship between criminal and civil law in the field of intellectual property. The author shows an imperfection of the criminal law protection of intellectual property and concludes that current legislation should be reformed.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, уголовный закон, гражданский закон, правовая охрана, уголовно-правовая охрана, гражданско-правовая охрана, уголовная ответственность.

Key words: intellectual property, criminal law, civil law, legal protection, criminal legal protection, civil legal protection, criminal liability.

Применение уголовного закона в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности основано на базовых положениях гражданского закона, регулирующего соответствующие правоотношения.

Понятие «интеллектуальная собственность», как это следует из содержания статьи 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), включает в свой состав исчерпывающий перечень результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД) и приравненных к ним средств индивидуализации товаров, работ, услуг и предприятий (далее – СИ). В настоящее время к охраняемым РИД и СИ (интеллектуальной собственности) относятся 16 (шестнадцать) конкретных объектов, сгруппированных по 4 (четырем) правовым институтам:

1) авторское право и смежные права (произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ, базы данных, исполнения, фонограммы, сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач);

2) патентное право (изобретения, полезные модели, промышленные образцы);

3) институт правовой охраны нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности (селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау));

4) институт правовой охраны средств индивидуализации (фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, коммерческие обозначения).

Отношения, связанные с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности, являются объектом уголовно-правовой охраны. В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) содержатся соответствующие статьи, устанавливающие уголовную ответственность за нарушение авторских и смежных прав (ст. 146), нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 147), незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180).

Анализируя соотношение гражданского права и уголовного закона в сфере интеллектуальной собственности, следует подчеркнуть, что современное состояние уголовного закона в исследуемой сфере обусловлено во многом нормами гражданского права. Кроме того, исторически сложилось, что право в его современном состоянии производно именно от частного права. Так, выдающийся отечественный цивилист И. А. Покровский указывал: *«известно, например, что в древнейшую эпоху еще только зарождающаяся и слабая государственная власть не вмешивалась в ту область, которая составляет в настоящее время сферу уголовного права: возмездие за причиненную обиду, месть или соглашение о штрафе предоставлялись самим заинтересованным лицам»*¹.

При этом именно гражданское право содержит универсальные юридические конструкции, используемые, в том числе, в уголовном законе.

С развитием и усложнением экономических отношений, связанным с переходом нашей страны к рыночной экономике, объектом публичного интереса стали отношения, связанные с введением в гражданский оборот прав на объекты интеллектуальной собственности (интеллектуальных прав).

Взаимодействие гражданского права и уголовного закона применительно к исследуемой сфере проявляется в нескольких аспектах.

1. Гражданское право и уголовное право (как две базовые отрасли права) являются фундаментом правовой системы государства. Каждая из этих двух отраслей отличными друг от друга методами и средствами регулирования обеспечивает единый правопорядок.

Уголовное право направлено не только на предупреждение и пресечение преступлений, оно имеет своей целью обеспечение государственного порядка в рамках проведения соответствующей государственной уголовно-правовой политики. При этом уголовный закон призван установить четкие границы частноправового пространства; выход за эти границы влечёт за собой применение соответствующих уголовных санкций к нарушителям.

В частности, свобода предпринимательской и иной экономической деятельности (ст. 1 ГК РФ) ограничивается уголовным законом (ст. 171 УК РФ).

2. Уголовный закон направлен, в том числе, на оказание содействия развитию имущественных правоотношений. Возможность авторов РИД использовать результаты своего интеллектуального труда, в том числе вводить

в гражданский оборот имущественные интеллектуальные права, а также организовывать своё дело и извлекать прибыль (доход) непосредственно охраняется УК РФ (ст. 169 УК РФ).

3. И гражданское право (гражданский закон), и уголовный закон зачастую регулируют одни и те же отношения (жизненные ситуации), применяя различные методы. Например, охрана и защита вещной собственности, интеллектуальной собственности, субъективных гражданских права, возмещение причинённого вреда – цели как гражданского, так и уголовного закона. На соответствующие отношения воздействуют нормы как гражданского, так и уголовного закона. При этом юридические конструкции, используемые в уголовном законе, вырабатывает гражданское право.

4. Взаимодействие между уголовным и гражданским законом происходит также и в рамках процессуальных механизмов (преюдиция). При рассмотрении судами уголовных дел принимаются во внимание обстоятельства, установленные другими судами при решении гражданских споров (ст. 90 УПК РФ). И наоборот, при рассмотрении дела о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом, соответствующий приговор обязателен для суда (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ).

Анализ российской судебной практики показывает, что суды при решении соответствующих уголовных дел руководствуются Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» (далее – Постановление).

Так, разрешая вопрос о наличии в действиях лица составов преступлений, предусмотренных ст. 146, 147 и 180 УК РФ, «суды должны учитывать положения гражданского законодательства о том, что использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, являющихся объектом исключительных прав (интеллектуальной собственностью), может осуществляться третьими лицами только с согласия правообладателя» (абз. 4 п. 4 Постановления).

Соотнеся содержание понятия «интеллектуальная собственность» с диспозициями статей 146, 147 и 180 УК РФ, нетрудно заметить, что из уголовно-правовой охраны исключены топологии интегральных микросхем и фирменные наименования.

Уголовно-правовая охрана секретов производства (ноу-хау) возможна в рамках ст. 180 УК РФ исключительно при условии, что в отношении них был введен режим коммерческой тайны.

Анализируя терминологическо-понятийный аппарат, использованный разработчиками ст. 146, 147 и 180 УК РФ, следует заметить, что он не в полной мере соответствует части четвёртой ГК РФ. Так, термин «изобретательские права» является устаревшим. Он использовался в советский период, когда основной формы охраны изобретений были не патенты, а автор-

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 4-е, испр. – М.: Статут, 2003. (Классика российской цивилистики). С. 44

ские свидетельства. В настоящее время данный термин отсутствует в части четвертой ГК РФ.

Из содержания диспозиций ст. 146, 147 и 180 УК РФ следует, что уголовно-правовая охрана в сфере интеллектуальной собственности направлена в первую очередь на имущественные отношения, поскольку охраняется именно исключительное право, и в меньшей степени – личные неимущественные или иные интеллектуальные права. Анализ судебных актов (приговоров и решений судов), показывает, что в данных делах потерпевшими, как правило, являются юридические лица (правообладатели), а не физические лица (граждане). Поэтому, на наш взгляд, статьи 146 и 147 УК РФ должны быть исключены из главы 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» и помещены в отдельную главу «Преступления против интеллектуальных прав (прав на интеллектуальную собственность)» раздела VIII «Преступления в сфере экономики».

В заключение подчеркнём, что сфера интеллектуальной собственности достаточно сложна с точки зрения правового регулирования, что подтверждается проблемами правоприменения и необходимостью принятия соответствующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Достаточно детальным и объёмным по своему содержанию является недавно принятое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Пленум подчеркнул, что «применение к лицу, нарушившему интеллектуальные права на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, мер административной или уголовной ответственности не исключает возможности применения к этому же лицу мер защиты интеллектуальных прав в гражданско-правовом порядке. При этом следует иметь в виду, что сам по себе отказ в привлечении лица к административной или уголовной ответственности не означает невозможности применения гражданско-правовых мер защиты» (п. 53 указанного Постановления).

Полагаю, что данное Постановление даст толчок в совершенствовании норм УК РФ, направленных на совершенствование уголовно-правовой охраны сферы интеллектуальной собственности.

Список литературы

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 4-е, испр. – М.: Статут, 2003. – 351 с. (Классика российской цивилистики)

Попов В. С.

«Личность» в родовом объекте и в непосредственных объектах некоторых преступлений и уголовных проступков

«Personality» in the Generic Object and in the Actual Objects of Some Crimes and Misdemeanors

Аннотация. Родовой объект всякой обособленной группы запрещённых уголовным законом деяний представляется обратной проекцией от образующих данную группу непосредственных объектов. Вместе с тем он видится определённым сочетанием правоотношений, обеспечивающих охрану и защиту явленных мегаобъектами уголовных правонарушений «личности», «общества», «государства». Небрежение к усмотрению наличия и учёту соотношения в непосредственных и родовом объектах преступлений элементов от мегаобъектов влечёт несовершенство закона; следствием того – ошибки при осуществлении правосудия.

Abstract. Generic object of any selected group of illegal acts in criminal law can be described as a back projection of the actual objects being part of that group. However, it can be also described as a certain combination of legal relations, providing protection and defense to mega-objects, such as «personality», «society», «state». Negligence in differentiating between the actual and generic object of a crime and detection of the mega-objects elements leads to imperfection in the law and errors in the course of justice

Ключевые слова: мегаобъекты преступлений; «личность» в родовых и непосредственных объектах; уголовное правосудие.

Key words: mega-objects of crimes; «personality» in generic and direct objects; criminal justice.

Все относимые (в данный исторический период) к криминальным деяния направлением посягательства имеют охраняемые и защищаемые уголовным законом общественные отношения.¹ В многообразии каковых усматриваются так или иначе обособленные совокупности, образующие локусы того или иного «интереса жизни» – выступающие как объекты, на которые направлены криминальные посягательства; объектами их разрушительного воздействия.² Таковые становятся основополагающим признаком для выделения законодателем в совокупности посягательств на них – посредством криминальных деяний³ – качественно отличных друг от друга уголовно-правовых запретов. Поскольку непосредственные объекты защищаемых от посягательств на них Уголовным законом прав (шире, нормативно закреплённых взаимоотношений по их поводу) имеют большую или меньшую близость к другим непосредственным объектам, то в них можно проследить связующие и роднящие их элементы. Эти, скажем так, родственные взаимо-

¹ Полагаем категорию *общественных отношений* на базисном уровне вполне достаточной для определения объекта преступления и его правовой конструкции.

² Ср. с базовым положением гражданского законодательства об имущественных и личных неимущественных благах (охраняемых и защищаемых законом правовых отношениях) как объектах гражданских прав; как объектах гражданско-правового, то есть не криминального воздействия. См. по этому поводу ст. 128 и ст. 150 в ГК Российской Федерации или ч. 1 и ч. 2 ст. 115 ГК Республики Казахстан.

³ В том или ином виде негативное воздействие на эти же самые «интересы жизни» – но совершаемое посредством деяний криминальными *не являющимися* (к примеру, при банкротстве в отсутствие признаков составов ст. 196 или ст. 197 УК РФ) или таковыми теперь *не признаваемыми* (всё, что охватывалось составом «спекуляции») – защищаются гражданскими и иным законодательством.

связи создают феномен однородности. Фактическая и правовая однородность ряда непосредственных объектов посягательств берётся национальным законодателем для сведения до того разрозненных уголовно-правовых запретов в подразделения общего для них Уголовного закона.

В этой связи отдельными уголовными правонарушениями следует понимать как односоставные (ст. 156 УК РФ, в частности), так и многосоставные их нормативные конструкции (примером чего укажем части 1-ю и 2-ю ст. 157 УК РФ). Из приведённых примеров кажется очевидным, что критерием «отдельности» уголовно-правовых запретов предстаёт ни что иное, как наличие (и усмотрение того законодателем) индивидуального непосредственного объекта посягательства. В каждом из указанных здесь запрещённых в Уголовном кодексе деяний фактором, *задающим* его юридический состав как *формулу отдельного преступления закона*, выступает собственный объект правонарушения.

Таковым (скажем так, генератором отдельности уголовно-правовых запретов) не является субъект преступления. Ст. 156 УК РФ, исполнение которой предусматривается возможным несколькими разными лицами, отдельных для них составов преступления не содержит – поскольку таковые в связи с этим не образуются; объект преступления при всяком субъекте его совершения остаётся одним¹. Выделение двух отдельных составов преступления в рамках ст. 157 УК РФ есть следствие наличия двух разных непосредственных объектов преступных деяний; потому и запрещённых как разные правонарушения, хотя и с помещением в рамках одной статьи УК. Негативное воздействие на разные комплексы правовых отношений (а они разные)² субъектом преступления: тем или другим, есть обстоятельство дополнительное (скажем так, второй очереди); видимым образом подчёркивающее не тождественность объектов совершаемых этими лицами преступлений. Законодатель при отмеченной одинаковости объективной стороны посягательства: совершаемого родителями либо их детьми, и введя для части 1-й и 2-й полностью одинаковые санкции, всё же разделил их на разные преступления – поскольку объекты «неуплаты средств на содержание» разные.

Изложенное позволяет утвердиться в том, что базовая институция Уголовного кодекса (здесь имеется в виду Особенная часть его) – «статья» может быть явлена в двух юридических ипостасях. Источником (нормативной формой закрепления) *одного* уголовно-правового запрета – с отличным, от других из данного их ряда, непосредственным объектом посягательства. Статья УК может

¹ У «семи нянек», призываемых законом к воспитанию несовершеннолетнего дитяти, один юридический объект совершаемого правонарушения – одни и те же правовые отношения, что претерпевают от небрежения к надлежащему участию в них со стороны любого из обязанных к тому лиц.

² Одинаковость объективной стороны обоих преступлений: в части того, что она представляет собой «неуплату средств на содержание», не должна смущать. Так как урегулированные правом отношения по содержанию несовершеннолетних детей и по содержанию нетрудоспособных родителей – как гражданско-правовые обязательства – имеют разную правовую природу; и к тому же не тождественное содержание.

быть источником *нескольких* уголовно-правовых запретов и в этой связи – первичным подразделением кодекса, объединяющим отдельные уголовно-правовые запреты (каждый с особым непосредственным объектом посягательства). Иными словами, статья УК есть вместилище отдельного или нескольких – с объектами посягательств качественно разными – составов преступлений.

Известно, что «отдельность» запрещённых в Уголовном кодексе правонарушений создаётся – наряду с непосредственным его объектом – также предметом преступления, способом его совершения др.; в целом т.н. объективной стороной его исполнения. Иллюстративный пример преступления, состав которого выделен отдельным уголовным правонарушением в ряду хищений исходя как раз из предмета преступления, это «хищение предметов, имеющих особую ценность» (ответственность за которое предусматривается специальной статьёй 164 УК РФ).¹ Тем не менее, ничто иное как качественное различие непосредственных объектов криминальных деяний есть основа их отдельности друг от друга как преступлений. Вместе с тем, непосредственный объект криминальных деяний предстаёт основным, если не единственным, «делителем» массива таковых, т.е. критерием их обособления и сведения в группы; для распределения преступлений (статей, нормативными источниками коих они являются) по подразделениям уголовного закона.

Последующие подразделения уголовного закона – объединяющие статьи УК его главы – являются юридической формой закрепления обособленных (по признаку качественного различия непосредственных объектов преступлений в рамках составов уголовных правонарушений) совокупностей преступлений в отдельные группы.

Количество таких подразделений не должно быть произвольным (всёцело зависящим от усмотрения и политической воли законодателя), так как оно право-естественным образом предопределённое. Численность видов преступлений определяется количеством их родовых объектов – каждый из которых предстаёт платформой, предназначенной к соединению разрозненных уголовных правонарушений в отдельные группы: на основе общности непосредственных объектов преступлений в рамках составов данных уголовных правонарушений. В этой связи всякий родовой объект преступлений видится умозрительной правовой конструкцией, право-естественным образом создаваемой обратной проекцией образующих данную группу непосредственных объектов правонарушений.

Как юридическая конструкция каждый родовой объект воплощается в соответствующей главе Особенной части УК². Система родовых объектов

¹ Следует иметь в виду условность признания для всех таких случаев объекта преступления единым с хищениями предметов, что имеющими особую ценность не признаны. Охраняемые и защищаемые правоотношения при хищении предметов, что имеют особую ценность, характеризуются большей их наполненностью и т. п.

² Разделы Особенной части УК служат формой закрепления не родовых объектов, а соединений таковых; общий их объект тогда видится над-родовым (сверхродовым) объектом преступлений. Допускаем и точку зрения по такой формуле. Преступления, сведённые в главу 16 УК РФ: «против жизни и здоровья»

преступлений, юридически закреплённая в национальных УК, зависит от размаха теоретических изысканий и всего с законотворчеством связанного; и практических соображений законодателя¹. Можно сказать и так, что от масштабирования линейки секторов умозрительно-правового проецирования для общей (принятой однородной) совокупности криминальных деяний: чем больше таких секторов притяжения для отдельных преступлений, тем больше его глав. И конечно стройность системы видов преступлений обеспечивается степенью преодоления, скажем так, правовых оптических иллюзий при теоретическом и практическом проецировании².

Полагаем значимой причиной заблуждений о родовых объектах преступлений: оптимальном для практики применения уголовного права их числе, в т.ч., представление о «не замутнённости» непосредственных объектов каждой отдельной группы криминальных деяний элементами от непосредственных объектов явленных в других видах преступлений. Вследствие чего, если инородные элементы обнаруживаются, то от них по возможности надо избавляться. Очиститься, чтобы при проецировании непосредственных объектов (для обособленной группы должных быть отличными от другой группы) на «свой» родовой объект не возникло поводов к усмотрению у данных преступлений признаков «двойного гражданства», то есть приемлемости пребывания в лоне другого родо-вого объекта.

Как это имело место в отношении хулиганства в УК РФ: ст. 213 в его разделе IX (то есть преступления, родовым объектом которого определён общественный порядок). Состав его оказался «очищенным» от наличия в непосредственном объекте инородных элементов: от посягательства на объект иной, определяемый как «личность». Казахский законодатель юридическую конструкцию хулиганства: состава ст. 293 УК РК, оставил таковой, что один из объектов посягательства – общественный порядок, принят основным (ст. 293 в главе 10: «уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка»). Другой объект посягательства и преступления – личность является их дополнительным неотъемлемым объектом.

Полагаем, в действительности рафинированных непосредственных объектов не существует ни для одного уголовного правонарушения; в каждом, в целом отдельном, находятся элементы от других объектов. Задачей исследователей и законодателя видится усмотрение и исчисление соотношения в непосредственном объекте каждого преступного деяния не только преобладающих правоотношений, но также долей от правовых отношений

– это общий под-родовой (суб-родовой) объект преступлений под началом родо-вого объекта – объединяющего преступления «против личности» (в рамках раздела VII УК РФ).

¹ Число родовых объектов преступлений потому разнится: в УК разных государств, а в них – на разных этапах исторического развития и т. д.

² В этом истоки проблем, связанных как с непосредственными, так и с родовыми объектами преступлений; и причина их неизбывности.

иных. Это позволяет снять остроту конкуренции родовых объектов¹ и решить вопросы, связанные с их масштабированием.

В первом приближении в совокупности криминальных посягательств довольно отчётливо видится сфокусированность и их акцентированность. Прежде всего, на человека во всех аспектах воспринимаемого и таким во всей полноте раскрываемого: физического лица и социального субъекта – личность.² И/или на социальную среду его существования, то есть на нравственные и иные скрепы общества.³ Либо на конституционный строй, порядок управления и всё, в целом определяемое как государство.⁴ Сгруппированные таким образом подвергающиеся разрушительному воздействию общественные отношения в поле уголовного права образуют три мегаобъекта посягательств – личность, общество и государство.⁵ При этом родовые объекты отдельных групп запрещённых в Уголовном кодексе деяний представляют собой сочетание в разных пропорциях элементов от мегаобъектов: личности, общества и государства. Пропорции эти таковы, что ни один из мегаобъектов никогда из них не исчезает; всякий из них присутствует составляющей родо-вого и непосредственных объектов.⁶

Структурирование Уголовного кодекса: распределение запрещённых в нём деяний на те или иные структурные подразделения, их количество и наполнение каждого из них отдельными конкретными правонарушениями определяется право-политической волей национального законодателя.⁷ Особенности национальных УК: из тех, что вызваны распределением запрещённых в них деяний на главы или ещё и на разделы; спецификой наполнения

¹ Вовсе избежать её невозможно. Для подтверждения того привлекаем внимание к составу разбоя, что есть, прежде всего – нападение [на человека], а потом уже – с целью [при нападении на человека] хищения чужого имущества. Налицо равновеликие (равнозначные) фактические непосредственные объекты преступления. Пребывание ст. 192 УК РК в главе «против собственности» – результат выбора законодателем из альтернативных объектов, присутствующих в данном уголовно-правовом запрете.

² В УК Республики Беларусь однородные по объекту в их составах противоправные деяния сведены в главы с 19-й по 23-ю раздела VII как различные «преступления против человека». По этому поводу заметим: человек и личность отнюдь не тождественны; а выражающие их понятийные категории не юридические синонимы.

³ Это уголовные правонарушения, направленные, скажем так, «против сообщества людей» и всего, что обеспечивает их сбережение, благополучие и т. д., сохранение нравственных устоев в среде обитания людей и др.

⁴ Государство по существу его представляется неким обрамлением общества; и потому потребность в размежевании между преступлениями «против общественной безопасности» и «против основ конституционного строя и безопасности государства» (главы 24 и 29 УК РФ) кажется небольшой. (Ср. в связи с этим составы преступлений: «террористического акта» – ст. 205 и «диверсии» – ст. 281). Между тем граница между ними имеется – обусловленная наличием (усмотренным законодателем) разных объектов посягательства: групповых и индивидуальных.

⁵ Именно такой вывод усматривается из положений Уголовного закона об охране (УК РФ) и защите (УК РК) различных блоков общественных отношений.

⁶ Вследствие чего выделяемые в УК отдельными объектами «окружающая среда» и «безопасность человечества» видятся не более чем родовыми объектами для обособленных групп запрещаемых в уголовном законе деяний.

⁷ Из этого не должно складываться превратное впечатление, что особенности (а то и разность) российского и казахского УК предопределяются политической волей. На самом деле они следствие разного видения наилучшего соответствия Уголовного закона реалиям бытия. И оба подхода равно основываются на теории уголовного права, научном анализе преступности и т.д.

структурных подразделений отдельными преступлениями – становятся понятными и объяснимыми как раз, когда принимаем такую позицию. Усмотрение различных балансов соотношений общественного, личного и государственного позволяет, выстраивая юридические схемы, варьировать с однородными группировками преступлений.

Иные точки зрения видятся несовершенновыми и вследствие того недостаточно защищёнными от произвольности правовой политики. Уязвимость их связана в основном возможностью (даже допустимостью) поглощения родовых объектов одним из мегаобъектов.

С практическим решением связываем наличие в УК РФ наряду с главами ещё и более масштабного уровня объединений – разделов. В частности, «преступления против личности» (сведённые в разделе VII) это преступления «против жизни и здоровья», «против свободы, чести и достоинства личности» и т.д.: главы с 16-й по 20-ю. Принципиально так же структурирован белорусский УК.

Казахстанский законодатель не принял этого. В Уголовном кодексе Республики Казахстан ¹ отнесёнными к «уголовным правонарушениям против личности» остались лишь преступления и уголовно наказуемые проступки, помещённые в одноимённую главу 1 Особенной части УК РК. Тогда как таковыми не могут не быть: исходя из существа криминальных посягательств и юридической их конструкции – и другие запрещённые уголовным законом деяния, размещённые в последующих главах УК. То есть несмотря на то, что личность в иных правонарушениях объектом посягательств формальным образом не обозначена, не обязательно, что в качестве такового она не приемлется.

Воздержанность казахстанского законодателя от сведения уголовных правонарушений, в которых личность как один из непосредственных их объектов просматривается довольно отчётливо (в частности, в главах 2-й и 3-й), в один раздел имеет научно-теоретическое и «от применителей права» объяснение. В первую очередь связана с опасением установления тем самым непроницаемой границы как раз для многогранной личности: обладающей свойством становиться в каких-то случаях ещё и, скажем так, дисперсной по её составляющим, элементам и т.п. Способной вследствие того открыться как таковой в составах преступлений и уголовных проступков, что размещены в структурных подразделениях УК – от группировки правонарушений «против личности» довольно удалённых. Иными словами, преткновением к унификации стала проблема возможности и допустимости существования «личности» как одного из непосредственных объектов криминальных деяний (дополнительного, факультативного и т.д.) – не только в составах преступлений, подобных тем, что в УК РФ и УК РБ объединены в VII-й раздел – но также и в составах правонарушений других. То есть размещаемых в других главах УК РК.

¹ Введённый в действие с 1 января 2015 года (принят 3.07.2014 г.).

Пример тому упомянутая юридическая конструкция хулиганства; состава ст. 293 УК РК. Базовой его основой заявлено «особо дерзкое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу», сопровождаемое «применением насилия к гражданам или угрозой его применения» – то есть сопряжённое с посягательством на личность. Налицо два непосредственных фактических объекта в юридическом составе преступления: общественный порядок и личность – оба формальным образом (через объективную сторону, в т. ч.) отчётливо обозначенные. Основанием для отнесения хулиганства к отдельному виду преступлений принят общественный порядок (поэтому ст. 293 в главе 10 УК). Однако хулиганство – ввиду наличия в его составе двух названных непосредственных объектов посягательства – пребывает преступлением, неразрывно связанным с посягательством на личность (человека).

Поводы усматривать в юридической модели преступления симбиоз признаков «двух и более преступных деяний, но совершённых одним действием» наличествуют. Когда будто имеющая место идеальная совокупность преступлений – двумя разными статьями УК должная быть предусмотренной – оказалась сокрытой в одном составе преступления. Состав хулиганства в УК РК представляется оттого не отражением реальности, а искажением её; случившимся в результате использования архаичной юридической конструкции хулиганства.

Российский законодатель, усматривая теоретические пороки и трудности для практики применения права в таком подходе, устранил проблемы посредством изъятия одного из непосредственных объектов преступления (личности) из состава данного преступления. И как бы «возвращения» того, «на единственное для него естественное место» – в составы преступлений против личности: против жизни и здоровья человека.¹ Где «элемент хулиганства»² проявляется лишь в виде мотива их совершения. Базовой основой хулиганства, исходя из объективной его стороны, в УК РФ (ст. 213) остаётся «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу», соединяемое теперь с «применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия».³ То есть с обстоятельством, нарушение общественного порядка тем самым всего лишь усугубляющим, однако другой, дополнительный объект преступления не образующим. Насилие к гражданам и/или угроза его применения к людям (посягательство на личность) дополнительным объектом этого преступления не признаётся, поскольку не усматривается защищаемым им интересом. Объективная сторона преступления, как предпосылка к тому, упоминаний об этом не содержит. Таким образом, некоторые проблемы оказались как будто решены выведением одного из объектов преступления них из состава хулиганства.

¹ Не претендуя на прозрение комплекса побудительных для национального законодателя причин, приводим здесь своё видение таковых.

² Можно сказать, «продукт полураспада» (классического состава) хулиганства.

³ Совершение хулиганства по мотивам, представляющим особую общественную опасность, и др. оставляем в данном случае без внимания.

Некое смущение вызывает очевидное «обеднение» хулиганства как преступления: в связи с выражением его в составе статьи УК РФ, которая не охватывает всей полноты в реальности совершаемого деяния. Ведь оттого, что объектом в составе преступления теперь объявляется один лишь общественный порядок, хулиганство не перестаёт быть деянием – всегда: напрямую и/или опосредованно – посягающим на человека, на права личности и её законные интересы.

Тем не менее, по российскому УК как будто так оно и есть: перестало, поскольку уголовная ответственность за – одновременное – посягательство на личность предусматривается другими его статьями. Полнота события преступления: охват и учёт всех его обстоятельств, предполагается, обеспечивается совокупностью преступлений; которые предусмотрены составами статей: о хулиганстве – ст. 213 УК РФ, и против личности. К примеру, статье 105 ч. 2 п. и) УК РФ.¹

В тех случаях, когда нарушение общественного порядка совершено без применения оружия, не было связано с ненавистью и т.д. (пункты с а) по в) ч. 1 ст. 213 УК РФ), в юридической модели фактического деяния – «грубом» посягательстве на общественный порядок состава хулиганства усматриваться не будет. То есть нарушение общественного порядка несомненное, но коли «хулиганит» безоружный и «не идейный», состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, оно не образует. Уголовная ответственность за содеянное: в том числе, за нарушение общественного порядка, тогда будет наступать по одной лишь статье УК РФ из их группы «против личности».

Например, по ст. 115 ч. 2 п. а): за умышленное причинение лёгкого вреда здоровью, совершённое из хулиганских побуждений. Это когда лёгкий вред здоровью был причинён (как бы эпизодом) в ходе нарушения общественного порядка, но оно не было настолько существенным, то есть общественно опасным, чтобы образовать отдельный состав преступления – хулиганство. Более того, хулиганских побуждений, т. е. прямого умысла на нарушение общественного порядка, может не быть, если лёгкий вред здоровью в ходе реального нарушения общественного порядка причинён по мотивам личной неприязни.

Между тем подлинное хулиганство как преступление неизбежно остаётся противоправным деянием – посредством грубого нарушения общественного порядка – непосредственно посягающим на права и законные интересы личности; групп людей, на которых и сказывается нарушение общественного порядка. Ибо хотя вред причиняется общественному порядку, страдает оттого личность.

¹ Составом хулиганства весь возможный в рамках особо дерзкого нарушения общественного порядка объём насилия над личностью – вплоть до убийства человека, действительно, никогда не охватывался. Тем не менее, намеренно приводим примером статью 105 УК РФ. Так как здесь как раз явлено такое насилие над личностью, степень тяжести которого (от вреда здоровью) и/или его характер (изнасилование и др.) «переливается через края чаши» хулиганства, однако прежде наполнив ёмкость формального состава преступления реальным содержанием.

Состав хулиганства в ст. 213 УК РФ оказался «выхолощенным» и в силу того не выражающим сущности и содержания хулиганства; он не отражает подлинного преступления – в действительности совершаемого криминального деяния, представляющего общественную опасность. На самом деле общественная опасность хулиганства складывается из двух её составляющих – проистекающих из фактического посягательства. Прежде всего, на личность (на конкретно определённых людей и лиц не персонализированных): и, вместе с тем (то есть как бы в результате) – на всякого вида предписания, правила и т. п., что в целом представляется посягательством на общественный порядок.

Полнота общественной опасности хулиганства складывается из названных её составляющих: нераздельных и неотделимых друг от друга, хотя и не сливных. Выпадение из состава преступления обязательного для него объекта – личности, влечёт признание деяния, по объективной стороне того же, другим преступлением; предусмотренным ст. 214 УК РФ вандализмом. Когда общественный порядок нарушается, но личность как непосредственный дополнительный объект преступного посягательства не присутствует.

Понимание, что появляющиеся оттого проблемы значимее проблем устраняемых, причина, что «грубое нарушение общественного порядка и выражение явного неуважения к обществу», образует состав хулиганства (ст. 339 УК РБ) тогда лишь, когда те сопровождаются «применением насилия или угрозой его применения» над человеком.

Это не свидетельство предпочтительности позиции белорусского и казахстанского законодателя относительно российской. Критический разбор систематизации уголовных правонарушений в уголовных кодексах России и Казахстана не является задачей исследования. Налицо пример нормативного воплощения разных подходов к определению сущности криминальных посягательств и по систематизации правонарушений посредством установления объектов посягательств в уголовных законах постсоветских стран. Притом, что уголовное право и законодательство казахстанское, российское и белорусское вышли «из одной шинели» советского права, относить разнообразие к произволению национального законодателя легкомысленно. Напротив, это дополнительный аргумент в пользу разнообразия путей решения давних общих проблем.

Никакие приведённые здесь суждения, выводы не следует принимать аргументацией за выбор того или другого законодателя. Они направлены на привлечение внимания к «личности» как объекту в составах преступлений, что едва ли не во всех структурных подразделениях уголовного закона. Показать личность в качестве фокусирующего на себя широкий комплекс общественных отношений специальный мегаобъект, являющий себя в фактических непосредственных объектах множества правонарушений; размещённых в различных объединяющих их группировках. В ряде таких преступлений личность выступает явным их объектом, в составе других пребывает скрытой, а из составов каких-то правонарушений оказалась удалённой.

Именно в том сокрыты условия ответов на вопросы подобные таким. Что защищает (применительно к законоустановлениям в главе 6 УК РК; главе 21 УК РФ) уголовный закон: собственника или его право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, то есть «священное право собственности» как выражение обезличенных упорядоченных законом отношений; быть может и вовсе под защитой пребывает собственно имущество («рухлядь» и т.п.). Если и, то и другое, и третье – тогда, что в первую очередь, а что попутно и т. п.¹

Относительно защиты чужого имущества неумолимо возникают также проблемы, связанные с личностью собственника. В УК советского периода (РСФСР и Казахской ССР) они были разрешены нормативно; с позиции законодателя того времени качественно разным объектам уголовно-правовой охраны: государственной и личной собственности соответствовали отдельные уголовно-правовые запреты и предполагалась не одинаковая защита.

От ответов на подобные вопросы зависят характеристики реальной уголовной ответственности. Ибо они предваряют назначение наказания: *законного и справедливого либо законного и типового (шаблонного)*.

Список литературы

Бекмагамбетов А.Б., Ревин В.П. Уголовное право Республики Казахстан: Общая часть. Учебник. / 2-е изд., перераб. и доп. – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 504 с.

Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. 2-е изд. СПб, 1902. Т. 1. // Тула, Автограф, 2001. – 800 с.

Рахманова Е.Н.

Законодательство о защите животных: сравнительно-правовой анализ

Laws against Animal Cruelty: Comparative Analysis

Аннотация. Работа посвящена уголовному законодательству ряда европейских стран, устанавливающих ответственность за жестокое и бесчеловечное отношение к животным. Обращается внимание на то, что цивилизованный мир должен обеспечивать нормальные условия существования животных, защищая их право на жизнь.

Abstract. The article analyses and compares legal approaches of European countries to animal abuse and cruelty. The author brings attention to the necessity of protecting animal rights in a civilized world and maintaining decent living conditions of animals.

Ключевые слова: животные, уголовная ответственность, жестокое обращение

Key words: animals, criminal responsibility, cruelty

Отношения между людьми и животными проявляются от бесконечной любви до необъяснимой ненависти. Насилие в отношении животных существовало веками. Некоторые виды насилия (охота, рыбалка и т. п.) и в настоящее время считаются естественными. То же относится и к сельскохозяйственным животным. Животных используют для проведения научных опытов, они работают в цирке и т. п.

¹ Как в случае с разбоем (ст. 162 УК РФ).

На протяжении многих десятилетий и даже столетий животные считались объектами владения человека, иначе говоря, их рассматривали и рассматривают во многих странах как собственность, которую можно покупать, продавать, делать с ними все, что захочется. Этот принцип глубоко проник в законы большинства стран мира¹. Но постепенно, поскольку общество отходит от первоначального восприятия животных как собственности, закон эволюционирует, и во многих странах мира за животными признано право на защиту.

В основе концепции защиты животных и их благополучия лежит мысль Джереми Бентама, которая превратилась в краеугольный камень программы защиты животных. Он писал: «Придет тот день, когда все представители животного мира обретут те неотъемлемые права, нарушить которые посмеет лишь власть тирании... В один прекрасный день мы осознаем наконец, что количество конечностей, качество меха или строение позвоночника не есть основания, достаточные для определения судьбы живого существа. Что же ещё может служить критерием для определения той черты, которую нам не дозволено переступать? Может это рассудок или осмысленная речь? Но тогда взрослая лошадь или собака - куда более разумное и коммуникабельное существо, нежели младенец, которому день, неделя или даже месяц отроду. Допустим даже, что реальность была бы прямо противоположной, но что это меняет в конце концов? Вопрос ведь не в том, могут ли они рассуждать? Могут ли они говорить? Но в том, способны ли они страдать?»² Иначе говоря, необходимо согласиться с тем, что животные являются разумными существами и нуждаются в правовой защите.

Первым правовым актом, который признал преступным жестокое обращение с животными и бесчеловечное обращение с ними, стал кодекс о защите сельскохозяйственных животных в Северной Америке в колонии Массачусетского залива 1641 года. Один из пунктов кодекса гласил: «Ни один человек не должен практиковать тиранию или жестокость против любой божьей твари, обычно используемой для пользы человека»³.

Сегодня положение о защите животных и их благополучии признано как на международном, так и на национальном уровнях. Созданы и активно действуют международные и национальные организации по защите животных. Так, в 1950 г. создана Всемирная федерация по защите животных (WFPA), в 1959 г. Международное общество по предотвращению жестокого обращения с животными (ISPA). В 1981 г. они объединились во Всемирное общество защиты животных (WSPA), которое в этом же году получило консультативный статус при Организации Объединенных Наций (UN), а с 1990

¹ Animals and their Legal Rights: A Survey of American Law from 1641 to 1990, 1-2. Emily Stewart Leavitt & Diane Halverson eds., Forth Edition. Animal Welfare Institute. 1990

² Бентам Дж. Принципы морали и законодательства (1748-1832)//<http://psylib.org.ua/books/kaplo01/txt08.htm> (дата доступа: 29 июня 2019)

³ Защита животных: история и современность// <https://wolcha.ru/475-zashhita-zhivotnyx.html> (дата доступа: 29 июня 2019)

представлено в Совете Европы. В 2014 г. Всемирное общество защиты животных переименовано во Всемирную защиту животных (WAP)¹. Сегодня в мире насчитывается более 70 групп по правам животных. Помимо них существует множество групп, которые борются за защиту животных, используемых в лабораториях и для развлечений, а также животных, используемых в сельском хозяйстве, и домашних питомцев (в основном, собак и кошек).

В 1977 г. принята Всемирная декларация прав животных²; в 1987 г. – Европейская конвенция о защите домашних животных³.

В Европе существует давняя традиция гуманного отношения к животным. Деятельность Совета Европы в сфере защите животных берет свое начало с 60-х годов XX века. С 1965 по 1990 гг. были приняты Европейская конвенция о защите животных при международной перевозке, 1968 г., Европейская конвенция о защите животных, содержащихся на фермах 1976 г., Европейская конвенция о защите хребетных животных, используемых для экспериментов и других научных целей 1986 г. Каждая из конвенций представляет собой свод правил, которые определяют условия содержания и правила обращения с животными в отдельных сферах.

Но наибольшее значение для выработки современных стандартов защиты животных имеет Европейская Конвенция о защите домашних животных, вступившая в силу 1 мая 1992 года⁴. Она признает наличие у человека нравственного долга перед животными, указывает на ценность домашних животных для общества, а также на то, что человека и животных связывают особые узы. Основные принципы отношения к домашним животным включают: запрещение причинения страданий животным и оставления их на произвол судьбы. Конвенция предусматривает охрану здоровья животных, защиту от эксплуатации при дрессировке, коммерческом разведении. Конвенция содержит понятия «домашнее животное», «торговля домашними животными», «торговля домашними животными», в ней также определяется, что понимать под «коммерческим разведением и содержанием животных», и, наконец, под «бездомными животными».

В настоящее время уголовная ответственность за жестокое обращение с животными предусмотрена законодательством Австрии, Алжира, Афганистана, Вануату, Гаити, Грузии, Индонезии, Испании, Италии, Казахстана, Канады, Киргизии, Коста Рики, Кот д'Ивуар, Латвии, Литвы, Македонии, Нигерии, Сан Марино, Словакии, Словении, Судана, Таиланда, Украины, Финляндии, Франции, Хорватии. При этом наблюдаются существенные различия в размерах уголовных санкций за указанное деяние. Так, в уголовном

¹ <http://xn--h1ahbi.com.ua/info/400-wap-world-animal-protection-vsemirnaya-zaschita-zhivotnyh-vzzh.html> (дата доступа: 29 июня 2019)

² http://www.vita.org.ru/law/Zakonu/world_declaration_animal_rights.htm (дата доступа: 29 июня 2019)

³ <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/125> (дата доступа: 29 июня 2019)

⁴ Европейская Конвенция о защите домашних животных/<http://www.ghope.ru/interesting/law-aspects/evropeyskaya-konventsia-po-zashchite-zhivotnykh/>

законодательстве Италии и Коста Рики единственной санкцией является штраф, в Грузии жестокое обращение с животными наказывается исправительными работами на срок до одного года, в Алжире виновному грозит до 10 дней тюремного заключения, в Казахстане — до 6 месяцев лишения свободы, в Австрии и Испании — до одного года тюрьмы. В Латвии за жестокое обращение может быть назначено наказание до 4 лет лишения свободы.

Германия - первая страна-член ЕС (и вторая страна в Европе после Швейцарии), которая подняла защиту животных до конституционного уровня путем принятия поправок в Основной Закон Федеративной Республики Германии в 2002 году, ст. 20а которого гласит: «Государство, сознавая свою ответственность перед будущими поколениями, охраняет окружающую среду как основу жизни на земле в рамках конституционного строя и в соответствии с законом и правом с помощью исполнительной власти и правосудия»¹.

Защита животных в Германии закреплена в ряде нормативных актов, но особое место среди них занимает Закон о защите животных, 1972 г. (Tierschutzgesetz). Главная цель закона - защита жизни и благополучия животных как собратьев. Ст. 1 Закона предусматривает, что «никто не может причинить вред или причинить страдания животному без веской причины». Закон предоставляет широкий спектр защиты как домашних, так и диких животных от всех видов жестокого обращения. В этом законе также предусматривается наказание за противоправное поведение с животными².

Но следует отметить, что уголовно-правовая защита предоставляется только для позвоночных, как существ, которые с научной точки зрения доказали способность чувствовать боль и страдание. Незаконно убивать позвоночных животных без веской причины, жестоко причинять им сильную боль или страдания, или причинять длительную или повторяющуюся сильную боль или страдания. Наказание за такое преступление - тюремное заключение на срок до 3 лет лишения свободы или штраф.

Закон также предусматривает возможность изъятия животного у его владельца, а также наложить запрет на содержание животных (§ 17 Закона о животных). Очень важно подчеркнуть, что § 90 а Гражданского кодекса Германии признает, что животные - не вещи³.

Франция также имеет давнюю традицию правовой защиты животных. Первый закон, регулирующий обращение с домашними животными, был принят еще в 1850 году. В 1861 году защита была распространена на домашних животных, содержащихся в неволе. Современный Уголовный кодекс Франции в Книге V «Другие уголовные преступления и проступки» в Разделе II содержит положение, определяющее серьезное жестокое обращение или акты жестокости к животным как тяжкое преступление. Согласно

¹ Основной Закон Федеративной Республики Германии// <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf>

² Tierschutzgesetz // <https://dejure.org/gesetze/TierSchG>

³ Bürgerliches Gesetzbuch// <https://dejure.org/gesetze/BGB/90a.html>

ст. 521-1 Уголовного кодекса ненужное публичное или иное причинение серьезного жестокого обращения, включая сексуальное плохое обращение, или совершение акта жестокости в отношении любого домашнего или ручного животного или любого животного, содержащегося в неволе, наказываются на два года лишения свободы и штраф в размере 30 000 евро. В качестве дополнительного наказания суд может наложить запрет на постоянное или иное запрещение содержания животных. Положения статьи не применимы к боям быков, в которых может быть использована непрерывная местная традиция. Они также не распространяются на петушиные бои в тех местах, где также можно установить непрерывную традицию. Но уголовная ответственность применяется в случае создания любого нового центра для проведения петушиных боев. Те же самые санкции применяются в случае оставления домашнего или прирученного животного или животного, содержащегося в неволе, за исключением животных, используемых в целях репопуляции. Назначение наказания в виде лишения свободы к тюремному заключению и штраф не являются альтернативой, они могут быть наложены кумулятивно. В качестве дополнительного наказания суд может наложить запрет на постоянный или иной вид содержания животных. Проведение экспериментов или экспериментальных научных исследований на животных без соблюдения установленных законом требований также наказуемо в соответствии с положениями ст. 511-1 УК Франции (ст. 521-2)¹.

В Италии потребовалось собрать миллион подписей и провести трехлетнюю кампанию в СМИ для внесения поправок в Уголовный кодекс, которые содержат положения о запрете жестокого обращения с животными и их использовании в незаконных или несанкционированных боях². В 2004 году УК был включен раздел IX-бис «Положения, касающиеся запрещения жестокого обращения с животными, а также использования в тайных боях или несанкционированных соревнованиях» (ст. 544-бис – 544 sexies). В том числе был включен новый состав преступления «Преступления против чувств к животным». В данном случае объект преступления - чувство к животным, но не само животное. Законодатель также подробно регламентировал различные аспекты убийства животных и жестокого обращения с ними, были установлены санкции в зависимости от способов их исполнения. Таким образом, любой человек, который, используя ненужную жестокость, вызывает смерть животного может быть осужден к лишению свободы на срок от трех до восемнадцати месяцев. Но в случае причинения животному травмы, злоупотребления им или использования животного для чрезмерной работы, но без жестокости, может быть назначено наказание в виде лишения свободы от трех месяцев до одного года или в виде штрафа от 3000 до 15000 €. То же наказание применяется к любому, кто вводит запрещенные нарко-

тики животным или подвергает их лечению, которое нанесло бы вред их здоровью.

Более высокий штраф предусмотрен для любого, кто организует шоу и иные мероприятия, связанные с пытками или жестокостью по отношению к животным. В этом случае возможно наказание — лишение свободы от четырех месяцев до двух лет, и штраф в размере от 3000 до 15000 €. К уголовной ответственности также могут быть привлечены организаторы боев животных или несанкционированных соревнований между ними, если они могут поставить под угрозу их физическую неприкосновенность. Тот же штраф может быть наложен на хозяев животных, используемых в боях или соревнованиях. Последнее но не в последнюю очередь, любой, кто бросает домашнего животного, также может быть наказан лишением свободы на срок до одного года или штрафом от 1000 до 10000 евро. Такое же наказание назначается любому, кто держит животных в условиях, несовместимых с их природой, и причиняет им тем самым боль и страдания. Кроме того, закон предусматривает более 1/3 или 1/2 более от наиболее высокой суммы штрафа по сравнению с установленной суммой в случае смерти животных, связанной с различными формами жестокого обращения или если это произошло в результате азартных игр и т. д.¹

Подводя итоги, можно сделать вывод, что защита животных стала важной этической и политической проблемой для многих стран мира. Отношение к жестокости и пренебрежению животными меняется, общество медленно движется к тому, чтобы понять, что цивилизованное сообщество должно заботиться о всех, включая животных. Соблюдение права животных на жизнь и благополучие является достижением цивилизованного общества, выражением нашей человечности и инструментом для защиты нашего природного наследия. При этом любая деятельность, направленная на защиту и обеспечение благополучия животных, должна основываться на принципе, согласно которому животные — это живые существа, чьи особые потребности должны быть приняты во внимание.

Список литературы

Бентам Дж. Принципы морали и законодательства (1748-1832)//<http://psylib.org.ua/books/kaplo01/txt08.htm> (дата доступа: 29 июня 2019)

Защита животных: история и современность// <https://wolcha.ru/475-zashhita-zhivotnyx.html> (дата доступа: 29 июня 2019)

Филатова Н.Ю. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в Италии и России //Адвокатская практика. № 5. 2017. С. 59-64

Animals and their Legal Rights: A Survey of American Law from 1641 to 1990/ Emily Steward Leavitt & Diane Halverson eds., Fourth Edition. Animal Welfare Institute. 1990

¹ Penal Code://C:/Users/ekate/Downloads/Code_33.pdf

² Филатова Н.Ю. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в Италии и России //Адвокатская практика. № 5. 2017. С. 59-64

¹ Legge 20 luglio 2004, n.189 // <https://www.senato.it/documenti/repository/eventi/dicembre2004/fscommand/Elenco%20leggi/189.pdf>

Гомеопатия и народная медицина с позиций
уголовного права Российской Федерации

Criminal Law Stance on Homeopathy and Traditional Medicine
in Russian Federation

Аннотация. Гомеопатия и народная медицина как методы лечения альтернативной медицины в последние годы сосредоточили вокруг себя многие медико-правовые проблемы. Авторы статьи приходят к выводу о том, что в УК РФ предусмотрена ответственность не за альтернативно-медицинскую деятельность вообще, а лишь при нарушении требования лицензирования такого лечения и неосторожного причинения вреда здоровью потерпевшего. Делается вывод о пробельности законодательства в части регулирования гомеопатического лечения. В судебно-следственной практике не нашли своего бесспорного разрешения вопросы: квалификация лечебно-гомеопатической ошибки, повлекшей вред здоровью потерпевшего и её соотношение с преступлениями против личности; понимание субъекта этого преступления; роль гомеопатического и народного методов лечения в механизме преступления («статус» альтернативных методов лечения, установление причинной связи между ними и наступившими последствиями) и др. Авторы публикации предлагают своё решение рассматриваемых проблем.

Abstract. Homeopathy and traditional medicine popularity have led to a host of legal and medical problems. Currently, Russian criminal code makes the homeopaths and traditional healers accountable only due to the licensing rules violations or bringing unintentional harm to the patient. The article shows a gap existing in the regulation of those types of treatment.

Author suggests ways to resolve the following problems: qualification of the medical error in case of homeopathic treatment, that has harmed patient's health, comparing with other offences against a person, defining a subject of that crime, defining a legal status of the homeopathy and traditional healing methods, finding a causal connection between the actions of the healer and their aftermath

Ключевые слова: гомеопатия, народная медицина, нетрадиционная медицина, альтернативная медицина, лицензирование, медицинская деятельность, фармацевтическая деятельность.

Key words: homeopathy, traditional medicine, alternative medicine, licensing, medical error, pharmaceutical practices.

Альтернативные медицинские практики в последние десятилетия стали сложной и актуальной медико-правовой проблемой. В данном случае мы имеем в виду гомеопатию и народную медицину.

Под гомеопатией понимается метод лечения болезней малыми дозами лекарств, которые в больших дозах вызывают у здорового человека признаки данного заболевания¹. В основе гомеопатии лежит принцип «подобное лечится подобным». Считается, что гомеопатию как вид альтернативной медицины предложил в конце 18 в. немецкий врач Христиан Фридрих Самуэль Ганеман. Суть этого метода заключается в использовании сильно разбавленных препаратов, которые вызывают у здоровых людей симптомы, подобные симптомам болезни пациента. Многими исследователями гомеопатического

метод лечения расценивается как псевдонаучный. Впрочем, С. Ганеман также вряд ли следует считать «отцом гомеопатии», так как сведения об этом лечебном направлении встречались ещё 400 лет назад. По другим данным, гомеопатические методы лечения практиковались уже в 111-IV в. до н. э., когда Гиппократ предложил использовать в лечении недугов принцип подобия. К безусловным заслугам С. Ганемана относят перевод медицинского трактата шотландского врача и химика Уильяма Каллена на немецкий язык, опыты по разбавлению лечебных средств и упомянутый выше постулат «подобное лечится подобным»¹.

Доверие населения к гомеопатическим методам лечения существенно отличается в разных странах: от 15% и 18 % соответственно в Англии и США до 58% и 62 % в Бразилии и Индии. В России этот показатель составляет 28%².

Приметой последних лет стали разновекторные законодательные, правоприменительные и научные тенденции в сфере нетрадиционной медицины, среди которых: оптимистичная оценка и масштабная поддержка народной медицины со стороны Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ); сдержанная практика страхования ряда стран (Великобритании, США и др.), не распространяющаяся на гомеопатическое лечение; непримиримые позиции среди медиков и учёных относительно гомеопатии.

В Стратегии ВОЗ в области народной медицины на 2014-2023 г. эта область охраны здоровья относится либо к основным ресурсам по оказанию медико-санитарной помощи, либо является дополнением к этой помощи. Альтернативная медицина включает народную и дополнительную. Обе они рассматриваются как важные и часто недооцениваемые части медико-санитарной помощи. ВОЗ намерена и далее планомерно и всесторонне продвигать нетрадиционные, в том числе и гомеопатические методы лечения, включая: интеграцию их в национальные системы здравоохранения путем оказания помощи государствам-членам при разработке их собственной национальной политики в этой области, совершенствование методов лечения, обучение и др.³

В современной России обстановку вокруг гомеопатической практики буквально взорвал Меморандум №2, принятый 06.02.2017 г. Комиссией РАН РФ по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований во главе с академиком Е. Б. Александровым «О лженаучности гомеопатии». Высокая комиссия не оставляет камня на камне от гомеопатии как методе лечения, считая его лженаучным, обращается к различным органам власти,

¹Радомская Н.А., Белёвская Н.Г. Гомеопатия. Ресурсы здоровья// Интернет-журнал «Отходы и ресурсы». 2016, том 4, №1. URL: <http://resources.today> (дата обращения 20 июня 2019г.);См. также: Гомеопатия// URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/Гомеопатия> (дата обращения: 20 июня 2019 г.).

²Борисов М. Мы потратили часть своего репутационного ресурса// Троицкий вариант. №3 (222).14 февраля 2017 г. URL: <http://www.trv-science.ru> (дата обращения:20 июня 2019 г.).

³Стратегии ВОЗ в области народной медицины на 2014-2023 г.г.// URL:https://www.who.int/medicines/publications/traditional/trm_strategy14_23/ru (дата обращения:20 июня 2019 г.).

¹ Большой толковый словарь русского языка /Гл. ред. С.А.Кузнецов.-СПб.: Норинт». С.217.См.Также:Словарь медицинских терминов//URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/72532> (дата доступа:20 июня 2019 г.).

общественным организациям, СМИ и просто гражданам с предложениями, общей канвой которых стали: признание её вредности, бесполезности. Документ завершают инициативы по нейтрализации гомеопатии.¹ Меморандум №2 вызвал волны взаимных нападков сторонников и противников гомеопатии² и прокурорские проверки.³ Генеральная прокуратура РФ в своих заключениях от 24.03.2017г. и от 25.04.2017 г. пришла к выводу о том, что применение гомеопатии действующим законодательством РФ не запрещено и урегулировано соответствующими нормативными документами, а Меморандум №2 является не нормативным актом, его положения содержат позицию отдельных учёных и носят рекомендательный характер.

Признание за гомеопатией самостоятельного медико-лечебного направления, вызывает ряд правовых проблем. Сюда относятся: установление и реализация ответственности за врачебно-гомеопатическую ошибку, вопросы правового статуса врача-гомеопата, ответственность за отказ врача-гомеопата от оказания помощи, страховое покрытие гомеопатического лечения и др.

Эти же проблемы в целом относятся и к народной медицине.

Насколько современная нормативно-правовая база позволяет ответить на обозначенные проблемы?

В законодательстве РФ в числе приоритетных задач определены сохранение жизни и здоровья граждан страны. В частности, эта приоритетная задача прописана в Конституции. Так, согласно ст. 41 главного законодательного акта страны, каждый гражданин имеет право на оказание ему надлежащей медицинской помощи и охрану здоровья.

В практической медицине гомеопатический метод лечения позволяет использовать ряд нормативных актов. В числе первых – приказ Министерства здравоохранения и медицинской промышленности от 29.11.1995 г. Этим приказом утверждены Положение о враче, использующем гомеопатический метод, Правила отпуска гомеопатических лекарственных средств, Требования к заполнению медицинской карты амбулаторного больного врачом-гомеопатом. Этим же приказом даны распоряжения о соответствующих мерах по подготовке врачей гомеопатического профиля.

Базовым системным актом является ФЗ №-323 от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Однако нетрадиционные методы лечения в ней ограничиваются народной медициной. Ст.50 (народная медицина) таковой называет методы оздоровления, утвердившиеся в народном опыте, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здо-

¹ Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Меморандум № 2. «О лженаучности гомеопатии»// URL: http://www.5u5.ru/pdf/memorandum_homeopatiya.pdf (дата обращения: 20 июня 2019 г.).

² Борисов М. Мы потратили часть своего репутационного ресурса. Там же: Борусяк Л. Битвы вокруг гомеопатии: «свои» против «своих».

³ Гомеопатия: Заключение прокурора/ URL: <https://webmaster.yandex.ru/siteinfo/?site=www.fitasyntex.ru> (дата обращения: 20 июня 2019 г.).

ровья. К народной медицине не относится оказание услуг оккультно-магического характера, а также совершение религиозных обрядов. Эта же статья называет общие условия получения разрешения на такую деятельность, порядок её осуществления и прекращения. Там же оговаривается, что народная медицина не входит в программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Субъектом такой деятельности является лицо, получившее разрешение, занимается народной медициной в порядке, установленном органом исполнительной власти субъекта РФ.

Несложно заметить различия в определении специалиста, практикующего медико-альтернативный метод. Приказом №335 (применительно к гомеопатии) таковым признаётся специалист с высшим медицинским образованием по специальностям "лечебное дело", "педиатрия" или "стоматология", владеющий теоретическими практическими знаниями по основной специальности и в области гомеопатии, предусмотренными программой подготовки в соответствии с требованиями квалификационной характеристики и имеющий соответствующее удостоверение государственного образца. В ст.50 ФЗ-323 говорится, что это – гражданин, получивший разрешение, выданное органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья.

При подготовке настоящей работы авторами был использован метод экспертных оценок. В качестве экспертов выступили юристы и специалисты-медики отдела лицензионного управления Комитета по здравоохранению Правительства Санкт-Петербурга. Они указали на востребованность гомеопатического лечения в Санкт-Петербурге и отметили наличие ряда нерешённых организационных и правовых «узких мест». Характерно, что некоторые из них признают сложность соотношения понятий «гомеопатия» и «народная медицина». Преобладающая часть специалистов связывает с гомеопатией лишь фармацевтическую деятельность, а народная медицина, считают они, - понятие более широкое. Это и «гомеопатия в действии», т.е. лечение именно гомеопатическими средствами и способами, и иные методы лечения, не относящиеся ни к традиционным, ни к гомеопатическим. Масла в огонь здесь добавляет отсутствие определения гомеопатии на нормативно-правовом уровне.

На наш взгляд, не убедительно ограничение гомеопатии только фармацевтической деятельностью. Исторически гомеопатия складывалась не только как фармацевтическая деятельность. Для сведения: сейчас в стране, и в Санкт-Петербурге, в частности, открыты гомеопатические лечебные центры. Гомеопатия, в широком смысле слова, включает в себя соответствующие методы лечения и фармацевтическую деятельность. Отсутствие легальной дефиниции гомеопатии представляет собой пробел в праве, который, с учётом понимания гомеопатии в регионах, ставит под угрозу привлечения к ответственности практикующих гомеопатов, чья деятельность не сводится только к фармацевтической.

Характерно, что и гомеопатия, и народная медицина не имеют «своего» лицензионного закона. На них распространяются ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 N 99-ФЗ и Постановление Правительства РФ от 16 апреля 2012 г. N 291 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)». Действует целый ряд приказов Минздрава России, регулирующих вопросы изготовления, отпуска и применения гомеопатических препаратов. Приказом Минздрава России от 29.12.2012 г. №1705н утверждены Правила оказания медицинской помощи в амбулаторных условиях, которыми рекомендуется в структурах таких учреждений предусматривать кабинет гомеопатии.

В уголовном законодательстве РФ предусмотрена ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности (ст.235) и производство лекарственных средств и медицинских изделий (ст.235-1). Применительно к предмету нашего рассмотрения, уголовная ответственность наступает не за саму гомеопатическую медицинскую или гомеопатическую фармацевтическую деятельность либо за занятие народной медициной, а при совокупном наличии двух условий (признаков состава преступления): отсутствие при этом лицензии и неосторожное причинение вреда здоровью человека.

Признание гомеопатию методом лечения обнаруживает ряд проблем. Не сложилось исчерпывающих рекомендаций в решении таких вопросов, как: квалификация лечебно-гомеопатической ошибки, повлекшей по неосторожности вред здоровью человека; понимание субъекта преступления в результате этой ошибки; роль метода гомеопатического лечения в механизме преступления (медико-правовой «статус» этого метода; установление причинной связи между ним и наступившими последствиями); соотношение с составом преступления оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ); соотношение с составами преступлений против личности и др.

Напомним, что ряд «гомеопатических», равно как и в целом «альтернативно-медицинских» проблем остаётся в правовом поле административно-регулятивного и административно-деликтного права (перечень и признаки административных правонарушений в сфере альтернативного лечения, распространение обязательного медицинского страхования на гомеопатию).

Общеправовой принцип единства прав и обязанностей предполагает не только наделение правами, но и возложение на врача-гомеопата обязанностей, аналогичных тем, которые в таких случаях возлагаются на представителей традиционной медицины. Здесь среди прочего возникает вопрос об установлении причинной связи между действиями (бездействием) врача-гомеопата и наступившими последствиями. Причинная связь, естественно, должна устанавливаться в рамках гомеопатического, а не традиционного ле-

чебного метода. Последнее ставит на повестку дня прозрачность и приемлемость гомеопатических методик. Корреспондировать им должны научно-обоснованные методики судебно-медицинских экспертиз, которые могли бы оценить обоснованность, правильность гомеопатического лечения и решить вопрос о причинной связи несоблюдения правил лечения конкретного недуга с наступившими последствиями.

На наш взгляд, решение аналогичных проблем в сфере народной медицины – более сложная проблема, ряд вопросов которой требуют отдельного рассмотрения.

Таким образом, нахождение гомеопатии и народной медицины в рамках признаваемой медицинской деятельности и правового поля предполагает решение ряда конкретных медико-правовых проблем, связанных с ответственностью лица, практикующего в сфере нетрадиционной медицины.

Список литературы

Борисов М. Мы потратили часть своего репутационного ресурса// Троицкий вариант. №3 (222).14 февраля 2017 г. URL ://www. trv-science.ru (дата обращения: 20 июня 2019 г.).

Борусяк Л. Битвы вокруг гомеопатии: «свои» против «своих» // Троицкий вариант. №3 (222).14 февраля 2017 г. URL: http://www. trv-science.ru (дата обращения: 20 июня 2019 г.).

Радомская Н.А., Белёвская Н.Г. Гомеопатия. Ресурсы здоровья// Интернет-журнал «Отходы и ресурсы». 2016, том 4, №1. URL: http://resources.today (дата обращения: 20 июня 2019г.).

Сумачев А.В.

Суицидальная детерминация: морально-правовой анализ

Suicidal Determination: Moral and Legal Analysis

Аннотация. В статье определяются детерминанты суицидального поведения, указанные в уголовном законе. Кроме того, указаны законные (порой аморальные) действия (бездействие), ставшие поводом для самоубийства (покушения на него). Отмечается целесообразность соответствующего совершенствования национального уголовного законодательства: изменения редакции ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации и дополнения ее соответствующим примечанием; дополнения ряда статей Особой части данного закона квалифицирующими (особо квалифицирующими) признаками.

Abstract . The article defines the determinants of suicidal behavior specified in the criminal law. In addition, the law mentions certain legal (sometimes immoral) actions (inaction), that became a reason for suicide (attempted suicide). The author proposes improvements of the national criminal legislation, including changing the text of art. 110 of the Criminal code of the Russian Federation and adding several articles to the Special part of the Code, describing the elements of the crime.

Ключевые слова: суицид, доведение до самоубийства, преступные детерминанты, совершенствование законодательства.

Key words: suicide, incitement to suicide, criminal determinants, improvement of legislation

Суицид (самоубийство) - явление не просто страшное, но и социально-опасное, поскольку, с одной стороны, может служить «примером для под-

ражания», а с другой - лишает население региона или даже целой страны уверенности в «завтрашнем дне» («не просто же так люди кончают с собой - довели их до этого!!!»). Так, по данным на 2019 год в России в среднем констатируется 39.3 случаев самоубийств на 100000 жителей. При этом суицид есть шестая из ведущих причин смерти в России¹. Кроме того, среди самоубийц более трети - это дети и подростки².

Заметим, что детерминанты суицидального поведения могут быть достаточно разнообразными. В частности, в ряду причин самоубийства (покушения на самоубийство) в ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) законодатель называет: угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Далее, в ст. 110¹ УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» указаны такие способы как: уговоры, предложения, подкуп, обман, а равно иные способы (за исключением указанных в ст. 110 УК РФ). Кроме того, в качестве детерминант суицидального поведения могут выступать самостоятельные составы преступлений, где суицид выступает в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака состава преступления - когда законодатель использует категорию «иные тяжкие последствия». Например:

- постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 г., от 30.06.2015 г., от 16 мая 2017 г.) в абз. 2 п. 28 определяет: «Под иными тяжкими последствиями следует понимать самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего ... и т.п.»³;

- постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» в п. 13 определяет, что «К иным тяжким последствиям изнасилования или насильственных действий сексуального характера, предусмотренным пунктом «б» части 3 статьи 131 и пунктом «б» части 3 статьи 132 УК РФ, следует относить, в частности, самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего лица ... и т.п.»⁴;

- постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» в п. 21 определяет: «Под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком пре-

ступления, предусмотренным частями 3 статьи 285 УК РФ и пунктом «б» части 3 статьи 286 УК РФ, следует понимать последствия совершения преступления в виде ... самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.»¹.

Анализ детерминант суицидального поведения (законодательно определенных способов доведения до самоубийства) возникает вопрос: всегда ли действия виновного при доведении потерпевшего до самоубийства (попытки самоубийства) должны быть преступными? И здесь целесообразно сослаться на данные анализа уголовных дел о доведении до самоубийства, проведенного Ю.А. Уколовой: ей не встретилось ни одного материала, где действия виновного, характеризующие доведение до самоубийства, носили бы неприступный характер. Угрозы (слова) обычно подкрепляются действиями, которые носят характер жестокого обращения или истязания. Действия виновного, связанные с угрозами убийством потерпевшего или причинения ему вреда здоровью, дают основания потерпевшему опасаться реализации данной угрозы, поскольку виновный ранее избивал его или причиняет физические страдания в настоящий момент. К примеру, угрозы выгнать из дома убеждают потерпевшего в их реализации тем, что однажды виновный не пускал потерпевшего домой, заставлял ночевать на улице, отказывал в питании. Таким образом, угрозы являются продолжением системы действий, носящих характер жестокого обращения, направленного в целом на причинение психических или физических страданий. Только в таком случае действия виновного становятся достаточными для самоубийства потерпевшего². Из сказанного Ю.А. Уколова делает категоричный вывод: деяния, ставшие причиной самоубийства потерпевшего, могут быть квалифицированы как доведение до самоубийства только в том случае, если сами по себе являются общественно опасными, т.е. преступными³.

Заметим, что такой позиции придерживается большинство исследователей. Законные или даже аморальные действия (бездействие), ставшие поводом для самоубийства (покушения на него) не могут характеризовать объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Соответственно, с позиций действующего законодательства не влекут уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ такие действия как:

- действия начальника, законно уволившего сотрудника или действия мужа, разошедшегося с женой, если они даже были предупреждены, что сотрудник или жена намерены покончить с собой, и все же не отказались от своих действий⁴;

¹ Динамика самоубийств в современной России // Studwood.ru - URL: https://studwood.ru/776354/sotsiologiya/dinamika_samoubiystv_sovremennoy_rossii (дата обращения: 21.06.2019).

² Статистика суицидов в России 2019 // Блог о России - URL: <https://bcb.su/statistika-suicidov-v-rossii-2017.htm#statistika-suicida-v-2018-2019-godu-v-rossii> (дата обращения: 21.06.2019).

³ Российская газета. 2006. 28 июня.

⁴ Российская газета. 2014. 12 декабря.

¹ Российская газета. 2009. 30 октября.

² Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия, 2008. С.18-19.

³ Там же. С.19.

⁴ Шаргородский М.Д. Избранные труды по уголовному праву / сост. и предисл. Б.В. Волженкин. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С.41.

- постоянное надоедливое следование как тень за возлюбленной, систематические задержки с выдачей зарплаты¹;
- обоснованное выставление неудовлетворительной оценки на экзаме²;
- прекращение личных отношений между парнем и девушкой³;
- «нравоучения» родителей, если они не связаны с унижением человеческого достоинства самоубийцы (например, физическое воздействие в рамках реализации «родительской власти»), и т.п.⁴

Вместе с тем, стоит заметить, что перечень названных в ст. 110 и 110¹ УК РФ преступных действий, которые могут выступить в качестве повода для самоубийства, достаточно широк, он не охватывает всех возможных случаев. Так, на основе изучения судебной практики и исследования содержания таких деяний, как угрозы, жестокое обращение и систематическое унижение достоинства, Ю.А. Уколова делает вывод, что законодатель не дает перечень способов совершения преступления в его общепринятом в уголовном праве понимании⁵. Указанные деяния - угрозы, жестокое обращение, унижения - могут наполняться совершенно различным содержанием и во многом пересекаются, а именно: систематическое унижение достоинства или угрозы могут по существу представлять собой жестокое обращение, если последнее носило характер психологического насилия и т.п. Соответственно, продолжает Ю.А. Уколова, исчерпывающий перечень конкретных приемов и методов реализации преступного намерения при доведении до самоубийства невозможно указать в силу огромного разнообразия последних. В законе определены лишь направления болезненного воздействия на конкретную область человеческих чувств. Данным списком законодатель старается подчеркнуть, что преступными являются те действия лица, которые направлены на запугивание человека, а также на причинение ему психических и физических страданий, т.е. носят характер сильной психической травмы, в случае если это повлекло самоубийство (попытку самоубийства) потерпевшего⁶.

Согласиться с вышесказанным можно лишь отчасти. Мы признаем справедливым тот факт, что законодатель, определяя способы доведения до самоубийства (покушения на него), использует, по сути, не конкретизированные (оценочные) категории. Однако в целях более действенной защиты жизни человека следует определить *по возможности* исчерпывающий пе-

речень конкретных способов доведения до самоубийства (покушения на него). При этом, данное совершенствование уголовного закона возможно посредством:

- 1) корректировки действующей редакции ст. 110 УК РФ;
- 2) придания факту суицида (покушения на суицид) характера самостоятельного квалифицирующего (особо квалифицирующего) обстоятельства иных преступлений.

Итак, совершенствование действующей редакции ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» должно быть связано с казуистическим (описательным) способом изложения диспозиции данной нормы, в которой был бы указан по возможности полный перечень преступных деяний (действий или бездействия), повлекших самоубийство (покушение на него) потерпевшего. Следовательно, диспозиция ст. 110 УК РФ должна иметь следующий вид:

«Статья 110. Доведение до самоубийства.

Угрозы применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, разглашения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, создание психотравмирующей обстановки, обусловленной использованием материальной или иной зависимости потерпевшего, применение физического насилия к близким потерпевшему лицам в его присутствии, совершение в присутствии потерпевшего приготовительных действий к расправе с ним или их имитации, многократные акты оскорбления, глумления, опорочивания потерпевшего, а равно информационное воздействие, осуществляемое виновным на психику лица посредством жестов, слов, видео-, аудиозаписи (гипноз), повлекшие самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, - ».

Заметим, что в ряду указанных выше способов отдельно выделено «информационное воздействие». Соответственно, ч. 1 ст. 11¹ УК РФ - «Склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства» - следует исключить.

Применительно же к приданию факту самоубийства (покушению на самоубийство) характераотягающего (квалифицирующего или особо квалифицирующего) обстоятельства, предлагается:

- дополнить ч. 4 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», ч. 3 ст. 123 УК РФ «Незаконное производство аборта», ч. 2 ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному», ч. 5 ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» и ч. 4 ст. 135 УК РФ «Развратные действия» (всего 5 статей Особенной части УК РФ) словами «а равно/либо самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего»;

- дополнить ст. 120 УК РФ «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации» частью 3; ст. 121 УК РФ «Заражение венерической болезнью» частью 3; ст. 122 УК РФ «Заражение ВИЧ-инфекцией» частью 5; ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности» частью 2; ст. 133 УК РФ

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 5-е доп., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2009. С.365.

² Еще один подросток покончил с собой из-за ЕГЭ // ВЕСТИ.RU - URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=365108> (дата обращения: 21.06.2019).

³ Несчастливая любовь и суицид // Психологи на b17.ru - URL: <https://www.b17.ru/article/102731/> (дата обращения: 21.06.2019).

⁴ Что стоит за подростковыми суицидами? // Психологи на b17.ru - URL: <https://www.b17.ru/article/solonar/> (дата обращения: 21.06.2019).

⁵ Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. С.16.

⁶ Там же. С.16.

**Развитие уголовного законодательства об ответственности
медицинских работников за причинение вреда жизни
и здоровью пациентов**

**Development of criminal legislation on the responsibility of medical staff
for causing harm to the life and health of patients**

Аннотация: В статье рассматривается история развития российского уголовного законодательства об ответственности медицинских работников за причинение вреда жизни и здоровью пациента, начиная с памятников права XIX в. Анализируется современное состояние уголовно-правовой оценки преступлений медицинских работников, а также перспективы изменения норм о ятрогенных преступлениях.

Abstract: The article deals with the history of the development of Russian criminal legislation on the responsibility of medical staff for causing harm to the life and health of a patient, beginning with monuments of law of the 19th century. The current state of criminal law assessment of crimes of medical staff, as well as the prospects for changing norms on iatrogenic crimes are analyzed.

Ключевые слова: ненадлежащее оказание медицинской помощи, вред жизни и здоровью.

Key words: inadequate medical care, harm to life and health.

Общественные отношения в сфере охраны здоровья граждан исторически занимали важное место в иерархии объектов преступных деяний по российскому уголовному законодательству. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в редакции 1885 г.) Глава I Раздела Восьмого содержала нормы об ответственности за посягательства на «постановления, ограждающие народное здравие». В частности, Отделение Седьмое этого раздела, «О нарушении уставов врачей», устанавливало уголовную ответственность специальных субъектов - врача, оператора (то есть хирурга), акушера или повивальной бабки – за явные ошибки в деятельности, и мерой наказания за такие ошибки служило запрещение практики, но не бессрочное, а до прохождения нового испытания и получения свидетельства «в надлежащем знании своего дела». Если же вследствие неправильного лечения наступала смерть пациента или причинялся «важный здоровью вред», то и в этом случае наказание не было связано с лишением свободы, лишением прав состояния и т.п., виновный предавался наименее строгому из возможных видов воздействия: церковному покаянию, в системе наказаний не имевшему самостоятельного значения (ст.870)¹. В то же время более суровые наказания предусмотрены были за неисполнение обязанностей врачами, акушерами, повивальными бабками и прочими медицинскими работниками, вплоть до тюремного заключения, а также за вред здоровью, причиненный лицами, не имеющими права на производство врачевания и использовавшими сильнодействующие средства. Следует заметить, что нормы об ответственности врачевателей в большинстве своем были блан-

¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. (утратило силу)//Свод законов Российской империи. Т.XV. – С.86.

«Принуждение к действиям сексуального характера» частью 3; ст. 239 УК РФ «Организация объединения, посягающего на личность и права граждан» частью 4; ст. 240 УК РФ «Вовлечение в занятие проституцией» частью 4; ст. 241 УК РФ «Организация занятия проституцией» частью 4; ст. 242 УК РФ «Незаконное распространение порнографических материалов или предметов» частью 4; ст. 242-1 УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» частью 3; ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний» частью 3 (всего 19 статей Особенной части УК РФ) следующего содержания «То(е) же деяние(я), повлекшее (ие) по неосторожности самоубийство потерпевшего или покушение его на самоубийство».

Как видно, суицидальная детерминация достаточно разнообразная и, соответственно, требует своего адекватного законодательного отражения. При этом также необходимо законодательно указать (в виде соответствующего примечания к ст. 110 УК РФ), что законные (даже аморальные) действия (бездействие), ставшие поводом для самоубийства (покушения на него) не влекут уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ. При этом примерный перечень данных действий* целесообразно не указывать в уголовном законе (дабы не создавать «иллюзию безнаказанности» у потенциальных «доведенцев» до самоубийства), а отразить в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Список литературы

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 5-е доп., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2009. 1301 с.

Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия, 2008. 24 с.

Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву / сост. и предисл. Б.В. Волженкин. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 434 с.

* Действия начальника, законно уволившего сотрудника или действия мужа, разошедшегося с женой, если они даже были предупреждены, что сотрудник или жена намерены покончить с собой, и все же не отказались от своих действий; постоянное надоедливое следование как тень за возлюбленной, систематические задержки с выдачей зарплаты; обоснованное выставление неудовлетворительной оценки на экзамене; прекращение личных отношений между парнем и девушкой; «нравоучения» родителей, если они не связаны с унижением человеческого достоинства самоубийцы.

кетными и отсылали к Врачебному уставу, появившемуся после первого издания Уголовного уложения, в 1857 г., то есть вошли в редакцию 1885 года.

В Уголовное уложение 1903 года (так и не вступившее в силу целиком, за исключением главы о государственных преступлениях и ряда норм об определенных составах) также была включена Глава IX, посвященная ответственности за посягательства против народного здоровья¹, в основном направленная против лиц, занимающихся незаконным врачеванием и несоблюдением правил обращения сильнодействующих средств. Но в главе о преступлениях против жизни и здоровья была предусмотрена ответственность за причинение смерти по неосторожности, вследствие «несоблюдения виновным правил, установленных законом или обязательным постановлением для его рода деятельности в ограждение личной безопасности»², и наказывалось это деяние заключением в исправительном доме или в крепости на срок до 3 лет, с дополнительным наказанием в виде запрета, на срок от 6 месяцев до 3 лет, на тот род деятельности, при осуществлении которого причинена смерть. Фактически эта норма была прообразом современного нормативного закрепления ответственности за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей (ч.2 ст.109 УК РФ), но последующие кодифицированные законодательные акты, советского периода, - уголовные кодексы 1922, 1926 и 1960 г., ее не восприняли. Правда, в кодексе 1922 г. имелась ч.2 ст.147, в более расплывчатой формулировке, говорящая о неосторожном убийстве в результате «сознательного несоблюдения правил предосторожности», санкция которой предусматривала лишение свободы до трех лет, и дополнительное наказание - запрет навсегда или на определенный срок заниматься той деятельностью, при выполнении которой осужденный причинил смерть³. И хотя словосочетание «правила предосторожности» было достаточно общим, теоретически могло относиться к любому, в том числе бытовому занятию, и не сводилось ни к какой профессиональной деятельности, дополнительное наказание при толковании этой нормы ориентировало на то, что все же деятельность, приведшая к смерти потерпевшего, носила специфический, скорее всего, профессиональный характер.

В аналогичную норму кодекса 1926 г. добавилось указание на источники правил предосторожности – эти правила должны были быть установлены законом или распоряжениями власти⁴. Однако Уголовный кодекс 1960

г. пренебрег какой-либо отсылкой к специальной деятельности, несоблюдение правил которой привело к неосторожному причинению смерти, установлен в ст.106 ответственность за «убийство, совершенное по неосторожности»¹, поэтому в период действия этого законодательного акта преступные деяния медицинских работников, в результате которых наступила смерть пациента, квалифицировались как неосторожное убийство. Например, медицинская сестра детского отделения одного из родильных домов г. Ленинграда, исполняя назначение врача, дала принять новорожденному младенцу вместо раствора пищевой соды раствор кальцинированной соды, по ошибке, считая, что в аптечном контейнере содержится пищевая сода, и не проверив действительное содержимое; ребенок в результате скончался, и медсестра была осуждена по ст.106 УК РСФСР за убийство, совершенное по неосторожности. Однако практические работники высказывали неудовлетворение таким подходом к квалификации преступлений, которые сейчас принято называть ятрогенными, и выражали пожелание о включении в уголовный кодекс специальной нормы. Это пожелание было частично реализовано в действующем Уголовном кодексе, в который была включена часть 2 ст.109 о причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей. Следует заметить, что законодатель считал необходимым установить более суровую ответственность за неосторожное лишение жизни при исполнении профессиональных обязанностей по сравнению с основным составом: верхний предел наказаний в виде лишения свободы, ограничения свободы, принудительных работ в санкции части 2 ст.109 УК РФ на год выше, чем в части 1. Возможно, отчасти это обусловлено тем, что специальные профессиональные правила устанавливаются обычно для видов работ, несущих потенциальную опасность; а также в связи с тем, что «нарушение медицинским работником своих профессиональных обязанностей приводит к изменению содержания медицинской деятельности от социально одобренной и полезной до общественно опасной»². Некоторые ученые расценивают это условие причинения вреда – при ненадлежащем выполнении профессиональных обязанностей – как квалифицирующее обстоятельство, объяснимо влекущее повышенную ответственность³. Интересно, что в первоначальной редакции кодекса верхним пределом санкции основного состава – ч.1 ст.109 УК РФ – был трехлетний срок лишения свободы, а верхним пределом санкции специального состава, пре-

¹ См.: Уголовное уложение (утратило силу) // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате, 16 апреля 1903 г., №38. Отд.1, ст.416. – С.44-45.

² Там же. С.92.

³ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., принят 26 мая 1922 года на 3-й сессии IX съезда Советов. (утратил силу). URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241523&subID=100096269,100096271,100096276,100096305> (дата обращения 18.05.2019).

⁴ Уголовный кодекс РСФСР, редакции 1926 года (с изм. и доп., внесенными Постановлениями ЦИК СССР от 19.02.1926 - СЗ, 1926, № 9, ст. 71; от 05.03.1926 - СЗ, 1926, № 15, ст. 106) (утратил силу) // СУ РСФСР», 1926, № 80, ст. 600.

¹ См.: Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. Принят третьей сессией ВС РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г. (утратил силу). URL: <http://base.garant.ru/10107062/2c8032955faeff9fe4903d55fc816a7e/> (дата обращения 28.05.2019).

² Нестерович И. Ю. Уголовная ответственность медицинских работников как вид юридической ответственности // В сб.: Актуальные вопросы юридических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). — Чита: Изд-во Молодой ученый, 2017. — С. 138.

³ См., напр.: Сергеев Ю. Д., Концевая А.Ю. Уголовная ответственность за профессиональные и должностные правонарушения в медицинской деятельности: состояние правового регулирования // В сб.: Медицинское право России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. - М.: Национальный институт медицинского права, 2015. - С.132.

дусмотренного ч.2 ст.109, - пятилетний срок лишения свободы, но в дальнейшем, гуманизируя уголовно-правовые нормы, законодатель понизил верхние пределы санкций обоих составов, сохранив, однако, иерархию тяжести преступлений¹.

Однако и в настоящее время состояние уголовно-правового регулирования ответственности медицинских работников не считается совершенным и вызывает ожесточенные дискуссии, в диапазоне от предложений исключить вовсе уголовное преследование медицинских работников за причинение вреда жизни и здоровью пациентов, перенеся ответственность в сферу страховой медицины, до введения в уголовный закон новых норм и ужесточения мер воздействия². Так, Следственным комитетом Российской Федерации был подготовлен законопроект о включении в Уголовный кодекс двух новых статей со специальным субъектом – медицинским работником: статья 124¹ «Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги)» статья 124² и «Соккрытие ненадлежащего оказания медицинской помощи (медицинской услуги)».

Газета «Коммерсант» сообщила, что законопроект находился на официальном сайте regulation.gov.ru всего несколько часов, после чего был удален. Следственный комитет РФ прокомментировал ситуацию, разъяснив, что публикация законопроекта в старой версии являлась результатом «технической ошибки». «Это старая версия, разработанная около года назад и уже изученная медицинским сообществом. После этого в нее были внесены изменения в части лишения свободы — теперь оно не предусматривается, — рассказали там»³. Однако работа по продвижению изменений в УК РФ ведется и, скорее всего, в кодексе появятся новые статьи.

Один из составов, введение которых предложено Следственным комитетом РФ, формулируется так: «Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги) вследствие нарушения медицинским работником своих профессиональных обязанностей, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека» (или смерть – как квалифицирующее обстоятельство части 2 предлагаемой статьи; или смерть двух и более человек – в части 3). Решит ли данная новелла проблемы уголовно-правовой оценки преступлений медицинских работников?

Законопроект вызвал возражения прежде всего у представителей медицинского сообщества. Президент Национальной медицинской палаты Леонид Рощаль заметил, что в законопроекте не указано, какие именно нарушения профессиональных обязанностей врача будут трактоваться в качестве

причины нанесения тяжкого вреда здоровью пациента или его смерти¹. Юристы отмечают нецелесообразность таких изменений в законе, ссылаясь на то, что фактически они будут дублировать существующую норму – часть 2 ст.109 УК РФ². Действительно, законопроект не предусматривает внесения изменений в статью 109 УК РФ, и в случае его реализации эти нормы вступят между собой в конкуренцию, что неизбежно породит проблемы в следственной и судебной практике. Предложенный проект ст.124.1 УК РФ не образует новую специальную норму, а всего лишь перефразирует уже имеющуюся часть 2 ст.109 УК РФ, то есть представляет собой специальную норму по отношению к такой же специальной норме.

Однако это нововведение, на наш взгляд, является шагом в сторону решения основной проблемы уголовно-правовой оценки профессиональных нарушений медицинских работников. Эта проблема заключается в том, что, оказывая медицинскую помощь, врач в большинстве случаев вмешивается в уже начавшийся патогенный процесс, который сам по себе может закончиться причинением серьезного вреда жизни или здоровью пациента. То есть процесс причинения вреда уже был инициирован травмой или заболеванием до начала выполнения врачом объективной стороны его деяния. И если тяжкие последствия наступают в условиях ненадлежащего исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей, то можем ли мы назвать деяние врача «причинением смерти» или «причинением тяжкого вреда здоровью», ведь врач всего лишь фактически усложнил причинную связь между источником патогенного процесса и последствиями?

Если же исходить из того, что основным непосредственным объектом деяния, описанного в законопроекте как преступление, предусмотренное ст.124.1 УК РФ, является не жизнь и здоровье пациента, а та группа общественных отношений, которая в дореволюционных уголовных уложениях называлась «народное здравие», то получается, что законопроект выстраивает гораздо более разумную конструкцию ответственности за ятрогенное преступление. В действующем законе преступное деяние врача описывается как «причинение смерти» или «причинение тяжкого вреда здоровью» по неосторожности, но далеко не всегда инкриминированные медицинским работникам деяния укладываются в эту обязывающую формулировку.

Например, врач Зиновьева осуждена по ст.109 ч.2 УК РФ к 2 годам ограничения свободы с лишением права заниматься врачебной деятельностью на 2 года, с установлением ряда ограничений и возложением обязанностей. Она признана виновной в причинении смерти 6-летней девочке, по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. Судом установлено, что Зиновьева при лечении девочки допустила ряд нарушений, а именно: не интерпретировала ее иммунный статус, не провела консультацию врача-иммунолога, динамичное наблюдение за

¹ См.: Трифонова А. Медики, пациенты и юристы не видят смысла в дополнительных «медицинских» статьях Уголовного кодекса// Коммерсантъ, № 130 от 25.07.2018. - С. 5.

² См.: Мишина В., Сергеев Н. Указ. соч. С.4.

¹ Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) //Собрание законодательства Российской Федерации от 15 декабря 2003 г. N 50 ст. 4848.

² См.: Петрова Т. Н., Сидакова И.А. История и перспективы уголовной ответственности медицинских работников за профессиональные преступления// Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, 2018. - №2. – С.88.

³ Мишина В., Сергеев Н. На официальном портале произошла врачебная ошибка. СКР пообещал исключить лишение свободы для медиков// Коммерсантъ, №106 от 21.06.2019. – С. 4.

большим ребенком обеспечили путем передачи «актива» врачу-педиатру участковому, которая при амбулаторном наблюдении за больным ребенком недооценила тяжесть состояния здоровья в течение 10 дней, госпитализацию в стационар для обследования и коррекции лечения не предлагала, результаты общего обследования анализа крови, назначенного с опозданием, не интерпретировались, тактика лечения и условия оказания помощи не скорректированы, было выявлено расхождение при сличении клинического и судебно-медицинского диагнозов. Суд ссылался на заключение судебно-медицинских экспертов, согласно которому «при своевременной госпитализации ребенка в стационар ее смерть можно считать условно предотвратимой»¹. Очевидно, что причиной смерти ребенка явилось заболевание, которое никак не связано было с деянием (бездействием) врача, поэтому легальная дефиниция «причинение смерти» в данном случае не отвечает характеру деяния. Однако наличие ненадлежащее оказание медицинской помощи, которое обусловило наступление летального исхода, поэтому суд обоснованно пришел к выводу, что «медицинское обеспечение ребенка не соответствовало утвержденному приказом Минздрава стандарту в части выполнения диагностических исследований»², и смерть малолетней пациентки явилась последствием некачественного лечения. Подобные случаи гораздо логичнее укладываются в схему неосторожного преступления, объективная сторона которого состоит из деяния в виде ненадлежащего оказания медицинской помощи (услуги), и последствия в виде смерти или тяжкого вреда здоровью пациента, а не того, что сегодня предлагается уголовным законом в диспозиции ч.2 ст.109 УК РФ, в виде причинения смерти или тяжкого вреда здоровью.

Поэтому представляется обоснованной предложенная в законопроекте трансформация определения ятрогенного деяния из «причинения смерти или вреда здоровью» в «ненадлежащее оказание медицинской помощи или услуги». Этой формулировкой также снимается вопрос о причиняющей способности бездействия врача.

Список литературы

Мишина В., Сергеев Н. На официальном портале произошла врачебная ошибка. СКР пообещал исключить лишение свободы для медиков// Коммерсантъ, №106 от 21.06.2019. – С. 4.

Нестерович И. Ю. Уголовная ответственность медицинских работников как вид юридической ответственности // В сб.: Актуальные вопросы юридических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). — Чита: Изд-во Молодой ученый, 2017. — С. 136-139.

Петрова Т. Н., Сидакова И. А. История и перспективы уголовной ответственности медицинских работников за профессиональные преступления// Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, 2018. - №2. – С.85-89.

¹ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 26 июля 2017 г. по делу N 10-11710/2017. URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAMSMARB&n=1295932 (дата обращения 18.06.2019).

² Там же.

Сергеев Ю. Д. Концевая А.Ю. Уголовная ответственность за профессиональные и должностные правонарушения в медицинской деятельности: состояние правового регулирования // В сб.: Медицинское право России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Национальный институт медицинского права, 2015. С.127-133.

Трифопова А. Медики, пациенты и юристы не видят смысла в дополнительных «медицинских» статьях Уголовного кодекса// Коммерсантъ, №130 от 25.07.2018. – С. 5.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. (утратило силу)//Свод законов Российской империи. Т.XV. – С.86.

Уголовное уложение (утратило силу)// Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате, 16 апреля 1903 г., №38. Отд.1, ст.416. – С.44-45.

Тюнин В.И., Радошнова Н.В.

Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средств (ст. 172³ УК РФ)

Failure to Include Information about Funds Allocated by Individuals and Self-Employed in the Financial Records and Records of a Credit Organization (art. 172³ of the Criminal Code of the Russian Federation)

Аннотация. В статье рассматривается состав преступления, предусмотренный статьей 172³ УК РФ, предпосылки криминализация деяния, общественная опасность преступления, соотношение преступления с хищениями, дается прогноз правоприменительной практики статьи.

Abstract. The article considers the corpus delicti provided for by article 172.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, the reasons for the criminalization of the act, the public danger of the crime, the correlation between the crime and theft, and gives a forecast of the article's law enforcement practice.

Ключевые слова: фальсификация, сокрытие денежных средств, уголовная ответственность, кредитные организации.

Key words: falsification, concealment of funds, criminal liability, credit organizations

Федеральный закон от 27.12.2018 № 530-ФЗ внес изменения и дополнения в УК РФ, направленные на усиление и ужесточение ответственности за преступления в сфере учета финансовых документов и отчетности. Так, законом дополнена ст. 170¹ УК РФ (фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета) новыми частями. Часть 4 установа ответственность за внесение в реестр или систему депозитарного учета: недостоверных либо неполных сведений в интересах клиента-организации; подтверждение от имени организации достоверности внесенных в реестр либо систему депозитарного учета сведений.

В УК РФ была внесена ст. 172³ УК РФ об ответственности за «Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации

сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах».

Преступление, предусмотренное ст. 172³ УК РФ помещено в гл.22 УК РФ. Настоящее преступление тесно примыкает к преступлению, предусмотренному ст. 172¹ УК РФ, об ответственности за фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финансовой организации.

В чем заключается общественная опасность преступления? Названное преступление следует отнести к группе преступлений, посягающих на отношения, складывающиеся в сфере финансово-кредитной деятельности. Указанное преступление с одной стороны способствует противодействию обеспечения взыскания денежных средств в соответствии с решением принятым судом в отношении должников, укрывательству имущества (денежных средств) лицами, совершающими преступления в сфере экономической деятельности, с другой стороны способствует хищению указанных денежных средств.

Случаи уничтожения записей в документах, учитывающих денежные средства на счетах в кредитных организациях известны в практике правоприменительной деятельности давно. Такие деяния предшествовали чаще всего последующему совершению хищений денежных средств, составляя с одной стороны приготовление к ним, с другой стороны выступая самостоятельными видами злоупотребления доверием. Так, например, по ст. 1657 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года каралось похищение или истребление документов или бумаг в намерении доставить себе или кому противозаконную выгоду¹.

В современное время кредитные организации уничтожают документацию, прежде всего сведения о долговых обязательствах кредитной организации перед вкладчиками (юридическими и физическими лицами) в преддверии отзыва у них лицензии. В 2016 г. с помощью двойной бухгалтерии было похищено 57,3 млрд. рублей у 69 тысяч вкладчиков.

В 2016 году Арксбанк спрятал 35 млрд. рублей вкладов, - официально банк отражал лишь 4 млрд. руб. В Арксбанке работали сотрудники Мособлбанка, ставшего в 2013 г. рекордсменом по забалансовым вкладам: он спрятал 76 млрд. рублей от 350 тыс. вкладчиков².

Объект преступления составляют общественные отношения, регулирующие установленный порядок учета сведений о клиентах кредитных организаций, порядок ведения документации и составления отчетности, отражающей полностью сведений о клиентах и принадлежащем им имуществе (денежных средствах) находящихся на счетах кредитных организаций.

¹ См.: Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876г./ сост. проф. С-Петерб. Ун-та Н. С. Таганцевым; - Изд. 2-е, перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1876. – URL: <https://www.prlib.ru/item/459768><https://www.prlib.ru/item/459768>.

² Банкиры усовершенствовали способы избежать уголовной ответственности. – URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2017/04/24/686985-bankiri-sposobi-izbezhat-otvetstvennosti>.

Объективная сторона преступления выражается в сокрытии денежных средств, фактически размещенных физическими лицами или индивидуальными предпринимателями или в пользу указанных лиц на основании договора банковского вклада или договора банковского счета о таких денежных средствах: а) путем невнесения сведений в документы; б) путем невнесения сведений в регистры бухгалтерского учета; в) путем невнесения сведений в отчетность (отчетную документацию) кредитной организации.

Уголовно-правовое значение такое сокрытие приобретает, если сокрыты сведения о денежных средствах составляющих сумму, превышающую за период в пределах одного финансового года более 3 млн. рублей.

Рассмотрим содержание понятий, использованных в тексте уголовного закона при описании объективной стороны преступления. Итак, в основе указанных преступлений лежит искажение информации о фактическом размещении денежных средств в кредитной организации.

Под кредитной организацией понимается - юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные Федеральным законом от 02.12.1990 г. №395-1 (ред. 27.12.2018) «О банках и банковской деятельности».

Кредитная организация образуется на основе любой формы собственности как хозяйственное общество. Кредитные организации подразделяются на банки и небанковские кредитные организации. Первые могут осуществлять привлечение средств клиентов в депозиты и размещать средства в качестве кредитов, а также обслуживать счета клиентов - физических и юридических лиц. Вторые, либо привлекают денежные средства, либо осуществляют обслуживание счетов клиентов – юридических лиц. Таким образом, по смыслу статьи преступление может быть совершено только в банковской кредитной организации.

Что понимается под банковским вкладом и договором банковского счета? Согласно ст. 834 ГК РФ по договору банковского вклада (депозита) банк, принимает поступившую от другой стороны (вкладчика) или поступившую для нее денежную сумму (вклад), обязуется возвратить сумму вклада и выплатить проценты на нее на условиях и в порядке, предусмотренных договором. По просьбе вкладчика-гражданина банк вместо выдачи вклада и процентов на него должен произвести перечисление денежных средств на указанный вкладчиком счет.

В соответствии со ст. 845 ГК РФ по договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту (владельцу счета), денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету. Физическим лицам могут быть открыты текущие

счета и расчетные счета¹. Текущий счет открывается физическим лицам для совершения операций, не связанных с предпринимательской деятельностью или частной практикой.

Расчетный счет открывается индивидуальному предпринимателю или физическому лицу, занимающемуся частной практикой, для совершения операций, связанных с предпринимательской деятельностью или частной практикой.

Результатом совершения преступления является сокрытие денежных средств одним из указанных в законе способов: а) путем невнесения сведений в документы; б) путем невнесения сведений в регистры бухгалтерского учета; в) путем невнесения сведений в отчетность (отчетную документацию) кредитной организации.

Уголовный закон не дает определения понятию - сокрытие. Указанное понятие, тем не менее, раскрывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления»².

В п. 20 постановления сказано «Под сокрытием денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (статья 199² УК РФ), следует понимать деяние, направленное на воспрепятствование принудительному взысканию недоимки по налогам и сборам в крупном размере». По смыслу текста постановления следует сделать вывод, что денежные средства должны быть сокрыты, т. е. не отражены в документах, регистрах или отчетности.

Сумма денежных средств должна составлять в совокупности более 3 млн. рублей, за период в пределах одного финансового года³. Таким образом, преступление может быть продолжаемым деянием, состоять из ряда эпизодов по сокрытию сумм денежных средств, в совокупности составляющих сумму, превышающую 3 млн. рублей.

При этом не имеет значения, находятся ли на расчетном счете или депозите денежные средства, которые были сокрыты за указанный период времени или они были переведены др. лицам, зачислены на банковские или депозитные счета другой кредитной организации, переведены организации или физическому лицу, выданы в наличной форме собственнику денежных средств или иному физическому лицу.

Остановимся на способах совершения преступления, каковых предусмотрено три. Первый способ определен как *сокрытие денежных средств путем невнесения сведений в документы*. Основным документом, который

составляется при открытии банковского вклада (депозита) является договор. Договор составляется в письменной форме. Договор содержит ряд обязательных условий, которые составляют предмет договора, включая указание суммы денежных средств и срок, на который указанная сумма размещается в банке. Для учета движения средств, вложенных организацией в банковские и другие вклады, Инструкцией по применению Плана счетов финансово-хозяйственной деятельности организаций (утв. Приказом Минфина России от 31.10.2000 № 94н) предлагается использовать **субсчет 3 «Депозитные счета» счета 55 «Специальные счета в банках»**.

Сумма денежных средств, внесенная на депозитный счет, в то же время признается финансовым вложением (п. 3 Положения по бухгалтерскому учету «Учет финансовых вложений» (ПБУ 19/02), утв. Приказом Минфина России от 10.12.2002 № 126н).

Для учета же финансовых вложений указанная Инструкция предписывает использовать счет 58 «Финансовые вложения». При таком варианте для учета депозитов логично открыть специальный субсчет 5 «Банковский вклад (депозит)».

Несовержение указанных и других операций бухгалтерского учета приведет к сокрытию денежных средств, поступивших от клиента физического лица или предпринимателя.

Вторым способом преступления является *сокрытие денежных средств путем невнесения сведений в регистры бухгалтерского учета*. Под регистрами понимаются документы, в которых систематизируется и накапливается информация, содержащаяся в принятых к учету первичных документах, для отражения на счетах бухгалтерского учета и в бухгалтерской отчетности.

Регистры бухгалтерского учета ведутся в специальных книгах (журналах), на отдельных листах и карточках, в виде электронных баз данных (файлов, каталогов), сформированных с использованием средств вычислительной техники. Основными регистрами являются: кассовые журналы по приходу и расходу - для регистрации операций соответственно по приему и выдаче наличности; ведомость остатков, которая ведется по всем лицевым счетам с выделением итогов по разделам, счетам первого и второго порядка; баланс банка, где отражаются входящие и исходящие остатки; баланс в форме сальдово-оборотной ведомости, где кроме остатков показаны обороты по счетам.

Следовательно, не отражение денежных средств, поступивших на банковский счет или на депозит, приведет к их сокрытию.

Третий способ совершения преступления состоит в *сокрытии денежных средств путем невнесения сведений в отчетность (отчетную документацию) кредитной организации*. В соответствии со ст. 43 ФЗ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 01.01.2019) «О банках и банковской

¹ Инструкция Банка России от 30.05.2014 № 153-И (ред. от 24.12.2018) «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов» // Вестник Банка России, 2014. № 60.

² Бюллетень Верховного Суда РФ, 2007. № 3.

³ Финансовый год соответствует календарному году и длится с 1 января по 31 декабря (статья 12 Бюджетного кодекса РФ).

деятельности»¹ «Кредитная организация составляет и представляет в Банк России отчетность о своей деятельности по формам, в порядке и сроки, которые устанавливаются Банком России».

Виды отчетов составляемых и представляемых в ЦБ РФ зависят от того является ли кредитная организация просто кредитной организацией или головной кредитной организацией банковской группы, либо головной организацией банковского холдинга. Так, например, кредитная организация составляет и представляет в Банк России отчетность предусмотренную Указанием Банка России от 04.09.2013 № 3054-У (ред. от 12.11.2018) «О порядке составления кредитными организациями годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности»² и Указанием от 27 ноября 2018 г. № 4983-У «О формах, порядке и сроках раскрытия кредитными организациями информации о своей деятельности»³.

Субъективная сторона преступления выражается в прямом умысле. Виновный сознает, что осуществляет действия, направленные на сокрытие денежных средств тем или иным способом, и желает совершить указанные действия.

Субъектом преступления является лицо, составляющее первичные документы при оформлении договора размещения денежных средств в кредитной организации (специалист по оформлению договора, кассир, менеджер); бухгалтер (главный бухгалтер) в случае операций с регистрами бухгалтерского учета, бухгалтерской отчетности.

Частью 2 ст. 172³ УК РФ предусмотрена ответственность за деяние, предусмотренное ч.1 ст. 172³ УК РФ при наличии квалифицирующих признаков преступления: группой лиц по предварительному сговору; организованной группой.

Если сокрытие денежных средств предшествует их хищению, то указанные действия представляют собой приготовление к совершению хищения, предусмотренного ст. 159 либо 160 УК РФ, и логично предположить, что применяться должны будут нормы о хищении. Поскольку ч. 3 ст. 159 УК РФ, а равно ч.3 ст. 160 УК РФ предусматривают более строгую ответственность, нежели ч. 1 ст. 172³ УК РФ, совокупности преступлений быть не должно. Совершение хищения группой лиц по предварительному сговору (ч.2 ст. 159, 160 УК РФ), а тем более организованной группой (ч.4 ст. 159, 160 УК РФ) также предусматривает более строгое наказание, чем преступление, предусмотренное ч.1 или 2 ст. 172³ УК РФ.

В заключение юридического анализа позволим себе высказать мнение о будущем указанного состава преступления. В границах главы 22 УК РФ есть немало статей об экономических преступлениях, которые не получили

сколько-нибудь серьезного применения. По-видимому, ст. 172³ УК РФ разделит судьбу таких статей и будет иметь лишь предупредительное воздействие на лиц, намеревающихся совершить указанное деяние. На наш взгляд, проблема юридической оценки по ст. 172³ УК РФ связана с уничтожением баз данных, как в электронном виде, так и бумажных носителей отражающих финансовую деятельность кредитных организаций.

В связи со сказанным целесообразно было бы предусмотреть ответственность именно за уничтожение или повреждение документов учета и отчетности кредитной организации, сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах и электронных баз данных указанных документов. Ответственность за такие деяния могла бы быть предусмотрена в части 2 ст. 172³ УК РФ.

Кроме того, не понятно почему уголовно-правовой охране подлежат лишь сведения о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах и не охраняются сведения о денежных средствах, размещенных юридическими лицами.

Список литературы

Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876г./ сост. проф. С-Петерб. Ун-та Н.С. Таганцевым; - Изд. 2-е, перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1876. – URL: <https://www.prlib.ru/item/459768><https://www.prlib.ru/item/459768>.

Филатова Н. Ю.

Проблемные вопросы применения признака «из корыстных побуждений» в рамках статьи 245 УК РФ Committing a Crime Described in the art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation «Out of Mercenary Motives»

Аннотация: анализируются дискуссионные вопросы определения понятия «побуждения» в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматривается также соотношение и дефиниции таких категорий, как «мотив», «побуждение», «заинтересованность». Автор исследует судебную практику и приводит примеры ошибок, связанных с неверным трактованием признака «из корыстных побуждений» при рассмотрении дел о жестоком обращении с животными.

Abstract: The article analyzes the controversial issues of the definition of the concept of "incentives" on the pages of the Criminal Code of the Russian Federation. The ratio and definitions of such categories as «motive», «incentives», and «interest» are also considered. The author examines the judicial practice and gives examples of errors related to the misinterpretation of the attribute «out of mercenary motives» when dealing with cases of cruel treatment of animals.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, корысть, побуждения, мотив, судебная практика.

Key words: cruelty to animals, mercenary motives, motive, judicial practice.

Одним из альтернативно-обязательных признаков в рамках состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, является совершение жес-

¹ Собрание законодательства РФ, 1996. № 6. Ст. 492.

² Вестник Банка России. 2013. № 61.

³ Вестник Банка России. 2019. № 14.

того обращения с животными из корыстных побуждений. Этот признак относится к субъективной стороне преступления и указывает на необходимость его установления при квалификации деяния¹. Однако обобщение материалов судебной практики и научных исследований по вопросам жестокого обращения с животными, свидетельствует о том, что рассматриваемый признак в некоторых случаях, по нашему мнению, трактуется неверно.

Во-первых, в определенной степени это вызвано некоторой терминологической путаницей, присутствующей в тексте уголовного закона. Так, законодателем в разных статьях применяются различные термины:

- «мотив», когда говорится о мотиве кровной мести (например, п. е1 ч.2 ст.105 УК РФ) или о совершении преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (например, п. «л», ч.2 ст.105 УК РФ);

- «побуждение», когда говорится о совершении преступления из корыстных или хулиганских побуждений (например, ч.1 ст.245 УК РФ);

- «заинтересованность», когда законодатель употребляет оборот «из корыстной или иной личной заинтересованности» (например, ч.1 ст.285 УК РФ).

Ученые и правоприменители указывают, что во всех этих случаях речь идет все-таки о мотиве преступления. Но тождественны ли эти понятия? И мотив, и побуждение – это категории, прежде всего, психологические. Однако и в психологии существует определенная понятийная неясность. Так, Е.П. Ильин отмечает, что в качестве мотива выступают различные психологические феномены (представления, идеи, чувства, переживания, потребности и влечения, побуждения и склонности и т.п.)². А.Н. Леонтьев даже сравнивает мотив с большим мешком, в который сложены самые разнообразные вещи. То же самое обстоит и с понятием «побуждение»³.

В научном словаре терминов содержится следующее определение: «Мотив (от лат. *movere* – приводить в движение, толкать) – сложное психологическое образование, побуждающее к сознательным действиям и поступкам и служащее для них основанием (обоснованием)»⁴.

Таким образом, проанализировав подходы к соотношению понятий «мотив» и «побуждение», можно сделать вывод об их возможной тождественности. «Еще с прошлого века мотив многими психологами трактовался как побудительная (движущая) сила, как побуждение» (называть мотив побудительным все равно, что говорить «масло масляное»)⁵. Представляется,

¹ Филатова Н. Ю. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности. В: Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие /Под ред. Е. Н. Рахмановой – М., РГУП, 2017. - С.352-353

² Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2002. – С.18

³ Там же. – С.18

⁴ Ильин Е.П. Указ. соч. – С.344

⁵ Там же. – С.56

именно в таком смысле применяются эти понятия законодателем в рамках Уголовного кодекса.

Многие авторы предлагают внести изменения в Уголовный кодекс, унифицировав терминологическое разнообразие. В частности, И.Г. Тютюник рекомендует законодателю использовать в УК РФ понятие «корыстный мотив», а не «корыстные побуждения», поскольку уголовный закон наказывает не за побуждения, а за реальные действия¹. А.П. Музюкин вовсе предлагает заменить такие термины как «побуждение», «заинтересованность», «цель», термином «мотив»². Соглашается с вышеприведенными предложениями и К. К. Станкевич³. Представляется, что такие поправки сути текста уголовно-правового закона не изменят, но, действительно, приведут к определенной унификации закона.

Установив, что под побуждением в рамках ст. 245 УК РФ понимается мотив преступления, необходимо разобраться, какой смысл законодатель вкладывает в термин «корысть».

Согласно Толковому словарю, под корыстью понимается выгода, материальная польза⁴. Пленум Верховного Суда РФ в нескольких постановлениях более подробно раскрывает это понятие. Так, в Постановлении от 27.01.1999 года №1 «О судебной практике по делам об убийстве» указано, что под убийством из корыстных побуждений следует понимать убийство, которое совершается в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц или же избавления от материальных затрат. Эта же трактовка находит отражение и в более позднем Постановлении от 15.06.2006 года №14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

Что же касается ст. 245 УК РФ, предусматривающей ответственность за жестокое обращение с животными, как совершенные с корыстными побуждениями рассматриваются следующие деяния:

- совершенные с целью извлечения материальной выгоды;
- совершенные с целью избавления от материальных затрат.

Чаще всего в таких случаях в научной литературе говорится об организации боев животных с целью получения выгоды. Но в российском уголовном законодательстве отсутствует квалифицированный состав жестокого обращения с животными, совершенного при организации и проведении боев животных, хотя такие предложения вносились в Государственную Думу⁵.

¹ Тютюник И.Г. Соотношение понятий «корыстного побуждения» и «корыстного мотива» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Безопасность бизнеса. – 2015. - №4

² Музюкин А.П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. – С.9

³ Станкевич К.К. Терминологические проблемы использования категорий «мотив» и «цель» преступления в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омского университета. – 2017. - №2 (51). – С.188

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ. – 1992. – С.305

⁵ Проект Федерального закона №90051194-3URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/90051194-3#bh_histras (Дата обращения: 15.06.2019 г.)

Отсутствие законодательной регламентации указанного частного случая проявления корыстного мотива видится в низкой распространенности на территории нашей страны такого криминального бизнеса (по крайней мере, исходя из официальной статистики). В то время как в некоторых же странах такое организованное насилие закреплено в качестве отдельного состава преступления. Например, в Соединенных Штатах Америки (чаще всего в кодексах различных штатов встречается запрет на бои собак, однако можно встретить указание и других животных, вовлеченных в противоправные бои: свиньи (Mississippi Code §97-41-18), птицы (Oregon Revised Statutes §167.428). В штате Мэн запрещены бои любых животных (Maine Revised Statutes §1033)¹.

В судебной практике встречаются также случаи квалификации деяния как жестокого обращения с животными, совершенного из корыстных побуждений, когда лицо убивает животное для дальнейшего употребления в пищу. Так, например, Апелляционным постановлением Пермского краевого суда от 18.10.2018 года по делу №22-6387/2018 был оставлен без изменения Приговор в отношении Т. и Г., признанных виновными в совершении жестокого обращения с животными из корыстных побуждений. Г. удерживал собаку на резиновом шланге, переброшенном через металлическую перекладину, отчего собака задыхалась, а Т. наносил удары поленом с целью дальнейшего употребления мяса собаки в пищу². В данном случае суды признают наличие цели в виде избавления от материальных затрат. С такой позицией судов не соглашается В. С. Мирошниченко. В частности, он рассматривает случаи, когда животное выращивается для забоя. «Выращенное для забоя животное в принципе будет умерщвлено, и нет общественной опасности в том, что забой произойдет не совсем удачно. Из этого следует, что предусмотренная в ст. 245 УК РФ формулировка корысти неудачна. Для реализации идеи законодателя о недопустимости страданий животного необходимо использовать признак корысти только в смысле стремления к обогащению»³. Не согласимся с этими выводами автора.

Представляется, что едва ли можно усмотреть корыстный мотив при забое животного, выращенного с этой целью. В законе, по нашему мнению, речь идет об употреблении в пищу животных-компаньонов, безнадзорных животных, а также животных, принадлежащих другим лицам, что подтверждается материалами судебной практики. Исключение же признака «избавление от материальных затрат» на практике сильно ограничит правоохранные и судебные органы в привлечении к ответственности виновных лиц.

Еще один случай, который вызывает большое количество ошибок – это вменение жестокого обращения с животными, совершенного из корыстных побуждений, сопряженного с различными видами хищения. Например,

¹ URL: <https://law.justia.com/codes/> (Дата обращения: 15.06.2019 г.)

² URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8BwT33CH3nLX/> (Дата обращения: 10.06.2019 г.)

³ Мирошниченко В.С. Некоторые вопросы квалификации жестокого обращения с животными // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. - №12. – С.122

приговором в отношении И. установлено, что он имел намерения тайно похитить из транспортного средства магнитоолу, но совершить эти действия ему помешали 2 собаки, в связи с чем И. нанес собакам повреждения, которые повлекли их гибель. Суд кассационной инстанции указал, что в данном случае действия по жестокому обращению с животными были совершены осужденным в целях устранения препятствий для совершения другого преступления, а следовательно их квалификация по ст. 245 УК РФ является излишней¹. Схожая ситуация содержится в Определении Президиума Омского областного суда от 30.03.2009 года №44-у-117. Собака в этом деле препятствовала лицу скрыться с похищенным. Президиум указал, что «по смыслу уголовного закона корыстные побуждения заключаются в стремлении получить материальную выгоду от убийства животных»².

Таким образом, под жестоким обращением с животным из корыстных побуждений следует понимать такое деяние, которое было совершено с целью извлечения материальной выгоды для виновного или для других лиц, а равно избавления от материальных затрат. При этом умерщвление животных с целью совершить другое корыстное преступление исключает возможность вменения лицу признака «из корыстных побуждений» по ст.245 УК РФ.

Список литературы

- Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2002
- Мирошниченко В. С. Некоторые вопросы квалификации жестокого обращения с животными // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. - №12. – С. 120 - 122
- Музюкин А.П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение. Автореферат ... канд. юридич. наук. Рязань, 2010.
- Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие /Под ред. Е. Н. Рахмановой – М., РГУП, 2017
- Станкевич К. К. Терминологические проблемы использования категорий «мотив» и «цель» преступления в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омского университета. – 2017. - №2 (51). – С. 185-189
- Тютюнник И.Г. Соотношение понятий «корыстного побуждения» и «корыстного мотива» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Безопасность бизнеса. – 2015. - №4 – С. 36-38

¹ Обзор судебной практики Челябинского областного суда от 12.04.2010. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=C223DC09F0A23C83A044CC3D737778A8> (Дата обращения: 05.06.2019 г.)

² Определение Президиума Омского областного суда от 30 марта 2009 г. №44-У-117– URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=C223DC09F0A23C83A044CC3D737778A8> (Дата обращения: 05.06.2019 г.)

Преступления в сфере спорта: некоторые проблемы квалификации

Sports Crimes: Challenges in Defining the Nature of Offences

Аннотация: в работе рассматриваются составы преступлений, устанавливающие ответственность за преступления, совершаемые в сфере спорта. Делается вывод, что современное уголовное законодательство в данной сфере не отвечает основной задаче – противодействие преступности в сфере спорта, и нуждается в серьезной переработке.

Abstract: The article discusses the norms of criminal law establishing responsibility for crimes committed in the field of sports. It is concluded that the current criminal law in this area does not achieve its main goal – prevention of such actions and therefore needs serious revision.

Ключевые слова: преступления в сфере спорта, допинг, мошенничество, квалификация.

Key words: sport crimes, doping, fraud, qualification

Основным составом преступления, предусматривающим ответственность за преступления в сфере спорта, является ст. 184 УК РФ, в которой установлена ответственность за противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования. Но с 1996 года и по настоящее время по данным ГИАЦ МВД России ни по одному уголовному делу, возбужденному по статье 184 УК РФ, не было вынесено обвинительного приговора. И это несмотря на то, что согласно исследованию Международного профсоюза футболистов (FIFPro) более 43% опрошенных футболистов Российской футбольной Премьер-Лиги сообщили, что знают о договорных матчах, которые имели место в Российской элитной профессиональной футбольной лиге.¹

Одной из основных причин такого положения, по нашему мнению, является несовершенство и даже не проработанность содержания, иначе говоря, явные погрешности законодательной техники.

Так, например, В. Н. Борков, П. А. Кочетов и В. А. Крестьянинов, считают, что законодатель на момент принятия УК РФ 1996 г., включив указанную статью в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», исходил из того, что профессиональный спорт является разновидностью предпринимательской деятельности². В 2013 году, несмотря на смену названия³, статья осталась в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» (не была включена в главу 23 ввиду, в частности, субъектного состава) и не потеряла основного назначения – борьбы с преступлениями коррупционной направленности. Хотя, как следует из самого названия ста-

ть первичным является именно оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования.

Если обратиться к этимологии слова «спорт», то увидим, что первоначальное значение данного слова «игра» или «развлечение»¹. Ни для кого не секрет, что одной из основных целей современного спорта как разновидности предпринимательской деятельности является извлечение прибыли за счет высокой зрелищности состязания. Видимо поэтому, спорт признают одним из видов предпринимательской деятельности.

В то же время существует и противоположная точка зрения, авторы которой полагают, что профессиональный спорт не может считаться предпринимательской деятельностью, поскольку перестал быть своеобразным товаром, реализуемым на рынке.²

Как указано выше, основной целью ст. 184 УК РФ является защита зрелищных коммерческих конкурсов, во-первых, как социально полезной сферы, а не как предпринимательской деятельности, а во-вторых, как деятельности не только по организации таких конкурсов (которая может быть предпринимательской, но может и не быть таковой), но и в целом по участию в них. Следовательно, содержание конкуренции в сфере зрелищных коммерческих конкурсов заключается не в соперничестве между собой хозяйствующих субъектов, а в соперничестве участников состязаний на принципах справедливости в целях выявления лучшего³, поэтому требование к профессиональному спортсмену, как и к участнику зрелищного конкурса, отдать все силы для победы и показать все, на что он способен, является разумным и логичным.

В этой связи заслуживает внимания предложение В. Н. Боркова и других о невозможности запретить спортсмену капитализацию своего мастерства⁴, с одной стороны, и при этом требования лиц, нарушающих законные требования к проведению, организации и оценке официальных спортивных соревнований или зрелищных коммерческих конкурсов, а также участию в подобных мероприятиях, рассматривать как негативное влияние на общественное сознание, которое нивелирует представления о справедливой и честной борьбе в ходе зрелищных состязаний, с другой стороны. Именно поэтому, по нашему мнению, ближе всего по содержанию к общественным отношениям в сфере спорта являются общественные отношения, образующие

¹ Указ. соч. С. 75

² Алексеева А. П. Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов спортивных соревнований // Общество и человек. 2011 №1, С.9-11; Аницыгин А.В. Противодействие преступлениям в сфере спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: межотраслевые и внутриотраслевые расследования // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2014 № 2. С.188.

³ Цветков П. В. Об объекте преступления, предусмотренного ст.184 УК РФ // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (14-15 марта 2019). - Омск: Омская академия МВД России, 2019. С.134.

⁴ Борков В.Н., Кочетов П.А., Крестьянинов В. А. Уголовно-правовая оценка преднамеренного проигрыша в спорте // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. (14-15 марта 2019 г.). - Омск: Омская академия МВД России, 2019. - С. 75-76.

¹FIFPRO// URL: <https://fifpro.org/en/> (Дата обращения: 29.06.2019)

² Борков В.Н., Кочетов П.А., Крестьянинов В. А. Уголовно-правовая оценка преднамеренного проигрыша в спорте // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. (14-15 марта 2019 г.). - Омск: Омская академия МВД России, 2019. - С. 71.

³ Федеральный закон от 23.07.2013 N 198-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предотвращения противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований»// СПС Консультант Плюс

родовой объект преступлений, предусмотренных в главе «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»¹.

Основным признаком объективной стороны ст. 184 УК РФ является так называемый «преднамеренный проигрыш в спорте», который оказывается возможным в результате передачи спортсмену, спортивному судье, тренеру, руководителю спортивной команды, другому участнику или организатору официального спортивного соревнования (в том числе их работнику) денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования, либо принуждение или склонение таких лиц к оказанию этого влияния.

Иначе говоря, речь идет об оказании противоправного влияния на спортивный результат путем совершения действий, перечисленных в ст. 184 УК РФ². Это в полной мере согласуется с положениями Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999 (ETS 173), ратифицированной Федеральным законом от 25.07.2006 N 125-ФЗ и вступившей в силу для Российской Федерации 01.02.2007, ст. 12 которой предписывает принятие «таких законодательных и иных мер, которые могут потребоваться для того, чтобы признать в качестве уголовных правонарушений в соответствии с ее внутренним правом, преднамеренное обещание, предоставление или предложение, прямо или косвенно, любого неправомерного преимущества любому лицу, которое утверждает или подтверждает, что оно может оказать неправомерное влияние на принятие решения»³.

Представляется интересным мнение ряда специалистов о поведении спортсмена, сделавшего ставку на свой проигрыш через подставное лицо. В данном случае следует признать, что подобное деяние квалифицируется как мошенничество. В качестве обманутого может быть неопределенный круг лиц, которые сделали, например, ставки на победу данного спортсмена. При этом их имущество будет правомерно передано, как они полагают, букмекерской конторе, хотя, на самом деле они стали жертвами недобросовестности спортсмена⁴. В этом случае обогащение недобросовестного спортсмена является следствием манипуляции им результатом состязания. Т. е. мошенничество будет заключаться в злоупотреблении доверием или

¹ Цветков П. В., там же; Цветков П. В. Об объекте преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. СПб. Петрополис, 2015. С. 301-308

² Седых Д. А. Злоупотребление влиянием в корыстных целях // Российский судья. 2018. N 1. С. 27-30.

³ Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // СЗ РФ, 18.05.2009, N 20, ст. 2394

⁴ См. указ. соч. С. 73-74

обмане, дополнительно обеспеченным подкрепленным мнением о спорте у людей, делающих ставки.

Но, с другой стороны, не вполне понятна необходимость именно уголовно-правовой охраны ожиданий болельщиков, поскольку существуют более опасные способы обмана «игроков» (например, в тотализаторской сфере): продажа информации о договорных матчах и прогнозов на исход поединков, раскрутка счета в букмекерской конторе, складчина на покупку прогнозов на договорной матч и т.п.¹

Одним из составляющих зрелищности спорта является возможность увидеть демонстрацию спортсменом своих «естественных» физических сил. Не секрет, что профессиональный спорт требует колоссальных физических нагрузок и резервов организма, именно поэтому нередко спортсмены прибегают к медицинскому стимулированию своих физических способностей². Пытаясь противостоять данному явлению, международное сообщество разработало целый ряд актов, в которых предусмотрены санкции, применяемые к спортсмену, употребляющему запрещенные препараты (допинг). Так, Всемирный Антидопинговый Кодекс предусматривает возможность дисквалификации спортсмена, аннулирование результатов и т. д.³

В 2016 г. был принят Федеральный закон от 22.11.2016 N 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)»⁴, согласно которому уголовное законодательство было дополнено ст. ст. 230¹ и 230². Эти статьи предусматривают ответственность лиц, склонивших спортсменов к использованию либо использовавших в отношении спортсмена субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте. Субъекты преступлений, в сущности, выполняют либо подстрекательские, либо непосредственно исполнительские функции. При этом ответственность наступает независимо от согласия спортсмена употребить запрещенные препараты. Так как использование в отношении спортсмена субстанций и методов, запрещенных для использования в спорте, осуществляется специалистом в области физической культуры и спорта, можно предположить, что перечисленные в законе лица используют запрещенные субстанции и методы в отношении не одного, а нескольких спортсменов, что, в свою очередь, повышает степень обще-

¹ Борков В.Н., Кочетов П.А., Крестьянинов В. А. Уголовно-правовая оценка преднамеренного проигрыша в спорте // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. (14-15 марта 2019 г.). - Омск: Омская академия МВД России, 2019. - С. 75-76.

² Черных Е. Е. Правовое регулирование спортивной фармакологии и запрета допинга // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (14-15 марта 2019), - Омск: Омская академия МВД России, 2019. С. 40

³ Всемирный антидопинговый кодекс. Международный стандарт. Запрещенный список 2017 года // Сборник официальных документов и материалов Министерства спорта РФ. 2016. № 12.

⁴ Федеральный закон от 22.11.2016 N 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)» // СЗ РФ, 28.11.2016 (часть I), N 48, ст. 6732

ственной опасности данного деяния. К тому же рассматриваемые деяния могут осуществляться как с согласия спортсменов, так и против или помимо воли спортсменов, что дополнительно угрожает здоровью спортсменов.

Конструкция же составов такова, что исходя из содержания диспозиций статей, в ч. 1 речь идет только о посягательстве на общественную нравственность, в то время как в квалифицированных частях речь уже идет о посягательстве на жизнь и здоровье спортсменов. Первая часть обеих статей содержит формальные составы, в то время как квалифицированные части – материальные. Но сложно предположить, что деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 230¹ или ч.1 ст. 230² не влечет никаких последствий для здоровья спортсмена.

И. В. Ботвин указывает также и на то, что деяния, предусмотренные ст. 230¹ УК РФ должны квалифицироваться по ст. 230² УК РФ со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 УК РФ¹. Возможно предложить и другую интерпретацию ст. 230² УК РФ: она может подразумевать исполнение их теми же субъектами, но именно «в отношении спортсмена», а не самим спортсменом, т.е. спортсмен не осуществляет осознанного употребления, независимо от того, согласен он на такие методы достижения результата или нет; использование субстанций в отношении спортсмена может означать, например, употребление препаратов одновременно с употреблением пищи, указание употреблять препараты в определенные часы. В результате непосредственные действия по склонению спортсмена к осознанному употреблению субстанций могут не осуществляться, как это вытекает из смысла ст. 230¹ УК РФ, в которой речь идет о склонении, иначе говоря, о побуждении желания (по различным мотивам) у спортсмена использовать допинг, чтобы «нечестным» путем извлекать прибыль из как раз-таки зрелищного мероприятия.

Согласно толковым словарям Ожегова и Даля, слово «склонение» имеет значение «убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения», «уговорить», «подтолкнуть», «побудить». В этой связи М. А. Малетина правильно указывает на то, что понятие «склонение», данное в примечании к статье 230¹ УК РФ, соответствует не понятию подстрекательства, данного в Общей части УК, а понятию, скорее, пособничества².

Подводя итоги краткому анализу проблем, возникающих в связи с квалификацией преступлений, совершаемых в спорте, можно выделить следующие: в регламентации уголовной ответственности в сфере спорта су-

ществуют, в частности, проблемы терминологического характера, отсутствия нормативной регламентации стимулирования спортсмена отстаивать интересы (свои, общества и государства), квалификации опосредованных действий спортсменов (например, в случае использования третьих лиц), неоднозначность в необходимости уголовно-правовой охраны влияния на спортивный результат, а также проблема привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Список литературы

- Алексеева А. П.* Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов спортивных соревнований // Общество и человек. 2011 №1. С.9-11
- Аницыгин А.В.* Противодействие преступлениям в сфере спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: межотраслевые и внутриотраслевые расследования // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2014 №2
- Борков В.Н., Кочетов П.А., Крестьянинов В. А.* Уголовно-правовая оценка преднамеренного проигрыша в спорте // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. (14-15 марта 2019 г.). - Омск: Омская академия МВД России, 2019
- Ботвин И.В.* Вопросы регламентации уголовной ответственности за склонение спортсмена к использованию допинга // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. (14-15 марта 2019 г.). - Омск: Омская академия МВД России, 2019
- Малетина М.А.* Некоторые недостатки законодательной регламентации уголовной ответственности за нарушение антидопингового законодательства // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. (14-15 марта 2019 г.). - Омск: Омская академия МВД России, 2019
- Практика мирового судьи: применение уголовного закона.* Научно-практическое пособие/под ред. Е. Н. Рахмановой. – М., РГУП, 2017.
- Седых Д. А.* Злоупотребление влиянием в корыстных целях // Российский судья. 2018. N 1. С. 27 - 30.
- Цветков П. В.* Об объекте преступления, предусмотренного ст.184 УК РФ // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (14-15 марта 2019), - Омск: Омская академия МВД России, 2019. С.130-135
- Цветков П. В.* Об объекте преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. СПб. Петрополис, 2015. С. 301-308
- Черных Е. Е.* Правовое регулирование спортивной фармакологии и запрета допинга // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (14-15 марта 2019), - Омск: Омская академия МВД России, 2019

¹ Ботвин И.В. Вопросы регламентации уголовной ответственности за склонение спортсмена к использованию допинга // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. (14-15 марта 2019 г.). - Омск: Омская академия МВД России, 2019. - С. 103

² Малетина М.А. Некоторые недостатки законодательной регламентации уголовной ответственности за нарушение антидопингового законодательства // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. (14-15 марта 2019 г.). - Омск: Омская академия МВД России, 2019. - С. 124; Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие/под ред. Е. Н. Рахмановой. – М., РГУП, 2017. С. 110-111

Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемные вопросы квалификации и тенденции решения

Murder of a Newborn Child by Mother: Contradictions in Legal Definitions

Аннотация: В статье раскрывается понятие беспомощного состояния новорожденного ребенка, анализируются проблемные вопросы терминологического характера и противоречия в квалификации состава преступления, связанного с убийством новорожденного ребенка в практической деятельности.

Abstract: The article reveals the concept of helpless condition of a newborn child, analyzes the problematic issues of terminological nature and contradictions in the description of the crime associated with the murder of a newborn child.

Ключевые слова: убийство, новорожденный ребенок, беспомощность проблемы квалификации, практическая деятельность, провоцирующие обстоятельства, конструкция объективной стороны.

Keywords: murder, newborn child, helplessness, problems of qualification, law enforcement, provoking circumstances, physical elements of the offense.

Насилие над детьми объединяет достаточно широкий диапазон противоправных деяний, посягающих на личные права малолетних, наиболее ценным из которых является право на жизнь. Для любой страны дети — ее главное достояние, залог будущего функционирования и развития. Убийства детей негативно сказываются на общей демографической ситуации в стране, подрывают систему ее государственной безопасности, поэтому защита жизни каждого ребенка должна стать основным приоритетом уголовно-правовой политики государства¹.

По данным ООН, от приговора родителей ежегодно страдают около 2 млн. детей в возрасте до 14 лет. Каждый десятый из них умирает, а 2 тыс. кончают жизнь самоубийством². Согласно данным официальной статистики³, за последние годы в целом зафиксировано снижение числа преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, что объясняется высокой степенью латентности в 2015 г. всего по России было зарегистрировано 106399 преступлений, в 2016 г. — 97159 преступлений, в 2017 г. — 89896 преступлений, в 2018 г. — 84558 преступлений.

Однако опасная ситуация сложилась в сфере преступности против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также против нравственности несовершеннолетних. Как показывает практика, в последние годы увеличилось число не только указанных преступлений, но и их удельный вес в структуре всей преступности в отношении несовершеннолетних.

Ответственность за убийство детей предусмотрена несколькими статьями Уголовного кодекса РФ. Пункт «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ устанавли-

¹ Яхьяева М. У. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения // Молодой ученый. - 2015. - №24. - С. 808-811

² Стратегия борьбы с насилием в семье: справочное руководство ООН. NY, 1998.

³ Ф. 455 кн. 709 ГИАЦ МВД России.

вает ответственность за убийство малолетнего в рамках квалифицированного состава преступления, а ст. 106 УК РФ — за убийство матерью новорожденного ребенка в рамках привилегированного состава. Убийство матерью новорожденного ребенка одно из распространенных и опасных проявлений против жизни личности.

В практической деятельности органов дознания, следствия и суда вызывает затруднение не только выявление этого преступления, его квалификация, но и решение вопросов, связанных с назначением наказания, при этом особую трудность представляет установление объективной стороны преступления, а между тем, данный элемент состава преступления является одним из исходных моментов при установлении квалификации деяния, разграничения схожих преступлений¹.

Беспомощное состояние новорожденного в уголовно-правовом смысле рассматривается нами как особое (уязвимое) психолого-физиологическое состояние ребенка, при котором он изначально лишен способности понимать характер совершаемых преступных действий и принимать меры, необходимые для самосохранения от насильственных действий со стороны матери.

В этой связи представляется целесообразным выявить четкие границы признаков объективной стороны преступления. Значение объективной стороны заключается в том, что, во-первых, являясь элементом состава преступления, она входит в основание уголовной ответственности, во-вторых, является юридическим основанием квалификации преступлений, в-третьих, позволяет разграничить преступления, схожие между собой по другим элементам и признакам состава, в-четвертых, содержит критерий отграничения преступлений от других правонарушений². Немаловажным является и установление четких границ признаков объекта, субъекта и субъективной стороны данного состава преступления, ведь для разграничения его от смежных составов преступлений они имеют важное значение.

Кроме этого, следует заметить, что сложность конструкции ст. 106 УК РФ, включающей три самостоятельных состава преступления, использование в диспозиции таких неоднозначных терминов как, «новорожденный», «мать», «во время или сразу же после родов», отсутствие законодательного закрепления признака, положенного в основу смягчения наказания за совершение данного вида детоубийства — являются лишь основными проблемами, требующими незамедлительного законодательного урегулирования³.

Сложность конструкции ст. 106 УК РФ, включающей три самостоя-

¹ Пикуров Н.И., Шукула И.Р. Уголовно-правовая охрана прав, свобод и законных интересов лиц, находящихся в беспомощном состоянии, от насильственных преступлений. Монография — М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. С.55.

² Кривошеин П. П. Убийство матерью новорожденного ребенка //Уголовное право. 2015. № 3. - С. 38.

³ Пикуров Н.И., Шукула И.Р. Уголовно-правовая охрана прав, свобод и законных интересов лиц, находящихся в беспомощном состоянии, от насильственных преступлений. Монография — М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. -С.56.

тельных состава преступления, использование в диспозиции таких неоднозначных терминов как «новорожденный», «мать», «во время или сразу же после родов», отсутствие законодательного определения признака, положенного в основу смягчения наказания за совершение данного вида детоубийства – являются лишь основными проблемами, требующими незамедлительного законодательного урегулирования¹.

Несовершенство юридических конструкций норм всегда порождает проблемы их практического применения, поэтому в следственной и судебной практике имеют место ошибки при квалификации детоубийства, а также при конкуренции уголовно-правовых норм.

Несовершенство юридических конструкций норм всегда порождает проблемы их практического применения, поэтому в следственной и судебной практике имеют место ошибки при квалификации детоубийства, а также при конкуренции уголовно-правовых норм.

Практическое применение ст. 106 УК РФ связано с рядом сложностей в части толкования использованных законодателем терминов и, как следствие, обоснованной квалификации деяния и назначении справедливого наказания.

Некоторые исследователи полагают, что статистическая картина этого вида убийства неполно отражает современную криминальную ситуацию, так как не учтена высокая степень его латентности. В связи с этим масштабы скрытых насильственных преступлений, совершаемых в отношении новорожденных детей и направленных на прерывание их жизни, в точности не известны².

Одним из проблемных аспектов является закрепление в законе признаков объективной стороны, разграничивающих анализируемое преступление на четыре разновидности. На необходимость всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела указывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»³. В частности, отмечается, что «по каждому делу должны быть исследованы все обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания» (п. 1).

Анализ диспозиции ст. 106 УК РФ позволяет выявить следующие разновидности данного преступного деяния - убийство матерью новорожденного ребенка, совершенное: во время родов; сразу после родов; в условиях

¹ Потерпевший от насильственных преступлений: уголовно-правовые и виктимологические аспекты [Текст]: монография / И. Р. Шикла. - М.: ВНИИ МВД России, 2010. - С.125.

² См.: Грубова Е.И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 4; Минаева М. М. Уголовно-правовая охрана жизни ребенка до и после рождения по законодательству России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.- С. 5.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (с послед. изм.) // URL: <http://www.vsrfg.ru/index.php> (дата обращения: 25.05.2019).

психотравмирующей ситуации; в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Таким образом, в качестве обязательных признаков закрепляются время, условия и обстановка совершения данного преступного деяния.

Приведенное детализированное перечисление законодателем соответствующих элементов представляется излишним. Все указанные обстоятельства значимы для анализируемого привилегированного состава не сами по себе, а вкупе с особым психологическим состоянием женщины, обусловленным влиянием процесса родов и связанных с ним аспектов. Обособленная же их регламентация зачастую приводит к сложностям правопонимания и правоприменения ст. 106 УК РФ.

Так, изначально закрепление критерия «во время или сразу же после родов» обусловлено именно его взаимосвязанностью с особым психическим состоянием женщины в этот период. Законодатель прямо не указывает на данный фактор, но, несомненно, именно его он и учел при отнесении рассматриваемого состава убийства к числу привилегированных, на что совершенно обоснованно указывают ряд исследователей¹. Отсутствие же каких-либо отклонений в психологическом состоянии роженицы, обусловленных влиянием родового процесса, при совершении убийства младенца, напротив, должно исключать ответственность по ст. 106 УК РФ; деяние следует квалифицировать по ст. 105 УК РФ.

Время совершения преступления как признак объективной стороны присутствует во всех преступных деяниях, однако не всегда законодатель придает данному элементу значение обязательного, криминализирующего либо смягчающего обстоятельства. Включение указанного признака в диспозицию конкретной статьи обусловлено его значительным влиянием на характер и общественную опасность преступления в целом. Если рассматривать признак времени совершения преступления, предусмотренный ст. 106 УК РФ, в чистом виде он скорее характеризует повышение степени общественной опасности деяния, поскольку связан с периодом наиболее беспомощного состояния потерпевшего и никак не может обуславливать привилегированность данного состава. Значение имеет не время как таковое, а особые обстоятельства, которые с ним связаны (например, военное время, время исполнения служебных обязанностей и др.). Так и указание на данный признак в диспозиции ст. 106 УК РФ обусловлено не временем как таковым, а наличием в определенный период особого психологического состояния женщины, явившегося причиной совершения преступления.

Еще одна разновидность рассматриваемого преступления - убийство матерью ребенка в условиях психотравмирующей ситуации. Наличие психотравмирующей ситуации, под воздействием которой роженица совершает убийств-

¹ См., например: Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 136; Сердюк Л.В. Детоубийство: вопросы правовой оценки // Российская юстиция. 2003. N 11. С. 43.

во новорожденного ребенка, является обязательным признаком объективной стороны и подлежит доказыванию. Подобная ситуация может быть порождена различными психотравмирующими факторами: отказ отца ребенка признать его своим, неприятие ребенка со стороны родственников, отсутствие средств к существованию, получение известия о гибели отца ребенка или близких родственников, рождение ребенка в результате изнасилования и др.

Таким образом, провоцирующими обстоятельствами могут быть не только напрямую связанные с ребенком, беременностью, родами, но и любые другие, способствующие аккумуляции негативных эмоциональных переживаний у виновной. Тем не менее, представляется, что указанные обстоятельства должны обуславливать совершение преступления вкупе с особым состоянием женщины, вызванным родами. Так, О. была осуждена за детоубийство. Родив ребенка дома, в тот же день она, завернув новорожденного в материю, выбросила его в мусорный контейнер, находящийся рядом с ее домом. Ребенок остался жив. Как было позже установлено судом, О. совершила данное преступление в условиях психотравмирующей ситуации (отсутствие достатка), и суд признал ее виновной в покушении на убийство своего новорожденного ребенка, назначив наказание в виде лишения свободы сроком на три года с отбытием в колонии-поселении¹.

Как отмечалось выше, именно особым психофизиологическим состоянием матери обусловлено смягчение наказания за умерщвление новорожденного во время или сразу после родов, а психотравмирующая ситуация выступает основой аффектированного поведения роженицы, одной из форм которого является психическое расстройство, не исключающее вменяемости. Редакция же ст. 106 УК РФ на практике зачастую обуславливает совершенно необоснованное применение привилегированного состава при отсутствии каких-либо смягчающих факторов.

Интересна в свете рассматриваемой темы позиция зарубежного законодателя. Так, по особенностям регламентации уголовной ответственности за анализируемое преступное деяние можно условно выделить три группы государств:

1) убийство матерью новорожденного ребенка не выделяется в качестве самостоятельного состава, приравнивается к убийству взрослого человека (Бельгия, Япония);

2) ответственность за детоубийство устанавливается в рамках квалифицированного состава (Франция, США - штат Техас);

3) анализируемое преступление выделяется в качестве привилегированного состава (Латвия, Австрия, Швейцария)².

Следует отметить, что в указанных странах условием отнесения убийства матерью новорожденного ребенка к числу составов со смягчающими

¹ Приговор Кызылского городского суда Республики Тыва от 23.04.2004.

² Уголовные кодексы стран мира: URL: <http://Ugolovnykodeks.ru> (дата обращения: 25.05.2019).

обстоятельствами выступает учет негативного психофизического состояния женщины, обусловленного беременностью и родами. Именно на данном обстоятельстве делается акцент, подчеркивается его взаимосвязь с сопутствующими факторами (время совершения преступления), не имеющими без обозначенного условия привилегизирующего значения. Такой подход представляется абсолютно обоснованным.

Исходя из изложенного в целях обоснованной квалификации, во избежание правоприменительных сложностей представляется возможным изменить диспозицию ст. 106 УК РФ, упростив и конкретизировав ее. Убийство матерью новорожденных близнецов при наличии соответствующих условий также надлежит квалифицировать по ст. 106 УК РФ, а не как убийство двух или более лиц (п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ). В данном случае имеет место конкуренция привилегированного и квалифицированного составов преступлений, и применению подлежит норма, содержащая привилегированный состав.

В заключении можно сделать следующие выводы:

1) детализация признаков объективной стороны в редакции ст. 106 УК РФ представляется излишней, влечет сложности толкования и правоприменения;

2) основанием отнесения убийства матерью новорожденного ребенка к числу привилегированных составов является учет психофизиологического состояния женщины, вызванного влиянием процесса родов и связанных с ним обстоятельств, которое обусловило совершение детоубийства;

4) убийство матерью новорожденного ребенка без смягчающих обстоятельств, указанных в ст. 106 УК РФ, следует квалифицировать по ст. 105 ч.2 п. «в» УК РФ (вместо ч. 1 ст.105 УК РФ), т.к. новорожденный ребенок рассматривается автором как лицо, находящееся априори в беспомощном состоянии.

5) соучастие в форме соисполнительства лиц в убийстве матерью новорожденного ребенка надлежит квалифицировать по п. «в» и п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК (убийство лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии, совершенное группой лиц).

В целях предупреждения убийства матерью новорожденного ребёнка необходимо оказывать эффективную помощь женщинам, ведущим антиобщественный образ жизни (бесплатные правовые консультации, предоставление бесплатной медицинской и психологической помощи); разработать систему воспитательных мероприятий с учётом особенностей формирования поведения женщины; анализ обстановки на производстве семейно-бытовой сферы в целях выявления факторов, провоцирующих женщин на совершение преступлений; повышение социального контроля за выполнением женщиной семейных ролей¹.

¹ Пикуров Н.И., Шикун И.Р. Уголовно-правовая охрана прав, свобод и законных интересов лиц, находящихся в беспомощном состоянии, от насильственных преступлений. Монография – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. – С.55.

Список литературы

- Грубова Е.И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
- Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000
- Красиков А. Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999
- Кругликов Л. Л. Преступления против личности. Ярославль, 1998.
- Лукичев О. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997
- Маляев К.В. Уголовно-правовая охрана жизни. Н. Новгород, 2005
- Минаева М. М. Уголовно-правовая охрана жизни ребенка до и после рождения по законодательству России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
- Пикуров Н.И., Шкула И.Р. Уголовно-правовая охрана прав, свобод и законных интересов лиц, находящихся в беспомощном состоянии, от насильственных преступлений. Монография – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 2015.
- Сафуанов Ф. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка // Российская юстиция.- 1998.- N 3
- Сердюк Л.В. Детоубийство: вопросы правовой оценки // Российская юстиция.- 2003.- N 11
- Шкула И. Р. Потерпевший от насильственных преступлений: уголовно-правовые и виктимологические аспекты: монография. - М.: ВНИИ МВД России, 2010.
- Яхьяева М. У. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения // Молодой ученый. - 2015. - № 24

Раздел III.

Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности

Акимжанов Т.К.

Инновация в сфере правопонимания и правоприменения: проблемы и перспективы (уголовно-правовые и криминологические аспекты)

Innovation in the Sphere of Legal Consciousness and Law Enforcement: Challenges and Prospects

Аннотация: в статье изложен инновационный подход в сфере преступности с позиций уголовно-правового и криминологического понимания проблемы противодействия преступности. Автором внесены ряд предложений по дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства Республики Казахстан.

Abstract: the article describes an innovative approach in the sphere of law understanding and the law enforcement of crime from the standpoint of criminal legislative and criminological understanding of the problem of combating crime. The author made several proposals for the further improvement of the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan.

Ключевые слова: преступность, социальные последствия преступности, противодействие преступности, предупреждение преступности, национальная безопасность.

Key words: crime, social consequences of crime, crime countermeasures, crime prevention, national security

В ст. 1 Конституции Республики Казахстан, закреплено, что наша страна «утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством»¹. С первых дней приобретения суверенитета Республикой Казахстан на государственном уровне проводится неукоснительная линия формирования правового государства и укрепления его основ. Поэтому в Республике Казахстан уделяется повышенное внимание на государственном уровне к вопросам правопонимания и правоприменения, как одним из основных и обязательных атрибутов успешного функционирования правового государства. Не является исключением и проводимая уголовная политика государства.

Трудно не согласиться с мнением Ю.В. Бытко, что исследование проблем правопонимания сосредоточено на анализе концептуальных подходов к ее решению в общей теории права, поскольку это имеет принципиальное значение для понимания справедливости в праве вообще и в уголовном праве в том числе, учитывая, что результаты исследований в области науки теории права и государства имеют методологическое значение применительно к исследованиям в других отраслевых науках².

Так, в Казахстане проблеме противодействия преступности уделя-

¹ Конституция Республики Казахстан. Практическое пособие. - Алматы: ТОО «Издательство «Норма-К», -2017. С.4.

² Бытко Ю.И. Справедливость и уголовная политика: монография.-М.: Юрлитинформ, 2017. С. 16

ется со стороны государства достаточно внимания. Имеется правовая основа противодействия преступности, достаточно мобильная правоохранительная система, и самое главное – сформировано у большей части населения негативное отношение к криминальным проявлениям в обществе.

У нас в стране с момента самостоятельного развития как суверенного государства, были приняты две Концепции правовой политики Республики Казахстан, которые утверждены указами Президента Республики Казахстан: первая¹ – на период с 2002 по 2010 годы, вторая² – на период с 2010 по 2020 годы, согласно пункту 2.10 которой указано на необходимость минимизации вовлечения граждан в сферу уголовной юстиции, экономии мер уголовной репрессии, а также в создании условий для более широкого применения уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией от общества.³

В современных условиях произошло много позитивных перемен в экономике нашей страны, в сознании граждан, в целом, изменилась в позитивную сторону вся обстановка в государстве, выходу страны на международный уровень и принятию ряда международных обязательств, в том числе и в сфере правопонимания и правоприменения.

Вместе с тем данный процесс должен постоянно обновляться, совершенствоваться, модернизироваться. В противном случае правоохранительная система государства безнадежно отстанет от процветающего криминального мира, движущей силой которого является современная рыночная экономика.

По мнению известных ученых криминологов в современном обществе наблюдается серьезное противостояние между преступностью и государством⁴.

Причем чем совершеннее становятся формы и методы преступной деятельности, тем активнее наблюдается деятельность правоохранительных органов и наоборот, когда криминальный мир в целях самосохранения и процветания вынужден приспосабливаться ко всем изменениям и усилениям со стороны правоохранительных органов, а иногда удачно используя возможности государственного аппарата в своих целях.

Вместе с тем, как свидетельствует правоприменительная практика, ощутимого превосходства в данном противостоянии указанных сторон, по объективным и субъективным причинам, достичь в полном объеме пока не представляется возможным.

Преступность являясь негативным, социальным, изменчивым уголовно-правовым явлением, которая сопровождает человечество практически с момента его возникновения всегда нуждалась и нуждается в особом повышенном внимании со стороны общества.

¹ См. Указ Президента Республики Казахстан от 20 сентября 2002 года № 949 (Утратил силу Указом Президента Республики Казахстан от 17 июня 2011 года № 102)

² См. Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858.

³ Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858.

⁴ Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью.-М.: Юристъ, 2003. С.29.

По справедливому замечанию В.Е.Эминова социальный характер преступности определяется тем, что это первичный и, по всей видимости, ее важнейший признак, определяющий все остальные. Он определяет социальное происхождение преступности, ее зависимость от общества, которое его продуцирует и влияет на ее количественные и качественные характеристики¹.

Следует на концептуальном уровне определиться, что из себя представляет она (преступность), и каким образом следует воздействовать на совершаемые преступления, а также на лиц, которые совершают данные преступления. Как бороться с социальными последствиями самой преступности, а также последствиями исполнения наказаний. Следует рассмотреть и эффективность принимаемых законов, а также процесса правоприменения и многое другое.

Например, интересную мысль по этому поводу высказала известный советский – российский ученый криминолог А.И. Долгова на XI Российском Конгрессе уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Комиссарова, состоявшегося 31 мая -1 июня 2018 года в Москве в здании юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Так А.И. Долговой было отмечено, что пагубно сказывается на противостоянии преступности и обеспечении национальной безопасности:

- сворачивание в России в новом веке криминологической, а также социально-правовой научно-исследовательской деятельности в государственных учреждениях;

- исключение криминологии из числа обязательных для преподавания будущим юристам дисциплин;

- нарастание числа учебников, учебных пособий и других публикаций авторов, не имеющих фундаментальной подготовки, навыков и опыта криминологических исследований, делающих акцент на общих, нередко узко субъективных рассуждениях о преступности и мироопорядке.

Ликвидация ранее существовавшего самого крупного в мире Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. В данном институте в комплексе разрабатывались вопросы наук криминального цикла (криминологические, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные, криминалистические и др.). Без воссоздания такого научно-исследовательского учреждения проблематично должно научное обеспечение не только борьбы с преступностью, но и более широкой деятельностью по обеспечению национальной безопасности².

¹ Криминология: учебник /отв. ред. В.Е. Эминов.- Москва: Проспект, 2018. С. 30.

² Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Российского Конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Комиссарова,

Как видим, правопонимание без научного сопровождения проблемы противодействия преступности может намного снизить эффективность и отодвинуть продвижение в данном вопросе правоохранительной системы государства.

Совершенно прав О. В. Старков, что любая, пусть даже самая глубокая теория, остается безжизненной, если она не получит воплощения на практике. Это касается и криминологической теории предупреждения преступлений. Реализация теории предупреждения преступлений возможна только при правильной организации этого процесса, как со стороны специализированных правоохранительных государственных и негосударственных организаций, так и со стороны не правоохранительных органов и организаций¹.

В современной концепция правопонимания должна быть предложена идея, позволяющая повысить эффективность и качество правоприменительной деятельности правоохранительных органов в решении вопросов противодействия преступности в Казахстане на основе строжайшего соблюдения норм Конституции Республики Казахстан.

Первое. Необходимость расширения сферы противодействия преступности. Поскольку общество и преступность всегда существовали вместе и тесно взаимосвязаны, то будет правильным рассматривать процесс борьбы с преступностью не только как воздействие на преступность, как негативную составную общества, но и на само общество, которое и порождает эту преступность.

Так, Г.А. Аванесов отмечал, что преступность порождена условиями общественной жизни, но она и сама часть этих условий².

Наша правоохранительная система свое внимание сконцентрировала лишь на той части населения, которая совершает преступления, то есть потенциальных правонарушителях и преступниках. А основная часть представителей общества, законопослушных граждан, остается вне поля зрения. Например, при населении Казахстана 18 миллионов человек ежегодно регистрируется примерно 320-350 тысяч преступлений, то доля совершенных преступлений, а также лиц их совершивших составляет всего 1,9 % от всего населения.

Хотя особой границы, разделяющей законопослушное население и лиц совершивших или склонных к совершению преступлений в природе, не существует. Любой законопослушный гражданин может оказаться на скамье подсудимых.

Процесс борьбы с преступностью должен предполагать более широкие и масштабные мероприятия, реализация которых способствовала бы не только устранению конкретных причин и условий преступности, но и включала бы в себя воздействие и на здоровую, законопослушную часть общест-

ва, чтобы ее представители как можно меньше переходили в противоположный лагерь.

Поскольку в 2020 году завершается действие упомянутой выше Концепции правовой политики Республики Казахстан, – на период с 2010 по 2020 годы, поэтому настало время подготовки уже третьей Концепции, в которой следовало бы учесть все происходящие изменения как в вопросах правопонимания, так и правоприменительной практике.

Второе. Формирование новой уголовно - правовой политики государства.

Основное место в проводимой правовой политике Республикой Казахстан является уголовная политика, которая является наиболее важной частью всей правовой политики государства, так как обеспечивает защиту основ формирования правового государства.

Как нам представляется, задача государства состоит в том, чтобы, с одной стороны обеспечить неотвратимость наказания за совершенное преступление, а с другой стороны сделать данное наказание наиболее справедливым и эффективным, максимально уменьшив социальные последствия, как для самого осужденного, так и для государства, в целом. При этом, не превращая осужденного в изгоя и вечного врага правосудия.

Одним из важным условий формирования правового государства в стране, является обеспечение минимизации вовлечения граждан Республики Казахстан в сферу уголовной юстиции, что является частью проводимой правовой политики Республики Казахстан.

Анализ деятельности судов за 2000-2010 годы показал, что в указанный период времени, по причине карательной направленности содержания предусмотренных в нем санкций статей Особенной части ранее действовавшего УК РК 1997 года ежегодно направлялись в исправительные учреждения в среднем 18-20 тысяч осужденных. Для Казахстана с его населением на тот период 16-17 миллионов человек это была очень большая цифра.

По индексу «тюремного населения» Казахстан продолжает оставаться в лидирующей группе стран (82 место), но следует напомнить, что в начале девяностых годов наша страна занимала по индексу «тюремного населения» третье место в мире, после США и Российской Федерации.

В настоящее время положение вовлеченности населения в систему уголовной юстиции значительно изменилось в лучшую сторону, так как в результате предпринимаемых мер правового и организационного характера в стране, наблюдается значительное уменьшение численности «тюремного населения», то есть количества лиц, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы.

Так, благодаря проводимой правовой политике, коррекции содержания уголовного законодательства, совершенствованию правоприменительной деятельности удалось за годы независимости сократить численность «тюремного населения» почти втрое: от 100 000 осужденных в 1990-х годах до 30 000 в 2019 году.

состоявшегося 31 мая-1 июня 2018 года.-М.: Юрлитинформ, 2018. С. 360.

¹ Старков О. В. Предупреждение преступлений: Учебное пособие. - Юристы, 2005. С. 104.

² Аванесов Г. А. Преступность и социальные условия. Криминологические рассуждения: монография, М, ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 18.

Но, к сожалению, тенденция роста численности «тюремного населения», а значит и роста вовлеченности граждан в сферу уголовной юстиции в Республике Казахстан, сохраняется.

Так, за период суверенного развития Казахстана по данным Комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан через исправительные учреждения прошло свыше полутора миллиона человек. А если к этой цифре прибавить количество близкого окружения осужденных (родственники, друзья, коллеги и т.д.) в среднем 4-6 человек на одного осужденного, то получается большая цифра опосредованно вовлеченных в сферу уголовной юстиции.

Как нам представляется, одной из причин такого положения является состояние уголовного законодательства Республики Казахстан и в частности санкций предусмотренных в статьях Особенной части УК Республики Казахстан, где среди предусмотренных санкций в статьях Особенной части УК РК преобладает такой вид наказания как лишение свободы.

Например, в УК РК 2014 года, который введен в действие с 1 января 2015 года вновь преобладает такой вид наказания как лишение свободы (744), далее идет штраф (471), затем исправительные работы (468). Ограничение по службе (342), конфискация имущества (264), привлечение к общественным работам (152), арест (150), смертная казнь (12).

Интересным в теоретическом и полезным в практическом плане является предложение теоретической модели российских ученых под научным руководством Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.И. Селиверстова об организации отбывания лишения свободы осужденными за экономические и должностные преступления¹, суть которого заключается в создании специализированных исправительных учреждений для лиц, осужденных за экономические и должностные преступления

Поэтому было бы целесообразным Комитету УИС МВД РК без каких-либо дополнительных затрат перепрофилировать одно из исправительных учреждений, тем более можно из числа подлежащих сокращению, в специализированное учреждение для отбывания наказаний осужденных лиц за экономические и должностные преступления.

Более того, практика создания специализированных исправительных учреждений для осужденных из числа бывших сотрудников правоохранительных органов имеется.

Третье. Усиление профилактической направленности процесса борьбы с преступностью и формирование новой идеологии борьбы с преступностью. В целях активизации впервые принятого в истории нашей страны Закона Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года «О профилак-

¹ Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и должностные преступления: первый вариант теоретической модели/ под научн. ред. д.ю.н., проф. В.И. Селиверстова.-М.: ИД «Юриспруденция», 2018; Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления: итоги теоретического исследования. - М.: ИД «Юриспруденция», 2019.

тике правонарушений»¹ было бы целесообразным, принять на правительственном уровне Программу по реализации Закона РК «О профилактике правонарушений» с конкретными мероприятиями, которые должны быть научно обоснованы, обеспечены организационно и финансово со стороны государства, как на республиканском, так и на местном уровнях.

Следовало бы обязать все органы, указанные в Законе к неукоснительному исполнению всех его требований с истребованием ежегодных отчетов о его реализации.

Привлечь все органы и общественные организации, граждан по реализации Послания Президента Республики Казахстан- Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Казахстан - 2050»: Новый политический курс состоявшегося государства» о следовании государства принципу нулевой терпимости к беспорядку². Привлечь для наступления на преступность весь потенциал страны на самом высоком уровне (возможно администрацию президента или совет безопасности).

Использовать возможности Законов РК «О профилактике правонарушений»³ и «О национальной безопасности Республики Казахстан»⁴ для объединения усилий всех органов и общественности по формированию новой идеологии в обществе в сфере противодействия преступности. Разъяснить всему обществу, что противодействие преступности это задача всего общества, а не только правоохранительных органов.

Четвертое. Продолжить работу по совершенствованию уголовного законодательства Республики Казахстан в плане его гуманизации и повышения эффективности уголовных наказаний.

Несмотря на небольшой срок вступления в силу нового уголовного законодательства Республики Казахстан (1 января 2015 года), правоприменительная практика последних двух лет свидетельствует о имеющихся проблемах и отдельных упущениях.

1. Сократить в уголовном законодательстве Республики Казахстан и ввести некоторые ограничения на применение такого вида наказания как лишение свободы.

Следует продолжить работу по дальнейшему максимальному исключению данного вида наказания из отдельных статей Особенной части УК РК, за деяния, не представляющие серьезную общественную опасность, заменив его другими видами наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

По мнению известных ученых, будучи в целом позитивным инструментом воздействия на преступника наказание в виде лишения

¹ О профилактике правонарушений: Закон Республики Казахстан. – Алматы: ЮРИСТ, 2012.

² Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана - Алматы: Юрист, 2013. С. 35

³ О профилактике правонарушений: Закон Республики Казахстан. – Алматы: ЮРИСТ, 2012.

⁴ Правоохранительные органы: Сборник законодательных актов. – Алматы: Юрист, 2017. С. 58

свободы само по себе порождает определенные негативные последствия, часто мало зависящие от правоохранительных органов, поэтому « стратегия изоляции преступника от общества изживает себя»¹.

Кроме этого, было бы желательно предусмотреть даже некоторые ограничения на применение такого вида наказания как лишение свободы, как это сделано в части 2 статьи 42 УК РК (Исправительные работы не могут быть назначены лицам, признанным нетрудоспособными, не имеющими постоянной работы или обучающимся в учебных заведениях с отрывом от производства), в части 3 статьи 45 (Арест не назначается несовершеннолетним, беременным женщинам, имеющим малолетних детей, мужчинам воспитывающим в одиночку малолетних детей, женщинам в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет, мужчинам в возрасте шестидесяти трех и выше лет, инвалидам первой и второй группы), в части 2 Статьи 47 (смертная казнь не назначается лицам, совершившим преступления до восемнадцати лет, женщинам, мужчинам в возрасте шестидесяти трех и свыше лет).

Например, внести пункт в ст. 46 УК РК, что лишение свободы не назначается в отношении лиц достигших пожилого возраста (старше 63 лет), или лиц не допускавших за период жизни различного рода правонарушений (старше 50 лет), женщин воспитывающих двух или более детей, несовершеннолетних, совершивших впервые преступления небольшой и средней тяжести, инвалидов первой и второй группы и т.д..

Следует оговориться, что речь не идет о всех совершаемых преступлениях. Сюда не могут подпадать убийства, изнасилования и другие представляющие собой повышенную общественную опасность (терроризм, экстремизм, измена родине, шпионаж и другие)

2. Снизить предельные сроки лишения свободы, установленные в ст. 46 УК РК 2014 года(за совершенные преступления, устанавливаются от шести месяцев до 15 лет, а за особо тяжкие преступления – до 20 лет либо пожизненно. За неосторожные преступления срок лишения свободы не может превышать 10 лет. В случае частичного или полного сложения сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений срок лишения свободы не может превышать **25 лет**, а по совокупности приговоров – не более **тридцати лет**).

Принимая во внимание многие обстоятельства, связанные с условиями содержания осужденных, с возможностью завершения исправительного процесса в более короткие сроки, с ежегодно нарастающим количеством осужденных, с увеличением затрат на их содержание, а также стремлением Казахстана улучшить индекс «тюремного населения» страны, считали бы целесообразным установить максимальные сроки лишения свободы за совершенные умышленные преступления не свыше 10 лет, за неосторожные

¹ Кудрявцев В. Н. Стратегия борьбы с преступностью. – М.: Юрист, 2003. С. 169.

преступления до 5 лет, по совокупности преступлений до 12 лет и по совокупности приговоров не более 15 лет.

3. Пересмотреть установленные уголовным законодательством виды наказаний.

Тенденции развития современной уголовной политики требуют расширения иных мер уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия в рамках развития восстановительного правосудия.

Одним из резервов в данном направлении является противодействие пенитенциарной преступности, то есть преступности осужденных лиц за совершение уголовных правонарушений (преступлений, уголовных проступков по УК РК), особенно если речь идет о такой категории осужденных, как осужденных за экономические и должностные преступления.

По нашему мнению, было бы более эффективнее ввести новые виды наказаний, предусмотренные в ст. 40 УК РК, альтернативные лишению свободы, таких, например, как ссылка и высылка (можно изменить название), что даст возможность уголовно-исполнительной системе более качественнее организовать процесс исполнения наказания.

Так, осужденных за экономические или коррупционные преступления направлять не в общие исправительные учреждения на «съедение» уголовным элементам или коррумпированным сотрудникам уголовно-исполнительной системы и этим самым поддерживая криминальный мир, а направлять их для отбывания наказания на весь установленный срок в какое-либо заброшенное селение, чтобы дать возможность на законной основе создавать для себя благоприятные условия обустройства жилища и в целом укрепления инфраструктуры сельской местности. Особенно если речь идет о бывшем руководителе республиканского или областного масштаба или сотрудник правоохранительного органа, которые несмотря на допущенное нарушение закона не представляют собой повышенной общественной опасности для окружающих как убийцы, насильники, воры и другие уголовные элементы и нуждаются в обязательной изоляции.

При таком подходе будет доволен сам осужденный, будет большая выгода выбранному селению, а самое главное будет обеспечена гуманность уголовного законодательства и реализованы в полном объеме цели уголовного наказания.

Например, по информации председателя Агентства по делам госслужбы и противодействия коррупции Республики Казахстан А.Ж. Шпекбаева за последние 17 лет в Казахстане привлекли к ответственности почти 11000 коррупционеров, среди осужденных к тюремным срокам два премьер-министра, семь министров и председателей агентств, семь акимов областей и их заместителей, восемь глав национальных компаний и столько же представителей руководства силовых структур.

Только в 2017 году в Казахстане по информации А.Ж. Шпекбаева были возбуждены уголовные дела на 14 руководителей центральных госорганов

нов, девяносто дел завели на глав областных структур и 121- на руководителей городских и районных госорганов.

По информации А.Ж. Шпекбаева Казахстан потерял восемь пунктов в Индексе восприятия коррупции и занял 131-место наряду с Россией и Украиной.¹

Сколько можно было бы построить домов на селе, отремонтировать дорог и т.д. А вместо этого государство направляет всех этих осужденных данной категории лиц, не представляющих опасности для окружающих и не нуждающихся в строгой и обязательной изоляции от общества, вместе с маньяками-убийцами, рецидивистами-уголовниками, террористами-экстремистами и другими категориями осужденных представляющими опасность своим присутствием в обществе, в исправительные учреждения для отбывания наказания на длительные сроки и тратя на эти цели огромные бюджетные средства и этим самым создавая новые проблемы как для самого общества, так и для осужденных указанной категории.

В целом система исполнения наказания в год в Республике Казахстан составляет свыше 50 миллиардов тенге.

4. *Пересмотреть порядок условно-досрочного освобождения, установленный в ч. 3 ст. 72 УК РК (3. Условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным:*

1) не менее одной трети срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести;

2) не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление;

3) не менее двух третей срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление;

4) не менее трех четвертей срока наказания, назначенного за преступления, предусмотренные п.п. 3) и 5) ч. 3 ст. 120 и п.п. 3) и 5) ч. 3 ст. 121 настоящего Кодекса, а также если примененное ранее условно-досрочное освобождение было отменено по основанию, предусмотренному п. 3) ч. 7 настоящей статьи;

5) не менее одной трети срока наказания, назначенного за тяжкое преступление, либо не менее половины срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление, в случае выполнения осужденным всех условий процессуального соглашения.² и предложить вместо них следующие обязательные сроки отбытия наказания при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания сократив их : за преступления небольшой тяжести – до 0,5 года, средней тяжести до 1 года, тяжкие – до 2 лет, особо тяжкие до 3 лет.

¹ Из выступления председателя Агентства по делам госслужбы и противодействия коррупции Республики Казахстан Шпекбаева А.Ж. на антикоррупционном Уральском форуме в Республике Казахстан. (2017 год)

² Уголовный кодекс Республики Казахстан: Практическое пособие. - Алматы: «Издательство «Норма-К», 2018. С. 41.

Такая замена не означает массового и обязательного освобождения всех осужденных. Речь идет только, о той категории осужденных, которая исправилась и не нуждается в дальнейшей изоляции.

Предложенный подход даст возможность стимулировать осужденных к исправлению и существенно снизить численность тюремного населения и вместе с тем повысить ответственность сотрудников исправительных учреждений.

5. *Расширить применение института условного осуждения. (Ст. 63 УК РК 2014 года «Условное осуждение»)*

С учетом вышеперечисленных обстоятельств можно констатировать, что предложенный подход к переосмыслению отдельных аспектов противодействия преступности будет способствовать решению многих задач, стоящих перед правоохранительными органами и повышению эффективности участия в данном процессе всего гражданского общества.

При этом нетрудно установить прямую зависимость между содержанием уголовной политики и происходящими процессами в сфере демократизации. Так чем демократичнее то или иное общество, тем гуманнее проводимая в нем уголовная политика. А это является свидетельством формирования правового государства.

Реализация предложенного подхода позволит приблизиться к достижению положительных результатов в противодействии преступности на современном этапе.

Список литературы

Аванесов Г. А. Преступность и социальные сословия. Криминологические рассуждения: монография, М, ЮНИТИ-ДАНА, 2010

Бытко Ю.И. Справедливость и уголовная политика: монография.-М.: Юрлитинформ, 2017.- 216 с.

Конституция Республики Казахстан. Практическое пособие. - Алматы: ТОО «Издательство «Норма-К», -2017.- 44 с.

Криминология: учебник /отв. ред. В.Е. Эминов. - Москва: Проспект, 2018.- 368 с.

Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью.-М.: Юристъ, 2003.-352 с.

Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Российского Конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Комиссарова, состоявшегося 31 мая-1 июня 2018 года.-М.: Юрлитинформ, 2018.-752 с.

Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления: итоги теоретического исследования. / Под редакцией Заслуженного деятеля науки РФ, д.ю.н., проф. В.И. Селиверстова. - М.: ИД «Юриспруденция», 2019.- 464 с.

Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и должностные преступления: первый вариант теоретической модели/ под научн. ред. д.ю.н., проф. В.И. Селиверстова.-М.: ИД «Юриспруденция», 2018.-72 с.

Правоохранительные органы: Сборник законодательных актов. – Алматы: Юрист, 2017.-256 с.

Старков О. В. Предупреждение преступлений: Учебное пособие. - Юристъ, 2005.- 284 с.

**К вопросу о понятии правовой политики в отношении
криминальной сферы**

**Modern Trends in State Policy Concerning the Concept
of Criminal Sphere**

Аннотация: В статье рассматривается проблема, связанная с понятием правовой политики в отношении криминальной сферы российского общества. Анализируется содержание этого понятия, его значение и соотношение с иными смежными понятиями.

Автор рассматривает данное направление государственной деятельности как ключевое звено в рамках нейтрализации криминальной сферы общества и обозначает его основные направления применительно к российской политико-правовой реальности.

Abstract. The concept of state regulation of the criminal sphere demands a description and an analysis. The article suggests authors unique view, describes the importance of the concept in Russian society and comparison to adjacent concepts. A key to the process of neutralization of the criminal sphere lies in the sphere of government legislative work, and the article designates the main direction it should take.

Ключевые слова: правовая политика в отношении криминальной сферы, уголовная политика, закон, право, нравственность, политическая воля, идейные основы

Key words: State policy, criminal sphere, criminal policy, law, morals, political will, ideology

В настоящее время масштаб распространения преступности, усиление влияния на многие стороны жизни страны, позволяют говорить о криминальной сфере современного общества как мощной, хорошо организованной социальной структуре, которая стала результатом развития «...деструктивной части развивающегося общества».¹

Криминальная сфера, став важным структурным элементом современного общества, стала занимать в нем достаточно большой удельный вес, что повлекло за собой разрушительные процессы в иных сферах общественных отношений, обостряя социальные кризисы и негативно влияя на политические, экономические, нравственные и иные процессы в социуме.

В целом этот процесс характеризуется постепенным вытеснением легитимных и легальных общественных отношений их криминальными аналогами и разновидностями. Учитывая характер влияния криминальной сферы на российский социум, проблема ее нейтрализации из криминологической, правоохранительной проблемы превращается в проблему политическую. В связи с этим представляется целесообразным использовать новые комплексные подходы, позволяющие осмыслить не только сам феномен криминальной сферы, но и результативные меры влияния на нее в сложившейся ситуации.

На наш взгляд, ключевым звеном деятельности государства по нейтрализации криминальной сферы общества является его правовая политика. Безусловно, всех государственных возможностей воздействия общества на преступность правовая политика в отношении криминальной сферы

не исчерпывает, однако, именно она играет наиболее заметную роль в обеспечении данного направления деятельности государства.

Представляется, что феномен политики (уголовной политики) с древнейших времен традиционно находится в сфере научных интересов. Начиная XIX века к вопросам уголовно-правового воздействия, обращались в своих работах такие известные авторы как Э. Ферри, Ф. Лист, М. П. Чубинский, С. К. Гогель. Проблемам формирования и реализации уголовной политики посвятили свои труды многие ученые современности. В частности, проблемам уголовной политики уделяли внимание Н. А. Беляев, С.С. Босхолов, Л.Д. Гаухман, Н.И. Загородников, И.Э. Звечаровский, И. А. Исмаилов, А.И. Коробеев, В.М. Коган, М.А. Кочубей, В.Н. Кудрявцев, Л.М. Колодкин, Н.А. Лопашенко, Г.М. Миньковский, А.В. Наумов, П.Н. Панченко, А.А. Пионтковский, Б.Т. Разгильдиев и многие другие.

Однако, несмотря на многочисленность проведенных и проводимых исследований, четкого и соответствующего сегодняшним реалиям представления о феномене соответствующей государственной политики не выработано. Следует отметить, что до настоящего времени не сформировалось единое мнение по поводу содержания этого понятия и его соотношения со смежными понятиями.

На наш взгляд, термины «уголовная политика», «государственная политика в сфере борьбы с преступностью» и «правовая политика в отношении криминальной сферы», по своей сути, тождественны. Политика определяется и реализуется государством, следовательно, эта политика – государственная. Сущностью правовой политики в отношении криминальной сферы является государственная деятельность, направленная на минимизацию влияния обозначенной сферы на иные структуры общества, посредством удержания ее в социально ожидаемых пределах и направлениях. Однако, следует отметить, что в определении «правовая политика в отношении криминальной сферы» в большей мере, чем в других определениях, где делается ударение на преступность, акцентируется внимание на любой девиации (или греховности), которая в состоянии занять место преступления.

Нам представляется, что применительно к российской политико-правовой реальности правовая политика в отношении криминальной сферы может быть развернута по следующим направлениям.

Во-первых, это согласование права и нравственности, в том смысле, что право (закон) должно не подменять собой морально-этические нормы, являющиеся непосредственным выражением менталитета нации, а развивать их, поскольку христианская этика гораздо масштабнее этики права. Во-вторых, это выстраивание разумной иерархии правоохраняемых ценностей, а именно: с изменением обстоятельств, порождающих криминальные угрозы, должна меняться и правовая политика в отношении криминальной сферы. Целесообразно прислушиваться не только к рекомендациям Совета Европы и мнениям зарубежных экспертов, но и к «гласу народа».

Следующая позиция - равенство всех перед законом. Как известно,

¹ Горяинов, К. К. Транснациональная преступность. Проблемы и пути их решения / К.К. Горяинов, А.П. Исиченко, Л.В. Кондратьев. - М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 1997. С.54.

отечественная политика в сфере борьбы с преступностью всегда основывалась на принципе всеобщей (всесловной) ответственности за совершенные преступления. Однако, как показывает анализ действующего законодательства и практики его применения, данный принцип сплошь и рядом откровенно игнорируется. Примеров тому сегодня существует немало. Так, необъяснимыми с позиции идеи равенства граждан перед законом являются изменения, направленные на усиление ответственности за преступления, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел (п. «о» ч. 2 ст. 63 УК РФ). При такой постановке вопроса остается не совсем понятным, чем отличается опасность преступлений указанной категории лиц от посягательств, совершаемых сотрудниками прокуратуры, ФСБ, ФСКН, МЧС, Вооруженных сил России, и где здесь равенство всех перед законом?

Это касается не только уголовного, но и уголовно-процессуального законодательства. Так, УПК РФ не закрепил положение о равенстве всех перед законом и судом в качестве принципа уголовного судопроизводства, но включил специальный раздел «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц». В частности, нормы УПК РФ устанавливают достаточно серьезные препятствия привлечению к уголовной ответственности отдельных лиц, от члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы до кандидата в Президенты, судей всех уровней, прокурора и адвоката (всего 19 категорий). Таким образом, принадлежность к властным структурам определенного уровня зачастую является своеобразной индульгенцией на безнаказанность и, как показывает практика, дает только отрицательный эффект.

Представляется вполне очевидным, что политика, основанная на данной идеологии, как минимум, не способствует консолидации общества, приводит, в некоторых случаях, к прямому противопоставлению права и нравственности, что с криминологической точки зрения является серьезным стимулом развития криминальной сферы.

Четвертая позиция - поддержание обратных связей, то есть, обязательным условием эффективности осуществления государством своих властных полномочий в любой сфере является поддержка обществом инициатив государства, поскольку что без помощи всего населения, всего общества, успех в борьбе с преступностью невозможен.

Безусловный приоритет предупредительных мер. Как показывает практика, преступность только карательными мерами не обуздать. Следует учитывать, что значительная часть российского общества втягивается в противоправные отношения через теневую экономику, выступая в качестве рабочей силы, клиентов, потребителей, партнеров, вследствие чего в российском обществе имеются социальные группы и слои, для которых криминальная сфера служит фактором известной социальной стабилизации и выполняет определенные регулятивные функции. Соответственно и восприятие данного явления существенно различается у разных общественных слоев, от категорического неприятия до безоговорочного одобрения. До тех пор, пока в

общественном сознании криминальные идеи не утратят привлекательности, криминальная сфера будет только расширяться. Идеальный кризис может быть разрешен только путем предложения более привлекательных идей.

И, наконец, особое место следует отвести наличию политической воли в реализации идейных основ уголовной политики. Объективной является необходимость наличия у верховной власти определенной политической воли для внесения таких конструктивных корректив в правовую политику государства в отношении криминальной сферы, которые бы отражали не узкокорпоративные интересы отдельных классов и групп, а интересы общества в целом. «России нужна не всякая демократия, а только такая, которая противостоит «узконаправленным интересам», а не находится под контролем последних»¹.

Государство может декларировать, даже законодательно закреплять высокие нравственные и правовые принципы, но если оно в своей практической деятельности не реализует провозглашенные им социальные ценности, то это создает своеобразный духовный, нравственный вакуум, неизбежно заполняемый аморальными антисоциальными установками, правовым нигилизмом.

Список литературы

Горяинов К. К. Транснациональная преступность. Проблемы и пути их решения / К.К. Горяинов, А.П. Исиченко, Л.В. Кондратьев. - М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 1997.

Ольсевич Ю. Институционализм - новая панацея для России? // Вопросы экономики. 1999. № 6.

Александров А. И.

Уголовная политика и проблемы внесудебной репрессии

Criminal Policy and the Dangers of Extrajudicial Repression

Аннотация. В статье поднимается проблема формирования уголовной политики в постиндустриальном обществе. Автор исследует изменения восприятия такой институциональной категории, существующей на протяжении многих веков, как внесудебная репрессия, в новых криминологических реалиях. Автор статьи опирается на общенаучный системный и аксиологический подходы к исследованию общественных процессов и необходимости их уголовно-правовой охраны. Методология исследования включает обзор научной литературы, открытых информационных источников, материалов судебной практики, аналитический подход к внесудебной репрессии. Автор делает вывод о распространении внесудебной репрессии в практике борьбы с преступностью.

Abstract. The article raises a problem of criminal policy development in post-industrial society. The author examines how such a well-known institutional category as extrajudicial repression survives in new criminological reality. The research methods used in this work are the general scientific systematic and axiological approaches to a research of public processes in need of criminal protection. The methodology includes the review of scientific literature, open

¹ Ольсевич, Ю. Институционализм - новая панацея для России? // Вопросы экономики. 1999. № 6. С.33.

information sources, legal cases, analytical approach to extrajudicial repression. The author proves that the use of extrajudicial repression in fight against crime rises in popularity.

Ключевые слова: уголовный закон, толкование закона, уголовная политика, уголовная репрессия, внесудебная репрессия.

Key words: criminal law, interpretation of law, criminal policy, criminal repression, extrajudicial repression

В современном российском обществе меры борьбы с преступностью предлагаются как традиционные, так и новые. Специалисты все чаще признают неэффективность традиционных методов противодействия преступности¹. Вместе с тем растет беспокойство криминологов и в связи с применением новых мер противодействия преступности, которые обладают признаками внесудебной репрессии. Так, по утверждению Д. А. Шестакова, в нашей стране допускается в чрезвычайной обстановке убийство невинных людей, например, при захвате воздушного судна, тем самым «меры безопасности выскочили за пределы уголовного закона»². Он также указывает на недопустимость узаконения репрессии без преступления, как это, к примеру, произошло в ФРГ с новеллизацией превентивных мер исправления и безопасности в национальном уголовном законодательстве³. В нашей стране предпосылки для внесудебной репрессии создали события 1990-х гг. на Северном Кавказе⁴.

В конце второго десятилетия XXI века вопрос о сущности внесудебной репрессии остается в фокусе исследований российских и зарубежных криминологов. Резонансное «дело Ивана Голунова» вновь потребовало обращения к этой проблеме, так как на сегодняшний день первые ассоциации с этим феноменом чаще всего связаны именно с полицейским произволом.

Нельзя сказать, что внесудебная репрессия является только российской проблемой. Внесудебную репрессию исследуют и европейские криминологи, обозначая этим термином, в частности, факты произвола сотрудников полиции в отношении несовершеннолетних правонарушителей в Португалии, выразившиеся в их избииении и оскорблении⁵. Отечественные авторы уточняют, что зачастую случаи полицейского произвола тесно связано с понятием гражданства, приводя в качестве примера данные о полицейском насилии в отношении молодых мигрантов, про-

¹ Гишинский Я.И. Современные тенденции мировой криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 3. – С. 11.

² Шестаков Д. А. Чего я жду от криминологии уже завтра? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chego-ya-zhdu-ot-kriminologii-uzhe-zavtra> (дата обращения: 30.06.2019).

³ Шестаков Д. А. Репрессивность наказания и мер безопасности по Уголовному кодексу ФРГ // Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Научное редактирование и вступительная статья Д. А. Шестакова. – СПб: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 97-111.

⁴ Агапов П. В., Хлебушкин А.Г. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: политико-правовой, криминологический и уголовно-правовой анализ. – М.: АНО "Юридические программы", 2005. – С. 58.

⁵ Zoettl P. A. Minor narratives: Extrajudicial punishment of youth offenders by police officers in Portugal // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2017. – Volume 48. – March. – Pages 27-39.

живающих в неблагополучных кварталах крупных городов Франции¹.

Еще А.А. Герцензон, исследуя преступность за рубежом в 1950-е гг., писал о различных формах внесудебной репрессии, понимая под ней внесудебную расправу с революционными рабочими и крестьянами, с прогрессивной частью интеллигенции «полицией, частными сыскными агентствами, шайками гангстеров, действующих в качестве наемных бандитов, а также различного рода фашистскими и профашистскими организациями»².

Г. И. Волков, рассуждая об уголовной политике эпохи промышленного капитализма, обращался к истории французской революции, когда после падения якобинской диктатуры «начался белый террор, аресты и казни республиканцев», которые «проводились внесудебным порядком»³.

А. Г. Тепляков в своем исследовании первых лет становления в нашей стране советской власти в свою очередь отмечал, что «на постоянные вспышки обострений бандитизма чекисты реагировали посылкой в пораженные им районы специальных опергрупп и внесудебными репрессиями»⁴.

Обобщая изложенные позиции, считаем, что подход авторов, понимающих внесудебную репрессию как осуществление правоохранительными органами принуждения вне установленных уголовно-процессуальным законодательством процедур, слишком узкий. Полагаем целесообразно рассмотреть некоторые направления современной уголовной политики, по сути характеризующиеся как внесудебная репрессия, категорически неприемлемая в цивилизованном социуме.

Еще в 30-е гг. XX века Г.И. Волков писал, что «с усилением уголовной репрессии, уголовное право деградирует, его форма разлагается и, кроме того, усиленная репрессия все больше проводится в форме внесудебной расправы»⁵. В толковом словаре Ушакова расправа понимается как насилие преимущественно физическое над кем-нибудь с целью наказания, принуждения к чему-нибудь⁶.

Предпосылки существования внесудебной репрессии в широком смысле этого слова обусловлены несоответствием современной уголовной политики тем глубинным изменениям, которые происходят, как в российском обществе, так и во всем мире. На международных форумах, в том числе с участием руководства нашей страны, на самом высоком уровне обсуждаются такие глобальные вопросы, как единые правила цифровой экономи-

¹ Кобец П.Н., Краснова К. А. Молодежный бандитизм во Франции и источники коллективного насилия в среде мигрантов // Частное и публичное право. Межвузовский сборник научных трудов научных сотрудников, преподавателей и молодых ученых. Инновационные подходы в современной юридической науке / под ред. Ленковской Р.Р. – М.: Издательство «Саратовский источник», 2019. – С. 68-77.

² Герцензон А.А. Преступность в странах империализма. – М.: Госюриздат, 1951. – С. 116.

³ Волков Г. И. Уголовная политика эпохи промышленного капитализма: очерки советской уголовной политики. – М.: Гос. изд-во Советское законодательство, 1932. – С. 39.

⁴ Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири, 1918-1929 гг.: монография. – М.: АИРО-XXI, 2007. – С. 68.

⁵ Волков Г. И. Указ. соч. С. 12.

⁶ Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1002666> (дата обращения 30.06.2019)

ки. В частности, на саммите G-20 в конце июня 2019 года наша страна поддержала инициативу Osaka Track, направленную на продвижение международной дискуссии по составлению правил в отношении аспектов цифровой торговли в рамках ВТО.

Однако в это же самое время в российских реалиях лица, осужденные к наказанию в виде лишения свободы, абсолютно лишены доступа к цифровой среде¹, что в дополнение к удаленности большинства мест отбывания наказания в виде лишения свободы создает все предпосылки для внесудебной репрессии. Так, Европейский суд по правам человека в деле «Войнов против России» признал, что практика отбывания заключенными наказания в виде лишения свободы вдали от места жительства семьи и детей нарушает их права человека. В частности, заявитель Т. Войнов отбывал наказание в исправительном учреждении, находящемся на расстоянии 4200 км от его родного города, вследствие чего за четыре года, предшествующие обращению в ЕСПЧ, ни разу не видел своего ребенка и супругу². И хотя формально здесь не идет речь о каком-либо физическом насилии или оскорблении чувств осужденного, но на фоне глобального тренда увеличения средней продолжительности жизни, повышающего «ценность активного и свободно-го времени жизни с перманентным взаимодействием с цифровой средой»³, невозможность осужденного контактировать с семьей и близкими представляется для судей ЕСПЧ чрезмерной репрессией.

В этой связи уместно привести слова норвежского криминолога Нильса Кристи, который, оценивая современное мироустройство, предлагает взглянуть на существующую систему наказаний с точки зрения общечеловеческих ценностей. Спросить себя: какой уровень страданий – и причинения страданий – приемлем для общества нашего типа? Как широко можно применять наказания, чтобы не поколебать веру человека в добро и справедливость, не подвергнуть опасности гражданский характер и единство нашего общества?⁴

Действительно, рассматривать преступность невозможно в отрыве от того, общества, в котором это явление существует. Так, А.М. Яковлев, подчеркивая экономические корни преступности в 70-е гг. XX в., отмечал, что «преступность существует в обществе, благодаря обществу и в связи с условиями этого общества»⁵. В свою очередь, В. И. Попов, применительно к причинам высокого уровня коррупции в России, отмечает, что «исток ее всепроникающего и всеохватывающего существования в

конечном счете надо видеть прежде всего в характере ценностей, целей и приоритетов, на которые ориентируется общество, отдельные его члены и особенно элита»¹.

Следует отметить, что в настоящее время существует значительный исследовательский интерес, направленный на изучение влияния нравственности на представления об уголовной политике и у отечественных авторов. В криминологии подобное влияние все более и более признается. Г.Ю. Лесников указывает на значение вопросов нравственного характера для реализации уголовной политики государства². Тем временем Т.А. Манина обосновывает необходимость совершенствования эффективности уголовного наказания на основе нравственных элементов³. В современном обществе мораль, нравственность, представление о добре и зле подверглись серьезному искажению⁴.

На нравственный аспект законотворческой деятельности обращает внимание и П.В. Жестеров, полагая, что «уголовно-правовые нормы при их создании, изменении, применении и отмене должны предварительно пропускаться через призму нравственности»⁵. Ряд авторов рассматривают нравственную составляющую правоприменительной деятельности, отмечая, что для эпохи постмодернизма характерно «снятие любых нравственных вопросов и всеобщее отсутствие регулирующей функции нравственного сознания при толковании и применении права»⁶.

Полагаем, что именно пропуск уголовной политики через призму нравственности должен предотвратить практику принятия и применения уголовно-правовых мер, лежащих вне сферы собственно уголовного закона.

В заключении отметим, что уголовно-политический и криминологический анализ феномена внесудебной репрессии можно и нужно продолжить с тем, чтобы оценить влияние, которое формирует отношение политиков, ученых и простых обывателей к уголовной политике.

Список литературы

Агапов П. В., Хлебушкин А.Г. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: политико-правовой, криминологический и уголовно-правовой анализ. – М.: АНО "Юридические программы", 2005. – 133 с.

Волков Г. И. Уголовная политика эпохи промышленного капитализма: очерки советской уголовной политики. – М.: Гос. изд-во Советское законодательство, 1932 – 104 с.

¹ Попов В. И. Преступность, угрожающая национальной безопасности России. – М.: Изд-во СГУ, 2010. – С. 169.

² Лесников Г.Ю. Нравственные основы уголовной политики // Нравственность для XXI века: Сб. ст. / Под ред. Ю. М. Антояна. – М.: Аспект Пресс, 2009. – С. 52-59.

³ Манина Т. А. Нравственные элементы в уголовном наказании: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005. – С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Жестеров П.В. Нравственность как критерий современной уголовной репрессии // Юридическое образование и наука. – 2016. – № 3. – С. 102-105.

⁶ Сорокин В. В., Кутявина М.Н. Толкование права в интерпретации постмодернизма // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – № 2 (15). – С. 54.

¹ Кобец П.Н., Краснова К. А. Международный опыт и практика применения пожизненного лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. – № 5. – С. 35-41.

² Case of Voynov v. Russia [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-184276> (дата обращения 30.06.2019)

³ Жестеров П.В. Доктрина уголовной репрессии в рамках политического развития страны // Юридическое образование и наука. – 2019. – № 5. – С. 32-36.

⁴ Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / под общ. ред., вступ. статья Я.И. Гилинского; пер. с англ. Е. Матерновской. – 2-е изд. – СПб, 2011. – С. 142-143.

⁵ Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. – М., 1971. – С. 40.

Герцензон А.А. Преступность в странах империализма – М.: Госюриздат, 1951 – 176 с.

Гилинский Я.И. Современные тенденции мировой криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 3. – С. 5-14.

Жестеров П.В. Доктрина уголовной репрессии в рамках политического развития страны // Юридическое образование и наука. – 2019. – № 5. – С. 32-36.

Жестеров П.В. Нравственность как критерий современной уголовной репрессии // Юридическое образование и наука. – 2016. – № 3. – С. 102-105.

Кобец П.Н., Краснова К. А. Международный опыт и практика применения пожизненного лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. – № 5. – С. 35-41.

Кобец П.Н., Краснова К. А. Молодежный бандитизм во Франции и источники коллективного насилия в среде мигрантов // Частное и публичное право. Межвузовский сборник научных трудов научных сотрудников, преподавателей и молодых ученых. Инновационные подходы в современной юридической науке / под ред. Ленковской Р.Р. – М.: Издательство «Саратовский источник», 2019. – С. 68-77.

Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / под общ. ред., вступ. статья Я.И. Гилинского; пер. с англ. Е. Матерновской. – 2-е изд. – СПб: Алетейя, 2011. – С. 142-143.

Лесников Г.Ю. Нравственные основы уголовной политики // Нравственность для XXI века: Сб. ст. / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М.: Аспект Пресс, 2009. – С. 52-59.

Манина Т. А. Нравственные элементы в уголовном наказании: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005.

Попов В. И. Преступность, угрожающая национальной безопасности России. – М.: Изд-во СГУ, 2010.

Сорокин В. В., Кутявина М.Н. Толкование права в интерпретации постмодернизма // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – № 2 (15). – С. 54-57.

Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири, 1918-1929 гг.: монография. – М.: АИРО-XXI, 2007. – 287 с.

Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1002666> (дата обращения 30.06.2019)

Шестаков Д. А. Репрессивность наказания и мер безопасности по Уголовному кодексу ФРГ // Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Научное редактирование и вступительная статья Д. А. Шестакова. – СПб: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 97-111.

Шестаков Д. А. Чего я жду от криминологии уже завтра? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – №4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chego-ya-zhdu-ot-kriminologii-uzhe-zavtra> (дата обращения: 30.06.2019).

Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. – М., 1971.

Case of *Voynov v. Russia* [Электронный ресурс]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-184276> (дата обращения 30.06.2019)

Zoettl P.A. Minor narratives: Extrajudicial punishment of youth offenders by police officers in Portugal // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2017. – Volume 48. – March. – Pages 27-39.

Андреева Л. А.

Уголовно-правовая и криминологическая характеристика коррупционных преступлений в бюджетной сфере

Criminal-legal and criminological characteristics corruption crimes in the public sector

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам противодействия коррупционным преступлениям в бюджетной сфере. В статье анализируются наиболее острые проблемы в работе по реформированию и применению уголовного закона. Решение проблем в бюджетном финансировании предполагается укрепление уголовного закона, его независимость и верховенство.

Abstract. The article is devoted to the actual problems of combating corruption offences in the public sector. The article analyzes the most acute problems complicating the reform and application of the criminal law. The improvement of public sector regulation is supposed to strengthen the criminal law, its independence and supremacy.

Ключевые слова: коррупция, преступление, механизм применения уголовного закона, бюджетная сфера.

Key words. Corruption-related Crimes in The Public Sector from the Perspective of Criminal Law and Criminology.

В современной юридической литературе отмечается, что масштабное нецелевое использование бюджетных средств является реальной угрозой для национальной безопасности России¹.

Проблемы квалификации деяний по ст. 285¹ УК РФ, по-прежнему требуют владения знаниями бюджетного законодательства и правовых актов, соответствующих бюджетных систем, а также разночтениями в научно-практических толкованиях.

Как отмечает, А.Е. Скачкова, принимая бланкетный характер диспозиции ст. 285¹ УК РФ, сравнивая регулятивные нормы бюджетного законодательства и охранительные нормы УК РФ, следует указать, что субъектами уголовной ответственности могут выступать руководитель получателя бюджетных средств (финансовый директор) и главный бухгалтер (бухгалтер) получателя бюджетных средств.² Бланкетной является «диспозиция, которая непосредственно в самом уголовном законе не определяет признаки преступного деяния, а отсылает к другим законам или иным нормативным актам другой отрасли права (административного, гражданского и т.д.)»³.

Вместе с тем, уголовно-правовая охрана бюджетных средств (бюджетных правоотношений) связана с надлежащим исполнением лицами, замещающими государственные (муниципальные) должности и государственными (муниципальными) служащими возложенных на них должностных

¹ Попов С. В. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств // Российский судья. 2006. № 11. С. 27.

² Скачкова А.Е. Лица, несущие уголовную ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств // Журнал правовых и экономических исследований, 2015. № 3. С.74.

³ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. 2-е изд. М., 1999. С.83.

обязанностей экономического обеспечения прав, свобод и законных интересов человека, общества и государства (его публично-правовых образований) как защитой публичного интереса. Это в свою очередь определяет коррупционные деяния должностных лиц.

Автор полагает, что представляется верной позиция, определяющая нецелевое расходование бюджетных средств, как должностное преступление, посягающее на необходимый порядок функционирования государственного механизма. Квалификация преступления, предусмотренного ст. 285¹ УК РФ, диктует необходимость определения правового статуса субъекта преступления, его служебных (должностных) обязанностей в бюджетных правоотношениях и понимания «природы» бюджетных средств.¹

Согласно ст. 6 БК РФ, получатель бюджетных средств – орган государственной власти, орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, казенное учреждение, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета. Следовательно, по нормам БК РФ получатель бюджетных средств – это орган, организация, а не физические лица, занимающие определенные должности и выполняющие определенные должностные обязанности. Таким образом, представляется возможным расширительный перечень лиц, распорядителей бюджетных средств, так как не только должностное лицо является получателем бюджетных средств, но и участники бюджетного процесса с получателями бюджетных средств (ст. 6, 152, 162 БК РФ) преобразованы в «распорядителей бюджетных средств» (ст. 6, 152, 158 БК РФ), что подразумевает различные функциональные обязанности.

Законодательство предусматривает установление правового статуса получателя относительно государственных (муниципальных) учреждений только казенным учреждениям (п. 1 ст. 123.22 ГК РФ). Таким образом, субъектом уголовной ответственности по ст. 285¹ УК РФ не являются должностные лица бюджетного, автономного учреждения, а также государственного (муниципального) унитарного предприятия, иные юридические и физические лица, получающие средства из бюджета. Такое утверждение является спорным, так как последние имеют реальные возможности распорядиться бюджетными средствами по своему усмотрению.

В настоящее время нормы, устанавливающие ответственность за совершение бюджетных преступлений, указываются по всем разделам Особенной части УК РФ. Следует согласиться с мнением Ю. Л. Анисимова о том, что бюджетные отношения являются элементами общественных отношений, составляющих объекты составов значительной части уголовно наказуемых деяний, предусмотренных Особенной частью УК РФ.²

Вместе с тем, отмечая сложность выделения норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение бюджетных преступлений, в отдельной главе Особенной части УК РФ, автор полагает, что выделение отдельной главы представляется необходимым и достаточным (Главы 22-1 УК РФ «Преступления в бюджетной сфере»). В настоящее время не часто привлекаются к уголовной ответственности за уголовные деяния в бюджетной сфере, из-за сложности доказывания прямого умысла в преступлениях, составы которых являются материальными, в основном преступления, предусмотренные ст. 159 (мошенничество), 160 (присвоение или растрата), 285 (злоупотребление должностными полномочиями) УК РФ.

Основная причина выделения отдельной главы «Преступления в бюджетной сфере» связана как с высокой степенью общественной опасности преступлений, так и появлением новых сложных форм преступных деяний в бюджетной сфере. Природа таких преступлений свидетельствует о том, что они должны входить в систему преступлений в сфере экономики. Автор полагает, что главу «Преступления в бюджетной сфере» следует поместить в раздел VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики».

В пользу предположения о единой главе, что бюджетные преступления совершаются из-за корыстных побуждений, указывает Ю.Н. Демидов, "важнейшими критериями и основаниями наступления уголовной ответственности за нарушение договорных обязательств в сфере бюджетных и внебюджетных правоотношений, включая нецелевое использование бюджетных средств социальной направленности, являются: а) обязательное установление наличия у виновного корыстной или иной личной заинтересованности..."¹. Однако, выделение признака «социальной направленности» существенно сузили понятие бюджетной сферы, и представляют ее часть. Следовательно, преступления в бюджетной сфере, прежде всего, посягают на общественные отношения, связанные с финансовым регулированием в области формирования или расходования бюджетов всех уровней. Бюджетные средства являются собственностью государства.

По содержанию предлагаемой главы, следовало бы отметить, что в исследовании Ю. Л. Анисимова достаточно полно изложен данный вопрос. В частности, Анисимов предлагает ввести главу в Особенную часть УК РФ, состоящую из десяти норм, устанавливающих ответственность за совершение бюджетных преступлений: «Нецелевое использование бюджетных средств», «Не перечисление либо несвоевременное перечисление бюджетных средств получателям бюджетных средств», «Финансирование расходов, не включенных в бюджетную роспись», «Незаконное финансирование расходов сверх утвержденных лимитов», «Предоставление бюджетных кредитов, бюджетных ссуд с нарушением установленного порядка», «Предоставление бюджетных инвестиций с нарушением установленного порядка»,

канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С 17

¹ Демидов Ю. Н. Проблемы борьбы с преступностью в социально-бюджетной сфере: Монография. М.: Изд-во "Щит-М", 2002. С. 252.

¹ Скачкова А.Е. Указ соч. С.74.

² Анисимов Ю. Л. Квалификация преступлений в сфере бюджетных отношений: Автореф. дис. ...

«Незаконное предоставление государственных или муниципальных гарантий», «Незаконное осуществление государственных или муниципальных закупок», «Незаконное размещение бюджетных средств на банковских депозитах либо незаконная передача бюджетных средств в доверительное управление» и «Невыполнение обязанности по зачислению доходов в бюджет»¹.

Анализ норм уголовного законодательства РФ, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в бюджетной сфере, позволяет отметить факт отсутствия системы таких норм. Современное законодательство только в трех специальных нормах устанавливает ответственность за преступления в бюджетной сфере (ч. 2 ст. 176, ст. 285.1, ст. 285.2 УК РФ). Важная особенность коррупции в бюджетной сфере - это своеобразие субъектов коррупционных деяний, которыми являются, с одной стороны, должностные лица и иные государственные и негосударственные служащие, а с другой - любые физические и юридические лица.

Ученые отмечают, что указанные субъекты в своей совокупности образуют своеобразную коррупционную сеть бюджетной системы, включающую три составляющие:

- коммерческие, финансовые структуры, их представители, реализующие полученные в результате коррупционных деяний выгоды и льготы и превращающие их в дополнительный доход;
- группу государственных и негосударственных чиновников, предоставляющих за плату указанные выгоды и льготы и обеспечивающие прикрытие коррупционеров при принятии различных решений;
- группу защиты коррупции, включающую должностных лиц правоохранительных и контрольных органов²

Нецелевое расходование и использование бюджетных средств их получателями составляет основу коррупционных преступлений в бюджетной сфере. Суть общего признака деяния заключается в том, что предметом каждого из этих преступлений являются бюджетные средства (государственные бюджетные средства), а к отличительным признакам относятся размер, правовой статус и адресат (получатель или распорядитель) государственных бюджетных средств.

Размер израсходованных не в соответствии с целевым назначением государственных бюджетных средств как предмета преступления, предусмотренного ст. 285¹ УК РФ, составляет сумму, превышающую один миллион пятьсот тысяч рублей, а как предмета преступления, ответственность за которое установлена ч. 2 ст. 176 УК РФ, - сумму, превышающую двести пятьдесят тысяч рублей. Вместе с тем, различие в размерах нецелевого расходования бюджетных средств, признаваемого преступлением на основании норм, содержащихся в ст. 285¹ и ч. 2 ст. 176 УК РФ, не способствует эффек-

тивной уголовно-правовой охране государственного бюджета с позиций обоснованности, а также системности законодательства РФ.

Из определений признаков, характеризующих объективную сторону составов преступлений, предусмотренных ст. 285¹ и ч. 2 ст. 176 УК РФ следует, что преступление, ответственность за которое установлена первой из статей, является оконченным с момента совершения деяния, а второй - с момента наступления последствия. Представляется, что исходя из ранее приведенных положений об адресате предмета преступления со ссылками на ч. 1 ст. 176 УК РФ, п. 1 ст. 76, п. 1 ст. 77 и ст. 6 БК РФ субъектом преступления может быть индивидуальный предприниматель либо руководитель юридического лица, не являющегося государственным или муниципальным унитарным предприятием, бюджетным учреждением, или руководитель государственного или муниципального унитарного предприятия. Нормы, содержащиеся в ст. 285.1 и в ч. 2 ст. 176 УК РФ, не являются конкурирующими и не соотносятся ни как общая и специальная, ни как целое и часть.

Требуется существенное совершенствование наказаний посредством расширения применения видов, как штраф и арест, как минимум неповышения, или снижения верхних пределов лишения свободы.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 285¹ УК РФ расходование бюджетных средств является нецелевым, если бюджетные средства израсходованы на цели, не соответствующие условиям их получения, которые определяются бюджетом - основным финансовым планом соответствующей территории, который ежегодно утверждается в форме закона или решения представительного органа местного самоуправления; бюджетной росписью о поквартальном распределении доходов и расходов бюджета и поступлений из источников финансирования дефицита бюджета, устанавливающий распределение бюджетных ассигнований между получателями бюджетных средств и составляемый в соответствии с бюджетной классификацией РФ (ст. 6 БК РФ) и уведомлением о бюджетных ассигнованиях, которым орган, исполняющий бюджет, доводит показатели бюджетной росписи до всех нижестоящих распорядителей и получателей бюджетных средств (ст. 220 БК РФ), сметы доходов и расходов бюджетного учреждения (ст. 221 БК РФ) или иным документом, являющийся основанием для получения бюджетных средств (соглашение о предоставлении бюджетных средств на возвратной основе, нормативный акт органа исполнительной власти либо органа местного самоуправления). Цель использования бюджетных средств указывается в документе, на основании которого перечисляются средства либо в отдельном документе (смете, проекте, плане), которые являются дополнениями к основному документу.

Нецелевое расходование бюджетных средств состоит в направлении средств на оплату затрат, не предусмотренных в плане финансово-хозяйственных операций на соответствующий год, несанкционированном перемещении средств по статьям, направлении финансирования на покрытие затрат, которые должны производиться за счет поступлений из фондов

¹ Анисимов Ю. Л. Указ. соч. С. 21

² Малков В. Д. Криминология / Учебник для вузов. М., 2005. С. 42.

другого уровня, использовании средств на оплату расходов, возмещаемых деньгами внебюджетных фондов, оплате услуг и работ, не относящихся к деятельности учреждения, оказании помощи коммерческим предприятиям, в том числе для их создания или покрытия их затрат, финансировании объектов и их строительства, не предусмотренных в сметной документации.

Оплата товаров (работ и услуг), предоставленных коммерческой организацией для государственных нужд, согласно заключенному государственному контракту, является наиболее распространенной формой получения бюджетных средств коммерческими организациями. Согласно п. 1 ст. 72 БК РФ государственный или муниципальный контракт представляет собой договор, заключенный органом государственной власти или органом местного самоуправления, бюджетным учреждением, уполномоченным органом или организацией от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования с физическими и юридическими лицами в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд, предусмотренных в расходах соответствующего бюджета. Заключение госконтрактов на основе конкурса отвечает целям эффективного и экономного расходования бюджетных средств как основному принципу бюджетной системы Российской Федерации (статья 28 БК РФ). Проведение конкурсов является дополнительной гарантией соблюдения бюджетного законодательства и недопущения злоупотреблений.

Требование ст. ст. 71 и 72 БК РФ в части размещения государственных контрактов на конкурсной основе нарушается. Например, чтобы избежать проведения конкурсов, стороны производят разделение одного договора на два и более. О разделении контрактов с целью избежать проведения конкурса, свидетельствует их заключение в один день на одноименный вид товара у одного и того же поставщика. Оплата товаров (работ и услуг), предоставленных коммерческой организацией для государственных нужд, согласно заключенному государственному контракту, является наиболее распространенной формой получения бюджетных средств коммерческими организациями. Перенос процесса проведения конкурсов и заключения контрактов в МФЦ либо организация электронных торгов не решили вопроса декриминализации государственных закупок¹.

Финансовую поддержку из бюджетов разных уровней бюджетной системы получают организации, имеющие стратегическое значение, например, сельскохозяйственные, транспортные организации. Организация-получатель финансовой помощи должна израсходовать полученные субсидии или субвенции строго на цели, определенные в бюджетном законодательстве и обозначенные при их выделении, и отчитаться по установленным формам. Для получения организацией субсидий и субвенций нормативными документами предусмотрена специальная процедура, в ос-

¹ Андреева Л. А. Актуальные проблемы противодействия преступности, носящей коррупционный характер, в области государственных и муниципальных закупок // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XLIX-L междунар. науч.-практ. конф. № 5-6(47). – Новосибирск: СибАК, 2015. С.13-19

нове решения о выделении организации субсидий или субвенции лежит проведение технико-экономических обоснований и расчетов показателей бюджетной эффективности предоставления субсидий и субвенций. В этом отношении представляются проблематичными вопросы бюджетного финансирования предприятий и организаций в форме государственно-частного партнерства.¹

Сравнительно новым явлением представляются концессии, которые создаются на различных уровнях государственного и местного самоуправления. Привлекая средства в образованные концессий, органы государственной власти и местного самоуправления имеют риски расходования бюджетных средств не по назначению².

Бюджетные средства нередко расходуются на финансирование деятельности некоммерческих организаций, причем органы власти становятся соучредителями подобных организаций, полагая, что этим содействуют выполнению социально ориентированных некоммерческих организаций их функций, а также предусматривают в соответствующих бюджетах средства для подобных организаций, нарушив нормы антимонопольного законодательства.³

Одним из способов предоставления бюджетных средств являются кредиты юридическим лицам, которые можно разделить на два вида в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица, не являющимися государственными или муниципальными унитарными предприятиями (статья 76 БК РФ) и кредиты, предоставляемые государственным и муниципальным унитарным предприятиям (ст. 77 БК РФ).⁴

Таким образом, эволюция отношений в бюджетной сфере, включение новых субъектов в бюджетные отношения, требует новых подходов к установлению уголовно-правовой ответственности в бюджетной сфере, учитывая коррупционные проявления.⁵

Список литературы

Андреева Л. А. Актуальные проблемы противодействия преступности, носящей коррупционный характер, в области государственных и муниципальных закупок // Во-

¹ Андреева Л. А. К вопросу о государственно-частном партнерстве субъекта Федерации // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. X междунар. науч.-практ. конф. № 5(10). – Новосибирск: СибАК, 2018. – С. 49-54.

² Андреева Л. А. Криминологические особенности коррупционной составляющей концессии // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. V междунар. науч.-практ. конф. № 5(5). – Новосибирск: СибАК, 2017. – С. 12-20.

³ Андреева Л.А. Коррупционные риски участия органов государственной власти и местного самоуправления в деятельности некоммерческих организаций // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. V междунар. науч.-практ. конф. № 5(5). – Новосибирск: СибАК, 2017. – С. 21-30.

⁴ Андреева Л. А. Правовое регулирование статуса субъектов кредитных отношений // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. LX междунар. науч.-практ. конф. № 4(55). – Новосибирск: СибАК, 2016. – С. 19-25

⁵ Андреева Л.А. Противодействие коррупции в бюджетной сфере // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XLI междунар. науч.-практ. конф. № 9(40). – Новосибирск: СибАК, 2014.

просы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XLIX-L междунар. науч.-практ. конф. № 5-6(47). – Новосибирск: СибАК, 2015. С.13-19

Андреева Л. А. К вопросу о государственно-частном партнерстве субъекта Федерации // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. X междунар. науч.-практ. конф. № 5(10). – Новосибирск: СибАК, 2018. – С. 49-54.

Андреева Л. А. Коррупционные риски участия органов государственной власти и местного самоуправления в деятельности некоммерческих организаций // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. V междунар. науч.-практ. конф. № 5(5). – Новосибирск: СибАК, 2017. – С. 21-30.

Андреева Л. А. Криминологические особенности коррупционной составляющей концессии // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. V междунар. науч.-практ. конф. № 5(5). – Новосибирск: СибАК, 2017. – С. 12-20.

Андреева Л. А. Правовое регулирование статуса субъектов кредитных отношений // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. LX междунар. науч.-практ. конф. № 4(55). – Новосибирск: СибАК, 2016. – С. 19-25.

Андреева Л. А. Противодействие коррупции в бюджетной сфере // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XLI междунар. науч.-практ. конф. № 9(40). – Новосибирск: СибАК, 2014.

Анисимов Ю. Л. Квалификация преступлений в сфере бюджетных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002

Демидов Ю. Н. Проблемы борьбы с преступностью в социально-бюджетной сфере: Монография. М.: Изд-во "Щит-М", 2002

Малков В. Д. Криминология / Учебник для вузов. М., 2005

Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. 2-е изд. М., 1999

Попов С. В. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств // Российский судья. 2006. № 11.

Скачкова А.Е. Лица, несущие уголовную ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств // Журнал правовых и экономических исследований, 2015. № 3

Бибик О.Н.

Теория циклов в уголовном праве и криминологии

Theory of Cycles in Criminal Law and Criminology

Аннотация. В статье обосновывается необходимость междисциплинарного подхода в уголовном праве и криминологии на примере теории циклов, разработанной в экономике. Отмечается наличие циклов преступности и циклов борьбы с преступностью, детерминированных влиянием на поведение человека внешней среды. Для идентификации соответствующих циклов предлагаются индикаторы.

Abstract. Due to the lack of interdisciplinary approach, criminal law and criminology rarely considers the theory of cycles developed in the economic studies. The author brings comparison to the cycles of crime and cycles of the fight against crime determined by the externalities. In conclusion, author suggests indicators that can be used to identify the relevant cycles.

Ключевые слова: теория циклов; циклы преступности; циклы борьбы с преступностью; тенденции преступности; индикаторы.

Key words: theory of cycles; the cycles of combating crime; the cycles of crime; trends in crime; indicators

Уже достаточно давно назрела необходимость применения в уголовном праве и криминологии широкого междисциплинарного подхода

да, предполагающего вовлечение в исследования всего массива накопленных в гуманитарных науках знаний, поскольку в противном случае говорить о развитии данной области не приходится. Одним из таких направлений является использование теории циклов, разработанной в экономике, в рамках которой доказана цикличность экономического развития, отражающая неравномерность функционирования различных элементов национального хозяйства, смену революционных и эволюционных стадий экономического прогресса¹. В каждом цикле выделяют четыре фазы: вершина (пик, бум) – сжатие (рецессия, спад) – дно (кризис, депрессия) – оживление (расширение, подъем, экспансия). Различают более 1380 типов цикличности². Самыми длительными от 40 до 60 лет являются циклы, открытые Н. Д. Кондратьевым. Они объясняются глубоким изменением всей жизни общества, экономическими и социальными условиями, значительными научно-техническими изобретениями и нововведениями, развитием промышленности, а также достижением равновесия запаса «основных капитальных благ» (промышленные здания, инфраструктура, квалифицированная рабочая сила, факторы, определяющие технический способ производства). Все изменения в жизни общества, социальные катаклизмы (войны, революции), согласно указанному подходу, являются закономерными, обусловленными изменившимися потребностями, запросами³.

Поскольку экономика является материальным базисом общества, циклические изменения в ней должны отражаться и на уголовно-правовом регулировании, а соответственно и на сфере борьбы с преступностью. По этой же причине есть основания исследовать наличие цикличности преступной деятельности, циклов (волн) преступности⁴.

В Cambridge Dictionary дается такое определение термина «волна преступности» (the crime wave) – это внезапное увеличение числа преступлений⁵. Вместе с тем он представляется не волне удачным. Волны, циклы означают, что преступность постоянно находится в динамике. Если проанализировать данные о преступности в целом, либо определенной ее разновидности, то можно заметить периодические изменения соответствующих пока-

¹ См.: Экономическая теория: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.В. Камаева. 8-е изд, перераб. и доп. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 2002. - С. 572.

² См.: Сажина М. А., Чириков Г.Г. Экономическая теория: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. - С.468-470; Основы экономической теории: принципы, проблемы, политика. Германский опыт и российский путь / Базелер У., Сабов З., Хайнрих Й., Кох В. СПб.: Изд-во «Питер», 2000. - С.707-708, 728; Экономическая теория: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.В. Камаева. 8-е изд, перераб. и доп. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 2002. - С. 564.

³ См.: Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. - С.37, 382-384, 388-399; Меньшиков С. М., Клименко Л. А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М.: Международные отношения, 1989. - С.12-15.

⁴ См. об этом напр.: Cooter R., Ulen T. Law and economics. 6th ed. New York: Prentice Hall, 2011. - P.487; Морозов Н. А. Преступность в современной Японии: проблемы криминологической и уголовно-правовой политики. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. - С. 81.

⁵ См.: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/crime-wave> (дата обращения: 27.03.2019).

зателей, как их рост, так и падение¹. Поэтому верным является мнение о том, что показатели преступности колеблются, имея при этом определенную тенденцию². Соответственно и в сфере борьбы с преступностью наблюдаются те же четыре фазы цикла: подъем - позитивные изменения (например, уменьшение количества совершаемых преступлений), стагнация – стабилизация показателей, когда исчерпываются возможности для экстенсивного развития (данные, подтверждающие постоянство определенного уровня преступности, послужили поводом для Э. Ферри утверждать, что существует закон насыщения преступностью³, вместе с тем имеет место простое исчерпание факторов производства), спад - ухудшение криминологических показателей, которое может в итоге перерасти в кризис.

Есть мнение, что циклы преступности повторяют циклы экономической активности⁴. Противоположная точка зрения исходит из того, что не существует достоверных данных, однозначного ответа на вопрос о наличии явной взаимосвязи между экономическими циклами и преступностью⁵. Второй подход представляется более аргументированным. Изменения в экономической сфере жизни общества противоречиво влияют на криминогенную обстановку. Например, экономический рост способен уменьшить безработицу и положительно отразиться на предупреждении совершения преступлений (особенно корыстных). Но если этот рост приводит к серьезному социальному расслоению, экономическому неравенству, он детерминирует совершение преступлений, обусловленных потребностью устранения последствий несправедливого социального обмена.

Отсутствие абсолютной корреляции циклов экономической активности и состояния преступности, уголовно-правового регулирования, тем не менее, не лишает нас вовсе возможности использовать предложенный подход. Преступность, как и борьба с преступностью, должны иметь собственные циклы, подобно любому виду человеческой деятельности, объективно детерминированному не только состоянием экономики, но и другими факторами, периодически меняющими свои параметры.

Основная причина цикличности преступности, деятельности по борьбе с ней - взаимосвязь поведения человека и среды его обитания. Согласно формуле представителя социальной психологии К. Левина поведение (В) есть функция (F) человека (Р) и его среды (Е); $V=F(P,E)$ ⁶. К среде он относился, наряду с обществом, также физический мир. Сделанный данным авто-

ром вывод подтверждается физиологией высшей нервной деятельности, исходный базовый принцип которой – основной закон биологии – единство организма и среды¹.

Важным элементом среды обитания человека выступает материальная культура, которая подчинена экономическим циклам и через них влияет на преступность. Она детерминирует совершенствование, эволюцию орудий и средств, способов и методов совершения преступлений². Развитие материальной культуры влияет на структуру преступности, которая также реагирует на происходящие изменения, в связи с чем оказывается обусловленной данными процессами. Уровень развития материальной культуры объективно обуславливает содержание мер по борьбе с преступностью (например, системы уголовных наказаний).

Виды циклов. Одними из первых следует выделить сезонные циклы преступности, обусловленные климатическими изменениями. Например, количество половых преступлений, как правило, увеличивается в теплый период года и далее имеет тенденцию снижаться³. Состояние окружающей природной среды влияет на показатели экологической преступности⁴. Климатический фактор обуславливает наличие сезонности и у других видов преступности⁵. Существуют также сезонные циклы борьбы с преступностью, в рамках которых осуществляется противодействие совершению деяний, количество которых также зависит от конкретного сезона. Так, операции по борьбе с преступлениями, связанными с добычей (выловом) рыбы, ежегодно проводятся в определенный период времени в регионах, богатых данными природными ресурсами⁶.

Малые (до 3 – 5 лет) и средние (до 10 – 15 лет) циклы преступности обусловлены отдельными социально-экономическими факторами либо их некоторой совокупностью, что влечет циклические изменения в показателях преступности. Так, на преступность значительное влияние оказывают демографические процессы, в том числе урбанизация, миграция населения⁷. Имеется корреляция роста преступности и изменения демографических по-

¹ См.: Данилова Н. Н., Крылова А. Л. Физиология высшей нервной деятельности. Ростов н/Д: Феникс, 2005. - С. 28.

² См. напр.: Ферри Э. Указ. соч. - С. 292; Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступление толпы. М.: ИНФРА-М, 2004. - С. 193, 198–199.

³ См.: Семенов Р. А. Изнасилования, совершаемые группами несовершеннолетних и их предупреждение: по материалам Сибирского федерального округа. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Омск, 2006. - С. 12.

⁴ См. напр.: Зябликова М. В. Региональные особенности экологической преступности на Северо-Востоке России. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. - С. 9, 14.

⁵ См. напр.: Фокс В. Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1980. С. 80; Котельникова О.А. Краткая криминологическая характеристика уличной преступности в Приморском крае // Российский следователь. 2009. № 1. - С. 29; Ольков С.Г. Насильственная преступность в России: сущность, тенденции, закономерности, преступники и жертвы, ущерб и противодействие // Публичное и частное право. 2010. № 1. - С. 27.

⁶ См. напр.: В рамках полицейской операции «Путина – 2015» задержаны браконьеры. URL: <https://41.mvd.ru/news/item/3540353> (дата обращения: 27.03.2019).

⁷ См. об этом напр.: Бабаев М. М. Теоретические основы криминологического исследования социально-демографических процессов в СССР. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975.

казателей общества (например, рост доли подростков в общей численности жителей, демографические «взрывы»)¹. Существует гипотеза, что чаще всего совершают отдельные преступления, а также становятся их жертвами представители определенных демографических групп (в частности, число лиц, совершивших убийства, ставших жертвами убийств, в возрасте от 15 до 24 лет, значительно превышает соответствующий показатель в других демографических группах)². Соответственно циклические изменения в этих группах, фиксируемые в рамках демографических процессов, отражаются на показателях преступности.

Степень расслоения общества и другие социальные факторы также влияют на преступность³. При этом очевидно, что указанные факторы встроены в более общие социально-экономические процессы, на которые непосредственно влияют циклы, открытые в экономической теории.

Малые и средние волны преступности также обусловлены изменениями в конъюнктуре конкретных видов преступной деятельности, появлением новых средств, способов, орудий совершения преступления, предметов преступления. Спад этих волн обычно отражает появление других форм криминальной деятельности, а также попытки общества выработать иммунитет, меры защиты от данных преступлений. Так, в середине 80-х, начале 90-х гг. XX в. в СССР, странах СНГ популярным среди преступников было мошенничество с использованием игры в наперстки. В 2014-2018 гг. мошенники в России стали активно использовать мобильные телефоны для обмана граждан преклонного возраста под предлогом помощи родственникам, якобы попавшим в беду.

Отмеченный выше вид циклов характерен и для уголовно-правового регулирования, в котором малые и средние волны отражают, как правило, изменения в карательной практике, проявляющиеся, в различных кампаниях по борьбе с преступностью.

Например, в России в 1922-23 гг. проходила кампания по борьбе со взяточничеством⁴. В 30-е гг. XX в. в нашей стране наблюдается пик применения уголовной репрессии в отношении лиц, совершивших контрреволюционные преступления⁵. В США с 1994 г. проводилась кампания по ужесточению уголовной ответственности, прежде всего, за совершение насильственных преступлений. В частности, в 1994 г. был принят закон «Об усилении борьбы с насильственной преступностью», скорректированы федеральное законодательство, карательная политика, система профилактики пре-

ступлений¹. В Италии в 1990-е гг. прошла широкомасштабная операция по борьбе с коррупцией и организованной преступностью, получившая наименование «Чистые руки». В Китае в 1996 г. был дан старт кампании против насильственной и организованной преступности («жесточкий удар»)². В период с начала 2006 г. по июль 2009 г. в Китае проходила еще одна общенациональная специализированная кампания по борьбе с организованной преступностью и бандитизмом³. Вообще в КНР активно прибегают к проведению различных кампаний в данной сфере деятельности⁴.

Большие циклы (длинные волны) преступности (свыше 10-15 лет) обусловлены динамикой всей системы показателей социально-экономического развития общества, существенными изменениями социальной, культурной среды, накоплением целого ряда количественных изменений, что предполагает изменение качества преступности.

Например, в США ученые фиксировали с середины 30-х до 60-х гг. XX в. уменьшение как насильственной, так и ненасильственной преступности, затем с 60-х до конца 70-х гг. XX в. стремительный рост преступности. Далее с начала 80-х до начала 90-х гг. XX в. наблюдалось уменьшение числа насильственных преступлений, а с начала 90-х гг. XX в. и до 2008 г. наблюдалось постепенное сокращение насильственных и ненасильственных преступлений⁵. Как можно заметить, в приведенном примере диапазон длинных волн преступности составляет от 15 до 30 лет.

В Японии в период с 1991 по 2015 гг. наблюдались циклические изменения преступности, сначала ее рост с пиком преступной активности в 2002 г., а затем спад на протяжении следующих 12 лет. Данные изменения ученые связывают, в частности, с экономической рецессией и социальной вестернизацией. При этом в 2011-2012 гг. было достигнуто количество зарегистрированных преступлений, которое имело место в 1945-47 гг.⁶ То есть можно предположить, что цикл преступности в Японии с его пиком в 2002 г. длился около 70 лет.

Наличие длинных волн в сфере борьбы с преступностью также находит свое подтверждение, прежде всего, в концептуальном (идеологическом) изменении подходов к названной деятельности, изменении самой модели уголовного права, что отражается, в частности, в таком показателе, как применяемый объем уголовной репрессии. Например, в советском уголовном праве можно выделить период массовых репрессий в 1920-50-е гг., когда в течение более 40 лет в значительном объеме необоснованно применялось государственное принуждение. В уголовном праве США в течение более ста лет применялась ре-

¹ См.: Cooter R., Ulen T. Op.cit. - P.487; Морозов Н.А. Указ. соч. - С. 28.

² См.: De Mello J.M.P., Schneider A. Assessing São Paulo's Large Drop in Homicides: The Role of Demography and Policy Interventions // Edited by Di Tella R., Edwards S., Scharfrodsky E. Chicago: The University of Chicago Press, 2010. - P. 209-210, 222-234.

³ См. напр.: Скифский И.С. Социальные факторы насильственной преступности в России // Российский юридический журнал. - 2011. - № 6. - С. 102 - 109.

⁴ См.: Малыгин А. Я. К вопросу о борьбе со взяточничеством в Советском государстве в начале 20-х годов XX в. // История государства и права. - 2009. - № 22. - С. 15 - 18.

⁵ См.: Лунеев В. В. Указ. соч. - С.366-368.

¹ См.: Морозов Н. А. Указ. соч. - С.63.

² См.: Квашин В. Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М.: Юрайт, 2008. - С. 65-66.

³ См.: Сюй Кай. Криминологическая характеристика организованной преступности в КНР (1990 - 2009 гг.) // Журнал российского права. - 2009. - № 11. - С. 89.

⁴ См.: Квашин В. Е. Указ. соч. - С.63.

⁵ См.: Cooter R., Ulen T. Op.cit. - P. 485-486.

⁶ См.: Морозов Н.А. Указ. соч. - С. 30-36, 39-40.

билитационная модель, т. н. система неопределенных приговоров, которая на проверку оказалась более жестокой, чем карательная модель¹.

В экономике выделяют систему индикаторов экономической активности: совпадающие, запаздывающие и опережающие соответствующие изменения в экономической активности. Оценивается, помимо прочих параметров, также деловой климат². Задача применения индикаторов – определить направление движения экономики, идентифицировать цикл ее очередной трансформации. Указанная задача, безусловно, актуальна и для сферы борьбы с преступностью.

К числу важнейших из индикаторов применительно к сфере борьбы с преступностью относятся общеизвестные криминологические показатели состояния преступности, в том числе общее число зарегистрированных преступлений, раскрываемость преступлений, показатели латентной преступности и пр. Аналогом делового климата может быть т.н. криминогенная обстановка. Требуется выстроить целую систему таких индикаторов с тем, чтобы на их основе принимались эффективные решения.

В качестве совпадающих индикаторов могут рассматриваться, в частности, количество зарегистрированных преступлений, данные, отражающие уровень латентной преступности. Опережающими индикаторами могут выступить в том числе социально-экономические показатели, такие как уровень безработицы, демографические показатели, характеризующие рождаемость, смертность, количество людей, относящихся к «группе риска», представители которой совершают большую часть преступлений, коэффициент Джини (показатель степени расслоения общества). Запаздывающими индикаторами могут выступать данные судебной статистики относительно количества лиц, осужденных за совершение преступлений, осужденных к лишению свободы, к иным видам уголовного наказания, иным мерам уголовно-правового характера и т.п.

В криминологии нередко встречаются мнения о том, что преступность постоянно растет³. Вместе с тем цикличность преступности совершенно не означает, что она будет постоянно расти или снижаться. Теория циклов лишь предсказывает, что указанные показатели не могут постоянно только уменьшаться или только увеличиваться. Рост преступности должен со временем замедлиться и далее смениться ее уменьшением, и через некоторое время ситуация повторится, возможно, с иными характеристиками преступности на новом витке общественного развития. Факторы роста преступности – экономическое неравенство, перекосы в социальной сфере, конфликт культур и т. п. – имеют свои ограничения, которые со временем приведут систему в равновесное положение.

¹ См.: Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.Д. Козочкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010. - С. 248, 249.

² См.: Основы экономической теории: принципы, проблемы, политика. Германский опыт и российский путь / Базелер У., Сабов З., Хайнрих Й., Кох В. СПб.: Изд-во «Питер», 2000. - С. 708-709.

³ См. напр.: Лунеев В. В. Указ. соч. - С. 23; Кудрявцев В.Н. Указ. соч. - С. 9.

Рост преступности в XX-XXI вв. может объясняться вовсе не движением человечества вниз, в пропасть, а следованием ее показателей за цивилизационными социокультурными изменениями. Со временем меняется и сама модель уголовного права (длинные волны уголовно-правового регулирования), что закономерно отражается, в частности, на криминализации деяний. Наиболее вероятное объяснение роста зарегистрированной преступности — это повышение интенсивности социального контроля. Например, в России за время действия четырех уголовных кодексов было криминализовано более 300 новых видов, а декриминализовано только около 100 видов деяний¹.

С учетом вышеизложенного представляется, что теория циклов вполне применима к проблемам уголовного права и криминологии, и ее использование может принести ощутимую пользу в ходе научных исследований. Циклы преступности должны учитываться государством при выработке мер по противодействию преступности, что позволит повысить эффективность этой деятельности.

Список литературы

- Бабаев М. М. Теоретические основы криминологического исследования социально-демографических процессов в СССР. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975.
- Данилова Н. Н., Крылова А. Л. Физиология высшей нервной деятельности. Ростов н/Д: Феникс, 2005.
- Зябликова М. В. Региональные особенности экологической преступности на Северо-Востоке России. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
- Квашиш В. Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М.: Юрайт, 2008.
- Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002.
- Котельникова О.А. Краткая криминологическая характеристика уличной преступности в Приморском крае // Российский следователь. 2009. № 1. - С. 25-31.
- Левин К. Динамическая психология. Избранные труды / Под общ. ред. Д. А. Леонтьева, Е.Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2001.
- Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000.
- Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005.
- Малыгин А. Я. К вопросу о борьбе со взяточничеством в Советском государстве в начале 20-х годов XX в. // История государства и права. - 2009. - № 22. - С. 15 - 18.
- Меньшиков С. М., Клименко Л. А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М.: Международные отношения, 1989.
- Морозов Н. А. Преступность в современной Японии: проблемы криминологической и уголовно-правовой политики. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.
- Ольков С.Г. Насильственная преступность в России: сущность, тенденции, закономерности, преступники и жертвы, ущерб и противодействие // Публичное и частное право. 2010. № 1. - С. 21-47.
- Основы экономической теории: принципы, проблемы, политика. Германский опыт и российский путь / Базелер У., Сабов З., Хайнрих Й., Кох В. СПб.: Изд-во «Питер», 2000.

¹ См.: Лунеев В. В. Указ. соч. - С. 218.

Сажина М. А., Чибриков Г.Г. Экономическая теория: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007.

Семенюк Р. А. Изнасилования, совершаемые группами несовершеннолетних и их предупреждение: по материалам Сибирского федерального округа. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Омск, 2006.

Скифский И.С. Социальные факторы насильственной преступности в России // Российский юридический журнал. - 2011. - № 6. - С. 102 - 109.

Сюй Кай. Криминологическая характеристика организованной преступности в КНР (1990 - 2009 гг.) // Журнал российского права. - 2009. - № 11. - С. 88-97.

Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступление толпы. М.: ИНФРА-М, 2004.

Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.Д. Козочкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010.

Ферри Э. Уголовная социология. М.: ИНФРА-М, 2005.

Фокс В. Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1980.

Экономическая теория: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.В. Камаева. 8-е изд, перераб. и доп. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 2002.

Cooter R., Ulen T. Law and economics. 6th ed. New York: Prentice Hall, 2011.

De Mello J.M.P., Schneider A. Assessing São Paulo's Large Drop in Homicides: The Role of Demography and Policy Interventions // Edited by Di Tella R., Edwards S., Schargrodsky E. Chicago: The University of Chicago Press, 2010.

Dills A.K., Miron J.A., Summers G. What Do Economists Know about Crime? // The economics of crime: lessons for and from Latin America / Edited by Di Tella R., Edwards S., Schargrodsky E. Chicago: The University of Chicago Press, 2010.

Голобородько В.И.

Уголовная политика Донецкой Народной Республики по противодействию коррупции Criminal Anti-corruption Policy of the Donetsk People's Republic

Аннотация. Автор рассматривает основные направления уголовно-правовой политики по противодействию коррупции, анализирует уголовно-правовые нормы, определяющие ответственность за коррупционные преступления, эффективность наказания. Автор полагает, что эффективность мер уголовно-правового воздействия на фигурантов коррупционных преступлений следует рассматривать в целом в системе уголовно-правовой политики.

Abstract. The author examines the main directions of the criminal law policy on combating corruption, analyzes the criminal law rules that determine responsibility for corruption crimes, the effectiveness of punishment. The author believes that the effectiveness of measures of the criminal-legal impact on persons involved in corruption crimes should be considered as a whole in the system of criminal-legal policy.

Ключевые слова: коррупция, преступление, уголовная политика, наказание, конфискация имущества.

Key words: corruption, crime, criminal policy, punishment, confiscation of property.

Более двух десятков лет ведущие ученые занимаются разработкой законодательства о противодействии коррупции. Как подчеркивал В.В. Лунев: «У нас многое есть для более эффективной борьбы с коррупцией, но у нас нет главного политической воли. А без нее все наши интеллектуальные по-

туги бесполезны. Коррупция стала нашей конституцией, а безответственность за нее повседневной практикой». Уголовно-правовое понятие коррупции отсутствует, не указан и сам термин. Однако уголовное право и криминология участвуют в процессе противодействия коррупции, а последовательное утверждение национальных планов противодействия коррупции можно рассматривать как некое отражение политической воли, направленное на совершенствование уголовного, уголовно-процессуального и исполнительного производства.

Проблемам исследования уголовной политики по противодействию коррупции посвящены работы российских, белорусских и украинских ученых-правоведов Л.А. Андреевой, А.М. Бандурки, В.В. Голины, М.К. Журавлева, Н.С. Ищенко, В.В. Лунеева, О.Е. Калпинской, А.Н. Хоменко, А.Н. Ярмыша и др. В то же время коррупционные проявления продолжают существовать, что обуславливает необходимость исследования уголовной политики в сфере противодействия коррупции.

Переход к бюджетному финансированию расширил сферу «личного усмотрения» при принятии решений, возникновения спецпроектов, зон экономического благоприятствования, налоговых льгот, которые не обеспечили реализацию прав собственников и акционеров, контрактных прав, установления прозрачности деятельности организаций и предприятий, увеличили шансы появления у чиновников поводов принимать меры воздействия, в том числе посредством контроля со стороны аффилированных лиц.

Отсутствие единого подхода к определению содержания коррупции затрудняет учет и контроль распространенности коррупционных преступлений, оставляет открытым вопрос определения границ воздействия норм уголовного закона, требует систематизации законодательства Донецкой Народной Республики о противодействии коррупции, унификации форм статистической отчетности о результатах реализации мер по противодействию коррупции.

Прежде чем реформировать уголовную политику, целесообразно проанализировать ситуацию, в том числе в экономической сфере. Среди факторов, влияющих на отношения в сфере экономической преступности, можно указать отдельные коррупционные решения, во многих случаях по разным причинам непредсказуемые, а статистический разрыв между количеством выявленных преступлений и приговорами настолько велик, что не позволяет объективно определить обоснованность применения мер уголовной ответственности даже по отдельным составам преступлений. В целом затруднена оценка необходимости и достаточности запретов, так как субъекты экономики вступают в сложные, нередко деформированные, структурированные и многозвенные коррупционные экономические отношения, носящие признаки организованной преступности.

Среди областей, наиболее подверженных коррупционным рискам, рассмотрим осуществление закупок. В процессе закупок применяются различные виды конкурентных и неконкурентных способов, в том числе в

электронной форме, с ограниченным участием либо закупки у единственно поставщика. В целом, формы закупки, в основном как антикоррупционный механизм, исчерпаны и требуют дальнейшего совершенствования в виде антикоррупционной оговорки, применяемой в договорах, заключаемых по результатам торгов. Именно в этом случае бизнес дает гарантии отсутствия элементов коррумпированности, аффилированности и наличия конфликта интересов.

Данный механизм следует распространить, прежде всего, на механизмы предупреждения, направленные на создание системы криминологического анализа и прогнозирования коррупционных последствий изменений в экономике, а понятия «аффилированного лица», «конфликта интересов» применять в качестве квалифицирующего признака отдельных составов групповых преступлений, когда лица, заведомо зная об обстоятельствах, желали и достигли преступного результата.

Например, в Российской Федерации оказались не эффективными меры по установлению ограничений для бывших государственных или муниципальных служащих после увольнения со службы в течение двух лет, для замещения должностей в коммерческих и некоммерческих организациях. Основным критерием запрета послужило то, что отдельные функции государственного управления данными организациями входили в должностные (служебные) обязанности служащего, но не рассматривается умысел, возникающий у бывшего служащего, направленный на достижение преступного результата.

Исходя из особенностей взаимоотношений между хозяйствующими субъектами и «субъектами власти» и анализируя экономическую коррупцию, следует выделить два основных направления: во-первых, хозяйствующий субъект вопреки интересам общества, добивается решения, обращаясь к субъекту власти, имеющему собственный экономический интерес, который трансформируется в общий коррупционный интерес; во-вторых, наоборот, для реализации экономического интереса хозяйствующего субъекта требуется выполнение субъектом власти служебных обязанностей, однако наличие у него коррупционного экономического интереса приводит к тому, что он отказывается от выполнения своих должностных обязанностей.

При системном анализе нормативных правовых актов обычно обнаруживаются коррупционные факторы, например в концессионных соглашениях. Это возможно при анализе всего текста соглашения, а не его отдельных норм, в том числе достаточно обнаружить ложные цели и нормативные коллизии. Например, инвестиции могут быть подменены бюджетным финансированием, несвойственные органам местного самоуправления полномочия по заключению концессионного соглашения требуется неукоснительно исполнить.

В мировом сообществе в экономике наблюдается повышение роли некоммерческих организаций. Подобный «организованный общественный сектор» получает государственное и муниципальное имущество от органов власти, бюджетное финансирование, в значительной степени обеспечен государ-

ственным заказом. «Аффилированные» некоммерческие организации (НКО) имеют бюджетное финансирование, это ставит их в привилегированное положение перед другими юридическими лицами, в чем усматриваются нарушения конкуренции. В отдельных случаях они регистрируются только с целью участия в конкурсах, своеобразного «осваивания» господдержки и получения субсидий. Российское законодательство не проводит разграничения разных типов НКО, в связи с чем распространяются различные льготы и преференции, что позволяет усматривать коррупционность данных отношений.

Рассмотрев отдельные особенности противодействия коррупции, следует отметить, что необходимо правовое регулирование в отношении отдельных юридических лиц, находящихся в «особом статусе», отдельных «аффилированных» лиц и лиц, замещающих должности государственной и муниципальной службы, а также отдельных форм организации государственно-частного партнерства, способствующих возникновению коррупции.

Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики в действующей редакции не дает определения самого понятия коррупции или как таковых преступлений коррупционной направленности. По мнению А.Н. Хоменко, наказания за коррупционные преступления следует приравнять к пресечению финансирования терроризма. Примечательно, что данные преступления зачастую совершаются лицами, возглавляющими борьбу с коррупцией, злоупотребляющими служебным положением должностных лиц правоохранительных и контрольных органов, в том числе применяющими необоснованные оперативно-розыскные мероприятия. По нашему мнению, конфискация должна стать важнейшим уголовно-правовым институтом. Вместе с тем также следует установить контроль за расходами лиц, подозреваемых в совершении коррупционных преступлений, и с последующим обращением в доход Донецкой Народной Республики имущества, обнаруженного при расследовании таких преступлений.

Как показывает практика, политика либерализации отношений в борьбе с преступлениями коррупционной направленности к положительным результатам не привела. М. К. Журавлев отмечает, произошло снижение наказаний по 118 составам преступлений, исключен так называемый нижний предел наказания, по ряду составов преступлений в качестве основного наказания предусматривается штраф. Вместе с тем, наоборот, необходимо предусмотреть расширение перечня видов имущества, подлежащего обращению в доход Донецкой Народной Республики (включая денежные средства и иные ценности, предметы роскоши), если в отношении такого имущества не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. Предложение о включении запретов, распространяемых на супругов чиновников, близких родственников и свойственников, весьма «расплывчато» и не связано с конфискацией имущества, обнаруженного в ходе предварительного расследования. После установления указанного имущества, следственным органам требуется доказать, что имущество получено в результате совершения преступления или является доходом от это-

го имущества, либо, использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления. Что неизбежно влечет возрастание объема и сложности расследования соответствующих уголовных дел.

Автор полагает, что средства супругов, родственников и собственников могут быть использованы с целью формирования источника средств для уплаты штрафа своеобразное «страхование» риска привлечения к уголовной ответственности и осуждения. В подобных случаях штрафы будут уплачены, однако это не приведет к снижению уровня коррупции. С другой стороны, использование субъектами коррупционных преступлений (супругами, родственниками и собственниками) имущества послужат созданию схем сокрытия преступных доходов, видимости невозможности уплаты штрафа. Сложно вести оперативную разработку системных коррупционных преступлений, совершаемых чиновниками, с большим количеством посредников, сложными комбинациями, связями фигурантов в правоохранительных органах.

Остается дискуссионным вопрос об уголовной ответственности взяткодателей. Например, М.К. Журавлев предлагает отказаться от уголовной ответственности взяткодателей, если взятки даются за совершение должностным лицом в пользу взяткодателя или указанных им лиц законных действий, а наказывать только за подстрекательство, когда в результате взятки должностное лицо совершает противоправное действие – злоупотребление властью или превышение власти. М.К. Журавлев подчеркивает, что в таком случае была бы разорвана та цепочка, которая связывает взяткодателя с взяткополучателем, и значительно была бы облегчена задача разоблачения последнего.

Как отмечает О.Е. Калпинская, в повышении эффективности наказания за коррупционные преступления, сыграет положительную роль конфискация имущества в качестве вида уголовного наказания. Это способствовало бы возрастанию социальной справедливости, а также поддержало финансовую политику государства, нацеленную на преодоление экономического кризиса.

Выводы. Автор полагает, что расширение перечня лиц, супругов, родственников и собственников, подпадающих под меры конфискации имущества, полученного преступным путем, в определенной степени повысит эффективность уголовно-правовых мер по противодействию коррупционным преступлениям.

Таким образом, следует отметить, что только средствами уголовно-правового запрета невозможно преодолеть угрозу от преступлений коррупционной направленности.

Список литературы

Андреева Л.А. Аффилированность как признак коррупционности власти и бизнеса // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. IV Междунар. науч.- практ. конф. № 4(4). Новосибирск: СибАК, 2017

Андреева Л.А. Криминологические особенности коррупционной составляющей концессии // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. V Междунар. науч.-практ. конф. № 5(5). Новосибирск: СибАК, 2017

Журавлев М.К. К вопросу о назначении наказания за коррупционные преступления // Уголовное право. 2013. № 5

Калпинская О.Е. Уголовно-правовая политика современной России в сфере противодействия коррупции // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-politika-sovremennoy-rossii-v-sfere-protivodeystviya-korrupsii> (дата обращения 25.06.2019).

Лунеев В.В. Юридическая статистика: Учебник - М.: Юрист, 2000.

Хоменко А.Н. Вопросы уголовно-правовой политики наказания за преступления коррупционной направленности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2015. № 1 (13)

Генрих Н.В.

Культурные факторы криминализации общественно опасных деяний

Cultural Factors of Socially Dangerous Acts Criminalization

Аннотация: В статье рассматривается механизм влияния культурных факторов на криминализацию общественно опасных деяний. Анализируется связь культуры и криминализации, как сложного и многоаспектного феномена. На основе анализа тенденций политической, правовой и криминологической культуры общества автор определяет перспективные направления последующего анализа социокультурных проблем криминализации.

Abstract: In the article we consider how cultural factors influence the criminalization of socially dangerous acts. We analyze the link between the culture and criminalization as a compound and multidimensional phenomenon. Author analyses the tendencies in political, legal and criminological culture of the society and determines the perspective trends in the further analysis of sociocultural problems of criminalization.

Ключевые слова: уголовная политика, общественно опасные деяния, криминализация, социокультурные проблемы криминализации.

Key words: criminal policy, socially dangerous acts, criminalization, sociocultural problems of criminalization.

Введение в тему

Криминализация общественно опасных деяний, составляя важнейший элемент содержания уголовной политики государства, подвержена влиянию, множества самых различных факторов. В их ряду особое место занимают факторы культурного порядка. Связь культуры и криминализации – сложный и многоаспектный феномен, который, как представляется, еще недостаточно исследован в науке. Существует определенный пробел в осмыслении самого содержания детерминирующих связей, факторов, оказывающих влияние на криминализацию, направлений и последствий такого влияния и т.д. Отмеченное обстоятельство оправдывает постановку проблемы понимания механизма влияния культурных факторов на криминализацию общественно опасных деяний в качестве самостоятельного предмета исследования, анализу которого, по мере возможностей, будет посвящена публикация.

Приступая к раскрытию темы, полагаем необходимым сделать две предварительные оговорки технико-терминологического свойства.

Во-первых, для целей настоящей публикации и в интересах обеспечения всесторонности исследования заявленной темы, термин «криминализация» будет использоваться нами в допустимой современной наукой его ши-

рокой трактовке, в качестве обобщающего, объемлющего собой и собственно криминализацию, и пенализацию деяний, причем и как процесс, и как результат соответствующей деятельности законодателя.

Во-вторых, под термином «факторы» мы будем понимать все явления культурного мира, которые прямо или косвенно влияют на криминализацию, безотносительно того, выступают они в качестве причин, условий предпосылок или поводов к установлению уголовно-правового запрета.

Столь широкий подход, по нашему мнению, будет способствовать комплексности анализа, позволит создать целостное представление о механизме и направлениях влияния культурных факторов на криминализацию и задаст некоторую «рамку», в пределах которой можно обозначить несколько направлений анализа, каждое из которых может претендовать на статус предмета самостоятельного научного поиска.

Криминализация как социокультурный феномен

Начать надо с того, что криминализация деяний на уровне уголовного закона сама по себе является незлиминированным культурным феноменом. Это безусловное достижение человеческой цивилизации, ценность которого определяется ценностью закона и права, как такового. Не лишним будет напомнить здесь известную формулу профессора М.С. Гринберга, согласно которой появление уголовного права, его приход на смену кровной мести знаменовал «ввод «графитовых стержней» в «атомный реактор» безудержных и непримиримых столкновений, рождавших по типу цепной реакции новые столкновения, несовместимые с сохранностью социума»¹.

Культурное значение криминализации проявляется в нескольких аспектах.

Во-первых, в отличие от первых табу, отраженных в обычаях и древних памятниках права, призванных защитить по преимуществу природные основы жизнедеятельности человеческого общества, криминализация как осознанная деятельность имеет своим содержанием защиту самых разных аспектов функционирования социума. В силу чего возведение криминализации в ранг управленческой деятельности, осуществляемой в определенной процедуре и форме уполномоченными на то органами, привнесло в жизнь людей гарантии безопасности всех позитивных достижений человечества – от права собственности до международного сотрудничества, стало непременным спутником социального прогресса.

Во-вторых, криминализация сегодня включена в широкий арсенал средств социального администрирования, способствуя не только охране сложившихся, но и утверждению новых социальных ценностей, а также воспитанию граждан в духе их соблюдения и уважения. Это позволяет использовать процессы уголовного нормотворчества не только в целях защиты того, «того, что есть», но и для формирования «того, что надо» или «того, что хотелось бы».

¹ Гринберг М.С. Уголовное право, как феномен культуры // Известия вузов. Правоведение. 1992. № 2. С. 58.

Во-третьих, криминализация, будучи именно средством управления, приобрела самоценность в качестве некоей процедуры признания деяний общественно опасными, безотносительно того, о криминализации каких деяний идет речь. Соблюдение формальной процедуры стало выступать неким гарантом легитимности разрабатываемых государством ограничений. Не случайно, Конституционный Суд РФ в своих многочисленных постановлениях и определениях неоднократно повторяет, что федеральный законодатель волен устанавливать уголовную ответственность по своему усмотрению (разумеется, с оговоркой о соблюдении конституционных начал взаимоотношений личности и государства в сфере уголовного права).

В-четвертых, криминализация, традиционно понимаемая не только как процесс, но и как результат установления уголовно-правового запрета, предъявляет специфические требования к такому результату, к модели запрещаемого деяния. Оно, как известно, должно быть общественно опасным, виновно совершенным, относительно распространенным, не представлять собой форму реализации человеком своих прав, не создавать диспропорций и изъятий в равенстве и т.д.

Отмеченные социокультурные характеристики криминализации свидетельствуют, что она выступает неотъемлемым, не исключаемым, и в исторической перспективе – вечным спутником развития общества, важнейшим составным элементом его правовой и в целом нематериальной культуры. Они же порождают значимые диалектические противоречия, определяющие само движение криминализации, ее место в правовых процессах и отношении к криминализации. Здесь уместно говорить как минимум, о двух таких противоречиях:

- криминализация как средство защиты устоявшихся ценностей в известной степени противостоит криминализации как средству продвижения новых социальных стандартов (криминализация-защита против криминализации-воспитания);

- криминализация как процедурная форма установления запрета может входить в противоречие с криминализацией как результатом признания деяния преступным (криминализация-форма против криминализации-содержания).

Эти противоречия непреодолимы (и в силу того, и благодаря чему могут быть признаны диалектическими). На двух полюсах этих противоречий - соответственно две полярные модели криминализации: с одной стороны, криминализация деяний, продиктованная потребностями в утверждении новых социальных стандартов; с другой – криминализация деяний, ориентированная на поддержку исключительно сложившихся социальных норм. Заметим при этом, что каждая модель допускает с соблюдением установленной процедуры криминализацию деяний, не обладающих в массовом сознании признаком общественной опасности: в одном случае, потому что граждане не усматривают в деянии отклонения от социального стандарта вообще, а в другом – поскольку отклонение не представляется существенно значимым.

Политическая культура и криминализация

Представленным моделям криминализации и связанным с ними противоречиям коррелирует и представление о криминализации как определенном проявлении современной парламентской культуры (не в узком ее значении, как культуры публичных дебатов, а в широком контексте – как части политической культуры общества). Поскольку принятие уголовных законов – исключительная прерогатива парламента, процессы, которые связаны с его формированием и функционированием, по определению не могут отражаться на феномене криминализации. Связь парламентской культуры и криминализации также многоаспектна и проявляет себя в нескольких направлениях.

Во-первых, парламента, как известно, призван отражать существующие в обществе мнения и взгляды по всем важнейшим вопросам жизнедеятельности, включая вопросы уголовного права. В этой связи на криминализацию оказывает безусловное влияние процесс формирования парламента. Низкая избирательная активность населения, недобросовестная избирательная кампания, фальсификации и скандалы на выборах – все это отражает непризнание или игнорирование социально-культурной ценности парламента, и как следствие, снижает уровень легитимности принимаемых им уголовно-правовых решений.

Во-вторых, содержание криминализационных процессов прямо определяется составом парламента и расстановкой в нем политических сил. Сегодня, как известно, парламентская культура уходит как от однопартийности и связанной с ней монополией одного взгляда на трактовку общества и законодательство, так и от крайней многопартийности, при которой весь спектр действующих в стране партий способен организовать в парламенте анархию.

В-третьих, основа современной политической культуры – независимость ветвей власти, самостоятельность и не подчиненность парламента. Она приобретает особое звучание, когда речь идет о криминализации, поскольку парламента не может и не должен быть «слепым» регистратором законодательных инициатив иных ветвей власти (прежде всего, исполнительной) и претворением этих идей в закон. В условиях российской действительности эта сторона проблемы требует отдельного и специального внимания, учитывая в каком порядке, с какой скоростью, при какой детализации обсуждения, и с какими изменениями «проходят» в парламенте любые уголовно-правовые инициативы со стороны Президента и Правительства.

В-четвертых, это уровень культуры самих парламентариев. В данном случае речь идет не только о личных, моральных качествах, но и о широком наборе умений, навыков, принципов, позволяющих учитывать в работе депутата представительного органа профессиональные суждения специалистов в области уголовного права и криминологии, сочетать независимость собственной парламентской оценки той или иной ситуации с оценкой узких специалистов-профессионалов, видеть право-

вые проблемы, пути и последствия их решения в системном единстве¹.

Таким образом, лишь подлинно независимый, легитимно сформированный, эффективно и инструментально отражающий весь спектр политических позиций общества профессиональный парламента выступает необходимой политико-культурологической предпосылкой надлежащей криминализации общественно опасных деяний.

На этом, однако, связи политической культуры и криминализации не заканчивается. Есть еще, как минимум, два взаимосвязанных аспекта, отражающих одновременно сложившиеся в обществе представления о разделении властей, культурные и политико-правовые особенности функционирования ветвей власти, с одной стороны, и уровень законодательской культуры (культуры законодательной техники), – с другой.

Речь идет о такой, относительно частной, но в масштабах функционирования уголовного права крайне важной проблеме, как степень детализации уголовно-правовых предписаний. Здесь ситуация одновременно сложна и проста, в упрощенном виде она может быть представлена следующим образом: чем более свободен и независим суд, чем выше уровень доверия к судебной системе, чем большими полномочиями и возможностями в части толкования уголовного закона суд обладает, тем меньше надобности у парламента создавать казуистичные, детализированные предписания, и соответственно, наоборот, позиционирование суда в качестве особой разновидности исполнителя законодательской воли парламента требует создания четких и не допускающих свободы интерпретации рамок его деятельности, с минимумом оценочных понятий и диспозитивных предписаний. Разумеется, такая постановка проблемы не исключает соблюдения общих требований к определенности уголовно-правового запрета и иных параметров его качества. Она лишь максимально емко показывает, что криминализация общественно опасных деяний (по крайней мере, как итог, как внешняя форма выражения уголовно-правового запрета) во многом определяется общими параметрами политической культуры общества и сложившейся конфигурацией разделения властей.

Культура и содержание криминализации

Изложенное выше отражало, по преимуществу, культурные условия криминализации общественно опасных деяний, фон, на котором протекает этот сложный социально-правовой процесс, его предпосылки.

Всякий запрет предполагает наличие предмета и пределов запрета (что формально выражается в диспозиции), а также его средства (закрепляемого в санкции). Соответственно, влияние культурных установок общества отражается во всех этих элементах: что запрещается, до каких пределов запрещается и под угрозой чего запрещается.

В первом случае механизм связи культуры и криминализации предполагает установление уголовно-правового запрета лишь в отношении тех

¹ См. об этом, например: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики // Журнал российского права. 2013. № 8.

деяний, который несовместимы с господствующим типом культуры и культурных ценностей.

Возрастание значимости той или культурной ценности в общественном мнении и официальной аксиологии заставляет государство пересматривать средства правовой защиты таких ценностей. И тогда на смену менее жестким средствам приходят средства именно уголовно-правовые, предоставляющие максимально возможный в данных конкретных условиях объем принуждения для поддержания той или иной ценности. Формально это чаще всего находит отражение в процессах замены административных санкций уголовно-правовыми, переводе административного правонарушения в разряд преступлений.

Такую возможность с правовой точки зрения официально подтвердил Конституционный Суд РФ, который указал: «Конституционные требования справедливости и гуманизма предопределяют необходимость дифференциации юридической ответственности в зависимости от существенных обстоятельств, влияющих на выбор той или иной меры государственного принуждения, а потому, предусматривая для совершивших правонарушение лиц конкретный вид юридической ответственности, федеральный законодатель обязан соотносить его с характером правонарушения, *опасностью для находящихся под охраной закона ценностей*, личностью и степенью вины правонарушителя, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения... В случаях, *когда предусматриваемые законом меры публично-правовой ответственности перестают отвечать социальным реалиям*, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, *федеральный законодатель вправе обеспечить их приведение в соответствие с новыми социальными реалиями*, соблюдая при этом конституционные принципы равенства, справедливости и гуманизма»¹.

С культурологической точки зрения процессы замены административной ответственности за то или иное деяние ответственностью уголовной отражают, с одной стороны, динамику самих охраняемых ценностей, возрастание или напротив, падение их значимости; а во-вторых, динамику культурно обусловленных представлений о допустимом объеме официального принуждения для поддержания и защиты этих ценностей.

Вполне определенно на этот счет высказался Конституционный Суд РФ в ряде своих постановлений:

- «закрепляя и изменяя составы правонарушений и меры ответственности за их совершение, федеральный законодатель связан вытекающими из Конституции РФ *критериями необходимости, пропорциональности и со-*

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

размерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям»;

- «виды юридической ответственности и сопутствующие им наказания должны обладать *разумным сдерживающим потенциалом*, достаточным для соблюдения соответствующих запретов (ограничений); в противном случае их применение не будет отвечать предназначению государственного принуждения, которое, по смыслу Конституции РФ, заключается, главным образом, в превентивном использовании присущих ему юридических средств для защиты прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно признаваемых ценностей гражданского общества и правового государства»;

- «реализация конституционных принципов в сфере уголовно-правового регулирования предполагает, с одной стороны, использование средств уголовного закона для защиты граждан, их прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств, а с другой – *недопущение избыточного ограничения прав и свобод* при применении мер уголовно-правового принуждения. Соответственно, характер и содержание устанавливаемых уголовным законом мер должны определяться исходя не только из их обусловленности целями защиты конституционно значимых ценностей, но и из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого эти меры применяются) тому вреду, который был причинен в результате преступных деяний»¹.

Именно разумный баланс между основаниями и средствами уголовно-правовой защиты призван обеспечить паритетное равенство личности и государства в их взаимоотношениях между собой. Такое равенство отражает современные демократические представления о связи личности и государства, взаимное признание ими ценности и достоинства друг друга, взаимную ответственность перед настоящим и будущими поколениями за стабильное и устойчивое развитие общества.

Итоги

Криминализация общественно опасных деяний, будучи сама по себе культурным феноменом, тесным образом переплетена с иными культурными явлениями и процессами, протекающими в обществе на различных уровнях его материальной и духовной жизни. Она аккумулирует в себе транслируемые политическими институтами и подкрепляемые культурно детерминированными санкциями сложившиеся и складывающиеся в обществе представ-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда»; Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других».

ления о границах свободы личности и государства в их взаимных отношениях. В таком аспекте криминализация представляет собой неотъемлемый элемент политической, правовой, криминологической культуры общества, в связи с чем ее содержание и формы могут быть адекватно воспринимаемы и оцениваемы лишь в общем контексте культурного развития страны.

Такой подход позволяет выявить ряд весьма перспективных направлений последующего анализа социокультурных проблем криминализации: криминализация как ответ на запросы исполнительной власти, криминализация как средство поддержания или ограничения судейского усмотрения, криминализация как отражение компромисса политических сил, криминализация как средство продвижения новых социальных ценностей, криминализация как предпосылка применения превентивных мер, криминализация и господствующий тип культуры и т.д. Каждое из них, полагаем, заслуживает того, чтобы быть детально исследованным, причем в междисциплинарном контексте, с тем, чтобы способствовать дальнейшему развитию уголовно-правовой науки и практики социального администрирования в сфере уголовного права.

Список литературы

- Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики // Журнал российского права. 2013. № 8.
- Бибик О.Н.* Культурная обусловленность уголовного наказания. М., 2013.
- Гринберг М.С.* Уголовное право, как феномен культуры // Известия вузов. Правоведение. 1992. № 2.
- Гуринская А.Л.* Англо-американская модель предупреждения преступности: дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2019.
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М., 2006.

Готчина Л.В.

Об уголовной политике в сфере незаконного оборота наркотиков: состояние, тенденции, перспективы

The Criminal Policy in the Field of Drug Trafficking: Status, Trends, Prospects

Аннотация. России угрожает легализация рынка наркотиков и лоббирование метадонной терапии. Западный опыт положительных результатов не принес, однако международное сообщество рекомендует бороться с рынком экономическими методами. Для России это самоуничтожение.

Abstract. Russia is threatened by the legalization of the drug market and the lobbying for methadone therapy. Western experience has not yielded positive results, but the international community recommends fighting the illegal market with economic measures. Author insists that it is a self-destructive idea for Russia.

Ключевые слова: легализация, рынок наркотиков, метадонная терапия.

Key words: legalization, drug market, methadone therapy.

В настоящее время наблюдается ослабление российского общественного внимания к проблеме незаконного оборота наркотиков как глобальной

проблеме человечества, ведущей к вымиранию наций. Это связано, прежде всего, с нестабильностью российской уголовной политики в сфере незаконного оборота наркотиков и изменением ее приоритетов. Сегодня более актуальными с точки зрения законодательного и профилактического внимания являются экстремизм, расизм. Это связано с рядом причин. Прежде всего, законодатель приостановил так называемое «совершенствование» уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных норм в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Многочисленные его метания от увеличения составов преступлений в этой сфере до максимального ужесточения санкций за их совершение не улучшило наркоситуацию. Продолжают синтезироваться новые наркотики, рынок наркотиков пополняется новыми, молодежь по-прежнему остается основным контингентом их распространения. По нашему мнению, законодательная приостановка процесса совершенствования наркозаконодательства – это этап признания потери вектора движения.

Во-вторых, такое положение дел обосновывается наблюдаемой усталостью специалистов в вопросах признания:

- 1) статуса опасности наркопреступности;
- 2) приоритета профилактической работы с молодежью;
- 3) особенностей менталитета российского населения, независимо от того, что оно в последние годы значительно разбавилось мигрантами.

Именно на этих вопросах государственного признания, по нашему мнению, должны строиться направления совершенствования уголовной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

Вновь активизировались международные тенденции, связанные с попыткой финансового приоритета государств, которые, как ни странно, звучит, для достижения этой цели стали признавать экономические законы едиными правилами, в том числе и для криминальной организации деятельности, приносящей финансовый доход, в данном случае теневой.

Российская уголовная политика в сфере незаконного оборота наркотиков подвержена влиянию международных тенденций. Последние из них не позволяют прогнозировать ничего хорошего. Это связано, прежде всего, с тем, что члены Глобальной комиссии по наркополитике в докладе «Регулирование: ответственный подход к контролю над наркотиками» рекомендовали странам в зависимости от их опыта и ситуации инициировать реформы и начать легально регулировать рынок наркотиков, используя, в частности, уже подтвердившие эффективность методы контроля за рынком алкоголя или табака. Если еще десятилетие назад это положение высказывалось только единично с международных трибун, сегодня разработан проект Резолюции о разрешении применения метадона во всем мире¹. В ближайшее время он начнет обсуждаться и навязываться странам. В рамках международного

¹ Готчина Л.В. Война с наркотиками продолжается: о ее перспективах // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (54). 2018. С. 56.

сообщества этот документ представляет угрозу национальной безопасности всех стран и угрозу сохранения здоровых наций.

Призыв членов Глобальной комиссии по наркополитике легально регулировать рынок наркотиков в связи с тем, что в мире примерно 250 млн. человек употребляют наркотики, еще раз подтверждают наше мнение о том, что многочисленность наркопотребителей и есть причина попытки изменения уголовной политики в этой сфере. При этом, «любое сокращение расходов на борьбу с наркотиками (вследствие сокращения расходов на правоохранительную деятельность) будет сведено на нет значительными затратами на здравоохранение. Голландский опыт полностью это констатирует.

Необходимо констатировать, что существующие уголовно-правовые меры противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков сегодня недостаточно эффективны. Однако тому ряд причин, и основная из них - не игнорирование правил рынка при криминальном наркотрафике. Причин много: от несовершенства статей УК РФ до организационных, ресурсных проблем правоохранительных органов, пресекающих деяния в сфере незаконного оборота наркотиков.

К примеру, условия работы полицейских в сложившихся обстоятельствах (расширение функций; самый плачевный социальный статус по сравнению с представителями иных правоохранительных органов; предвзятое отношение к сотрудникам законодателя, проявляющееся хотя бы в содержании пункта «о» части 1 ст. 63 УК РФ (совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел как отягчающее обстоятельство)) не способствуют сохранению преемственности в работе, характеризуются потерей престижности профессии полицейского, значительным омоложением, большой текучестью и некомплектном кадрах. Как следствие, наблюдается ухудшение физического и психического здоровья сотрудников, что, несомненно, повышает латентность всей российской преступности и наркопреступности, в частности.

В связи с вышесказанным российский прогноз таков:

- будет наблюдаться изготовление метадона в регионах, без транспортировки из других стран, не смотря на то, что после его синтеза в США была построена целая сеть заводов по его производству, как лекарства от наркозависимости; увеличение числа россиян, прибывших к метадоновой наркомании и лоббирование международными организациями метадоновой терапии. Перспектива ее признания для России должна рассматриваться как попытка самоуничтожения;

- лоббирование легализации наркорынка. Его признание означает признание поражения, неспособности государства обеспечить запрет на самоуничтожение нации. Равнение на эффективность методов контроля за рынком алкоголя или табака однозначно является ошибочным. Алкоголизм и наркомания, действительно, два диагноза одного врача - нарколога. Эти болезни по медицинским признакам их развития имеют одни стадии и одни

признаки этих стадий. Однако между ними существенная разница, разница размером в пропасть: алкоголизм лечится, а наркомания – нет. Другой вопрос: каков процент излечения от алкоголизма и на какой стадии развития болезни. Наркомания при эффективном медицинском вмешательстве может привести к ремиссии, которая представляет собой временную остановку от дальнейшего употребления наркотических средств. Ее срок колеблется от маленьких периодов до достаточно больших. Во втором случае, лица, испытывающие ремиссию, считают, что они вылечены. Их родные также верят в это, потому что осознание, что их близкий, попавший в наркобеду, не излечим, считается смертельным приговором, ограниченным только временем. Именно поэтому методы контроля за рынком алкоголя или табака никак не приемлемы для контроля незаконного наркооборота, их применение, если такое реализуется, выступит дополнительным средством для уничтожения российского населения.

В нашем понимании международное лоббирование отмены наркозапретов, попытки ломки российского менталитет, очаговая профилактическая работа с молодежью представляют для россиян угрозу национальной безопасности. Она выражается в попытке внедрить механизм самоуничтожения населения, что облегчит захват территории и поставит под сомнение сохранение суверенности российского государства.

Список литературы

Готчина Л.В. Война с наркотиками продолжается: о ее перспективах // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (54). 2018. 54-57.

Готчина Л.В. Международное законодательство в сфере предупреждения наркопреступлений, совершаемых несовершеннолетними, молодежью и в отношении них // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). – 2014. - № 5.

Шестаков Д. А. Почему бы не ликвидировать наркобизнес? Теоретико-криминологический подход // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2010. – № 1.

Гурина А.Л.

Цифровые технологии в уголовной политике: противодействие семейному насилию в США¹

Digital technologies in crime control policy: counteracting domestic violence in the US

Аннотация. Темпы распространение цифровых технологий в области экономики и государственного управления намного опережают темпы цифровизации в области уголовной политики. Вместе с тем, отдельные разработки повышают возможность эффективного реагирования на преступное поведение и могут играть существенную роль в профилактике преступности и рецидива. На примере системы противодействия семейно-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-011-00756 А «Гражданское участие в условиях формирования цифрового правительства»

му насилию в США в работе рассматривается, какую роль могут играть технологии (интернет и мобильные приложения, компьютерные алгоритмы, система глобального позиционирования) для совершенствования системы регистрации преступлений, обеспечения потерпевшим доступа к правосудию, предупреждения рецидива домашнего насилия. Высказываются предложения о необходимости изучения того, как цифровизация влияет на перспективы сопроизводства безопасности и возможности гражданского участия в уголовной политике.

Abstract. Digital technologies in economics and public governance have developed immensely in the recent decades. Their application in the area of crime control has remained fairly limited despite their potential for increasing the effectiveness of reaction to crime and preventing new incidents or recidivism. Exploring the system of domestic violence control in the US we discuss the role of technologies (internet and mobile applications, computer algorithms, and global positioning system) in improving the system of crime reporting, providing victims access to justice, and reducing repeat crime. It is suggested that further research should address how digitalization affects the perspectives of security coproduction and civic participation in governance of crime.

Ключевые слова: семейное насилие, уголовная политика, цифровые технологии, цифровое правительство, гражданское участие

Key words: domestic violence, crime control policy, digital technologies, digital governance, civic participation

Несмотря на несколько десятилетий повышенного внимания к проблеме семейного насилия в США со стороны законодателей и правоприменителей, эта проблема продолжает оставаться острой. Данные статистики демонстрируют, что число случаев внутрисемейных преступлений существенно снизилось с 1993г., а уровень составляет 4,7 (на 1000 человек в возрасте от 12 лет) для женщин и 1,5 для мужчин. Вместе с тем, в последние годы показатели семейного насилия остаются достаточно стабильными, а данные статистики, собираемые Центром по контролю и превенции заболеваний, показывают, что жертвами насилия со стороны близкого партнера хотя бы раз в жизни становятся около четверти женщин и пятнадцати процентов мужчин. Развитие современных технологий и цифровизация государственного управления вносят свой вклад в изменение системы противодействия преступности, в том числе семейному насилию. В настоящей работе на примере противодействия семейному насилию в США мы рассмотрим, как цифровизация влияет на сбор данных о совершенных преступлениях, создает условия для обеспечения безопасности потерпевших, облегчает им доступ к правосудию, а также каков потенциал новых технологий для применения в полицейской деятельности и при принятии решений судьями.

Новые технологии в области регистрации преступлений

Согласно данным Бюро судебной статистики Департамента юстиции США за период с 2003 по 2012 г. в 55 % случаев жертвы заявляли о совершенном в отношении них домашнем насилии в полицию. Больше всего заявлений (56%) поступало в том случае, если преступление было совершено близким членом семьи, чуть реже (в 49% случаев) потерпевшие заявляли о насилии со стороны других родственников. Эти показатели выше, чем для случаев насилия со стороны знакомых (заявления попадали в полицию в 39%) и незнакомых (49% заявлений). Предоставление возможности потер-

певшим заявить о совершенном преступлении, используя мобильное приложение, или веб-сайт могло бы улучшить ситуацию. В настоящий момент ФБР предоставляет возможность заявить о совершенном преступлении онлайн, однако эту возможность нельзя использовать в чрезвычайной ситуации. Для сообщения о ряде преступлений (киберпреступлениях, терроризме, торговле детьми) ФБР даже выделил отдельные страницы, но не для случаев семейного насилия. В других странах, например, в Великобритании (Шотландия) существует возможность заявить о совершенном преступлении, заполнив соответствующую форму на сайте полиции.

Отсутствие возможности использовать современные технологии для подачи заявления о совершенном домашнем насилии выглядит не вполне логичным на фоне того, что проблема киберпреступлений, в том числе и кибернасилия в настоящий момент выходит на передний край как криминологических исследований, так и законодательного регулирования. Так, последние поправки в Закон о насилии против женщин в США, которые уже были приняты Палатой представителей Конгресса и ждут рассмотрения в Сенате предусматривают новую разновидность домашнего насилия – технологическое принуждение. Под ним понимается такое поведение, которое направлено на причинение вреда, угрозу, устрашение, контроль, преследование, домогательство, деперсонификацию или мониторинг другого человека. Эти действия могут быть совершены с использованием интернета, приспособлений, использующих интернет, социальных сетей, компьютеров, мобильных устройств, сотовых телефонов, приложений, GPS устройств, мгновенных сообщений, текстовых сообщений, а также с использованием иных технологий. Технологическое принуждение может включать: нежелательные, повторяемые телефонные звонки, текстовые и мгновенные сообщения, посты в социальных сетях; осуществляемый без согласия доступ к учетной записи электронной почты, сервисам мгновенных и текстовых сообщений, учетной записи в социальных сетях или архивным записям в мобильных телефонах; контроль или ограничение возможности получить доступ к технике с намерением изолировать лицо от поддержки и социальных связей; использование GPS устройств или программного обеспечения, позволяющего отслеживать местонахождение индивида или преследовать его; выдача себя за другое лицо (включая получение доступа к фото или видеозаписям с помощью обмана или создание учетной записи под ложным именем) с намерением ввести в заблуждение или причинить вред; раскрытие или принуждение к раскрытию частной информации лица, фотографий или видеозаписей без согласия.

Информационные системы, содержащие данные о правонарушителях

Информация о нарушителях закона и о вынесенных защитных ордерах заносится одновременно в несколько баз данных: базу Информационного центра ФБР о защитных ордерах (FBI National Crime Information Center Protection Order File), Индекс идентификации по штатам (Interstate Identification System), а также Национальную систему мгновенной провер-

ки наличия судимости (Instant Criminal Background Check System). Наряду с этим, практически во всех штатах работает автоматизированная система оповещения потерпевших, которая содержит информацию о деле осужденного и изменениях в состоянии дела или статуса осужденного. Для того, чтобы получать информацию, необходимо иметь уникальный идентификационный номер жертвы и пин-код. Эта система позволяет жертвам чувствовать себя более защищенными, однако лишь четверть потерпевших знают о возможности получить к ней доступ. Для потерпевших от семейного насилия этот процент может быть несколько выше. Информация о лицах, осужденных за совершение преступлений на сексуальной почве, также вносится в Систему регистрации и оповещения (на основе акта SORNA). Система содержит данные о месте проживания осужденного, месте работы или обучения, которые доступны для граждан.

Цифровизация и обеспечение доступа к правосудию

Риск вновь стать жертвой повышается в тот момент, когда потерпевшие от семейного насилия решают разорвать отношения с партнером или обратиться за помощью в правоохранительные органы, в том числе за получением защитного ордера. Традиционная процедура обращения за ордером не проста и зависит от юрисдикции. Потерпевшему необходимо время, возможность поехать в суд, в юрисдикцию которого входит выдача ордера, заполнить необходимые документы, обосновать, что его случай подпадает под требования, достаточные для получения ордера. Кроме того, некоторые потерпевшие не говорят на английском, большинство не понимает юридических формулировок. Для того, чтобы помочь потерпевшим преодолеть эти препятствия, используются технологии электронного обращения за получением ордера.

Некоммерческие организации, частные компании и суды разработали онлайн инструменты, позволяющие потерпевшему обратиться за получением ордера в электронной форме. Все эти инструменты позволяют потерпевшему самостоятельно выбрать время и место подачи ордера, снижают нагрузку на приемные судов, позволяют окончательно подать заявление лично или в электронном виде, содержат подробные инструкции по заполнению, в том числе структурированные опросные листы (доступные на нескольких языках), позволяют получить онлайн помощь по заполнению. В ряде случаев онлайн заявление можно оставить через специальный киоск, расположенный в муниципальных учреждениях, некоммерческих организациях помощи жертвам, или же через адвоката. Не всегда эта услуга бесплатна. Если ордер необходимо получить немедленно, то такую возможность предоставляют программы в некоторых штатах, позволяющие судье получить доступ к поданным заявлениям в любое время суток из любой точки и незамедлительно выдать ордер, уведомив об этом заявителя по электронной почте.

Одна из программ подачи заявлений создана в рамках проекта LawHelp Interactive (LHI) некоммерческой организации ProBono.net. Миссией организации является обеспечение доступа к правосудию с помощью

технологии. LHI по состоянию на весну 2018 г. использовалась в 13 штатах. Также существуют коммерческие версии программ, например, TurboCourt и Odyssey Guide and File. Некоторые штаты (Вирджиния, Юта, Индиана) разработали собственные программные решения.

В ряде юрисдикций выдача временного ордера возможно только после слушания дела. В такой ситуации возможно использование видеоконференцсвязи для тех потерпевших, которые не могут или боятся лично явиться на судебное заседание. В Северной Каролине введена в действие система eCourts Civil Domestic Violence System, которая позволяет подать заявление в электронном формате и поучаствовать в заседании, используя видеоконференцсвязь.

Использование алгоритмов при принятии решения об аресте и избрании меры пресечения

Технологии могут использоваться также при решении вопроса о том, следует ли заключить обвиняемого под стражу при предъявлении ему обвинения в совершении домашнего насилия. Такое решение выносится судьей (наименование судьи отличается в зависимости от юрисдикции) на основании оценки двух факторов: может ли подозреваемый скрыться и представляет ли он опасность. Решение необходимо принять быстро: между арестом и судебным слушанием, как правило, проходит не более 48 часов, в течение которых у судьи нет возможности подробно изучить обстоятельства жизни обвиняемого, его семейную ситуацию и прийти к обоснованному выводу. Скорее, судьи полагаются на интуицию. Точно так же на интуицию полагаются и полицейские, прибывающие по вызову о совершении внутрисемейного насильственного преступления, когда они принимают решение об аресте подозреваемого. У полицейских в этой ситуации еще меньше информации, чем у судьи, а временные ограничения еще более жесткие. Исследования показывают, что применение технологий машинного обучения способно в обеих этих ситуациях поспособствовать принятию более обоснованного справедливого решения.

Применение алгоритма на стадии избрания меры пресечения позволяет снизить ошибку в два раза. Исследовав 28646 решений об избрании меры пресечения за 5-летний период, Р. Берк и его коллеги выявили, что в течение двухлетнего периода после решения об освобождении около 19 процентов обвиняемых вновь задерживаются за совершение домашнего насилия, причем 17 процентов – за совершение деяния, повлекшего вред здоровью. Таким образом, точность решения об освобождении составляет около 80 процентов. Авторы показывают, что если бы при принятии решения использовался бы тот алгоритм, который они применяли в исследовании, то процент задержанных был бы не более 10. Иными словами, алгоритм позволяет с 90-процентной точностью предсказать, в каком случае отпущенный индивид вновь совершит преступление. Что касается решения полиции об аресте, то здесь точность ниже. Согласно исследованию в Калифорнии, алгоритмы были точны в 50 процентах случаев при предсказании того, что из опреде-

ленного адреса поступит повторный звонок о совершении семейного насилия. При этом, при разработке алгоритма из длинного списка были выявлены четыре основных фактора, которые позволяли с наибольшей точностью предсказать звонок в будущем: уже поступавшие в прошлом неоднократные (3 и более раз) звонки, информация о том, что правонарушитель в гневе угрожал разбить или испортить имущество, статус безработного у правонарушителя или, если он имеет работу, то угрозы причинения вреда жизни или здоровью кого-либо из членов семьи.

Электронный мониторинг правонарушителей

Электронный мониторинг лиц, виновных в совершении преступлений на сексуальной почве используется и по делам о семейном насилии. Использование GPS технологий позволяет отслеживать местонахождение правонарушителя, а также сообщать жертве о том, что ее обидчик находится вблизи. Технология может использоваться как после отбытия преступником наказания, так и в случае получения жертвой защитного ордера. Если ордер не позволяет нарушителю приближаться к жертве ближе, чем на определенное расстояние, то применение электронного мониторинга позволяет отследить нарушение этого запрета в том случае, если жертва тоже постоянно носит прибор с GPS. Такой мониторинг активно и с успехом применялся в Коннектикуте и Массачусетсе. Для того, чтобы право индивида на частную жизнь не было нарушено, используется технология, позволяющая ограничить периметр слежения. В целом, исследования показывают, что электронный мониторинг является эффективным инструментом предупреждения рецидива. Однако убедительные доказательства эффективности применительно к домашнему насилию отсутствуют. Лишь в одном исследовании демонстрируется, что применение технологии GPS слежения более эффективно для снижения рецидива, чем мониторинг с использованием радиосигнала или же отсутствие мониторинга вообще.

Цифровизация экономики и государственного управления постепенно сказывается и на сфере контроля над преступностью. Новые реактивные и превентивные стратегии, основанные на использовании электронных средств коммуникации, сетевых технологиях или разработках в области географических информационных систем позволяют достичь определенных успехов в области противодействия как семейному насилию, так и иным видам преступлений. Вместе с тем, в настоящее время правоохранительная деятельность не находится на переднем крае технологического развития. Исключением, пожалуй, являются технологии проактивной полицейской деятельности, основанные на анализе больших данных и географии «горячих точек» преступности. В связи с постепенным проникновением цифровых достижений в область уголовной политики интересными для исследователей становятся вопросы о восприятии гражданами этих технологий, готовности сотрудничать с правоохранительными органами, в том числе с помощью возможностей, предоставляемых социальными сетями и мобильными приложениями. Нам пока мало что известно о том, как цифровизация от-

ражается на потенциале сопроизводства безопасности государством, бизнесом и гражданами, усиливает ли она возможности гражданского участия в уголовной политике.

Список литературы

- Berk R. A., He Y., Sorenson S. B.* Developing a practical forecasting screener for domestic violence incidents // *Evaluation Review*. – 2005. – Vol. 29. – №. 4. – P. 358-383.
- Berk R. A., Sorenson S. B., Barnes G.* Forecasting domestic violence: A machine learning approach to help inform arraignment decisions // *Journal of Empirical Legal Studies*. – 2016. – Vol. 13. – №. 1. – P. 94-115.
- Electronic Tip Form.* Federal Bureau of Investigations. URL: <https://tips.fbi.gov/> (дата обращения 10.07.2019)
- Erez, E., Ibarra, P., Bales, W., & Gur, O.* (2012). GPS monitoring technologies and domestic violence: An evaluation study. URL: <https://ncvc.dspacedirect.org/handle/20.500.11990/342> (дата обращения 10.07.2019)
- Facilitating Access to Protection Orders— Technology Solutions to Overcome Barriers.* National Center for State Courts. URL: <http://www.vawaandcourts.org/~media/Microsites/Files/VAWA/Facilitating%20Access%20PO.ashx> (дата обращения 10.07.2019)
- H.R.1585 - Violence Against Women Reauthorization Act of 2019.* Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/1585/text> (дата обращения 10.07.2019)
- Ibarra P. R., Gur O. M., Erez E.* Surveillance as casework: Supervising domestic violence defendants with GPS technology // *Crime, Law and Social Change*. – 2014. – Vol. 62. – №. 4. – P. 417-444.
- Irazola S. P.* et al. Keeping Victims Informed: Service Providers' and Victims' Experiences Using Automated Notification Systems // *Violence and victims*. – 2015. – Т. 30. – №. 3. – С. 533-544.
- Padgett K. G., Bales W. D., Blomberg T. G.* Under surveillance: An empirical test of the effectiveness and consequences of electronic monitoring // *Criminology & Public Policy*. – 2006. – Vol. 5. – №. 1. – P. 61-91.
- Prenzler T., Fardell L.* Situational prevention of domestic violence: A review of security-based programs // *Aggression and violent behavior*. – 2017. – Vol. 34. – P. 51-58.
- Raddi G.* How GPS tracking technology can curb domestic violence. URL: <https://www.wired.com/story/gps-tracking-technology-can-curb-domestic-violence/> (дата обращения 10.07.2019)
- Reporting Domestic Abuse.* Scotland Police. URL: <https://www.scotland.police.uk/keep-safe/advice-for-victims-of-crime/domestic-abuse/reporting-domestic-abuse/> (дата обращения 10.07.2019)
- SORNA.* SMART Office on Sex Offender Sentencing, Monitoring, Apprehending, Registering, and Tracking. URL: <https://smart.gov/sorna.htm> (дата обращения 10.07.2019)
- The U.S. Department of Justice Victim's Notification System.* URL: <https://www.notify.usdoj.gov/index.jsp> (дата обращения 10.07.2019)
- Truman J.L., Morgan R.E.* (2014). Nonfatal Domestic Violence, 2003-2012. U.S. Department of Justice. Office of Justice Programs. Bureau of Justice Statistics. URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/ndv0312.pdf> (дата обращения 10.07.2019)

Виртуализация преступности несовершеннолетних

Virtualization of Juvenile Delinquency

Аннотация. В статье рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема виртуализации преступности несовершеннолетних, т. е. функционирования деструктивных интернет-сообществ, массово объединяющих молодежь под криминальными лозунгами и влияющих на их противоправное поведение в реальной жизни.

Abstract. The article deals with the current problem of virtualization of juvenile delinquency, i.e. the functioning of destructive Internet communities, massively uniting young people under criminal slogans and affecting their illegal behavior in real life.

Ключевые слова: виртуализация преступности, преступность несовершеннолетних, деструктивные интернет-сообщества.

Key words: virtualization, crime, juvenile delinquency, destructive Internet community

Социальная среда обуславливает все происходящие в ней процессы. К сожалению, преступность – ее неотъемлемая часть, диалектическое противоречие, обеспечивающее ее развитие. Факторы, условия и причины преступности, как уже давно доказано криминологами, неискоренимы, ибо социально обусловлены. Социально обусловлена и преступность. Следовательно, социально обусловленным должны быть и средства противодействия ей.

Преступность в своем развитии отражает те же закономерности, что присутствуют в развитии общества. Полагаем, что это детерминировано генетической связью преступности с иными социальными процессами. Причем, на наш взгляд, эта связь имеет не только неизбежный, но и необходимый характер. Если представить общество в виде единого организма, то преступность можно рассматривать как симптом «заболевания», указывающий на наличие определенных негативных факторов, процессов и явлений, угрожающих безопасности этого общества, его ценностям и даже целостности. Таким образом, преступность, будучи следствием этих явлений и процессов, выполняет функцию индикатора, маркера, указывающего на наличие проблем в определенной сфере общественной жизни или носящих комплексный характер. В этом смысле преступность имеет позитивное значение, позволяя обнаруживать «социальные заболевания» и своевременно на них реагировать. Это, разумеется, не означает, что с преступностью не надо бороться. Однако, это не должно быть самоцелью. Необходимо анализировать, что детерминирует преступность в целом и ее конкретные разновидности, в частности. Очевидно, что нейтрализация причин будет лучшим средством снижения преступности¹. Именно поэтому мы полагаем, что уголовно-правовые средства реагирования на преступность являются важными, но не главными инструментами противодействия ей. Применение уголовно-правовых норм, как известно, всегда осуществляется по отношению к собы-

тиям прошлого, поскольку представляет собой реакцию на уже совершенные преступные деяния. Именно совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления является основанием уголовной ответственности. И это один из основных постулатов уголовного права (ст. 8 УК РФ). Этим высказыванием мы ни в коей мере не подвергаем сомнению теорию позитивной уголовной ответственности, разработанную еще в прошлом веке рядом видных отечественных ученых-правоведов (В.Н. Кудрявцевым¹, З.А. Астемировым², В.Д. Филимоновым³, В.А. Елеонским⁴, В. А. Тарховым⁵, В.С. Прохоровым, Н.М. Кропачевым, А.Н. Тарбагаевым⁶ и др. Разумеется, кроме охранительных необходимо признавать наличие регулятивных уголовно-правовых отношений, определяющих меру должного поведения, которое и составляет реализацию позитивной ответственности. Однако, на наш взгляд, большинство людей, встроенных в систему позитивных уголовно-правовых отношений, не совершает преступлений вовсе не из-за страха наказания, а в силу внутреннего неприятия для себя возможности их совершения. Это неприятие же, по нашему мнению, основано на успешно прошедшей социализации, т. е. усвоения социальных норм в такой степени, что они начинают осознаваться как личностные, внутренние, а не навязанные извне. Данный тезис легко проверить посредством несложного эксперимента. Задайте себе вопрос: если бы завтра отменили уголовный закон, пошли бы вы убивать, грабить, совершать другие преступления? Очевидно, что большинство людей ответили бы отрицательно. Следовательно, вовсе не страхом наказания сдерживаются низменные инстинкты, а надежной оболочкой социальных норм и установок, охватывающих биологическое начало любой личности. Вместе с тем негативные социальные процессы как ничто иное подрывают авторитет законности и желание следовать ей, разрушительным образом воздействуют на укоренившиеся позитивные социальные установки. Еще в большей степени такие процессы опасны для подростков, социализация которых еще не завершена.

Данное теоретическое отступление от основной темы было вызвано необходимостью обозначить концептуальную позицию автора статьи относительно рассматриваемых в ней проблем.

Нельзя не отметить наметившийся в последнее время рост подростковой агрессивности и насильственных преступлений несовершеннолетних. Происходящие один за другим ЧП в российских школах являются подтверждением сказанного. Апофеозом этой ужасной статистики стал расстрел преподавателей и студентов в здании политехнического колледжа в г. Кер-

¹ Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патологии. М., 1982. С. 231.

² Астемиров З.А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания. Махачкала. 1997. С. 58-59.

³ Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 6-7.

⁴ См.: Елеонский В. А. Поощрительные нормы уголовного права. Хабаровск, 1984. С. 22.

⁵ Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 4, 11.

⁶ Прохоров В. С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. 208. с.

¹ Мы убеждены, что преступность не только не искоренима, но и должна существовать в контролируемом режиме, именно в силу ее свойства быть индикатором происходящих в обществе процессов.

чи, совершенный учащимся этого колледжа Владиславом Росляковым 17 октября 2018 года, который после этого покончил с собой.

Практические работники и представители научной общественности отмечают массовое распространение в молодежной среде криминальной субкультуры, включение подростков в антисоциальные (деструктивные) интернет-сообщества («колумбайнеры», «офффики», «околофутбол», «валхалла», «лесники», «лесные санитары», АУЕ и т.п.), что способствует выработке у них стойких антисоциальных установок, росту криминализации несовершеннолетних.

Как показал анализ ситуации, в большинстве случаев подростки имели причастность к интернет-сообществам, провозглашающим и культивирующим антиобщественные ценности и лозунги. К настоящему времени наблюдается активизация виртуального моделирования поведения, прежде всего, молодых людей посредством создаваемых в сети Интернет групп (страниц) антиобщественной направленности. До недавнего времени наиболее опасными признавались так называемые «группы смерти» («синие киты») – интернет-сообщества, администраторы которых целенаправленно склоняют подростков к совершению самоубийств. Целевая аудитория таких групп – подростки, находящиеся в кризисном психологическом состоянии, вызванном неуверенностью в себе, конфликтами с родителями, сверстниками и т.п.

Рассмотрим основные признаки этих сообществ на примере одного из наиболее распространенного – АУЕ. Варианты расшифровки АУЕ: арестантское уркаганское единство; арестантский уклад един; арестанты, уркаганы – едины. Очевидна откровенно «тюремная» терминология и направленность подобных объединений.

АУЕ не нужно воспринимать как самостоятельное криминальное явление. Это скорее родовое, причем весьма условное, обозначение целого комплекса явлений, характеризующегося криминализацией молодежи.

По основным признакам АУЕ можно назвать движением, сектой или даже тайным обществом. Остановимся на основных признаках этого явления¹.

1. Характерной чертой АУЕ выступает относительная легкость присоединения к сообществу. Достаточно разделять идеологию АУЕ и вступления в соответствующую интернет-группу в социальных сетях, а в реальности – произнесения этих трех букв в качестве приветствия, возгласа или уг-

¹ Более подробно мы рассматривали признаки этого и других интернет-сообществ ранее в следующих публикациях: Дворянсков И.В., Панфилов Е. Е. Состояние и проблемы профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 5. – С. 11-15; Они же. Актуальные проблемы профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». – 2019. – № 1. – С. 131-137; Они же. Виртуально организованная молодежная преступность // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Российского Конгресса уголовного права, посв. памяти д-ра юрид. наук, проф. Владимира Сергеевича Комиссарова. – М., 2018. –С. 355-359 и др.

розы, в зависимости от контекста, что означает – «ты в курсе, ты свой, ты поддерживаешь общую идеологию». Как видим, нет никаких сложных процедур, инициаций, подтверждений, дифференцированного подхода, жесткого отбора. Это отпугнуло бы многих. Очевидна задача – максимальное привлечение в сообщество. Вербовка новых членов через социальные сети обуславливает простоту и быстроту агитации и пополнения сообщества. Определенным ноу-хау АУЕ по сравнению с криминальными молодежными группировками 80-90-х годов прошлого века является отсутствие дифференцированного подхода и набора требований к новым членам. Если ранее участники группировки должны были быть из одного района (населенного пункта), носить определенную одежду, атрибутику, обязательно враждовать с представителями других группировок, то сейчас движение АУЕ имеет интегративный характер, объединяя различные категории подростков, вплоть до толерантного отношения к вероисповеданию, национальности, месту жительства и др. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, цель сообщества – максимальное привлечение членов. Единственное требование – вступающий в сообщество должен разделять идеологию АУЕ. Во-вторых, вербовка приводится преимущественно через Интернет, что делает технически сложной дифференциацию по старым принципам.

Парадоксально при этом, что легкость вступления в сообщество сочетается с осознанием избранности, уникальности, авторитетности.

Впрочем, в этой легкости кроется и большая, пока не осознаваемая всеми опасность. Быстрая консолидация благодаря Интернету большого числа подростков под откровенно криминальными лозунгами свидетельствует об их управляемости, дает возможность централизованной организации массовых противоправных акций по всей стране. Происходящие один за другим ЧП в российских школах являются подтверждением сказанного. Аналогичный механизм дистанционного управления поведением подростков был также апробирован сообществами «синих китов», склоняющих к самоубийствам.

Нами был проведен мониторинг страничек АУЕ в социальной сети «ВКонтакте». Среднее количество участников подобных сообществ достигает 300-400 тысяч человек. И подобных групп только в этой социальной сети довольно много.

Кроме того, вербовка в АУЕ активно ведется непосредственно и в школах. Вербуют еще с младших классов: к пяти- или шестикласснику подходят старшеклассники и начинают говорить с ним на «блатном аргоне», рассказывают про «понятия», «зонавскую романтику», а потом просят принести деньги для «общака». Есть информация о том, что криминалитет берет под контроль целые учебные заведения по аналогии с так называемыми «черными зонами». Особенно это заметно в Восточной Сибири, на Урале и в Поволжье.

2. Второй важной чертой сообщества является обязательный сбор с членов денежных средств. Более старшие члены молодежной группировки (смотрящие), собирают регулярные подати в школах, других учебных заведениях. На их языке это называется «грев на зону» – деньги переводятся

криминальным авторитетам в так называемый «общак». Обоснование этого в полной мере укладывается в идеологию любого тайного общества: сегодня ты помогаешь своим братьям, завтра они помогут тебе. Правда сам вопрос, что человек может не оказаться в местах лишения свободы и такая помощь не понадобится – даже не рассматривается.

3. Третий важный компонент – идеология. Она, несмотря на ее откровенно криминальную направленность, является довольно целостной, сочетает асоциальные нормы с общечеловеческими ценностями, как это ни странно звучит, т.е. затрагивает как «темные», так и светлые стороны сознания, о чем можно судить по лозунгам, размещенных в соцсетях на страницах (сайтах) АУЕ. *С психологической и культурологической точек зрения идеология построена весьма грамотно, с использованием общечеловеческих ценностей, что дает основание задуматься об организованном и целенаправленном создании подобных сообществ.* Собственно, страницы в соцсетях практически целиком состоят из лозунгов (девизов) и их визуального сопровождения, имеющего, как правило, криминальный, сексуальный и прочий подтекст прямо и незатейливо воздействующий на сознание несовершеннолетних.

4. В АУЕ культивируется принцип единства и взаимовыручки. Пример. Начальник временного отделения полиции «Арахлейское» УМВД России по Читинскому району в интервью интернет-изданию «Забмедиа.Ру» рассказал: «Все началось с того, что «салонник» (вор, специализирующийся на кражах из салонов автомобилей – прим. наше И.Д.) залез на базе отдыха в машину одного из отдыхающих. Хозяин авто задержал злоумышленника, мы с напарником в это время находились рядом. Когда начали надевать на подозреваемого наручники, он стал кричать: «АУЕ! Ворам свободу!» Тут же прибежали около десяти человек, попытались напасть на меня и напарника. Пришлось стрелять в воздух, вызывать ОМОН»¹.

5. Ключевым признаком идеологии АУЕ является крайне негативное отношение к закону, правоохранительным органам, государству. При этом в ней в основном эксплуатируются такие особенности подростковой психологии как отрицание ценностей «взрослого мира», навязываемых обществом, противоречивое сочетание индивидуализма с потребностью к объединению, закрытость сообщества от посторонних («непосвященных»), противопоставление взрослым и определенным категориям сверстников, иерархичность, крайняя нетерпимость к инакомыслию. Согласно идеологии АУЕ, все кто живет не по воровской традиции, или просто сказать – все, кто не с ними – это «лохи», «фраера», «дичь» и пр., которых они обязаны «разводить» (обманывать, вымогать деньги и иные ценности) любыми способами, тем самым пополняя воровской «общак», а возможно, при этом, оттачивая воровское ремесло. Такие адепты АУЕ пользуются примитивными способами отъема денег у так называемых «фраеров», прикрываясь *общаком, гревом на зону* и т. д.

Таким образом, суть движения – объединить молодежь на антиобщественных, антигосударственных принципах, подготовить новое поколение, которое будет следовать и жить согласно воровским традициям, обеспечить социальную базу криминалитета в будущем. Очевидно, что движение с подобной идеологией не может быть самоорганизующимся. Полагаем, что за внешней стороной идеологии, той ее частью, которая предназначена для потребления основной массой адептов АУЕ, стоит довольно грамотное с организационной, психологической и даже политической точек зрения управление. Вопрос только – кто эти люди?

Вероятно, мы имеем дело с новой формой виртуально организованной и управляемой молодежной преступности. Технически организация подобных, если не более жестоких акций одновременно в разных уголках страны не представляет никакой сложности. А это уже – угроза национальной безопасности.

Полагаем, что современная криминогенная ситуация, связанная с деятельностью деструктивных интернет-сообществ, показывает, что преступность как социальное явление стремительно меняется, приспосабливаясь к новым формам социальных отношений. Очевидно, что слабыми местами профилактики подобной преступности являются: недостаточная социально-воспитательная работа с подростками, практически полное отсутствие предлагаемых несовершеннолетним альтернатив деструктивным сообществам, отсутствие реальных перспектив социального роста для молодежи, жесткая имущественная и социально-ролевая стратификация населения. При этом стал весьма заметен тренд на усиление репрессивности правоохранительной деятельности, что не решает проблему, а напротив, загоняет ее еще глубже.

С учетом сказанного, для переориентации поведения несовершеннолетних с системы антиобщественного на социально полезное или как минимум нейтральное поведение необходимо предложить адекватную их потребностям и возможностям восприятия альтернативу. Так, если мы хотим снизить влияние использующих психологические технологии криминальных интернет-сообществ, нужно использовать эти же средства, но со знаком плюс. Как известно, выход из любой зависимости требует первичного замещения.

Очевидно, что современная виртуализация преступности несовершеннолетних есть не что иное как бегство от реальности, как попытка обрести статус хотя бы в интернете, что не может не заставить задуматься о серьезных пробелах в социальной и, прежде всего, молодежной политике.

Список литературы

Астемиров З.А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания. Махачкала. 1997

Дворянсков И.В., Панфилов Е. Е. Актуальные проблемы профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». – 2019. – № 1. – С. 131-137.

Дворянсков И.В., Панфилов Е.Е. Виртуально организованная молодежная преступность // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы

¹ См.: URL: www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/16/72816-strana-iz-treh-bukv (дата обращения: 19.01.2018).

XI Российского Конгресса уголовного права, посв. памяти д-ра юрид. наук, проф. Владимира Сергеевича Комиссарова. – М., 2018. – С. 355-359.

Дворянсков И.В., Панфилов Е. Е. Состояние и проблемы профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 5. – С. 11-15.

Елеонский В. А. Поощрительные нормы уголовного права. Хабаровск, 1984.

Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.

Прохоров В. С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. 208 с.

Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973.

Филлимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981.

Ефремова М. А.

Обеспечение информационной безопасности как одно из направлений уголовно-правовой политики

Ensuring Information Security as One of the Directions of Criminal Law Policy

Аннотация: одной из составляющих национальной безопасности Российской Федерации является информационная безопасность. В условиях становления информационного общества в Российской Федерации роль информационной составляющей национальной безопасности существенно возросла. Появились новые вызовы и угрозы информационной безопасности Российской Федерации, которые требуют реакции законодателя. Уже представлены в новой редакции концептуальные и доктринальные документы в этой сфере. Теперь же в модернизации нуждается уголовное законодательство с целью приведения его в соответствие с указанными документами, а также усиления его эффективности в части уголовно-правовой охраны информационной безопасности.

Abstract: One of the components of the national security of the Russian Federation is information security. In the context of the developing information society the role of the information component of national security has increased significantly. There are new challenges and threats to the information security of the Russian Federation, which require the reaction of the legislator. Conceptual and doctrinal documents in this sphere have already been presented in a new edition. Now, the criminal legislation needs to be modernized in order to bring it in line with these documents, as well as to strengthen its effectiveness in terms of criminal law protection of information security.

Ключевые слова: информация, информационная безопасность, компьютерная информация, защита информации, уголовный закон.

Key words: information, information security, computer information, information protection, criminal law.

Вслед за принятием новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹, вопросы обеспечения информационной безопасности в которой включены практически во все разделы, посвященные реализации стратегических национальных приоритетов, была утверждена и новая редакция Доктрины информационной безопасности Россий-

ской Федерации¹. В этом документе не только дана оценка современному состоянию информационной безопасности Российской Федерации, но и определен перечень угроз, а также совокупность средств, способных обеспечить должный уровень защиты информационной безопасности Российской Федерации. Следующим этапом обновления стратегических документов в данной сфере стало утверждение новой Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы². К основным информационным угрозам Доктрина информационной безопасности помимо прочих относит рост компьютерной преступности, прежде всего в кредитно-финансовой сфере, возрастающее количество преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны при обработке персональных данных с использованием информационных технологий. При этом методы, способы и средства совершения таких преступлений, как отмечается в документе, становятся все изощреннее. Обозначенные угрозы являются серьезным препятствием для реализации дальнейших задач по построению и развитию информационного общества в нашей стране. Так как Доктрина информационной безопасности относит правовые средства обеспечения информационной безопасности к приоритетному направлению деятельности, в современных реалиях законодательство, направленное на обеспечение информационной безопасности, требует перемен. Сказанное относится, в том числе, и к уголовному законодательству.

В настоящее время в России в полной мере не сформировалась уголовная политика в сфере противодействия преступлениям против информационной безопасности. Законодатель принимает «половинчатые» меры, внося изменения в отдельные законодательные акты, которые, зачастую, не согласуются с положениями уже действующих правовых норм. Вместе с тем рост значения того или иного общественного отношения влечет «кристаллизацию», собирание к одному месту разрозненных норм уголовного закона³, что в современных условиях как раз относится к нормам, направленным на уголовно-правовую охрану информационной безопасности, которые расположены в различных разделах и главах УК РФ. Нормы УК РФ, направленные на уголовно-правовую охрану информационной безопасности, едва ли адекватно отражают общественную потребность в ее уголовно-правовой охране. Став новой ценностью, основой жизни, движущим фактором развития экономики и производства, информация требует сосредоточения сил государства на создании условий для обеспечения ее безопасности. Сложившиеся

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646). - URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html> (дата обращения 15.05.2019).

² Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1> (дата обращения 20.05.2019).

³ Никифоров Б. С. Об объекте преступления // Советское государство и право. – 1948. – № 9. – С. 35-49.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683). - URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html> (дата обращения 15.05.2019).

ся социальные реалии обуславливают необходимость признания информационной безопасности как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Следует отметить, что информационная безопасность как объект уголовно-правовой охраны представляет определенную сложность. Это обусловлено тем, что информационные технологии проникли во все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства. Информационная безопасность, в свою очередь, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. От уровня ее защищенности зависит состояние других составляющих национальной безопасности Российской Федерации, что позволяет нам говорить об информационном аспекте политической, экономической, экологической и других видов безопасности. Применительно к уголовному праву вышеизложенное позволяет выдвинуть гипотезу о том, что информационная безопасность может выступать как основным, так и дополнительным объектом преступления.

Применительно к уголовному праву информационная безопасность, прежде всего, есть система общественных отношений, так как в науке уголовного права объектом преступления традиционно понимаются общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Структура информационной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны не может быть определена линейно. Нелинейная классификация структуры информационной безопасности обусловлена сложностью самой информационной сферы.

Ядро информационной сферы составляет информация, а право на доступ к ней и ее охрану от неправомерного доступа является одним из основополагающих прав в условиях становления информационного общества. Материализуясь, информация находит свое воплощение в информационном ресурсе. Одним из средств реализации права на доступ к информации и ее охраны от неправомерного доступа, а также средств обеспечения функционирования объектов информатизации являются информационно-телекоммуникационные технологии.

Поэтому структура информационной безопасности включает в себя:

- 1) общественные отношения, обеспечивающие реализацию права на информацию и на охрану информации от неправомерного доступа;
- 2) общественные отношения, обеспечивающие безопасность информационных ресурсов;
- 3) общественные отношения, обеспечивающие безопасность использования информационно-телекоммуникационных технологий.

Таким образом, в качестве объекта уголовно-правовой охраны информационную безопасность следует рассматривать как открытую динамичную систему общественных отношений, обеспечивающих реализацию интересов личности, общества и государства в информационной сфере, которая включает в себя: общественные отношения, обеспечивающие реализацию права на информацию и на охрану информации от неправомерного доступа; обще-

ственные отношения, обеспечивающие безопасность информационных ресурсов; общественные отношения, обеспечивающие безопасность использования информационно-телекоммуникационных технологий.

В условиях появления новых вызовов и угроз безопасности информационной сферы, для обеспечения ее адекватной защиты следует обозначить те направления уголовно-правовой политики по противодействию преступлениям против информационной безопасности, которые бы адекватно отвечали сложившимся социальным реалиям. Прежде всего, представляется необходимым в Особенной части УК РФ выделить раздел: «Преступления против информационной безопасности», состоящего из трех глав: «Преступления против права на информацию»; «Преступления против безопасности информационных ресурсов»; «Преступления против безопасности информационно-телекоммуникационных технологий». Таким образом, информационная безопасность будет выступать родовым объектом.

Выделение в разделе главы «Преступления против права на информацию» предопределяется, прежде всего, тем, что значимость информации как новой социальной ценности в информационном обществе достигается посредством ее свободного распространения. Само же право на информацию следует считать самостоятельным личным правом, хотя и нельзя отрицать тесную связь права на информацию с другими видами прав ввиду того, что любая сфера жизни индивида тесно связана с информацией в той или иной форме. Однако право на информацию, состоящее лишь из правомочий свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом без правомочия устанавливать ограничения на доступ к ней будет являться неполным. Это правомочие как элемент права на информацию, хотя и четко не указано в Конституции, но вытекает из нее. Следовательно, правом на информацию следует считать совокупность правомочий граждан, организаций и хозяйствующих субъектов, органов государственной власти и органов местного самоуправления свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, разрешать или ограничивать доступ к информации, обладателями которой они являются, а также определять порядок и условия такого доступа. Указанные выше обстоятельства и выступают методологическими основаниями выделения в системе информационной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны группы общественных отношений, обеспечивающих реализацию права на информацию и охрану информации от неправомерного доступа. Преступления, предусмотренные ст. 137, 138, 140, 144, 155, 183 УК РФ, представляют собой единую систему преступлений, посягающих на право на информацию, и должны быть перемещены в главу «Преступления против права на информацию» раздела «Преступления против информационной безопасности».

Еще одной главой, которую следует включить в раздел «Преступления против информационной безопасности», является глава «Преступления против безопасности информационных ресурсов». Действующее законодатель-

ство не содержит понятия «информационный ресурс», в то время как ранее действовавший закон «Об информации, информатизации и защите информации»¹ определял информационные ресурсы как отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах). По нашему мнению, информационным ресурсом следует считать информацию (сведения), представленную в виде отдельного документа или массива документов (в том числе в электронной форме). Информационный ресурс как объект уголовно-правовой охраны следует рассматривать как общественные отношения, обеспечивающие сохранность, доступность, достоверность информации (сведений) в форме документов на электронных или бумажных носителях». Уголовно-правовой охране информационных ресурсов посвящены отдельные нормы ст. 324 «Приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград», ст. 325 «Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия», ст. 327 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков» УК РФ.

Преступления, предусмотренные вышеуказанными статьями, должны быть включены в единую систему преступлений, посягающих на безопасность информационных ресурсов, и включены в главу «Преступления против безопасности информационных ресурсов».

И, наконец, третьей главой предлагаемого нами раздела должна стать глава «Преступления против безопасности информационно-телекоммуникационных технологий». Нередко можно встретить отождествления понятий «информационно-телекоммуникационных технологий» с «компьютерными технологиями». Представляется, что информационно-коммуникационные технологии включают в себя и компьютерные технологии. Компьютеры отнюдь не единственные технические средства, способные участвовать в процессах поиска, сбора, хранения, обработки, представления, распространения информации. В этой связи, представляется логичным использовать более широкое определение, то есть «информационно-телекоммуникационные технологии». Информационно-телекоммуникационные технологии как объект уголовно-правовой охраны представляют собой общественные отношения, обеспечивающие безопасность процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, представления, распространения информации посредством средств вычислительной техники и информационно-телекоммуникационных сетей.

В настоящий момент на уголовно-правовую охрану информационно-телекоммуникационных технологий направлена, прежде всего, глава 28 УК

¹ Федеральный закон от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 8. – Ст. 609. (утратил силу).

РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Однако нормы этой главы сегодня в наибольшей степени нуждаются в совершенствовании. Для более эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, представляется необходимым, во-первых, исключить из УК РФ практически неработающую ст. 274: «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей»; во-вторых, внести изменения в ст. 272 УК РФ, установив в ней ответственность за неправомерный доступ к электронной информации. Что же касается ст. 273 УК РФ, то она также нуждается в некоторой корректировке. В первую очередь, это касается устранения неточностей в формулировках, изложенных в ч. 1 ст. 273 – необходимо вести речь не о компьютерных программах, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации, а о компьютерной программе, созданной с указанными свойствами. Кроме этого, полагаем, что распространение и использование компьютерных программ и иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации характеризуются большей степенью общественной опасности, нежели создание подобных программ, поэтому это деяние необходимо выделить в квалифицированный состав.

О несформированности уголовной политики в сфере противодействия преступлениям против информационной безопасности свидетельствует включение в главу 28 УК РФ ст. 274¹ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации», непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 274¹ выступают отношения, обеспечивающие безопасность критической информационной инфраструктуры как совокупности объектов, имеющих значение для здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, кредитно-финансовой сферы, топливно-энергетического комплекса, области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности. Возникает вопрос: почему законодатель поместил ст. 274¹ именно в эту главу, необоснованно расширив перечень охраняемых ею объектов. Представляется, что ее следовало бы включить в главу 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», так как по сути ст. 274¹ представляет собой криминализацию кибертерроризма.

Подводя итоги вышеизложенному, следует еще раз подчеркнуть, что Российская Федерация вошла в новую постиндустриальную стадию развития – «информационное общество», становление которого требует переосмысления современной уголовно-правовой политики противодействия преступлениям против информационной безопасности и, следовательно, иерар-

хии охраняемых уголовным законом общественных отношений. Предлагается, что высказанные выше предложения могут быть реализованы при разработке новой редакции Уголовного кодекса Российской Федерации.

Список литературы

Никифоров Б. С. Об объекте преступления // Советское государство и право. – 1948. – № 9. – С. 35-49.

Зубалова О.А.

Противодействие организованным преступным формированиям экстремистской направленности

Combating Organized Criminal Groups of an Extremist Orientation

Аннотация: В статье обосновывается актуальность противодействия деятельности организованных экстремистских формирований в Российской Федерации, рассматриваются общесоциальные и специально-криминологические профилактические меры, определяется роль и основные направления деятельности органов внутренних дел в системе противодействия их деятельности, проблемы и предложения по совершенствованию механизма противодействия деятельности указанных формирований.

Abstract: The article substantiates the relevance of countering the activities of organized extremist groups in the Russian Federation, considers General social and special criminological preventive measures, defines the role and main activities of the internal Affairs bodies in the system of countering their activities, problems and proposals to improve the mechanism of countering the activities of these groups.

Ключевые слова: организованные экстремистские формирования, противодействие, механизм, совершенствование, отношения, причины и условия, межнациональные, межрелигиозные.

Key words: organized extremist formations, counteraction, mechanism, improvement, relations, causes and conditions, interethnic, inter-religious.

Одной из наиболее сложных и напряженных проблем российского общества является распространение экстремизма. Несмотря на то, что в последние годы отмечается тенденция снижения его проявлений, например, количество преступлений экстремистской направленности в 2018 году снизилось на 16 %, показатели характеризующие его качественную составляющую вызывают тревогу. Так, серьезные опасения вызывает рост числа преступлений, совершенных не отдельными лицами, а организованными преступными формированиями экстремистского толка. Такие формирования, как правило, имеют идеологическую или религиозную окраску, финансирование, их деятельность отличается масштабностью и целенаправленностью. Они способны оказывать влияние на настроение в обществе, подрывая тем самым межнациональное, межрелигиозное и конфессиональное равновесие.

В связи с этим, в настоящее время уделяется особое внимание предупредительной деятельности, направленной на устранение причин и условий, способствующих распространению деятельности организованных преступных формирований экстремистской направленности.

Предупреждение деятельности таких формирований целесообразно

рассмотреть в зависимости от следующих уровней: общесоциального и специально-криминологического.

Общесоциальный уровень предупреждения включает в себя комплекс задач, обеспечивающих решение проблем различных отраслей жизнедеятельности (социальных, экономических, политических).

В теории криминологии меры, осуществляемые на общесоциальном уровне, предлагают разделить на несколько подгрупп: социально-экономические, социально-политические, организационно-управленческие, культурно-воспитательные и правовые.

Специально-криминологический уровень предполагает деятельность по устранению конкретных кримиогенных факторов, которые способствуют широкому распространению организованных экстремистских формирований. Такая деятельность включает в себя устранение причин и условий, способствующих распространению деятельности организованных экстремистских формирований; выявление и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц; создания механизмов предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов; подготовка и совершенствование различных по своему содержанию профилактических мероприятий.

Особую роль в обеспечении указанных мероприятий играют органы внутренних дел. При этом, для того чтобы усовершенствовать их деятельность по указанным направлениям необходимо: активизировать деятельность по предотвращению, пресечению, профилактике, раскрытию и расследованию преступлений экстремистской направленности, совершаемых организованными преступными формированиями; эффективней использовать опыт работы других субъектов по профилактике экстремизма; повысить уровень взаимодействия не только с иными правоохранительными органами, но гражданами, общественными организациями по профилактике экстремистских проявлений; повысить эффективность органов государственного контроля и их взаимодействие с правоохранительными органами в противодействии исследуемому явлению; обеспечивать взаимодействие с гражданским обществом и повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам; развивать механизмы общественного контроля, мониторинга, независимой экспертизы в целях предотвращения ксенофобии, социальной, расовой, национальной или религиозной розни; совершенствовать правовое регулирование предупреждения экстремизма; продолжить активную деятельность по пресечению каналов сбыта оружия и выявлению и пресечению банд-групп, незаконных вооружённых формирований и организаторов сообществ, занимающихся преступной деятельностью на территории страны; улучшить работу, связанную с обеспечением оперативной осведомлённости о потенциально кримиогенных лицах, в том числе не имеющих постоянного источника дохода и безработных; обеспечить комплексное развитие правоохранительных органов и специальных служб, укреплять социальные гарантии их сотрудников, совершенствовать

научно-техническую поддержку правоохранительной деятельности, улучшать кадровое обеспечение и уровень профессиональной подготовки сотрудников.

Важное место в осуществлении задач по противодействию деятельности экстремистских групп отводится средствам массовой информации, которые в свою очередь должны всеми доступными ими средствами препятствовать формированию экстремистских настроений в обществе. Вместе с тем, зачастую, мы наблюдаем совсем иную картину, когда представители средств массовой информации при подаче какой-либо информации, связанной с проблемными вопросами экстремизма, сами не корректны в высказываниях, тем самым, сами того не желая, способствуют распространению экстремизма в обществе. В связи с чем можно заключить, что средства массовой информации, к большому огорчению, не играют той роли в обществе, которую на них возлагает общество и государство. В этой связи необходимо проводить серьезную целенаправленную работу с представителями СМИ о правильности подачи той или иной информации, которая бы не способствовала разжиганию межнациональной вражды и розни, и распространению ксенофобии и экстремизма.

Известно, что в настоящее время осуществляется негативное информационно-идеологическое воздействие на личность путем экстремистской пропаганды, в связи с чем, важное значение в предупредительной деятельности имеет разъяснительная работа и оказание, в случае необходимости, психологической помощи населению, а также меры воспитательного характера в отношении граждан.

Особую значимость в этом направлении приобретает деятельность по работе с молодежью, поскольку, известно, что в рядах участников организованных преступных формирований экстремистской направленности преобладают как раз лица молодого возраста.

При этом необходимо:

а) формирование и широкое распространения нового типа молодежной культуры, в основе которой толерантность и взаимопонимание,

б) развитие правовой активности молодежи, «утверждение в ее сознании и поведении позитивных социокультурных ценностей (активной жизненной позиции, познавательных устремлений, нравственных ориентиров, эстетических идеалов и вкусов, а также духовно-сакральных ценностей, противодействующих проявлениям агрессии и экстремизма). При этом необходим комплексный подход к воспитанию гражданственности через создание системы межсекторного социального партнерства с правозащитными и другими неправительственными организациями (НПО);

- формирование гражданской компетентности и демократической культуры во взаимоотношениях правоохранительных органов и общества через организацию широкой информационной компании (информационное сопровождение проекта), нацеленных на обеспечение криминологической безопасности населения и защиту прав человека от любого криминального произвола».

Кроме того, следует повысить взаимодействующую роль правоохранительных органов и молодежи. В этой связи необходимо:

- формирование у представителей молодежи устойчивой мотивации к ситуативному взаимодействию с представителями российской полиции на основе требований международного права, Конституции России, закона РФ «О полиции», других федеральных законов и законов субъектов РФ;

- разработка системы обеспечения молодежной поддержки полицейской реформы через совместные общественные акции учащейся молодежи и местных органов полиции;

- создание основ системы личной убежденности молодого человека в необходимости поддержки полицейской реформы России как гаранта реализации прав и свобод человека и гражданина;

- формирование организационных основ взаимодействия учащейся молодежи и сотрудников полиции по вопросам обеспечения общественной безопасности;

- применение адекватных управленческих подходов в деятельности полиции по вопросам взаимодействия с молодежью;

- разработка системы рекомендательных мер для органов полиции по формированию и укреплению молодежного доверия и поддержки правоохранительной деятельности. повышения уровня взаимной толерантности социальных общностей и полицейских управленческих структур;

- формирование системы эффективных общественно-государственных мер, направленных на снижение уровня правонарушений и преступности в молодежной среде.

Эффективность противодействия экстремистским проявлениям напрямую зависит от того, как на практике выполняются требования федеральных законов по профилактике экстремистской деятельности, направленной на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, на насильственное изменение основ конституционного строя, на нарушение целостности РФ, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований и какая работа ведется по прекращению пропаганды и агитации, возбуждающих национальную и религиозную ненависть и вражду.

Так, в ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в качестве формы профилактического воздействия закреплено правовое просвещение и правовое информирование. Как указано в норме закона субъекты профилактики правонарушений или лица, участвующие в профилактике правонарушений, доводят до сведения граждан и организаций информацию, направленную на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств. При этом законодатель указывает, что такая информация «может доводиться до сведения граждан и организаций путем применения различных мер образовательного, воспитательного, информационного, организационного или методического характера». Такие формы профилакти-

ки, как правовое просвещение и правовое информирование, как представляется, должны дать положительные результаты.

В связи с этим, необходимо заключить, что, важное значение, имеет и деятельность по осуществлению комплексных мероприятий по пропаганде российского законодательства. В том числе особое внимание должно уделяться разъяснению сущности экстремизма, его общественной опасности и вопросам ответственности.

Особое значение в деятельности по противодействию распространению организованных экстремистских формирований приобретает прогнозирование их проявлений, что дает возможность органам внутренних дел контролировать социально-политическую ситуацию и своевременно разрабатывать меры предупреждающего воздействия.

Список литературы

Зубалова О.А. Противодействия экстремизму: проблемы и особенности регионального уровня // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. – С 233.

Пинкевич Т.В. Причинный комплекс криминогенности миграционных потоков в Северо-Кавказском федеральном округе // Российский криминологический взгляд, 2014. № 2(38).

Филитов Н.М. Прогнозирование чрезвычайных криминальных ситуаций, возникших в условиях межнациональных конфликтов /Н.М. Филиппов, Н.М. Якушин, И.Ф. Жевланович // Совершенствование системы экстренного реагирования ОВД на чрезвычайные ситуации. Труды Академии МВД России. М., 1995

Илюк Е.В.

Секты и правоприменительная практика

Sects and Law Enforcement Practice

Аннотация: В отношении деструктивных религиозных организаций используется термин «секта», который имеет негативный оттенок, термин «новые религиозные движения» является неточным, к ним нередко относят и не новые, и не религиозные, и не движения. Термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» не имеют четкого и определенного значения. В судебной практике признано, что отнесение какой-либо организации к «сектам» наносит ущерб деловой репутации. Основания для признания деятельности религиозной организации противозаконной содержатся в законодательстве, что дает основания для запрета деятельности организации и признания материалов экстремистскими.

Abstract: Term «sects» used to describe destructive religious organizations has negative connotations. The alternative term «new religious movements» is inaccurate, since they include the organizations that are not new, not religious, and not movements. The terms «totalitarian sect» and «destructive cult» do not have a clear and definite meaning. The courts admit that the classification of an organization as a «sect» is detrimental to business reputation. The legal grounds for recognizing the activities of a religious organization illegal led to prohibition the activities of the organization and declaring its materials extremist.

Ключевые слова: секта, деструктивная религиозная организация, экстремистские материалы, новые религиозные движения.

Key words: sect, destructive religious organization, extremist materials, new religious movements

Термин «секта» означает более мелкие, обособленные группы верующих внутри какой-либо религии¹. В религиоведении и социологии религии термин секта (лат. secta - школа, путь, учение, направление) имеет нейтральное значение и обозначает оппозиционное течение по отношению к тем или иным религиозным направлениям. Секта (от латинского «secta» - образ жизни, направление) – это религиозная группа, существующая независимо или отделившаяся от основной конфессии.

Термин «тоталитарная секта» был введен А. Л. Дворкиным². Термины «деструктивный культ», «тоталитарная секта» не являются юридическими терминами с четким, точным и определенным содержанием, что является обязательным требованием к юридической терминологии. Эти термины используются в средствах массовой информации и представителями основных религий.

Если в США и европейских странах к термину и к новым религиозным движениям нет негативного отношения, в России термины «секта», «культ» имеют явно негативный оттенок³, что нашло отражение в судебной практике. В отношении сторонников движений стал использоваться непривычный иностранный термин «адепт» (adept) вместо нейтральных и привычных слов последователь, сторонник, верующий⁴.

Согласно решению Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации № 4 (138) от 12 февраля 1998 г. и Постановлению Конституционного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П. неоправданное использование термина «секта» в отношении конкретной религиозной организации противоречит нормам морали и этики. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации говорит о недопущении со стороны государства легализации сект, нарушающих права человека и совершающих незаконные и преступные деяния.

21 февраля 2018 года в г. Короча Корочанским районным судом Белгородской области по делу № 2-1/2018 было вынесено решение по иску о защите деловой репутации. В статье «Белгородская область под гипнозом саентологов» на интернет-сайте и группе ВКонтакте, в видеороликах «Под гипнозом. Часть 1» на интернет-сайте YouTube содержались сравнения «Школы менеджмента...» с Хаббардистским центром, ООО и ОАО <> сравнивали с тоталитарной сектой. Фрагмент содержит утверждения о том, что АНО «Школа Менеджмента» является опасной сектой. Авторы видеоматериала утверждают, что все жители Белгородской области лишены информации о том, какого рода сведения получают учащиеся данной бизнес-школы. Подобная информация, несомненно, вызывает негативное отношение к деятельности любого учебного заведения. Судебным решением было признано, что сведения, изложенные в статье и видеороликах, являются порочащими, поскольку содержат утвержде-

¹ Кантеров И.Я. Новые религиозные движения. М.: Юрайт, 2019. С. 46.

² Там же. С.54.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 56

ния о нарушениях ОАО < >, ООО < > и АНО «Школа Менеджмента...» действующего законодательства, совершении нечестных поступков, неправильном, неэтичном поведении в общественной жизни, недобросовестности при осуществлении деятельности, нарушении этики. Сравнение с тоталитарной сектой усиливает негативное впечатление о взаимоотношениях работников компании и их руководителей, которые, в свою очередь, ущемляют права человека как при приеме на работу, так и в процессе работы, подавляя демократическую свободу и устанавливая суровый режим.

Негативные сведения такого рода приводят к отрицательной оценке деятельности истцов и умаляют их деловую репутацию. Негативная оценка усугубляется утверждением о противостоянии саентологической секты, с которой сравнивается группа компаний < > и православной церкви.

Порочащий характер сведений, изложенных в статье и видеороликах, подтверждается Заключением лингвиста. Все анализируемые высказывания, негативно характеризующие организацию работы компании и Школы менеджмента, содержат утверждения, основной смысл и целевое назначение всех исследуемых фрагментов текста заключается в негативной характеристике деятельности группы компаний < > и АНО < > «Школа Менеджмента...», что порочит деловую репутацию. Как пояснил представитель истцов группа компаний < > и АНО «Школа Менеджмента...» в своей деятельности не нарушали требований законодательства, норм этики и морали. Истцы не являются тоталитарной или какой-либо иной сектой, их деятельность не представляет опасности для работников и общества. Истцы не подвергают своих сотрудников психофизическому насилию, не допрашивают их и не проводят над ними эксперименты, это подтверждается содержанием их уставов, согласно которым они не относятся к религиозным организациям, не имеют каких-либо целей или видов деятельности, связанных с мистикой или религией. Суд решил иск о защите деловой репутации удовлетворить в части.

Наряду с рассмотренными выше терминами используется термин «новые религиозные движения». Причем нередко к «новым религиозным движениям» относят совсем не новые (например, мормоны), и даже не религиозные, а культурно-образовательные, оздоровительные, и даже не движения (с позиции гражданско-правового законодательства, ст. 123.7-1 ГК РФ). Религия — это одна из форм общественного сознания, совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы (*богов, духов*), являющихся *объектом поклонения*¹. Если человек верит в сверхъестественные силы — не являющиеся богами или духами, или, признавая возможность или существование сверхъестественных сил, не поклоняется им — это не религиозные действия. Нередко к новым религиозным движениям относят образовательные организации, которые не считают себя религиозными, либо наоборот, «религиозность» организации бывает достаточно сомнительной и статус «религиозной» руководители стремятся приобрести для

¹ Кантеров И.Я. Указ. соч. С. 46.

получения налоговых льгот. Вследствие этого термин «новые религиозные движения» нельзя признать удачным юридическим термином.

Манипулирование сознанием осуществляется не только в религиозных сектах и деструктивных культах. Аферы совершались крупными коммерческими и финансовыми организациями, финансовыми пирамидами. А сексуальные злоупотребления совершались не только в культах, но и в других сферах общественной жизни. Тем не менее, никто не заявлял о причислении этих образований к разряду деструктивных культов.

При описании деятельности новых религиозных движений термины положительно-окрашенные или нейтральные заменяются на негативные — «вербовка», «промывка мозгов». Если самоубийство совершит член секты — этот факт свяжут с влиянием секты, если последователь традиционной религии — на его религиозную принадлежность никто не обратит внимание.

Что касается характера противоправных деяний, то они четко закреплены в статьях 14, 24.2 ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях», ст. 8 ФЗ РФ «О противодействии экстремистской деятельности». При наличии данных фактов предусмотрена ликвидация или запрет деятельности организации.

В 2018-2019 гг. суды рассматривали ряд дел в отношении деструктивных религиозных организаций, что вызвало обсуждение в обществе и средствах массовой информации и разделило общество на тех, кто не понимает, за что «преследуют верующих христиан, изучающих Библию», и тех, кто видит общественную опасность настойчиво и агрессивно насаждаемой религиозности со стороны зарубежных проповедников. Следует отметить, что общественная опасность деструктивных религиозных организаций недостаточно разъясняется населению в средствах массовой информации (исключением является сериал «Секта»).

Проявления общественной опасности деструктивных религиозных организаций сформулированы в ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 01.05.2019) "О свободе совести и о религиозных объединениях» как основания для ликвидации и запрета на деятельность, а также в ч. 6 ст. 24.2, в которой указаны ограничения при осуществлении Миссионерской деятельности:

- нарушение общественной безопасности и общественного порядка;
- действия, направленные на осуществление экстремистской деятельности;
- принуждение к разрушению семьи;
- посягательство на личность, права и свободы граждан;
- нанесение установленного в соответствии с законом ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе использованием в связи с их религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий;
- склонение к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии;

- воспрепятствование получению обязательного образования;
- принуждение членов и последователей религиозного объединения и иных лиц к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения;
- воспрепятствование угрозой причинения вреда жизни, здоровью, имуществу, если есть опасность реального ее исполнения, или применения насильственного воздействия, другими противоправными действиями выходу гражданина из религиозного объединения;
- побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий и другие.

Ст. 8 Федерального закона РФ от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» предусматривает внесение предупреждения о недопустимости таких действий либо такой деятельности при распространении через средство массовой информации экстремистских материалов. В соответствии со ст. 7 деятельность религиозного объединения может быть приостановлена, религиозная организация может быть ликвидирована, а деятельность религиозного объединения может быть запрещена по основаниям, указанным в ст. ст. 9, 10 Закона «О противодействии экстремистской деятельности».

В случае осуществления общественным или религиозным объединением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующие должностное лицо или орган с момента их обращения в суд по основаниям, предусмотренным статьей 9 настоящего Федерального закона, с заявлением о ликвидации общественно-религиозного объединения либо запрете его деятельности вправе своим решением приостановить деятельность общественно-религиозного объединения до рассмотрения судом указанного заявления.

Ст. 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», п. 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313, на Минюст России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов. Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу.

Так, религиозная организация «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и всех его 395 отделений признана экстремистской и запрещена на территории России решением Верховного суда России от

20.04.2017; религиозное объединение «Орда», расположенное в Челябинской области, Кизильский район, п. Измайловский, решением Кизильского районного суда Челябинской области от 21.12.2012; религиозная группа «Благородный Орден Дьявола» решением Верховного Суда Республики Мордовия от 27.12.2010¹.

6 марта 2018 года в г. Уфа Октябрьский районный суд г. Уфы Республики Башкортостан удовлетворил административное исковое заявление прокурора Республики Башкортостан к незарегистрированному религиозному объединению «Орда» о прекращении и запрете деятельности, ликвидации незарегистрированного религиозного объединения, признал информацию о методике движения «Ата-Жолы» информацией, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации. В судебном заседании было установлено: первоначально люди, приходящие в «Ата-Жолы» получают «благословение», при этом их поят «святой водой», после принятия которой отмечается резкое ухудшение самочувствия. Одновременно людям начинают внушать, что он обладает пророческим и целительным даром и может лечить людей от различных недугов. В ходе повторных посещений, потенциальному адепту ставятся диагнозы каких-либо болезней тела и духа, от которых необходимо излечиться, посетив от 10 до 30 бесплатных сеансов (однако на деле широко распространена практика внесения добровольных пожертвований). При проведении сеансов используется синтез христианства и ислама с обязательным поклонением неким святым. При проведении сеансов последователи учения, не имея высшего медицинского образования и лицензии на право занятия целительской деятельностью методами народной медицины, ставят посетителям диагнозы заболеваний сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, опорно-двигательного аппарата. Диагностика проводится путем общения лекарей с умершими предками адепта, без какой-либо диагностической аппаратуры, сдачи и изучения анализов, что при неблагоприятном раскладе может отразиться на жизни и здоровье граждан. Пациентам рекомендуется не обращаться за помощью в медицинские учреждения и не принимать лекарственные препараты даже при наличии действительных заболеваний, диагностированных медиками. Излечение проводится через молитвы предкам, употребление «святой воды» и камчевание (ритуальные удары плеткой). Самым действенным средством исцеления, следуя методике данной организации, является паломничество к могилам святых предков как на территории РБ, так и в Туркестане (предположительно районы Южного Казахстана). Три таких паломничества приравниваются к совершению Хаджа в Мекку. После совершения паломничества в Туркестан адепт становится «аулие» (святым) и сам может исцелять людей. Стоимость поездки в Туркестан составляет около 20 000, 00 рублей. В случае отказа от совершения паломничества внушается, что с ним и его близкими обязательно произойдут несчастья. Факты отказа от прохождения медицинского лечения, обещания гражданам излечения

¹ <https://minjust.ru/ru/extremist-materials>; <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html> (дата обращения 01.07.2019)

от разных болезней (в том числе тяжелых и хронических) с помощью ритуалов религиозного характера, а именно: камчевания, окуривания, ритуальных молитв предкам, употребления для исцеления порошка, не являющегося лекарственным средством, без надлежащей информации о его химическом составе и фармакологическом действии, показаний к применению, учета особенностей, организма и состояния здоровья гражданина, отказа от родственных связей, исполнения обязанностей по воспитанию детей, понуждения к поездкам в Казахстан под внушением угрозы возможных несчастий с близкими людьми подтверждаются также вступившими в законную силу решениями судов.

Согласно клинико-психопатологическому и психологическому заключению специалистов Башкирского государственного медицинского университета, в действиях лидеров «Ата жолы» имеются факты несанкционированного и нелегального использования психотехнологий с изменением сознания, которые могут нанести вред психическому и физическому состоянию граждан, подвергавшихся данному воздействию.

Из заключения специалистов Института нефтехимии и катализа Российской академии наук следует, что порошок (используемый для лечения в «Орде») состоит из смеси размолотого сахара и семян растения белена черная (ядовитое растение, обладающее галлюциногенными свойствами).

Согласно заключениям судебно-психиатрических экспертиз, проведенных в рамках возбужденных и расследованных уголовных дел по признакам ч.1 ст. 239 УК РФ, ряду адептов данного движения был причинен тяжкий вред здоровью, выразившийся в развитии на фоне имеющихся акцентуированных личностных черт психического расстройства в форме расстройства типа зависимой личности, зависимого поведения с подчинением руководителю объединения, групповой социальной изоляцией, замкнутостью, сужением круга общения, перекладывание решений своих проблем на руководителя, стойким характером сформированных установок, эмоциональной лабильностью, внушаемостью, наличием сверхценных идей, не критичностью к учению объединения. Таким образом, адепты подвергаются специальным приемам психологического воздействия в виде внушения, формирования чувства вины и стыда для установления постоянного контроля над их сознанием. Практика, осуществляемая объединением «Орда» носит псевдоцелительский характер, осуществляется лицами, не имеющими высшего медицинского образования¹.

07 декабря 2017 года г. Межгорье Белорецкий межрайонный суд Республики Башкортостан вынес постановление по делу 2а-2586/2017 ~ М-2599/2017 о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении А., представителя религиозного объединения «Орда», тождественному религиозному объединению «Ата Жолы», в совершении преступления, предусмотренного 4.1 ст. 239 УК РФ - создание религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с иным причинением вреда здо-

ровью граждан, а равно руководство таким объединением, за примирением сторон, то есть по не реабилитирующим обстоятельствам; административное исковое заявление прокурора ЗАТО г. Межгорье, к религиозной группе «Путь предков» о прекращении и запрете деятельности религиозной группы – решение - удовлетворить; прекратить деятельность религиозной группы «Путь предков», осуществляемую на территории г. Межгорье Республики Башкортостан, запретить деятельность религиозной группы «Путь предков», осуществляемую на территории г. Межгорье Республики Башкортостан¹. Суд установил, что нарушения федерального законодательства в деятельности религиозной группы «Путь предков» носят неустранимый характер, поскольку основу учения составляют методики и культовые практики, носящие псевдоцелительский характер. Они выработаны без поправки на психическое и психологическое состояние адептов, могут вызвать зависимость от руководителей организации, что подтверждается многочисленными заключениями специалистов при рассмотрении аналогичных дел различными судами Республики Башкортостан и других субъектов Российской Федерации. Последствия приверженности к данной общественной организации могут вызвать ближайшие и отдаленные последствия в виде поведенческих расстройств, отказа от исполнения обязанностей, разрыва с семьей и ближайшим окружением, не разделяющими взгляды адепта.

Список литературы

Кантеров И.Я. Новые религиозные движения. М.: Юрайт, 2019.

Клейменов И. М.

Уголовно-правовое реагирование на преступления коррупционной направленности

Criminal Law Response to Corruption Crimes

Аннотация: в статье показывается, что существующая практика уголовно-правового реагирования на коррупционные преступления далека от совершенства и укладывается в содержание псевдогуманистической модели.

Abstract: the article shows that the existing practice of criminal law response to corruption crimes is far from perfect and fits into the content of pseudo-humanistic model.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная преступность, прогнозирование, уголовная политика, гуманизм, репрессия.

Key words: corruption, corruption crime, forecasting, criminal policy, humanism, repression.

Центральной частью противодействия экономической преступности выступает борьба с коррупцией. Главным ее ресурсом («мотором») является практика назначения наказания за преступления коррупционной направленности. Выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование

¹ <https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-ufy-respublika-bashkortostan-s/act-581255320/> (дата обращения 01.07.2019)

¹ <https://rospravosudie.com/court-beloreckij-gorodskoj-sud-respublika-bashkortostan-s/act-566536078/> (дата обращения 01.07.2019)

коррупционных преступлений есть только «прелюдия» к главному акту «юридического действия» - назначению наказания.

Сведения о рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности включены в статистическую отчетность в качестве отдельной формы судебной отчетности (ф.10.4.1) в 2011 г.¹ К сожалению, в ней представлены довольно скудные данные, не отражающие в полной мере структуру коррупционных уголовных правонарушений. Тем не менее, обращаясь к материалам таблицы 20, составленной на основе сводки показателей судебной деятельности по форме 10.4.1, можно сформулировать, по крайней мере, два вывода.

Таблица 1.

Число осужденных за преступления коррупционной направленности за 2012-2018 гг. по основной квалификации

Коррупционные преступления	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
всего	6014	8607	10784	11499	10975	17334	16607
по составам 204-204.2, 290 – 291.2 УК РФ	3860	5249	6876	7715	6605	8598	8351

Источник: Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>.

Первый вывод вытекает непосредственно из анализа сведений, представленных в таблице 1: можно констатировать тенденцию к росту судимости за преступления коррупционной направленности. Такая тенденция является достаточно очевидной, хотя выражена в сравнительно небольших цифрах.

Второй вывод является итогом сопоставления данных о числе коррупционных преступлений лиц, выявленных за их совершение, а также о количестве осужденных граждан. Оно указывает на то, что коррупционных преступлений регистрируется больше, чем лиц, в отношении которых возбуждаются уголовные дела (соотношение по составам 204-204.2, 290 – 291.2 УК РФ в 2012 г. – 2,20, в 2013 г. – 1,84, в 2014 г. – 1,57, в 2015 г. 1, 65, в 2016 г. – 1,77), а число осужденных заметно меньше количества привлеченных к уголовной ответственности (соотношение по составам 204-204.2, 290 – 291.2 УК РФ в 2012 г. – 0,75, в 2013 г. – 0,68, в 2014 г. – 0,80, в 2015 г. 0,85, в 2016 г. – 0,76). Иными словами, на «входе» в систему уголовной юстиции показатели существенно выше, чем на «выходе». По всей вероятности, в «черном ящике» судебной юстиции происходят процессы, которые купируют уголовно-правовые риски коррупционеров.

В этой связи возникает закономерное стремление заглянуть в этот «черный ящик», по возможности исследовать механизм принятия уголовно-

¹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 10.06.2011 № 115 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности судов общей юрисдикции и судимости и форм статистической отчетности о деятельности судов и судимости» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

правовых решений. В определенной степени это можно сделать, обратившись к сведениям об относительном числе оправданных в результате рассмотрения уголовных дел о коррупции (табл. 2).

Таблица 2.

Относительное число оправданных и прекращенных дел в результате судебного рассмотрения преступлений коррупционной направленности за 2012-2016 гг., в %

Коррупционные преступления	2012	2013	2014	2015	2016
всего	1,01/4,95	1,17/4,89	0,85/6,08	0,60/6,32	-
по составам 204-204.2, 290 – 291.2 УК РФ	1,14/2,69	0,87/2,30	0,43/2,71	0,21/3,41	-

Примечание: 1. В клетках таблицы приведены дроби, в числителе которых относительное число оправданных лиц, в знаменателе – относительное количество прекращенных дел.

Из таблицы 2 усматривается, что относительное число оправдательных приговоров снижается, зато увеличивается относительное количество прекращенных уголовных дел. Поскольку основная масса дел о коррупции прекращается в судебных инстанциях по не реабилитирующим основаниям, то можно констатировать наличие выработанной правоприменительной практикой теневого механизма освобождения коррупционеров от уголовной ответственности, когда сроки расследования преступлений коррупционной направленности искусственно затягиваются и сроки давности истекают при поступлении дела в суд.

В таблице 2 отсутствуют сведения за 2016 г. Это обусловлено изменением формы 10.4.1 – в новой ее редакции соответствующие данные не представлены. В то же время в нее включены материалы о количестве дел, рассмотренных в особом порядке (в соответствии с положениями глав 40 и 40.1 УПК РФ). Их общее число составляет 6907 (34,7%) по всем составам коррупционных преступлений и 4501 (43,2%) по составам 204-204², 290 – 291² УК РФ. Таким образом, механизм вынесения судебных решений по уголовным делам о коррупционных преступлениях включает в себя и этот аспект: упрощенный порядок вынесения обвинительного приговора.

В новой форме статистической отчетности 10.4.1 приведены более подробные (чем в предыдущей форме) сведения о видах наказаний, назначенных судом лицам, уличенным в коррупции. Обратимся к их рассмотрению.

Таблица 3.

Реальное лишение свободы, назначенное коррупционерам, осужденным по основной квалификации в 2018 г., абс. и в %

Параметры	Осуждено	Всего л/св	к до 1 года	от 1 до 2	от 2 до 3	от 3 до 5	от 5 до 8	от 8 до 20	от 10 до 15
абс.	16607	1383	102	272	339	309	243	21	4
в %	100	8,3	0,6	1,6	2,0	1,8	1,5	0,1	0,02

Как видим, реальное лишение свободы применяется только к двенадцатой части коррупционеров, при этом 73% из них осуждено к лишению свободы сроком не свыше 5 лет. Для сравнения: по ст. 158 «Кража» в 2018 г. осуждено к лишению свободы почти в четыре раза больше преступников – 31, 7%. Такое соотношение свидетельствует о недооценке общественной опасности коррупционной преступности и фактически дезавуирует провозглашенный тезис о том, что коррупция является системной угрозой национальной безопасности.

В таблице 4 представлены сведения об основных видах наказания, назначенных коррупционерам (кроме реального лишения свободы) в 2016 г.

Таблица 4.

Основные виды наказания, назначенные коррупционерам (кроме реального лишения свободы) в 2018 г., абс и в %

Осужденные всего	Условное лишение свободы	Условное осуждение к иным мерам	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф	Судебный штраф
16607	2630	43	56	191	17	4210	930

Из таблицы усматривается, что в качестве основных наказаний лидирует штраф, на втором месте – условное лишение свободы. Именно они составляют большую часть карательной практики по отношению к лицам, осужденным за коррупционные преступления.

Дополнительно обращаясь к материалам таблицы 5, можно констатировать, что карательная практика по отношению к лицам, осужденным за коррупционные преступления, в целом характеризуется исключительным гуманизмом. Активно применяются институты, смягчающие наказание (и без того не слишком суровое). Даже штраф в 4,2% случаев назначается ниже низшего предела. Что же касается конфискации имущества, то она в 2018 г. применялась только по отношению к 1,8% осужденных.

Таблица 5.

Наказуемость коррупционеров 2018 г., кроме основных наказаний, абс.

Осужденные всего	Наказание ниже низшего предела	Лишение права (ст.47,48 УК)	Конфискация имущества	Штраф (доп. наказание)	Ограничение свободы (доп. наказание)	Не применено обя. доп. наказание
16607	746	1205	296	860	9	458

Для того, чтобы более полно реализовать стремление заглянуть в «черный ящик» судебной юстиции, по возможности исследовать механизм принятия судебных решений необходим соответствующий научный инструментарий. Поиски такого инструментария привели к концепции уголовно-

правового реагирования¹. В этой концепции уголовно-правовое реагирование понимается как реализацию уголовно-правовых норм по отношению к лицам совершившими преступления, как «специальная деятельность государства, реагирующего на факты нарушения устанавливаемых им уголовно-правовых запретов посредством использования возможностей, заложенных в уголовном праве»². Иначе говоря, уголовно-правовое реагирование есть реакция государства на совершенные преступления в виде привлечения к уголовной ответственности и осуждения. Механизм уголовно-правового реагирования можно представить в виде последовательности стадий: возбуждения уголовного дела, освобождения от уголовной ответственности, назначения уголовного наказания, освобождения от наказания, исполнения наказания, приведения приговора в соответствие с новым уголовным законом, улучшающим положение осужденного. Для выполнения задач диссертационного исследования наиболее важное значение имеют замечания автора концепции относительно характеристики видов уголовно-правового реагирования: отсутствие реагирования (ОР); очень слабое реагирование (ОСР) - количество осужденных не превышает 10; слабое реагирование (СР) - число осужденных является небольшим, исчисляется десятками; адекватное реагирование (АР) - число осужденных и меры наказания соответствуют криминологической характеристике преступления; интенсивное реагирование (ИР) - норма реализуется в условиях возможности обеспечения неотвратимости наказания; карательное реагирование (КР) - норма применяется на основании «буквы, а не духа» закона; рефлексивное реагирование (РР) - назначение наказания «своим» в условиях повышенного общественного внимания, «резонансности» дела; простестное реагирование (ПР) - судебная практика входит в конфликт с непродуманными законодательными новеллами³.

Необходимо также оговориться, что анализ судебной практики целесообразно осуществлять, опираясь на авторскую классификацию преступлений коррупционной направленности, сформулированную в главе первой настоящей работы. Это не только соответствует логике диссертационного исследования, но и дает возможность более основательно познать механизм уголовно-правового реагирования на коррупционную преступность: чем больше деталей оказывается в поле научного анализа, тем достовернее формулируемые выводы.

Обратимся к изучению практики назначения наказаний за отдельные группы преступлений коррупционной направленности (табл.б).

Сравнительно высокими показателями характеризуется практика уголовно-правового реагирования на экономические коррупционные преступления, в особенности традиционные – мошенничество, присвоение или растрату, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем.

¹ Клейменов И.М. Уголовно-правовое реагирование // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 3 (48). С.192-200.

² Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003

³ Там же.

Таблица 6.
Практика назначения наказания за экономические коррупционные преступления абс. (медианные значения за 2012-2018 гг.)

Виды преступлений (ст. УК РФ)	Выявленные лица	Осужденные	Реальное лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф (основное наказание)	Иные меры
159	27365	19669	5678	6421	363	1065	1276	2056	110
159.1	6125	2074	190	234	239	240	347	326	498
159.2	6212	1720	131	495	207	154	339	333	161
159.3	375	154	19	55	7	17	18	9	29
159.4 Д	715	266	47	49	36	19	10	18	87
159.5	221	108	12	37	2	3	7	18	34
159.6	135	78	15	20	1	3	7	14	18
160	13831	8476	847	3365	129	338	624	1548	30
170	3	0	0	0	0	0	0	0	0
174	81	22	0	0	0	0	0	21	1
174.1	695	18	7	4	0	0	0	5	1
175	2572	1710	190	278	30	172	368	567	105
183	129	41	16	7	0	3	0	12	3
184	0	0	0	0	0	0	0	0	0
188 Д	0	0	0	0	0	0	0	0	0
194	167	56	10	3	0	0	2	28	15
200.1	100	35	0	0	6	0	0	22	7
200.2	8	3	0	0	0	0	0	2	1
226.1	274	206	91	89	0	0	0	23	3
229.1	539	414	326	76	1	1	0	10	0

В то же время совершенно отсутствует судебная практика по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 170 «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом» и 184 «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», что, на наш взгляд указывает на отсутствие должной мотивации у сотрудников правоохранительных органов по выявлению и раскрытию таких преступлений (или, может быть, на существование контрмотивации).

Слабое уголовно-правовое реагирование характеризует судебную практику в плане противодействия легализации денежных средств или иного имущества, полученного преступным путем (ст.174, 174¹ УК РФ), а также контрабанде (194, 200¹, 200², 226¹, 229¹ УК РФ). Противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, скорее имитируется - несмотря на международно-правовые обязательства (ратификацию Российской

Федерацией Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности)¹ и существование мощной организационной структуры - Росфинмониторинга².

Что же касается противодействия контрабанде, то оно, несмотря на процесс ее криминализации (в настоящее время действуют четыре статьи УК РФ вместо одной - 188), не достигло соответствующих показателей уголовно-правового реагирования: эти показатели практически вдвое меньше, чем в 2010 г., последнем году перед декриминализацией ст. 188 УК РФ в 2011 г.

Декриминализацию ст. 188 УК РФ «Контрабанда» объясняют вхождением России в ВТО и созданием Таможенного союза³. Однако не следует игнорировать и влияние криминального лобби: декриминализация ст. 188 УК РФ повлекло освобождение от уголовного преследования множества лиц, причинивших стране ущерб, причиняемый миллиардами рублей⁴. Ошибочность декриминализации ст. 188 УК РФ косвенно признана самим законодателем: «не прошло и двух лет после принятия такого «оригинального» решения, как законодатель начинает устранять образовавшиеся пробелы в правовой системе противодействия контрабандной интервенции»⁵.

Отмывание доходов, полученных преступным путем, контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей – это сферы деятельности организованной преступности и выявленные низкие показатели – свидетельство слабой уголовно-правовой политики в этом направлении. Такую уголовно-правовую политику можно охарактеризовать как «уклонистскую». Иными словами, государство в лице правоохранительных и судебных органов уклоняется от надлежущей (активной, эффективной) борьбы с отмыванием доходов, полученных преступным путем, контрабандой и уклонением от уплаты таможенных платежей. Такая пораженческая политика не может продолжаться долго, поскольку не отвечает вызовам современности и угрожает национальной безопасности. В этой связи актуален уголовно-правовой прогноз о высокой вероятности резкой активизации в обозримой перспективе применения ст. 174, 174¹ УК РФ, а также дополнения УК РФ рядом новых статей, предусматривающих ответственность за контрабанду: ст. 200³ «Экономическая контрабанда», ст. 243² «Контрабанда культурных ценностей» и др.⁶

¹ Федеральный закон от 26.04.2004 № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» // Рос. газета. 2004. 29 апр.

² Указ Президента РФ от 13.06.2012 N 808 (ред. от 08.03.2016) «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» (вместе с «Положением о Федеральной службе по финансовому мониторингу») // Собрание законодательства РФ. 2012 № 25 Ст. 3314.

³ Карпович О.Г. Уклонение от уплаты таможенных сборов: современное состояние и способы противодействия // Таможенное дело. 2017. № 2. С. 26 - 28.

⁴ Скачко А. В. Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей: стратегические направления уголовно-правовой политики противодействия им в современной России. Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. Краснодар, 2017 С. 4.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Там же. С. 16-23.

Своеобразным «центром» коррупционной преступности является совокупность служебных коррупционных преступлений, что имеет бесспорную историческую и юридическую традиции: еще в древние времена взяточничество и иные должностные преступления с корыстной мотивацией относились к угрозам государственной власти и строго карались¹. В настоящее время борьба с коррупцией в некоторых государствах может служить примером эффективного сочетания профилактических и карательных мер. В частности, по мнению специалистов, опыт КНР в сфере противодействия коррупции представляет ценность в дискурсе верховенства права, неотвратимости наказания и отсутствии избирательного правосудия в отношении коррупционеров².

Этого не скажешь, анализируя практику назначения наказания за служебные преступления коррупционной направленности (табл. 7).

Рассматривая сведения, представленные в таблице, следует, прежде всего, отметить отсутствие уголовно-правового реагирования на преступления, предусмотренные ст. 285² УК РФ «Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов». Между тем, судя по опросу сотрудников уголовно-исполнительной системы, такое преступление только в УИС совершается не менее, чем пятой частью лиц, распоряжающихся соответствующими средствами³.

Как усматривается из таблицы, очень слабое уголовно-правовое реагирование следует при выявлении преступлений, предусмотренных ст. 285¹ «Нецелевое расходование бюджетных средств», ст. 285³ «Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений», ст. 289 УК РФ «Незаконное участие в предпринимательской деятельности». По существу, эти нормы антикоррупционной направленности не применяются. И главной причиной такого бездействия является, на наш взгляд, сложившаяся практика избирательного правоприменения: ст. 285¹ - 285³ УК РФ адресованы тем субъектам, которые обладают достаточно высокими должностными полномочиями. В определенной степени это суждение подтверждается показателями применения ст. 285 УК РФ, которые представлены в таблице: они в целом характеризуют очень гуманное отношение к лицам, злоупотребляющим должностными полномочиями – почти половина из них в дальнейшем освобождается от уголовной ответственности. И более половины освобождается от уголовной ответственности лиц, занимающих государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно являющихся главой органа

местного самоуправления (сведения о них приведены в скобках строки второй рассматриваемой таблицы).

Таблица 7.

Практика назначения наказания за служебные коррупционные преступления, абс. (медианные значения за 2012-2018 гг.)

Виды преступлений (ст. УК РФ)	Выявленные лица	Осужденные	Реальное лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф (основное наказание)	Иные меры
285	1189	464 (54)	36 (7)	59 (8)	0	0	0	143 (8)	226 31
285.1	32	3	1	-	-	-	-	-	2
285.2	4	0	0	0	0	0	0	0	0
285.3	17	2	0	0	0	0	0	1	1
286	2152	1388	239	529	3	0	2	422	193
289	18	3	0	0	0	0	0	1	1
290	2009 (12)	1702 (9)	401 (3)	427	0	5	0	746	523
291	4461	3238	259	230	0	0	0	2156	593
291.1	299	124	12	34	1	0	0	77	0
291.2	1779	1115	16	12	35	79	0	864	9
292	2851	523	6	55	0	12	0	369	81
322.1	1141	891	73	103	0	0	12	449	254
322.2	1361	486	4	17	1	0	0	286	178

Характерно, что лица, занимающие государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно являющиеся главой органа местного самоуправления крайне редко выступают субъектами получения взятки (ст. 290 УК РФ) в среднем за 2012-2018 гг. всего в 12 случаях.

Таким образом, следует констатировать избирательность правоприменения за служебные преступления коррупционной направленности – основная тяжесть уголовно-правового реагирования приходится на рядовых должностных лиц – на «мух», если пользоваться китайской терминологией уголовной политики борьбы со взяточничеством, борьба с «тиграми» практически не осуществляется. Соответственно можно сформулировать и уголовно-правовой нормативный прогноз, который ставит задачу выдвижения главного приоритета борьбы с коррупцией – привлечения к уголовной ответственности коррупционеров из числа лиц, занимающих государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно являющихся главой органа местного самоуправления.

¹ Всеобщая история государства и права. Учебник для вузов в двух томах. Том 1. Древний мир и средние века / Под редакцией В. А. Томсинова. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2011. С. 83; Покровский И. А. История римского права. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1998. С. 126;

² Севальнев В.В. Антикоррупционное законодательство Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой аспект // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 151 - 157.

³ Хохрин С.А. Аспекты правовой характеристики преступлений сотрудников пенитенциарной системы // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 135 - 140.

Список литературы

Всеобщая история государства и права. Учебник для вузов в двух томах. Том 1. Древний мир и средние века / Под редакцией В. А. Томсинова. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2011.

Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003.

Карпович О.Г. Уклонение от уплаты таможенных сборов: современное состояние и способы противодействия // Таможенное дело. 2017. № 2.

Клеймёнов И.М. Уголовно-правовое реагирование // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 3 (48). С.192-200.

Покровский И. А. История римского права. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1998.

Севальнев В.В. Антикоррупционное законодательство Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой аспект // Журнал российского права. 2015. № 10.

Скачко А. В. Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей: стратегические направления уголовно-правовой политики противодействия им в современной России. Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. Краснодар, 2017.

Хохрин С.А. Аспекты правовой характеристики преступлений сотрудников пенитенциарной системы // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1.

Лебедь А. Л.

Уголовная политика в сфере преступлений против собственности

Criminal Policy in the Field of Property Crimes

Аннотация. Статья посвящена современному состоянию уголовно-правовой политики в сфере преступлений против собственности. Выделены основные тенденции ее формирования и связанные с ними проблемы. Уголовно-правовая политика в исследуемой сфере рассматривается через призму криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности за преступления против собственности. Исследуется современное состояние главы 21 «Преступления против собственности» Уголовного кодекса РФ с учетом изменений с момента принятия Уголовного кодекса РФ 13.06.1996.

Abstract. The article is dedicated to the current state of criminal law policy in the field of property crimes. The author highlights the main trends of its development and related. Said criminal law policy is viewed through the lens of criminalization, penalization and differentiation of criminal responsibility for property crimes. Author examines the current state of Chapter 21 «Crimes against property» of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the changes made since the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation on 13.06.1996..

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, преступления против собственности, криминализация, пенализация, дифференциация.

Key words: criminal law policy, property crimes, criminalization, penalization, differentiation

Уголовная политика в сфере преступлений против собственности, законодательно регламентируемых со времен Русской Правды, традиционно находится в центре внимания науки уголовного права и криминологии. Современное состояние уголовной политики в обозначенной сфере с учетом императивного метода правового регулирования характеризуется относительной пластичностью в целях эффективной уголовно-правовой защиты изменяющихся общественных отношений.

Собственность является экономической основой общества и социальной ценностью. Право быть собственником своего имущества неотчуждаемо и является гарантией осуществления конституционных прав и свобод личности. В соответствии с ч.2 ст.8 Конституции РФ «признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». Согласно ч.1 ст.25 Конституции РФ «Право частной собственности охраняется законом». Собственность защищается различными отраслями права, в том числе и уголовным законом. Собственность указана среди объектов уголовно-правовой охраны в ч.2 ст.2 Уголовного кодекса РФ (далее по тексту - УК РФ) и регламентируется главой 21 УК РФ «Преступления против собственности». Преступления против собственности являются наиболее распространенным видом преступности в современных государствах, в том числе и в России. Кража, в частности, является самым распространенным преступлением не только среди всех преступлений против собственности, но и среди всей зарегистрированной преступности.

Представления об уголовной политике возникли с утратой уголовным правом, построенным по системе гражданского (римского) права, способности объяснения причин преступности и ее предупреждения. Поскольку понятие «уголовная политика» законодательно не закреплено, оно имеет различное толкование и представлено в отечественной юриспруденции большим количеством исследований как понятия, так и содержания уголовной политики. А.И. Бойко пишет, что «Уголовная политика есть особый угол зрения на криминальную действительность, самая высокая смотровая площадка: здесь располагается государственно-правовая идеология; здесь внешне понятные и ожидаемые решения поверяются стратегическими планами народной жизни; здесь искусно маскируется истинный интерес элиты; здесь многочисленные политические искращения упираются в стену общественной необходимости и грозят социальными возмущениями».¹ Э.Ф. Побегайло под уголовной политикой понимает «направление специальной деятельности государства в области борьбы с преступностью».² Г.Ю. Лесников определяет уголовную политику как «систему принципов, политических и политико-правовых предписаний, программ, осуществляемых государством совместно с гражданским обществом, по предупреждению и борьбе с преступностью, ресоциализации преступников, обеспечению безопасности личности, общества и государства».³ Б.Т. Разгильдиев уголовную политику определяет как «основанную на нормах нравственности и осуществляемую в рамках уголовно-правовых принципов деятельность органов власти либо отражение этой деятельности, которая направлена на решение уголовно-

¹ Бойко А. И. Уголовная политика: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: РИНХ, 2008. С.4-5.

² Побегайло Э.Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып.9. Экономические и юридические науки. С.7.

³ Лесников Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. №8(48). С.75.

правовых задач по охране личности, общества и государства от преступных посягательств и на предупреждение преступлений».¹ В.А. Авдеев под уголовной политикой понимает «систему принципов, политических и политико-правовых предписаний, правовых и иных социальных норм антикриминального цикла, криминологических программ и программ ресоциализации преступника, выработанных на научной основе и осуществляемых государством совместно с субъектами российского гражданского общества по обеспечению правопорядка, предупреждения и борьбы с преступностью, безопасности личности и в необходимых случаях – национальной безопасности».² Я.И. Гилянский пишет, что «на основе идеологических, политических, правовых концепций, разделяемых высшими органами государственной власти и управления, вырабатывается уголовная политика государства, как разновидность государственной политики (наряду с экономической, социальной, экологической и др.). Уголовная политика может быть явно выражена в конституционных, программных, правовых документах или же неявно (имплицитно) содержаться в реальной деятельности государства и его органов по противодействию преступности и ее отдельным видам».³

Таким образом, уголовную политику необходимо определить как деятельность государства по уголовно-правовой охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждения преступлений. Современная уголовная политика по отношению к уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительным отраслям права выполняет методологическую роль и призвана обеспечивать эффективное предупреждение преступности. Криминологическая составляющая уголовной политики уголовной политики предполагает использование эмпирического материала (данных официальной статистики, конкретных криминологических исследований и т. д.). Российская уголовная политика отражает определенные уголовно-политические требования.

За время действия УК РФ гл.21 «Преступления против собственности» изменялась 13 федеральными законами. Произведенные правки затрагивают все без исключения преступления против собственности, существовавшие в гл.21 УК РФ первоначально, и касаются как диспозиций, так и санкций статей. Реформированию подверглись 95% статей гл.21 УК РФ. Одна и та же статья изменялась, как правило, не один раз. Например, ст.158 УК РФ изменялась 9 раз, ст.ст.159 и 162 УК РФ – 6 раз. С даты принятия УК РФ

¹ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовая политика // Правовая политика: словарь и проект концепции / под ред. А. В. Малько. Саратов: СГАП, 2010. С.138.

² Авдеев В. А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. №1. С.25.

³ Гилянский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб и доп. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. С.411.

13.06.1996 количество статей в главе 21 УК РФ «Преступления против собственности» увеличилось с 11 до 17 (по состоянию на 29.04.2019). Изменялось и внутреннее содержание статей. Например, в ст.158 УК РФ «Кража», кроме новых редакций санкций за совершение простой и квалифицированных видов кражи, появились такие квалифицирующие признаки, как кража совершенная «из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем», «из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода», «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств», «в особо крупном размере». В настоящее время только в ст.158¹ УК РФ еще не вносились правки (статья 158¹ УК РФ включена ФЗ от 03.07.2016).

Выделить основные направления уголовно-правовой политики в сфере преступлений против собственности сложно вследствие разнообразия законодательных изменений в гл.21 УК РФ. Н.А. Лопашенко пишет, что «основные тенденции ... реформирования главы 21 УК РФ выделить сложно, поскольку правки закона системностью не отличались и часто были продиктованы сиюминутной выгодой и сиюминутным соотношением уголовного закона с переменами в общественно-политической жизни».¹ Ярко выраженный характер имеет расширяющаяся дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности, что проявляется в разнообразии квалифицирующих признаков в гл.21 УК РФ. Н.А. Лопашенко выделяет основные направления реформирования гл.21 УК РФ «... расширение криминализации, уточнение ее пределов и попытки повышения ее качества, изменения пенализации, совершенствование (как тренд) дифференциации уголовной ответственности».² Декриминализация проведена в двух случаях: 1. исключение состава ч.1 ст.168 УК РФ 08.12.2003 путем включения в основной (сейчас единственный) состав неосторожного уничтожения или повреждения имущества дополнительных кримиобразующих признаков, которые ранее были квалифицирующими (способ неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности); 2. значительное сужение сферы преступного вследствие введения дополнительного кримиобразующего признака в виде крупного размера деяния ст.165 УК РФ.

Уголовно-правовую политику в сфере преступлений против собственности необходимо исследовать через призму криминализации как отнесение общественно опасного деяния к преступному с установлением уголовной ответственности и пенализацию посягательств на собственность как установление конкретной санкции и условий ее применения за совершение преступлений против собственности. Н.А. Лопашенко выделяет следующие причины изменения круга и объема криминализации: 1. возникновение новых, не существовавших ранее видов общественно опасной деятельности людей; 2. неблагоприятная динамика отдельных видов человеческого пове-

¹ Лопашенко Н. А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн.1. Общетеоретическое исследование посягательств на собственность: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С.22.

² Лопашенко Н. А. Указ. Соч. С.21.

дения, ранее регламентированных в уголовном законодательстве, или же вообще не рассматривавшихся как правонарушения; 3. научно-технический прогресс, развивающий потенциально опасные для человека сферы науки и техники; 4. необходимость усиления охраны конституционных прав и свобод личности; 5. ошибки в проведенной ранее декриминализации преступного деяния.¹ По мнению ученого, основанием криминализации посягательств на собственность, в основной массе являющихся высоко общественно опасными, является «наличие общественно опасного, то есть причиняющего или могущего причинить вред правоохраняемым интересам – собственности, поведения, требующего введения уголовного запрета».² Анализ гл.21 УК РФ свидетельствует, что общественная опасность противоправных деяний против собственности возрастает, что приводит к отнесению их к деяниям преступным с установлением уголовной ответственности за их совершение.

Пенализация как реальная санкция показывает степень общественной опасности преступления. В наказании аккумулируется общественная опасность деяния. Н. А. Лопашенко отмечает, что «справедливость уголовно-правового запрета в немалой, если не в значительной степени зависит от справедливости санкций, установленных за то или иное деяние».³ В гл.21 УК РФ большинство санкций – с лишением свободы. Из 56 санкций лишение свободы содержат 52 (кроме ч.1 ст.ст.159¹, 159², 159⁵, 159⁶). Санкция в виде лишения свободы присутствует в каждой статье гл.21 УК РФ. Наличие в санкциях гл.21 УК РФ наказания в виде лишения свободы свидетельствует о высокой степени общественной опасности данного вида преступлений и, следовательно, о более жесткой уголовно-правовой политике в данной сфере.⁴ Сроки, на которые может быть назначено лишение свободы в гл.21 УК РФ, разнообразны (от 1 года до 15 лет в квалифицированных составах). Наиболее распространенные сроки – до 5, 6 и 10 лет. Большинство санкций, таким образом, относятся к санкциям за тяжкое и особо тяжкое преступление. По категориям преступлений в гл.21 УК РФ преобладают тяжкие преступления, что свидетельствует о высоком уровне криминализации.

Основными наказаниями, предусмотренные статьями гл.21 УК РФ, являются: 1. штраф; 2. лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 3. обязательные работы; 4. исправительные работы; 5. ограничение свободы; 6. принудительные работы; 7. арест; 8. лишение свободы на определенный срок.

Таким образом, современное состояние уголовно-правовой политики в сфере преступлений против собственности необходимо охарактеризовать

¹ Лопашенко Н. А. Указ. Соч. С.138-140.

² Лопашенко Н. А. Указ. Соч. С.141.

³ Лопашенко Н. А. Там же. С.142.

⁴ Противоположным примером является уголовно-правовая политика в отношении преступлений в сфере экономической деятельности, где санкции с лишением свободы являются более редкими и, следовательно, уголовно-правовая политика является более мягкой.

как относительно оперативно реагирующую на изменения общественной жизни, на изменение фокуса преступного интереса. Основными тенденциями уголовно-правовой политики в исследуемой сфере являются расширение криминализации, интенсивная пенализация и совершенствование дифференциации уголовной ответственности за совершение преступлений против собственности. Проблемы уголовно-правовой политики в названной сфере связаны с основными тенденциями ее формирования и характеризуются относительно чрезмерной пенализацией, выражающейся в многообразии санкций за совершение преступлений против собственности и относительно чрезмерной дифференциации уголовной ответственности, характеризующейся введением новых кримиобразующих признаков.

Список литературы:

Авдеев В. А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. №1. С.23-27

Бойко А. И. Уголовная политика: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: РИНХ, 2008. 190 с.

Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб и доп. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. 517 с.

Лесников Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. №8(48). С.73-76;

Лопашенко Н. А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн.1. Общетеоретическое исследование посягательств на собственность: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 296 с.

Побегайло Э.Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып.9. Экономические и юридические науки. С.6-15

Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовая политика // Правовая политика: словарь и проект концепции / под.ред. А. В. Малько. Саратов: СГАП, 2010. 273 с.

Лясковска К.

Уголовная политика Польши в отношении лиц, совершающих домашнее насилие

Criminal Policy of Poland towards Domestic Violence

Аннотация. В исследовании обсуждаются современные проблемы домашнего насилия в Польше. Представлены правовые решения, содержащиеся в Уголовном кодексе 1997 года, направленные на наказание лиц, виновных в насилии. Также представлены проблемы практики преследования этого деяния полицией и деятельности правоохранительных органов. Подчеркивалась необходимость вмешательства государства в семейную сферу в условиях насилия над близкими родственниками.

Abstract. The author researches current challenges produced by domestic violence in Poland. The article explains how Criminal code introduced in 1997 regulates that sphere and which penalties are used. Author also explores the law enforcement approach to that problem. It seems that we need to let the state to interfere in family matters when family members are in danger.

Ключевые слова: домашнее насилие, жестокое обращение с близким лицом, правоприменительная практика, уголовная политика, судебная практика.

Key words: domestic violence, bullying of a family member, law enforcement practice, criminal policy, judicial practice.

В Польше домашнее насилие уже многие годы является очень важной социальной, криминологической и правовой проблемой. Она включает в себя, с одной стороны, вопросы, связанные с неодобрением обществом этого явления, а с другой – достаточно частое проявление насильственного поведения в отношении детей, супругов или пожилых людей в семье. Это важная проблема из-за причин возникновения и существования («наследование» моделей насильственного поведения, злоупотребление алкоголем, личностные и психические расстройства), развития насилия в три этапа («рост напряжения», «горячее насилие» и «медовый месяц») и долгосрочных последствий (здоровье, семья). Вот почему так важным является эффективное реагирование на домашнее насилие законодательством, правоохранительными и судебными органами. Преступление, заключающееся в жестоком обращении с близким или находящимся в зависимости от виновного лицом, является проявлением домашнего насилия.

Целью данного исследования является представление объема уголовно-правовых норм, касающихся преступления, связанного с жестоким обращением, а также деятельности Полиции и судов по преследованию и наказанию виновных в нем лиц. Основой анализа будет Уголовный кодекс Польши 1997¹ года, а также статистические данные, показывающие эффективность деятельности правоохранительных органов в 1999–2017 годах (начиная с первого полного статистического года применения Кодекса 1997 года по настоящее время) и данные Министерства юстиции, представляющие политику уголовного правосудия в отношении лиц, совершивших насилие над ближайшим или находящимся в зависимости от них лицом в 2002-2017 гг. и в 2008-2017 гг.

1. Правовое регулирование преступления жестокого обращения в отношении самого близкого лица или лица, находящегося в отношении зависимости от виновного в Польском уголовном кодексе 1997 г.

Преступление жестокого обращения с самым близким лицом или лицом, находящимся в зависимом положении от виновного, урегулировано в ст. 207 §1 уголовного кодекса в главе XXVI «Преступления против семьи и опекуна».

На основании ст. 207 §1 УК: кто издевается путем физического или психического воздействия над самым близким лицом или над иным лицом, находящимся в постоянном или временном отношении зависимости от виновного, подлежит наказанию лишением свободы на срок от 3 месяцев до 5 лет.

Суть деяния заключается в жестоком обращении с другим человеком, издевательствах над ним. Это «такое умышленное поведение лица, совер-

шившего преступление, которое состоит в интенсивном и серьезном нарушении физической неприкосновенности или причинении моральных страданий потерпевшему лицу с целью издевательства над ним, унижения его или причинения ему других страданий, независимо от типа мотивов»¹. Оно может иметь физический или психический характер. Физическое насилие заключается в «причинении страданий телу другого человека», например, путем избияния, удара ногами, щипания, кусания, душения, прижигания утюгом или сигаретой, толкания, дергания за волосы, выкручивания рук, связывания рук или ног, бросания в стену или на пол, принуждения к унижительным действиям, плевания, выбрасывания из дома, закрывания в темной комнате, выбрасывания на холод, ограничивая в пище². В свою очередь, психическое насилие включает в себя, в частности, оскорбление, унижение, издевательства, запугивание, повреждение вещей³. Издевательства могут заключаться как в действии (например, избияние, оскорбление, запугивание, повреждение имущества, преследование, угроза оставления)⁴, так и в бездействии (например, морение голодом ребенка или больного, отказ пустить в дом зимой, не отопление холодной квартиры)⁵.

Такое поведение имеет место в отношении ближайшего лица, которым в свете ст. 115 §11 УК является супруг, родственники по восходящей и нисходящей линии, братья и сестры, свойственники по той же самой линии или степени, лица усыновленные и их супруги, а также совместно проживающие лица. Оно может также иметь место в отношении другого лица, находящегося в постоянной или временной зависимости от преступника, т.е. в ситуации зависимости от другого лица, напр., материальной, медицинской или психической⁶. Отношение зависимости может быть обусловлено правовыми нормами или вытекать из положений договора, а также из фактической ситуации между двумя лицами (необходимость проживать в общей квартире)⁷.

В соответствии со статьей 207 §1a УК физическое или психическое насилие в отношении лица несамостоятельного из-за своего возраста, психического или физического состояния, подлежит наказанию. Данное деяние наказывается лишением свободы от 6 месяцев до 8 лет.

Человека можно считать беспомощным, если «он не может самостоятельно решить свою судьбу и изменить свою ситуацию». Критерием для

¹ Wyrok Sądu Najwyższego z 6 VIII 1996 r., WR 102/96, LEX nr 26355.

² A. Muszyńska, *Przestępstwa przeciwko rodzinie i opiece* [w:] J. Giezek (red.), *Kodeks karny. Część szczegółowa. Komentarz*, LEX a Wolters Kluwer business, Warszawa 2014, s. 578-579.

³ Z. Siwik, *Przestępstwa przeciwko rodzinie i opiece* [w:] M. Filar (red.), *Kodeks karny. Komentarz*, LexisNexis, Warszawa 2012, s. 1036.

⁴ A. Marek, *Kodeks karny. Komentarz*, LEX a Wolters Kluwer business, Warszawa 2007, s. 402.; Z. Siwik, *op. cit.*, s. 1037.

⁵ Z. Siwik, *op. cit.*, s. 1037.

⁶ A. Marek, *op. cit.*, s. 402.

⁷ O. Górniok, *Przestępstwa przeciwko rodzinie i opiece* [w:] O. Górniok, S. Hoc, M. Kalitowski, S. Przyjemski, Z. Sienkiewicz, J. Szumski, L. Tyszkiewicz, A. Wąsek, *Kodeks karny. Komentarz*, T. I. Art. 117-363, Arche, Gdańsk 2005, s. 222.

¹ Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. - Kodeks karny, Dz.U. Nr 88, poz. 553 (ze zm.).

оценки его/ее состояния является возраст (несовершеннолетний, пожилой возраст), психическое состояние (например, умственная отсталость) или физическое состояние (например, инвалидность, болезнь, приковывающая человека к постели)¹. Состояние беспомощности может быть постоянным или кратковременным (например, при эпилепсии во время приступа болезни, при родах у женщины, или у лица, находящегося в состоянии алкогольного или наркотического опьянения)².

В соответствии со ст. 207 §2 УК, виновный, издевающийся с применением особой жестокости, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от 1 года до 10 лет.

Особая жестокость имеет оценочный характер. Она заключается в «жестоким, беспощадном и бесчеловечном способе причинения боли», вызывающем «особую интенсивность страданий»³. Следовательно, она включает использование радикальных, жестоких методов, которые вызывают «повышенный уровень страданий, причиняемых жертве насилия»⁴.

Если последствием издевательств является покушение пострадавшего на свою жизнь, виновный подлежит наказанию лишением свободы на срок от 2 до 12 лет. (ст. 207 §3 УК). Это означает, что он несет ответственность как за самоубийство, совершенное жертвой, так и за его попытку самоубийства. Оба поведения исчерпывают состав «покушения» на собственную жизнь⁵. Для ответственности правонарушителя важно наличие причинно-следственной связи между актом жестокого обращения и покушением на жизнь, совершенным пострадавшим⁶.

Это формальное преступление, и, следовательно, для привлечения к ответственности за его совершение не требуется возникновение каких-либо последствий. Данное преступление преследуется *ex officio* (по долгу службы).

Главным объектом защиты является семья и институт опекунов, а вторичным - жизнь, здоровье, физическая неприкосновенность, свобода и достоинство человека. Субъектом исполнительной деятельности является самое близкое лицо, другое лицо, находящееся в постоянной или временной зависимости от преступника, лицо, беспомощное в силу возраста, психического или физического состояния⁷. Таким образом, законодатель широко определил круг лиц, которые могут подлежать защите, признавая при этом других лиц, не являющихся членами семьи, потенциально подверженными насилию. Такой подход законодателя обусловлен необходимостью не до-

¹ A. Marek, op. cit., s. 402.

² J. Kosonoga, *Przestępstwa przeciwko rodzinie i opiece* [w:] R.A. Stefański (red.), *Kodeks karny. Komentarz*, Wyd. C.H. Beck, Warszawa 218, s. 1356.

³ Z. Siwik, op. cit., s. 1042.

⁴ O. Górniok, op. cit., s. 224.

⁵ A. Marek, op. cit., s. 403.

⁶ M. Mozgawa, *Przestępstwa przeciwko rodzinie i opiece* [w:] M. Mozgawa (red.), *Kodeks karny. Praktyczny komentarz*, Oficyna a Wolters Kluwer business, Warszawa 2010, s. 437.

⁷ Z. Siwik, op. cit., s. 1034-1035.

пускать повторения в Уголовном кодексе решений, касающихся жестокого обращения в отношении других лиц, не являющихся ближайшими родственниками преступника. И так, такой объем регулирования определили практические соображения¹.

Субъект преступления может быть разным. Он индивидуальный, когда потерпевшим является ближайшее или другое лицо, находящееся в постоянных или временных отношениях зависимости от виновного (ст. 207 §1 УК). Он также всеобщий, когда жертвой является лицо беспомощное из-за своего возраста, психического или физического состояния (ст. 207 §3 УК). Субъективная сторона включает умышленную вину, совершенную с прямым умыслом.

2. Действия полиции по привлечению к уголовной ответственности за преступления, связанные с жестоким обращением с самым близким лицом или лицом, находящимся в отношении зависимости от виновного

После синтетического изложения правовых решений, касающихся преступления жестокого обращения в отношении самого близкого лица или лица, находящегося в отношении зависимости от виновного, необходимо представить эффективность польской Полиции в уголовном преследовании лиц, виновных этого преступления. Данные из этой области представлены в таблице 1.

Таблица № 1

Динамика обнаруженных преступлений домашнего насилия в Польше в 1999-2017 г.

Год	Общее кол-во обнаруженных преступлений	Количество обнаруженных преступлений жестокого обращения с самым близким лицом или лицом, находящимся в зависимости от виновного (ст. 207 §1-3 УК)	%
1999	1121545	22710	2,0
2000	1266910	23308	1,8
2001	1390089	24200	1,7
2002	1404229	23921	1,7
2003	1466643	23388	1,6
2004	1461217	22610	1,5
2005	1379962	22652	1,6
2006	1287918	24543	1,9
2007	1152993	22800	2,0
2008	1082057	21167	2,0
2009	1129577	20505	1,8
2010	1138523	18759	1,6
2011	1159554	18832	1,6
2012	1119803	17785	1,6
2013	1061239	17513	1,7
2014	867855	17523	2,0
2015	799779	14191	1,8
2016	748459	14513	1,9
2017	753963	16248	2,1

Источник: <http://www.statystyka.policja.pl/st/przestepstwa-ogolem/121940,Przestepstwa-ogolem.html> oraz <http://www.statystyka.policja.pl/st/kodeks-karny/przestepstwa-przeciwko-7/63507,Znecanie-sie-art-207.html> и собственные расчеты.

¹ A. Marek, op. cit., s. 401.

Как видно из данных, приведенных в таблице № 1, в анализируемый период количество выявленных преступлений жестокого обращения в отношении самого близкого или находящегося в отношении зависимости от виновного лица, не сформировало постоянной тенденции. Чаще всего они показывали снижение. Если в 1999-2009 годах оставались на уровне более 20 000 преступлений в год, то с 2010 г. их количество значительно сократилось. Они колеблются от около 14 тыс. до 24 тыс. в год. Доля выявленных преступлений, связанных с жестоким обращением в отношении самого близкого или лица, находящегося в отношении зависимости от виновного, в общем числе преступлений, выявленных в Польше, составляет от 1,5% до 2%. Она не высокая.

3. Действия судов в отношении лиц, виновных в жестоком обращении с самым близким лицом или лицом, находящимся в отношении зависимости от них

Следующим шагом является представление информации об уголовной политике, проводимой польскими судами в отношении лиц, виновных в жестоком обращении с близкими или находящимися в зависимости от них лицами. Данные из этой области представлены в таблицах 2-7.

Таблица № 2.

Количество осужденных за преступления против семьи и опекуна на фоне общего количества осужденных в Польше в 2002-2017 г. г.

Год	Общее количество осужденных	Количество осужденных за преступления против семьи и опекуна	%
2002	365326	30968	8,5
2003	415933	31896	7,7
2004	513410	35546	6,9
2005	504281	27496	5,5
2006	462937	24511	5,3
2007	426377	24642	5,8
2008	420729	25371	6,0
2009	415272	26462	6,4
2010	432891	31626	7,3
2011	423464	29491	7,0
2012	408107	24740	6,1
2013	353208	25667	7,3
2014	295353	24488	8,3
2015	260034	21659	8,3
2016	289512	20718	7,2
2017	241436	17802	7,4

Источник: Skazania prawomocne – dorosli – z oskarzenia publicznego – w latach 2002-2017, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> и собственные расчеты.

Данные, содержащиеся в таблице 2, свидетельствуют о том, что в анализируемый период количество осужденных за преступления против семьи и опекуна (т.е., за двоеженство, издевательство, сплавание малолетнего, уклонение от уплаты алиментов, оставление без попечения малолетнего или беспомощного человека, похищение малолетнего или беспомощного лица, орга-

низация усыновления с нарушением положений закона) не сформировало устойчивой тенденции. Чаще всего данные демонстрировали снижение (примерно с около 35 тыс. до 18 тыс.). Их доля в общем числе осужденных в Польше составляла от около 5% до 8,5%. Это было незначительное количество.

Как видно из данных, содержащихся в таблице № 3, в анализируемый период количество осужденных за жестокое обращение с самым близким или находящимся в зависимости от виновного лицом наиболее часто (кроме 2003-2004, 2006, 2016 гг.) демонстрировало снижение. Их число варьировалось от около 17 тыс. до 10 тыс. осужденных в год. С другой стороны, помимо тенденции к сокращению числа осужденных, чаще всего наблюдается увеличение доли лиц, осужденных за преступления жестокого обращения в отношении самых близких лиц, или находящихся в отношении зависимости по сравнению с общим числом лиц, осужденных за преступления против семьи и опекуна. Она варьировалась от около 43% до 67%. Это означает, что в этой категории деяний доминируют осуждения за преступления жестокого обращения с самым близким или находящимся в отношении зависимости от виновного лицом.

Таблица № 3

Количество осужденных за преступление жестокого обращения с самым близким или находящимся в отношении зависимости от виновного лицом на фоне количества преступлений против семьи и опекуна в 2002-2017 г. г.

Год	Количество осужденных за преступления против семьи и опекуна	Количество осужденных за преступление жестокого обращения с самым близким или находящимся в отношении зависимости от виновного лицом по ст. 207 УК	%
2002	30968	13410	43,3
2003	31896	13952	43,7
2004	35546	17158	48,3
2005	27496	16233	59,0
2006	24511	16318	66,6
2007	24642	15404	62,5
2008	25371	15127	59,6
2009	26462	14116	53,3
2010	31626	13571	42,9
2011	29491	13214	44,8
2012	24740	12388	50,1
2013	25667	11679	45,5
2014	24488	11442	46,7
2015	21659	10840	50,0
2016	20718	10883	52,5
2017	17802	10031	56,3

Источник: Skazania prawomocne – dorosli – z oskarzenia publicznego – w latach 2002-2017, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> и собственные расчеты.

Таблица № 4

Количество осужденных за преступление жестокого обращения с самым близким или находящимся в зависимости от виновного лицом с разбивкой по отдельные деяния (ст. 207 §1-3 УК) в Польше в 2002-2017 г. г.

Год	Количество осужденных за преступление жестокого обращения с самым близким или находящимся в отношении зависимости лицом по ст. 207 УК	Ст. 207 §1 УК	%	Ст. 207 §2 УК	%	Ст. 207 §3 УК	%
2002	13410	13319	99,32	35	0,26	56	0,42
2003	13952	13834	99,15	48	0,34	70	0,50
2004	17158	16972	98,92	62	0,36	124	0,72
2005	16233	16074	99,02	72	0,44	87	0,54
2006	16318	16171	99,10	42	0,26	105	0,64
2007	15404	15280	99,20	53	0,34	71	0,46
2008	15127	15011	99,23	31	0,20	85	0,56
2009	14116	14025	99,36	36	0,26	55	0,39
2010	13571	13485	99,37	29	0,21	57	0,42
2011	13214	13153	99,54	18	0,14	43	0,33
2012	12388	12318	99,43	29	0,23	41	0,33
2013	11679	11601	99,33	22	0,19	56	0,48
2014	11442	11382	99,48	24	0,21	36	0,31
2015	10840	10769	99,35	13	0,12	58	0,54
2016	10883	10837	99,58	14	0,13	32	0,29
2017	10031	9973*	99,42	17	0,17	41	0,41
Итого	215766	214204	99,28	545	0,25	1017	0,47

Источник: Skazania prawomocne – dorośli – z oskarżenia publicznego – w latach 2002-2017, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> и собственные расчеты.

*в том числе 6 осужденных по ст. 207 § 1а ук

Данные, содержащиеся в таблице 4, свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период среди числа осужденных за преступление жестокого обращения в отношении самого близкого лица или лица, находящегося в отношении зависимости от виновного по ст. 207 УК, преобладают осужденные по статье 207 §1 УК. На их долю приходится более 99% всех обвинительных приговоров по статье 207 УК. Гораздо реже наказываются лица, виновные в жестоком обращении, способствующем покушению пострадавшего на собственную жизнь (в среднем около 0,5%), реже всего - лица, виновные в изнасиловании с особой жестокостью (в среднем 0,25%). Это означает, что чаще осуждаются виновные в жестоком обращении основного вида, а реже – квалифицированного вида.

Таблица № 5

Наказания, назначенные лицам, осужденным за преступление жестокого обращения с самым близким или находящимся в отношении зависимости человеком в Польше в 2008-2017 гг.

Год	Количество осужденных за преступление жестокого обращения с самым близким или находящимся в отношении зависимости по ст. 207 УК	Штраф	%	Ограничение свободы	%	Лишение свободы	%	Смешанное наказание	%
2008	15127	220	1,45	721	4,77	14166	93,65	-	-
2009	14116	198	1,40	632	4,48	13274	94,04	-	-
2010	13571	192	1,41	698	5,14	12680	93,43	-	-
2011	13214	161	1,22	585	4,43	12467	94,35	-	-
2012	12388	134	1,08	521	4,21	11730	94,69	-	-
2013	11679	133	1,14	464	3,97	11082	94,89	-	-
2014	11442	135	1,18	510	4,46	10797	94,36	-	-
2015	10840	162	1,49	640	5,90	10010	92,34	28	0,26
2016	10883	357	3,28	1702	15,64	8626	79,26	197	1,81
2017	10031	338	3,37	1792	17,86	7691	76,67	210	2,09
Итого	123291	2030	1,65	8265	6,70	112523	91,27	435	0,35

Источник: Źródło: Skazania prawomocne – dorośli – z oskarżenia publicznego wg rodzajów przestępstw i wymiaru kary w latach 2008-2017, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> и собственные расчеты.

„-” означает отсутствие этого наказания в УК.

Как видно из данных, приведенных в таблице № 5, в анализируемый период чаще всего за преступление жестокого обращения с самым близким или находящимся в отношении зависимости от виновного лицом, по ст. 207 УК преступнику назначалось наказание в виде лишения свободы. Средняя доля этой уголовной санкции составила около 91%, при чем в 2016-2017 гг. она снизилась. Определенно реже выносились приговоры к ограничению свободы (в среднем около 7%) и штрафам (в среднем 1,65%), в то время как в 2016-2017 годах отмечалось увеличение их доли. Увеличивается доля смешанного наказания¹.

Данные, приведенные в таблице № 6, показывают, что в анализируемый период доля наказаний к лишению свободы с отсрочкой их исполнения за жестокое обращение с самым близким или находящимся в отношении за-

¹ С 2015 года в Польше применяется смешанное наказание (лишение свободы + ограничение свободы). На основании ст. 37b Уголовного кодекса, в случае правонарушения, наказуемого лишением свободы, независимо от нижнего предела установленной законом угрозы для данного акта, суд может одновременно наложить лишение свободы на срок до трех месяцев, и если верхний предел установленной законом угрозы составляет не менее 10 лет - 6 месяцев и наказание в виде ограничения свободы до 2 лет."

висимости от виновного лицом составляла в среднем около 85% по сравнению с количеством абсолютных наказаний в виде лишения свободы. Только в 2016-2017 гг. наблюдалось снижение этой доли.

Таблица № 6

Количество осужденных к наказанию лишением свободы с отсрочкой исполнения наказания за преступление жестокого обращения в отношении самого близкого или находящегося в отношении зависимости от виновного лица по ст. 207 УК на фоне количества осужденных к абсолютному наказанию в виде лишения свободы в Польше в 2008-2017 г. г.

Год	Количество осужденных к наказанию лишением свободы за преступление жестокого обращения в отношении самого близкого или находящегося в отношении зависимости от виновного лица	Количество осужденных к наказанию лишением свободы с отсрочкой исполнения наказания за преступление жестокого обращения в отношении самого близкого или находящегося в отношении зависимости от виновного лица	%
2008	14166	12583	88,8
2009	13274	11529	86,8
2010	12680	11101	87,5
2011	12467	10880	87,3
2012	11730	10208	87,0
2013	11082	9633	86,9
2014	10797	9366	86,7
2015	10010	8606	85,9
2016	8626	6557	76,0
2017	7691	5285	68,7
Итого	112523	95748	85,1

Источник: Skazania prawomocne – dorośli – z oskarżenia publicznego wg rodzajów przestępstw i wymiaru kary w latach 2008-2017, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> и собственные расчеты.

Как видно из данных, содержащихся в таблице № 7, в течение анализируемого периода суды чаще всего выносили приговоры в отношении осужденных за жестокое обращение с самыми близкими или находящимися в отношении зависимости от них лицами в виде лишения свободы в размере от шести месяцев до двух лет, чаще всего - до одного года. Принимая во внимание факт, что уголовная ответственность за жестокое обращение составляет соответственно: от 3 месяцев до 5 лет лишения свободы (§1), от 6 месяцев до 8 лет (§1a), от одного года до 10 лет (§2), от 2 до 12 лет (§3), а суды чаще всего выносили приговоры на основании ст. 207 §1 УК, можно

сделать вывод, что суды назначали невысокий размер наказаний в виде лишения свободы для лиц, осужденных за рассматриваемое преступление.

Таблица № 7

Размер наказания в виде лишения свободы за жестокое обращение с самым близким или находящимся в отношении зависимости от виновного лицом в Польше в 2008-2017 г. г.

Год	1 месяц	2 месяца	3 месяца	4 месяца – 5 месяцев	6 месяцев	7-11 месяцев	1 год	>1 год – <2 года	2 года	>2 – <3 года	3 года	>3 – 5 лет	>5-8 лет	>8-10 лет	>10-15 лет
2008	4	4	167	455	1890	3612	4648	2444	858	33	25	20	4	1	
2009	5	5	170	511	1902	3457	4162	2234	724	51	26	19	5	3	
2010	3	7	198	529	1884	3385	3857	2056	687	34	23	15	2	0	
2011	4	5	211	527	1897	3428	3720	1969	630	42	18	15	2	0	
2012	3	8	173	496	1807	3269	3497	1822	573	35	21	20	4	1	
2013	2	5	178	496	1685	3220	3262	1676	489	29	23	16	1	0	
2014	7	5	156	487	1640	3301	3242	1536	459	22	18	20	3	1	
2015	4	6	179	568	1733	3047	2715	1312	384	30	19	13	0	0	
2016	1	4	255	681	1870	2777	2255	552	164	27	26	11	3	0	
2017	2	2	235	595	1689	2622	1953	417	105	23	25	21	1	1	
Итого	35	51	1922	5345	17997	32118	33311	16018	5073	326	224	170	25	7	

Источник: Skazania prawomocne – dorośli – z oskarżenia publicznego wg rodzajów przestępstw i wymiaru kary w latach 2008-2017, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> и собственные расчеты.

Подводя итоги, польский законодатель считает необходимым ввести уголовную ответственность за жестокое обращение с другим человеком. Об этом свидетельствует наличие положений, регулирующих это преступление в Уголовном кодексе 1932 г. (ст. 246 УК) и в Уголовном кодексе 1969 года. (ст. 184 §1 УК). Следует отметить, что в догматическом плане действующие регулирование ст. 207 УК 1997 г. учитывают современные проблемы в области борьбы с домашним насилием. В них определяются рамки запрещенного поведения, указывается широкий круг защищаемых лиц и предусматриваются уголовные санкции. Они соответствуют принятым видам этого преступления - двум основным видам (ст. 207 §1-1a УК) из-за характера поведения преступника и из-за последствия - двум квалифицированным видам (ст. 207 §2-3 УК). В проанализированных положениях закона рост криминальной угрозы сопровождается эскалацией насилия, применяемого преступником, и его последствиями. При этом следует отметить, что при назначении наказания за преступление жестокого обращения суд может также применить уголовные меры, непосредственно защищающие потерпевшего от насилия, такие как: распоряжение покинуть помещение, занимаемое совместно с потерпевшим, запрет на

приближение к определенным лицам на фиксированное расстояние, запрет на контакт с определенными лицами. Кроме того, он может вынести решение о других мерах в виде лишения права работать в определенной профессии, занимать определенную должность, о конфискации имущества, обязательства по возмещению ущерба, дополнительного денежного взыскания, публичного обнародования судебного решения.

Конечно, всегда найдутся люди, которые обвинят это уголовно-правовое регулирование во вмешательстве государства в семейную и личную жизнь людей. Однако, с учетом их сомнений, следует категорически заявить, что государство (в том числе, посредством Уголовного кодекса) обязано защищать такие блага, как жизнь, здоровье, свободу, достоинство человека, и должно делать это независимо от его социального, семейного или имущественного положения.

Хотя полиция сообщает о сокращении числа выявленных преступлений жестокого обращения с близким человеком или находящимся в отношении зависимости от виновного лицом, однако ситуация в данной области не является удовлетворительной. Следует отметить, что небольшое количество таких деяний свидетельствует, скорее всего, об их значительном неразглашении. Очень часто, из-за стыда потерпевших от таких преступлений (что они стали их жертвами) и страха перед преступником (часто проживающим вместе с потерпевшим), или страха ухудшения материального положения (в результате осуждения преступника – кормильца семьи), потерпевшие не сообщают о факте причинения вреда потерпевшему от этого преступления, а свидетели (соседи, семья) не хотят вмешиваться таким образом в семейные дела других людей.

К сожалению, уголовную политику польских судов в отношении лиц, виновных в жестоком обращении с близким человеком или с находящимся в отношении зависимости от них лицом, следует считать неадекватной. Как видно из приведенного выше анализа, хотя суды чаще всего выносили приговоры к наказанию в виде лишения свободы в отношении рассматриваемой категории осужденных, чаще всего это были наказания в небольшом размере и с преобладанием приостановления их исполнения. Это означает, что судебные органы относятся к виновным в жестоком обращении достаточно мягко, что является непонятным в связи с необходимостью защиты очень важного для человеческой жизни института, каким является семья.

Список литературы

- Górniok O., *Przestępstwa przeciwko rodzinie i opiece* [w:] O. Górniok, S. Hoc, M. Kalitowski, S. Przyjemski, Z. Sienkiewicz, J. Szumski, L. Tyszkiewicz, A. Wąsek, *Kodeks karny. Komentarz*, T. I. Art. 117-363, Arche, Gdańsk 2005.
- Kosonoga J., *Przestępstwa przeciwko rodzinie i opiece* [w:] R.A. Stefański (red.), *Kodeks karny. Komentarz*, Wyd. C.H. Beck, Warszawa 218.
- Marek A., *Kodeks karny. Komentarz*, LEX a Wolters Kluwer business, Warszawa 2007.
- Mozgawa M., *Przestępstwa przeciwko rodzinie i opiece* [w:] M. Mozgawa (red.), *Kodeks karny. Praktyczny komentarz*, Oficyna a Wolters Kluwer business, Warszawa 2010.
- Muszyńska A., *Przestępstwa przeciwko rodzinie i opiece* [w:] J. Giezek (red.), *Kodeks*

- karny. Część szczególna. Komentarz, LEX a Wolters Kluwer business, Warszawa 2014.
- Siwik Z., *Przestępstwa przeciwko rodzinie i opiece* [w:] M. Filar (red.), *Kodeks karny. Komentarz*, LexisNexis, Warszawa 2012.
- Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. - *Kodeks karny*, Dz.U. Nr 88, poz. 553 (ze zm.).
- Wyrok Sądu Najwyższego z 6 VIII 1996 r., WR 102/96, LEX nr 26355.
- Skazania prawomocne – dorośli – z oskarżenia publicznego wg rodzajów przestępstw i wymiaru kary w latach 2008-2017, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> (data обращения 20.05.2019).
- Skazania prawomocne – dorośli – z oskarżenia publicznego – w latach 2002-2017, <https://isws.ms.gov.pl/pl/baza-statystyczna/opracowania-wieloletnie/> (data обращения 20.05.2019).
- <http://www.statystyka.policja.pl/st/przestepstwa-ogolem/121940>, *Przestępstwa-ogolem.html* oraz <http://www.statystyka.policja.pl/st/kodeks-karny/przestepstwa-przeciwko-7/63507,Znecanie-sie-art-207.html> (data обращения 20.05.2019).

Магнутов Ю.С.

Криптовалюта как предмет финансирования организованной преступной деятельности

Funding Organized Criminal Activities with Cryptocurrency

Аннотация: Сверхактивное развитие цифровых технологий и как следствие появление в виртуальном пространстве новаторских финансовых инструментов, не подпадающих под контроль государственных или международных структур, создает базис для финансирования преступной деятельности. В представленной статье проведено исследование распространения криптовалют в криминальной среде и предложены направления по подрыву экономических основ организованной преступности, путем установления императивного запрета на незаконный оборот цифровых финансовых активов.

Abstract. The rapid development of digital technologies and therefore the emergence of innovative financial instruments in the virtual space that do not fall under the control of state or international legal structures, creates a basis for the financing of criminal activities. The article presents a study of the spread of cryptocurrencies in the criminal environment and proposes ways to undermine the economic foundations of organized crime by establishing a mandatory ban on illicit trafficking of digital financial assets.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровой финансовый актив, финансирование, преступление, противодействие, государство, экономика.

Key words: cryptocurrency, digital financial asset, financing, crime, counteraction, state, economy

Актуальность выбранного для научного исследования направления обусловлена рядом значимых факторов. Во-первых, модернизация современной экономики, и, как следствие, внедрение использования технологии блокчейн и криптовалют в системе безналичных расчетов. Во-вторых, появление новых, ранее не известных отечественному праву групп, законодательно не урегулированных, но экономически привлекательных общественных отношений. В-третьих, проявление интереса к цифровым финансовым активам со стороны криминала, по причине использования их как в целях легализации имущества, заведомого добытого преступным путем, так и финансирования противоправной деятельности.

Этот новый экономический тренд дает основание сделать вывод о том, что полный запрет на оборот криптовалют не только не допустим, но и объективно не возможен. Поэтому дальнейшее развитие финансовых цифровых активов, с нашей точки зрения, должно идти по двум основным путям: упреждающе разрешительному и ограничительно-запретительному. Полагаем, что только в комплексе этих двух приемов можно навести порядок в обороте цифровых денег.

Упреждающе разрешительное направление сегодня в России находится в активной фазе развития. В частности, разработан проект Федерального закона Российской Федерации «О цифровых финансовых активах», в рамках которого и предлагается заложить правовой базис оборота криптовалют в Российской Федерации¹. Разработчиком данного документа является Министерство финансов Российской Федерации. В нем ставится вопрос о регулировании отношений, возникающих при создании, выпуске, хранении и обращении цифровых финансовых активов. Относя криптовалюту и токены к имуществу, в императивной форме отмечено, что они не являются законным средством платежа на территории России. Считаем, что представленные позиции порождают юридическую коллизию внутри самого закона. Если рассматриваемый финансовый инструмент вне закона, как тогда он может быть признан объектом имущественных прав? В проект должны быть внесены изменения в части указания на запрет лишь той криптовалюты, которая находится вне правового поля. Вышеизложенное поднимает вопрос об установлении юридической ответственности за их использование, так как такой прием дает нам легитимное основание выступить с предложением установления особых видов юридической ответственности, в том числе и уголовной, в случае нарушения требований, предъявляемых к их обороту, закрепленных в рассматриваемом документе. Полагаем, что это продиктовано необходимостью в корректировке ряда современных условий оборота криптовалют, существующих в мире.

В частности, сегодня практически невозможно отследить переводы таких валют². Обусловлено это отсутствием единого эмиссионного центра и как следствие децентрализацией их оборота. Для покупки или обмена криптовалют достаточно лишь наличие одноранговой сети, выход в которую осуществляется путем использования клиент-программ³. Да и условная анонимность самой сети «Интернет» делает их контроль неэффективным.

Вышеизложенное доказывается приблизительными объемами виртуальных валют. В настоящее время в обороте находится порядка 1 835

¹ О цифровых финансовых активах: проект Федерального закона. - URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=167908#020408953356198611> (дата обращения 02.06.2019).

² Спецслужбы зафиксировали финансовые операции в поддержку ИГИЛ на 300 млн рублей, в том числе за счет краудфандинга. - URL: <http://izvestia.ru/news/596157> (дата обращения 04.06.2019).

³ См.: Богомолов С. Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование. дисс... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С. 191.

разновидностей криптовалют, с размером общей рыночной капитализацией более 370 миллиардов долларов. Суточный оборот равен 19 миллиардам долларов¹.

Приведенные результаты ставят вопрос не только об правовом регулировании рассматриваемой сферы, но и минимизации рисков по криминальному их использованию². Уже в 2015 году, Европол опубликовал доклад «Оценка угрозы организованных Интернет-преступлений» где был отмечен не только экономический потенциал виртуальных денег, но и их широкомасштабное использование при проведении мошеннических атак³. Да и ФАТФ в своем отчете за 2015 года «Новые риски финансирования терроризма», подчеркнул, что новые платежные продукты, в систему которых входят и цифровые валюты становятся привлекательными для финансирования террористической деятельности по причине их глубокой анонимности⁴.

Криминальное использование цифровых финансовых активов есть оборотная сторона их легализации. Поэтому предлагая запрет на оборот, должны быть обязательно определены границы их легитимности⁵. Криминальные же риски должны включать в себя запреты на нарушение установленных законом условий.

В этой связи Министерство финансов России разработал еще и проект закона об уголовной ответственности денежных суррогатов⁶. В рамках него предложена криминализация действий, сопряженных с незаконным изготовлением, приобретением в целях сбыта или сбыт денежных суррогатов. Данная уголовно-правовая норма должна быть размещена в Главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», что и определяет объект этого деяния. При этом основной состав преступления, отнесен к категории средней тяжести, что указывает на достаточно высокий уровень его общественной опасности и репрессивности предлагаемой уголовно-правовой нормы по следующим обстоятельствам.

Во-первых, неопределенность роли цифровых финансовых активов в российской экономике и возможное отнесение деятельности связанных с их оборотом (объектов имущественных прав) к предпринимательству, требуют определенной аналогии в рамках конструирования санкции, предложенной для введения в Уголовный кодекс РФ ст. 187¹ УК РФ «Оборот денежных

¹ Все криптовалюты. - URL: <https://ru.investing.com/crypto/currencies> (дата обращения 02.06.2019).

² Сидоренко Э. Л. Криминологические риски оборота криптовалюты и проблемы ее правовой идентификации // Библиотека криминалиста. 2016. № 3. С. 150.

³ Доклад «Оценка угрозы организованных Интернет-преступлений». - URL: <https://www.europol.europa.eu/> (дата обращения 02.06.2019).

⁴ Отчет ФАТФ за 2015 год «Новые риски финансирования терроризма». - URL: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Novye_riski_finansirovaniya_terrorizma.pdf (дата обращения 02.06.2019).

⁵ Сидоренко Э. Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. 2016. № 3. С. 193–197.

⁶ За распространение денежных суррогатов может быть введена уголовная ответственность. - URL: <http://www.garant.ru/news/701557/> (дата обращения 02.06.2019).

суррогатов». Так, например, ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», которая является фактически общей нормой по отношению к вышеуказанной, по основному составу преступления отнесена к категории небольшой тяжести.

Во-вторых, в основу криминализации львиной доли экономических преступлений положен стоимостной критерий. Полагаем, что сам противоправный оборот криптовалют, без учета их финансовой стоимости не обладает столь высоким характером и степенью общественной опасности, чтобы выводить его в разряд преступного.

В разрешении выявленной проблемы мы полностью разделяем мнение Э. Л. Сидоренко в том, что оптимальный вариант введения ответственности за оборот криптовалют должен быть основан на институте административной преюдиции, плавно набирающей обороты в системе современного уголовного законодательства¹.

Подводя итог проведенному исследованию, хотелось бы подчеркнуть, что оборот криптовалют будет только увеличиваться. Это диктует потребность в активизации не только процесса их введения в правовое поле, но и как следствие создания эффективных инструментов охраны, цифровых финансовых активов, в том числе и уголовно-правовыми средствами. Но такие решения должны быть обдуманными и рациональными, способствующими дальнейшему развитию этого рынка, а не увод его в теневой сектор.

Список литературы

Богомолов С. Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование. дисс... канд. юрид наук. Н. Новгород, 2017. С. 191.

Сидоренко Э. Л. Криминологические риски оборота криптовалюты и проблемы ее правовой идентификации // Библиотека криминалиста. 2016. № 3. С. 150.

Сидоренко Э. Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. 2016. № 3. С. 193–197.

Мироненко С. Ю.

Специально-криминологическая профилактика преступлений, которые совершаются с использованием оружия

Criminological Prevention of Crimes Committed with the Use of Weapons

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы профилактики преступлений, которые совершаются с использованием оружия, и представляют особую угрозу для общества и государства. Акцентируется внимание на целях специально-криминологической профилактики преступлений, совершенных с использованием оружия.

Abstract. The article deals with the prevention of crimes that are committed using weapons and pose a threat to society and the state. Author focuses attention on the purpose of special criminological prevention of crimes committed with the use of weapons.

¹ Сидоренко Э.Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. 2016. № 3. С. 193–197.

Ключевые слова: профилактика преступлений, методы профилактики, оружие.

Key words: crime prevention, prevention methods, weapon.

Достижение положительных результатов в борьбе с преступлениями, которые совершаются с использованием оружия, возможно лишь при условии комплексного и системного подхода к причинам и условиям этого вида преступности.

По нашему мнению, профилактику преступлений следует рассматривать как систему мероприятий, осуществляемых с целью сдерживания роста преступности и снижение ее уровня путем устранения и нейтрализации причин и условий, которые ей способствуют. Следовательно, целью специально-криминологической профилактики преступлений, совершаемых с использованием огнестрельного оружия, является сдерживание роста количества преступлений, совершенных с использованием оружия и снижение имеющегося уровня путем устранения и нейтрализации причин и условий, способствующих их совершению.

Действенность профилактических мероприятий в рассматриваемой сфере зависит от соблюдения при их осуществлении следующих условий:

- законность применяемых мер, то есть осуществление только тех мероприятий, которые непосредственно основаны на законе;

- обоснованность, то есть принятие мер на основе глубокого и кропотливого исследования причин и условий, способствующих совершению преступлений;

- реальность и экономическая целесообразность, то есть выбор только тех профилактических мероприятий, которые могут быть воплощены в практической деятельности, а их применение даст экономический эффект пропорционально вложенным материальным ресурсам;

- комплексность, то есть разработка и внедрение взаимосвязанных мер экономического, идеологического, культурно-воспитательного, социально-психологического и правового характера;

- конкретность, то есть соответствие принятых мер реально имеющимся криминогенным факторам, которые порождают этот вид преступлений.

Наряду с термином «профилактика» используют и такие, как «предупреждение», «предотвращение», «противодействие» и «превенция». В криминологической литературе эти термины иногда рассматривают как самостоятельные, которые не совпадают по своему содержанию, связывая их значение с различными уровнями и видами рассматриваемой деятельности. По нашему мнению, подобное разграничение носит условный характер, что подтверждается этимологическим сходством вышеуказанных терминов. Поэтому их можно использовать как равнозначные, хотя на сегодняшний день понятие «предупреждение совершения преступлений» как общее предотвращение или общая превенция является более приемлемым и чаще встречается в научной литературе. Специально-криминологическая профилактика преступности представляет собой систему, которая включает в себя: изучение причин и условий преступлений, совершенных с использованием ору-

жия; объекты профилактики; ее основные уровни и формы; методы и меры воздействия; субъекты, которые осуществляют эту работу. Основная же задача этой профилактики по предотвращению преступлений, совершаемых с использованием огнестрельного оружия, заключается в устранении детерминант их существования и распространения.

Специально-криминологический уровень профилактики преступлений включает целенаправленное воздействие на преступность в целом, на отдельные ее виды и группы преступного поведения. Однако вопрос о теоретическом обосновании специально-криминологического предупреждения преступности является дискуссионным. Профилактическая деятельность осуществляется преимущественно лицами, для которых предупреждение преступности является профессиональной функцией. В литературе также выделяют индивидуальный уровень профилактики преступности, под которым понимается деятельность относительно конкретных правонарушителей. Индивидуальная профилактика, в свою очередь, состоит из четырех основных видов – ранней, непосредственной, пенитенциарной и пост пенитенциарной. По нашему мнению, включение индивидуального уровня профилактики, вместе с общесоциальным и специально-криминологическим, в систему предупреждения преступности является неоправданным, поскольку общесоциальный и специально-криминологический уровни выделяются в соответствии с субъектами, которые их осуществляют, а индивидуальный – согласно одному из многих объектов профилактического воздействия – правонарушителя.

Формы профилактической работы в сфере предупреждения преступлений, совершенных с использованием оружия, должны рассматриваться в соответствии с субъектами, которые эти формы работы реализуют, с учетом их правового статуса, уровня подготовленности и возможности осуществлять эту работу в рамках своих должностных обязанностей. В советское время к формам специально-профилактической работы относили меры уголовного наказания, принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного характера, меры общественного воздействия, меры дисциплинарного и административного воздействия, меры пресечения совершаемого преступления и т.д., что, как было обосновано выше, не может считаться профилактикой. К сожалению, в современной криминологической литературе классификации форм профилактики обычно предоставляются в общем виде, без учета тех юридических и физических лиц, которые должны воплощать конкретные мероприятия в жизнь. Так, с теоретической точки зрения, ценным является такой перечень мероприятий специально-криминологической профилактики преступлений, совершенных с использованием оружия: комплекс мер по борьбе с алкоголизмом и наркоманией; эффективная организация охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий; оптимальная расстановка сил и средств органов внутренних дел и общественных формирований по охране правопорядка; выявление, учет и контроль за поведением лиц, имеющих психические

аномалии; контроль за соблюдением порядка приобретения, хранения и учета огнестрельного оружия и взрывчатых веществ; проведение текущих анализов состояния «уличной преступности» с обязательной разработкой «карт пораженности» конкретных районов; немедленное рассмотрение заявлений о побоях, угрозах убийством или нанесением телесных повреждений; выявление молодежных группировок, склонных к совершению насильственных преступлений и хулиганств; профилактическое воздействие на лиц, ранее судимых за насильственные преступления, которые склонны к агрессивному поведению; систематические отработки жилого сектора с целью выявления притонов и лиц, которые их содержат, выявление и учет неблагополучных семей.

По нашему мнению, проблема отсутствия четкой и логически построенной классификации форм специально-профилактической работы тесно связана с особенностью деятельности правоохранительных органов в современных условиях, когда приоритеты ведомственной политики направлены, прежде всего, на достижение определенных количественных показателей по раскрытию преступлений. А при условии, что профилактическая работа будет успешной и количество преступлений уменьшится, непременно может наступить сокращение штатной численности работников, которые должны эти преступления раскрывать. Поэтому специально-криминологическая профилактика активно осуществляется только в тех случаях, когда есть возможность одновременно раскрыть преступление или составить протокол об административном правонарушении.

По нашему мнению, формы специально-криминологической профилактики в сфере профилактики преступлений, совершенных с использованием оружия, должны быть такие.

1. В зависимости от количества лиц, подлежащих профилактике: а) массовая (пропаганда законопослушания, здорового образа жизни, основ правовых знаний средствами массовой информации, произведениями литературы и искусства, проведение торжественных мероприятий, телемарафонов, благотворительных мероприятий и др.); б) коллективная (работа с производственными, учебными и другими коллективами); в) групповая (работа с группами как социальной, так и антисоциальной и неопределенной направленности, в том числе с семьями); г) индивидуальная.

2. По признаку регулирования уголовно-процессуальным законом: а) процессуальная (осуществление которых прямо определяется уголовно-процессуальным законом); б) не процессуальная.

3. В зависимости от субъектов, осуществляющих профилактическую работу: а) профилактическая работа, осуществляемая в соответствии со служебными обязанностями субъекта; б) профилактическая работа, которая осуществляется на добровольных началах.

4. В зависимости от содержания профилактической работы: а) педагогическая; б) психологическая; в) правовая; г) просветительская.

5. По возрастному признаку: а) с дошкольниками; б) с детьми младше-

го школьного возраста; в) с подростками; г) с молодежью; д) с лицами среднего возраста; е) с лицами пожилого возраста.

6. По признаку социальной или асоциальной направленности: а) профилактическая работа с лицами, которые привлекались к уголовной ответственности за совершение насильственных преступлений; б) профилактическая работа с лицами, которые привлекались к уголовной ответственности за совершение других видов преступлений; в) профилактическая работа с лицами, которые не привлекались к уголовной ответственности, но входят в состав групп асоциальной направленности; г) профилактическая работа с лицами социальной направленности; д) профилактическая работа с лицами, которые в силу исполнения своих профессиональных обязанностей могут стать жертвой вооруженных нападений (водители такси, которые работают в ночное время, инкассаторы, кассиры, водители грузовых машин «дальнобойщики», экипажи «скорой помощи», журналисты, работники правоохранительных органов и др.).

7. По направлениям профилактической работы: а) профилактика преступлений; б) профилактика других правонарушений; в) профилактика виктимного поведения.

8. По признаку места проведения: а) профилактическая работа, которая осуществляется по месту жительства; б) профилактическая работа, которая осуществляется по месту учебы или работы; в) профилактическая работа, которая осуществляется в местах массового скопления людей (во время праздников, массовых гуляний и т.д.); г) профилактическая работа, которая осуществляется в специализированных государственных, общественных, коммунальных и частных органах, организациях, учреждениях и предприятиях; д) профилактическая работа, которая осуществляется в местах лишения свободы.

11. В зависимости от необходимости специальной подготовки лица, осуществляющего профилактическую работу: а) профилактическая работа, которая требует наличия специальных знаний, умений и навыков; б) профилактическая работа, для проведения которой достаточно общих знаний в отношении преступлений, совершенных с использованием оружия.

Относительно каждой формы работы по профилактике преступлений, совершаемых с использованием оружия, должны использоваться соответствующие методы. Использование одних и тех же методов для работы с различными категориями лиц может приводить к последствиям, которые прямо противоположны запланированным.

Основными методами осуществления специально-криминологической профилактики преступлений, совершаемых с использованием оружия, необходимо считать:

- методы воспитания, то есть совокупность средств, с помощью которых осуществляется целенаправленное воздействие на сознание и поведение личности, формирование у нее необходимых качеств: уважение к человеку, человеческой жизни и здоровью;

- психологические методы, включающие эмпирические (наблюдение, эксперимент, психодиагностические (тесты, анкеты, социометрия, беседа), анализ результатов деятельности и биографический) и методы коррекции (аутотренинг, социально-психологический тренинг, средства психотерапевтического воздействия, обучение желательным формам поведения и преодоление нежелательных);

- просветительские методы (лекции, круглые столы, конференции, на которых освещаются причины совершения преступлений с использованием оружия, условия, которые им способствуют, а также последствия использования и применения огнестрельного оружия и т. д.);

- методы контроля (систематическая инвентаризация вооружения, боеприпасов и взрывчатых веществ, проверка строгого соблюдения правил их хранения, реализации и утилизации и т. д.);

- технические методы профилактики, к которым относятся различные технологии, правила, средства и приспособления, препятствующие причинению общественно опасных последствий в процессе социальной деятельности людей, особенно, если такая деятельность связана с оборотом оружия;

- правовые методы противодействия преступности: такие, которые способствуют нейтрализации условий осуществления конкретных преступлений (например, нормы, регламентирующие порядок приобретения и хранения оружия); такие, которые стимулируют к действиям, которые препятствуют или пресекают совершение преступления (это нормы уголовного права о добровольном отказе от совершения преступления, необходимая оборона и т.д.); такие, которые регламентируют процесс предупреждения преступлений.

Снижение количества преступлений, совершаемых с использованием оружия, возможно лишь при условии объединения усилий всех субъектов профилактической работы и ее координации на государственном уровне.

Таким образом, достижение целей специально-криминологической профилактики преступлений, совершенных с использованием оружия, возможно лишь при условии воспитания у граждан высокого правосознания – их способности и готовности к законопослушному поведению, которое предусматривает: понимание субъектом объективной необходимости в правовом оформлении и упорядоченности общественных отношений; уверенность в возможности права и закона обеспечить надлежащий социальный порядок; уважение к авторитету законной власти; сознание и чувство ответственности перед необходимостью соблюдения норм права; наличие сильной воли, которая позволяет субъекту противостоять внешним воздействиям и внутренним искушениям, толкающих его на путь правонарушений. Стабильный внутренний порядок в государстве не может быть достигнут только с помощью принуждения. Более взвешенным и результативным является развитие зрелого правосознания граждан. Поэтому цивилизованные государства заинтересованы в создании условий, необходимых для развития духовно богатых личностей и для защиты их прав и свобод.

Список литературы

- Бурлаков В.Н., Орехов В.В. Индивидуальное предупреждение преступлений. Вопросы теории и практики. – Л.: Издательство ЛГУ, 1988.
- Герцензон А.А., Звирбуль В.К., Кузнецова Н. Ф. Советская криминология: Учебник. – М.: Госюриздат, 1966.
- Джужа О.М., Моисеев С.М., Василевич С.С. Криминологія. Спеціалізований курс лекцій зі схемами (Загальна та Особлива частини). Навчальний посібник. – К.: Оріяни, 2001.
- Зелинский А. Ф. Криминология: курс лекций. – Харьков: Прапор, 1996. Лут-вак О. Загальнотеоретичні підвалини спеціально-кримінологічного запобігання злочинності // Право України. – 2001. – №5. – С. 97-103.

Нестеренко А.В.

Уголовно-правовая охрана цифровых технологий в международном и зарубежном законодательстве

Criminal Law Protection of Digital Technologies in International and Foreign Legislation

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с охраной цифровых технологий в международном и зарубежном законодательстве. Авторы приходят к выводу о том, что в настоящее время современное законодательство разных государств направлено прежде всего на охрану компьютерной информации и компьютерных технологий от неправомерного использования, и не защищает вновь появляющиеся цифровые технологии. Следовательно, требуется терминологически расширить и криминализовать преступления, совершаемые в сфере цифровых технологий, что может быть достигнуто путем принятия международной конвенции, классифицирующей преступления в цифровой сфере.

Abstract. The article deals with the problematic issues related to the protection of digital technologies in international and foreign legislation. The authors conclude that the current legislation of different states is aimed primarily at protecting computer information and computer technology from misuse and does not protect the newly emerging digital technologies. Consequently, it is necessary to expand the terminology and criminalize certain activities in the field of digital technologies, what can be achieved through the adoption of an international Convention classifying crimes in the digital sphere.

Ключевые слова: цифровые технологии, компьютерные преступления, информационная безопасность, компьютерная информация, компьютерные технологии.

Key words: digital technologies, computer crimes, information security, computer information, computer technologies.

Важной сферой деятельности в области государственной политики России в настоящее время являются формирование и улучшение цифровых технологий, приобретающих огромное значение в современном мире. В последние годы открыто и продолжает создаваться множество новых цифровых технологий, выполняющих свои функции как в сфере государственно-властных отношений, так и экономики, образовании и т.п. При этом цифровые технологии приносят как благо для

нашего государства, так и несут определенные угрозы национальной безопасности страны.

В Национальных целях и стратегических задачах развития РФ прописано создание системы правового регулирования цифровых технологий¹.

В Стратегии развития информационного общества в РФ², указано, что государство создает благоприятные условия для применения цифровых технологий, в том числе в путем совершенствования законодательства в уголовно-правой сфере.

В программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ в 2017 году³ и к 2019 году уже не действующей, приведен перечень основных сквозных цифровых технологий, подлежащих правовому регулированию, неоднократно описанных нами в научных статьях.

Национальная программа «Цифровой экономики Российской Федерации», утвержденная в конце 2018 года⁴, не приводит перечень сквозных цифровых технологий, однако в рамках федерального проекта «Цифровые технологии» разработаны дорожные карты по данным цифровым технологиям, в которых затронуты вопросы, касающиеся их применения, использования и охраны.

Следовательно, на формирование научных и практических взглядов касательно уголовно-правовой охраны цифровых технологий во многом могут влиять результаты, достигнутые в международном и зарубежном законодательстве при решении данных проблемных вопросов.

В связи с актуальностью исследуемых норм российского уголовного закона и возникающей практики их применения важным представляется рассмотрение законодательного опыта мирового сообщества, что позволит оценить отечественную правовую базу в этой сфере и выработать возможные тенденции ее улучшения.

Итак, единого международного нормативного акта, регламентирующего вопросы уголовно-правовой охраны в сфере цифровых технологий, до настоящего времени, к нашему сожалению, не издано.

Как считает Т.Л. Тропина, существующие зарубежные ресурсы, направленные на обеспечение безопасности цифровых технологий, характеризуются своей архаичностью, не эффективностью и не способствуют улуч-

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». - URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения 23.06.2019).

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы». - URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения 23.06.2019).

³ Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 №1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». - URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения 23.06.2019).

⁴ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). - URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319432/ (дата обращения 23.06.2019).

шению качества уголовного законодательства иностранных государств в указанной сфере¹.

В.С. Овчинский утверждает, что современные международно-правовые ресурсы, позволяющие отстаивать верховенство государств на регулирование вопросов в цифровом пространстве, не утверждены. Иностранные государства вынуждены постоянно приспосабливать государственное регулирование сферы цифровых технологий к новым факторам².

Процесс, направленный на обеспечение охраны цифровых технологий, в том числе и путем признания преступными общественно опасных деяний, совершаемых в цифровой сфере, происходил не идентично.

США, Япония, страны Евросоюза, одними из первых занялись разработкой уголовно-правовых рекомендаций, направленных на борьбу с цифровой преступностью³, так как для экономик этих государств характерно быстрое развитие цифровых технологий, и соответственно всплеск такого рода преступности, с необходимостью ее немедленного государственно-правового пресечения.

Развивающиеся страны, например, входящие в Содружество Независимых государств, имеют слабое уголовное законодательство в данной отрасли, так как значительно позднее восприняли вызовы и угрозы, исходящие от преступлений, совершаемых в цифровой сфере.

Качественное законодательство в сфере уголовно-правового реагирования на преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий, имеется в США. Так, в 1986 году принят первый Закон о мошенничестве и злоупотреблении с использованием компьютеров⁴, регламентирующий ответственность за преступления, совершаемые в цифровой среде.

В частности, А.Г. Волеводз приводит список незаконных деяний в сфере цифровых технологий по законодательству США⁵. К ним относятся компьютерный шпионаж; незаконный доступ к сведениям, находящимся в государственном компьютере; повреждение, нарушение государственного компьютера; мошенничество с использованием компьютера и торговлей компьютерными кодами; угрозы, вымогательство, шантаж, с помощью компьютера; торговля похищенными, поддельными устройствами доступа, используемыми для получения денег, товаров, услуг; умышленное повреждение оборудования, линий, систем связи; перехват, разглашение сообщений, передаваемых по телеграфу, устно, электронным способом; нарушение конфиденциальности электронной

почты, голосовых сообщений и умышленное получение, изменение сохранившихся в памяти компьютера, сообщений.

Основопологающим нормативным актом, регламентирующем уголовную ответственность в сфере цифровых технологий за «неуполномоченный доступ» к информации и устройствам ее хранения в Великобритании, является «Акт о компьютерных злоупотреблениях» 1990 года¹.

В Уголовном кодексе ФРГ уголовно-правовому преследованию подвергаются такие деяния в сфере цифровых технологий как изменение, разведывание, подделка информации, в том числе, значимой для получения доказательств, компьютерное мошенничество, саботаж, нарушение тайны телекоммуникаций.²

Советом Европы в 2001 году принята Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации³, содержащая основные положения международного уголовного законодательства и устанавливающая преступность деяний в сфере цифровых технологий, в соответствии с которой государства - участники обязаны реализовать уголовно-правовые нормы в собственном законодательстве.

В Конвенции, в соответствии с объектом преступного посягательства, преступления классифицированы на четыре группы:

- против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерной информации, систем: запрещенный доступ, перехват, влияние на информацию, деятельность системы; незаконная эксплуатация устройств;
- с использованием компьютерных средств: подлог и мошенничество с использованием компьютерных технологий;
- с разглашением незаконной информации: детская порнография;
- с посягательством на авторское и смежные права.

В 2009 году заключено Соглашение Шанхайской организацией о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности.⁴ К главным вызовам международной информационной безопасности в нем отнесены подготовка, ведение информационной войны, разработка, применение информационного оружия; информационные преступность и терроризм; применение информационного пространства в ущерб интересам и безопасности других стран; разглашение данных, наносящих вред социально-экономическим, общественно-политическим, духовно-нравственным и культурным сферам других стран; угрозы безопасному, стабильному функционированию глобальных и национальных информационных инфраструктур природно-техногенного характера.

¹ Тропина Т.Л. Борьба с киберпреступностью: возможна ли разработка универсального механизма? // Международное правосудие. 2012. № 3. С. 86 – 95

² Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: Учебник. М., 2018. С. 11.

³ Степанов-Егиянц В.Г. Преступления в сфере безопасности обращения компьютерной информации: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С 4.

⁴ Computer Fraud and Abuse Act // Cornell University Law School: [Сайт]. URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030> (дата обращения: 23.06.2019).

⁵ Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. – М.: ООО «Издательство «Юрлитинформ», 2001. – С. 496.

¹ Computer Misuse Act // UK Legislation. URL: [http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/ contents](http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents) (дата обращения: 23.06.2019).

² Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. - С. 524

³ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ЕСТ № 185) от 23 ноября 2001 г. (с изм. от 28.01.2003) - // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.06.2019).

⁴ Соглашение между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.06.2019).

В 2010 году Лигой арабских государств заключена Конвенция о борьбе с преступлениями в области информационных технологий, в которую включены следующие преступления: незаконный доступ, перехват, воздействие на целостность компьютерной информации; незаконный оборот информационных технологий, платежных средств, порнографии; компьютерный подлог и мошенничество; нарушение неприкосновенности частной жизни; кибертерроризм и устоявшиеся формы указанной преступности, направленные на легализацию, незаконное обращение наркотических средств, торговлю людьми, незаконную трансплантацию; посягающие на интеллектуальную собственность¹.

Африканский союз в 2014 году принял Конвенцию о кибербезопасности и защите персональных данных², в которой предусмотрена ответственность за следующие виды преступлений в сфере цифровых технологий: незаконный доступ к компьютерной информации, системе; незаконное уничтожение, повреждение, модификацию или копирование компьютерной информации; изготовление и распространение детской порнографии; изготовление, приобретение, распространение сообщений, изображений, другой информации экстремистской направленности; геноцид, иные преступления против человечества, с использованием компьютерных устройств; посягательства на собственность, совершаемые с применением компьютерных данных.

Участниками Содружества Независимых Государств в Соглашении о сотрудничестве государств определены нормы об ответственности за преступления в сфере цифровых технологий, на которых основано их национальные законодательные акты в данной отрасли³.

УК Украины предусматривает уголовную ответственность за следующие виды преступлений в исследуемой сфере: распространение, сбыт, использование вредоносных программных, технических средств, предназначенных для запрещенного вмешательства в работу компьютерных устройств, автоматизированных систем, компьютерных сетей; незаконный сбыт, распространение данных с ограниченным доступом, хранящихся в компьютерных устройствах, автоматизированных системах, компьютерных сетях или на носителях, таких данных; умышленное массовое распространение сообщений электросвязи, осуществленное без одобрения адресатов, повлекшее нарушение, прекращение работы компьютерных устройств, автоматизированных систем, компьютерных сетей⁴.

¹ Арабская конвенция о борьбе с преступлениями в области информационных технологий (Каир, 21 декабря 2010 г.) URL: [www. https://www.ebrary.net/57669/law/league_arab_states](https://www.ebrary.net/57669/law/league_arab_states) (дата обращения 23.06.2019).

² Ball K. M. African Union Convention on Cyber Security and Personal Data Protection // International Legal Materials. — 2017. — Vol. 56. — Iss. 1. — P. 164-192.

³ Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.06.2019).

⁴ Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.04.2019) - URL: [www. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109#pos=6;-156](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109#pos=6;-156) (дата обращения 23.06.2019).

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики, в свою очередь, предусматривает за следующие виды преступлений: противозаконные доступ к компьютерной системе, завладение компьютерной информацией, вмешательство в компьютерную систему, информацию; оборот средств, изготовленных для совершения киберпреступлений; подмену компьютерной информации¹.

УК Республики Казахстан устанавливает уголовную ответственность за совершение следующих преступлений: нелегальный доступ к компьютерным данным, создание, использование, распространение вредоносных программ; запрещенное изменение идентификационного кода пользователя устройства мобильной связи, идентификации пользователя, создание, использование, распространение программ для изменения идентификационного кода пользовательского устройства².

Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за следующие преступления в сфере цифровых технологий: незаконный доступ к компьютерным данным; преобразование компьютерных данных; компьютерный саботаж; противозаконное завладение компьютерными данными; изготовление, сбыт технических средств для получения ограниченного доступа к компьютерным устройствам; разработка, использование либо распространение вредоносных программ; сбой эксплуатационных требований компьютерных устройств³.

Проанализированное международное и зарубежное законодательство, которое, на наш взгляд, должно быть направлено на правовое регулирование цифровых технологий, в том числе и путем введения ответственности за совершение преступлений в цифровой сфере, в разных государствах имеет своей целью, прежде всего, охрану компьютерной информации и компьютерных технологий от неправомерного использования, и не обеспечивает защиту вновь появившихся цифровые технологий, что не отвечает современным вызовам и угрозам.

Исходя из вышеизложенного, необходимо терминологическую базу преступлений, совершаемых в сфере цифровых технологий расширить, криминализовав деяния, связанные с неправомерным использованием не только компьютерной информации, технологий, но и современных цифровых технологий⁴.

¹ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.03.2019). URL: [www. https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353](https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353) (дата обращения 23.06.2019).

² Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.04.2019) - URL: [www. https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252](https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252) (дата обращения 23.06.2019).

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2018) - URL: [www. https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984](https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984) (дата обращения 23.06.2019).

⁴ Нестеренко А.В., Пинкевич Т.В. Уголовная политика и цифровая безопасность: общее и частное в законодательстве РФ. // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по мате-

В настоящее время актуальным остается вопрос о выделении в международном и зарубежном уголовном законодательстве самостоятельной группы преступлений, совершаемых в сфере цифровых технологий и посягающих на общественные отношения в сфере обеспечения безопасности цифровых сведений, технологий, систем и устройств. Это необходимо в связи с увеличивающейся угрозой данных преступлений. Требуется принятие Конвенции ООН, которая определила бы не только общепринятую классификацию преступлений в сфере цифровых технологий, но и предоставила единые рекомендации государствам по криминализации таких преступлений в национальном законодательстве, что является первостепенным и для Российской Федерации.

Список литературы

- Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. – М.: ООО «Издательство «Юрлитинформ», 2001.
- Тропина Т.Л. Борьба с киберпреступностью: возможна ли разработка универсального механизма? // Международное правосудие. 2012. № 3.
- Нестеренко А.В., Пинкевич Т.В. Уголовная политика и цифровая безопасность: общее и частное в законодательстве РФ. // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». Санкт-Петербург, 2019.
- Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: Учебник. М., 2018.
- Степанов-Егиянц В.Г. Преступления в сфере безопасности обращения компьютерной информации: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
- Ball K. M. African Union Convention on Cyber Security and Personal Data Protection // International Legal Materials. — 2017. — Vol. 56. — Iss. 1.
- Computer Fraud and Abuse Act // Cornell University Law School. URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030> (дата обращения: 23.06.2019).
- Computer Misuse Act // UK Legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents> (дата обращения: 23.06.2019).

Петрянин А. В.

Модернизация и эволюционирование уголовной политики в области противодействия экстремизму

Modernization and Evolution of Criminal Policy Countering Extremism

Аннотация: Активное развитие современного российского общества и государства, переоценка приоритетов правового регулирования повлекло за собой мутацию преступности. Ранее не известные новые ее виды, ставят вопрос о переоценке угроз, исходящих от криминальной среды. Особо это актуально в разрезе противодействия преступлениям экстремистской направленности. В этой связи в статье представлено авторское видение развития уголовной политики в данной области. Продемонстрированы направления ее реализации.

риалам VI Международной научно-практической конференции. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». Санкт-Петербург, 2019. С. 252-258.

Abstract: The active development of modern Russian society and the state, the reassessment of the priorities of legal regulation led to a mutation of crime. Previously unknown new crimes raise the question of reassessing threats emanating from the criminal environment. This is especially relevant in the context of countering extremist crimes. In this regard, the article presents the author's vision of the development of criminal policy in this area and demonstrates directions for its implementation.

Ключевые слова: экстремизм, преступление, государство, безопасность, противодействие, уголовная политика, эволюция, модернизация.

Key words: extremism, crime, state, security, counteraction, criminal policy, evolution, modernization.

Явление, именуемое сегодня как «экстремизм», сопровождает человечество на всех этапах его развития. В Российской Федерации зачатки борьбы с ним можно обнаружить в древнерусских правовых памятниках, на стадии возникновения государства и как следствие появления классового общества. Данные обстоятельства породили несогласия с методами и политикой управления со стороны меньшинства – правящего класса¹. При это борьба за власть оправдывала все средства, включающие в себя и насильственные способы. Обулавливалось это тем, что их радикализация не только усиливала позиции экстремистов, но и существенно подрывала авторитет власти в глазах общества². Вышеизложенное подтверждает общепризнанную позицию в том, что экстремизм – это политический вид преступности. Всплеск такого вида противоправного поведения напрямую зависел и зависит от обострения социально-экономических и политических противоречий³.

Хотя, юридическое закрепление рассматриваемое явление получило в 2012 году, при принятии Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁴, законодателем неоднократно предпринимались попытки систематизации таких деяний. Так, на стадии становления Советского государства, преступления с признаками экстремизма именовались как контрреволюционные⁵. Важной вехой этого этапа стало принятие ЦИК СССР 25 февраля 1927 года «Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР

¹ По мнению В.А. Рогова, историю правовой регламентации антигосударственной (экстремистской) преступности следует вести от эпохи *развитой государственности* (См.: Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. М., 1995. С. 90).

² Петрянин А. В. Становление уголовной ответственности и регламентация наказания за преступления экстремистской направленности в России // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. – Вологда, 2011. № 4. С. 85–90.

³ Например, П. А. Кропоткин считал, что терроризм в России как наиболее радикальная форма проявления экстремизма был порожден политической борьбой, происходящей на конкретном историческом этапе: «Он жил и умер. Он может вновь воскреснуть и вновь умереть». (Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1990. С. 266).

⁴ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁵ О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний: инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 19–20.

опасных преступлениях против порядка управления)»¹. Дальнейшее развитие уголовной политики в исследуемой области, позволило законодателю предпринять еще одну попытку по определению круга таких криминальных форм поведения. Например, в 1958 году был принят Закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления»², в целом сохранивший ранее заложенную концепцию, но откорректировавший положения вышеназванного нормативного правового акта в части построения санкций. Ранее заложенные признаки находят свое отражение и в действующем законодательстве, с учетом произошедших за это время политических, социальных и экономических изменений. Это дает нам основание утверждать следующее. Экстремизм, как форма политической преступности эволюционирует вместе с человечеством, как в рамках выбора методов и средств борьбы, так и целей экстремистской деятельности.

В настоящее время экстремизм направлен на достижение двух взаимообуславливающих и взаимодополняющих целей. Это захват власти и передел экономических ресурсов. Первая, является общепризнанной, поэтому не требует пояснения. Экономическая составляющая экстремизма доказывается на примере событий, происходящих на территории Сирийской арабской республики. Расхищение углеводородов на территории САР и продажа культурных, а также исторических ценностей, принесла преступниками миллиардную прибыль

Главной проблемой, снижающей качество противодействия экстремистской деятельности, является неопределенность международного сообщества и национального законодательства в признаках экстремизма. В российском правовом поле отсутствует понятие экстремизма, включающего в себя его концептуальные черты. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» их не содержит. В нем допущена методологическая коллизия. В частности, в статье 1 этого Закона предлагается рассматривать «экстремизм» и «экстремистскую деятельность» как синонимичные понятия.

Обратившись к этимологии, а так же к правилам синтаксиса и грамматики, мы приходим к выводу о том, что суффикс «-изм», ложится в основу формирования понятий, характеризующих определенное состояние, направление мысли, идею, стиль³, учения, течения и т.д.⁴. Полагаем, что вышеизложенное указывает на невозможность использования в качестве синонима «экстремизма», «экстремистской деятельности». По нашему мнению, экстремизм – это состояние (идеология), а экстремистская деятельность – это форма его выражения в конкретных видах противоправного поведения, перечень которого и закреплен в ст. 1 Феде-

рального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Предлагаемая нами позиция подтверждается рядом следующих аргументов. Во-первых, полагаем, что именно вышеотмеченная причина и стала основанием изменения названия ст. 205 УК РФ с «Терроризм» на «Террористический акт». Во-вторых, это доказывается положениями Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹. В нем в декларативной форме отмечено, что терроризм – это идеология. Такие нестыковки, с нашей точки зрения, существенно влияют на поляризацию развития уголовной политики в рассматриваемой области.

Так, на первоначальном этапе, заложенным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», был предложен исчерпывающий перечень преступлений экстремистской направленности. Хотя, он и был оспорим, но данный подход, с нашей точки зрения, является наиболее приемлемым.

Поставив под сомнение этот перечень, законодатель представил для использования в области противодействия экстремизму принципиально иной прием. В частности, с принятием Федерального закона от 24.07.2007г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму»², в основу определения признаков рассматриваемых деяний был положен лишь один критерий – мотив. Такой подход существенно размывает сущность экстремизма, так как дает легитимное основание для признания любого умышленного преступления, закрепленного в Особенной части Уголовного кодекса РФ, экстремистским.

Следующее направление развития уголовной политики в рассматриваемой области характеризуется ужесточением ответственности. Это нашло свое отражение в изменении категорий рассматриваемых преступлений на более общественно опасные, и в форме криминализации новых деяний экстремистской направленности (ст. 280¹ УК РФ Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации), ст. 282³ УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности»).

2018 год ознаменован новым направлением, в развитии уголовной политики в части борьбы с экстремизмом. Президент России, В.В. Путин, продекларировал потребность гуманизации ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства³. Данная позиция находит свое подтверждение и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20.09.2018г № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня

¹ Положение о преступлениях государственных // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 219.

² Солопанов Ю.В. Ответственность за фальшивомонетничество. М., 1963. С. 8.

³ Правила синтаксиса и грамматики. М., 2003. С. 197.

⁴ Там же. С. 198.

¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

² СЗ РФ. 2007. № 31, ст. 4008.

³ Путин предложил смягчить статью УК о возбуждении ненависти. - URL: <http://www.interfax.ru/russia/631638> (дата обращения 27.05.2019г.).

2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»¹.

Подводя итог, проведенному исследованию, отметим, что законодатель сегодня находится в активной фазе поиска эффективных юридико-технических механизмов противодействия экстремизму. Полярность применяемых подходов свидетельствует о неопределенности государства в существенных признаках исследуемого явления. Поэтому, перспектива дальнейшего развития уголовной политики в области противодействия преступлениям экстремистской направленности должна лежать в плоскости их более четкого установления, и как следствие объектов экстремистских деяний. При этом мы не можем исключать превентивные меры в борьбе с экстремизмом, но они не должны выступать в качестве главенствующих².

Список литературы

Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1990.

Мацкевич И. М. О предложениях, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства об экстремизме // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 3–5.

Петрянин А. В. Становление уголовной ответственности и регламентация наказания за преступления экстремистской направленности в России // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. – Вологда, 2011. № 4. С. 85–90.

Правила синтаксиса и грамматики. М., 2003.

Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. М., 1995

Солопанов Ю.В. Ответственность за фальшивомонетничество. М., 1963.

Потанов Ю.А.

Поражение в правах как социальный феномен (ретроспективный анализ)³

Defeat in Rights as a Social Phenomenon (Retrospective Analysis)

Аннотация. В статье рассматриваются истоки происхождения и развитие в российском законодательстве, уголовно-правовой науке и правоприменительной практике такого социально-правового феномена, как поражение в правах, а также сходных с ним иных понятий.

Abstract. The article deals with the origins and development of the civil death phenomenon in Russian legislation, criminal law science and law enforcement practice, it's social and legal meaning and other similar concepts.

Ключевые слова: поражение в правах, лишение прав, ограничение прав, репрессии.

Keywords: civil death, deprivation of rights, restriction of rights, repression

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.09.2018г № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2018. 27 сентября.

² Мацкевич И.М. О предложениях, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства об экстремизме // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 3–5.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01233 «Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт»

Лишение прав (полное или частичное) рассматривались на всем протяжении развития человечества как крайняя мера наказания, применяемая, как правило, по отношению к людям (впоследствии – к гражданам), нарушившим строгие правила общежития, покусившимся на устои государственного устройства или открыто выступавших против должностных лиц, а также совершившим иные нарушения и преступления. Так, суровым наказанием в Древней Греции считалась атимия, предусматривавшая лишение прав гражданского состояния, публичное бесчестие и презрение провинившегося человека¹.

Способы вынесения таких наказаний были разными – от коллективного осуждения и примитивного голосования до официально составленного вердикта (указа, приказа и т.п.). В отдельных случаях ограничения, связанные с лишением гражданских и политических прав, были призваны предупредить пока еще несовершенное преступление. Например, в античных цивилизациях в подобных ситуациях практиковалось изгнание члена из общины, получившее название остракизма.

В российской истории лишение прав в различных видах также имело место в системе преследований и наказаний, нашедшее свое выражение как в уложениях и указах, так и в работах юристов, в частности, в трудах профессора Н.С. Таганцева, который называл данные меры карательными, особенно выделяя такие, как политическая смерть, шельмование и анафематствование. Так, например, при Петре I применялось шельмование, означавшее преследование за неудобные при дворе мысли и поступки, наносившие, по мнению царедворцев, ущерб государственным интересам, подрывавшим основы власти.

Шельмование, введенное Воинским уставом Петра Великого (ч. 3, гл. 2), а затем путем Генерального регламента перешедшее и в практику общегражданских судов, как замечает профессор Н.С. Таганцев, являлось особым видом выражения идеи политического вымирания личности. Оно состояло из позорного обряда и из праворазрушающих последствий. Шельмованный по суду лишался прав состояния, имя его прибавилось к виселице, над ним переламявалась шпага, и сам преступник объявлялся вором, извергом или шельмою и исключался из общества честных людей.

Последствия шельмования состояли в следующем: 1) шельмованный не мог быть принимаем на службу и допускаем к какому-либо делу и даже в свидетели; 2) шельмованный лишался покровительства законов, а потому, если кто шельмованного грабил, бил или ранил, то за это не подлежал ответственности; от шельмованного не принимались жалобы, и ему не давалось суда; но за убийство шельмованного виновный отвечал на общем основании; 3) шельмованный не допускался в общество добрых и честных людей и в разговор с ними; 4) шельмованный не приводился к присяге².

Историография вопроса дает небольшой перечень исследований, комментариев, затрагивавших проблемы лишения прав при различных условиях

¹ Андокид. Речи, или История святотатцев. СПб.: Алетей, 1996.

² Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Часть 2. СПб., 1902.

и основаниях. В частности, из дореволюционных работ к их числу можно отнести публикацию А.С. Старновского¹. Кроме того, в ряде работ рассматривались вопросы лишения прав состояния, лишение прав на судебную защиту «враждебных иностранцев» и другие, не получившие в последующем своего развития.

В советский период, особенно в 20-30 годы XX века, в отношении нескольких категорий граждан применялась такая ограничительная мера, как лишение избирательных прав. Таких людей еще называли «лишенцами».

В условиях тоталитаризма данная мера стала применяться по отношению к инакомыслящим, несогласным с устоявшимися или навязываемыми, как считали они сами, взглядами и мнениями, принимаемыми против воли человека решениями. В знак протеста люди пытались показать свое несогласие, выступить против системы. Государственный механизм ограничений в различных политических режимах предусматривал закрепление на законодательном и партийном уровнях тех или иных санкций по отношению к гражданам, допускавшим и выражавшим различного рода протесты и несогласия с действующей системой, правящим режимом².

Так, например, в конце 20-х – середине 30-х годов в период формирования политических и экономических основ государства, создания системы безопасности в отношении граждан допустивших отклонение от установленных норм и правил, стали использоваться такие определения, как «враг народа», «вредитель», «шпион», «предатель», «изменник» и др.³

Данные термины осуждали поведение человека и его действия, направленные, как считали партийные и советские органы, службы безопасности, на подрыв основ социалистического строя. В период «большого террора», или как его еще называли – сталинского террора получили масштабное распространение меры и наказания, связанные с лишением прав и свобод граждан⁴.

В годы довоенных и особенно послевоенных репрессий, а также в начальный период Великой Отечественной войны получила распространение еще одна мера наказания. Ее можно рассматривать не только как меру наказания за несовершенно совершенное преступление, а и как формируемую в обществе систему «народного осуждения», вызывающую глубокие моральные страдания граждан, в одночасье лишаемых всех ранее имевшихся привилегий и благ. Речь в данном случае идет об изменниках Родины, предателях, как их

¹ Старновский А.С. Лишение прав по нашим законам. СПб., 1890.

² Дорская А.А., Дорский А.Ю. Значение социальных травм в процессе легитимации политики в постсоветской России: правовое измерение // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 4 (32). С. 11.

³ Арнауты Н.Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 – ноябрь 1938 г.): монография. Новосибирск: НГУ, 2012. С. 238-246.

⁴ Волкова Е.П. Феномен «врага народа» в советской печати конца 1920-х – первой половине 1930-х гг. (по материалам центральных партийных изданий): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. С. 17-19.

именовали в печати и общественном мнении. Так, в брошюре «Изменник Родины – враг Советского народа», изданной в начале войны в Ленинграде, очевидно, для устрашения и оправдания несправедливого наказания была напечатана следующая фраза: «За измену Родине отвечает не только предатель, но и его семья»¹.

В относительно небольшой по объему работе профессора М.Д. Шаргородского «Вина и наказание», вышедшей в 1945 г., также упоминаются такие термины, как «враг народа», «поражение прав» и др.²

В начале 70-х годов XX века советским государством допускались значительные преследования отдельных категорий граждан, особенно по политическим мотивам. Основным видом такого ограничения прав стало выдворение из страны и лишение гражданства. Данному виду наказания подверглись оппозиционные писатели, поэты, артисты, художники, общественные деятели и др.

В предыдущий период истории государства и права и в настоящее время граждане, лишённые свободы по приговору суда, теряют полную дееспособность, в том числе кроме свободы лишены ряда политических прав, в частности – избирательных – право избирать и быть избранным.

В современных научных и учебных работах, в частности, по уголовному праву и процессу, криминологии, преобладают подходы, относящие такую меру ограничения прав человека, как лишение отдельных прав, к числу уголовных наказаний. Такой точки зрения, в частности, придерживается А.В. Щербань, прямо указывающий, что поражение в правах является одним из видов уголовного наказания³.

Кроме того, ряд авторов к числу ограничительных мер в сфере трудовых прав относят запреты на право занимать определенные должности или возможность поступления на государственную службу, установленные на законодательном уровне.

Некоторые исследователи рассматривают такую проблему, как право осужденных на профессиональную деятельность, ограничение социальных прав осужденных, ограничение политических прав осужденных к лишению свободы по приговору суда.

На рубеже XXI века в бывших союзных республиках получил распространение институт неграждан, допускающий ущемление прав русскоязычного населения и влекущий за собой ограничение их в правах.

В современной теории прав человека получил распространение термин «ограничение прав человека и гражданина», в частности, такие действия и меры со стороны государства применяются в соответствии с

¹ Федоров Е. Изменник Родины – враг Советского народа. Л., 1941. С. 27.

² Шаргородский М.Д. Вина и наказание. М., 1945.

³ Щербань А.В. «Поражение в правах» как один из видов уголовного наказания // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. XIX междунар. науч.-практ. конф. 2019. № 2 (18). Новосибирск: СибАК, 2019. С. 35-38.

федеральным законодательством в период действия особых правовых режимов.

К числу разновидностей уголовных наказаний в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации отнесены лишение специальных, воинских, почетных званий, классовых чинов и государственных наград, ограничение права на занятие государственной, муниципальной должности, лишение права заниматься определенной деятельностью как вид наказания, применяемый к несовершеннолетним.

Таким образом, поражение в правах как социально-правовой феномен, был рожден в глубокой древности, а затем получил свое развитие в последующие периоды истории права и государства. Он являет собой своеобразную меру ограничения важнейших прав человека, связан, прежде всего, с грубыми нарушениями государственных устоев со стороны отдельных лиц. По мере развития права подобные меры наказания перестали применяться, были отменены, однако сам подход, доставшийся современному праву «по наследству», еще имеет место в законодательной теории и правоприменительной практике.

Список литературы

Андокид. Речи, или История святотатцев. – СПб.: Алетей, 1996

Арнаутов Н.Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 – ноябрь 1938 г.): монография. – Новосибирск: НГУ, 2012

Волкова Е.П. Феномен «врага народа» в советской печати конца 1920-х – первой половине 1930-х гг. (по материалам центральных партийных изданий): Автореф. дисс ... канд. филол. наук. – М., 2013

Дорская А.А., Дорский А.Ю. Значение социальных травм в процессе легитимации политики в постсоветской России: правовое измерение // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 4 (32). – С. 8-18.

Старновский А.С. Лишение прав по нашим законам. – СПб., 1890

Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Часть 2. – СПб., 1902.

Федоров Е. Изменник Родины – враг Советского народа. – Л., 1941.

Щаргородский М.Д. Вина и наказание. – М., 1945

Щербань А.В. «Поражение в правах» как один из видов уголовного наказания // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. XIX междунар. науч.-практ. конф. 2019. № 2 (18). – Новосибирск: СибАК, 2019. – С. 35-38.

Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств среди подростков: вектор борьбы определен

Legal and Criminological Approaches to Drug Trafficking among Minors

Аннотация: В статье высказываются определенная тревога и обеспокоенность, вызванные ростом преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств среди несовершеннолетних и малолетних; раскрываются основные её причины и условия; сформулированы действенные меры, направленные на профилактику преступной деятельности в рассматриваемой сфере.

Abstract: Author raises alarm and concern about the rise of illegal drug trafficking among teens and preteens. The article reveals main conditions and causes of those crimes and proposes effective preventive measures.

Ключевые слова: несовершеннолетний, малолетний, преступление, профилактика преступлений, наркотики, незаконный оборот наркотических средств, противодействие незаконному обороту наркотических средств.

Key words: juvenile, minor, crime, crime prevention, drugs, drug trafficking, countering drug trafficking

В современных условиях стремительного развития общества и государства проблема преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств является особенно актуальной и вызывает бурную социальную озабоченность. Этот факт легко объясняется тем, что в последние годы наблюдается стремительный рост и развитие наркозависимости среди подрастающего поколения¹. По официальным данным, около 20 – 25 миллионов населения нашей планеты в той или иной мере знакомы с наркотическими или психотропными веществами, в том числе около 3 миллионов человек допускают систематическое потребление наркотиков. Принимая во внимание, что именно молодое поколение составляет весомую часть (около 75%) от общей массы населения, попавшего в коварную зависимость от наркотиков, мы вынуждены признать, что настала пора решительных действий². Перед нами стоит одна из ключевых задач, определяющих дальнейшее развитие общественных отношений – помочь несовершеннолетним, попавшим в пагубную зависимость от наркотиков с целью недопущения последствий надвигающейся катастрофы. По мнению многих известных ученых и медиков, именно в подростковом периоде зачастую формируется смертельно опасное привыкание к наркотикам и другим запрещенным препаратам³.

¹ Репин М. Е., Кривоногова Д. Д. Меры защиты несовершеннолетних от наркоугроз // Ответственность должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов ребенка, причинение ему вреда. Защита несовершеннолетних от насилия. Сборник статей. Материалы междисциплинарного межведомственного круглого стола, 16 декабря 2014 г. Следственный комитет Российской Федерации, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации», Институт повышения квалификации, Шестой факультет повышения квалификации (с дислокацией в городе Санкт-Петербург), 2014, – С. 92–96.

² Ахмерова С.Г. Основы здорового образа жизни: базовый учебник для самостоятельного изучения медико-биологических дисциплин. – Уфа, 2018. – С. 36.

³ Данилин А, Данилина И. Как спасти детей от наркотиков. – М.: ЗАО: Изд-во Центрполиграф, 2001. – С. 14–17.

В последние годы наркомания все чаще и чаще проникает не только в студенческую, но и школьную среду, занимая особое место в системе девиаций поведения современной молодежи. По мнению экспертов, именно молодые люди в возрасте до 20 лет (от 71,2% до 85,7%) представляют подавляющее большинство наркозависимого населения нашей страны¹. Также наблюдается тенденция неуклонного снижения возраста приобщения молодежи к запрещенным препаратам. Если еще совсем недавно, несколько лет назад эта планка находилась на уровне 15 – 16 лет, то теперь этот возрастной порог составляет от 9 до 11 лет, что не позволяет нам оставаться равнодушными в этой катастрофической ситуации. Пугают и настораживают масштабы и темпы роста указанного вида девиации среди несовершеннолетних и малолетних. Результаты проведенных социологических исследований шокируют – за несколько последних лет количество наркозависимой молодежи среди учащихся образовательных учреждений (школьники и студенты) выросло в 11 раз. Также за последнее десятилетие возросло более чем в 7 раз количество граждан, страдающих зависимостью от наркотических и психотропных веществ. Всего в нашей стране их насчитывается около 9 миллионов человек².

По компетентному мнению, известных ученых и практиков, наркомания представляет собой не что иное, как социально обусловленную личностную патологию³. Этот факт полностью подтвердился нашим исследованием, проведенным в молодежной среде. Так, для более детального и качественного изучения причин и условий, порождающих у подрастающего поколения пагубное пристрастие к наркотическим веществам и зависимость от них, в период с октября 2015 года по апрель 2019 года было проведено анкетирование учащихся Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина. В ходе анкетирования были опрошены 687 студентов и аспирантов указанных университетов, в том числе: студенты очной формы обучения – 467 человек; студенты заочной формы обучения – 137 человек; аспиранты очной формы обучения – 42 человека; аспиранты заочной формы обучения – 41 человек.

По результатам проведенного анкетирования нами было установлено, что основными причинами, вызывающими желание употребить наркотики, являются: желание почувствовать новые «яркие» ощущения – 44%; стремление подражать сверстникам и взрослым – 13%; наличие свободных денежных средств – 10%; всеобщая доступность наркотических средств – 8%; отстранение от окружающей действительности и проблем –

7%; месть родным и близким – 6; чувство полнейшей безнаказанности – 5%; отсутствие хобби, интересов и увлечений – 4%; иное – 3%; затруднились ответить – 1%¹.

В сложившейся ситуации наркотические и психотропные вещества стремительными темпами распространяются в высших и средних учебных заведениях не только среди обучающихся, но и среди профессорско-преподавательского состава и административно-технического персонала указанных образовательных организаций. Незаконный сбыт и распространение наркотиков определенно представляет собой налаженный и динамичный цикл. С каждым днём развития нашего общества осуществление желания заполучить «смертельную дозу» становится все более и более доступным и простым занятием для потенциального потребителя. Это приводит к постепенному уменьшению возрастного порога при потреблении наркотических средств, что, в свою очередь, значительно увеличивает опасность «перехода» потребления наркотиков в старшую болезнь нашего времени «наркоманию»².

Мы вынуждены признать, что у подростков полностью отсутствует какая-либо боязнь и тревога перед потреблением наркотических средств и психотропных веществ. Наркотики у молодежи все чаще и чаще ассоциируются с неким входным билетом для принятия в конкретные социальные группы и общности людей. Они служат для индивида определенным стандартом или системой, а также инструментарием самоутверждения с образами жизни своих любимых кумиров (например, певцов, музыкантов, актеров, спортсменов, политиков и т.д.).

В последнее время подобные настроения активно и планомерно внедряются в сознание малолетних и несовершеннолетних яркими представителями «массовой и элитарной культуры», средствами массовой информации и телекоммуникации, глобальной единой информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»³.

Наркокартели и наркосиндикаты существуют исключительно в целях и интересах наркобизнеса – работают настойчиво, слаженно и целенаправленно. Их интересует лишь одна цель – извлечение максимальной выгоды любой ценой. Они искренне полагают, что «цель оправдывает средства». И их совсем не смущает то обстоятельство, что зачастую ценой получения прибыли выступает самое дорогое, что есть на нашей планете – жизнь и здоровье подрастающего поколения. Указанные преступные объединения различными способами искусственно моделируют спрос на наркотические вещества. Для этого ими регулярно создаются всевозможные общедоступ-

¹ Кулешова С. Н. Криминализация молодежной среды российского общества: социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. – Ставрополь, 2009. – С. 1–22.

² Нахимова Я. Н., Ромашкина Г.В. Социальные установки молодежи на употребление наркотиков и профилактика наркомании // Образование и наука. – 2017. – Том 19. – № 6. – С. 138–160.

³ Равочкин Н.Н. Наркомания как социальная проблема: осмысление с позиций психоанализа и экзистенциализма // Молодой ученый. – 2017. – №15. – С. 543–546. – URL <https://moluch.ru/archive/149/42234/> (дата обращения: 25.06.2019).

¹ По результатам собственных исследований автора.

² Рахматуллина А.И., Егорышева Е.А. Сущность и содержание наркомании и наркопреступности среди молодежи и её профилактика // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 1256–1260. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/86271.htm>. (дата обращения: 11.06.2019).

³ Рахматуллина А. И. Сущность и содержание профилактики наркомании и наркопреступности среди молодежи // Студенческие южно-уральские криминалистические чтения: Сборник материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции. – Уфа, – 2015. – С. 211–216.

ные пути с учетом специфики подростковой толерантности и психологии¹. Мы вынуждены констатировать тот факт, что наркотики уже давно стали общераспространенным средством морального разложения нашей молодежи и окончательного разрушения ее планов дальнейшей деятельности и перспектив развития.

Неуклонное и стремительное увеличение напряженности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ полностью подтверждает опасения и неблагоприятные прогнозы развития наркоситуации на всех без исключения уровнях общественно-государственного устройства².

О неутешительном росте числа наркоманов в нашем регионе свидетельствуют данные статистики: на 31.12.2018 на учете в медицинских учреждениях Министерства здравоохранения Нижегородской области состояло 9047 лиц с диагнозом «наркомания» и 5169 потребителей наркотических средств с вредными последствиями, 511 потребителей ненаркотических средств с вредными последствиями и 368 лиц с диагнозом «токсикомания». Правоохранительными органами Нижегородской области за 2018 год выявлено более 3600 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (+7,4%) – 12,0% от общего количества уголовных преступлений (в 2017 г. – 11,3%). В регионе разработан и принят на исполнение комплекс управленческих решений и мер, направленных на стабилизацию криминогенной обстановки в сфере незаконного оборота наркотиков, и поставлены соответствующие задачи на 2019 год³.

Незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ является сложным составным компонентом по своему строению и восприятию:

– во-первых, с неизбежностью порождает собой совершение противоправных действий, запрещенных действующим Уголовным законодательством, в результате чего образ жизни и личность наркомана претерпевают практически необратимые изменения, влекущие за собой пагубные последствия;

– во-вторых, тесное переплетение и взаимосвязь с преступной личностью, ее привычками, взглядами, интересами и предпочтениями. Выступает своего рода неразрывным спутником карьеры нарушителей, особенно, это касается подрастающего поколения.

Мы считаем, что теоретическое и эмпирическое исследование проблемы противодействия преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является жизненно

¹ Кулагина Е. Е. Толерантность в молодежной среде // Юридическая наука и практика (трибуна молодых ученых). – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. – С. 426–427.

² Позднякова М. Е. Наркоситуация в России и новые модели употребления наркотиков // Социология медицины. – 2016. – 15(1). – С. 25–30.

³ Главное управление МВД России по Нижегородской области. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://52.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/15681977/> (дата обращения: 20.06.2019).

необходимой и как нельзя актуальной в современных условиях динамично развивающихся общественных отношений.

Потребление наркотических средств в молодежной среде имеет ряд специфических отрицательных свойств. Все это естественным образом находит своё прямое отражение:

– в росте совокупной общей массы больных наркоманией подростков;

– в ускорении слияния подростков с негативным преступным элементом;

– в необратимом процессе подмены системы ценностей, взглядов и ориентиров;

– в увеличении общего количества и степени общественной опасности совершенных ими конкретных преступлений¹.

В юридической науке и практике специалисты выделяют целый ряд корреляционных зависимостей между наркопреступностью и наркоманией в молодежной среде. Они, например, могут быть обобщены и систематизированы по каким-либо конкретным направлениям:

1. в отношении динамики превращения жертвы наркомании в преступника;

2. в контексте направленности преступной деятельности, совершаемых лицами, допускающими немедицинское потребление психотропных веществ и наркотических средств;

3. в плане воздействия вида потребляемого психотропного вещества и наркотического средства на определенные виды преступлений, предусмотренных особенной частью Уголовного кодекса РФ.²

По мнению ряда ученых, потребление наркотических и психотропных веществ в подростковой среде определяется комплексом субъективных и объективных факторов.

Так, субъективные детерминанты наркопреступности и наркомании среди молодежи составляют:

1. мотивы гедонизма и гиперактивации;
2. склонность к самореализации и самоутверждению;
3. особенности характера и устройства психики;
4. переоценка ценностей и суицидальный настрой;
5. эмоциональная заражаемость и повышенная внушаемость;
6. спровоцированное любопытство и склонение к наркомании;
7. отсутствие необходимых знаний о нормах здорового образа жизни.

Что касается объективных факторов, то здесь некоторые авторы выделяют следующие:

1. напряженная обстановка в ближайшем окружении;
2. равнодушие и безразличие членов семьи друг к другу;

¹ Рахматуллина А. И. Указ. Соч.– С. 211–216.

² Готчина Л.В. О совершенствовании уголовно-правовой профилактики молодежного наркотизма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 3 (47). – С. 119–125.

3. переоценка родителями своих педагогических возможностей и недооценка опасности наркомании;

4. влияние неформальных групп на подростков;
5. безработица и прогнозируемый кризис в стране;
6. негативное воздействие средств массовой информации;
7. мода, доступность и навязывание наркотических средств¹.

В Российской Федерации на протяжении уже нескольких последних лет проводится единая государственная планомерная политика, направленная на предупреждение и пресечение негативных явлений в молодежной среде; обновление форм и методов борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, алкоголизмом, токсикоманией, наркоманией, ювенальной преступностью; разработку ключевых звеньев в едином механизме профилактики девиантного поведения подростков².

Предупреждение и пресечение наркомании в подростковой среде содержит в себе 2 ключевых элемента. Все должно начинаться с активной пропаганды здорового образа жизни в ближайшем окружении ребенка – семье. Именно родители, в первую очередь, должны следить за состоянием своего ребенка, используя такие методы воспитания, как подробный рассказ и образцовый показ. Особую актуальность это приобретает в переходный период и период полового созревания. Следующее – это комплекс мероприятий по борьбе с наркоманией в образовательных учебных заведениях, в том числе с использованием имеющихся ресурсов правоохранительных органов³.

На наш взгляд, в превенции наркопреступности и наркозависимости среди несовершеннолетних «все методы и средства хороши». В борьбе с этим страшнейшим недугом 21 века различные приёмы и способы, прибегая к обязательной помощи специалистов – терапевтов, психиатров, психотерапевтов, наркологов и др. Все это необходимо для достижения лишь одной цели – развитие способности самодисциплины и самоконтроля у подростка.

Кроме этого, одним из условий в достижении поставленных целей в борьбе с наркоманией среди подрастающего поколения является проведение системно и структурно организованной и продуманной социальной деятельности. Это находит свое непосредственное отражение в реализации широкой информационно-просветительской и разъяснительно-пропагандистской работы по отождествлению наркомании с некой смертельно-опасной болезнью, имеющей в своем арсенале психологические, физические и социальные предпосылки и причины, специфические проявления и катастрофические последствия.

¹ Рахматуллина А. И., Егорышева Е.А. Сущность и содержание наркомании и наркопреступности среди молодежи и её профилактика // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 1256–1260. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/86271.htm>. (дата обращения: 11.06.2019).

² Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. N 240 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019).

³ Репин М. Е. Предупреждение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств среди несовершеннолетних как приоритетное направление профилактики // Вестник криминалистики. – 2017 – № 1-2 (61-62). – С. 103 – 109.

Здесь мы полностью согласны с Рахматуллиной А.И., которая считает, что в области лечения наркозависимости у молодежи основные мероприятия включают в себя: 1) установление первичного контакта с подростком и его семьей, окружением лечебными центрами, консультационными пунктами, образовательными учреждениями, общественными объединениями и по «телефону доверия»; 2) предоставление необходимой информации о болезни, способах борьбы с ней, формирование установки на лечение; 3) осуществление социально-психологической помощи членами семьи и близкими подростка-наркомана; 4) участие в лечебных и реабилитационных программах для наркоманов и их близких; 5) координация помощи пациенту и его семье в решении социальных проблем, возникших в процессе лечения¹.

Что касается социальной реабилитации подрастающего поколения, то тут необходима грамотная и профессиональная координация отлаженных действий по возвращению подростка-наркомана к полноценной жизни не только со стороны членов семьи, но и со стороны администрации и коллег по месту учебы или работы. Также необходимо содействие и сотрудничество с компетентными государственными органами, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, уполномоченными должностными лицами, общественными и частными объединениями, фондами и организациями².

С целью повышения эффективности лечения наркомании у несовершеннолетних и малолетних и их последующей скорейшей социальной реабилитации необходимо своевременное выявление и обнаружение первичных признаков этого страшнейшего недуга у лиц, допустивших немедицинское потребление запрещенных препаратов. Необходимо разработать и организовать неукоснительное соблюдение нормативно-правовых актов, регламентирующих процедуру тестирования обучающихся на предмет употребления наркотических средств и психотропных веществ³.

Таким образом, окончательно решить проблему наркомании среди молодежи представляется возможным исключительно при консолидации усилий всей системы государственных органов и их должностных лиц, используя в совокупности всевозможные рычаги и механизмы организаций, объединений и учреждений нашего общества. Только в это случае мы можем истребить и искоренить набирающие изо дня в день обороты наркозависимость и наркокультуру. Ко всем нам, особенно тем, кто находится в зоне риска, должно прийти понимание и отчетливое осознание, что: «Наркотики – неизбежная смерть! Наркотики – глобальная проблема современности! Наркотики – предвестник катастрофы! Наркотики – это отсутствие будущего!!!».

¹ Рахматуллина А. И. Сущность и содержание профилактики наркомании и наркопреступности среди молодежи // Студенческие южно-уральские криминалистические чтения: Сборник материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции. – Уфа, – 2015. – С. 211–216.

² Реутов Е. В. Учащаяся молодежь и наркотики // Социологические исследования. – 2004. – № 1. – С. 86–91.

³ Кузьминов В. В. Педагогическая профилактика наркомании среди учащихся с отклоняющимся поведением: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. – Владимир, 2006. – С. 37–45.

Список литературы

- Ахмерова С.Г. Основы здорового образа жизни: базовый учебник для самостоятельного изучения медико-биологических дисциплин. – Уфа: БГПУ, 2018, – 64 с.
- Гилинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», – 2009. – 620 с.
- Готчина Л.В. О совершенствовании уголовно-правовой профилактики молодежного наркотизма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 3 (47). – С. 119–125.
- Данилин А, Данилина И. Как спасти детей от наркотиков. – М.: ЗАО: Изд-во Центрполиграф, 2001. – 348 с.
- Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. N 240 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2019).
- Кузьминов В. В. Педагогическая профилактика наркомании среди учащихся с отклоняющимся поведением: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. – Владимир, 2006. – С. 37–45.
- Кулагина Е. Е. Толерантность в молодежной среде // Юридическая наука и практика (трибуна молодых ученых). – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. – С. 426–427.
- Кулеинова С. Н. Криминализация молодежной среды российского общества: социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. – Ставрополь, 2009. – С. 1–22.
- Нахимова Я. Н., Ромашикина Г.В. Социальные установки молодежи на употребление наркотиков и профилактика наркомании // Образование и наука. – 2017. – Том 19. – № 6. – С. 138–160.
- Позднякова М. Е. Наркоситуация в России и новые модели употребления наркотиков // Социология медицины. – 2016. – 15(1). – С. 25–30.
- Равочкин Н.Н. Наркомания как социальная проблема: осмысление с позиций психоанализа и экзистенциализма // Молодой ученый. – 2017. – №15. – С. 543–546. – URL <https://moluch.ru/archive/149/42234/> (дата обращения: 25.06.2019).
- Рахматуллина А. И. Сущность и содержание профилактики наркомании и наркопреступности среди молодежи // Студенческие южно-уральские криминологические чтения: Сборник материалов всероссийской заочной научно-практической конференции. – Уфа, – 2015. – С. 211–216.
- Рахматуллина А.И., Егорышева Е.А. Сущность и содержание наркомании и наркопреступности среди молодежи и её профилактика // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 1256–1260. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/86271.htm>. (дата обращения: 11.06.2019).
- Ретин М. Е. Предупреждение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств среди несовершеннолетних как приоритетное направление профилактики // Вестник криминологии. – 2017 – № 1-2 (61-62). – С. 103 – 109.
- Ретин М. Е., Кривоногова Д.Д. Меры защиты несовершеннолетних от наркоугроз // Ответственность должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов ребенка, причинение ему вреда. Защита несовершеннолетних от насилия. Сборник статей. Материалы междисциплинарного межведомственного круглого стола, 16 декабря 2014 г. Следственный комитет Российской Федерации, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации», Институт повышения квалификации, Шестой факультет повышения квалификации (с дислокацией в городе Санкт-Петербург), 2014, – С. 92–96.
- Реутов Е. В. Учащаяся молодежь и наркотики // Социологические исследования. – 2004. – № 1. – С. 86–91.

Szabolcs M.

Predictive policing softwares in law enforcement

Обеспечение прогностического полицейского контроля с помощью программного обеспечения

Аннотация. Прогностический контроль сегодня является одной из самых популярных и спорных сфер правоприменения. В то время, как часть исследователей считают его эффективным, другие не убеждены опубликованными результатами: по их мнению, это все равно, что вливать старое вино в новые мехи. В первой части данного исследования описывается прогностический контроль в целом, а во второй более глубоко рассматриваются виды программного обеспечения, которые эффективно используются в разных странах мира.

Abstract. Predictive policing is one of the most popular topics of law enforcement today. Some people are convinced of the efficiency of predictive policing, while others do not believe the published results. Predictive policing reminds them of «old wine in new bottle». The first part of the current study aims to introduce predictive policing in general. In the second, more extensive part of the study refers to the most well known predictive softwares, which has been used in many countries for years.

Ключевые слова: прогностический контроль, геоинформационная система, мониторинг преступности, горячие точки

Key words: прогностический контроль, геоинформационная система, мониторинг преступности, горячие точки

1. Introduction

It is well known that many methods and processes used in law enforcement were developed and applied in the civilian sphere originally, and later these methods and processes seeped into law enforcement, where they were either used without any modifications or were adjusted to the needs of law enforcement (KOVÁCS 2017). This happened in the case of predictive policing, too. Based on the effectiveness of forecasting softwares used in civilian life (trade), police specialists started to use forecasting software developed for police in order to reveal and predict crimes (MÁTYÁS 2017).¹

Large commercial companies started analysing and examining consumer behavior and habits in the United States of America, as they had noticed consumer behavior changes significantly in some cases. Therefore, collaborating with universities they developed softwares that were able to predict future consumer behavior with some failure rate. Foreign literature dealing with predictive policing refers to Walmart company as the front-runner of predictive researches and the actual establisher of American predictive policing. Specialists at this American giant company noticed that meteorological (weather) changes had significant impact on shopping willingness and the scope of purchased items. Such meteorological changes can be eg. sudden cold or warm weather, significant quantity of fall or strong gale etc (PERRY ET AL 2013).

Predictive forecast methods has been working in commerce efficiently, so they have been applied in more and more fields. Having studied these methods, the specialists of American police found analogy between shopping habits and future crimes. Therefore, they have started modelling the expected crime scenes, dates as well as the committer and victim groups by means of computer softwares.

¹ Predictive policing could be efficiently used in the field of sport policing preventing football hooliganism. Sport policing can be interpreted in narrow terms and clearly defined as a special field of policing (TÓTH, N. A. 2018).

2. The definition of predictive policing

One of the most often referred to book in this topic is Predictive Policing - The Role of Crime Forecasting in Law Enforcement Operations (PERRY ET AL. 2013) according to which „Predictive policing is the application of analytical techniques—particularly quantitative techniques—to identify likely targets for police intervention and prevent crime or solve past crimes by making statistical predictions.” (PERRY ET AL. 2013: 1-2)

If we look at this definition from a more practical point of view in the Hungarian publication of Law Enforcement Science Special Encyclopaedia we find a definition about predictive policing given by the author of the article. According to that predictive policing is «a GIS application which is based on mathematics which on the bases of past crime data predicts with certain level of error the expected place and time of the crimes and also the possible circle of victims and perpetrators» (BODA, 2019)

The first one can be considered less of a definition in the classical sense – it talks about the tasks, tools and aims of predictive policing – in spite of this it provides important characteristics of predictive policing. According to the above mentioned the authors' standpoint gives a more vivid definition about the theoretical background of predictive policing and the achievable law enforcement targets.

3. The relationship between predictive policing and other disciplines, its place within law enforcement science

Predictive policing has a relatively short about one-decade-long history so its relationship with other disciplines is far from being fully established. We cannot call it a separate discipline because its object, set of ideas, methods, science theoretical principles are based on the research of other disciplines and depend on them. In its present state we can look at predictive policing as a criminalistics procedure combining the results of several disciplines.

But we can state that it is in close connection with mathematics, statistics, criminology, criminalistics, geographical science, cartography and GIS.

The closest connection of predictive policing is with mathematics and criminology.

4. Predictive policing softwares

Let us look at which predictive softwares are used most commonly. What kind of advantages and disadvantages these softwares have. We must say that there are much more softwares than these in the world but the current study focuses on the most well-known ones because of content barriers.

4.1. ATACRAIDS

ATACRAIDS (Automated Tactical Analysis of Crime Regional Analysis and Information Data Sharing) software was developed by Bair Analytics which was bought by LexisNexis Risk Solutions in 2015.

According to independent analysts it is not clear what input data are necessary for predictions. They think it is likely that past criminal data play a major role in predictions. According to the company's information ATACRAIDS software uses regressive algorithm. But it is not obvious what technique is used specifically to make the predictions (<https://teamupturn.gitbooks.io>). There is a wide range of the spectrum of crimes from vandalism to homicide and it is suitable to predict all kinds of crimes (McCLUNG 2015).

ATACRAIDS is GIS software based just like other predictive softwares thus the users can see similar predictive zones on the map just like on hotspot maps (Figure 1).

The reddest area is the most affected by crimes (McCLUNG 2015). On the RAIDS Online interactive map (raidsonline.com) the public can also view what is the actual criminal state of their neighbourhood like (WOHLFEIL 2015).

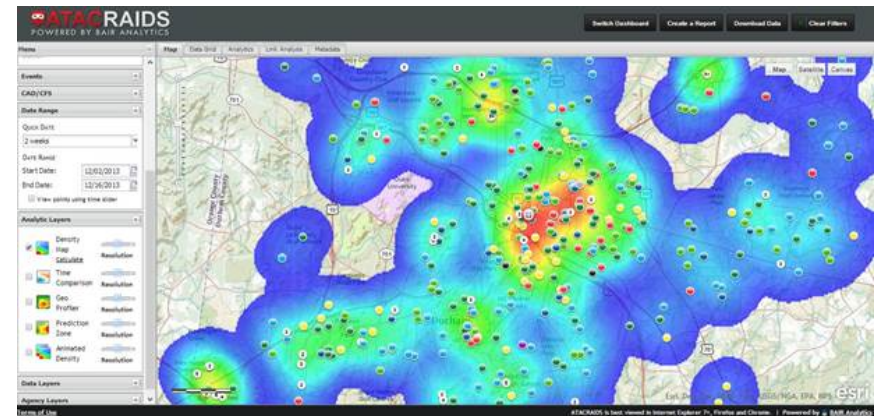

Figure 1: Map generated by ATACRAIDS

(<https://www.teamhuber.com>)

ATACRAIDS predictive software is used in the following US settlements:

- Richland PD (Washington)
- Wichita Falls PD (Texas)
- Bellingham PD (Washington)
- Shawnee PD (Oklahoma)

(<https://teamupturn.gitbooks.io>, HANNEM ET AL. 2019, www.esri.com)

4.2. Crime Anticipation System (CAS)

The development of the Dutch predictive software was made necessary because the number of burglaries, mugging and robbery were very high in the city of Amsterdam. The Crime Anticipation System (from now on: CAS) was developed by Dick Willems, who joined the Amsterdam Police in 2012. The predictive software was created in 2013 (WILLEMS 2016).

The CAS software uses the following crime data to make predictions:

- the number of predictive delicts in different time intervals (last 2 weeks, last 4 weeks, last half a year etc.)
- The above data in the neighbouring cells
- Linear trends in the cells (the increase, decrease and stagnation of criminal values)
- The relevant data collected by the police connected to earlier crimes, crime scenes and the known perpetrators

The delicts predicted by CAS: pickpocketing, corporate burglary, braking into a car, bicycle theft, mugging (SELMAR SMIT ET AL. 2016, Willems 2016, OOSTERLOO - VAN SCHIE).

In case of known criminals CAS uses the bellow 3 datas

1. Distance in km of the address of the closest known offender (suspect) of an

incident who has been active in the past 6 months

2. Number of known offenders (suspects) of an incident who have been active in the past 6 months that live within 500 meters

3. Number of known offenders (suspects) of an incident who have been active in the past six months that live within 1000 meters Interestingly in CAS 2017 the term «known offenders» changed (SERENA OOSTERLOO - GERWIN VAN SCHIE, 7. p.).

Demographic indicators used by CAS

1. Number of inhabitants in zip code area,
2. Number of men in zip code area,
3. Number of women in zip code area,
4. Number of households in zip code area,
5. Average size of households in zip code area,
6. Number of non-Western allochthones in zip code area (removed in 2017),
7. Number of one person households in zip code area,
8. Number of one parent households in zip code area,
9. Number of multiple person households without children in zip code area,
10. Number of two parent households in zip code area,
11. Average age in zip code area,
12. Housing stock in zip code area,
13. Average property value in zip code area,
14. Number of income recipients in zip code area,
15. Number of social benefits recipients in zip code area,
16. Fiscal monthly income in zip code area (OOSTERLOO - VAN SCHIE, 6. p.)

The software divided the area of the settlements into 125 mts x 125 mts squares which is displayed on a GIS-based map (Figure 2). An important part of the practical work of CAS that the police officers who make the analysis try to reveal the reason of certain potential risks so they add to the information on the map. The analysts have the possibility not only to have access to the database used by the software but to use other sources and databases (they add to the maps with the period of football matches or music festivals) (OOSTERLOO - VAN SCHIE).

The map below, for example, shows the probability of a burglary in Amsterdam on a particular day in March 2013.

Figure 2: Map generated by CAS
(<https://www.slideshare.net>)

The CAS software was first tested in Amsterdam and then within an experimental project in several other Dutch cities (Enschede, Hoorn, Hoefkade and Groningen-Noord) (OOSTERLOO - VAN SCHIE). From May 2017 CAS is available for all Dutch police stations (WILLEMS 2017).

4.3. Keycrime

Robbery is a serious problem in several Italian cities even today. In order to decrease them the police in Milan wanted to develop a preventive software which can signal the predictive place and time of robberies.

The moving force of this software was Mario Venturi, the Police superintendent of Milan. The experts of Milan police realised that 70% of the robberies can be related to other robberies (e.g. the robber or the vehicle used by the robber). They started developing the preventive software in 2007 and then in 2008 Milan Police introduced the use of Keycrime software (MASTROBUONI 2017). Microsoft is taking part in the current development of the software.

The software collects 11,000 bit of information about every robbery which are related to the following factors:

- *in connection with the crime*: the place and time of the crime, the type of the place robbed
- *in connection with the perpetrator*: estimated age, height, body figure, skin, hair, eye colour, clothing
- *in connection with the gun*: type, model, colour
- *in connection with the vehicle*: type, model, colour, driving plate etc.

The articles dealing with Keycrime do not publicise it but in many cases refer to the fact that the system is partly based on the examination of the different perpetrator behaviour patterns (MASTROBUONI 2017).

The Keycrime software was developed in Italy because of the high number of robberies (robberies both with arms and without arms). It is not used for predicting other type of crime at the moment.

The Italian authorities try to collect the most data possible about the committed crime one of its key point is a phone interview with the victims (during which they ask questions mainly concerning the modus operandi and the physical features of the perpetrator). From the Italian police's point of view the interview is conducted one day after the robbery because by that time the victims are able to process the trauma more or less. After the interview the data are uploaded to the system (MASTROBUONI 2017) (Figure 3).

The Keycrime software is used exclusively in the area of the City of Milan and the County of Milan at the time the book was written.

4.4. PredPol

According to the information available at the time of writing the study PredPol can be considered as a market leader in the market of Predictive policing. Based on the company's data 1 out of 33 people in the USA is protected from crimes by the software developed by PredPol (www.predpol.com).

PredPol company rose emerged from the research between LAPD and UCLA. William J. Bratton as superintendent of LAPD wanted to find a more efficient way of using COMPSTAT. Later the mathematicians and behaviour researchers of Santa Clara university joined the research during which they examined behavioural and predictive models (www.predpol.com).

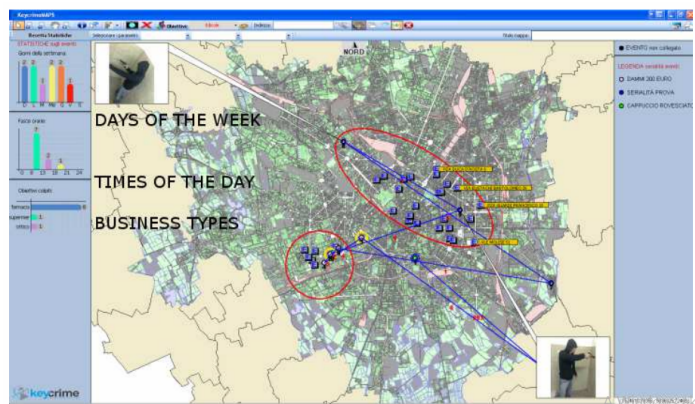

Figure 3: The screen of Keycrime: The blue dots mark the victims of the robberies while the blue squares mark the potential victims (the English labels are only put there for a better understanding of the text). (Mastrobuoni 2017, p. 56.)

The PredPol software uses quite little data for predictions, the accuracy of the data is a condition though to make the predictions accurate. According to the company's information they do not use personal, demographical, social and economic data which can be identified. This can prevent the later problems connected to private life and personal rights.

PredPol software makes criminal predictions based on the three data below:

1. The type of crimes committed in the past
2. The place the crime was committed
3. The time the crime was committed

The current version of PredPol rests on a decade-long scientific research which mainly builds on the environmental criminology principles. The perpetrator behavioural patterns were examined by mathematical methods (repeat victimization, near-repeat victimization, local search), and with the mechanical learning algorithms they established such general rules which later can be used for predictions.

The software can make predictions about the following seven crime types: burglary, auto theft, theft, robbery, assault, battery, drug crime (www.predpol.com).

The PredPol software marks the high-risk areas with a 150 mts x 150 mts square with a red frame on a Google map. These areas marked by red are those where crimes are expected to be committed (Figure 4)

The software ranks the «Top 20» boxes (based on danger level) and displays it on a map (MOHLER ET AL., 2015). To reach the optimum recon the patrols have to spend around 10% (6 minutes in an hour) of their service time by patrolling the “red boxes”.

According to Forbes data more than 60 Police HQs used PredPol softwares in 2015 (e.g. Los Angeles, Modesto, Santa Cruz, Atlanta, Tacoma, Reading, Fresno, Norcross) (<https://teamupturn.gitbooks.io>).

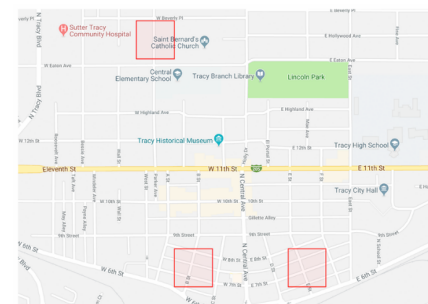

Figure 4: The high-risk areas marked by PredPol software (in a square) (www.predpol.com)

4.5. Risk Terrain Modeling

The «Risk Terrain Modeling» software name is a little bit deceptive since the expression «Risk Terrain Modeling» also covers a notion in criminology. By RTM we mean a method which uses GIS application in order to reveal what connection there is between crime and certain spatial (geographical) features (<http://www.geog.leeds.ac.uk>). The software was developed by the researchers of Rutgers University (USA) (Leslie Kennedy and Joel Caplan). Its completion was also financed by the US Department of Justice and the National Institute of Justice.¹

The basic philosophy of the software is represented in the company's slogan “Focus on Places, Not People! Table 1 shows those factors which Risk Terrain Modeling software considers as a potential risk factor (<https://teamupturn.gitbooks.io>) (Chart 1).

According to the developers of the software first we have to identify the risk factors and then we have to define what kind of effect the given factor has on crime (MALLESON). The algorithms applied by RTM select and weigh those factors which are connected to crime.

The types of crimes predicted by RTM: violent crimes, armed crimes, robbery, car theft, drug smuggling.

Unlike hotspot policing RTM does not only want to predict exclusively where the given grievement will happen but also why a crime cluster is created specifically in that area. for police officers the “where and why” questions are given which means that RTM unlike other softwares does not only predict but also explains the reason why the crime happens thus those police officers arriving to the scene already know what to do (<https://teamupturn.gitbooks.io>) (Figure 5).

¹ Considering risk areas, certain territories like slums can easily be crime affected and exposed to secret activities, because they are remote and abandoned. Jack the ripper a.k.a Whitechapel Murderer for instance slit the throat of the prostitutes of East-End London in the hidden areas (ÚRMÖSNÉ, 2018). One delinquent can commit murders in many states through America, therefore his capture is more difficult. After more than a decade of denials, Theodore Robert Bundy for instance, confessed shortly before his execution 30 homicides committed in seven states between 1974 and 1978 (ÚRMÖSNÉ, 2015).

Chart 1: Potential risk factors

Apartments	Fats, Oils and Grease Service and Removal pick up site	Movie Theater	Restaurants (non-franchise)
Auto Repair / Service	Food Trucks (Parked Retail/Service Location)	Nightclubs	Schools (Public / Private / Charter)
Banks	Foreclosures	Packaged Liquor Stores	Schools (Higher Education)
Bars	Furniture Renting Leasing	Parking Lots / Stations / Garages	Second Hand Dealers
Boardwalk Ramp Locations	Gas stations	Parks	Shelters Homeless / Emergency
Bowling Centers	Grocery Stores / Bodegas	Pawnbrokers	Shopping Centers / Malls
Car Washes (coin-op, self-serve)	Health Clinic	Pharmacies	Taxi Stands
CCTV Cameras	Health Club / Studios / Gymnasiums	Places of Worship	Tourism District
Check Cashing Service	Hospitals	Post Offices	Transit Lines
Cocktail Lounges	Housing Authority	Railroads	Transit Stops
Coffee Shops	Laundries - Self Service	Recreation Center	Vacant Buildings
Convenience Stores	Libraries - Public	Restaurants (sit-down / take-out)	Variety Stores
Department Stores	Licensed Childcare centers	Restaurants (franchise)	
Educational Program Centers Business	Manicuring		

<http://www.riskterrainmodeling.com>

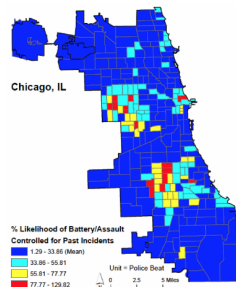

Figure 5: Crime infection in the city of Chicago (battery, assault) <http://www.riskterrainmodeling.com/maps--tables.html>

As you can see from the chart (Chart 2) it does not only display those factors which are relevant in criminal terms but also those which are less important so less attention has to be spared on them this way we can be more efficient with the power and tools which are available.

Risk Factor	Operationalization	Spatial Influence	Coefficient	Relative Risk Value
Night Clubs	Proximity	462	1.46	4.31
PP Weapon Offenses	Proximity	1386	1.45	4.28
Variety Stores	Proximity	462	1.08	2.95
Susp. Person w/ Weapon	Density	1386	1.04	2.83
Grocery Stores	Proximity	462	0.89	2.44
Drug Markets	Density	924	0.89	2.29
Convenience Stores	Proximity	462	0.80	2.23
Packaged Liquor Stores	Proximity	924	0.66	1.93
Take Out Restaurants	Proximity	924	0.46	1.58
Sit Down Restaurants	Proximity	1386	0.46	1.58
Hotels	Density	1386	0.45	1.56
Banks	Density	1386	0.31	1.36
Schools	Proximity	1386	0.28	1.32
Foreclosures	Proximity	1386	0.20	1.23
Intercept	--	--	-4.97	--
Intercept	--	--	-0.75	--

Chart 2: The table made by RTM software which means the level of relative risk. It shows the probability of robbery in the city of Kansas (USA) <http://www.riskterrainmodeling.com>

The software also generates a heat map which is broken down to the hours of the day and the days of the week which is amenable to demonstrate the temporal intensity of crime (Figure 6)

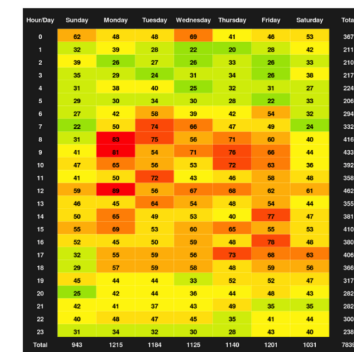

Figure 6: The heat map created by RTM for the days of the week and the hours of the day. Create temporal heat maps to be at the right places at the right times. <http://www.riskterrainmodeling.com>

The software is used in the following settlements: Kansas City PD, Newark PD, Atlantic City PD, New York City PD, New Haven PD, Jersey City PD, Fayetteville PD

Summary

The first part of the study introduced predictive policing as a scientific discipline. The second part of the study introduced 5 softwares that has been widely used in predictive policing for years. The author has not taken a stand on which is the best and

most efficient among the 5 softwares, since none of these softwares have been studied by independent experts. The software developers have published the data that was measured by themselves only. Because of the lack of standardised measurements these data the software developers published cannot be compared.

References

- BODA, J.:** Rendészettudományi Szaklexikon (under publishing)
- DÁVID, L. – MOLNÁR, I. – BUJDOSÓ, Z. – DERESKEY, A.** (2007): Biztonság, terrorizmus, turizmus. GAZDÁLKODÁS 51 pp. 161-166.
- GEORGE O. MOHLER ET AL.** (2015): Randomized controlled field trials of predictive policing. In: [Journal of the American Statistical Association](#) Volume 110, 2015 – Issue 512, pp. 1-30.
- KOVÁCS, I.** (2017): Is the prostitution a threat/danger to a country's (national) security? Nemzetbiztonsági Szemle, 2017/Special Issue, pp. 16.
- MALLESON, N.:** Risk Terrain Modelling. Summary slides (<http://www.geog.leeds.ac.uk/courses/other/crime/risk-terrain/index.html>)
- MASTROBUONI, G.** (2017): Crime is Terribly Revealing: Information Technology and Police Productivity (<https://www.essex.ac.uk/research/showcase/imagine-being-able-to-predict-a-crime-in-the-future> – 17. 02. 2019.)
- MÁTYÁS, SZ.** (2017): Predictive policing researches in Hungary. Thematic conference proceedings of international significance Archibald Reiss Days Volume I. Academy of Criminalistics and police studies, Belgrade, pp. 97-103.
- MCCLUNG, A.** (2015): Technology Targeting Crime (<https://www.newschannel6now.com/story/27946718/technology-targeting-crime/> - 06. 05. 2019)
- OOSTERLOO S. - VAN SCHIE, G.:** The Politics and Biases of the “Crime Anticipation System” of the Dutch Police (http://ceur-ws.org/Vol-2103/paper_6.pdf)
- PERRY, W. L. ET AL** (2013): Predictive Policing - The Role of Crime Forecasting in Law Enforcement Operations, Rand Corporation.
- Risk Terrain Modeling (RTM) (<http://www.geog.leeds.ac.uk/courses/other/crime/risk-terrain/index.html>) (04. 05. 2019.)
- SELMAR SMIT ET AL.** (2016): From predictive policing to prescriptive policing TNO, 76 p. (<https://www.slideshare.net/socialmediadna/from-predictive-policing-to-prescriptive-policing-beyond-boxes> – 07. 06. 2019.)
- TÓTH, N. Á.** (2018): Sports Policing Tools in a Changing World. Magyar Rendészet, 2018/3, pp. 221-222
- ŰRMÖSNÉ SIMON, G.** (2015): The traits and the thrill of serial killers. Internal Security, Volume 7, Issue 2. WyzszaSzkola Policji w Szczytnie (Police Academy Szczytno)
- ŰRMÖSNÉ SIMON, G.** (2018): The portrayal and the attributes of serial killers and some of the most notorious one. Internal Security, WyzszaSzkola Policji w Szczytnie (Police Academy Szczytno). Special edition.
- WILLEMS, D.** (2016): CAS: Crime Anticipation System Predictive Policing in Amsterdam. (power point presentation) 38 p. (<https://event.cwi.nl/mtw2014/media/files/Willems.%20Dick%20-%20CAS%20Crime%20anticipation%20system%20-%20predicting%20policing%20in%20Amsterdam.pdf> – 06. 06. 2019.)
- WILLEMS, D.** (2017): Predicting criminal events with Data Science. Data Science Utrecht Meet Up., Utrecht
- WOHLFEIL, S.** (2015): Bellingham police to get software to map crime patterns (<https://www.bellinghamherald.com/news/local/crime/article30185709.html> – 06. 05. 2019.)

Уголовно-правовые меры противодействия угрозам национальной безопасности и их реализация

Criminal Law Measures Countering Threats to National Security and Their Implementation

Аннотация: Глобальная олигархическая власть имеет своей целью установление полного контроля над Россией, лишение ее государственного суверенитета и территориальное расчленение. Действующие меры национальной безопасности, по нашему мнению, не в состоянии надежно нейтрализовать угрозы России и российской цивилизации. Необходимо разработать, принять и применять более эффективные меры, направленные на предупреждение, выявление и пресечение угроз российскому государству и российской цивилизации.

Abstract. Global oligarchic power aims to establish full control over Russia, depriving it of state sovereignty and achieving territorial dismemberment. The existing national security measures, in our opinion, are not able to reliably neutralize the threats to Russia and Russian civilization. It is necessary to develop, adopt and apply more effective measures aimed at prevention, detection and suppression of threats to the Russian state and Russian civilization.

Ключевые слова: национальная безопасность, российская цивилизация, угрозы безопасности, государство, меры безопасности.

Key words: national security, Russian civilization, security threats, state, security measures

Попытки установления мирового господства предпринимались, неоднократно начиная с древних времен. Однако, такая попытка удалась лишь международному финансово-олигархическому капиталу, обосновавшемуся в США, выступающему как глобальная олигархическая власть (ГОВ). Представитель ГОВ Д. Тафт, будучи Президентом США в 1910 озвучил главную идею, плана глобального экономического господства, заключавшуюся в том, что доллары гораздо эффективнее снарядов. Наиболее масштабная реализация этого плана началась после Второй мировой войны, когда ГОВ попыталась завершить установление полного мирового господства и глобального контроля над человеческими, природными и экономическими ресурсами земли. Для реализации этих целей был организован союз государств во главе с США. Страны, входящие в такой союз принято называть странами «Золотого миллиарда». Эти страны являются представителями атлантической цивилизации.

Мировое господство ГОВ было окончательно установлено после организованного ей развала СССР и мировой социалистической системы. Население стран атлантической цивилизации, на которые опирается ГОВ, было обеспечено высоким уровнем жизни. В последствии, у атлантической цивилизации возникли серьезные проблемы, связанные с глобальным ухудшением экологии, перенаселением земли, ресурсном истощении и исчерпанности возможностей развития экономики. С другой стороны, в мире появились другие страны, проводящие успешные попытки создать для своего населения достойный уровень жизни за счет догоняющего экономического развития. Такое положение привело к существенному сокращению источников внешних поступлений ресурсов для стран Золотого миллиарда и сокраще-

нию сверх прибылей ГОВ. В сложившихся условиях, для ГОВ лишними на земле являются пять миллиардов людей, которые и создают вышеназванные проблемы для одного «золотого миллиарда». Они не нужны для ГОВ даже в качестве рабов, потому что в век технического прогресса столько «обслуги» не требуется.

С целью удерживания мирового господства ГОВ занялась организацией опаснейших преступлений, направленных на недопущение к равному участию в экономике особо эксплуатируемых, так называемых развивающихся стран, насыщением мировой финансовой системы товарно-необеспеченной лжевалютой, осуществлением военного и иного вмешательства в дела независимых государств¹.

ГОВ пытается организовать мировой управляемый хаос направленный, в конечном счете, на устранение конкурентов с мировой политической и экономической арены. С этой целью ГОВ создала крупные международные террористические организации, которым может быть специально организована возможность получения и использования оружия массового поражения.

Отмеченные выше события могут привести к глобальным катастрофическим последствиям для населения земли. В период глобальных социальных катаклизмов ГОВ и наиболее состоятельная часть населения «Золотого миллиарда» планирует отсидеться в специальных заранее оборудованных убежищах, где также будут собраны и сохранены суперсовременные технологии для будущей жизни. Такие хранилища и целые города строятся у берегов западной Африки. Лихорадка Эбола призвана скрыть эти убежища от посторонних глаз. На острове Шпицберген глобалистами уже создано хранилище «Судного дня», где собраны не иммуномодифицированные запасы различных семян растений необходимых для будущих выживших поколений.

По планам ГОВ на земле не должно остаться государств за исключением одного, которое и будет государством ГОВ.

Одной из главных причин мешающей ГОВ удерживать свои позиции является восстанавливающая свою мощь и суверенитет Россия. Атлантическая цивилизация под руководством мировой олигархии возобновила глобальную гибридную войну в отношении России. Вред от агрессии со стороны глобальной олигархической власти наносимый экономической, политической и культурной безопасности Российской цивилизации достиг максимальных величин.

Реализация главной цели по разрушению российской цивилизации заключается в ликвидации России как государства в его нынешних границах, расчленение ее на отдельные лимитрофные псевдогосударственные образования.

Стратегическими направлениями ГОВ по разрушению российской ци-

вилизации являются: экономическая, политическая, культурная и информационная агрессия, а также агрессия в отношении жизни здоровья населения. Реализация стратегических направлений по разрушению российской цивилизации осуществляются путем решения следующих задач:

- дискредитация и подрыв основных атрибутов государства и традиционного общественного устройства;
- дискредитация нравственности;
- дискредитация семьи;
- дискредитация и искажение исторических событий;
- навязывание чуждой культуры;
- дискредитация традиционных религий;
- дискредитация политических, военных и общественных деятелей;
- действия, направленные на расчленение России;
- перепрограммирование сознания населения;
- дискредитация внешней и внутренней политики государства;
- экономическое сдерживание России;
- создание угроз жизни и здоровью населения;

Для разрушения России и российской цивилизации ГОВ используется комплекс средств и методов, к которым относится: политический экстремизм; терроризм; религиозный экстремизм; навязывание западной системы ценностей; санкции; шантаж; применение военной силы; провокации.

Агентами ГОВ целенаправленно дискредитируются основные атрибуты государства и традиционной социальной организации, происходит перепрограммирование сознания населения. ОНИ проводят различные мероприятия с местным населением отдельных субъектов и территорий РФ внедряя в его сознание сепаратистские идеи.

Глобальная олигархическая власть стремится управлять Россией через своих российских олигархов, напрямую, но им в этом мешает Президент России В. В. Путин¹. Российская олигархия сориентирована на извлечение сверхприбылей и категорически не хочет осуществлять справедливую плату за труд. Имея огромные финансовые состояния, олигархия не заинтересована в развитии экономики. Олигархия носит интернациональный и международный характер. Ей мешают национальные границы, и традиционные системы ценностей.

В гибридной войне против России активно применяется информационное оружие, которое более эффективно, чем ядерное, потому что оставляет за собой целую территорию, неповрежденную инфраструктуру и зомби-население. Сила слова сопоставима с силами дивизий и армий. В свое время Гитлер объявил Левитана своим личным врагом.

Одним из современных методов установления господства ГОВ является навязывание либеральных демократических ценностей, позиционируемых как универсальные, общепринятые и, следовательно, глобальные. В

¹ См.: Шестаков Д. А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности //Криминология: вчера, сегодня, завтра 2012. № 2(25) С. 12.

¹ См.: Шестаков Д. А. Преступное вмешательство в политику суверенного государства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. № 3 (26) 2012.

обществе пропагандируются такие либеральные идеологемы как «можно все, что не запрещено законом», «запреты не эффективны», «человек стоит столько, сколько он зарабатывает», «бери от жизни по максимуму», «патриотизм – сапоги в всмятку» и т. п.

В условиях капитализма человек превращается в товар, начиная от простого рабочего до чиновника. Выполнение социальных функций превращено в оказание услуг. Государственные служащие, включая высших лиц государства, превращаются в наемных менеджеров, для которых чуждо служение народу, долг перед родиной.

Государственная служба превращается в выгодный бизнес. Власть денег заменяет функции государства. Деньги превращаются в главную цель жизни, которая достигается любым путем включая преступный¹.

Информационное пространство выступает одним из основных объектов посягательства со стороны ГОВ. Информационная стратегия ГОВ заключается в дискредитации всех основных атрибутов общественного устройства, перепрограммировании населения на новый образ жизни с помощью пропаганды новой системы ценностей². Цель информационной агрессии отрезать человека от религиозных и культурных корней, и сориентировать только на потребление. У человека должны исчезнуть представления о чести, совести, Родине, долге, патриотизме.

Информационные потоки формируют молодежную среду, духовно автономную от родителей, со своими авторитетами и ценностями.³ Разрушение государства, в первую очередь, достигается через уничтожение морали и нравственности, во-вторых, через ослабление образовательных, силовых и производственных сфер. Такой комплекс мер позволяет держать общество в распыленном состоянии⁴.

ГОВ активно внедряет и поощряет браки между гомосексуалистами, феминизм. Вместо понятий отца и матери родителей в документы записывают как родитель «А» и родитель «Б». В общественных туалетах западных стран появились помещения с табличками для неопределившихся с половой принадлежностью, куда может зайти любой желающий. В России широкое распространение получили гражданские браки (сожительство), проводится пропаганда противозачаточных средств и абортов, активно внедряются программы по планированию семьи.

Признаки многих правонарушений, направленных на разрушение российской цивилизации, явно не отражаются в законе. Часть действий, которые приводят к криминальному исходу, либо не ограничены законом, либо находятся на грани правонарушений, либо прикрываются ширмами различ-

¹ См.: Касторская Е. В., Касторский Г. Л. Причины, условия, последствия и предупреждение злочинства. Монография. – Санкт-Петербург, 2017. С. 52

² См.: Мишута О.П. Информационная агрессия против России в условиях глобализации // Информационная безопасность регионов. 2009. №1(4). С. 38

³ См.: Борщев Н.А. Насильственное перепрограммирование сознания // Информационная безопасность регионов. 2011. №1(8). С. 62

⁴ См.: Шальганов Ю.В. Проект Россия. Полное собрание. М., 2012. С. 352

ных псевдосвобод.

Меры уголовно-правовой защиты российской цивилизации должны быть в первую очередь направлены на охрану внешней и внутренней политики государства, основных атрибутов государства и традиционного общественного устройства, территориальной целостности России, истории России и российской цивилизации, жизни и здоровья населения.

Считаем необходимым официально определить выдающихся политических, военных, общественных и религиозных деятелей России, перечень и содержание традиционных культурных, нравственных и религиозных ценностей подлежащих уголовно-правовой защите.

Необходимо закрепить официальное единое понимание и сущность важных эпохальных исторических событий для России. Для установления перечня лиц и событий и их оценки привлечь широкие слои патриотично ориентированных представителей науки и общества, максимально используя социологические опросы и их результаты.

России нужна хорошо организованная и эффективная система борьбы с информационной преступностью. Полагаем уместным установить уголовную ответственность за дискредитацию государственного строя России, ее истории, выдающихся политических, военных, общественных и религиозных деятелей, традиционных нравственных и религиозных ценностей.

Меры безопасности, направленные на предотвращение и борьбу с угрозами российского государства и российской цивилизации, должны играть важную роль в обеспечении национальной безопасности. В сфере уголовной политики следует отменить мораторий на смертную казнь, отменить пожизненное заключение и восстановить конфискацию имущества.

Различные типы социальных, экономических, экологических катастроф и потрясений могут привести к резкому росту преступности и введения особых условий содержания заключенных. Государство должно заранее позаботиться о том, как обеспечить содержание заключенных в особых условиях. ФСИН России провела организационные мероприятия по закрытию части исправительных учреждений вследствие сокращения значительного количества заключенных. Полагаем, что такие учреждения следует законсервировать и передать в ведение Росгвардии.

Наказание в виде лишения свободы при всех его «побочных» эффектах способно обеспечить контроль над преступностью на приемлемом для государства уровне¹. При исполнении наказаний в виде лишения свободы и принудительных работ важно, чтобы все осужденные были приобщены к исправительному общественно-полезному труду. При привлечении осужденных к труду необходимо исходить из того, что труд облагораживает человека. В колониях поселениях и исправительных центрах полезно развивать приобщение осужденных к труду на производствах сельскохозяйствен-

¹ См.: Милоков С. Ф. Карательно-превентивный потенциал уголовного наказания далеко не исчерпан //Криминология: вчера, сегодня, завтра № 2(45). - 2017. - С. 26-29

ного и животноводческого профиля. Общественно-полезный труд полезен осужденным, в том числе и мздоимцам, а также лицам, пораженным аморальностью и распущенностью, так как демонстрирует возможность честно зарабатывать деньги и получать удовлетворение от результатов своего труда. Общественно-полезный труд может искоренять такое аморальное качество как потребительство и социальный паразитизм.

В воспитательной работе с осужденными следует активнее применять религиозное воспитание. Учитывая, что основные мировые религии содержат своды традиционной нравственности и морали, религиозное образование следует сделать обязательным для всех осужденных. На занятиях по религиозному образованию необходимо знакомить осужденных с нравственными и моральными представлениями основных религий и их истории. В задачу таких занятий не входит приобщение осужденных к той или иной религии. Свобода совести и вероисповедания должна соблюдаться.

Таким образом, правоохранительная политика государства в условиях возросших угроз российской цивилизации должна применять особые меры безопасности, которые могут и должны приводить к существенным юридическим ограничениям, включая лишение свободы.

Мы исходим из того, что государство с целью защиты национальной безопасности и российской цивилизации может и должно своевременно изменять закон или принимать новый закон, при изменяющихся обстоятельствах и расширять применение мер безопасности.

Список литературы

- Борцев Н.А.* Насильственное перепрограммирование сознания // Информационная безопасность регионов. 2011. №1(8). С. 59-62
- Касторская Е. В., Касторский Г. Л.* Причины, условия, последствия и предупреждение мздоимства. Монография. – Санкт-Петербург: МИЭП при МПА ЕврАзЭС. Издательский Дом. «Алеф-Пресс», 2017. – 268 с.
- Милюков С. Ф.* Карательно-превентивный потенциал уголовного наказания далеко не исчерпан // Криминология: вчера, сегодня, завтра № 2(45). - 2017. - С. 26-29
- Мишута О.П.* Информационная агрессия против России в условиях глобализации // Информационная безопасность регионов. 2009. №1(4). С. 37-41
- Шалыганов Ю.В.* Проект Россия. Полное собрание. М.: Эксмо, 2012. – 944с.
- Шестаков Д. А.* Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра 2012. № 2(25) С. 12-22
- Шестаков Д. А.* Преступное вмешательство в политику суверенного государства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. № 3 (26) 2012. С. 18-23.

Outcome of Faith Based Prison in Hungary in the Context of an Empirical Research

Результаты религиозного воспитания в Венгрии в контексте эмпирического исследования

Аннотация. Задачей этой статьи было ввести читателей в курс эффективности и результативности религиозного воспитания в условиях исправительных учреждений, тюрем и колоний Венгрии. Две основных темы, на которых фокусируется данное исследование, это работа тюремных священников и изменения в системе ценностей заключенных.

Автор провел наблюдения и интервью с тюремными священниками в четырех учреждениях. Кроме того, он собрал данные с помощью анкетирования, используя тест Шалом Шварца, чтобы оценить ценности около 100 заключенных, принимающих участие в программе религиозного воспитания, и около 100 заключенных, не принимающих участия. Помимо этих двух групп, автор также провел анкетирование около ста прихожан, не являющихся заключенными, в качестве контрольной группы.

Тюремные священники не являются частью тюремной администрации, их задача, в первую очередь, проповедовать заповеди. Чтобы добиться этой цели, они используют церковные методы, существующие в свободном мире, и адаптируют их к тюремным условиям. Работа тюремных священников в этом сходна с работой правоохранительных органов, и является гарантией реализации заключенными права на свободу вероисповедания.

На основе изучения системы ценностей заключенных автор приходит к выводу, что религиозное воспитание может оказать влияние на их систему ценностей и способно сдвинуть их от мира преступности в сторону мира религии. Это происходит благодаря подчеркиванию важности индивидуальной ответственности и общественных интересов. Эффект не показывает корреляции с совершенным преступлением. Однако при этом важна интенсивность религиозного воспитания. Чем более активной и сплоченной является группа, участвующая в религиозном воспитании, тем больше ее способность впитывать положительные общественные ценности. Система ценности таких заключенных, как правило, отходит от ценностей других групп заключенных и стремится к соответствию с ценностями, принятыми в христианских сообществах.

Abstract. The purpose of this work is to introduce its readers to the effects and results of religious education carried out in the correctional facilities, jails and prisons in Hungary. The operation of the Prison Chaplaincy Service as well as the changes in the inmates' value systems are the two key topics this research focuses on. The author carried out on-site observations and conducted interviews with prison chaplains in four facilities. Additionally, he compiled data by using questionnaires – namely Shalom Schwartz's value scale – to assess nearly 100 inmates participating in religious education activities and other nearly 100 non-participating inmates. In addition to these two groups, the author used the same questionnaire to assess a nearly 100-member civilian congregation as a control group. According to the author's findings, prison chaplains are not primarily parts of prison administration, but they are, first and foremost, chaplains whose goal is to proclaim and preach the gospels. To achieve this goal, chaplains use and adapt the means of the church, as they exist in the free world, to the conditions found in prisons. The operation of the Prison Chaplaincy Service in the closed framework typical of law enforcement also means the constitutional guarantee of the freedom of religion. Upon examining the value systems of the inmates it can be concluded that religious education may have an impact on their value systems and it is also capable of shifting them from the world of crime towards that of religion. Thereby, values emphasizing individual responsibility and community interest can become underlined and more accentuated. These effects show no

correlation with the crimes committed. At the same time, the intensity of religious education is of relevant and decisive nature. The more intense and closed the community whose members participate in religious education is, the bigger its capacity to receive and absorb values deemed positive for the society. The value systems of these inmates separate and drift apart from those of the other groups of criminals, and tend to converge towards values represented by the Christian communities.

Ключевые слова: религиозное воспитание, система ценностей заключённых, религиозные средства реинтеграции, вера за решёткой.

Key words: religion education, inmates' value system, religious tools of reintegration, belief behind the bars

1. The basics of inmates' right to freedom of religion (religious observance)

According to the Fundamental Law of Hungary «everyone shall have the right to freedom of thought, conscience, and religion. This right shall include the freedom to choose or change one's religion or other belief, and the freedom of everyone to manifest, abstain from manifesting, practice of teach his or her religion or other belief through religious acts, rites or otherwise, either individually or jointly with others, either in public or in private life.»¹ The Act on the Right to Freedom of Conscience and Religion, and the Legal Status of Churches, Denominations, and Religious Communities pays a particular attention to the situation of the inmates, when it stipulates that: «The exercise of the freedom of conscience and religion shall also be made possible for those (...) detained in prison, both at individual and community level.»²

1.1 The extent of restriction of the freedom of religion corresponds to the order and security of the types of penal institutions.

1.2 The extent to which the freedom of religion can be restricted is explicitly stipulated in Act CCXL of 2013.³ Moreover, the expressly named possibilities of restriction can be applied, without exception, in connection with order and security. The practice of the European Court of Human Rights demonstrably associates the order and security of penal institutions with the protection of others' rights and freedom.⁴ The specific standards applied in penal institutions facilitate the restriction at different levels in different types. Persons living in involuntary cohabitation and being in vulnerable situations are increasingly sensitive and vulnerable to the infringement of their rights, therefore the applied specific standards enable more severe restrictions to protect others' rights and freedom, as they would do in case of those living outside. This may be the case, for instance, that being in a possession of a book in public circulation can legitimately be prohibited having regard to the order and security of the penal institution in order to ensure others' rights and freedom. Individual religious observance can be restricted in the most exceptional circumstances, as regards religious observance as a group, however, there are more opportunities for restriction, as a larger number of personnel may be at risk or in danger under circumstance more difficult to control. Considering both their reasons and their effects, safety measures and disciplinary punishment can be associated with the requirements of order and safety. This compares to the kind

¹ The Fundamental Law of Hungary, Section VII, Paragraph (1)

² Section 3, Paragraph (1) of the Act on the Right to Freedom of Conscience and Religion, and the Legal Status of Churches, Denominations, and Religious Communities.

³ Prison Act

⁴ ECHR application 7291/75 (1977) X. v. United Kingdom; ECHR application 6886/75 (1976) X. v. the United Kingdom

of equalizing function of the achievement of the objectives of penal enforcement by contrast of the restriction of rights. Accordingly, the restriction of rights can be accepted if it ensures the order and safety of the penal institution and, additionally, facilitates that the goals of penal enforcement are carried out and achieved.

1.3 The purpose of ensuring religious observance is to facilitate and advance reintegration in the penal institutions.

In accordance with the stipulation of Act CCXL of 2013, efforts must be made in the context of reintegration activities so that the inmates recognize that their crimes are threat to society and alleviate the consequences of such crimes as far as possible. In order to facilitate the above, the penitentiary organization avails itself to the activities of the Prison Chaplaincy Service.¹ Churches have a demonstrably privileged role in maintaining communication. This itself cannot be explained by the roles the churches play in reintegration, since there are a plenty of non-governmental organizations, not having the same rights as the churches, actively working to achieve the penitentiary goals. Maintaining communication by the churches is a part of the freedom of religion, and is the field to enable inmates to practice their religion(s), or to make it possible for those interested in religion to learn about the positive roles that religions can play in societal and private lives, as well as to be introduced to the teachings of religions. By communicating the values of religions the government expect that reintegration in penitentiary institutions become more successful. Thus, as a part of the freedom of religion, religious observance is granted so far as possible. It can be established that the same expectations can also be linked to and associated with the activities of the non-governmental organizations. There are at least two possible reasons why churches have privileged positions. One of them can be found in those historical traditions, which enjoyed a revival following the systemic change of the previous regime. It cannot be debated that, historically speaking, the churches are those organizations that have the greatest and oldest traditions in promoting the advancement of the penitentiary goals. The other possible reason is that the role of the churches goes beyond reintegration, and it facilitates giving effect of a specific fundamental constitutional right. Without this, the right to freedom of religion within the penitentiary institutions can be considered severely limited.

1.4 Religious observance can be practiced to its fullest extent with active public policy intervention.

As a result of the penal legal relationship and the closed institutional system, the inmates can exercise their individual rights upon specific request. To practice other rights, the active public policy intervention is indispensable. Among others, this was the reason for the following regulation: «the task of the penal institution shall be to inform the inmates on the order of religious observance and on the timely announcement of the ad hoc programs»², as well as the following, related to the community religious observance: «The penal institution shall ensure that premises adequate for the purposes of religious observance and their essential technical equipment are available, whereas the religious community shall ensure that liturgical accessories necessary for the church services are available»³

¹ Paragraphs (1) and (7) of Section 164 of Act CCXL of 2013 on the Execution of Punishments, Criminal Measures, Certain Coercive Measures and Confinement for Administrative Offences (the new Prison Code)

² Paragraph (1) of Section 112 of the Ministerial Decree of 16/2014. (XII. 19.) on the Detailed Rules of Confinement Replacing Prison Sentencing, Confinement, Pretrial Detention and Disciplinary Fines.

³ Ibid.

The forms of religious observance can traditionally be divided into two groups: individual and community religious observance. Being a member of any church, or the participation of any church are not a precondition of community religious observance, however churches are the primary representatives and media of community religious observance. If any form of religious observance requires the participation of a church, in that case there will be three options: 1. the Prison Chaplaincy Service in the penal institution; 2. A missionary organization or a church holding general authorization; 3. A church named by the inmate having a letter of agreement. In the first case, the state provides the framework for the church service. As regards the latter two, the state permits the participation of the religious organizations, outside the public framework, in ensuring that the goals of penal enforcement are carried out and achieved. Of these three possibilities, the Prison Chaplaincy Service stands out. By operating within the framework of the penal institutions, it has become and now is the strongest institutionalized actor of religious observance. Its role is not restricted and confined to the exclusive and direct provision of religious services, but it also extends to its direct participation in organizing other, external, church organizations' prison missionary activities. Findings supported by observations say the activities of the external church and missionary organizations are mostly occasional in nature or, even in the best-case scenarios, can be regarded as project-like activities. In contrast, the operation of the Prison Chaplaincy Service is characterized by permanence, stability as well as immediate and direct availability.

I will therefore examine below what effects the religious education carried out by the religious organizations can have on the participating inmates.

2. The object and the purpose of the research

Religious observance carried out in prisons can be examined from two aspects. According to the first approach, the main characteristics of the inmates' freedom of religion can be examined carefully from a constitutional legal point of view. The features of such an approach are outlined above. The other approach seeks to find an answer what role religious observance can play in the process of reintegration. I will further examine below that what results of religious observance in prisons can be demonstrated. Here and now, the concept and the definition of religious observance is not entirely accurate. This definition is a legal one, therefore it is primarily open to legal interpretation. It can poorly be interpreted in the language of either penology or theology. As my research primarily belongs to the area of penology, I intend to use the term religious education as used within its scope. It needs to be explained what is meant by the concept. *Within the framework of this research, the narrower meaning of the term 'religious education' is meant by the availability of the religious occasions to the extent necessary to achieve the goals of the church and of reintegration, as well as the regular, active, and motivated participation in these occasions.* Religious education is different from other reintegration programs to the extent that while educators, psychologists, and mediators have religiously neutral goals and methods assigned to achieve such goals, the churches and their priests/pastors/clerics are, naturally, religiously committed. The basic research questions are whether in which way, and to what extent religious education can contribute to the social integration of the inmates.

The most important question as regards the measuring the effectiveness of religious education is *what are the outcomes that can be considered effective.* Answering this question can be done from several aspects. According to preliminary research, the definitions of 'outcome' can be visualized along a straight line. At one end of the straight line is the theological concept of 'repentance/conversion', which means the ac-

ceptance of the religious tenets accepted by a given church. The other end of the straight line the outcome is the entirely secular concept of 'avoidance of recidivism.' In between, as synthesis, is the concept according to which the outcome of religious education is preventing recidivism by accepting and following religious values. *Correspondingly, I will examine during my research to which direction and to what extent the value system of those participating in religious education change compared to the value systems held by the other members of the inmate population.*

The choice of values sets out, or at least influences, the individuals' relation to the phenomena of reality. Through these choices, the individuals' responses and actions are similarly influenced. Essentially, the individuals' conscious actions reflect their attitudes for values – or at least its pivotal elements (ÁDÁM 2015). This latter statement has its limitations. Sometimes, individual interests may supersede individual values. The situations where they may occur can be emergencies, when livelihoods and safety are emphasized. To a not so strong and solid value system, a conflicting yet very profitable activity may pose an enormous challenge. Not all values are equally represented in an individual's value system. In decision-making processes, particularly in conflict situations, the dominant elements of the value system hold considerable sway. (VÁRINÉ 1987) At the same time, it is uncontested in the relevant literature that the individuals' choices of values are reflected in their actions. This statement is not valid in each specific action, but it is as regards the direction of the entirety of the interrelated actions. For instance, one would hardly imagine that a person whose own prosperity has a considerable value for the person would not at least now and then have a generous spirit, even though their generous act at that given moment would run counter their prosperity. At the same time, it is true for this person that they more frequently refuse donation requests compared with those for whom others' prosperity is also of critical value. It is not always the case for this latter one either, those for whom others' prosperity is also of critical value, as they are not always willing to have their own interests overshadowed for the benefit of others. Still, it is true that comparing two persons with two different perceptions of value, considering the entirety of the interrelated actions, there are marked differences between their value perceptions.

Therefore, I state that based on the changes in the inmates' value systems, the orientation of their subsequent actions can be forecast. This forecast, considering the nature of conflict between values and interests, does not guarantee to avoid recidivism, but it has a potential to increase the individuals' odds to become repeat offenders.

3. The methodology of the research

In the framework of this present research, I rely on the value theory of Shalom Schwartz (SCHWARTZ 2000). Schwartz uses a pie chart to introduce us to the entire patterns of conflicts and harmonies between the values. The circular arrangement of the values illustrates and demonstrates motivational continuum. The close the two values appear to each other, the more they have in common as regards their underlying motivations. The larger the distance between the two values, the greater the conflict is between their underlying motivations. The conflicts and harmonies between the ten universal values constitute an integrated value system. This value system can be summarized in a two-dimensional reference grid. One axis shows us the values of self-enhancement vs self-transcendence. In this segment, hedonism, power, and achievement face universalism and benevolence. The first ones emphasize following the self-interest, while the other one pay attention to others' prosperity and interests. The other axis illustrates the values of openness to changes vs conservation. In this part the values of self-direction

and stimulation face conformity, security, and tradition. The first one emphasizes independent thoughts and actions, the openness to new experience. The latter ones put emphasis on restraint on actions, as well as order, and the resistance to changes. As it can be seen, hedonism has an exceptional position by being located between openness and individualism – that is both universal values can claim this fundamental core value.

Based on the relevant literature, Schwartz defines values as desirable goals crossing situations, which goals serve as guiding principles in people's lives.

Schwartz's 21-question value survey measures the relevance of values that are universal and independent from either society or culture. By using the survey, I did not intend to measure the extent to which the inmates participating in religious education followed religious value systems; I intended to measure whether or not their value systems showed similarities of differences in comparison with those of other inmates' and those of the members of the civilian congregations. From the findings, it cannot be inferred to what extent they had become religious. At the same time, we can infer, however, that what kind of correlation is shown between the value systems of those incarcerated inmates having criminogenic value systems, who participate in religious education compared to those of other inmates' not participating in religious education and those of the members of the civilian congregations. This answers how religious education impacts the individuals' value systems.

Based on the above, I drew comparisons between the value systems of three groups in total. The test group included those inmates who regularly participated in religious occasions in prisons. Additionally, I set up two control groups as well. One control group included inmates not participating in religious occasions at all, whereas the other one consisted of members of civilian congregations outside prisons. As most of the inmate population consists of men, and the value system may differ according to the sexes, therefore the members of all groups were exclusively men. (PRAZSÁK 2015) I strived to establish groups with almost identical group sizes. In order to ensure that the data obtained have countrywide validity, I carried out sampling in four different penal institutions. I chose institutions where, in accordance with my preliminary collection of data, high quality religious education is carried out. In case of civil congregations, I considered religious affiliation irrelevant, as it is also irrelevant in prisons; consequently, I sampled four congregations of Christian churches in order to seek diversity.

4. The findings

In order to ensure that the formative influence of religious education be demonstrable, I chose the solution as follows: The 10 elements of Schwartz's value system were interpreted individually in a scale, whose one end presented those inmates not participating in any religious education at all, while the other end presented the members of the civilian congregations. The calculated values were based upon the calculation weighted as defined by Schwartz. I did not interpret the scale as being closed-end, as it could be expected that in cases of one or another value elements, the data from the tested population would not fall between those of the two control groups, but they would rather 'extend beyond' them in any direction. I examined to which direction and to what extent would changes be observed in test group values compared to the weighted averages of the control groups' values. To carry out the examination of the elements of the groups value systems I used two criteria. On the one hand, I examined the value systems characteristic of various groups based on the value ranks, and on the other hand I also considered their being weighted. The value ranks themselves reveal only that which values a given group consider important, and which they consider less important. But the

fact how important these values are, or how unimportant they are, can only be interpreted based on the weighted scores of the different value groups.

Those who did not participate in religious education submitted 98, and those who participated in religious education submitted 85 measurable questionnaires. This latter group, however, seemed that it could be broken down further from the aspect of the intensity of the religious education they participated in. Based on the previous, there were 34 inmates, who were outstandingly regular participants in religious occasions compared to the remaining 51 inmates. From the civilian control group, I managed to obtain 94 measurable questionnaires.

As my paper is an excerpt of the entire research findings, I intend to dispense with the introduction and explanation of how the weighted calculations of the different value groups were done. I wish to briefly present and outline the conclusions that can be drawn from the findings.

Comparing the order of the values, and the scores given to the various value groups, it can be inferred that the weighting of the values both in the congregation in the penal institutions, and in the civilian control group cover a far wider and more varied range than those of the control group in the penal institutions. That is, the group value systems are not as differentiated as those of the two others groups'. In case of the control group in the penal institutions, another interesting point is that the values located on the opposite poles of the different value axes can exist side by side quite well in the value systems. It is conspicuous that the most supported value is self-direction, whereas the most rejected one is conformity. This clearly demonstrates that the value systems of the inmates are characterized by strong self-centeredness and, parallel to this, the rejection of the expectations of their environment. It is difficult to adjudge whether the rejection of conformity is due to the rejection of the institutionalized detention system or it is against the other members of the prison population – or both. At the same time, the place of benevolence and security in the hierarchy of values are surprising. It may indeed be that the findings are but the reflections of desires and expectations stemming and resulting from their lack.

The civilian control groups positively assessed and clearly rejected values are also outlined precisely. It is also observable that some parts of the values on the same value axis are located next to each other. These values are the most-widely accepted benevolence and universalism on the self-transcendence axis, and security, tradition conformity on the conservation axis. At the same time, the values on the openness to change axis are divided. While self-direction is reputed to have relative acceptance, stimulation, on the other hand, is among the strongly rejected values. It is quite telling that the value most rejected by the group is power. This is located on the totally opposite end of those values most supported by the group. Consequently, their values located along the self-enhancement vs self-transcendence axis are sufficiently differentiated. The big difference between the two extreme values shows us that the well-being, interest and prosperity of their fellow humans is more important for the Christian community than the desire that they should exercise power. These findings are not that surprising – it is quite natural. The same can be said about the rejection stimulation, achievement and hedonism. The lack of the prevalence of self-direction could have demonstrated that in the Christian group's value system, the consideration of traditions, community, and others' interests completely overrides and supersedes the individuals' interests. Thus, the value of self-direction established a balance between individuals' and others' interests.

During the first measurement, I interpreted the findings as regards the group of inmates participating in religious education as related to a homogenous group, namely I did not differentiate between those regularly and quite intensely participate in religious education, and those in case of whom religious education is limited to ad hoc occasions. The findings obtained here show some correlation with the value systems of the civilian control group, but these findings fall significantly below my prior expectation and hypothesis.

Investigating the reasons for the findings, I repeated the measurement, but at that time I separated the group of inmates participating in high intensity religious education from those one who participated in an ad hoc basis. Concerning the value systems of the first group, the following statements could be made. The value systems of the congregation in the penal institution is organized in a highly differentiated way along the axis of self-enhancement – self-transcendence. From the findings it shows clearly that they consider the values of self-transcendence to be sought and followed, and in a similar way they strongly reject the values of self-enhancement. Considering other persons' or the entire community's interests is very characteristic of their value systems. The huge disparities shown between the weights of the values indicate that the community values override the individuals' self-centered values.

The comparative analysis of the statistically adjusted value elements of the congregation in the penal institution and the civilian control group allows the following main conclusions to be drawn. The prominent spot and weight of benevolence, universalism, self-direction is equivalent to those of the civil control group. The value of conformity is the only one that is rejected from the values in the conservation group. Of the rejected values by the test group, power and achievement equals, concerning their spot and weight, with those of the civilian control group. So, the acceptance of values associated with self-transcendence, and the rejection of the values associated with self-enhancement follow a similar pattern in both groups. The values associated with self-enhancement were ranked even further back in the hierarchy, since the value of achievement came immediately before power. Therefore, the explicit choice between the two opposite poles of the axis of values is even more significant. Tradition and security, though changing places with each other, occupy the same spot in the hierarchy of values, similarly to the case of the civilian control group. Conformity is strongly rejected by the test group. Its weighting is comparable to that by the civilian control group, but it is a less rejected value in their case. The spot for the value stimulations can be interesting, as this is the only exception that shows significant differences in the value systems of the two groups. What seems like the most reasonable explanation is that seeking thrills and living a varied life may be associated with the monotony of prison life.

The comparative analysis of the values by the congregation in the penal institution and the control group in the penal institution showed several significant differences. These differences were most noticeable and visible as regards the values 'power', 'conformity', 'tradition', and 'benevolence.' Power is among the strongly rejected values in both groups, but while in the case of the congregation in the penal institution power is the most strongly rejected value, in case of the control group in the penal institution, it ranks in the penultimate place 'only.' At first sight, this does not seem to be a significant difference. However, it is more meaningful to observe that the difference between the weightings calculated from the scores given by the two compared groups is huge – 2.81 times higher. And it is different in such a manner that the congregation in the penal institution reject the value of power to the utmost. A tremendously similar phenomenon

can be observed in case of the value benevolence found on the other endpoint of the axis of self-enhancement – self-transcendence. Despite the similarities in ranking, the difference between the scores indicates the significant differences between the rankings of the two groups. According to this, the value benevolence, that is others' prosperity and interests, is substantially more significant for the congregation in the penal institution. These two differences point towards the fact that, along the axis of self-enhancement – self-transcendence, the value systems of the congregation in the penal institution is much closer to those of the civilian control group than to those of the control group in the penal institution. A similar phenomenon, although not as strong as the above, can be observed between the values universalism and achievement, the two other values of this axis. From the aspect of peaceful existence in a society, this value axis is probably the most essential, because it expresses the extent to which an individual cares about his/her self-interests, or to what extent this individual takes into consideration the interests of others or the community, and thus our society, instead. The two other values showing significant differences (conformity and tradition) are found in the universal value conservation. Tradition shows significant differences not only in its scale, but also in its position in the hierarchy. The religious values considered more traditional are substantially more significant for the test group. There are no significant differences found in the values self-direction, stimulation, and hedonism located in the universal value openness to change that is opposite conservation.

As expected, the comparison between the control group in the penal institution control group and the civilian control group indicated the maximum variation and divergence possible. The weighting of the following values showed significant differences: Power, universalism, achievement, stimulation, conformity, tradition, benevolence, and hedonism. It was only the weighting of the values self-direction and security that showed no significant differences.

5. *The evaluation of the research*

The members of the statistically adjusted test group regularly and actively participated in the religious education in the prison. As indicated by the questionnaires, none of them had ever had any previous presence of religious observance in their lives. The value systems of this group, in respect of both the ranking of values and their strength, show slight differences compared to the value systems of the civilian control group, but shares with them, at the same time, identical features in certain crucial points. Parallel to this, there are several significant differences are observable in comparison with the value systems of the control group in the penal institution. Except for the value stimulation, it can be said that the value systems of the control group in the penal institution and considerably closer to the value systems of the civilian control group that those of the control group in the penal institution.

It has been demonstrated that religious education has a fundamental impact on the value systems of the inmates. This impact unequivocally converges their value systems to those of the congregations in the civilian world. Based on the differences of the first and second measurement, the following conclusions could be drawn: 1. *The changes in the value systems and the intensity of the religious education are statistically significantly associated.* Only sufficiently intense and regular religious education can impact the value systems of the inmates. 2. *The findings are influenced by the fact whether the inmates are housed in a separate unit, where they are the least exposed to the effects of prisonization, but most exposed to the inculturation by the prison missionary activities.* 3. *It is essential to properly select the inmates participating in the reli-*

gious education carried out in the separate unit, in order to ensure that those who end up here should consider this opportunity of religious education an escape from the world of crime and from being a career criminal rather than a favorable treatment. When selecting the participants, neither the crime committed, nor its punishment – the time remaining to be served – can be a matter of consideration. At the same time, the individual's motivational basis, and his/her family support could be a decisive element.

If we accept the precept that the individuals' value systems could affect their actions, then the consequence inevitably follows that the social activities and actions – or at least their dominant elements – of those participating in the religious education will reflect a value system, which is more acceptable and useful to society rather than a value system of criminality, which is dangerous and deservedly rejected.

In order to ensure that the achievement is reflected in the social actions in the long term, it is necessary to provide the recently released ex-inmates will receive „continued religious education.” These can be programs that facilitate integration into congregations. A religious person's life can be problematic alone. That is why it is important to ensure that he participants in the religious programs, upon their release from the penal institution, be integrated into the church communities. This is indicated by the fact that those who attend the religious occasions only, but do not participate in at least separate programs will be more heavily influenced by life in prison than by the religious occasions. It requires no further comment that these programs should not be state-initiated, but church-initiated, instead.

Finally, it must also be mentioned that religious education does not mean a general solution applied in and addressing all situations. Namely, it cannot be said that similar progress and outcome could be achieved by it in case of any and all groups of inmates. Similarly, to the selection processes used in the APAC model originated from Brazil, such a model must also be applied in the domestic religious education. This should not and must not mean arbitrariness or discrimination. This can only mean that the opportunities must be open to those volunteers only, who are open to changes and are willing to change – and could find religion as a tool for it.

Reference:

ÁDÁM Antal: Bölcsseletek, vallások, jogi alapértékek. (Philosophies, religions, fundamental legal values) Budapest – Pécs 2015.

PRAZSÁK Gergő: Marginális csoportok értékrendszerei: (Value systems of marginal groups) 2015 <http://kulturaeskozosseg.hu/pdf/2015/1/09.pdf> / accessed: 2018.04.24./

SCHWARTZ, Shalom: A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations. Chapter 7 in the Questionnaire Development Package of the European Social Survey. 2000 Source: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_human_values.pdf / accessed 2017-10-31/

VÁRINÉ Szilágyi Ibolya: Az ember, a világ és az értékek világa. Kísérlet az értékek fogalmának behatárolására. Az értékek - eszmei objektivációk. (Men, the Universe and the Universal Values, Attempting to Delineate the Concept of Values, Values as Objectifications of the Mind) In.: LENGYEL Zsuzsa (szerk) Szociálpszichológia. Bp. 1987. <http://www.tankonyvtar.hu/hu/tartalom/tkt/szocialpszichologia/ch05s04.html> / accessed: 2018.04.11./

Исторический аспект образования преступного феномена «вор в законе» в Российском государстве

Historical Aspect of the Formation of the Criminal Phenomenon «Thief in the Law» in Russia

Аннотация: феномен «вор в законе» сформировался в нашем государстве еще в начале XX века и до сегодняшнего дня играет главенствующую роль в преступном мире. В статье представлен исторический аспект формирования данного феномена в российском государстве, обозначены основные традиции и критерии, относящиеся к «воровским законам».

Abstract. The phenomenon of «thief in law» was formed in our state at the beginning of the twentieth century and still plays a dominant role in the criminal world. The article presents the historical aspect of the formation of this phenomenon in the Russian state, identifies the main traditions and criteria related to the «thieves» laws

Ключевые слова: лидер, «вор в законе», «воровской закон», преступный мир, преступное сообщество (преступная организация), лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии.

Key words: leader, «thief in law», «thieves' law», criminal world, criminal community (criminal organization), a person who occupies the highest position in the criminal hierarchy

Преступность, как отрицательное общественное явление, существует с древнейших времен, в связи с чем имеет место быть в любом обществе и государстве, независимо от формы его правления и сформированных в нем традиций и обычаев. Преступный мир обретает свои границы, которые преступники постоянно стремятся расширить, путем запугивания населения, дезорганизации работы правоохранительных органов, вовлечения в преступную деятельность новых участников, с целью облегчения для себя возможностей совершения новых преступлений.

На протяжении многих столетий в деятельности преступников и в противоправной деятельности в целом, немаловажную роль играют преступные лидеры, которые, в свою очередь, формируют вокруг себя преступные сообщества (преступные организации). В любом обществе важнейшим элементом выступает иерархия, определяющая положение каждого гражданина в обществе, в зависимости от того или иного положения и соответственно, является основанием для продвижения гражданина на протяжении всей его жизни по «иерархической лестнице». Не является исключением в данном случае и преступная иерархия, вершину которой занимают преступные лидеры.

По мнению М.С. Ефимкина, лидер (от англ. leader – ведущий, первый, идущий впереди) – лицо в какой-либо группе (организации), пользующееся большим, признанным авторитетом, обладающее влиянием, проявляющее управляющие действия; член группы, за которым она признает право принимать ответственные решения в значимых для нее ситуациях, то есть наиболее авторитетная личность, реально играющая центральную роль в организации совместной деятельности и регулировании взаимоотношений в группе¹.

¹ Ефимкин М. С. Роль воров в законе в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 98.

При обозначении понятия «лидер» преступной организации (преступного сообщества) нельзя не согласиться с мнением С.В. Сухова и А.А. Тирских, которые дают следующее определение данному феномену: «Лидер-это лицо в какой-либо группе (организации), пользующееся большим, признанным авторитетом, обладающее влиянием, которое проявляется как управляющее действие».¹

Особенностью высшей категории лидера криминальной среды (преступного мира) является наличие у него специального статуса – «вора в законе». Данное явление свойственно и характерно для нашего государства и носит глубокие исторические корни.

Несмотря на многолетнее существование данного термина в российском обществе, достоверно определить период образования преступного феномена, получившего в дальнейшем название «вор в законе», не представляется возможным, ввиду отсутствия в литературных источниках объективных конкретных сведений по данному вопросу. Тем не менее, исходя из имеющихся материалов, полученных из различных источников, считается возможным предположить, что преступный феномен «вор в законе» возник в 30-х годах XX века в местах лишения свободы в результате борьбы за главенство между другими категориями («мастями») профессиональных преступников.

Лицо, получившее «звание» «вора в законе» само по себе символизировало принадлежность к высшей касте в криминальной иерархии СССР, относя всех других преступников к различным, но более низким категориям, находящимся «вне закона», но подчиняющихся его основным предписаниям и требованиям².

Группы преступников, именуемые в дальнейшем «ворами в законе», стали формироваться в связи с развитием системы лагерей в СССР и ростом количества осужденных. Само по себе нахождение осужденного в концентрированном лагере уже порождало возможности для образования криминальных лидеров преступного мира, которых характеризовали высокий уровень организаторских способностей и высокие преступные таланты. Образование преступных групп, возглавляемых такими преступными лидерами, стало основой для формирования неформальных правил поведения, введения традиций, обычаев и порядков преступного мира, которые в дальнейшем стали использоваться в качестве основ поведения в преступном (воровском) обществе.

Профессиональные преступники, отбывавшие наказание в местах заключения (лагерях) подразделялись на отдельные категории («жиганы», «блатари» и др.), среди которых выделялась категория - «масть», именуемая «ворами». К данной категории себя относили «воры» по следующим «спе-

циальностям»: «квартирные», «медвежатники», «майданщики» и ряд других. Лица, занимающиеся мелкими кражами, например, «голубятники», «чердачники» (похитители сохнувшего белья) и другие, не пользующиеся авторитетом в силу незначительности совершаемых преступлений, в сообщество не принимались. «Воры» считали себя «белой костью», «князьями» преступного мира, «идейными» преступниками.

Развитие общественных, экономических, социально-политических сфер нашего государства в 70-80-е годы оказало свое влияние на преступную деятельность «воров в законе». Со стороны государства производилась недостаточная оценка деятельности опасных лидеров преступного мира, что явилось последствием слабой активности в борьбе с «ворами в законе» и своего рода социальной помощью для развития и распространения криминальной идеологии в их преступном мире и соответственно, совершения тяжких и особо тяжких преступлений членами преступных групп и сообществ, возглавляемых «ворами в законе».

В 70-е годы, когда в Советском Союзе наступили времена дефицита и иного рода экономические проблемы, возникли и получили свое развитие преступные группы, предметом деятельности которых был неучтенный товар (так называемые «цеховики»). В свою очередь, их успешная преступная деятельность попала в поле зрения грузинских «воров в законе», оценивших их экономическую мощь, и, установив свой жесткий контроль за подпольными производствами. Результатом этого взаимодействия и подконтрольных отношений между группами явились новые криминальные сообщества, в которых объединились интересы участников теневого бизнеса и профессиональных преступников – «воров в законе». Стоит отметить, что с указанного периода времени организованная преступность в сфере экономической деятельности, в том числе возглавляемая «ворами в законе», получила свое развитие и формирование не только в России, но и в Грузии.

Со стороны государства стали предприниматься меры, направленные на борьбу с преступностью и, несмотря на ужесточение принимаемых методов, в 70-е гг. произошло окончательное формирование организованных преступных групп и сообществ, которые объединили в себе профессиональных преступников, представителей теневой экономики, покровительствующих им чиновников самого высокого уровня и коррумпированных сотрудников правоохранительных структур. Профессиональные криминальные группировки, возглавляемые «ворами в законе», также окончательно заполнили свою социальную нишу и их функции распределились как в общеуголовной преступной деятельности, так и в сотрудничестве с «теневиками».

С указанного периода времени производить любого рода изменения в деятельности и социальном положении преступных сообществ, возглавляемых «ворами в законе» представлялось еще сложнее, и соответственно, преступная деятельность, в том числе сам статус «вора в законе» требовали новых корректив в воровских законах, что в свою очередь могло быть решено только на всесоюзных воровских сходках.

¹ Сухов С. В., Тирских А.А. Исторический аспект возникновения преступных лидеров // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2009. № 3. С. 62.

² Курбатова Г. В. Исторические аспекты возникновения и развития преступного феномена «вор в законе» // «NovaInfo.Ru». 2015. № 32. С. 185.

Последующие изменения в обществе и государстве, которые имели место быть в 80-х годах XX века, повлекли за собой и изменения в криминальном мире. Институт «воров в законе» стал постепенно легализовываться, что получило свое продолжение и в последующие годы. «Воры в законе», не скрывая своих источников дохода, полученных в результате противозаконной и преступной деятельности, полученные преступные финансовые средства обращали в легальный доход и бизнес.¹

Следует обратить внимание на то, что «воры в законе», как в начале XX столетия, так и после распада СССР и начала XXI века, всегда являлись признанными лидерами преступного мира. Создавая свой преступный мир, они же определяли в нем свои правила, которые должны были строго соблюдаться каждым из участников преступной организации, а лидеры этой организации – осуществлять строгий контроль за соблюдением обязательных правил и требований.²

Так, одной из отличительных особенностей жизнедеятельности воровской среды на любом историческом этапе существования данного феномена в нашем государстве можно отметить наличие определенных норм и правил поведения - «воровской закон», который определял основные направления деятельности общества, порядок регулирования взаимоотношений между членами данного общества, порядок подчинения одних групп другим и определял основные задачи и функции преступного общества в целом.

На ранних исторических этапах формирования преступного мира, возглавляемого «ворами в законе», воровской «закон» предписывал следующие обязательные нормы и правила поведения:

- беспрекословно и безоговорочно поддерживать воровские «идеи», проявлять принципиальность к «ворам», нарушавшим воровские «идеи» и взгляды;
- установление запретов, связанных с занятием любого рода трудовой деятельности, заключением брака, контактами с родственниками, с сотрудниками правоохранительных органов (кроме случаев, связанных с производством предварительного следствия и осуществлением правосудия);
- установление обязанности в проявлении честности по отношению к членам сообщества (к другим «ворам»);
- обязательное вовлечение в преступную среду новых надежных лиц, в особенности, из числа молодежи;
- установление запретов, связанных со службой в армии, и совершение любых действий, направленных на защиту интересов государства;
- умение играть в азартные игры, в случае проигрыша вовремя расплатиться, не проигрывать свой паек и не выигрывать его у других;
- запрет совершения таких преступлений, как убийство (за исключе-

¹ Сухов С. В., Тирских А.А. Указ. соч. С. 65.

² Ефимкин М. С. Указ. соч. С. 98.

нием, если данное преступление относится к защите «воровского сообщества» или чести «вора»), хулиганство, изнасилование.¹

Стать полноправным членом воровского сообщества мог далеко не каждый преступник. «Вором» становился претендент, имеющий преступный опыт и «заслуги» среди сообщества. Он не только брал на себя обязанность неукоснительно следовать «воровским правилам», но и всем своим прошлым поведением должен был доказывать строгую приверженность им.

Следует отметить, что ряд из вышеуказанных предписаний и правил и в настоящее время действуют в преступном мире среди «воров в законе».

Исторический аспект формирования термина «вор в законе» определяет специфику его образования, развития на различных этапах жизни нашего государства и свидетельствует о том, что для данного феномена свойственны ряд обязательных критериев, которые сформированы исходя из соблюдения «воровских законов», правил поведения и норм, которые являются обязательными как для самих «воров в законе», так и для лиц, вовлеченных ими в свой преступный мир.

Внесенные Федеральным законом от 01 апреля 2019 г. № 46-ФЗ изменения в Уголовный кодекс РФ, дополнили Особенную часть УК РФ ст. 210¹ «Занятие высшего положения в преступной иерархии», повлекшей усиление ответственности лиц, занимающих «верхушку» преступного сообщества (преступной организации), то есть «воров в законе». Учитывая исторические особенности формирования данного явления преступного мира, органам предварительного расследования, а также суду, при квалификации преступных действий лица по новой норме уголовного закона, необходимо будет обращать внимание на наличие в жизни и деятельности «воров в законе» конкретных традиций, обычаев и правил, характерных для преступного мира, которому свойственны «воровские законы», а также в обязательном порядке давать юридическую и правовую оценку значимости этих правил в их преступной жизнедеятельности.

Делая вывод, следует отметить, что феномен «воры в законе» возник на основе исторически сложившихся традиций, обычаев и «законов» преступного мира в нашем государстве, развитию которого способствовали неформальные нормы поведения («воровские законы»), служившие исключительно для сохранения данного преступного сообщества и обеспечения его существования в обществе и государстве.

Список литературы

- Ефимкин М. С.* Роль воров в законе в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4.
- Курбатова Г.В.* Исторические аспекты возникновения и развития преступного феномена «вор в законе» // NovaInfo.Ru. 2015. № 32.
- Сухов С. В., Тирских А.А.* Исторический аспект возникновения преступных лидеров // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2009. № 3.

¹ Сухов С. В., Тирских А.А. Указ. соч. С. 67

Основные принципы противодействия экстремистской деятельности

The Main Principles of Counteracting Extremist Acts

Аннотация: На уровне государства проводится системная работа по пресечению экстремистской деятельности. Законом выделяются основные принципы противодействия экстремистской деятельности. Подвергнуты анализу частичная декриминализация статьи 282 УК РФ и появление в Кодексе об административных правонарушениях новой антиэкстремистской статьи.

Abstract. Prevention of extremist acts demands systematic work on state level. The law highlights the basic principles of countering extremist activity. Author analyses the partial decriminalization of article 282 of the Criminal code and the appearance of a new anti-extremist article in the Code of Administrative offences.

Ключевые слова: экстремизм; экстремистская деятельность; принципы противодействия экстремистской деятельности.

Key words: extremism; extremist activity; principles of counteracting extremist acts

Экстремистская деятельность националистических, радикальных религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной обстановки в стране, признается одним из источников угроз национальной безопасности.

Само понятие «экстремизм» не имеет однозначного толкования в науке.

Экстремизм и экстремистская деятельность являются предметом исследования как юристов, так и историков, психологов, социологов. В современном понимании экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и мерам¹. В данном качестве экстремизм смыкается, с одной стороны, с нигилизмом, превосходя последний по остроте социальных последствий, а с другой – с терроризмом, становясь его психологической предпосылкой и идеологической основой².

Современным российским законодательством определяется перечень противоправных деяний деструктивной направленности, за совершение которых предусмотрен комплекс мер государственного принуждения. Согласно ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» к экстремистским относятся следующие деяния³:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

¹ Большой Российский энциклопедический словарь. М., 2003. С. 1828.

² Ильичев И. Е., Лазарева С. А. О понятии и классификации проявлений экстремизма // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 127.

³ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 30.06.2019.

-- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

-- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

-- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

-- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием или угрозой его применения;

-- совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы);

-- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций; (в ред. Федерального закона от 25.12.2012 № 255-ФЗ)

-- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

-- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

-- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

-- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг; (п. 1 в ред. Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ).

Противодействие экстремистской деятельности основывается на следующих принципах:

-- признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций;

-- законность;

-- гласность;

-- приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации;

-- приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности;

-- сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности;

-- неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности.

На уровне государства проводится системная работа по пресечению деятельности организаций экстремистского толка и информированию населения о выявленных правоохранительными органами деструктивных организациях. Список организаций, деятельность которых запрещена на территории РФ, вступившим в законную силу решением суда, в связи с осуществлением экстремистской деятельности, постоянно обновляется и публикуется на официальном сайте Минюста РФ по ссылке: http://www.minjust.ru/nko/perechen_zapret. Список организаций, деятельность которых приостановлена в связи с тем, что идет судебное разбирательство и в деятельности организации усматриваются признаки экстремистской деятельности, размещается по ссылке: http://www.minjust.ru/nko/perechen_priostanovleni.

Противодействие экстремистской деятельности осуществляется по следующим основным направлениям:

принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;

выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Согласно ст. 3.1. Особенности применения законодательства РФ о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2018 году было зарегистрировано 1265 преступлений экстремистской направленности. Более чем в 80 % случаев речь шла о деяниях, предусмотренных ст. 280 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) и ст. 282 УК (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства). Из них свыше трех четвертей – квалифицированные по ст. 282 УК преступления, «связанные с пропагандой идеи национального, религиозного, расового превосходства в соцсети «ВКонтакте»», указано в докладе генпрокурора Юрия Чайки Совету Федерации¹.

¹ Генпрокуратура – об антиэкстремистском правоприменении в 2018 году // СОВА. Информационно-аналитический центр. www.sova-center.ru. Оригинал: /misuse/discussions/2019/04/d40871/.

Федеральным законом от 27.12.2018 г. № 519-ФЗ ст. 282 УК РФ была частично декриминализована. Преступными стали признаваться действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

Соответственно, в Кодексе об административных правонарушениях появилась новая статья – 20.3.1. КоАП РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), статья введена Федеральным законом от 27.12.2018 № 521-ФЗ. Санкцией данной статьи предусмотрено наложение административного штрафа на граждан в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей, или обязательные работы на срок до ста часов, или административный арест на срок до пятнадцати суток; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей.

Кроме того, ст. 20.2 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (в ред. Федерального закона от 04.11.2014 № 332-ФЗ).

В свое время профессор В. П. Малков высказался за возвращение в уголовное законодательство России административной и дисциплинарной преюдиции как средств частичной декриминализации определенных преступных деяний и криминализации некоторых опасных правонарушений, характеризующихся к их повторению и наносящих существенный вред обществу¹.

Широкий общественный резонанс вызвало в 2018 году дело Марии Мотузной, жительницы Барнаула, обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ и ч. 1 ст. 148 УК РФ. Поводом для уголовного преследования стало размещение на удаленной странице подсудимой в социальной сети «ВКонтакте» изображений так называемых интернет-мемов на религиозной почве, которые по версии следствия оскорбляли чувства верующих.

Частичную декриминализацию ст. 282 УК РФ, на наш взгляд, стоит только приветствовать. Нами при написании данной статьи была изучена практика применения антиэкстремистских статей. Административные дела по новой ст. 20.3.1 КоАП РФ рассматриваются судами весьма интенсивно.

¹ Малков В. П. Административная преюдиция: за и против // Малков В. П., Избранные труды. В 3 т. Т. 1. Казань, 2011. С. 322.

7 июня 2019 года Новоильинский районный суд города Новокузнецка Кемеровской области оштрафовал на 10 тысяч рублей местного жителя К. Вдовина, который с 2017 года публиковал на своей страничке в социальной сети «ВКонтакте» различные ксенофобские тексты, направленные против выходцев с Кавказа и из Средней Азии, а также чернокожих и евреев. Тексты, помимо прочего, оправдывали применение насилия в отношении перечисленных групп.

12 июня 2019 года Правобережный районный суд города Магнитогорска Челябинской области приговорил к 30 часам обязательных работ местного жителя, который под именем Андрей Новиков в социальной сети «ВКонтакте» опубликовал фотографии, аудиозаписи и видеоролики, в которых запечатлены сцены насилия в отношении лиц с «не славянской внешностью», призывы к борьбе с «не русскими». По данным СМИ, материалы были выложены в 2009-2010 годах.

Согласно постановлению Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 282 УК РФ, считается оконченным с момента совершения хотя бы одного действия, направленного на возбуждение ненависти. В данном случае это произошло в 2009-2010 годах. На тот момент деяния, квалифицируемые по ч. 1 ст. 282 УК РФ, считались преступлениями небольшой тяжести. Таким образом, срок давности привлечения к уголовной ответственности за публикацию материалов истек через два года – в 2011-2012 годах.

Административные правонарушения, связанные с публикациями в социальных сетях, считаются длящимися, то есть сроки привлечения к ответственности по ним отсчитываются со дня обнаружения правонарушения. Однако следует учитывать, что до введения в КоАП РФ ст. 20.3.1 в связи с частичной декриминализацией ч. 1 ст. 282 УК РФ А. Новикова не смогли бы привлечь к ответственности по ст. 282 УК, так как срок давности по ней истек и лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ).

Практика привлечения в подобных случаях к административной ответственности представляется нам необоснованной и излишней.

Раздел IV. Современное состояние уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики

Антипов А. Н.

Проблемы обеспечения безопасности в уголовно-исполнительной системе

Problems of Security in the Penal System

Аннотация: проблемы обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы были и остаются весьма актуальными. От того насколько будут реализованы цели применения наказаний зависит возвращение, отбывшего лишения свободы, человека в общества, недопущение совершения новых преступлений, уровень безопасности человека, общества, государства.

Abstract. The problems of security in the penitentiary system institutions have been and remain very challenging. The goals of system are return of the imprisoned to society, prevention of new crimes, personal, state and community safety. So, their accomplishment depends on the effectiveness of security measures.

Ключевые слова: безопасность, уголовно-исполнительная система, учреждения, проблемы.

Key words: security, penal system, institutions, problems.

Актуальность проблемы обеспечения безопасности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС, УИС РФ) обусловлена тем, что в соответствии с Указом Президента от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы или в виде принудительных работ (далее – учреждения, исполняющие наказания), и в следственных изоляторах, обеспечение безопасности содержащихся в них осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников уголовно-исполнительной системы, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях этих учреждений и следственных изоляторов является одной из основных задач ФСИН России.

Проблема обеспечения безопасности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации является комплексной, зависящей от множества внутренних и внешних факторов.

В тезисном варианте остановимся на рассмотрении некоторых из них.

Тезис первый. В учреждениях УИС содержится наиболее криминогенная часть населения страны. Происходящие в последние годы процессы декриминализации, гуманизации отбывания наказаний привели к значительному сокращению численности лиц, содержащихся в исправительных учреждениях. Данная тенденция, в более замедленном варианте, имеет место и в настоящее время. Согласно статистическим данным, приведенным на официальном сайте ФСИН России, на 1 июня 2019 г. в учреждениях УИС РФ содержалось 546 473 чел. (– 16 693 чел. к 01.01.2019). В 705 исправительных колониях отбывало наказание 443 721 чел. (– 17 202 чел.), в том числе:

- в 123 колониях-поселениях отбывало наказание 32 978 чел. (– 931 чел.);
- в 7 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы отбывало наказание 2 011 чел. (– 18 чел.);
- в 211 следственных изоляторах и 95 помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях, содержалось – 100 330 чел. (+ 608 чел.);
- в 8 тюрьмах отбывало наказание 1 164 чел. (– 48 чел.);
- в 23 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 1 258 чел. (– 51 чел.).

В учреждениях содержится 43 704 женщины (– 1 439 чел.).

Тезис второй. Анализ характеристики осужденных по возрасту на момент совершения преступлений показывает, что при уменьшении числа осужденных в возрастном диапазоне до 25 лет, относительной стабильности в возрастном диапазоне до 55 лет, отмечается рост в возрастной категории от 55 до 60 лет и старше.

Также с учетом снижения численности осужденных, можно говорить о росте числа лиц, осужденных к лишению свободы три и более раз. То есть намечается тенденция повышения возраста преступников, формирования некой прослойки лиц, отбывающих лишение свободы несколько раз, фактически, не поддающихся исправлению, освобождающихся и вновь совершающих преступления, то есть представляющих реальную угрозу безопасности человека, общества, в определенной степени государству.

Постоянно высоким фиксируется количество лиц, совершающих преступления впервые. Так в исправительных колониях в 2015 г. их было 238549 чел., в 2016 г. – 240807, в 2017 г. – 230369, и только в 2018 г. обозначился некий спад – 210924.

Высоким, несмотря на определенное снижение, остается количество лиц, осужденных за такие преступления как убийства; изнасилования, насильственные действия сексуального характера; преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Кроме того согласно данным Департамента судебной статистики число лиц, осужденных за преступления террористического характера, в 2017 г. составило 276 чел., в 2018 г. – 326; за преступления экстремистской направленности в 2017 г. составило 605 чел., в 2018 г. – 553;

И это отмечается на фоне стабильно высокого показателя освобожденных (в 2016 г. – 210679, в 2017 г. – 217320, в 2018 г. – 221729), в том числе и условно-досрочно или в связи с заменой лишения более мягким наказанием (в 2016 г. – 65467, в 2017 г. – 71349, 2018 г. – 68254).

Таким образом, можно констатировать, что правовой институт досрочного освобождения снизил уровень эффективности своего регулирующего воздействия.

Тезис третий. На данном фоне отмечается осложнение обстановки в исправительных учреждениях УИС. Так, зафиксирован рост действий, дез-

организующих работу исправительного учреждения, в 2016 г. – 8 случаев, в 2017 г. – 6, в 2018 г. – 13, и это без учета предотвращенных (профилактированных). Число совершенных преступлений в исправительных колониях всего в 2016 г. было 851, в 2017 г. – 875, в 2018 г. – 913. Отмечается рост числа изъятых спиртных напитков, наркотических средств, колюще-режущих предметов, средств мобильной связи. Все это как по отдельности, так и в совокупности создает угрозу безопасности для лиц, содержащихся в исправительных учреждениях УИС РФ, работников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, лиц, посещающих учреждения УИС РФ, иных граждан России. Например, имеет место совершение преступлений мошеннического характера с использованием средств обильной связи. Это проблема, которая характерна для всех пенитенциарных служб мира. Предлагаемые решения предполагают значительные финансовые затраты, без гарантий их эффективности.

Тезис четвертый. Реализация ст. 43 УК РФ, обозначившей цели применения наказаний (наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.), остается не более чем целью. Достижение обозначенных целей в сложившихся условиях представляется не только весьма проблематичным, но и постановка их в обозначенном ракурсе оказывает негативное влияние на имидж уголовно-исполнительной системы, на состояние безопасности, формирует недоверие населения к власти, в частности системе правосудия.

Тезис пятый. Отмечается рост числа лиц, осужденных без лишения свободы. Так, в 2016 г. на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (далее – УИИ) состояло – 432092 чел., в 2017 г. – 503865, в 2018 г. – 509965. А прошло всего по учетам УИИ в 2016 г. – 871786 чел., в 2017 г. – 989228, в 2018 г. – 1034029. При этом количество работников УИИ остается практически на том же уровне, не сильно улучшилось и их материальное обеспечение. При современных условиях исполнения ряда наказаний без лишения свободы превращается в формальность, так как проконтролировать лиц, в отношении которых определена та или иная мера уголовного принуждения, практически невозможно.

Тезис шестой. Несовершенство правового регулирования, механизма реализации отдельных норм предопределяет такой же формальный подход к их исполнению. Например, лица, лишённые права занимать определенные должности, свободно обходят данные ограничения.

Тезис седьмой. Неэффективное взаимодействие различных государственных структур, в том числе и с общественными организациями также предопределяет снижение уровня безопасности. Отсутствует преемственность органов власти. Например, весьма сложно говорить о ресоциализации лиц, освобождающиеся из мест лишения свободы (ФСИН России в настоящее время в соответствии с обозначенными полномочиями занимается подготовкой к постпенитенциарной ресоциализации и не более).

Тезис восьмой. Отсутствие действенных механизмов воздействия на самую криминальную часть лиц, содержащихся в учреждениях УИС, особенно в ситуациях, когда методы убеждения не действуют. Методы же принуждения в ряде случаев рассматриваются как нарушения закона.

В этой связи представляется возможным отметить, что:

- начиная с 2015 года, претерпевает изменения парадигма исполнения уголовных наказаний в сторону гуманизации исполнения наказаний;

- лица, содержащиеся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, оказывают определенное дестабилизирующее воздействие как на сами учреждения, в которых они содержатся, так и на третий лиц, общество и государство в целом;

- требуют изменения применяемые методы исполнения уголовных наказаний, в части повышения интенсивности воздействия на осужденных; корректировки и более четкого определения критериев и показателей оценки их исправления; законодательного закрепления иных форм (принудительного) воздействия при несоблюдении осужденными установленных правил содержания;

- необходимо завершить переход на цифровые формы контроля за поведением осужденных.

Vince Vári, Dragana Cvorovic

The concept and role of suspicion in criminal proceedings

Понятие и роль подозрения в уголовном процессе

Аннотация. Подозрение является бесспорно Ахиллесовой пятой предварительного расследования. Различие между разными уровнями подозрения является наиболее важным фактором эффективного завершения расследования. Так, стадия исследования от стадии изучения отличается хорошо обоснованным подозрением (in personam). Ответчику и подозреваемому должны быть предоставлены необходимые средства защиты для первого допроса. Прокуратура, в свою очередь, должна тщательно изучить фактические и правовые основы основания подозрения. Если прокурор отклоняет апелляцию, он должен предоставить подробное изложение причин. При этом решение прокурора о закрытии расследования, основанного на признании, может быть использовано вместо обвинительного заключения. Это помогает избежать ненужных судебных разбирательств. Кроме того, на следственные органы оказывается давление, которое зачастую приводит к процессуальным ошибкам и необоснованным решениям. Следовательно, переосмысление роли подозрения может значительно повысить эффективность всего уголовного процесса.

Abstract. The Achilles heel of the criminal prosecution phase is undoubtedly a suspicion. Distinction between the different levels of suspicion is the most important factor in the effective closing of investigations. In the investigation, the exploration phase is delineated by a well-founded suspicion (in personam) from the examination phase. A special remedy must be provided for the defendant and the suspect against the first interrogation. In this case, the prosecutor's office should carefully examine the factual and

legal basis of the well-founded suspicion. If it refuses the appeal, it must give a detailed statement of reasons. With this, the use of opportunistic prosecutor's decisions based on suspected confession can be used instead of indictment when the investigation is closed. This helps to avoid unnecessary court proceedings. In addition, the effectiveness of the investigative authorities' performance pressures, which often leads to procedural errors and unfounded facts. Consequently, the reinterpretation of the role of suspicion can significantly improve the efficiency of the entire criminal proceedings.

Ключевые слова: следствие, подозрение, отвод, стадия исследования доказательств

Keywords: investigation, suspicion, diversion, exploration stage

Introducing

The exact recording of suspicious facts is important because the investigating authority and the prosecutor are entitled to consider them and make a decision on the investigation. This is mostly done by predicting the success or failure of a subsequent procedure based on incoming information. This operational feature is called the official selection mechanism or the interest of the investigative authority determined by its own internal organization (VÁRI, 2018). This is primarily driven by the political influence of law enforcement agencies and the pressure of success in the professional and managerial hierarchy. Why is it problematic? Mostly because the authority is not "allowed" by the authorities, especially if they have to produce an offender, but even more because they do not invest any energy into procedural if the case do not seem simple and fast provable. This leads to the fact that investigative authorities in many cases do not initiate an investigation or, if so, eliminate it without substantial investigative action to establish the identity of the offender. The consequence of this latter is the constant erosion of public trust in law enforcement agencies, which is so typical of countries with a continental law system which based on officialdom (VÁRI, 2015).

Suspicious concept and significance

An indispensable element of the initiation of criminal proceedings is the suspected probability of the existence of a crime (in rem), that is, the existence of facts, data, and circumstances that justify committing the crime (HORGOS, 2018:245.). However, the establishment of the suspicion, that is to say the existence of the facts on which it is based, is already a matter of investigation. In particular, it is the prosecutor's or the investigating authority's responsibility to determine whether there is a suspicion or a reasonable suspicion. In addition, the suspicion already puts the law enforcement agencies on track, as the prosecutor is required to prosecute after an effective investigation if its legal and procedural conditions are met.

As the case is suspected, the (in personam), ie grounded suspicion, provides the person with an investigation, according the 390.§. Code of Hungarian Criminal Procedural of Law (Act 2017.XC.) (hereinafter: CPC of Hungary). The exploration stage of the main investigation phase is replaced by the announcement of a grounded suspicion. Thus, the language of the balance is the stepping up of suspicion, which puts the procedure into a new phase. The means of introducing a complaint against suspicion as a separate legal remedy. With this, the probability level of grounded suspicion can become measurable. But first of all, it needs to be clarified what the suspicion is, and how is it created?

The knowledge of the investigative authority (forensic terminology: "start-up data") and the current professional knowledge of the investigating authority has a

primary and fundamental role in the conception of suspicion. In addition, the level of professionalism, transparency, clarity, unity, logic and comprehensibility of the individual criminal and other laws and the existence of legislation for the particular situation may be great importance. In general, suspicion cannot be based on mere assumptions and in particular, on the presumption or fiction of the authority (KIRÁLY, 1972:242.). That is why necessary to prove the existence of suspicion based on validated data (knowledge) as a mandatory element. It is important to emphasize that prosecution can only be initiated on the basis of suspicion supported by objective and verified data (SLÉDER 2010:81).

Just as the credibility of the underlying data or the authenticity of the information minimum, it must be justified. Thus, these data must be objective and partially or wholly from outside the investigating authority. Except, of course, if the preparatory procedure was conducted by the same investigative authority and the result: the suspicion. The investigation can also be ordered if the investigating authority has acquired knowledge that logically made it possible to commit a criminal offense (BÓCZ 2004:109). Erdei Árpád puts it, the actual committing of a crime, but at least a smaller or greater probability, is required to initiate the procedure. (ERDEI 2011:23.). Based on the above, the following requirements may be invoked against suspicion:

- at least partially derive from official sources, so that the authority has access to the information or data, or prepares a preparatory procedure that justifies the reality of the presumption,
- the information obtained should have a criminal relevance and show that at least one criminal case has occurred in the past,
- the source of the underlying data is existing and objective,
- logically, there is a greater likelihood of a crime than not having happened.

Consequently, the event is realistic, but only if there was enough factual knowledge to consider this. If you do not have or do not have enough facts about reality, you cannot justify the absence of suspicion for this reason alone, by completing the pre-report process (CPC of Hungary, 380.§.) or by the end of preparatory process (CPC of Hungary, 339-348.§.). It can be stated that legal effect cannot be attributed to suspicion, because it requires certainty and proof (TREMMELE, 1985:319.).

To investigate the suspicion?

If the suspicion is approached from a purely theoretical point of view, the experience of getting to know the evidence in the psychic activity of the investigator or prosecutor during the investigation (ie the foundation of the suspicion) is the same in the same individual psychological processes as in the trial in the judge. This is an opinion that expresses in the decision, but only proves what the authority believes in what has happened. (BÓCZ, 2012:28-29.). While the question of practitioners is right, why is it necessary to investigate even when it makes no sense (BÓCZ, 2004:21.). Especially if the crime has already been discovered before the investigation is ordered, the perpetrator's personality is known and the possible means of proof are fully available.

On the other hand, how cost-effective and rational are the formal investigations carried out at every stage of the procedure - the probability level - where criminal proceedings lead to delays and complexity of cases (KIRÁLY, 1996:670). This is primarily related to the legal culture that is so characteristics of the post-socialist countries. The role of the investigation was overestimated and sought to be an autonomous process, serving internal organizational values, and not the preparation of

justice (KORINEK, 2006: 68.). Under the rule of socialist legitimacy, the investigation has become equal with negotiation in the field of fact-finding, proof and legal judgment (BÓCZ, 2004:21.). It should be noted that the investigating authority's suspicion or form of exploration is seriously affected by the effectiveness of criminal proceedings. In fact, whether this activity falls into a negative or a positive domain, "arbitrariness" or non-social use negatively affects public confidence in justice and the enforcement of legal certainty.

The efficiency of the prosecution and the suspicion

In the context of the above, it is obvious that the assessment of wrongdoer acts known to the investigating authority is decisive, whether or not the suspicion can be differentiated. Király puts suspicion among the probability-value statements, which is not a certainty but a probability-value statement (KIRÁLY, 2000:309.). The evaluation is also neuralgic, because in the initial phase of the criminal proceedings the erroneous assessment of the data that gave rise to the suspicion may lead to the misdemeanor of the entire criminal procedure. At the same time, it may significantly impair the chances of clarification of the facts in court, considering that the factual findings of factual elements are largely in the investigation phase. In fact, errors in evidence procedures (acts) may occur primarily during the investigation. After all, it is the investigative authority that is responsible for examining the scene of the crime, interrogating the site, attempting to prove, or presenting persons and objects. We can also think here of the instrumental control test introduced by the CPC of Hungary as evidence, which can also cause investigation errors (BUDAHÁZI, 2012).

The CPC of Hungary has a distinction between accusing and court tasks. The prosecution bears the burden of proving the charge 4.§.(1), It follows from the principle of division of procedural duties that the prosecution and not the court are responsible for obtaining the appropriate evidence. (Mansion 1. BK Opinion III.1.a). The investigating authority shall proceed to the Prosecutor's Office in the investigation stage – after the exploration – of the investigation accordingly. However, the facts are irreconcilable is also closely related to the court's obligation to investigate the facts, ie to establish the facts. (CPC of Hungary, 75.§. (1) If the prosecution of a criminal case is not complete, the judgment may also be unfounded. (CPC of Hungary. 351.§ (2) (a), 592.§. (1) (b), 592.§. (2) (b))

The danger of the factuality of the facts and the subsequent unfoundedness is primarily attributed to the already mentioned internal aspects of organizational interest. This interest is identified by Finster in the theory of policing as an essential feature of law enforcement system (FINSZTER, 2003.). The police as a general investigative authority (CPC of Hungary. 36.§. (1) have a centralized, hierarchical nationally competent organization with an extremely strong press performance with a more familiar but slightly pejorative expression, provides a statistical approach to procedural work activity.

Thus, if the investigating authority exercising the law enforcement function decides on the ratings of each suspected level without substantive procedural control, its decisions are in principle guided by the investigation is predictably effective. Effectiveness in this relationship is the exploration, identification, and availability of means of access to the perpetrator, ie the availability of evidence. Factual persuasion related to the authority's own version often leads to unlawful proof, especially when the support of the version is only possible through such a procedural violation (TIHANYI - VÁRI, 2015). The testimony of the debtor plays a prominent role in this circle, the

violation of which is most often the result of hearing of the Supreme Court of the United States in *Miranda* (*Miranda vs. Arizona* 384 US 436, 1966) (BÁRD, 2005:5.).

The problem of undifferentiation of suspicion

For the degree or differentiation of suspicion, the authors distinguish three types of suspicion according to each probability level: simple suspicion, founded suspicion, and grounded suspicion (RIDEGH - OLCHVÁRY - MILVIUS, 1892). When establishing grades, the investigating authority, with its own margin of maneuver, does not necessarily adjust the initiation of the investigation to the level of reality of or the quality of "material truth". In which the aspect is much more to prove the validity of its own versions and presumptions, as well as the feasibility and simplicity of the related evidence. This is basically an individual and psychic process, but it also affects human activity at an organizational level (BALASSA, 2017:203). Because a version is a conditional logical judgment for the whole or part of a crime. It also determines the direction of data collection and other forensic catches (such as hot pursuit), and the direction of reconnaissance, on the basis of which the subject matter of the evidence can be precisely identified and also part of the investigation plan (FENYVESI - TREMMEL, 2002:248). Thus, the aspect that fixes the direction of the investigation, the official version, will not be the content of the suspected reality, but the predictability or feasibility of reaching a path that leads to a higher probability level or to a positive conclusion of the investigation. All this characterizes the investigations in the direction where the facts confirming the "initial" version are established. The guiding principle of purchasing evidence is to support the presumption of guilt. This basically cites the early inquisitional procedural system, where the burdened person is not subject to the process but the subject. Suspect has no right to sue, he can only defend if the authority allows him (KERTÉSZ - PUSZTAI, 1992). The problem, however, arises mostly when the accuser who bears the burden of proof cannot rectify the errors and irregularities of the investigations in the court's evidence procedure. Especially if you are still unable to make any proof of evidence due to irregular inquiries based on wrong facts. Evidence that the court is not required to obtain evidence to support the accusation in the absence of a prosecution is not available to him (ELEK, 2014:47.). The abovementioned tendencies can be considered to have harmful consequences: inadequate suspicions, accusations, erroneous and incorrect legal ratings, unexplored investigative threads, illegally obtained evidence, procedural violations. In addition, some variations of the various forms of justice can be further classified. It is not questionable that this anomaly is extremely weakening and eroding the efficiency of criminal proceedings, not to mention the high degree of loss of prestige. In general and constantly, the authorities are particularly concerned with the massive publicity of the media. The argument is also supported by a recent empirical study involving 24 judges in the Debrecen Court of Appeal. According to the research, 91.66% of the judges stated that the procedural violations during the investigation had a negative impact on the court proceedings. A survey of 40 law enforcement officers (judges, court clerks) showed that 100% was the answer to this question, and 85% of law enforcers responded that such procedural violations had an impact on the determination of the facts of the case (HÁGER, 2014).

Although the CPC of Hungary no longer requires material justice to be imposed on the judicial authorities. According to the 104.§. CPC of Hungary, published in 1896: if the exploration stage of a plot reached a stage when the accusation can be recorded, both in relation to the act and to the individual. The investigation was ordered, from

which the principle of the division of procedural tasks (prosecution, defense and judgment) and the main procedural principles such as verbatim, directness and publicity had already prevailed. At that time - very correctly - they only saw their chances of materializing. By giving up many other principles, the current CPC of Hungary is satisfied with the effort to establish the facts that are true. Thus, objectivity in this context is nothing more than an official endeavor to establish a realistic fact. It is legitimate to see whether this can be achieved by the prosecutor's law enforcement or not. The complaint against suspicion introduced into the Hungarian CVC is precisely the change in the approach that hinders this. With all this, the law enforcement authorities have been told not to automatically refuse to accept complaints against suspicions compared to previous practice. Relying on the authority's justification that the investigation or refusal of the complaint is in any case the responsibility of the investigation. At the end of the exploration stage, the prosecutor will, in the absence of a suspect's recognition, actually measure the defense and suspect's arguments for rescue and mitigating circumstances, and consider their suggestions. To do this, however, ensuring full right of access to the case at the time of the suspicion is a necessary condition, and as a general rule is provided by law, and, as far as possible, is not restricted by the investigating authority.

The Role of Suspicion in the CPC of Serbia

The reform of the criminal procedural legislation of Serbia started with the adoption of the Criminal Procedure Code of the FRY in 2001, and the last result of the previous, over fifteen-year long reform process, is the Criminal Procedure Code from 2011, which has also been amended several times. Frequent interventions in legal texts that make up the criminal procedural legislation of Serbia, and above all interventions in the Criminal Procedure Code as the umbrella regulation of this branch of law are due to seemingly quite justified criticism of the professional public. In its essence, the reform process has brought numerous novelties, one of the more important being the introduction of prosecutorial investigation, probative passivity of the court and the introduction of grounds for suspicion,¹ grounded suspicion² and justified suspicion³ which did not exist in the CPC of Serbia until now.

One of the most current issues in the reform is the issue of the concept of investigation. Both theory and practice agree that dealing with this problem to a great extent affects the effectiveness (BEJATOVIC, 2015.) of criminal proceedings as one of the key goals of the reform. Namely, the Criminal Procedure Code foresees preliminary investigation, investigation and indictment, in order to then proceed to trial, which includes the preparation of the main trial, the main trial and the rendering judgement. When it comes to the new concept of investigation (according to the legislator – the prosecutorial concept), the key issue is how to elaborate the prosecutorial concept of investigation in order to achieve the goals that are expected of it (the effectiveness of detecting and proving criminal offenses), at the same time being in line with international acts and national

¹ Grounds for suspicion is a set of facts which indirectly show that a certain person is the perpetrator of a criminal offence (Article 2, paragraph 1, item 17, CPC/2011),

² Grounded suspicion is a set of facts that directly show that a certain person is the perpetrator of a criminal offence (Article 2, paragraph 1, item 18, CPC/2011),

³ Justified suspicion is a set of facts which directly substantiate grounded suspicion and justify the filing of an indictment (Article 2, paragraph 1, item 19, CPC/2011),

legislation which guarantee freedom and rights (CVOROVIC, 2016) of the defendant and other participants in the investigation procedure (SKULIC, 2014a). The key illogicality's and problems that have arisen in the CPC of Serbia relate to the existence of both proceedings – pre-trial proceedings and investigation before the indictment is filed, and it is even more illogical for both proceedings to proceed with the same degree of suspicion. Namely, to initiate pre-trial proceedings, there must be grounds for suspicion, as well as to initiate an investigation. Additionally, the prevailing, quite justified view of the expert public is that with the current method of standardizing the investigation, Serbia did not get the prosecutorial concept of investigation, but parallel investigation.

Also, the advocacy that prosecution should begin with the commencement of criminal proceedings, i.e. the investigation, seems justifiable, instead of the way it is now – in the pre-trial procedure. Namely, according to the valid text of the CPC (SKULIC, 2014b), criminal prosecution begins with the first action of the public prosecutor or authorized police officials based on the request of the public prosecutor (CVOROVIC, 2015), undertaken in accordance with this Code in order to check the grounds for suspicion that a criminal offense has been committed or that a certain person has committed a criminal offense. In accordance with this, in order to obtain the desired efficiency of the criminal procedure, it is necessary to amend the CPC of Serbia and ensure compliance with the following principles: firstly, the introduction of a grounded suspicion as a material condition for the initiation of criminal proceedings, i.e. investigation as the first phase of the criminal proceedings. In line with this, there is the revocation of the possibility of investigating against an unknown perpetrator. Namely, according to the Criminal Procedure Code, in order to initiate an investigation, the lowest degree of suspicion is enough, that is the very degree of suspicion required for the conduct of the police in the pre-trial procedure. Secondly, it is necessary to specify the conditions under which the police can appear as an active subject of the investigation, as well as the types of evidentiary activities that it can undertake. Thirdly, it is necessary to provide for concrete mechanisms that ensure adequate cooperation between the public prosecutor and the police in pre-trial proceedings and in the investigation.

Summary

Based on the provisions of the procedural laws, it can be stated that in the case of both simple suspicion (in rem) and grounded suspicion, ie in personam, the normative and factual basis must be precisely defined by the legislator. (HORGOS, 2018) It is in itself a fact that if we divide the investigation into different stages. The exploration stage, which lasts until the perpetrator interrogates, starts from the next stage, which we call the investigation phase. The two stages are sharply separated by the act of suspicion. The significance of which can be increased by taking seriously the prosecutor's investigation of an attorney or a suspect's appeal against a suspicion. (CPC of Hungary, 372.§.) At the same time, the rules governing the relationship between the prosecutor and the investigating authority are fixed precisely, and we have already greatly contributed to increasing the efficiency of the prosecution. This will weaken the investigative authority's organization-driven interest while strengthening the role of fundamental procedural principles in criminal proceedings. To do this, it is necessary to make the factual ground of suspicion of the suspect at the beginning of the investigation measurable by providing a prominent remedy. It is essential that the prosecutor thoroughly investigates the factual and legal grounds of the suspected suspicion in the event of such a complaint. In doing so, flaws and irregularities of the exploration stage

will be revealed. This will undoubtedly lead to a greater level of supervision by the law enforcement authority, thereby increasing the proportion of ineffective cases. The aim of this transition is also reinforced by the regulation that allows the investigation to go into a section of a completely different regulatory regime following the announcement of a reasonable suspicion. At this stage, the rights of the burdens must be fully opened up, the rights of the suspect and the defendant should be widened. (CPC of Hungary, 404-420.§.) The suspect and the attorney must have the right of initiative to conclude the settlement and the shortening of the prosecution's decisions (VÁRI, 2019, 58.). These decisions are also bound by the prosecutor and attorney, which must be accompanied by strict legal guarantees.

References

- BALASSA, B. Egy dicstelen történet. *Polgári Szemle*. – 2017. – no. 1-3.
- BÁRD, K. A hallgatás ára. *Fundamentum*. – 2005. no. 3.
- BEJATOVIC, S. The efficiency of the criminal proceedings as an international legal standard and the reform of criminal procedural legislation of Serbia. *Journal of Criminal Justice and Law*, - 2015. – no. 3, pp. 27- 55.
- BÓCZ, E. A „megalapozottság” és a nyomozás. *Belügyi Szemle*. – 2012. – no. 12.
- BÓCZ, E. A pótmagánvádoló. *Ügyvédek Lapja*. – 2004. - no. 2.
- BÓCZ, E. Az eljárásjogi törvény és a kriminalisztika. *Belügyi Szemle*. – 2003. – no. 7-8.
- BUDAHÁZI, Á. *Conditions and Requirements of Polygraph Examination. European Polygraph*. – 2012. – no. 3.
- CVOROVIC, D. The public prosecutor as a powerful figure of the modern criminal procedural legislation. In I. Stevanovic (ed.), *Crime and Society of Serbia*, Belgrade: Institute for Criminological and Sociological Research. – 2015. - pp. 223- 237.
- CVOROVIC, D. *Deprivation and restriction of liberty by the police* (Doctoral dissertation). Belgrade: Faculty of Law. – 2016.
- ELEK, B. A bírói meggyőződés és a megalapozott tényállás összefüggései, *Jura*, no. 1. , - 2014. -pp. 40-49.
- ELEK, B. A kihallgatásról készült rendőri jelentés a bizonyítási eljárásban, *Ügyvédek Lapja*, - 2003. - no. 4.
- ERDEI, Á. *Tanok és tévtanok a büntető eljárásjog tudományában*. ELTE Eötvös Kiadó. Budapest. – 2011.
- FINSZTER, G. A rendészet elmélete, KJK- KERSZÖV Jogi és Üzleti Könyvkiadó, Budapest. – 2003.
- HÁGER, T. Elmélet, dogmatika, empiria (A büntetőeljárás tényállás megalapozottságával kapcsolatos eljárásjogi kérdések vizsgálata társadalomtudományi kutatási módszerek segítségével), *Jogelméleti Szemle*. - 2014. – no. 2 – pp. 111-127.
- HORGOS, L. A gyanú hiányának és a gyanú fokozatainak jelentősége egy jogeset tükrében az új Be. vonatkozásában. *Magyar Jog*. - 2018. – no. 4. - pp. 244-254.
- KERTÉSZ, I. – PUSZTAI, L. Qui vadis büntetőeljárás? *Jogtudományi Közlöny*, - 1992. – pp. 172-181.
- KIRÁLY, T. Az 1896. évi büntető perrendtartás száz év távlatából. *Magyar Jog*, - 1996. – no. 11.
- KIRÁLY, T. Büntető ítélet a jog határán. *Kozgazdasági es Jogi Könyvkiado*, Budapest. – 1972.
- KIRÁLY, T. Büntetőeljárás jog, Osiris Kiadó, Budapest. – 2000.
- KORINEK, L. A háborút nem látott bátrak bátorsága. *Belügyi Szemle*, - 2006. – no. 5.
- RIDEGH, R. – OLCHVÁRY – MILVIUS, A *Bűnügyi Nyomozástan*, Budapest, Hornyánszky Viktor R-T. nyomdai Műintézet kiadványa. – 1892.
- SKULIC, M. *Criminal procedural law*. Belgrade: Faculty of Law. – 2014/a
- SKULIC, M.. Misconception and numerous technical error of the new code of criminal

procedure - What next and how to reform the Serbian reform process. In G. Ilic (ed.), *Reform of the criminal law* Belgrade: Association of Public Prosecutors and Deputy Public Prosecutors of Serbia. – 2014b.- pp. 23- 65.

SLÉDER, J. A *büntetőeljárás megindítása*. Doktori értekezés. Pécs, PTE ÁJK Doktori Iskola. – 2010.

TIHANYI, M. – VÁRI, V. Jó állam - jó rendészet, avagy a rendőrség hatékonyságmérésének koncepciója. *Magyar Rendészet*. – 2015. – vol. 15.- no. 4. – pp. 117-126.

TREMMEL, F. – FENYVESI, CS. *Kriminálisztikai tankönyv és atlasz, Dialóg Campus*, Budapest, Pécs. – 2002.

TREMMEL, F. Gyanú és a büntető eljárás. In: Adam Antal (szerk.): *Jubileumi tanulmányok 40. Janus Pannonius Tudományegyetem. Allam- es Jogtudományi Kara, Pecs.* – 1985.

VÁRI, V. A bűnüldözés strukturális hatékonysága. *Magyar Rendészet*. – 2015. – vol. 15. - no. 5. – pp. 105-129.

VÁRI, V. A nyomozás változó szerepe az új Be.-i törvényben. II. Turizmus és Biztonság Nemzetközi Tudományos Konferencia. *Tanulmány Kötet. Pannon Egyetem. Nagykanizsa.* – 2018. – pp. 129-140.

VÁRI, V. Hatékonyság a nyomozásban. In: Schaub Anita, Szabó István (szerk.) III. *Interdiszciplináris Doktorandusz Konferencia. Pécsi Tudományegyetem Doktorandusz Önkormányzat. Pécs.* – 2014. - pp. 177-195.

VÁRI, V. Elterelés és az ügyész – nyomozó hatóság kapcsolata a nyomozásban. III. *Turizmus és Biztonság Nemzetközi Tudományos Konferencia. Tanulmány Kötet. Pannon Egyetem. Nagykanizsa.* – 2019. – pp. 52-62.

Жугралина Б.М., Мухамеджанов Э. Б.

Уголовная политика в сфере исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы

Criminal Policy in the Field of Execution of Non-Custodial Sentences

Аннотация. В данной статье рассмотрены порядок и виды наказаний, не связанных с изоляцией от общества, их роль в системе исполнения и назначения наказания судами.

Abstract. This article describes the order and types of penalties not related to isolation from society, their role in the system of execution and sentencing by the courts.

Ключевые слова: наказание, без изоляции от общества, уголовный закон, преступление, уголовный проступок, уголовное правонарушение.

Key words: punishment, penalty without isolation from society, criminal law, crime, criminal offense, criminal misdemeanor, humanization.

Наиболее важной задачей в сфере обеспечения верховенства права является соблюдение принципа неотвратимости наказания за правонарушения и независимость суда. В связи с этим, в Указе Президента РК от 15 февраля 2018 №636 «Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года» Инициатива 4.14 указано: «Совершенствование уголовно-правовых мер». Отмечено: «Будет расширена сфера применения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Система исполнения уголовных наказаний будет приближена к общепризнанным международным

стандартам. В местах лишения свободы будет обеспечена безопасность личности, соблюдение прав и законных интересов лиц, отбывающих данный вид наказания. Планируется постепенный переход к камерному порядку содержания с возможностью передвижения и межличностного общения в пределах учреждения. Будут приняты системные меры, направленные на ресоциализацию граждан, освободившихся из мест лишения свободы»¹. Несомненно, актуальной проблемой в уголовном праве является проблема уголовной ответственности и наказаний, назначаемых правонарушителям. Достижение каких-то успехов в данной области возможно только путем реформирования правовых основ с учетом практической стороны вопроса. Генеральной прокуратурой Республики Казахстан был разработан Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных органов», который направлен на дальнейшую гуманизацию и снижение репрессивности уголовного процесса. Проводимая комплексная реформа уголовно-правовой системы сместила акценты от репрессивного и обвинительного уклона к правозащитному направлению.

В этом отношении действующее уголовное законодательство предусматривает достаточно широкую палитру мер воздействия, которые могут быть применены к правонарушителям. Однако, следует отметить, что положительным моментом правовой реформы, в части исполнения наказаний является результат, а значит не только достижения цели наказания, но и насколько эффективно и справедливо было применено судами наказаний, не связанных с лишением свободы и соблюдение принципа неотвратимости наказания за правонарушения. С. Ф. Бычкова отмечает: «С учетом проблем правоприменительной практики необходимо также отражение вопросов совершенствования механизмов применения законов с использованием различных средств повышения его эффективности»². Тем более, что следующий год станет завершающим этапом реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года. На сегодняшний день многие ее положения уже реализованы, например, создана служба пробации для осужденных на представляющие опасности для общества, то есть совершившие преступления небольшой, средней тяжести, условно осужденные, а также совершившие уголовные проступки; декриминализированы некоторые уголовные правонарушения с переводом их в категорию административных правонарушений; принят уголовный кодекс Республики Казахстан с учетом новых реалий и международных стандартов и т.д.. Результатом принятия

¹ Указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года № 636 «Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан». - https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38490966 (дата обращения 20.06.2019)

² Бычкова С. К новому этапу развития правовой системы // Юридическая газета № 22 от 22 марта 2019

уголовного закона, явилось то, что в ней появились новые понятия, например, уголовные проступки, как вид уголовного правонарушения. К лицу, признанному виновным за уголовный проступок, применяются такие виды наказаний, не связанные с изоляцией от общества, как штраф, исправительные работы, привлечение к общественным работам, также выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства, а арест считается как нахождение осужденного в условиях строгой изоляции от общества на весь срок назначенного наказания. Уголовный кодекс Республики Казахстан за совершение преступлений наряду с наказанием предусматривает и иные меры уголовно-правового воздействия, однако в самостоятельный институт они стали оформляться только в начале 2018 года, то есть спустя 20 лет со дня принятия первого уголовного закона независимого Казахстана. Законом РК от 10.01.2018 года №132-VI глава 7 К РУ была изложена в следующей редакции: «Принудительные меры медицинского характера. Иные меры уголовно правового воздействия». Эта глава дополнилась статьей «Принудительный платеж» и статьей 98-2 «Размер принудительного платежа». Под иными мерами уголовно-правового характера законодатель понимает принудительный платеж потерпевшему, взыскиваемый судом с виновного лица, совершившего уголовное правонарушение. Значимость применения альтернативных уголовному наказанию мер государственного принуждения ни раз указывалось в выступлениях Первого Президента республики Казахстан Н. Назарбаева. Наряду с основным видом наказания применяются судом данные уголовно-правовые меры жертвам от преступления. В качестве одной из требований и перспективных задач в Указе Президента РК от 17 августа 2010 года № 1039 «О мерах по повышению эффективности правоохранительной деятельности и судебной системы в Республике Казахстан». Следует сказать, что сделанные изменения в уголовный закон дали отчет законодательному оформлению и развитию в Казахстане иных не связанных с наказанием, средств уголовно-правового контроля над совершаемыми уголовными правонарушениями.

В связи с гуманизацией уголовной политики были внесены значительные изменения были внесены в раздел. 3 Наказание УК РК. К примеру, срок ареста устанавливается на срок от десяти до пятидесяти суток. В предшествующем УК РК 1997года было от тридцати до девяносто. Срок задержания включается в срок ареста. Также были сокращены размер денежных взысканий, привлеченных к исправительным работам. Штраф теперь как денежное взыскание, назначается, в размере, соответствующем определенному количеству месячных расчетных показателей, установленных законодательством Республики Казахстан и действовавших на момент совершения уголовного правонарушения, либо в размере, кратном сумме или стоимости взятки, сумме переданных денег или стоимости переданного имущества, стоимости похищенного имущества, сумме полученного дохода или сумме не поступивших платежей в бюджет.

Судами шире применяются наказания, не связанные с лишением

свободы, что ведет к уменьшению числа осужденных в местах лишения свободы. Немало финансовых и экономических преступлений, за которые раньше полагалось уголовное наказание, переведены в разряд административных с выплатой штрафов. За год положение тюремного населения Казахстана в международном индексе улучшилось на 12 позиций - с 83 до 95 места. Этот индекс показывает количество осужденных в стране на 100 тысяч населения. В нем участвует 212 стран. В Казахстане закрыто 8 тюрем, и на этом сэкономлено 12 миллиардов тенге налогоплательщиков. Кроме того, к закрытию готовится еще 4 колонии старого типа. Уделяя внимание сокращению количества осужденных, следует обратить внимание об ужесточении наказаний за некоторые виды преступлений как, например, наркопреступность. **На встрече с общественностью Жамбылской области Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев поднял вопрос уровня преступности в регионе:** «Это актуальная проблема, которая касается всего общества. К сожалению, в эпоху, когда используются передовые технологии, наркобизнес набирает обороты. Наркоторговцы успешно скрываются и начали открывать специальные сайты. Наркомания — это болезнь, которая влияет на сознание и здоровье молодых людей. Это нужно прекратить! Преступники, которые продают наркотики, должны быть строго наказаны». А значит, следует повысить сроки лишения свобода, применить более строгие виды наказаний. Одновременно, усиливая уголовную ответственность не только за половые преступления в отношении несовершеннолетних, но и за все преступления жертвой которого являются несовершеннолетние лица. Таким образом, реализуя принцип гуманизма, следует одновременно ужесточать санкций некоторых тяжких и особо тяжких преступлений, представляющие особую опасность обществу и государству.

Лесников Г.Ю.

Лишение свободы как вид уголовного наказания: реальность и альтернатива

Alternative to Incarceration as a Form of Criminal Punishment

Аннотация. В статье анализируются отдельные уголовно-политические аспекты существования наказания в виде лишения свободы в условиях постиндустриального общества. Рассматриваются противоречия между целями наказания и их достижением в условиях современной уголовно-исполнительной системы. Исследуются возможные варианты альтернативы лишению свободы.

Abstract. The article analyzes some criminal and political aspects of the existence of punishment in the form of imprisonment in the post-industrial society. Author tries to sort out the contradictions between the purposes of punishment and their achievement in the conditions of modern penal system and proposes possible alternatives to imprisonment.

Ключевые слова: уголовная политика, преступность, лишение свободы, альтернативные наказания, изоляция.

Key words: criminal policy, crime, imprisonment, alternative punishment, isolation

Реальность. Наличие серьезных уголовно-политических проблем в

сфере наказания, обусловлено отсутствием фундаментальных исследований общих последствий совершенных преступлений (*речь идет о причиненном вреде и наказании преступника в совокупности – Г.Л.*). Излишняя концентрация на догме уголовного права и процессе привлечения к уголовной ответственности, привела к парадоксальным противоречиям в назначении, исполнении наказания и, в целом, в тактике противодействия криминальному поведению.

Это касается, прежде всего, лишения свободы на определенный срок, которое наряду с пожизненным заключением является разновидностью уголовного наказания, направленного на изоляцию осужденных от общества. На протяжении многих веков наказание остается реальным последствием совершённого преступления, проявлением коллективной реакции общества, обеспеченного принудительной силой государства, в ответ на причиненный вред личности и общественным интересам.

Практически любая западная уголовно-правовая система ныне насчитывает сейчас десятки видов и подвидов разнообразных наказаний, что позволяет иметь гибкую, индивидуализированную и социально ориентированную реакцию на нарушение уголовного закона. Поэтому, тюрьма или колония рассматриваются не как нормальный, а скорее, как исключительный уголовно-правовой механизм, используемый только тогда, когда применение «альтернативных наказаний» противоречит здравому смыслу¹.

Оценивая современное мироустройство, норвежский криминолог Нильс Кристи предлагает спросить себя: какой уровень страданий – и причинения страданий – приемлем для общества нашего типа? Как широко можно применять наказания, чтобы не поколебать веру человека в добро и справедливость, не подвергнуть опасности гражданский характер и единство нашего общества?² В этой стратегии уже изначально заложены некоторые парадоксы, которые, безусловно, нуждаются в объяснении в соответствии с теми изменениями, которые происходят в современном мире.

Человека, совершившего преступление, мы помещаем в криминогенную среду и надеемся на выходе получить законопослушного человека. Но «отрядная» система содержания осужденных (по 70-80 человек в одном помещении) объективно способствует поддержанию правил и традиций криминальной субкультуры. По сути, это один из этапов самодетерминации (самовоспроизводства) преступности. Получается, мы сами, искусственно, создаем такую среду. По мнению М. П. Клейменова, «криминальная среда агрессивна, нетерпима к самостоятельности и не оставляет свободы для человека, который обязан выполнять ее предписания под страхом неизбежного наказания, главным источником своего происхождения она имеет обстанов-

¹ Дарымова Ю. Альтернатива лишению свободы – очередная химера / Эж-Юрист. №3. Январь. 2010.

² Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / под общ. ред., вступ. статья Я.И. Гилянского; пер. с англ. Е. Матерновской. – 2-е изд. – СПб.: Алетей, 2011. С. 142 – 143.

ку мест лишения свободы»¹. Аналогичную позицию формулирует Б. З. Маликов, отмечая, что «изоляция осужденного как способ удержания осужденного в специализированном учреждении, своей организацией вторгается в процессы социализации личности, дестабилизирует объективный характер удовлетворения биологических и духовных потребностей. <...> Отсюда следует, что изоляция осужденного, будучи главным карательным свойством лишения свободы, предопределяет специфику исправительного воздействия, а также порождает наличие сложного блока социальных проблем, обусловленных принудительным жизнеобеспечением и требованиями соблюдения прав человека»².

А чего стоит описанное явление (Ю. И. Блохин, Я.И. Гилянский) (бессознательное стремление преступника вернуться в места лишения свободы и ощущение тюрьмы, как «родного дома», в котором существуют понятные правила и нормы и пребывать в котором более комфортно, нежели на воле), получившее название «тюремизацией» или «призонизацией»³. Осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью, более того негативных последствий такого распространенного вида наказания, как лишение свободы приводит к поискам альтернативных решений как стратегического, так и тактического характера⁴. Нильс Кристи, анализируя ситуацию с лишением свободы полагает, что необходимо искать альтернативу наказанию, а не альтернативные виды наказания⁵. Причем ученый, делает обоснованный вывод о том, что социальные системы должны строиться таким образом, чтобы свести к минимуму ощутимую потребность в причинении боли и страданий с помощью наказания в целях социального контроля⁶.

Лишение свободы – один из основных видов наказания, заключающийся в изоляции осужденного от общества на установленный в приговоре суда срок путем направления его в колонию-поселение или помещения в исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму.

Место и роль наказания в виде лишения свободы на определенный срок в системе наказаний характеризуется, прежде всего, тем, что это один из самых строгих и одновременно наиболее распространенный в законодательстве и в судебной практике вид наказания.

Интересен вывод в отношении изоляции такого рода М. Фуко: «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто «не видит», чем ее заменить. Она – отвратительное ре-

¹ Клейменов М. П. Криминология: учебник – М.: Норма, 2009. С. 132-133.

² Маликов Б. З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. С. 85.

³ Цит. по: Пономарев С. Б. Криминология: субкультура с позиции этологии человека и теории систем: монография. – Ижевск: Изд. ИЖГТУ имени М. Т. Калашникова. С. 7.

⁴ Гилянский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 405.

⁵ Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985. С. 22.

⁶ Кристи Н. Указ соч. С. 23.

шение, без которого видимо невозможно обойтись»¹. Вместе с тем лишение свободы продолжает применяться, в одних случаях это необходимо с целью изоляции от общества опасных преступников, в других, потому что на данном этапе развития государства заменить такое принуждение, специфическим образом воздействующее на личную свободу осужденного, пока не на что.

Кроме того, распространенность наказания в виде лишения свободы в судебной практике объясняется также и некоторыми субъективными ожиданиями, с которыми его применение ассоциируется в общественном сознании и, часто, в правосознании судей.

Без сомнения одной из главных причин, на первый взгляд, парадоксальной реакции – снижение сроков лишения свободы в европейских странах на рост преступности является ограниченность материальных и кадровых ресурсов, которые то или иное государство может расходовать для противодействия преступности. Представляется, что никакая экономическая система не сможет выдержать, если эти ресурсы увеличивать темпами, пропорциональными нынешнему росту преступности.

Уголовно-исполнительная система, совместно с общественными организациями ведет работу по возможному сокращению уголовной репрессии, исходя из особенностей социального и экономического развития государства, а также осуществления задач, которые ставятся перед УИС. Очевидно, что нахождение больших групп людей, осужденных за совершенные преступления, в ситуации изоляции внешнего мира, особенно на длительные сроки, создает специфические проблемы как организационного, так и социально-психологического характера не только для уголовно-исполнительной системы, но и в целом для социума. Представляется вполне обоснованным, смещение акцентов на социальные последствия отбывания наказания в виде лишения свободы и, прежде всего, с точки зрения криминальной зараженности не только лиц, отбывающих это наказание, но и всего общества.

Между тем, находясь в плену устойчивых мифов, свидетельствующих о том, что именно «тюрьма» воспроизводит рецидивистов, не учитывается тот факт, что неэффективность, а порою и отсутствие системы социальной адаптации и ресоциализации лиц, отбывших наказание в большинстве случаев, как раз и провоцирует рецидив преступлений. В этом контексте нельзя находиться в плену иллюзий, ожидая чуда от социальных систем адаптации и ресоциализации. Нильс Кристи, говоря о перспективах применения лишения свободы отмечал, что «изучение результатов пребывания в заключении покажет, как мало оснований надеяться на то, что день пребывания в тюрьме может иметь еще какой-либо эффект, кроме чисто карательного»².

Долгие годы концепции уголовного правосудия носили только карательный характер. Главным методом исполнения правосудия в основном

считали наказание и возмездие, в то время как проблемы воспитания и последующей социокультурной ресоциализации преступников не рассматривались вовсе.

Альтернатива. В начале XX века во многих индустриально развитых странах стали отказываться от такого подхода в системе правосудия. Стало успешно осуществляться соединение карательных и воспитательных мер воздействия на преступника. Уголовно-исполнительная система также весьма скромно использует технические достижения, хотя правовые рамки для выведения уголовно-исполнительной репрессии на высокотехнологичный уровень в нашей стране созданы давно. Имеется в виду такой вид уголовного наказания, как ограничение свободы (ст. 53 УК РФ). Подобная мера уголовной ответственности предусмотрена законодательством Российской Федерации, а также ряда других стран мира (в частности, Великобритании, Франции, Италии, Швеции, Швейцарии, Испании, Польши, Казахстана и других государств). Гражданин продолжает жить в обычных условиях, а ограничение свободы заключается в жестком контроле за его распорядком дня (запрет выходить из дома в определенное время суток, посещать определенные места и т.д.) и социально-профессиональными связями (запрет контактировать с определенными людьми, менять без разрешения место жительства или работы и т.д.). Не останавливаясь на специфике ограничений, устанавливаемых преступнику на период исполнения данного вида уголовного наказания, отметим, что ограничение свободы может быть назначено в качестве: основного наказания; дополнительного наказания при условном осуждении; дополнительного наказания к лишению свободы. Это наказание исполняется без изоляции от общества, что должно не допустить десоциализацию преступника. Вместе с тем, как показывает тот же западный опыт, наказания такого рода могут быть успешно воплощены в жизнь только при наличии трех условий: а) создание надлежащей инфраструктуры; б) достаточное финансирование инфраструктуры; в) подготовка персонала, способного не только «надзирать», но и социально реинтегрировать¹.

Проблема применения альтернативных мер уголовного наказания и, за счет этого, существенное снижение количества лиц, отбывающих лишение свободы, остается актуальной. В связи с этим, ФСИН России совместно с другими федеральными органами исполнительной власти проводит активную работу по реализации мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Одним из главных результатов совместной работы ФСИН России и Министерства юстиции Российской Федерации стали разработка и сопровождение нормативных правовых актов, направленных на введение с 2017 года нового вида наказания в виде принудительных работ и создание исправительных центров.

И. Я. Фойницкий писал о критериях допустимости наказаний, что наказание должно обладать гибкостью и делимостью, которые давали бы воз-

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Maginem, 1999. С. 339.

² Кристи Н. Пределы наказания. С. 140.

¹ Дарымова Ю. Указ. соч.

возможность приспособляться к различным степеням и оттенкам содеянного. Желательно, чтобы наказание, – отмечал он, – обладало свойством восстановимости, избегая отнятия таких благ, которые государство не в состоянии возратить после обнаружения судебной ошибки. Наказание, по его мнению, должно быть экономично, и из нескольких возможных видов, которые одинаково приводят к одному и тому же результату, должен быть избран тот, который приводит к этому результату с наименьшей затратой сил и средств¹.

Существенное снижение количества лиц, отбывающих лишение свободы и применение альтернативных мер и, прежде всего, штрафов, по мнению К. Уэда приводит к явно позитивным моментам, значимым для всего общества – «не происходит стигматизация лиц, совершивших преступные деяния, как преступников. Смягчаются сложности ресоциализации преступников после их чрезмерной изоляции от общества и таким образом вносится значительный вклад в предупреждение рецидива»².

На Западе все решительнее звучат предложения по формированию и развитию альтернативной, не уголовной юстиции для урегулирования отношений «преступник – жертва», по переходу от «возмездной юстиции» (*retributive justice*) к юстиции возмещающей, восстанавливающей (*restorative justice*)³. Сущность этой стратегии заключается в том, чтобы с помощью доброжелательного и независимого посредника (кого-то вроде третейского судьи) урегулировать отношения между жертвой и преступником. «Во многих случаях корыстных преступлений потерпевший больше заинтересован в реальном возмещении причиненного ему ущерба, нежели в том, чтобы «посадить» виновного (и, как правило, в течение многих лет дожидаться результатов исполнения обязательств по удовлетворенному в уголовном процессе иску. А лицо, совершившее это преступление, скорее готово будет возместить ущерб, чем «идти в тюрьму». Опыт такого решения конфликта «преступник – жертва» фактически существует в тех странах, где еще сильны общинные связи и авторитет старейшин, и постепенно внедряется в других государствах. Отечественный опыт представлен в Вестниках восстановительной юстиции, выпускаемых Общественным центром «Судебно-правовая реформа». Безусловно, при оценке последствий отбывания наказания в виде лишения свободы на определенный срок необходимо учитывать реальные условия отбывания этого вида наказания.

Позитивным представляется отечественный опыт разрешения пенитенциарных конфликтов. Внедрение в исправительные учреждения медиации, которая культивирует мирные отношения, позволит снизить конфликтность, социальную напряженность и агрессию среди осужденных. Установление в исправительных учреждениях определенного мира, пригодного для жизни в данном месте пребывания людей, также, как и постепенное бессознательное при-

обретение навыков мирного и бесконфликтного общения осужденных крайне важно¹. Предлагаемая модель урегулирования конфликтов между осужденными с помощью независимого и незаинтересованного в конфликте профессионального медиатора потенциально способна снизить конфликтность и эмоциональное напряжение, зачастую приводящее к совершению правонарушений.

Несмотря на усилия государства, правоохранительных органов по реформированию и демократизации уголовно-исполнительной системы, в местах лишения свободы сохраняется напряженная криминогенная обстановка. Отсутствие надлежащих социальных гарантий для лиц с криминальным прошлым, возрастающие трудности их трудового и бытового устройства не только осложняют процесс ресоциализации освобождающихся из мест лишения свободы, но и способствуют процессу консолидации уголовного мира, возрождению его традиционных структур, иерархичности, росту преступного профессионализма, а это ведет к повышенной агрессивности личности, что проявляется не только после отбытия наказания, но и непосредственно в момент нахождения осужденного в исправительном учреждении. Темпы роста количества угроз и неповиновений администрации исправительных учреждений значительно превышают аналогичные показатели прочих видов злостных нарушений режима. Личность осужденного является главным объектом усилий всей уголовно-исполнительной системы в целом и каждой исправительной колонии в частности. От того, насколько успешно оказывается влияние на конкретного осужденного, зависят результаты работы мест лишения свободы, состояние борьбы с рецидивной преступностью.

Список литературы

Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009.

Громов В. Г., Минкина Н. И. Медиация в урегулировании конфликтов осужденных и предупреждении преступности в исправительных учреждениях // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 3.

Громов В. Г., Минкина Н. И. Принципы медиации в исправительных учреждениях // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 2 (14).

Громов В. Г., Сарсеналиева Д.К. Тюремная медиация: опыт США / Медиация в семейном конфликте: сб. Материалов II Всероссийской научно-практической конференции (19 октября 2018 года). Саратов, 2018.

Дарьмова Ю. Альтернатива лишению свободы – очередная химера / Эж-Юрист. – № 3. – Январь. – 2010.

Клейменов М. П. Криминология: учебник. – М.: Норма, 2009.

¹ Громов В. Г., Минкина Н. И. Медиация в урегулировании конфликтов осужденных и предупреждении преступности в исправительных учреждениях / Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 459–469; Громов В. Г., Минкина Н. И. Принципы медиации в исправительных учреждениях / Алтайский юридический вестник. 2016. № 2 (14). С. 93–97.; Громов В. Г., Сарсеналиева Д.К. Тюремная медиация: опыт США / Медиация в семейном конфликте: сб. Материалов II Всероссийской научно-практической конференции (19 октября 2018 года). Саратов, 2018. С. 21–25.

¹ Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. С. 66 – 67.

² Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989. С. 98. 176 – 177.

³ Цит по: Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 410.

Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985.

Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / под общ. ред., вступ. статья Я.И. Гилянского; пер. с англ. Е. Матерновской. – 2-е изд. – СПб.: Алетей. – 2011.

Маликов Б. З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004.

Пономарев С. Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем: монография. – Ижевск: Изд. ИЖГТУ имени М.Т. Калашникова.

Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989.

Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М.: Городец, Добросвет. 2000.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Maginem, 1999.

Simović M. N., Simović M. M., Simović V. M.

The Right to Access to Court as an Element of the Right to a Fair Trial – International Standards and Case-Law of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina

Право на доступ к суду как элемент права на справедливое судебное разбирательство - международные стандарты и практика конституционного суда Боснии и Герцеговины

Аннотация. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в статье 6 гарантирует право на справедливое судебное разбирательство. Эта статья устанавливает принцип верховенства права, на котором основывается демократическое общество, а также неизбежную роль, которую играют судебные органы в отправлении правосудия, отражая тем самым общее наследие высоких Договаривающихся сторон. Она гарантирует процессуальные права сторон в гражданском процессе и права обвиняемого в уголовном процессе.

Европейский суд по правам человека на практике защищает право на доступ к суду главным образом из-за неприемлемого правового статуса судов Договаривающихся государств. Хотя ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в первом параграфе гарантирует «право на суд», она не гарантирует прямо право на доступ к суду. Тем не менее, Европейский суд по правам человека вывел наличие этого права, посчитав, что осуществление права на доступ к суду предполагает все другие средства правовой защиты, предусмотренные в п. 1 ст. 6 Конвенции. Таким образом, право на доступ к суду бесспорно, но оно не является абсолютным, так как зависит от степени соблюдения Конвенции ее стороной. Это не значит, однако, что государствам-участникам дана полная свобода ограничивать это право. В этом контексте в данной статье анализируются правовые взгляды и практика Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Боснии и Герцеговины в отношении предпосылок доступа к суду.

Abstract. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in Article 6 guarantees the right to a fair trial. This Article confirms the principle of the rule of law on which democratic society lies on, as well as an unavoidable role judiciary has in implementing justice, thus reflecting a common heritage of high contracting parties. It guarantees procedural rights of the parties in the civil proceedings and the rights of accused in the criminal proceedings.

European Court of Human Rights has protected the right to access to court in its previous case-law, mostly due to unacceptable legal positions of courts of contracting parties. Even though Article 6 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Funda-

mental Freedoms in paragraph 1 guarantees “the right to court”, it does not directly guarantee the right to access to court, the European Court of Human Rights deduced this right considering that achievement of the right to access to court is an assumption of all the other guarantees prescribed under Article 6 paragraph 1 of this Convention. Thus, the right to access to court is indisputable but is not of an absolute nature, since it is in the scope of free assessment of contracting party to the Convention. However, this does not mean that the state has been given full freedom in term of limiting this right. In that context, the Paper analyses legal opinions and case-law of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina in relation to the assumption for access to court.

Ключевые слова: Конституция Боснии и Герцеговины, Конституционный суд Боснии и Герцеговины, Европейский суд по правам человека, право на справедливое судебное разбирательство, статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, право на доступ к суду

Key words: Constitution of Bosnia and Herzegovina, Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina, the European Court of Human Rights, the right to a fair trial, Article 6 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the right to access to court.

INTRODUCTORY REMARKS

The right to a fair trial in Bosnia and Herzegovina is guaranteed under Article II(3e) of the Constitution of Bosnia and Herzegovina. However, it is important to emphasize that Article II/2 of the Constitution of Bosnia and Herzegovina also provides for that the rights and freedoms envisaged in the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms¹ and its Protocols are directly applicable in Bosnia and Herzegovina and that these acts have priority over all other laws. By incorporating the European Convention into its constitutional order, Bosnia and Herzegovina has undertaken the obligation to adjust its legislation and legal practice to protection of rights and freedoms of the European Convention. The European Convention places before Bosnia and Herzegovina, as well as all signatory States to this Convention, a common minimum standard of rights and freedoms of individuals in their legal system.

Like the other provisions of the European Convention, Article 6 is the subject matter of teleological interpretation. The European Court of Human Rights² endeavors to realize the purpose of given provision in its practice in order to protect the rights that are practical and efficient (principle of efficiency), rather than theoretical and illusory³. Starting from this non-literal but contextual interpretation of Article 6, it has been established that there is a right of access to court⁴, the right to final court decisions⁵ and the right to enforce judgments⁶ between implied requirements.

THE RIGHT OF ACCESS TO COURT AND CASE-LAW OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Article 6 paragraph 1 of the Convention guarantees not only the right to a fair, public and expeditious proceedings when pending before bodies having the capacity of independent and impartial court, but according to the interpretation of the European

¹ Hereinafter: the European Convention.

² Hereinafter: the European Court.

³ The European Court, *Sakhnovskiy v. Russia* (Grand Chamber), judgment of 2 November 2010, No. 21272/03, paragraph 95.

⁴ The European Court, *Golder v. United Kingdom*, judgment of 21 February 1975, No. 4451/70.

⁵ The European Court, *Brumărescu v. Romania*, judgment of 28 October 1999, No. 28342/95, paras. 60–65.

⁶ The European Court, *Hornsby v. Greece*, judgment of 19 March 1997, No. 18357/91, paras. 40–45.

Court guarantees a proceedings referring to all the rights having capacity of “civil rights and obligations” can be initiated before such body. Accordingly, Article 6 of the European Convention ensures everybody the right to apply to court or tribunal for any request referred to his or her civil rights and obligations; thereby Article 6 of the European Convention also includes “the right of access to court”, where “the right of access to court” constitutes one aspect of it¹. Therefore, even though the right of access to court is not explicitly stated in Article 6 of the European Convention, it constitutes a product of the court case-law of the European Court. The basic precedent in relation to the right of access to court was brought by the *Golder v. United Kingdom* case. Summarizing the facts and legal opinion from the case, the issue of the case was that one prisoner intended to sue a prison officer because he accused him of having allegedly participated in riot of prisoners. Prison management has not allowed a meeting of the prisoner with his attorney for the purpose of filing such a suit. It is necessary to emphasize that such prohibition, in fact, was in accordance with the then applicable provisions in Great Britain, i.e. the Prison Law, as well as with by-law acts. The European Court first concluded that this case was about a civil right, since it involved the intention of taking civil action for libel. Afterwards, as a key point for its interpretation, the European Court took into consideration the fact that, even though the language interpretation of Article 6 of the European Convention did not stipulate the right of access to court, this norm protects the rights that stem from the same basic idea and which, therefore, taken together, make up a single right not specifically defined in the narrower sense of the term. Also, it concluded in the case in question that “even though the right to a fair, public and expedited hearing shall be applicable only to pending proceedings, it does not follow that the initiation of the proceedings itself is excluded”. Thus, the European Court found violation of right under Article 6 of the European Convention in the case in question.

Following this judgment, the European Court gave the basic legal views on the right of access to a court it reiterates in its rulings. For example, in the *Hornsby v. Greece* judgment, the European Court stated: “The Court reiterates that, according to its established case-law, Article 6(1) ensures everyone the right to apply to a court or tribunal to make every claim in respect of his or her civil rights and obligations. In this way, this Article embodies the ‘right to a court’, and the right to access, i.e. the right to initiate proceedings before a court in civil matters, represents one aspect of that right (...)”. The European Court confirmed this opinion in the *Kreuz v. Poland* judgment: “The Court reiterates, as it has held on many occasions, that Article 6(1) ensures to everyone the right to submit before a court or tribunal any claim regarding his civil rights and obligations. Thus, “the right to court” has been incorporated into this provision, and the right to initiate proceedings before a civil court is just one aspect of it; however, this aspect, in fact, allows to benefit from other guarantees referred to in paragraph 1 of Article 6. The fairness, the publicity and the promptness of court proceedings are features that have no value if such proceedings are not initiated at all. The rule of law in civil matters can hardly be imagined without existence of the possibility of access to courts (...)”.

On the basis of such opinions of the European Court, a right which the text of the European Convention does not explicitly stipulate has been created in the European Convention, i.e. domestic law may set conditions for access to a court, but the content of

these conditions is primarily under the control of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina¹ (when Bosnia and Herzegovina is in question), and then the European Court since the restriction of the right of access to court must not be such as to disturb the essence - the very essence of the right itself. This means that such restrictions shall be compatible with Article 6, paragraph 1 of the European Convention only if it strives for a legitimate aim and if there is a proportionality between the means used and the aim sought to be realized².

THE RIGHT OF ACCESS TO COURT AND CASE-LAW OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF BOSNIA AND HERZEGOVINA

The Constitutional Court's decision-making practice on appeals is based, *inter alia*, on the practice and standards of the earlier European Commission on Human Rights and the European Court.

1) Within the framework of Article II/3e) of the Constitution of Bosnia and Herzegovina and Article 6 of the European Convention, there is an interesting example referring to access to court in which the Constitutional Court has deliberated on the question of discrimination in relation to the right of access to court. Namely, it was a case in which the appellant was prevented from initiating a lawsuit before the competent court for divorce. The disputed decision concluded that the appellant's lawsuit was inadmissible within the meaning of Article 43 of the Family Law of the Federation of Bosnia and Herzegovina, stipulating that the husband is not entitled to a divorce lawsuit during the pregnancy of a wife or until their child reaches three years of age. In this particular case, the appellant filed a lawsuit at the time when his underaged daughter was still not three years old. The appellant considered that the aforementioned provision of a law discriminated him against in relation to wife, since she was entitled to divorce at all times, and that man's right was limited. Thus, the appellant points to discrimination on the basis of sex. He emphasizes that the wife is enabled to divorce at all times and the possibility to conclude a new marriage. While a husband – a man's right is limited, and can not conclude a new marriage for a period of three years because he can not divorce. The Constitutional Court concluded that the provision of Article 43 of the Family Law did not meet the required legal quality to the extent that the standards of Article II/4 of the Constitution of Bosnia and Herzegovina and Article 14 of the European Convention referring to access to court as a segment of the right to a fair trial from Article II/3e) of the Constitution of Bosnia and Herzegovina and Article 6 paragraph 1 of the European Convention are complied with.

Based on the aforementioned, the Constitutional Court ruled that in this case the appellant was discriminated against by the court on the basis of sex regarding his right of access to court and that the said provision is discriminatory as it leads to a different treatment of the appellant on the basis of sex, and that there is no reasonable and objective justification for such different treatment. Therefore, the Constitutional Court ordered the Parliament and the Government of the Federation of Bosnia and Herzegovina to take appropriate measures within its jurisdiction to ensure respect of constitutional right of access to court without discrimination on the basis of sex in the sense of this decision and in all other relevant cases. Following the order of the Constitutional Court, the Government of the Federation of Bosnia and Herzegovina

¹ The European Court, *Golder and Osman v. United Kingdom*, judgment of 28 October 1998, Reports 1998-VIII, page 3166, paragraph 136. and page 3169, paragraph 147.

¹ Hereinafter: the Constitutional Court.

² The European Court, *Ashingdane v. United Kingdom*, judgment of 28 May 1985, No. 8225/78.

informed the Constitutional Court that the Parliament of the Federation of BH passed the Law on Amendments to the Family Law of the Federation of BH („Official Gazette of the Federation of BH“, No. 31/14 of 23 April 2014) deleting disputable legal provision.

(2) In another case before the Constitutional Court, the essence of the appellant's allegations regarding the violation of the right to a fair trial was mainly based on allegations that there had been violation of the appellant's right of access to court, because his request to postpone the main hearing scheduled for and held on the second day of religious holiday, was not granted. In the present case, the appellant duly file a written request to the Municipal Court (eight days before the hearing) to postpone the main hearing scheduled for the second day of the religious holiday. Since the first instance court did not consider the reason the appellant stated in his request for the postponement of the hearing was justified, the main hearing was held without the appellant's presence. Deciding on the appellant's proposal for reinstatement, the Municipal Court rejected the proposal with the explanation that the reasons given by the appellant in the proposal for reinstatement "do not fall within the scope of justified reasons“.

In the aforementioned case, the Constitutional Court concluded that there has been violation of the appellant's right of access to court as a segment of the right to a fair trial, when the appellant's request for the postponement of the hearing, scheduled for the second day of religious holiday, was not recognized as justified reason for the postponement of the hearing upon discretionary authorities of the Municipal Court, when, in decision-making process, there was no special sensibility of the regular courts for the appellant's right to satisfy his religious and traditional needs. In this decision, the Constitutional Court also recalled that Bosnia and Herzegovina, as a multicultural and multiethnic community, has to nurture the spirit of tolerance and respect for the cultural and traditional peculiarities of its peoples. The aforementioned, as a fundamental value of a multicultural society such as Bosnia and Herzegovina, according to the Constitutional Court's, should also serve as the basis for the regular courts to accept the appellant's request in a situation where the procedural law does not specify the justified grounds for postponement of the hearing. According to the Constitutional Court in the present case, this was indeed a justified request to be granted.

(3) When the issue is about deadlines, as one form of procedural obstacle, it is necessary to emphasize that the Constitutional Court starts from a general position, confirmed through the case-law of the European Court, that each State has a discretionary right to organize its legal system within which anyone shall be enabled access to court when „establishing civil rights and obligations“. Thus, the State is entitled to request everyone to comply with relevant domestic legal provisions regulating proceedings before competent organs. First of all, this means provisions on which the jurisdiction of organs and admissibility of legal remedies depend¹. Public interest as to the limitation of rights by prescribing certain deadlines is reflected in the efficient functioning of the legal system and legal certainty and the appellant's failure to comply with deadlines prescribed under the law - it disables the regular courts to decide on the merits of his claim, which is not in contravention with the requirements of Article

¹ Decision on the merits, number U25/03 of 21 January 2004.

6 paragraph 1 of the European Convention¹. Accordingly, there is no violation of the right to a fair trial in the case when the appellant's complaints have been dismissed for failure to comply with deadline prescribed under the law².

(4) A claim for payment of court costs, as court taxes in civil proceedings cases, is in accordance with the right of access to court as long as it does not harm the very essence of that right³. In relation to taxes, as a kind of procedural obstacle in the context of the right of access to court, one of the cases⁴ before the Constitutional Court raised a question on harmonization of existence of legal restriction in the context of the right of access to court. Namely, in the aforementioned case, initiated by the request of the Municipal Court in Sarajevo, the applicant questioned the compatibility of the provisions of Article 4 of the Law on Court Taxes of Sarajevo Canton and Article 384 of the Law on Civil Procedure of the Federation of Bosnia and Herzegovina with Article II/3e) of the Constitution of Bosnia and Herzegovina and Article 6 paragraph 1 of the European Convention, which guarantee the right to a fair trial.

As to Article 4 of the Law on Taxes of Sarajevo Canton, the Constitutional Court concluded that this provision is contrary to the right to a fair trial under Article II/3e) of the Constitution of Bosnia and Herzegovina and Article 6 paragraph 1 of the European Convention because it disables the conduct of proceedings if a court tax is not paid prior the application, including the lawsuit, and it is not a mean that is reasonably proportional to the legitimate aim sought to be realized, since in this way the right of access to the court is fully restricted, that is the possibility of conducting a court proceedings, which may cause irreparable harm upon the party to the proceedings, which is contrary to the very essence of the right to a fair trial under Article 6 paragraph 1 of the European Convention. On the other hand, the Constitutional Court concluded that the provision of Article 384 of the Law on Civil Procedure (“each party shall bear the costs incurred by its actions in advance“) in accordance with the right to a fair trial under Article II/3e) of the Constitution of Bosnia and Herzegovina and Article 6 paragraph 1 of the European Convention, since that provision does not prevent the conduct of proceedings, but prescribes a general principle in relation to the costs of civil proceedings.

(5) Regarding the position of the Constitutional Court regarding the issue of free legal aid in civil matters, the Constitutional Court dealt with this issue in the case⁵ in which the appellant filed a lawsuit before the competent court requesting it to determine that his right to education in relation to the right to non-discrimination had been violated, because the defendant did not allow him to re-enroll the first year at the Faculty of Agriculture, and to oblige the defendant to allow him to re-enroll, as well as to compensate him. Among other things, the appellant pointed out that his right to access to court had been violated because there was no free legal aid system in Bosnia and Herzegovina, and „he lost his rights due to the inability to apply to such services“. Namely, as an exceptionally successful student of the Law Faculty of the University of Mostar, the appellant was approved by the Ministry of Education, Science, Culture and Sports to study simultaneously one more faculty.

¹ Decision on Admissibility and Merits, number AP 150/04 of 17 February 2005.

² Decision AP 28/02 of 15 June 2004.

³ The European Court, *Kreuz v. Poland (2001)*.

⁴ Decision on Admissibility and Merits, number U 8/12 of 23 November 2012.

⁵ Decision on Admissibility and Merits, number AP 2944/08 of 21 July 2011.

In the aforementioned case the Constitutional Court concluded there was no violation of the right to a fair trial under Article II/3e) of the Constitution of Bosnia and Herzegovina and Article 6 paragraph 1 of the European Convention in relation to efficient access to court due to non-existence of free legal aid system in Bosnia and Herzegovina, when there is nothing in the proceedings initiated for establishment of the civil rights, that were important for the appellant, to show that this case was a complex case, that relevant law and proceedings were complex and that the appellant was not able to efficiently represent himself in the proceedings in question. Also, it was concluded that the appellant got employed right after completion of the Law Faculty, that neither in proceedings before regular court nor in the appeal, the appellant presented no evidence to show he filed a request for free legal aid in regular proceedings, i.e. that he possibly could not engage a lawyer or that there was an obstacle to apply to organization providing free legal aid due to lack of financial means. Given the conclusion on the complexity of the case, as well as that relevant law and proceedings itself were not complex in the case in question, and having in mind the appellant's obtained academic education, the Constitutional Court considered the appellant has provided no evidence to support the conclusion he needed legal aid, in a manner that questions exercise of this right to efficient access to court, in the proceedings he conducted.

(6) The Constitutional Court in its case-law dealt with the issue of legislative intervention in the proceedings not being legally terminated in its case in which the appellants file a lawsuit against the Republika Srpska in 1999 for compensation of pecuniary and non-pecuniary damage because a person being close to them died during the war as military person, and in which the competent court, referring to the Law on Exercise of the Right to Compensation of Pecuniary and Non-Pecuniary Damage during War Actions, which entered into force in 2005, transferred the case file in question to the Prosecutor's Office of the Republika Srpska for further proceedings. In this regard, the Constitutional Court considered that the aforementioned Law, adopted by the Republika Srpska, limited the right of access to court, among others, to those persons whose cases have not been terminated legally, because, by passing this law, these cases were transferred from the competent courts to the Prosecutor's Office of the Republika Srpska for further proceedings - with the aim of conclusion of an out-of-court settlement. Therefore, by passing this law, the existence of restriction of the right of access to court is beyond question, since by the day this Law had entered into force the proceedings have not been legally terminated before the Municipal Court and the case has been transferred to the further proceedings to the Prosecutor's Office of the Republika Srpska. However, the Constitutional Court concluded that this restriction did not bring into question substantial exercise of the right to compensation of damage to persons who are entitled to such compensation, thus neither to the appellants, given that the aforementioned Law has not conditioned or restricted these rights in any way, so that the impression that it was adopted in order to avoid the obligations the Republika Srpska has on this basis, cannot be obtained. In addition, the Constitutional Court considers the aforementioned Law was passed in order to pursue a legitimate aim – to unburden the courts from numerous cases with requests based on such same or similar factual and legal basis, which would contribute to efficient work of regular courts burdened with huge number of unfinished cases, and the aim of all of this is efficient functioning of legal state. Furthermore, it is stated that the important goal of adoption of this Law is to provide equal manner for determining damage and its amount to all those whom a damage was caused

during disputable period, in order to provide them with equal rights and guarantee them higher degree of legal certainty. According to the Constitutional Court, there is proportionality between mentioned goal and means used to achieve it, because an excessive burden was not put on the persons seeking damage compensation, including the appellants. The Constitutional Court concluded that restriction of the right of access to court, established by adoption of Law, has not violated the appellants' right to a fair trial under Article II/3e) of the Constitution of Bosnia and Herzegovina and Article 6 paragraph 1 of the European Convention.

(7) It is also important to point out to a recent example from the case-law of the Constitutional Court in which the Constitutional Court concluded that the provision of Article 247, paragraph 2 of the Law on Civil Procedure of the Republika Srpska, which prescribes who can file a request for review, does not represent a disproportionate interference with the right to a fair trial¹. According to the Constitutional Court's assessment, prescribed litigation incompetence of the parties in the review procedure enables unhindered and efficient work of the courts and eliminates the possibility that illiterate parties and parties not knowing the law appear before the court, in order, *inter alia*, to protect the party itself and avoid unnecessary delays of the proceedings, which was one of the basic goals of the new amendments to the Law on Civil Procedure. Therefore, the Constitutional Court concluded that, in this way, the parties were not restricted in protection of their rights, but that the request for professional representation, due to the complexity of proceedings, the importance of the dispute, the value of the dispute, and the efficiency of the trial before the highest entity court instance, protects the rights of the parties for whose protection professional legal knowledge and experience are necessary, and enables efficient decision making within a reasonable time.

(8) In accordance with the case-law of the European Court, the right of access to court includes not only the right to initiate the proceedings, but also the right to "resolve" a dispute by the court, i.e. to make and enforce final decisions in court proceedings. When speaking about the decision making phase in the context of case-law of the Constitutional Court, it is necessary to mention the cases in which the Constitutional Court has held that inactions of regular courts within a time frame longer than those prescribed by compulsory legislation, and failure to take any steps to eliminate obstacles leading to such work of the courts, without giving any explanation or information to citizens about the order in which their civil rights and obligations will be resolved, constitutes a violation of the right to a fair trial in relation to the right of access to court². In this sense, it is important to mention the position of the Constitutional Court that the appellant was not provided with efficient access to court guaranteed under Article 6 paragraph 1 of the European Convention, in a situation where the Supreme Court returns the case three times to administrative organs for reconsideration, for which reason the appellant was not able to get a decision on merits of his civil rights³.

(9) Interesting is standing of the Constitutional Court taken in Decision number U 24/00 of 31 August 2001, which reads as follows: "Article 6 paragraph 1 of the European Convention ensuring the right of access to court of full jurisdiction, as well as the

¹ Decision on Admissibility and Merits, number AP 382/17 of 10 May 2017.

² Decision on Admissibility and Merits, number AP 1199/06 of 13 June 2006 and Decision on Admissibility and Merits, number AP 957/06 of 13 June 2006.

³ Decision on Admissibility and Merits, number U 15/00 of 15 and 16 December 2000.

right of court to make a decision on the merits when deciding on the request for return of illegally seized apartment, even in case when appropriate administrative proceedings are pending.”

(10) As already mentioned, application of provision of Article 6 of European Convention even extends to the stage of enforcement proceedings in civil cases. The right of access to court is applicable until established civil right is realized. Otherwise, efficient proceedings when establishing civil rights and obligations would be illusory, if in a subsequent, enforcement proceedings, this civil right cannot come to life¹. The enforcement of a final and enforceable judgment is of decisive importance for the exercise of the rights of the appellants, which falls under civil right². Enforcement of a judgment made by any court must be observed as an integral part of a “trial” within the meaning of Article 6 of the European Convention.³ In addition, the enforcement of a final and enforceable decision taken in administrative proceedings is an integral part of the right to a fair trial.⁴ In this regard, the basic rule was set by the judgment of the European Court in the *Hornsby v. Greece* case where the European Court pronounced that (in addition to the indisputable appeal to the court) “the enforcement of a judgment made by any court must be regarded as an integral part of the proceedings within the meaning of Article 6 of the European Convention”.

(11) In its case-law the Constitutional Court found violation of the right of access to court as an element of the right to a fair trial, when the law or any other act of authorities prevented enforcement of a final and enforceable court judgment, when such law or other act puts “an excessive burden on an individual”, which does not satisfy the requirement of proportionality between a public interest of the community and fundamental rights of individuals. In one of such cases of the Constitutional Court⁵, the Law on Temporary Termination of Enforcement of Claims on the basis of enforceable decisions from the budget of the Federation of BH prevented enforcement of final court decisions referring to claims arising on the basis of outstanding unpaid obligations of budget beneficiaries – until the law regulating the manner of payment of mentioned claims is passed. However, even though the Law on establishment and manner of payment of internal obligations of the Federation of BH has been passed the situation has not changed, because this law did not determine the manner in which enforceable acts regulated by the Law on Temporary Termination of Enforcement of Claims on the basis of enforceable decisions from the budget of the Federation of BH, shall be applied.

According to the Constitutional Court, if the aforementioned laws were to be seen as interference of the state with certain property rights of citizens (since they are aimed at postponing of enforcement of enforcement documents), a fair relationship should be established between the requirements of the general interest of the community and the need to protect fundamental rights of individuals, therefore, there should be a reasonable relationship of proportionality between the means employed and the goal sought to be realized. In addition, such laws should be passed in the public interest and they should pursue legitimate aims and fulfill the principle of proportionality. Necessary balance, i.e. proportionality between a public interest of the community and fundamental rights of individuals shall not be established if “per-

sons in question have to bear an excessive burden”. The Constitutional Court concluded that such laws, in addition to questioning their adoption in the sense of the principles set out in the European Convention, have also violated the principle of proportionality in relation to fundamental rights of individuals. Namely, despite the evident public interest of the state to adopt mentioned laws, the Constitutional Court considered that the adoption of such laws placed “an excessive burden on individuals” and that, therefore, the requirement of proportionality between the public interest of the community and the fundamental rights of individuals was not fulfilled. The main reason in which the Constitutional Court saw excessive burden on individuals is the fact that the manner based on which the obligations from the executive decisions will be settled has still not be determined. Therefore, the appellant is still in an uncertain situation because he cannot realize his claims based on a final and enforceable judgment, nor is it certain when and how he will be able to exercise his rights under that judgment.

(12) One of examples of systematic violation of human rights, the right of access to court, is reflected in the so-called “old foreign currency savings” cases. Among the first examples in which the European Court intervened in this matter is the case of *Ruža Jeličić v. Bosnia and Herzegovina*, in which the European Court decided on the merits establishing a violation of the right of access to court. In quoted decision, the European Court pointed out that judgments ordering payment of old foreign currency savings in Bosnia and Herzegovina was more of exception than a rule, which was confirmed by the case-law of the Human Rights Chamber, the Human Rights Commission within the Constitutional Court and the Constitutional Court, which resolved more than a thousand cases of “old foreign currency savings”, and in only five of the cases before the Human Rights Chamber the appellants had final and enforceable decision ordering payment of old foreign currency saving, which also corresponds to the situation before the European Court, where there are some 85 cases filed on behalf of more than 3.750 appellants against Bosnia and Herzegovina, referring to old foreign currency savings, out of which only den appellants have obtained final and enforceable court decision ordering payment of their savings.

Therefore, the European Court in the aforementioned decision concluded there was no justification for interference of public authorities into enforcement of the judgment as prescribed under Article 27 of the Law on Settlement of Obligations on the basis of old foreign currency savings, nor there was justification for postponement of enforcement of final and enforceable judgment. The European Court considered the appellant’s situation in this case significantly differed from most of savers of “old” foreign currency savings who had no judgment ordering payment of their funds. Furthermore, the same Court found that payment of awarded amount ordered by domestic courts in this case, even with adjoining interest, could not significantly burden the state and result in collapse of its economy, as claimed by the Government. In any case, the European Court emphasized that the appellant should not be prevented to enjoy positive outcome of civil suit due to alleged financial difficulties of the state. The European Court concluded, for stated reasons, that there has been violation of the essence of the appellant’s right of access to court contained in Article 6 paragraph 1 of the European Convention.

CONCLUSION

Unlike the “right to court”, which is directly recognized under Article 6 paragraph 1 of the European Convention, the right of access to court belongs to the group of so-called implied rights which the European Court in its case-law derives from Article 6 of the Convention. The European Court considers it would be inconceivable that Article 6 paragraph 1 of the Convention describes the procedural safeguards provided to the

¹ Decision on Admissibility, number AP 552/04 of 28 June 2005.

² Decision on Admissibility and Merits, number AP 1177/05 of 13 June 2006.

³ Decision on Admissibility and Merits, number AP 464/04 of 17 February 2005.

⁴ Decision on Merits, number AP 602/04 of 13 October 2005.

⁵ Decision on Admissibility and Merits, number AP 969/04 of 23 March 2005.

parties in the ongoing proceedings without protecting at first place what, in itself, enables the use of those guarantees, and that is access to court. Pursuant to the case-law of the European Court, the right of access to court does not only include the right to initiate proceedings, but also the right to “resolution” of the dispute by the court. Given that the Convention guarantees the rights that are real and efficient, and not the rights that are theoretical or illusory, according to the case-law of the European Court, the right of access to court of an individual must be guaranteed not only formally in the legislation of a Contracting State, but must allow it to be actually exercised in each individual case.

References

- Black-Branch, J. L.* (2001). The derogation of rights under the UK human rights act: diminishing international standards? *Statute Law Review*, Oxford Journals, Oxford, Vol. 22, Issue 1.
- Brems, E.* (2001). *Human Rights: University and Diversity*, Hague, Kluwer Law International.
- Gomien, D.* (2007). *Europska konvencija o ljudskim pravima*, priručnik, Zadar: Naklada d.o.o. i Pravni fakultet Sveučilišta u Rijeci.
- Greer, S.* (2006). *The European Convention on Human Rights. Achievements, Problems and Prospects*, Cambridge Studies in European Law and Policy, Cambridge University Press, Cambridge.
- Jacobs, F. G., White, R. C. A.* (2006). *The European Convention on Human Rights*, 4edn, Oxford University Press, Oxford.
- Mole, N., Harby, C.* (2006). The right to a fair trial: A guide to the implementation of Article 6 of the ECHR, *Human Rights Handbooks, No. 3, 2nd edition, Directorate General of Human Rights, Council of Europe, Strasbourg*.
- Omejec, J.* (2013). *Konvencija za zaštitu ljudskih prava i temeljnih sloboda u praksi Europskog suda za ljudska prava*, Strasbourgški acquis, Novi informator, Zagreb.
- Potočnjak, Ž.* (2004). *Pravo na sud, pristup sudu i suđenje u razumnom roku u slučaju intervencije zakonodavca u sudske postupke u tijeku*, Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci, Rijeka, 2004., vol. 25, br. 2.
- Šarin, D.* (2014). *Konvencija za zaštitu ljudskih prava i temeljnih sloboda kroz odnos Europskog suda za ljudska prava i Ustavnog suda Republike Hrvatske na primjeru zaštite ljudskog prava na pristup sudu*, *Pravni vjesnik Pravnog fakulteta u Osijeku*, Osijek, god. 30, br. 3–4.
- Šarin, D.* (2015). *Pravo na pristup sudu u praksi Europskog suda za ljudska prava*, *Pravni vjesnik*, Osijek, god 31, br. 3–4.

Сопнева Е.В.

Разновидности подозрения: уголовно-правовой и процессуальный взгляд

Types of Suspicious: Criminal and Procedural Perspectives

Аннотация. Эффективность борьбы с преступностью и защиты прав человека во многом обусловлена предоставлением правоприменителю необходимого инструментария, а именно качественных норм закона и их достаточного теоретического сопровождения. В статье предпринята попытка устранить разрыв между подозрением как явлением закона и практики посредством разработки теоретической основы понимания некоторых характеристик подозрения. Речь идет о двух взаимосвязанных чертах подозрения – его видах и обстоятельствах, подлежащих выяснению. Автор обращается к комплексному анализу положений уголовного и процессуального законов, позиций судебных органов, мнений ученых.

Abstract. The effectiveness of criminal prevention and human rights protection strongly depends on the necessary tools of the law enforcement, namely the quality legal technique and its sufficient theoretical support. The article attempts to bridge the gap between suspicion as a phenomenon of theory and practice by developing a theoretical basis for understanding some characteristics of suspicion. The answer can be found in two interrelated features of the suspicions: types of suspicion and circumstances that need to be clarified. The author refers to a comprehensive analysis of the provisions of criminal and procedural laws, the positions of the judiciary, the opinions of scientists

Ключевые слова: подозрение, вид, предмет, процессуальный закон

Key words: suspicious, type, subject, procedural law.

Прежде чем обратиться к рассмотрению заявленной темы, полагаем необходимым сформулировать два вводных тезиса, позволяющих уточнить авторское восприятие подозрения и связать идею исследования с вопросами мероприятия.

Во-первых, подозрение – это многоролевое явление уголовно-процессуального закона и соответственно практики. Однако из всех ипостасей подозрения в контексте темы исследования нас интересует его проявление как предположения о причастности лица к преступлению, которое позволяет создать статус лица, при официальном выдвижении. Такая роль подозрения заложена в некоторых положениях уголовно-процессуального закона, например, части 1.1. статьи 144, части 2 статьи 148, части 1 статьи 46 УПК РФ, иных нормах, взаимосвязанных с каждым из оснований формирования статуса участника уголовного судопроизводства, например, статьи 91, части 3 статьи 103, статьи 223.1. УПК РФ, а также просматривается в позициях Конституционного Суда РФ¹, Верховного Суда РФ², воззрениях ученых³. Причем правомерно говорить о статусах двух участников уголовного судопроизводства – лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, и подозреваемого.

¹ «Подозреваемый наделен правом на защиту от выдвинутого против него подозрения на любых стадиях уголовного процесса». Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. N 305-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рассказова Е.В. на нарушение его конституционных прав положениями части восьмой статьи 42 и статьи 45 Уголовно-процессуального кодекса РФ». «Факт уголовного преследования может подтверждаться мерами, свидетельствующими о наличии подозрений против него». Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. N 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова». -URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 03.06.2019).

² «Обоснованное подозрение, что лицо совершило преступление (п. 14)». Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». «Обоснованное подозрение в причастности лица к совершенному преступлению (п. 2)». Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». - URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 03.06.2019).

³ «Подозрение – решение органа уголовного преследования о причастности лица к совершению расследуемого преступления». Пантелеев И.А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России. Дисс ...канд. юридич. наук. Екатеринбург, 2000. – С. 106. «Утверждение органа предварительного расследования о предполагаемой причастности определенного лица к совершению деяния». Церковный Ю.В. Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания. Дисс ...канд. юридич. наук. Москва, 2011. – С. 23.

Здесь важно обратить внимание, что категория утверждения о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, реализуется в уголовном процессе посредством термина обвинение (п. 22 ст. 5 УПК РФ). Однако утверждать о совершении конкретным лицом конкретного преступления допустимо только после проведения должной процедуры доказывания и получения доказательств. Иное противоречило бы подходам, сложившимся в уголовном процессе. Тогда естественным образом можно допустить, что на определенном отрезке уголовно-процессуальной деятельности правоприменитель использует категорию предположений о наличии преступления (й), о наличии лица (лиц), причастного (ых) к этому деянию. Такое предположение действует с момента начала уголовного процесса и до этапов нуллификации подозрения или же трансформации в утверждение.

Во-вторых, анализ¹ современного состояния уголовной политики и ее элемента – уголовно-процессуальной политики, сквозь призму темы работы, позволяет сформировать частные задачи института подозрения, решение которых в полной мере соответствует ее целям, основным направлениям, современным тенденциям. Так, представляется целесообразным обеспечить теоретическое сопровождение норм закона, что создаст единообразие понимания и реализации явления подозрения всеми участниками возникающих отношений, гарантирует защиту прав, свобод и законных интересов лиц, в отношении которых оно выдвигается, способствует минимизации и устранению обращений российских граждан в судебные органы, обусловленные пробелами законодательного регулирования подозрения. Постановка таких задач необходима и своевременна на фоне существования подозрения как явления права и практики, при отсутствии необходимого промежуточного элемента – теоретической категории подозрения, что нарушает целостность и последовательность реализации института подозрения.

Подвергнув анализу научную и учебную литературу, материалы практики², мы пришли к выводу, что подозрение является первичным и обязательным атрибутом каждого уголовного дела. При этом, изучив различные источники знаний об уголовно-процессуальном праве, мы обнаружили, что ни один из них не содержит разъяснений характеристик подозрения. Такая ситуация вызывает опасения, поскольку правоприменитель вынужден самостоятельно формировать представления о подозрении, которые не всегда могут соответствовать букве, духу и смыслу закона, в силу объективно-субъективных факторов.

В рамках данной работы мы предлагаем правоприменителю представ-

¹ Стойко Н.Г. Уголовно-процессуальная политика России: научное наследие Н.С. Алексеева и задачи современной юридической науки // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 3. – С. 185-189. Карагодин В.Н. Совершенствование досудебного производства как элемент уголовно-правовой политики // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 3. – С. 22-29. Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М. А., Редниц М.А., Степанов П.П., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.). М., 2017. - 76 с.

² Сопнева Е.В. Исторические, современные и перспективные представления о подозрении в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Ставрополь, 2016. - 315 с.

ление о двух взаимосвязанных характеристиках подозрения – его видах и предмете. Информирование правоприменителя об этих свойствах позволяет ему определиться с кругом используемого процессуального инструментария (пределы), перечнем устанавливаемых обстоятельств (предмет) при формировании подозрения, отправным моментом уголовно-процессуальной деятельности и уголовного преследования, началом официального выдвижения подозрения и запуска механизма защиты от него, перечнем востребованных прав лица и принятых на себя обязательств, иных правовых последствий.

На наш взгляд, подозрение может быть гипотетическим при выдвижении предварительного суждения о наличии преступления, и персональным, при выдвижении предварительного суждения о причастности к преступлению в отношении лица. Правовой основой такого видения подозрения являются нормы уголовного и уголовно-процессуального законов. Обратимся к некоторым из них, но вполне репрезентативным.

Процессуальная группа. Например, в статье 147 УПК РФ предусмотрена возможность легализации подозрения при реализации такого способа как возбуждение уголовного дела в отношении лица и если данные о нем неизвестны. В ч. 2 ст. 148 УПК РФ имеется указание на проведение проверки сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретного лица или лиц. Согласно п.1 ч. 1 ст. 94 УПК РФ при не подтверждении подозрения в совершении преступления подозреваемый, задержанный по подозрению в совершении преступления, освобождается. В соответствии с п. 2. ч. 4 ст. 46 УПК РФ, подозреваемый вправе давать объяснения и показания по поводу, имеющегося в отношении его подозрения. Положения части первой статьи 223.1. УПК РФ предусматривают сначала инициацию гипотетического подозрения, а затем персонального.

Правовая группа. Представление о краже как тайном хищении чужого имущества (статья 158 УК РФ) в отличие от грабежа как открытого хищения чужого имущества (статья 161 УК РФ), позволяет в первом случае говорить о гипотетическом подозрении, в отличие от второго случая, когда открытость совершения деяния, свидетельствует о возможности выдвижения конкретного подозрения. Или же конструкция некоторых составов преступления такова, что выдвижение подозрения может быть осуществлено в отношении лица. Например, нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ), использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы (ст. 285 УК РФ).

Формирование видов подозрения обусловлено пониманием перечня обстоятельств, подлежащих выяснению, на различных этапах уголовного процесса как информационно-динамичной единицы.

Базовой нормой, содержащей перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу, является ст. 73 УПК РФ, положения которой развиваются в ст. ст. 421, 434, главы 52 УПК РФ, устанавливающих круг дополнительных обстоятельств, и нормах УК РФ, предусмат-

ривающих детализацию каждого из обстоятельств применительно к индивидуальному составу преступления. Использование перечисленных норм возможно при учете специфики подозрения. Например, подозрение как вероятное знание может быть обосновано данными, разного процессуального достоинства (как доказательствами, так и сведениями, не занимающими «статус» доказательств), и установлено при выяснении ограниченного перечня обстоятельств.

На фоне отсутствия сформировавшихся единых представлений о предмете и видах подозрения, определенный ориентир для правоприменителя заложен в положениях судебных актов и нормах уголовного и процессуального законов. Верховный Суд РФ указывает, что обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление (п.2)¹. Конституционный Суд РФ предписывает, что активная роль в совершении преступления может иметь значение формы соучастия и в качестве этого квалифицирующего признака быть неотъемлемой частью подозрения². Подозрение в совершении преступления должно основываться лишь на положениях уголовного закона, определяющих преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, закрепляющего все признаки состава преступления ...³.

Обращение к закону позволяет отметить, что законодатель использует разный набор словосочетаний (преступление, признаки преступления, состав преступления, признаки состава преступления), как в правовой, так и процессуальной плоскости, не всегда обеспечивая их межотраслевое согласование. Диапазон их применения также достаточно широк: от стадии возбуждения уголовного дела до стадии судебного разбирательства, от основания формирования статуса обвиняемого до основания уголовной ответственности. Их использование в уголовном процессе и праве влечет разные правовые последствия.

Уголовно-правовой источник представляет преступление как основную, базовую, отдельную категорию уголовного закона, употребляя во многих нормах (например, главы 1, 2, 3 УК РФ), признаки состава преступления как основание уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) или признания преступления оконченным (ст. 29 УК РФ), состав преступления как основание уголовной ответственности (ч. 3 ст. 31 УК РФ).

Уголовно-процессуальный источник представляет преступление как отправной момент уголовно-процессуальной деятельности в виде проверки

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». - URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 03.06.2019).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. N 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Костромин С.А.». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. N 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 УК РФ, части второй статьи 24, части 2 статьи 27, части четвертой статьи 212 УПК РФ в связи с жалобами граждан Боровкова С.А. и Морозова Н.И.». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сообщения о преступлении при получении сообщения о нем (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), признаки преступления как основание для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), принятия мер по установлению события преступления, избличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ), состав преступления как основание отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела в случае его отсутствия (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), постановления оправдательного приговора (п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ).

При этом ряд из указанных категорий имеет правовое понимание, а некоторые законодатель оставил теории и практике. Так, преступление определено в ч. 1 ст. 14 УК РФ. На его основе в теории выделены признаки преступления: деяние (действие или бездействие), общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость. Под составом преступления понимают совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих, согласно уголовному закону, определенное общественно опасное деяние как преступление. В число признаков состава преступления входят признаки, характеризующие объект преступления, его объективную сторону, субъект преступления и субъективную сторону. Оставляя в стороне попытку, подвергнуть их отдельному исследованию как уводящую нас от предмета статьи, возьмем параметры, имеющие значение для определения обстоятельств, подлежащих установлению, и соответственно формирования видов подозрения.

Вряд ли уместно ставить знак равенства между основанием формирования рассматриваемых характеристик подозрения и основанием уголовной ответственности. Однако не может быть принципиально разных оснований начала уголовно-процессуальной деятельности, формирования статуса лиц, в отношении которых осуществляется избличительная деятельность, признания их виновными и определении меры ответственности. Полагаем, что базовыми категориями, содержащими максимальный объем информации, должны быть состав преступления как явление уголовного права и обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу как явление уголовно-процессуального права. Для формирования подозрения на их основе должны быть выделены необходимые элементы.

Персональное (в отношении лица) подозрение характеризуется тем, что на момент его формирования должны быть установлены данные, позволяющие официально выдвинуть предварительное суждение о причастности к преступлению конкретного лица, обладающего идентификационными признаками. Для формирования персонального подозрения необходимо выяснить признаки субъекта преступления (физическое, вменяемое лицо, достигшее определенного возраста), которые устанавливаются посредством выяснения следующих данных о лице: фамилии, имени, отчества, возраста (число, месяц и год рождения). В ряде случаев имеют значение дополнительные данные (статус, профессия, пол), указывающие на категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголов-

ным делам и соответственно легализации подозрения. Персональное подозрение имеет место во всех случаях официального выдвижения предположения о причастности лица к преступлению, а именно при проведении проверки сообщения о преступлении в отношении лица, возбуждении уголовного дела в отношении лица, избрании меры пресечения в отношении подозреваемого, задержании лица по подозрению в совершении преступления, оформлении уведомления о подозрении.

Гипотетическое (по факту) подозрение формируется при наличии данных, указывающих на преступление. Для формирования гипотетического подозрения необходимо установить сведения, представляющие объективную сторону преступления, а именно данные о дате, времени, месте, способе преступления, общественно-опасных последствиях. Выдвижение этого вида подозрения влечет начало уголовно-процессуальной деятельности.

На определенном этапе производства по уголовному делу возможны следующие сценарии: отказ от гипотетического подозрения при его не подтверждении (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), отказ от персонального подозрения, например, при не установлении причастности лица к преступлению (п. 2, 4 ч. 1 ст. 24, п. 1 ч. 1 ст. 27, ч. 2 ст. 148 УПК РФ), переход от одного вида подозрения к другому (ч. 1 ст. 223.1. УПК РФ), объединение двух видов и формирование подозрения (ч. 1.1. ст. 144, ч. 1 ст. 46 УПК РФ). На наш взгляд, итоговое подозрение, объединяющее оба вида, формируется в рамках реализации положений статьи 223.1. УПК РФ, в которой одновременно заложен переход от гипотетического к персональному подозрению. При этом расширяется предмет установления посредством выяснения фамилии, имени и отчества подозреваемого, числа, месяца, года и места его рождения; места, времени совершения преступления, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1 и 4 части первой статьи 73 УПК РФ.

Итак, полагаем, что необходимым условием качественной практики должно быть «вооружение» правоприменителя теоретическими представлениями об основных понятиях уголовного судопроизводства, к которым мы отнеси подозрение, что также в полной мере соответствует назначению и содержанию уголовной политики, определяющей способы защиты прав, свобод и законных интересов лиц, принудительно вовлекаемых в уголовно-процессуальную сферу.

Список литературы

- Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М. А., Редчиц М.А., Степанов П. П., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.). М. – 2017. – 76 с.
- Карагодин В.Н. Совершенствование досудебного производства как элемент уголовно-правовой политики // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 3. – С. 22-29.
- Пантелеев И. А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России. Дисс ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. –
- Сотнева Е.В. Исторические, современные и перспективные представления о подозрении в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Ставрополь, 2016. - 315 с.

Стойко Н.Г. Уголовно-процессуальная политика России: научное наследие Н. С. Алексеева и задачи современной юридической науки // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 3. – С. 185-189.

Церковный Ю.В. Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания. Дисс ...канд. юрид. наук. Москва, 2011.

Тумов А.Н.

Некоторые вопросы исправления осужденных в постпенальной стадии

Correction of Convicts on the Post-penal Stage

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы исправления осужденных в постпенальной стадии. Автор указывает на кадровые проблемы в пенитенциарной системе, рассматривает предложения о расширении роли общественных организаций в ресоциализации освободившихся из мест лишения свободы. Автор считает целесообразным включить в уголовно-исполнительное законодательство норму, предусматривающую оказание помощи осужденным в трудовом и бытовом устройстве.

Abstract. The article discusses some issues of correction of convicts in the post-penal stage. The author points to personnel problems in the penitentiary system, considers proposals to expand the role of public organizations in the re-socialization of the released from prison. The author considers it expedient to include legal provisions of assistance to convicts in their work and household arrangements in the penal legislation.

Ключевые слова: осужденный, освободившийся из мест лишения свободы, пенитенциарная система, ресоциализация, постпенальная стадия.

Key words: convicted, released from prison, penitentiary system, resocialization, post-penal stage

Поскольку человек может осознавать необходимость изменения отношения к своей жизни, мировосприятию, совершенному им деянию, потребовать перемен в своем поведении и отношениях с людьми уже сразу после совершения преступления, в ходе предварительного следствия, в стадии рассмотрения дела в суде, в момент провозглашения приговора суда или сразу после этого, указанные изменения в сознании человека принципиально возможны и после освобождения его от отбывания наказания, возможно, как результат удачной социальной адаптации, к которой присоединились государственные органы и общественные организации, возвращение в семью и установление с ней хороших отношений или даже построение новой семьи, то есть тогда, когда прекращаются уголовно-исполнительные отношения, однако уголовно-правовые отношения продолжают, так как лицо пребывает в специфическом правовом состоянии судимости.

Нередко в литературе термин «ресоциализация» употребляется как синоним исправлению. Возможно, это обусловлено тем, что в литературе по социологии, психологии, педагогике этому термину предоставляется предельно широкое значение, включающее в себя также внутренне-нормативную составляющую личности. По этому поводу мы присоединяемся к позиции В.М. Трубникова, который отмечает, что термин «ресоциализация» возможно употреблять в широком и узком смысле. Под исправлением осужденных, в

широком смысле, он предлагает понимать и ресоциализационный процесс, а под ресоциализацией в узком смысле - социальный процесс в постпенитенциарный период, когда происходят качественные изменения личности, перестройка взглядов, представлений, мотивационной сферы поведения и т. д., находящие свое выражение в правопослушном поведении. Что же касается понятий «ресоциализация» и «социальная адаптация», то В.М. Трубников подчеркивает, что по своему содержанию они соотносятся как частное и целое, - ресоциализация освобожденных от отбывания наказания представляет собой первый этап социальной адаптации¹. Итак, ученый фактически признает ресоциализационным процессом временные границы, которые существуют вне учреждения исполнения наказания в виде лишения свободы. Такая точка зрения нам представляется важной, поскольку научить или восстановить навыки жизни в свободной среде вряд ли возможно в условиях неволи.

Создание новой или реорганизация уголовно-исполнительной системы связаны со значительными материальными, организационными и человеческими затратами, что ведет к значительному росту необученного корпуса государственных служащих. Кроме этого, как справедливо отмечает В.А. Уткин, персонал уголовно-исполнительных инспекций, как правило, не владеет методикой индивидуальной профилактической работы с осужденными (особенно это касается женщин, которые были осуждены, поскольку не делается соответствующего учета особенностей женской психологии и гендерной специфики мировосприятия) на основе выделения «групп повышенного риска» и в условиях типичных криминологических ситуаций; общественный престиж этой службы традиционно невысок. Это присуще в основном для уголовно-исполнительных инспекций всех стран СНГ, унаследовавших ее от СССР². Итак, государственные органы для адекватного осуществления указанной функции должны организовать большую подготовку, однако, по данным прогнозирования приблизительного времени и затрат на осуществление такой деятельности, можно прийти к выводу, что в ближайшее время, по крайней мере до выпуска и первых шагов на практике соответствующего количества специалистов, этого произойти не сможет.

Однако государственные органы обязаны осуществлять организационные и контрольные функции, и именно это должно определять границы возможного принуждения в отношении лиц, которые были ранее осуждены, и судимость которых не снята и не погашена. Исправительная инициатива государственных органов сегодня институционально и нормативно не подкреплена, поскольку нет тех органов, которые по согласию указанных лиц продолжали бы с ними осуществление необходимого психо-рекреационного и психо-

ресоциализационного воздействия. Представляется, что даже при наличии соответствующих государственных органов и служб их деятельность могла бы быть обременена проблемой нежелания лиц, отбывших наказание, «связываться» с официозом, поскольку последний психологически связывается ими с принуждением и продолжением тех отношений, которые они понесли, будучи осужденными. Следовательно, особую роль в этом процессе должны играть неправительственные организации, а не органы местного самоуправления по тем причинам, что сейчас в последних остаются более приоритетными связи с государственными органами и чиновниками, а потому вчерашние осужденные, как отмечает А. Букалов, отдают предпочтение общественным организациям¹.

А.В. Романенко, перекладывая часть ответственности за эффективную пенитенциарную деятельность на гражданское общество, отмечает необходимость недопущения усвоения лицами, испытывающими (получившими) пенитенциарное воздействие, негативных норм и правил поведения и необходимости содействия усвоению ими норм, необходимых для правопослушного поведения². Однако автор не указывает, хотя бы в общих чертах, на тот механизм, с помощью которого гражданское общество сможет выполнить такую, откровенно отметим, чрезвычайно сложную задачу. Среди основных направлений работы относительно постпенитенциарной сферы деятельности институтов гражданского общества, в частности, он выделяет участие в социально-воспитательной работе³. Однако по содержанию такой работы гражданских институтов ученый не высказывается.

Нам представляется, что сейчас возможности общественных институтов, в частности, фондов, благотворительных, молодежных организаций, центров социальной адаптации, реабилитационных центров и т.п. по целенаправленному исправительному воздействию на ранее осужденных женщин ограничены, поскольку их деятельность преимущественно основывается на неопределенной и, соответственно, не всегда взвешенной методике работы с девиантными лицами. Указанные институты ставят перед собой благородные цели и нередко их успешно достигают, однако единой методикой, или хотя бы достаточно эффективным рядом методик, они не вооружены. Часто их деятельность основывается на опыте, полученном нелегким трудом с этой категорией осужденных.

Проблема постпенального исправительного воздействия на лицо, освободившееся из мест лишения свободы, мало изучена в отечественной науке уголовно-исполнительного права, а особым образом это касается изучения и практической реализации проблемы нейтрализации эффекта самооправдания осужденным своего поведения, жизни, мотивов и т.д. как на стадии уголовно-исполнительных, так и на стадии уголовно-правовых (в постпенальный период) отношений. Пени-

¹ Бандурка А.М., Денисова Т.А., Трубников В.М. Общая теория социальной адаптации освобожденных от отбывания наказания (правовой и социально-психологический анализ уголовно-исполнительной политики по реабилитации осужденных). Харьков-Запорожье: НУВД, ЗГУ, 2002. – С. 40.

² Уткин В.А. Реорганизация уголовно-исполнительных инспекций как условие расширения альтернативных наказаний. URL: http://www.penalreform.org/russian/altern_rus23.htm (дата обращения 01.06.2019).

¹ Букалов А. Практика деятельности наблюдательных комиссий // Аспект. Информационный бюллетень. - 2005. - № 1. - С. 33.

² Романенко О.В. Пенітенціарна функція демократичної правової держави та роль громадянського суспільства в механізмі її реалізації: Дис. ... канд. юрид. наук. К., 2004. – С. 63.

³ Романенко О.В. Там же. – С. 152.

тенициарная теория и практика зависит от современного анализа этого феномена, и требует дальнейших исследований ученых.

Проблемы выбора места жительства, бытового и трудового устройства в современных условиях прямо влияют на дальнейшую судьбу освобожденных из мест лишения свободы и на их исправление в широком смысле. Традиционными считаются такие формы работы, как подготовка осужденного к освобождению, а именно: направление по месту прежнего проживания запроса о возможности регистрации и получения жилья, связь с центрами занятости, проведение бесед, консультаций и тому подобное. Важную роль для успешной социальной адаптации освобожденных осужденных к жизни в условиях свободы играют социально-полезные связи и, прежде всего, контакты с семьями. Поскольку большинство из тех, которые отбывают наказание, связанное с лишением свободы, уже через год-два теряют жилье, работу, семью, необходимо принимать действенные меры содействия освобожденным и приспособления их к жизни в условиях свободы. Считаем целесообразным включить в уголовно-исполнительное законодательство норму, предусматривающую оказание помощи осужденным в трудовом и бытовом устройстве.

Список литературы

Бандурка А.М., Денисова Т.А., Трубников В.М. Общая теория социальной адаптации освобожденных от отбывания наказания (правовой и социально-психологический анализ уголовно-исполнительной политики по реабилитации осужденных). Харьков-Запорожье: НУВД, ЗГУ, 2002.

Букалов А. Практика деятельности наблюдательных комиссий // Аспект. Информационный бюллетень. - 2005. - № 1. - С. 32-34.

Романенко О.В. Пенітенціарна функція демократичної правової держави та роль громадянського суспільства в механізмі її реалізації: Дис. ... канд. юрид. наук. К., 2004.

Уткин В.А. Реорганизация уголовно-исполнительных инспекций как условие расширения альтернативных наказаний. URL: http://www.penalreform.org/russian/altern_rus23.htm (дата обращения 01.06.2019).

Шевелева С.В.

Проблемы исполнения штрафа как вида уголовного наказания

Problems of Enforcing a Penal Fine

Аннотация. На основе анализа статистических данных обосновывается крайне низкая исполняемость наказания в виде штрафа. Автор предлагает ряд мер, нацеленных на повышение эффективности данного наказания, доказывая, что необходимо введение мер как позитивного стимулирования, так и расширение сферы действия положения о замене более строгим наказанием при уклонении от уплаты штрафа.

Abstract. Statistical data shows that penal fines are rarely paid and hard to enforce. Author suggests several measures that can make this type of punishment more effective. Among them are positive encouraging measures, that stimulate law-abiding behavior, and expansion of the norms that let apply a more severe punishment in case of fine evasion.

Ключевые слова: наказание, штраф, стимулирование правопослушного поведения, уклонение от отбывания наказания.

Key words: penalty, fine, encouraging law-abiding behavior, evading punishment

Гуманизация уголовной политики, о которой постоянно говорят первые лица государства нацелена на применение альтернативных лишению свободы видов наказания. Ввиду того, что штраф является самым мягким видом наказания (исходя из его местоположения в «лестнице наказаний» - ч.2 ст. 44 УК РФ), можно было бы предположить его определенную «популярность» при назначении, учитывая, что он предусмотрен в 235 статьях УК РФ, из которых по основному составу к категории небольшой тяжести относится 156, средней тяжести – 70, тяжких – 9 статей.

Однако данные официальной статистики свидетельствуют об обратном. Так, в 2018 г. штраф был назначен чуть более 90 тыс. осужденным в качестве основного наказания, тогда как лишение свободы – более 197 тыс. человек, обязательные работы – более 118 тыс., условное осуждение к лишению свободы – более 172 тыс. осужденным¹. Обращает внимание то обстоятельство, что количество назначенного наказания в виде штрафа с каждым годом снижается.

Анализ статистики показывает, что исполняемость данного вида наказания крайне невелика. Так, в 2018 г. суммарный размер штрафа, назначенного в качестве основного наказания составил 8,211 млн руб., добровольно уплачено чуть более 668 млн руб., что составляет 8,14%. Принудительно исполнено исполнительных листов на сумму более 744 млн. руб., что составляет 9 %. Таким образом только в 2018 г. государство недополучило 6799 млн. руб. по штрафам, назначенным в качестве основного наказания². Столь удручающая картина не может не требовать от законодателя искать новые механизмы, нацеленные на точное и неукоснительное исполнение наказания. Как известно, достижение оптимального результата возможно двумя способами – поощрения и устрашения. Попытаемся определить существующие механизмы и предложить оптимальные пути решения.

Ни уголовное и ни уголовно-исполнительное законодательство не содержит норм поощрительного характера для осужденных, которым в качестве наказания назначен штраф. Косвенно единственным позитивным фактором является момент окончания выплаты штрафа, с которого начинается отсчёт времени погашения судимости. В остальном осужденный не мотивирован на скорейшую выплату штрафа.

Федеральным законом от 22.12.2014 N 437-ФЗ в административное законодательство были внесены изменения, согласно которым лицо, уплачивающее штраф в течение 20 дней с момента совершения правонарушения в области дорожного движения, вносит половину суммы назначенного штрафа³.

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. - URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения 14.07.2019)

² Сведения о штрафах и иных денежных взысканиях в доход государства, наложенных судом общей юрисдикции (мировым судьей), и их исполнении за 12 месяцев 2018 г. [электронный ресурс] [http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item\(дата обращения 14.07.2019\)](http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item(дата обращения 14.07.2019))

³ Федеральный закон от 22.12.2014 N 437-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части совершенствования взыскания штрафов за админи-

Об успешной реализации рассматриваемого новшества говорят данные социологического опроса, проведенного издательством «За рулем» совместно с аналитическим агентством «АВТОСТАТ». Данный опрос проводился с 14 по 19 августа, в нем приняло участие 2,9 тыс. человек.

Результаты показали, что большинство респондентов используют возможность оплаты штрафов со скидкой. Такой вариант ответа выбрали 67,4% или две трети опрошенных. В то же время каждого пятого автовладельца (20,5%) такая мера мотивирует, чтобы не нарушать ПДД, а почти для 30% респондентов она не играет никакой роли. Около половины опрошенных (46,9%) не поменяли манеру езды, но стараются оплатить штраф с 50%-ной скидкой¹.

Возможность реализации лояльного подхода к лицам, выплачивающим штраф в первые 30 дней допустимо, на наш взгляд, применять и в отношении уголовного штрафа. Аналогично административному законодательству, выплата штрафа в меньшем размере не может применяться в отношении любого виновного, приговоренного к штрафу. Полагаем, это могут быть лица, совершившие преступления небольшой или средней тяжести. В то же время штраф, назначаемый за тяжкие преступления в качестве основного наказания, предусмотрен только в отношении 43 составов и 7 составов преступлений, относящихся к категории особо тяжких. Последнее обстоятельство вызывает принципиальное сомнение: коль скоро законодатель особо квалифицированные виды дачи, получения и посредничества во взятке (ч.5, 6 ст.290, ч. 4,5 ст. 291, ч.4 ст. 291¹ УК РФ), а также изготовление, сбыт поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия либо их использование, причинившее крупный ущерб государству, либо сопряженные с извлечением дохода в крупном размере, либо совершенные организованной группой (ч. 5,6 ст.327¹ УК РФ) относит к категории особо тяжких преступлений, назначение самого мягкого вида наказания (даже в довольно внушительных размерах) противоречит принципу справедливости.

В рамках настоящей статьи не представляется возможным определить каков должен быть размер уменьшения штрафа, т.к. для окончательного решения данного вопроса необходимы серьезные криминологические исследования и экономические расчёты. Как нам видится, он не может составлять половину суммы, подобно тому, как это предусматривает административное законодательство, т.к. с 2016 г. в УК РФ появился новый институт судебного штрафа. Согласно ст. ч.1 ст. 104⁵ УК РФ размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ. Следовательно «вилка» подобного снижения не может быть больше судебного штрафа, являющегося одним из оснований освобождения от уголовной ответственности.

стративные правонарушения в области дорожного движения» [электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 23.12.2014. (дата обращения 14.07.2019)

¹Две трети автовладельцев используют 50% скидку [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autostat.ru/infographics/31409/> (дата обращения: 01.07.2019)

Как мы указали выше, еще одним серьезным стимулом к уплате штрафа должен являться действенный механизм устрашения. В настоящее время за уклонение от уплаты штрафа суд может заменить его на более строгое наказание, кроме лишения свободы в пределах санкции статьи, по которой лицо было признано виновным. Исключением здесь являются кратные сумме коммерческого подкупа или взятки, назначенного в качестве основного наказания, штрафы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что кратные штрафы предусмотрены в 7 статьях УК РФ, однако последствия уклонения от уплаты кратного штрафа отличаются.

Еще одним законодательным промахом является невозможность в определенных случаях заменить штраф на другой вид наказания. Например, ч.5 ст. 327¹ УК РФ, относящаяся к категории особо тяжких преступлений, альтернативно предусматривает три вида основного наказания – штраф, принудительные работы и лишение свободы. Учитывая, что принудительные работы повсеместно на территории России еще не применяются, а лишение свободы применить нельзя ввиду запрета, изложенного в ч. 5 ст. 46 УК РФ, остается не решенным вопрос замены штрафа, минимально по санкции составляющего 500 тыс. рублей на иное наказание.

В других случаях штраф невозможно заменить ввиду отдельных характеристик личности преступника. Так, обязательные работы, исправительные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, отдельным группам военнослужащих (ч. 3 ст. 49, ч. 5 ст. 50 УК РФ), следовательно, суд может заменить штраф только на ограничение свободы либо принудительные работы. В свою очередь ограничение свободы не может применяться к военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации (ч. 6 ст. 53 УК РФ), а принудительные работы не назначаются лицам, перечисленным в ч.7 ст.53¹ УК РФ.

Отдельные составы преступлений предусматривают в качестве наказания штраф безальтернативно.

Часть 5 ст. 46 УК РФ не ограничивает суд в назначении иного наказания, не предусмотренного санкцией статьи, однако как соотносить размер штрафа с иным видом наказания, законом не установлено. Пленум Верховного Суда РФ, попытался устранить данную неловкость, созданную законодателем, указав, что «при замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания в порядке исполнения приговора, предусмотренном пунктом 2 статьи 397 УПК РФ, штраф... заменяется принудительными работами ... независимо от того, предусмотрено ли данное наказание санкцией статьи Особенной части УК РФ, по которой было назначено заменяемое наказание, при условии соблюдения требований части 7 статьи 53.1 УК РФ»¹. Такой подход, когда штраф заменяется на наказание, не предусмотренное

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. №2.

санкцией статьи, должен носить крайний (исключительный) характер, т.е. наказание, не предусмотренное санкцией назначается лишь в случаях невозможности применения указанного в санкции наказания. Полагаем в рекомендациях Пленума Верховного Суда РФ о практике назначения наказания необходимо предусмотреть следующее: «При злостном уклонении от уплаты штрафа суд заменяет на более строгое наказание в пределах санкции статьи с учетом требования ч.5 ст. 46 УК РФ. В случае невозможности назначить ни одно из предусмотренных санкцией статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ наказание, суд назначает иное по правилам, предусмотренным Общей частью Уголовного кодекса РФ. Такое решение должно быть мотивированным».

Решение указанных проблем возможно посредством расширения положения, предусмотренного ч.5 ст. 46 УК РФ, а также определением критерия соотносимости размера штрафа с иными видами наказания подобно тому, как это определено в ст. 71,72 УК РФ. В этой связи заслуживает поддержки предложение В.А. Шихвердиева изложить ч.5 ст. 46 УК РФ следующего содержания: «В случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, штраф заменяется иным наказанием в пределах санкции статьи, по которой было признано лицо виновным. При невозможности назначения наказания из числа, предусмотренных санкцией статьи, по которой лицо признано виновным либо в случае, если часть штрафа оплачена, штраф заменяется из расчета 1000 рублей штрафа за один день принудительных работ, ареста, содержания в дисциплинарной воинской части или лишения свободы, либо четырьмя часами обязательных работ, либо двумя днями исправительных работ, ограничения по военной службе, ограничения свободы. При этом окончательное наказание не может превышать максимальный срок наказания, предусмотренный за самое тяжкое из совершенных преступлений и должно быть пропорциональным выплаченной части штрафа»¹.

Подводя итоги, следует отметить, что низкая исполнимость штрафа объясняется отсутствием эффективных стимуляторов к правопослушному поведению как позитивного, так и негативного характера. В качестве идеи рассматривается возможность интроспекции положений административного законодательства в части сокращения суммы штрафа в случае своевременной уплаты в уголовное законодательство. Стимулятором негативного характера может стать расширение возможности замены штрафа более строгим наказанием вплоть до лишения свободы в случае злостного уклонения.

Список литературы

Две трети автовладельцев используют 50% скидку [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.autostat.ru/infographics/31409/> (дата обращения: 01.07.2019)

Шихвердиев В.А. Уклонение от отбывания наказания: проблемы оптимизации уголовно-правовых средств реагирования. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Курск, 2017.

¹ Шихвердиев В.А. Уклонение от отбывания наказания: проблемы оптимизации уголовно-правовых средств реагирования. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Курск, 2017. - С.8.

Раздел V. Проблемы уголовной политики и правоприменительной практики в исследованиях молодых ученых

Андреев С.П.

Возмещение ущерба и заглаживание вреда при освобождении от уголовной ответственности при назначении судебного штрафа Reparation in Case of Exemption from Criminal Liability in the Appointment of a Judicial Fine

Аннотация: в данной статье рассматриваются вопросы возмещения ущерба и заглаживания вреда при освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа.

Abstract: This article deals with the issues of compensation for damage and compensation for harm in exemption from criminal liability in connection with the appointment of a judicial fine.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, возмещение ущерба, заглаживание вреда, судебный штраф.

Key words: exemption from criminal liability, compensation for damage, damage compensation, judicial fine

Ст. 76² УК РФ предусмотрено новое для отечественного законодательства материально-правовое основание освобождения от уголовной ответственности, применяемое в обязательной связке с иной мерой уголовно-правового характера заключенного в ст. 104⁴ УК РФ – судебный штраф.

Норма о назначении судебного штрафа включает в себя условия освобождения от уголовной ответственности, которые сопряжены с уплатой судебного штрафа. Условиями ее применения являются криминальный дебют (преступление должно быть совершено впервые) и небольшая или средняя тяжесть совершённого деяния. А также позитивное посткриминальное поведение виновного, выраженное в возмещении ущерба и заглаживании иного вреда, нанесенного преступлением. Совокупность этих условий позволяет судить об утрате или снижении общественной опасности виновного, что в свою очередь является социально-правовым основанием отказа государства от реализации уголовной ответственности по отношению к нему. Однако в науке остается открытым вопрос о содержании данных условий и прежде всего это касается возмещения ущерба и заглаживания вреда.

Возникает резонный вопрос, в чем заключается разграничение двух этих понятий. Ущерб и вред в уголовно правовой литературе рассматриваются как смежные понятия, что дает возможность их произвольного употребления в законе. Однако на наш взгляд это неверно, так как, несмотря на один смысловой корень и правовую близость, они различны. Понятие ущерба наиболее характерно для гражданско-правовой отрасли.

По мнению Н.В. Анисимковой преступный вред личности потерпевшего представляет собой объективный критерий совершенного преступления и отражает нарушенное в результате общественно опасного деяния состояние ох-

раняемых законом отношений, благ, ценностей, интересов, при котором наступают или создается угроза наступления неблагоприятных последствий.¹

В ст. 15 ГК РФ дается следующее определение: «ущерб это урон, умаление в наличном имуществе, утрата его ценностных качеств в результате уничтожения, повреждения, порчи и т.п., и, кроме того, непровольные расходы, которые потерпевшее лицо произвело или должно будит произвести для восстановления нарушенного права»². Тем временем «вред» это более широкое, можно сказать родовое понятие, которое предполагает всякое умаление личных и имущественных прав. В уголовном праве выделяют физический, моральный и имущественный вред. Из приведенного выше следует, что ущерб является одним из видов вреда, а возмещение ущерба является формой его заглаживания.

Понятие ущерба характерно только для отношений, возникающих в имущественной сфере, в то время как ущерб может наноситься чести и достоинству личности, ее собственности, а также деловой репутации юридического лица. Если ущерб предполагает только его возмещение, то вред приемлет различные формы компенсации. Вред может быть компенсирован в натуральной форме, посредством возмещения имущества, имеющего такой же вид и свойства, или восстановления неисправностей. Кроме того, опровержение информации, дискредитирующей деловую репутацию, компенсация морального вреда, а также ущерба (включая неполученные доходы) физическому или юридическому лицу расцениваются как способы возмещения вреда.

Исходя из смысла ст. 76² УК РФ под ущербом следует понимать урон, уменьшение в наличном имуществе, устранение элемента совокупности, то есть всякое умаление имущественных благ. Все остальные не благоприятные последствия либо создание опасности наступления таких последствий охватываются понятием «вред».

Исходя из того, что любое преступление как осознанное действие (бездействие) индивида ставит целью достижение преступного результата в виде причинения физического, материального и (или) морального вреда лицу или организации, раскрывается содержание таких разновидностей вреда и возможные формы его возмещения³. Возмещение ущерба определяется как стопроцентное восстановление имущественного положения потерпевшего, которое было у него изначально. Оно может выражаться в предоставлении равной по стоимости вещи потерпевшему, взамен утраченной, в возвращении ему похищенного имущества или денег, либо в иной форме компенсации. Вред предполагает более широкий диапазон форм его компенсации. Заглаживание вреда является процессом, направленным на уменьшение вредных последствий в тех ситуациях, когда их полное устранение не воз-

можно. Кроме того, средством компенсации вреда можно назвать извинение перед пострадавшим, предоставление любой помощи и иные действия, которые ставят своей целью ликвидацию негативных последствий, которые повлекло преступление.

Следовательно, о возмещение ущерба можно говорить только в том случае если речь идет об имущественном вреде, так как только такой вред может быть полностью и самостоятельно устранен виновным, а под заглаживанием вреда следует понимать позитивные пост криминальные действия лица, направленные на устранение вредных последствий. Данные действия могут быть выражены в том, что виновное лицо использовало все возможные способы для ликвидации физического вреда (например, возмещение денежных средств, потраченных на лечение) либо морального (примирение с пострадавшим и принесение ему извинений). Возмещение ущерба можно также определить, как компенсацию, в качестве которой выступает возмещение стоимости, исчисляемой денежными средствами, а также предоставление равнозначной по цене личной собственности или другого сопоставимого с похищенным имущества, в таком случае, устранение причиненного вреда выступает в качестве ликвидации последствий преступления в натуре.

Под заглаживанием вреда С.Ю. Туров понимает восстановление имевшего место до совершения преступления состояния потерпевшего посредством восполнения его имущественного положения, производства компенсационных выплат по восстановлению его физического и морального состояния, осуществленного добровольно раскаявшимся и примирившимся с потерпевшим, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления лицом с закреплением процесса заглаживания вреда и его результатов в соответствующем процессуальном документе¹.

В качестве примеров заглаживания вреда можно привести помощь в лечении, заботу о больном, а, кроме того, предупреждение виновником негативных последствий, причиненных в результате совершения преступления. В частности, ситуация, в которой потерпевшему вовремя была оказана медицинская помощь, и по этой причине ему удалось остаться в живых, также может быть расценена как заглаживание вреда. Также иным средством заглаживания вреда, наступившего в результате совершения преступления, можно считать устранение его негативных последствий. Данные активные действия совершаются осознанно и ставят своей целью полное либо частичное (зависит от обстоятельств и имеющейся ситуации) предотвращение развития причинно-следственной связи между совершенным деянием и возможными последствиями. По этому поводу В.Д. Ключин в своей диссертации высказывает следующее мнение: «Поскольку последствия преступления - это всегда вред, причиняемый преступлением объекту посягательства, и обязательна связь между деянием, объектом и последствиями, то по-

¹ Анисимова Н.В., Возмещение вреда, причиненного преступлением: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дис. канд. юр. наук, 2008 г. Ставрополь. С. 6

² Шагин Г.С., Вред в уголовном праве: виды правового регулирования // СПС КонсультантПлюс

³ Туров С.Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция: автореф. дис. канд. юр. наук, 2013 г. Челябинск. С. 12

¹ Туров С.Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция: автореф. дис. канд. юр. наук, 2013 г. Челябинск. С. 8

следствие является связующим звеном между преступным деянием и объектом, так как не существует действий без последствий, а последнее есть ничто иное, как причиняемый объекту вред»¹

Это возможно в тех случаях, когда между действиями и наступлением их вредного воздействия существует некоторый промежуток времени, в течение которого виновному удается повлиять на ход событий и полностью устранить эти последствия или сделать их менее серьезными. В качестве примера можно привести ситуацию, в которой М. своими действиями причинил С. вред здоровью, классифицирующийся как вред средней тяжести, в результате дорожно-транспортного происшествия. После ДТП М. отвез пострадавшего в госпиталь, что предупредило серьезные последствия, которые могли бы наступить.

В ст. 76² УК РФ указано: «лицо возместило ущерб или иным образом загладило вред». Из этого можно сделать вывод, что данные действия уже фактически выполнены. Но должен ли виновный полностью возместить и загладить причиненный вред, для того чтобы к нему было применено это положение закона? По всей вероятности, эта проблема нужно рассматривать в отдельно взятой ситуации в частном порядке. В некоторых случаях обвиняемый может не полностью компенсировать или возместить ущерб, если не имеет такой возможности, но если в рамках своих усилий данное лицо частично выполнило требования, изложенные в ст. 76² УК РФ, на него может быть наложен судебный штраф, в связи с чем данное лицо освобождается от уголовной ответственности.

Несмотря на то, что возмещение ущерба и заглаживание вреда в УК не закреплены, а в литературе они понимаются по-разному. Под данными категориями можно понимать следующее: под возмещением ущерба при назначении судебного штрафа следует понимать полное восстановление имущественного права, утраченного в результате совершения преступления, в отличие от этого, заглаживание вреда носит компенсационный характер, который предполагает частичное восстановление права. В случаях, когда отсутствует возможность полного восстановления утраченных отношений, заглаживанием вреда будет являться действия виновного направленные на устранение вредных последствий преступления.

Список литературы

Анисимкова Н.В. Возмещение вреда, причиненного преступлением: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дис. канд. юр. наук, 2008 г. Ставрополь – 18 с.

Клюшин В.Д. Заглаживание причиненного вреда и его уголовно-правовые последствия: дис. канд. юр. наук, 2006 г., Москва. – 16 с.

Туров С.Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция: автореф. дис. канд. юр. наук, 2013 г. Челябинск. – 41 с.

Шагин Г.С. Вред в уголовном праве: виды правового регулирования // СПС КонсультантПлюс

¹ Клюшин В.Д. Заглаживание причиненного вреда и его уголовно-правовые последствия: дис. канд. юр. наук, 2006 г., Москва. С. 9

Значение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при расследовании уголовных дел

Using Information about the Connections Between Subscribers and(or) Subscriber Devices in the Criminal Investigation

Аннотация. В данной статье рассматривается значение получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами для выполнения одной из задач уголовной политики, заключающейся в защите прав лиц, потерпевших от преступлений. Информация о соединениях между абонентами имеет существенное значение для расследования преступлений, в частности, совершаемых с использованием средств мобильной связи.

Abstract. The article discusses the importance of obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices to perform one of the tasks of criminal policy, which is to protect the rights of victims of crime. Information on connections between subscribers is essential for the investigation of crimes committed using the mobile communication.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, следственные действия, абоненты, абонентские устройства, информация.

Key words: criminal procedure policy, investigative actions, subscribers, subscriber devices, information

Уголовно-процессуальная политика признаётся подсистемой уголовной политики, наравне с уголовно-правовой, исполнительной, которые находятся во взаимодействии и взаимозависимости¹. Одним из направлений уголовно-процессуальной политики является выработка и закрепление правовых норм для обеспечения единообразия уголовно-процессуальной деятельности и достаточных для её реализации.

В соответствии с ч.1 ст.6 Уголовно-процессуального кодекса РФ назначением уголовного судопроизводства является как защита прав и законных интересов лиц от организаций, потерпевших от преступлений, так и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод.

Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами было введено в УПК РФ в 2010 году как самостоятельное следственное действие в целях обеспечения законности ограничения права абонентов на тайну связи, путём регламентации процессуального порядка и закрепления судебного санкционирования данного следственного действия.

Одной из задач уголовной политики является защита интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. С учётом того, что на сегодняшний день средства сотовой связи стали неотъемлемой частью нашей жизни, возросло и количество преступлений, совершаемых с его приме-

¹ Баранов А. М. Уголовно-процессуальная политика России: вчера, сегодня, завтра // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, 2017. С.16.

нием. Для расследования данных преступлений установления обстоятельств их совершения играет значительную роль информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Также стоит отметить важную роль данного следственного действия для розыска лиц, совершивших преступления с использованием банковских карт: тайное хищение денежных средств с банковских счетов (ст.158 УК РФ), хищение чужого имущества путём обмана и злоупотребления доверием (ст.159 УК РФ).

Из содержания п.24.1 УПК РФ следует, что проведение следственного действия, закреплённого в ст.186.1 УПК РФ, допустимо в целях получения следующих видов информации: во-первых, сведений о дате, времени, продолжительности входящих и исходящих соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами; во-вторых, сведений о номерах абонентов; в-третьих, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов; в-четвёртых, сведений о номерах и месте расположения приёмопередающих базовых станций.

Посредством применения данного следственного действия можно установить местонахождение абонентского устройства. Однако невозможно точно установить лицо, пользовавшееся данным устройством. Поскольку зачастую лицо, на которое зарегистрирован абонентский номер, и лицо, пользовавшееся им, не совпадают. Также необходимо учитывать, что сигнал о соединениях может быть принят более далёкой базовой станцией в связи с тем, что ближайшая базовая станция «перекрыта каким-либо препятствием»¹.

Вопрос о том, что относится к другим данным был разрешён п.11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 N 19. Так, это сведения об IMEI –коде абонентского устройства².

В. Ю. Стельмах критикует возможность использования рассматриваемого следственного действия в отношении информации о соединениях между абонентами³. Однако необходимо учитывать допустимость использования абонентом не одного абонентского устройства, а нескольких, либо нескольких сменных идентификационных модулей на одном устройстве.

А.В. Шампаров выделяет два направления использования информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: «1) установление обстоятельств, составляющих объективную сторону состава преступления; 2) преодоление противодействия расследованию посредством опровержения ложного алиби и других ложных показаний».

¹ Архипова Н. А. Оценка и использование в доказывании результатов получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаулский юридический институт МВД России. 2018. №15. С.6.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 N 19 "О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)" //СПС «КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/

³ Стельмах В. Ю. Следственные действия, направленные на получение сведений, передаваемых по средствам связи. Екатеринбург, 2015. С.124-125.

Н. А. Архипова указывает на возможность использования информации, полученной следователем от операторов связи в результате проведения, следственного действия, предусмотренного 186.1 УПК РФ, «в качестве доказательственной, ориентирующей и розыскной»¹.

Анализ материалов судебной практики позволяет сделать вывод, что следственное действие, предусмотренное ст.186.1 УПК РФ применяется при расследовании различных видов преступлений, не ограничиваясь преступлениями против собственности. Информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами представляет интерес для установления лиц, причастных к совершению преступления, при расследовании преступлений против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и свободы личности, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, преступлений террористической направленности, должностных преступлений и т.д.

Так, полученная информация о соединениях либо подтверждает имеющиеся следственные версии, либо опровергает их, способствует выдвижению новых следственных версий; снабжает следователя необходимой для подготовки и проведению других следственных действий; проверки показаний подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей. Также полученная информация способствует обнаружению разыскиваемых лиц, похищенного имущества. Нельзя умалять значение детализации соединений при установлении контактов подозреваемых в целях установления соучастников преступления.

Список литературы

Архипова Н. А. Оценка и использование в доказывании результатов получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаулский юридический институт МВД России. 2018. №15. С.5-6.

Баранов А. М. Уголовно-процессуальная политика России: вчера, сегодня, завтра // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, 2017. С.16-22.

Стельмах В. Ю. Следственные действия, направленные на получение сведений, передаваемых по средствам связи. Екатеринбург, 2015. 216 с.

Шампаров А.В. Механизм слеодообразования информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия: Экономика и право. 2014. Вып.4. С. 202-207.

¹ Архипова Н. А. Оценка и использование в доказывании результатов получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаулский юридический институт МВД России. 2018. №15. С.6.

**Институт согласия лица на причинение вреда в рамках
современной уголовной политики**

Person's Consent to Harm in the Framework of Modern Criminal Policy

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме обеспечения прав и законных интересов лиц, дающих согласие на причинение вреда вне зависимости от формы. На основе исследования российского и зарубежного законодательства предлагаются меры по совершенствованию отдельных норм, обеспечивающих права и законные интересы профессиональных спортсменов.

Abstract. This article is dedicated to the problem of ensuring the rights and legitimate interests of persons who give consent to harm, regardless of the form. Author has conducted a study of Russian and foreign legislation and proposes measures to improve legal acts in a way that guarantees the rights and legitimate interests of professional athletes.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, потерпевший, согласие, обеспечение безопасности.

Key words: criminal law, crime, victim, consent, security.

Volenti non fit injuria (лат.) – человек не оскорблен тем, на что он согласен.

Исторически особая норма согласия на физический вред возникла в англо-саксонской правовой системе в XVII веке. До этого человек мог свободно соглашаться практически на что угодно, и согласие потерпевшего на причинение вреда рассматривалось как полный запрет на судебное преследование. В дальнейшем произошли изменения в результате монополизации системы наказания со стороны государства, в результате чего на всех последующих стадиях развития уголовного законодательства и правосудия потерпевший переставал быть центральной фигурой в урегулировании факта совершения противоправного деяния¹.

При создании и дальнейшей централизации правоохранительных органов потерпевший всё более исключался из осуществления уголовного преследования. Государство тогда и на настоящий момент вне зависимости от правовой системы интерпретирует факт совершения преступления как посягательство на особой объект – общественные отношения, непосредственно охраняемые силой государственного принуждения. Этот факт свидетельствует о том, что интересы личности как таковые и её свобода выбора практически исключаются при посягательстве на охраняемые законом права и свободы. Следовательно, личность потеряла способность самостоятельно оценивать причиненный вред, государство стало рассматривать этот вред исключительно в отношении себя.

Отталкиваясь от противоречивого международного опыта в вопросе введения согласия лица на причинение вреда собственным охраняемым законом интересам в законодательстве, можно сказать, что не всегда применение рассматриваемого института влечёт положительные последствия.

Разрозненная судебная практика, абсурдные ситуации и сферы общественной жизни, где может быть применен данный институт, – перечисленное лишь отчасти позволит применить согласие лица на причинение вреда в современных российских реалиях.

Произвольность толкования сферы применения согласия потерпевшего на причинение вреда подвергает широкой критике существования данного института в современном уголовном праве. Не совсем понятна трактовка согласия потерпевшего на причинение вреда: как обстоятельство, исключаящее преступность деяния, как основание освобождения от уголовной ответственности или же как смягчающее обстоятельство. В период гуманизации современной уголовной политики говорить о согласии лица на причинение вреда правам и законным интересам становится всё более актуальным ввиду того, что личная ответственность каждого, определяемая уголовным законом, раскрывается в ином ключе. Так называемый консенсусный вред допускается государством, если это финансовый, эмоциональный или репутационный, но как речь заходит о добровольном причинении физического вреда, вступают в силу средства защиты личности со стороны государством. Из этого следует, что жизнь и тело человека совсем ему не принадлежат. Соответственно, человек имеет очень ограниченные полномочия разрешать действия, которые влияют на его физическое благополучие.

Правовую природу согласия потерпевшего на причинение вреда позволяют определить конкретные ситуации его применения. Так, отталкиваясь от позиции правомерности причиняемого спортсмену вреда в ходе спортивного состязания, его согласие должно расцениваться как обстоятельство, исключаящее преступность деяния, но существующий перечень обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в уголовном законе не может оправдать причинение спортсмену вреда, формально схожего с преступлением. Характер вреда, причинённого в ходе спортивного состязания, имеет существенное отличие от причинённого преступным путём, поскольку спортсмен сознательно допускает вероятность его причинения и не исключает возможного существенного ущерба своему здоровью. Противоречив тот факт, что драка наедине между двумя людьми, в которой человек может получить кровавый нос, должна быть незаконной, в то время как боксерский поединок, в котором один тяжеловес пытается нокаутировать противника, и ему причинён существенный вред здоровью, должен быть законным.

Также, на настоящий момент ведутся оживлённые споры по вопросу целесообразности рассмотрения согласие лица на оказание ему медицинской помощи как самостоятельного обстоятельства, исключаящего преступность деяния. Можно утверждать, что медицинский сотрудник, действуя добросовестно, желает наступления ощутимого положительного результата, и согласие жертвы не имеет особого значения. Но именно добровольное информированное согласие пациента на медицинское вмешательство позволит не допустить привлечение к уголовной ответственности заведомо

¹ Bergelson Vera, Consent to Harm (July, 17 2008). Pace Law Review, Forthcoming; Rutgers School of Law-Newark Research Papers No. 023. С. 102.

невиновного медицинского работника¹. Однако это будет возможно при разработке конкретных условий применения нового обстоятельства, исключающего преступность деяния, среди которых должны быть следующие: полная информированность пациента, своевременность добровольного согласия и его осознанность, субъект медицинского вмешательства, письменная форма согласия.

Отдельным проявлением в действующем уголовном законе правовой природы согласия лица на причинение ему вреда является Примечание к ст. 122 УК РФ: в случае если лицо добровольно согласилось на действия, создавшие опасность заражения ВИЧ-инфекцией, виновное лицо освобождается от уголовной ответственности. Это является положительным опытом работы института согласия лица на причинение ему вреда. Так, в Соединенных штатах Америки лишь 8 штатов признают аналогичную ситуацию как позитивную защиту, то есть лицо не будет подлежать уголовной ответственности за совершение указанного выше деяния. А еще десять штатов устанавливают юридическую ответственность за отказ лица раскрыть свой ВИЧ-статус, что создает опасность заражения другого лица². Анализируя это, можно сказать, что российский законодатель подошел к регламентации данной ситуации с опережением общемировых тенденций, поскольку любое действие, которое не вписывается в спортивное или медицинское исключение, по определению является уголовно наказуемым, несмотря на связь с причинением консенсусного вреда.

Ситуации, в которых может быть применено юридическое согласие на причинение вреда его охраняемым законам интересам, в современных реалиях очень разнообразны: начиная с садомазохистских проявлений, заканчивая расстройством идентичности целостности тела, при котором лицо сильно хочет стать инвалидом. Соответственно, законодателю следует использовать надлежащие средства уголовной политики, чтобы поддерживать законодательство в актуальном состоянии, в зависимости от границ проявления личной ответственности каждого гражданина.

Список литературы:

Bergelson Vera, Consent to Harm (July 17, 2008). Pace Law Review, Forthcoming; Rutgers School of Law-Newark Research Papers No. 023.

Сариев О.М. Обоснованный риск в медицинской деятельности и условия его правомерности // Вестник ТГУ. 2015. №5 (145). С.21–26.

¹ Сариев О.М. Обоснованный риск в медицинской деятельности и условия его правомерности // Вестник ТГУ. 2015. №5 (145). С.21–26.

² Эти штаты: Арканзас, Калифорния, Джорджия, Луизиана, Мичиган, Миссури, Нью-Джерси, Огайо, Оклахома и Южная Каролина (прим. автора).

Уголовная ответственность за получение взятки в государствах-членах СНГ и странах Балтии (сравнительно-правовой анализ)

Criminal Liability for Taking Bribes in the CIS and Baltic States (Comparative Legal Analysis)

Аннотация: В статье проанализированы уголовно-правовые нормы, регламентирующие уголовную ответственность за получение взятки в государствах-членах СНГ и странах Балтии. Автор обращает внимание на то, что в уголовных кодексах многих стран СНГ предусмотрены и другие составы преступлений коррупционного характера, которые хотя формально совпадают с нормами, устанавливающими уголовную ответственность за взяточничество, но в связи с разницей в статусе субъекта получением взятки не считаются.

Проведенный сравнительно-правовой анализ уголовных законодательств, среди нескольких государств-участников СНГ и стран Балтии в сфере уголовной ответственности за взяточничество автору дает основание сделать вывод о том, что, без исключения, во всех государствах для противодействия взяточничеству и коррупционным преступлениям особое значение придано уголовно-правовым нормам.

Abstract: The article analyzes the criminal law rules governing criminal liability for bribery in the CIS and Baltic States. The author draws attention to the fact that the criminal codes of many CIS countries include different norms on corruption crime which although formally coincide with the rules establishing criminal liability for bribery, but due to the difference in the status of the subject are not considered bribery. The comparative legal analysis of criminal legislation among several CIS and Baltic States in the field of criminal liability for bribery gives the author a reason to conclude that, without exception, in all states particular importance to criminal law norms is considered very important to counter bribery and corruption crimes.

Ключевые слова: взяточничество, имущественная выгода, незаконное вознаграждение.

Key words: bribery, property benefit, illegal gratification.

Опыт зарубежных стран в сфере регламентации служебных преступлений, в том числе ответственности за взяточничество, очень разнообразен, зачастую противоречив и переменчив (даже когда речь идет об одной и той же стране), содержит как положительные, так и отрицательные моменты.

Уголовное законодательство по-разному определяет ответственность за должностные преступления. Взяточничество занимает одно из первых мест среди них.

Из всего разнообразия правовых систем зарубежных стран мы остановимся на законодательных положениях, устанавливающих ответственность за взяточничество в отдельных государствах-членах СНГ и стран Балтии. Они представляют наибольший интерес, поскольку недалеко прошлом эти страны вместе с Россией и Арменией входили в состав общего государства – СССР, и законодательные системы этих стран имеют много общего между собой. С другой стороны, имеются определенные различия в формулировках составов получения, дачи взятки и посредничества во взяточничестве.

Так, в первую очередь, это относится к понятию должностного лица, как специальному субъекту получения взятки. В уголовных кодексах ряда стран отсутствует разделение уголовно-правовых норм, обусловленных сферой деятельности виновного.

Так, согласно примечания ст.364 УК Украины 2001 г., должностным считается лицо, постоянно или временно исполняющее функции представителя власти, а также, независимо от формы собственности—постоянно или временно исполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные обязанности в организациях, агентствах, предприятиях или осуществляющее такие обязанности с отдельным полномочием¹. То же присуще уголовному законодательству Республики Беларусь, Узбекистана и Эстонии.

При анализе уголовных кодексов государств-членов СНГ можно выделить и отличия. Например, п. 4 ст. 4 УК Беларуси определяет понятие должностного лица в Общей части уголовного кодекса, в то время как в большинстве стран понятие дается в Особенной части, в том числе, в Республике Армения и Российской Федерации (далее—РФ).

В соответствии со ст. 4 УК Беларуси, должностными лицами являются: а) представители власти, в том числе депутаты представительных органов различных уровней; б) представители общественности, то есть лица, не являющиеся государственными служащими, но при исполнении в установленном порядке обязанностей по охране общественного порядка, при осуществлении правосудия и в борьбе с правонарушениями наделены полномочиями представителя власти; в) лица, которые постоянно или временно или с отдельными полномочиями в учреждениях, организациях, агентствах, на предприятиях (независимо от формы собственности), вооруженных силах, иных войсках или воинских объединениях Республики Беларусь занимают должности; г) лица, осуществляющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные обязанности, или лица, уполномоченные в установленном порядке совершать значимые юридические действия; и д) должностные лица иностранных государств, члены иностранных публичных собраний, должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов².

Понятие должностного лица, в Уголовном кодексе Беларуси, близко к определению должностного лица, в уголовном законе России. Отличие лишь в том, что в уголовном законодательстве РФ различают несколько групп должностных лиц, критериями которых является совокупность прав и обязанностей, позволяющих принимать юридически значимые решения и совершать действия, определяющие судьбу людей и вещей, сфера в которой должностные лица осуществляют свою деятельность.

Примечание 1 к ст. 285 УК РФ содержит общее понятие должностного лица, примечание 2 - понятие лица, занимающего государственную должность, при этом, в эту группу входят лица, занимающие должности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации, федеральными консти-

¹ Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341 – III // Ведомости Верховной Рады Украины. 2001. № 25-26. Ст. 131.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 15 октября 1999 г. № 76. 2/50.

туционными законами и федеральными законами. В примечании 3 дается понятие государственного должностного лица субъекта Российской Федерации, а в примечании 4 указано, что не относящиеся к числу должностных лиц государственные и муниципальные служащие, несут уголовную ответственность по статьям главы 30 УК РФ в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями¹.

Статья 316 Уголовного кодекса Латвии 1998 г. государственным должностным лицом считает представителей государственной власти, а также любого лица, который постоянно или временно исполняет обязанности государственного служащего или служащего местного самоуправления, тех, кто имеет право принимать или осуществлять обязательные для других лиц функции контроля, надзора, дознания, наказания или распоряжаться имуществом и финансовыми средствами государства или местного самоуправления².

Однако, несмотря на существенные различия в понятии должностного лица в Уголовных кодексах Латвии и Армении, заметен общий подход – понятие должностного лица раскрывается через возложенные на него обязанности и функции.

Согласно ст. 160 УК Эстонии, должностным считается лицо, которое занимает должность в организациях, агентствах, предприятиях, основанных на любой форме собственности, если на него возложены организационные, контрольные, управленческие, оперативные обязанности, обязанности по урегулированию движения материальных ценностей или функции представителя власти³. Здесь также понятие должностного лица раскрывается через возложенные на него функции.

Достаточно общее понятие должностного лица дано в УК Узбекистана, согласно которому должностным лицом считается лицо, наделенное административно-хозяйственными, управленческими и организационными полномочиями и не наделенное качествами ответственного должностного лица⁴. При этом, по уголовному законодательству Узбекистана, к категории ответственных должностных лиц относятся практически все лица, которые по уголовному законодательству Республики Армения являются «прямыми» должностными лицами, иначе говоря, это: а) лица, постоянно, временно или по особому полномочию осуществляющие функции представителя власти, и б) лица, постоянно, временно или по особому полномочию осуществляющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государст-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Уголовный кодекс Латвийской Республики. Принят 8 июля 1998 г. Введен в действие с 1 апреля 1999 г. С изменениями и дополнениями на 1 августа 2001 г.: Перевод с латышского / Науч. ред.: Лукашов А.И. (Пер.), Саркисова Э.А. –С.–Пб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 313 с.

³ Уголовный кодекс Эстонской Республики. С изменениями и дополнениями на 1 августа 2001 г. / Науч. ред.: Запелов В.В. (Пер.); Вступ. ст.: Мацнев Н.И. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 262 с.

⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-ХII // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995 г. № 1. Ст. 3.

венных органах, органах местного самоуправления, их организациях, а также в вооруженных силах, других войсках и воинских объединениях Республики Армения.

Таким образом, по уголовному законодательству государств-членов СНГ и стран Балтии, для понятия должностного лица необходимо определить его в соответствии с возложенными на него обязанностями и функциями.

Следует также обратить внимание, что в уголовных кодексах некоторых государств-членов СНГ выделены несколько категорий должностных лиц, причем в связи с видом деятельности должностного лица. В частности, дифференцирована ответственность должностных лиц за взяточничество. Так, ч. 2 ст. 368 УК Украины в качестве квалифицирующего признака получения взятки называет совершение преступления должностным лицом, занимающим ответственную должность, а ч. 3 той же статьи – особо ответственную позицию. Указанные квалифицирующие признаки на первый взгляд схожи с признаками ст. 173 УК Армянской ССР, но в то же время существенно отличаются от нее. В современном уголовном кодексе Украины они не являются оценочными (как это было в уголовном кодексе Армянской ССР), в ч. 2 ст. 368 УК Украины дается понятие должностного лица, занимающего ответственную или особую ответственную позицию. Она является ссылочной. Но при этом заслуживает внимания тот факт, что к должностным лицам, занимающим ответственное положение, относятся также судьи, прокуроры и следователи.

Так же в уголовном законодательстве Белоруссии (ч. 3ст. 430) к категории специальных ответственных должностных лиц относятся судьи, сотрудники правоохранительных органов, а также руководители органов государственного контроля, руководители органов национальной безопасности, финансового расследования, таможенных органов и их заместители.

В уголовных законодательствах Украины и Белоруссии для сотрудников правоохранительных и судебных органов установлена более строгая ответственность за получение взятки. Такое положение отсутствует в армянском уголовном законодательстве –предусматривается только получение взятки судьей в качестве как специального субъекта. По уголовному кодексу Узбекистана ответственными должностными лицами считаются: а) представители власти; б) лица, которые постоянно или временно занимают избираемые или назначаемые должности в государственных агентствах, организациях или предприятиях, наделенных управленческими, организационными или административно-хозяйственными обязанностями и уполномочены совершать действия, имеющие юридическое значение; в) руководители предприятий, организаций и агентств других видов собственности, представители общественности, которые в установленном порядке наделены властными полномочиями государственного управления.

Таким образом, список ответственных должностных лиц достаточно широк. Все лица, которые, по УК Армении являются должностными лицами, согласно уголовному законодательству Узбекистана считаются ответственными и подлежат более строгой ответственности.

Необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что зафиксированный уголовным законом Армении субъект взяточничества содержит более широкое содержание. В соответствии с ч. 4 ст. 308 УК РА должностными лицами считаются также: а) лица, осуществляющие функции государственного должностного лица иностранного государства в соответствии с внутрисударственным правом данного государства, а также члены законодательного органа или осуществляющие административные полномочия какого-либо представительского органа иностранного государства; б) должностные лица международной или наднациональной общественной организации или ее органа, членом которой является Республика Армения, либо в случаях, предусмотренных регламентами этой организации или ее органа, работники по договору или другие лица, выполняющие функции, соответствующие функциям, осуществляемым такими должностными лицами или работниками; в) члены международной или наднациональной организации, членом которой является Республика Армения, парламентской ассамблеи или другого органа, осуществляющего такую функцию; г) осуществляющие судебные функции члены или должностные лица международного суда, правомочия которого признаны Республикой Армения; и д) присяжные заседатели судов иностранных государств.

В этом вопросе среди государств-участников СНГ только в уголовных кодексах России и Беларуси определение субъектов взяточничества близко к уголовному законодательству РА.

Следует отметить, что в уголовных кодексах многих стран СНГ, в том числе и в уголовном кодексе Республики Армения, предусмотрены и другие составы преступлений коррупционного характера, которые формально совпадают с нормами, устанавливающими уголовную ответственность за взяточничество, однако в связи с разницей в статусе субъекта получением взятки не считаются. Они, в основном, касаются деяний совершаемых общественными служащими, не являющимися должностными лицами: получение незаконного вознаграждения и т.д.

Поводя итог, можно с уверенностью сказать, что сравнительно-правовой анализ уголовных законодательств, проведенный среди нескольких государств-участников СНГ и стран Балтии в сфере уголовной ответственности за взяточничество дает основание сделать вывод о том, что, несмотря на определенные различия в описании субъектов, основные моменты уголовной ответственности за взяточничество схожи друг с другом. Без исключения, во всех государствах для противодействия взяточничеству и коррупционным преступлениям особое значение придано уголовно-правовым нормам, а с учетом высокой общественной опасности этих преступлений, проявлен дифференцированный подход.

Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение: проблемы теории и практики

Unjustified Refusal of Employment and Unjustified Dismissal: Theory and Practice

Аннотация: В статье дан анализ составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лиц предпенсионного возраста (ст. 144.1 УК РФ), беременных женщин или женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ). Выявлены проблемные аспекты данных норм, а именно трудности доказывания необоснованного отказа или увольнения, конкуренция с общей нормой (ст. 136 УК РФ), проблемы разграничения составов с административными правонарушениями и неприменение на практике данных норм. В заключении обосновывается позиция о необходимости декриминализации рассматриваемых составов преступлений.

Abstract: The article analyzes such crimes as an unjustified refusal to hire or unjustified dismissal of persons of pre-retirement age (article 144.1 of the Criminal code), pregnant women or women with children under the age of three years (article 145 of the Criminal code). The problematic aspects of these rules are: the difficulty of proving unjustified refusal or dismissal, competition with the general rule (Art. 136 of the Criminal code), the problem of differentiation these crimes from administrative offenses, and the non-application in practice of these rules. In conclusion the author states the necessity of decriminalization the considered crimes.

Ключевые слова: необоснованный отказ, увольнение, предпенсионный возраст, беременная женщина, работодатель.

Key words: unjustified refusal, dismissal, pre-retirement age, pregnant woman, employer.

Ст. 64 Трудового кодекса РФ накладывает запрет на необоснованный отказ от заключения трудового договора, однако уменьшение количества рабочих мест и рост безработицы создают негативные условия для трудоустройства и способствует росту дискриминационных мотивов при решении работодателем вопроса о заключении трудового договора, особенно для лиц, впервые устраивающихся на работу, лиц предпенсионного возраста и беременных женщин или женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет. В настоящий момент уголовный закон защищает две категории граждан от необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения: лиц, достигших предпенсионного возраста (ст. 144¹ УК РФ) и беременных женщин или женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ).

Однако в судебной практике практически отсутствуют решения о признании отказа в приеме на работу или увольнения необоснованным. Если учесть, что ст. 144¹ УК РФ была введена Федеральным законом от 3 октября 2018 года¹ и практика ее применения пока еще отсутствует, то в отношении состава преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации представлены данные,

¹ Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 41. Ст. 6192.

согласно которым в 2018 году по этой статье вынесено всего 2 обвинительных приговора (в 2017 году - 2, а в 2016 - 1, в 2015 и 2014 - 0)¹. Представляется, что ситуация применения ст. 144¹ УК РФ будет аналогична ст. 145 УК РФ. В теории уже высказывается мнение, что для того, чтобы обезопасить себя, работодатели станут заключать с работниками этой категории не бессрочные, а срочные трудовые договоры и после истечения его срока увольнять работника именно по этому основанию², что также сделает невозможным привлечение к уголовной ответственности работодателей.

В таком случае возникает вопрос: действительно ли необходимо защищать право на труд указанных категорий граждан механизмами уголовного законодательства?

Рекомендации, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. N 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса РФ)», на наш взгляд, не повышают гарантии защиты права на труд для рассматриваемых категорий граждан. В п. 16 Постановления идет речь о том, что наказание грозит работодателю, только если он руководствовался соответствующим дискриминационным мотивом, связанным с достижением предпенсионного возраста, беременностью или наличием у женщины детей до трех лет. Привлечение работодателя к уголовной ответственности также возможно, если работник уволился из организации по своей инициативе, но доказано, что его вынудили уйти из-за его «особого статуса»³.

Так, мировой судья Шахтинского судебного района Ростовской области вынес обвинительный приговор 18 августа 2016 года в отношении П.П. Черепанцева. Он, как генеральный директор общества с ограниченной ответственностью, был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ. При этом судом было установлено, что Черепанцев, зная о беременности работницы, отказался принимать от нее заявления о предоставлении очередного отпуска и оплачивать больничные листы. Достоверно зная о беременности женщины, составил не соответствующие действительности акты о ее прогуле и необоснованно издал приказ о расторжении трудового договора по основанию, предусмотренному подпунктом «а» п. 6 ч. первой ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации (за прогул) Суд приговорил гендиректора к наказанию в виде 100 часов обязательных работ.⁴

¹ Сведения о судимости в РФ. – Верховный Суд РФ. Официальный сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 25.06.2019)

² См.: Стюфеева И.В. Отказ в приеме на работу. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=93532#0527572718211828> (дата обращения 25.06.2019)

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. N 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса РФ)» // Российская газета – Федеральный выпуск – №7759 (1) – Январь 2019. (дата обращения 25.06.2019)

⁴ Постановление № 10-1/2017 10-41/2016 от 9 января 2017 г. по делу № 10-1/2017// URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 25.06.2019).

Исходя из смысла ст. 64 ТК РФ, необоснованным признается отказ, не связанный с деловыми качествами лица, ищущего работу. В научной литературе высказывается мнение, что «... необоснованным считается отказ в приеме на работу, не обусловленный оценкой деловых качеств работника, т.е. дискриминационный - связанный с личностными либо физическими особенностями кандидата, его политическими или религиозными убеждениями и другими факторами, не имеющими отношения к подлежащей выполнению работе...»¹. Приведенный тезис вызывает вопрос о связи общей (ст. 136 УК РФ) и специальных норм (ст. 144¹ и 145). Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение являются разновидностью дискриминации. Преступление, предусмотренное ст. 136 УК РФ, относится к числу преступлений средней тяжести: на его совершение предусмотрено максимально строгое наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет. В то же время по ст. 144¹ УК РФ и ст. 145 УК РФ наиболее строгое наказание ограничивается обязательными работами на срок до 360 часов (что означает отнесение данного состава к преступлениям небольшой тяжести). Создалась ситуация, когда категории граждан, чье право на труд должно охраняться наиболее строго, оказались менее защищенными по сравнению с другими категориями граждан. Существенное понижение пределов санкции за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей ребенка в возрасте до 3 лет, а также лиц предпенсионного возраста не соответствует характеру общественной опасности и, по нашему мнению, не является справедливым.

Доказывание необоснованности увольнения или отказа в приеме на работу для лица, подвергшегося дискриминации, всегда затруднительно, и, соответственно, создает большие сложности для органов предварительного следствия и суда. Необоснованность увольнения как еще одно основание для привлечения к уголовной ответственности также сложно доказуемо в условиях, когда у работодателя в арсенале много иных ресурсов, оперируя которыми, он может создать видимость законного увольнения работника: например, срочный трудовой договор или сокращение. Факт необоснованного отказа при приеме на работу можно доказать только в том случае, если собеседование проводилось при свидетелях либо осуществлялась аудио- (видео-) фиксация, имеется письменный отказ. Кроме того, работодатель должен четко заявить о том, что отказывает в приеме на работу именно потому, что женщина является беременной либо имеет детей, не достигших трехлетнего возраста, или лицо достигло предпенсионного возраста, а такие ситуации на практике не встречаются.

Нельзя не сказать о существующей проблеме отграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 144¹ УК РФ и ст. 145 УК РФ, от состава

¹ Чиканова Л.А., Нуртдинова А.Ф. Практика применения законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора // Хозяйство и право. – 2013. - № 1. – Приложение к номеру.- С.11.

административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.27 КоАП РФ (нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права). Составы преступлений, описанные в ст. 144¹ УК РФ и ст. 145 УК РФ, сконструированы как формальные – являются оконченными с момента необоснованного отказа в приеме на работу или увольнения по мотивам достижения предпенсионного возраста или же беременности или наличия детей до трех лет. Состав правонарушения ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ также можно назвать формальным. Представляется, что не существуют в приведенных нормах признаки, по которым можно было их разграничить. Нет указания ни на характер, ни на значимость наступивших последствий. Создалась ситуация, в которой нет четкого понимания, когда наступает административная, а когда уголовная ответственность. К.В. Дядюн в одной из своих работ приводит пример, когда была уволена беременная женщина, причем работодатель публично озвучил причину увольнения – беременность работницы. Работодатель был привлечен к административной ответственности и после уплаты штрафа в размере 4000 рублей материалы дела были переданы в следственный отдел, где было возбуждено уголовное дело по ст. 145 УК РФ¹. Во избежание похожих ситуаций, считаем, что нормы, предусматривающие ответственность за однотипные деяния, в различных отраслях права, должны быть сконструированы таким образом, чтобы было понятно, когда работодатель будет привлекаться к гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности.

Таким образом, анализ составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 144¹ и 145 УК РФ, дает основание предположить, что данные нормы служат больше для психологического воздействия на работодателей и снижения социальной напряженности в обществе из-за происходящих в социальной сфере государства изменений. В связи с повышением пенсионного возраста в рамках реформирования пенсионной системы в 2018 году актуальность защиты права на труд для лиц старшего возраста увеличилась, однако представляется, что введение ст. 144¹ УК РФ не будет служить для эффективной защиты права на труд лиц данной категории, как это предусматривается ст. 145 УК РФ. Вероятно, необходимо декриминализовать данные нормы, так как существующий порядок гражданского и административного судопроизводства способен защитить трудовые интересы лиц предпенсионного возраста и беременных женщин без использования наиболее жесткого ресурса государства - привлечения к уголовной ответственности работодателя. К тому же, процедура привлечения к административной ответственности менее затратна и трудоемка, чем уголовное судопроизводство, а, значит, декриминализация данных составов позволит разгрузить следственные органы и суды.

¹ См.: Дядюн К.В. Регламентация объективных признаков состава преступления, предусмотренно ст. 145 УК РФ: вопросы совершенствования законодательного подхода и правоприменения// Российский юридический журнал. - 2014. - №3. – URL: <http://www.ruzh.org/?q=node/4&kodart=3097> (дата обращения 20.06.2019).

Список литературы

Дядюн К.В. Регламентация объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ: вопросы совершенствования законодательного подхода и правоприменения // Российский юридический журнал. - 2014. - №3. - URL: <http://www.ruzh.org/?q=node/4&kodart=3097> (дата обращения 20.06.2019).

Сведения о судимости в РФ. - Верховный Суд РФ. Официальный сайт. - URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 25.06.2019)

Стюфеева И.В. Отказ в приеме на работу. - URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=93532#0527572718211828> (дата обращения 25.06.2019)

Чиканова Л.А., Нуртдинова А.Ф. Практика применения законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора // Хозяйство и право. - 2013. - N 1. - Приложение к номеру. - С.5-64.

Давиденко М.А.

Религиозный терроризм: понятие и содержание

Religious Terrorism: Concept and Content

Аннотация: в работе анализируются различные представленные в научной литературе подходы к определению терроризма, идеологическую основу которого составляют ультраправые религиозные учения. На основе сопоставления различных точек зрения в вопросе о сущности религиозного терроризма делается вывод о подмене истинных духовных ценностей, исповедуемых различными видами мировых религий, для оправдания террористической (преступной) деятельности, а также обозначаются отличительные признаки религиозного терроризма

Abstract. The paper analyzes various approaches to the definition of terrorism presented in the scientific literature, the ideological basis of which are ultra-right religious teachings. Based on a comparison of different points of view on the nature of religious terrorism, a conclusion is made about the substitution of true spiritual values professed by various types of world religions to justify terrorist (criminal) activities. The author identifies the distinctive signs of religious terrorism.

Ключевые слова: террористическая деятельность, религиозный терроризм, духовные ценности, цели и методы террористической деятельности, религиозное оправдание террористической деятельности.

Key words: terrorist activities, religious terrorism, spiritual values, goals and methods of terrorist activities, religious justification of terrorist activities.

Терроризм в настоящее время представляет собой угрозу мирового значения, что находит свое подтверждение в значительном количестве нормативных источников не только отдельно взятых стран, но и общего международного значения. Например, первое правовое определение терроризма дано на Мадридской конференции по унификации уголовного законодательства еще в 1934 году, по результатам которой терроризм было предложено рассматривать в качестве применения какого-либо средства, способного терроризировать население в целях уничтожения всякой социальной организации. На протяжении значительного периода времени нормативные подходы по определению сущности данного опаснейшего социально-политического явления принципиально не изменились. В современном российском законодательстве терроризм рассматривается как «идеология насилия и практика воздействия на принятие ре-

шения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»¹.

Современные исследователи демонстрируют различные подходы к определению основных признаков терроризма, а потому нам наиболее предпочтительной представляется мнение Я.И. Гилинский, предложившего определять терроризм как социально-негативное явление, обладающее совокупностью следующих признаков: 1) систематическое устрашение, провоцирование, дестабилизация общества насилием; 2) форма угрозы насилием или применение насилия по политическим мотивам; 3) применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей; 4) насильственные действия или угроза их применения со стороны объектов политики и преследование ими политических целей; 5) систематическое использование убийств, телесных повреждений или угроз перечисленных действий для достижения политических целей; 6) метод политической борьбы, который состоит в систематическом применении ничем не ограниченного, не связанного с военными действиями физического принуждения, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников².

В источниках криминологической литературы «терроризм» довольно часто рассматривается как синоним термина «экстремизм», хотя очевидно при некоторой схожести и взаимозависимости данных явлений, они имеют и вполне определенные различия. Тем не менее это находит свое отражение и на уровне законодательных предписаний: в Федеральном законе Российской Федерации от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в ст. 1 которого указывается, что одной из форм осуществления экстремистской деятельности является «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность»³.

В большинстве новейших научных исследованиях экстремизм предстает как основополагающая идеология терроризма, причем определяющая как особенности идеологического воздействия, так и специфику насильственных действий. «Экстремизм есть изначальное отрицание всякого чувства меры. Он оперирует искаженными, деформированными представлениями о действительности, по крайней мере в той ее части, где пытаются реализовать свои цели, как ближайшие, так и более отдаленные. В языке это выражается в крайности суждений, безапелляционности, категоричности. В практической деятель-

¹ См.: ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. - 2006. - №11. - Ст. 1146.

² См.: Гилинский Я.И. Терроризм: понятие, сущность, перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2005. - №1. - С. 17-18. Также см.: Шестаков Д.А. Терроризм и террор в отечественной политической криминологии (политико-криминологическое эссе) // Следователь. - 2003. - №2. - С. 43-45; Этнорелигиозный терроризм: Монография / Под общ. ред. Ю.М. Антоняна. - М., 2006. - С. 11; и др.

³ См.: Федеральный закон от 25.07.2002 г. №114-ФЗ (в ред. от 23.11.2015 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» - URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 27.06.2019).

ности это неизбежно приводит к насилию»¹. Связь терроризма и экстремизма особенно ярко проявляется на уровне идеологии, системы взглядов оправдывающих насилие. «С одной стороны, экстремистские теории нередко оправдывают любые средства, включая терроризм, для достижения выдвинутых ими целей; а с другой, терроризм зачастую обосновывается именно экстремистской идеологией»².

Таким образом, несмотря на имеющиеся расхождения во мнениях относительно того, является ли терроризм разновидностью экстремизма или самостоятельным явлением, несомненно, что терроризм обладает своими особенностями – нелегитимным использованием насилия (физического и психического) и устрашением непосредственных объектов посягательств с целью побуждения государственных органов, общественных и международных организаций, а также отдельных групп населения к определенным вариантам поведения, отвечающим интересам террористов.

Проведенный анализ содержания понятий «терроризм» и «экстремизм» в научной литературе свидетельствует, что зачастую эти понятия употребляются как синонимы, при этом имея разную сущность и признаки. Можно утверждать, что рассматриваемые явления социальной действительности весьма тесно связаны между собой, но могут выступать и самостоятельными объектами исследования, которые не всегда детерминированы друг с другом. Экстремизм, который с одной стороны выступает как идеология, оправдывающая и направляющая терроризм, с другой стороны проявляется в виде незаконных, и довольно часто насильственных действиях, которые в ряде случаев могут выступать в виде стратегии и тактики устрашения, то есть терроризма, целью которого является стремление продемонстрировать несогласие со сложившимися общественными отношениями, продемонстрировать обществу и государству свою позицию, вызвать определенный общественный резонанс. Исходя из этого положения, терроризм может выступать в качестве активной формы проявления идеологии экстремизма, так как именно с помощью террористической деятельности экстремисты пытаются достичь своих целей, воздействуя на общественные и государственные институты. Причиной множественности существующих подходов к определению сущности и содержания экстремизма видится, прежде всего, в том, что сам феномен экстремизма в своих проявлениях отличается чрезвычайной многоплановостью, и в существующих законодательных актах нередко олицетворяется с терроризмом.

Определившись с понятием терроризма и его признаками необходимо обратиться к выделению характерных черт религиозной направленности этого явления. Само понятие «религиозный терроризм» еще во многом остается не определенным и не устоявшимся – многие авторы, рассматривая виды терроризма выделяют национальный или религиозный тип, тем самым

разделяя рассматриваемое нами явление. Вместе с тем стоит признать, что в последние годы термин «религиозный терроризм» получает все большее использование в научной литературе. В этой связи обратимся к немногочисленным исследованиям, раскрывающим сущность данного понятия.

Так, Ю.М. Антонян понимает этнорелигиозный терроризм как преступление, которое стимулируется мотивами обеспечения торжества своей нации или (и) религии, реализации национальных и религиозных идей, в том числе сепаратистских, за счет подавления или даже уничтожения других национальных и религиозных групп (причем в рамках одной религии)¹.

Данная точка зрения схожа с мнением Р.Ю. Казакова, которым под этнорелигиозным терроризмом понимает преступление, которое стимулируется мотивами обеспечения торжества своей нации (расы) или (и) религии, реализации национальных и религиозных идей, в том числе сепаратистских, за счет подавления или даже уничтожения других национальных или религиозных групп².

Исходя из анализа вышеизложенных точке зрения, мы полагаем, что его характерными признаками отличающегося религиозный терроризм от других видов террористической деятельности являются: 1) совершение насильственных действий с целью устрашения населения, создания атмосферы страха и паники среди групп населения отличающихся от террористов своей конфессиональной (религиозной) принадлежностью; 2) осознанное насилие с целью провозглашение своих идей и требований, основанные на превосходстве своей группы в силу ее религиозной принадлежности.

В то же время следует обратить внимание на то, что в действительности все учения мировых религий исповедуют, по сути, единые общечеловеческие ценности. В этой связи различные исламистские ультраправые течения, в действительности искажают общее представление идей Ислама в целях оправдания лиц, осуществляющих террористическую деятельность и нарушающих тем самым не только предписания светского законодательства, но и религиозные заповеди³. Поэтому по своей социально-криминологической сущности терроризм и религиозный терроризм представляют собой единое социально-опасное явление с той лишь разницей, что «религиозность» террористической деятельности используется организаторами террористических актов и идеологами-функционерами террористических организаций и групп в качестве повода и (или) оправдания осуществления преступлений террористического характера, подрывающих общественную безопасность.

¹ См.: Антонян Ю.М. Природа этнорелигиозного терроризма // Российский следователь. – 2004. – №6. – С. 18.

² См.: Казаков Р.Ю. Этнорелигиозный терроризм и его предупреждение: Автореф. дис. ... канд.юрид. наук. – М., 2006. – С. 10.

³ См.: Вишнякова П.С., Дзюбан В.В. Отрицание ИГ(ИЛ) как феномена религиозного вызванного терроризма // Вестник института мировых цивилизаций. – 2018. – Т. 9. – №4. – С. 86.

¹Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – №1. – С. 234.

²Коровиков А. В.Исламский экстремизм в арабских странах. – М., 1990. – С. 11.

Список литературы

- Антонян Ю.М. Природа этнорелигиозного терроризма // Российский следователь. – 2004. – №6. – С. 13-19.
- Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – №1. – С. 224-235.
- Вишнякова П.С., Дзюбан В.В. Отрицание ИГ(ИЛ) как феномена религиозного вызванного терроризма // Вестник института мировых цивилизаций. – 2018. – Т. 9. – №4. – С. 85-87.
- Гилинский Я.И. Терроризм: понятие, сущность, перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2005. – №1. – С. 17-21.
- Казаков Р.Ю. Этнорелигиозный терроризм и его предупреждение: Автореф. дис. ... канд.юрид. наук. – М., 2006. – 27 с.
- Коровиков А. В. Исламский экстремизм в арабских странах. – М.: Наука, 1990. – 167 с.
- Шестаков Д.А. Терроризм и террор в отечественной политической криминологии (политико-криминологическое эссе) // Следователь. – 2003. – №2. – С. 43-46.
- Этнорелигиозный терроризм: Монография / Под общ. ред. Ю.М. Антоняна. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 320 с.

Зокина А.М.

Ответственность за совершение транспортных преступлений по законодательству Англии

Responsibility for Committing Traffic Offenses under the Laws of England

Аннотация: в представленной работе анализируются отдельные положения уголовного законодательства Англии об ответственности за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. В результате исследования устанавливаются специфические (комплексные) юридические признаки составов транспортных преступлений: особенности эксплуатации, место совершения преступления и др., а также обстоятельства, влияющие на выбор наказания за совершение транспортного преступления.

Abstract. The author analyses certain provisions of the criminal law of England on liability for traffic violations and operation of vehicles. As a result of the study author describes specific (complex) legal indications of the transport offenses: features of exploitation, crime scene, etc., as well as circumstances affecting the choice of punishment for committing a traffic crime. **Ключевые слова:** транспортное преступление, уголовное законодательство Англии, юридические особенности совершения и квалификации транспортных преступлений, уголовное наказание.

Key words: traffic offense, criminal law of England, legal specific of the committing and defining traffic offenses, criminal penalty.

В законодательстве Англии ответственность за совершение транспортных преступлений регламентирована достаточно казуистично, что вызвано рядом причин, включая отсутствие единого кодифицированного уголовного закона. В этой связи основным нормативным актом об уголовной ответственности за общественно опасную эксплуатацию транспортных средств признается Road Traffic Act 1988 (закон о дорожном движении), который определяет комплекс уголовно-наказуемых деяний в указанной сфере¹.

¹ См.: The Road Traffic Act 1988. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/52/> (дата обращения: 28.06.2019).

Кроме него, нормативно-правовую базу об уголовной ответственности за транспортные правонарушения составляют: Road Traffic Offenders Act 1988 (закон о нарушителях дорожного движения), в котором определены процедурные вопросы уголовного преследования и особенности назначения уголовного наказания за преступления в сфере безопасности дорожного движения; Road Traffic Regulation Act 1984 (закон о регулировании дорожного движения)¹, регламентирующий особенности организации транспортного движения в населенных пунктах Англии; а также иные нормативные акты.

В силу исторических особенностей развития и применения законодательства о преступлениях в сфере дорожного движения, нарушающих безопасность вождения и эксплуатации транспортных средств, к преступлениям этого вида правоприменители и закон относят возможность вынесения альтернативных приговоров за деяния, сходные с теми, в которых лицо обвиняется. Так, например, при безуспешном обвинении лица в непредумышленном убийстве, связанном с движением транспортного средства, возможно его осуждение за причинение смерти в результате опасного вождения, либо в результате небрежного вождения под влиянием алкоголя или наркотиков, либо за опасное вождение, либо за преступление против личности (Offences against the Person Act 1861 (furious driving) – агрессивное вождение по ст. 35 закона (ст. 33 Road Safety Act 2006).

Как известно, в англо-саксонской правовой доктрине отсутствует привычное российскому подходу понятие преступления. В Оксфордском словаре по праву дается следующее его определение: «действие (иногда бездействие), которое рассматривается законом или общим правом в качестве вредного для общества и, следовательно, наказуемого государством путем уголовного преследования»².

Таким образом, можно заметить, что важное значение имеет материально-правовая составляющая последствий. В связи с чем многие опасные деяния, влекущие последствия в виде смерти, в зависимости от «контекста» (обстоятельств и вины) могут быть квалифицированы по-разному.

«Для привлечения лица к уголовной ответственности требуется установить ряд обязательных признаков, присущих и транспортным, и другим преступным деяниям»³.

«В общем праве базовой является доктрина, согласно которой лицо не может быть осуждено за совершение преступления до тех пор, пока обвинение не докажет «вне всяких разумных сомнений», что, во-первых, лицо совершило определенное деяние, или что ответственность должна быть возложена на него за существование определенного положения дел, которое

¹ См.: The Road Traffic Regulation Act 1984. – URL : <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/27/> (дата обращения: 28.06.2019).

² См.: Oxford Dictionary of Law edited by Elizabeth A. Martin, Oxford New York, Oxford University Press, 1997. – P. 119.

³ Чупрова Е. В. Ответственность за экономические преступления по уголовному праву Англии. – М., 2007. – С. 59.

запрещено уголовным законом (*actus reus* – виновное деяние), и, во-вторых, что оно имело определенное «состояние ума» в отношении деяния или существования такого положения дел (*mens rea* – виновный разум)¹. Данные положения имеют достаточное количество общих черт с учением о составе преступления в российском уголовном праве.

Все нарушения транспортного законодательства Англии относятся к поведенческим преступлениям – аналог формальных составов, определяемых нормами российского уголовного закона. Поведение лица признается преступным, если оно опасно эксплуатирует автомобиль, участвует в уличных гонках, управляет автомобилем, превысив допустимую дозу алкоголя, оставляет место дорожно-транспортного происшествия, не подчиняется требованию полиции об остановке, не предоставляет без уважительных причин биологические материалы для проведения теста на содержание алкоголя. Последствия, наступившие в результате таких действий, увеличивают опасность нарушения и рассматриваются как квалифицирующие признаки.

Для применения норм об ответственности за транспортное преступление, необходимо установить, что оно было выполнено с применением транспортного средства.

В английском праве транспортное средство определяется как механическое транспортное средство, которое предназначено или приспособлено для использования на дорогах и сконструировано для перевозки пассажиров, товаров или грузов любого назначения и не является мотоциклом или инвалидной коляской (ст. 185 Road Traffic Act 1988). В соответствии со ст. 189 и 193A Road Traffic Act 1988, не относится к транспортным средствам любое механическое средство передвижения, которое контролируется, используется, либо приспособлено для использования пешеходом, велосипед с электродвигателем, трамвай, тележки.

Помимо названных признаков, транспортное средство дополнительно характеризуется обязательностью регистрации, а его наличие у лица требует специального разрешения на управление им.

Для транспортных преступлений важно определить место его совершения. Транспортные средства предназначены для передвижения по общественным дорогам и шоссе. В тех случаях, если, управляя транспортным средством вне общественных дорог, лицо причинило вред здоровью или смерть, его поведение рассматривается как преступление против личности.

«Понятию *mens rea* в уголовном праве России наиболее адекватно понятие вины. При ее изучении для каждого конкретного преступления исследуется отношение лица к совершенному им деянию: было ли оно совершено намеренно (*intentionally*), либо лицо легкомысленно относилось к совершению им общественно опасного деяния (*recklessness*), либо оно совершило деяние путем непринятия мер «разумной заботы», т.е. вследствие своей небрежности. При этом «суды в решениях по делам не всегда

¹ Там же.

выделяют каждый конкретный элемент, в том числе и вину, хотя во многих случаях должно быть доказано наличие определенного состояния разума, указанное в конкретной уголовно-правовой норме»¹.

Транспортные посяательства совершаются без намерения виновного выполнить преступление, поэтому такие деяния относятся к преступлениям, известным, как «состояние дел», и совершаются легкомысленно, грубо неосторожно или безрассудно. Указание на неосторожность дается непосредственно в законе. Из этого следует, что как и в законодательстве России, уголовная ответственность за транспортные преступления в Англии наступает, преимущественно, за деяния, совершаемые по неосторожности, но повлекшие за собой тяжкие последствия: смерть человека, значительный материальный ущерб и др.

В английской правоприменительной практике для привлечения лица к ответственности за преступление, предполагающее нарушение правил эксплуатации транспортного средства, основное значение имеет установление уровня опасности вождения. В английских руководствах для представителей обвинения или по вынесению приговоров² как опасное вождение оцениваются: существенное превышение допустимой скорости автомобиля, «агрессивное» вождение, сопряженное с резким перестроением, экстренным торможением и др., нарушение требований сигналов светофора, дорожных знаков и знаков дорожной разметки; и т.п.

Наказание за опасное вождение по уголовному законодательству Англии зависит от вида судопроизводства. При рассмотрении дела в английском магистратском суде лицу назначается наказание в виде «штрафа в пределах пятого уровня по стандартной шкале или тюремное заключение на срок до шести месяцев или оба наказания одновременно. В королевском суде, по обвинительному акту лицу может быть назначено наказание в виде штрафа в пределах установленного максимума или тюремное заключение на срок до двух лет или оба наказания одновременно. Обязательной для лица, осужденного за опасное вождение, является дисквалификация на срок не менее одного года» (ст. 36 of the Road Traffic Offenders Act 1988).

При назначении наказания за опасное вождение учитываются как смягчающие, так и отягчающие обстоятельства. Так, к обстоятельствам, отягчающим наказание, английское правосудие относит: а) множественность транспортных преступлений или правонарушений; б) гибель нескольких человек; в) серьезный вред (в том числе имущественный), причиненный третьим лицам; г) ложные обвинения жертвы аварии; и др.

Напротив, смягчающими обстоятельствами признаются: а) получение самим лицом травм в аварии; б) близкие или родственные отношения с потерпевшим; в) действия потерпевшего или третьих лиц, способствовавшие

¹ См.: Чупрова Е. В. Указ. соч. С. 61.

² См.: SGC Definitive Guideline. – URL: <http://www.cps.gov.uk/legal/> (дата обращения: 28.06.2019).

совершению аварии; г) отсутствие опыта вождения, что внесло существенный вклад в данную ситуацию; и др.¹

Подводя итог проведенного исследования особенностей уголовной ответственности за деяния, связанные с опасной эксплуатацией транспортных средств в законодательстве Англии, следует отметить, что уголовная ответственность за деяния, связанные с опасной эксплуатацией транспортных средств, сущность которых складывается из совокупного нарушения различных установленных законом правил и характеризует поведенческую линию лица. Наибольшую общественную опасность при этом представляют опасное вождение и участие в уличных гонках. К числу запрещенных относятся действия, которые несут потенциальный вред. В таких случаях не требуется наступления последствий, а достаточно лишь установления факта совершения деяния. Последствия, как правило, являются квалифицирующими признаками таких преступлений.

Для обеспечения безопасности дорожного движения, сокращения тяжких последствий в виде человеческих жертв и тяжелых увечий, английский законодатель криминализировал сам факт грубого нарушения правил дорожного движения. Подобные запреты позволяют отразить негативную оценку со стороны общества безрассудного поведения на дорогах – уличных гонок, предотвратить жертвы этих действий. Для этого используется целый комплекс мер, связанных как с уголовным наказанием, так и с иными мерами правового воздействия на нарушителей.

Список литературы

Валдаев Е.В. Особенности наказания за транспортные преступления по законодательству стран общего права // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2015. – №2. – С. 62-67.

Чупрова Е. В. Ответственность за экономические преступления по уголовному праву Англии. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 208 с.

Oxford Dictionary of Law edited by Elizabeth A. Martin, Oxford New York, Oxford University Press, 1997.

SGC Definitive Guideline. – URL: <http://www.cps.gov.uk/legal/> (дата обращения: 28.06.2019).

The Road Traffic Act 1988. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/52/> (дата обращения: 28.06.2019).

The Road Traffic Regulation Act 1984. – URL : <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/27/> (дата обращения: 28.06.2019).

¹ См.: Валдаев Е.В. Особенности наказания за транспортные преступления по законодательству стран общего права // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2015. – №2. – С. 63-64.

Некоторые проблемы уголовной политики в сфере защиты конкуренции Criminal Policy and Protection of Fair Competition

Аннотация: В данной статье рассмотрены некоторые проблемы репрессивного воздействия уголовной политики в области защиты конкуренции, показана роль качественной законодательной техники для практики, рассмотрены вопросы оценки эффективности новел уголовно-правовых запретов в сфере защиты конкуренции. Высказаны предложения по системному подходу к оптимизации законодательной и правоприменительной деятельности.

Abstract. The article describes some challenges that criminal policy meets while attempting to protect fair competition. Author explains the role legal technique plays in law enforcement, analyses the effectiveness of new antitrust laws. On the base of made research author suggests systematic measures that can enhance legislators and legal enforcement work.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика; уголовный закон; уголовное законодательство; картели; антиконкурентные соглашения.

Key words: criminal policy, criminal law, criminal legislation, cartel, cartelization

Уголовное законодательство в Российской Федерации отличается консерватизмом, в то же время в последние годы прослеживается тенденция к либерализации уголовной политики государства, в особенности, в отношении экономических составов преступлений.

Так, в 2017 г. по сравнению с 2016 г. на треть снизилось число лиц, осужденных за преступления, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности. Около 20% предпринимателей были освобождены от уголовной ответственности, а из числа осужденных лишь 25% получили реальное лишение свободы в качестве меры ответственности¹.

Вместе с тем, остаются нарушения, в том числе, среди экономических составов преступлений, влияние которых на социально-значимые отношения настолько велико, что отсутствие жесткого контроля со стороны государства может повлечь существенный вред для экономической безопасности страны.

К подобным составам в полной мере можно отнести единственную «антимонопольную» ст. 178 УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за антиконкурентные (картельные) соглашения.

Уголовная политика является неотъемлемой частью общей политики государства. Если основываться на преобладающих в конкурентном праве взглядах на сущность конкуренции, то уголовную политику в сфере конкуренции целесообразно рассматривать как государственное управление процессами противодействия преступности в сфере экономического соперничества участников рынка.

В новой стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Президентом России 13 мая 2017 го-

¹Официальный сайт ВС РФ http://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/26816. (27.03.2019)

да, к приоритетным задачам совершенствования системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики было отнесено противодействие картельным сговорам (п. 16). Указом Президента Российской Федерации от 21.12.2017 № 618 активное содействие развитию конкуренции впервые было признано приоритетным направлением деятельности органов государственной власти¹. Генеральной прокуратуре Российской Федерации было поручено обеспечить координацию деятельности правоохранительных органов в целях предупреждения, пресечения картельных соглашений.

Вместе с тем, даже прямые указания первых лиц государства не смогли сдвинуть данную норму с «мертвой точки», осуждению по ст. 178 УК РФ по-прежнему подвержены единицы².

Согласно данным ФАС России, за 2018 год антимонопольными органами направлено в правоохранительные органы 81 заявление (сообщение) о преступлении, предусмотренном ст. 178 УК РФ. Для сравнения, в 2017 году – 30 заявлений. По результатам их рассмотрения следственными органами возбуждено 15 уголовных дел. В 2017 году было возбуждено 8 уголовных дел. С начала 2019 года органами предварительного следствия МВД России и СК России возбуждено 8 уголовных дел по признакам преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ. За 2016-2019 годы в суд с обвинительным заключением направлено 4 уголовных дела об ограничении конкуренции, которые до сих пор не рассмотрены судом по существу. Таким образом, за указанный период не было ни одного приговора по ст. 178 УК РФ.

Уголовная ответственность представляет собой наиболее суровую и наименее желательную форму государственного реагирования на нарушения правил конкуренции. Принципиальное отличие уголовной ответственности от иных видов юридической ответственности заключается в том, что она всегда связана с существенными личными потерями и ограничениями для виновного гражданина, которые он не в состоянии «разделить» с организацией или государством. В этом же заключается и залог действенности применения указанных мер по отношению к административной ответственности.

Несмотря на существенные меры воздействия на нарушителей в виде крупных оборотных штрафов на организации (ст.14.32 КоАП РФ), меры уголовной ответственности виновных лиц (ст. 178 УК РФ) заметных успехов в части декартелизации российской экономики до сих пор достигнуть не удалось. При этом ФАС России ежегодно отмечает рост количества дел, возбуждаемых антимонопольными органами в отношении картелей³.

В действующей редакции ст. 178 УК РФ предусматривает ответствен-

ность за ограничение конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного антимонопольным законодательством Российской Федерации при причинении ущерба или извлечении дохода в крупном размере. Ранее данный состав предусматривал также ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции путем заключения хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), а также путем неоднократного злоупотребления доминирующим положением, выразившимся в установлении и (или) поддержании монопольно высокой или низкой цены товара, необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок при извлечении дохода или причинении ущерба в крупном размере.

Одновременно с декриминализацией в ст. 178 УК РФ (в ред. Федерального закона от 08.03.2015 № 45-ФЗ) неоднократного злоупотребления доминирующим положением, и изменением формулировки, касающейся антиконкурентных соглашений, законодатель в 10 раз увеличил размеры дохода и ущерба по указанной статье, признаваемые крупными и особо крупными, чем также вывел значительную часть нарушений антимонопольного законодательства из под уголовной ответственности. Вместе с этим была введена программа освобождения от уголовной ответственности для лиц, первыми сознавшихся в совершении преступления из числа соучастников¹.

Введением указанных стимулирующих норм в ст. 178 УК РФ законодателем была предпринята попытка активизировать сотрудничество виновных лиц со следствием, в целях повышения эффективности досудебного расследования данной категории преступлений, снижения нагрузки с правоохранительных органов, а также конкретизировать довольно сложную для понимания правоохранительных органов бланкетную норму.

В настоящее время ФАС России подготовлен «пятый антимонопольный пакет», в рамках которого рассматриваются очередные поправки в ст. 178 УК РФ и ряд иных нормативных актов (ID проекта 02/04/10-17/00074514). Указанные поправки предполагают изменение названия статьи на «Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения» и диспозиции на «Заключение картеля, запрещенного антимонопольным законодательством, а равно участие в нём при извлечении дохода или причинении ущерба в крупном размере», текущая формулировка «Ограничение конкуренции путем заключения ... ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля)» вызывает множество вопросов как у правоприменителей, так и у научного сообщества, поскольку делает состав преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, фактически дважды материальным (в части установления последствий в виде извлеченного дохода или причиненного ущерба в крупном раз-

¹ Указ Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» // <http://kremlin.ru/acts/bank/42622> (дата доступа - 26.06.2019)

³ Фас с СМИ: Число картельных дел со сговором с чиновниками, возбужденных ФАС, в 2018 году выросло на 47% // <https://fas.gov.ru/publications/17484> (дата доступа - 27.06.2019)

¹ Подробнее об этом, см.: Ивашенко К.А., Рахманова Е.Н. Соотношение освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного в примечании 3 к ст. 178 УК РФ, с нормами Общей части УК РФ//Бизнес. Образование. Право. № 4. 2019. С. 267-272

мере, и в части ограничения конкуренции, как последствия заключения картельного соглашения). Вместе с тем, ст. 11 Федерального закона от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции», к которой отсылает бланкетная норма ст. 178 УК РФ, признает картель, как запрет «per se», т.е. речь идет о полностью формальном составе правонарушения, когда заключение антиконкурентного соглашения уже само по себе подразумевает ограничение конкуренции. Таким образом, предлагаемые законодательные изменения должны будут исправить допущенные в действующей редакции статьи ошибки юридической техники и гармонизовать нормы ст. 11 Закона о защите конкуренции и ст. 178 УК РФ.

Предлагается также ввести квалифицированный состав при заключении картельного соглашения на торгах. Данное нововведение также видится целесообразным поскольку, поскольку по оценкам ФАС России около 90 % всех выявляемых картельных сговоров составляют именно сговоры на торгах. Здесь стоит отметить повышенную степень общественной опасности данных деяний, поскольку картелизация сектора государственных и муниципальных закупок неизбежно влечет значительные потери для бюджета, что напрямую сказывается на экономической безопасности государства¹.

Предлагаемые поправки расширяют ст. 178 УК РФ, дополняя ее запретом на ограничивающие конкуренцию соглашения между организатором торгов и (или) заказчиком с участником торгов, запрещенные антимонопольным законодательством.

Указанное нововведение видится избыточным, поскольку действия организаторов торгов и (или) заказчиков, ставшие результатом достигнутой с участником торгов договоренности, как правило, охватываются иными составами (ст. 200⁴, 200⁵, 201, 201¹, 204, 285, 285⁴, 289, 290, 291 УК РФ). В данном случае видится, что формальное выделение в отдельный состав действий, выраженных в заключении сговора с заказчиком или организатором торгов в отдельный состав нецелесообразно и фактически лишь усложнит работу правоохранительных органов в части квалификации подобных действий и приведет к правовой неопределенности.

Внесенные поправки также предлагают увеличение пороговых значений крупного и особо крупного дохода/ущерба в два раза. Данные изменения обусловлены очередной волной либерализации уголовного законодательства и направлены на ослабление давления на бизнес.

Вместе с тем, определение и расчет дохода и ущерба по ст. 178 УК РФ порождают вопросы у правоприменителей. Особенные сложности вызывает определение ущерба, вызванного нарушением законодательства при проведении процедуры торгов. При этом сложности при расчете ущерба в данном случае вызваны не только применением ст. 178 УК РФ, но и иных экономических составов. Расчет дохода от деятельности картеля вызывает меньше

сложностей. Но вполне понятен механизм определения совокупного дохода от деятельности участников картеля, в том числе, по совокупности дохода всех подконтрольных картелю хозяйствующих субъектов. В этой связи видится целесообразным рассмотреть возможность принятия Пленума Верховного суда по вопросу оценки ущерба от деятельности правонарушителей при проведении торгов, расчета дохода, полученного лицом совокупно от нескольких хозяйствующих субъектов в пределах сроков давности по данной статье, а также гармонизацию соотношения сумм по извлеченному доходу и причиненному ущербу в соответствии с соотношением общественной опасности указанных последствий антиконкурентного соглашения.

Анализ изменений в УК РФ, а также тех законодательных инициатив, которые еще пока не превратились в закон, показывает, что подавляющее большинство из них, за редким исключением, рассчитано на решение частных вопросов уголовно-правового регулирования¹.

Несмотря на многочисленные изменения, уже внесенные в ст. 178 УК РФ, анализ правоприменительной практики показывает, что решение проблемы картелизации экономики лежит не только в сфере изменения уголовного законодательства, но и в сфере уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности, криминологической профилактики, то есть всего спектра уголовной политики государства.

Еще в 2013 году ФАС России предлагались поправки в ст. 140 УПК РФ, которые предполагали сделать единственным поводом для возбуждения уголовных дел по ст. 178 УК РФ решение комиссии антимонопольного органа, которым был бы установлен факт нарушения антимонопольного законодательства. Предполагалось, что данная мера будет способствовать формированию единообразной практики правоохранительных и контролирурующих органов, предупреждению возможных процессуальных ошибок и ошибок при квалификации действий виновных лиц. Вместе с тем, данная инициатива была критически воспринята правоохранительными органами, в результате чего, предлагаемые изменения так и не были реализованы. Вместо этого, на данный момент правоохранительные органы получают заключение специалиста от антимонопольного органа, который излагает в заключении выводы о наличии в действиях субъектов признаков картельного сговора.

Одновременно «пятым антимонопольным пакетом» предлагается увеличение сроков давности по антимонопольным делам, касающимся картелей, обладающих признаками уголовного преступления до 10 лет.

Также не была поддержана инициатива ФАС России о включении ее в перечень лиц, имеющих доступ к материалам оперативно-розыскной деятельности при рассмотрении материалов и дел о нарушении антимонопольного законодательства.

17 июня 2019 года распоряжением Правительства РФ №1314-р утвер-

¹ Замглавы ФАС: картелями охвачено минимум 10% госзакупок в РФ // <http://tass.ru/ekonomika/3991086>

¹ Пикуров Н.И. Проблемы прогнозирования результатов действия нового уголовного закона/Законы России: опыт, анализ, практика, Буквоед.: 2018. №2.

ждена межведомственная программа мер по выявлению и пресечению картелей и иных антиконкурентных соглашений на период 2019-2023 годов во исполнение Указа Президента № 618 от 21.12.2017¹, которая предлагает проведение комплекса мероприятий по выявлению и пресечению правонарушений и преступлений, связанных с заключением антиконкурентных соглашений в стратегически важных и социально значимых отраслях экономики, для обеспечения внутренних

Возможно, что внесение данных поправок даст должную мотивацию сотрудникам правоохранительных органов к расследованию преступлений, предусмотренных ст. 178 УК РФ, а также позволит им применить имеющийся опыт расследования коррупционных и экономических преступлений при доказывании нарушений в сфере защиты конкуренции.

Список литературы

Иващенко К.А., Рахманова Е.Н. Соотношение освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного в примечании 3 к ст. 178 УК РФ, с нормами Общей части УК РФ//Бизнес. Образование. Право. № 4. 2019. С. 267-272

Пикуров Н.И. Проблемы прогнозирования результатов действия нового уголовного закона/Законы России: опыт, анализ, практика, Буквед.: 2018. №2.

Казаринов И.А.

К вопросу об ответственности российских граждан, пользующихся иммунитетом, в случае совершения преступления вне пределов Российской Федерации

On the Issue of Liability of Russian Citizens Enjoying Immunity in Case of a Crime Committed Outside the Russian Federation

Аннотация. Действие уголовного закона в отношении граждан РФ, обладающих иммунитетом в случае совершения ими преступления вне пределов РФ, урегулировано в УК РФ с недостаточной полнотой и порождает ряд серьезных проблем с толкованием и применением соответствующих правовых норм. В статье раскрываются особенности привлечения таких граждан к ответственности в зависимости от вида иммунитета и служебного статуса лица, предлагаются корректировки в действующее уголовное законодательство.

Abstract. The criminal law in respect of citizens of the Russian Federation who have immunity in case of committing a crime outside the Russian Federation is incomplete and raises serious problems with the interpretation and application of the relevant legal norms. The article reveals the peculiarities of bringing such citizens to responsibility depending on the type of immunity and official status of a person and proposes adjustments to the current criminal legislation.

Ключевые слова: действие уголовного закона по кругу лиц; действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов РФ; иммунитет от уголовной ответственности; ответственность дипломатических представителей

Key words: action of the criminal law in a circle of persons; committing a crime outside the state; immunity from criminal liability; responsibility of diplomatic representatives

Иммуниеты заключаются в изъятии из действия уголовного закона по кругу лиц, исключаящее ответственность последних за любое деяние, предусмотренное УК РФ, или за отдельно взятое преступление¹. Вопрос об уголовной ответственности российских граждан, пользующихся иммунитетом, в случае совершения ими вне пределов РФ преступления, прямо в действующем законодательстве не решен. Лишь в Положении о посольстве Российской Федерации² содержится норма, в соответствии с которой, Посольство, сотрудники дипломатической службы и работники Посольства, члены их семей пользуются в государстве пребывания привилегиями и иммунитетами в соответствии с международным правом и законодательством государства пребывания. Однако очевидно, что эта норма имеет общий характер и не регулирует напрямую вопросы уголовно-правовых иммунитетов, и к тому же уровень ее нормативной фиксации – указ Президента РФ – не соответствует уровню решения уголовно-правовых задач, так как согласно требованиям принципа законности (ст. 3 УК РФ) все уголовно-правовые последствия совершения преступления должны быть урегулированы непосредственно в УК РФ.

В тоже время стоит отметить, что законодательство дореволюционной России содержало на этот счет вполне определенные указания. В ст. 6 Уголовного уложения 1903 года было провозглашено: «действие сего Уложения распространяется на преступные деяния, учиненные в иностранных государствах российскими подданными, пользующимися в них правом вынужденности».

В современном уголовном праве предпосылки для решения поставленного вопроса содержатся в ч. 1 ст. 12 УК РФ (как в общей норме), на основании которой граждане РФ несут ответственность по УК РФ, а также, в силу общих начал взаимности международных отношений, в ч. 4 ст. 11 УК РФ, согласно которой вопрос об уголовной ответственности граждан, которые пользуются иммунитетом, разрешается в соответствии с нормами международного права. Исходя из этих положений закона, стоит констатировать в качестве общего правила, что российские граждане, пользующиеся иммунитетом, в случае совершения ими вне пределов России преступления, подлежат ответственности по отечественному уголовному закону с учетом предписаний, содержащихся в международно-правовых нормах.

В отечественной литературе проблематика иммунитетов, хотя и не относится к числу популярных, тем не менее, разрешена в ряде значимых публикаций. В этой связи детальное ее исследование, учитывая направленность настоящей публикации, не представляется необходимым. Однако некоторые соображения, прежде всего, по вопросам, которые не получили своего освещения в науке, полагаем возможным представить.

¹ Гефанова Е.И. Реализация юридических иммунитетов в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2019. – С. 13.

² Указ Президента РФ от 28.10.1996 № 1497 (ред. от 18.02.2017) «Об утверждении Положения о Посольстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 45. – Ст. 5090.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.06.2019 N 1314-р «Межведомственная программа мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019 - 2023 годы»// СПС Консультант Плюс

В науке верно отмечается, что иммунитет в уголовном праве означает исключение из принципа равенства граждан перед законом, которое может быть обусловлено только исключительным правовым статусом лица¹. А потому, прежде всего, важно определиться с кругом российских граждан, которые обладают иммунитетом от иностранного уголовного законодательства. Исходя из логики ч. 4 ст. 11 УК РФ, его составляют две группы лиц: дипломатические представители и иные граждане.

Понятие дипломатического представителя прямо не определено в действующем законодательстве, однако активно им используется. В соответствии с п. «м» ст. 83 Конституции РФ, дипломатических представителей Российской Федерации в иностранных государствах и международных организациях назначает и отзывает после консультаций с соответствующими комитетами или комиссиями палат Федерального Собрания Президент РФ.

Основополагающим актом, позволяющим понять круг дипломатических представителей, служит Венская конвенция о дипломатических сношениях². Она вполне определенно различает следующих лиц:

а) глава представительства – лицо, на которое аккредитуемым государством возложена обязанность действовать в этом качестве;

б) сотрудники представительства, к которым относятся глава представительства и члены персонала представительства;

в) члены персонала представительства, то есть члены дипломатического персонала, административно-технического персонала и обслуживающего персонала представительства;

г) члены дипломатического персонала – члены персонала представительства, имеющие дипломатический ранг;

д) дипломатический агент, то есть глава представительства или член дипломатического персонала представительства;

е) член административно-технического персонала, каковыми являются члены персонала представительства, осуществляющие административно-техническое обслуживание представительства;

ж) члены обслуживающего персонала – члены персонала представительства, выполняющие обязанности по обслуживанию представительства;

з) частный домашний работник, то есть лицо, выполняющее обязанности домашнего работника у сотрудника представительства и не являющееся служащим аккредитуемого государства.

Этим предписаниям корреспондируют нормы Положения о посольстве Российской Федерации, которые вполне определенно различают Посольство, сотрудников дипломатической службы, работников Посольства, членов их семей.

¹ Кибальник А.Г. Иммунитет в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – С. 6.

² Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961) // Ведомости ВС СССР. – 1964. – № 18. – Ст. 221.

Очевидно, что не все эти лица пользуются иммунитетом в полном объеме и, что важно, не все они могут быть отнесены к категории дипломатических представителей. Исходя из того, что таковых представителей назначает именно Президент РФ, можно констатировать на основе Закона «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве)»¹, что к числу дипломатических представителей РФ относятся категории лиц, прямо поименованные в этом нормативном акте:

а) посол – высший официальный представитель РФ, аккредитованный в государстве пребывания, обеспечивающий дипломатическими и международно-правовыми средствами проведение внешнеполитической линии РФ, защиту национальных интересов, суверенитета, безопасности, территориальной целостности РФ, прав, свобод и законных интересов ее граждан и российских юридических лиц в государстве пребывания;

б) представитель – полномочный представитель РФ при международной организации (в иностранном государстве), обеспечивающий дипломатическими и международно-правовыми средствами проведение внешнеполитической линии РФ в соответствующей международной организации.

Все остальные граждане, пользующиеся в том или ином объеме иммунитетом на основе Венской конвенции, не могут быть признаны дипломатическими представителями, но относятся к упомянутой в ч. 4 ст. 11 УК РФ категории «иных лиц».

Обращаясь к категории «иных лиц, пользующихся иммунитетом», стоит отметить, что непосредственно в ч. 4 ст. 11 УК РФ не определен уровень и характер этого иммунитета. Некоторые исследователи (А.А. Крупцов) полагают, что в данном случае речь идет исключительно об иммунитетах, имеющих международно-правовую природу, более того, в целом считают иммунитет явлением международно-правовым².

Однако в полной мере согласиться с таким подходом сложно, поскольку он не учитывает наличие определенной категории лиц, иммунитет которой обусловлен предписаниями внутреннего права. Ее образуют, например, глава государства, парламентарии, судьи, прокуроры, некоторые иные лица. Их иммунитет имеет иную правовую природу. Как следствие, надо различать лиц, пользующихся иммунитетом на основании норм международного права и обладающих иммунитетом согласно положениям российского права.

¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 186-ФЗ «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (Часть 1). – Ст. 3855.

² Крупцов А.А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 10.

Это важно, поскольку указанные иммунитеты могут «накладываться» друг на друга, что создает весьма непростую ситуацию, при которой гражданин РФ, совершивший преступление вне пределов РФ, в силу международно-правового иммунитета не подлежит ответственности по законодательству страны места совершения преступления, и одновременно в силу иммунитета по внутреннему праву, не подлежит ответственности по российскому закону. И в тоже время эти иммунитеты могут не совпадать, если лицо, пользующееся иммунитетом на основе норм внутреннего права, совершает за пределами России преступление, не обладая при этом международно-правовым иммунитетом.

В науке уголовного права этот вопрос недооценивается. Например, А.Г. Кибальник пишет: «Наличие дипломатического и любого другого международно-правового иммунитета не освобождает от уголовной юрисдикции посылающего государства. Поэтому целесообразно включение в УК России более специальной нормы, определяющей порядок уголовной ответственности граждан Российской Федерации, совершивших преступление за рубежом и не привлеченных там к ответственности по причине наличия уголовно-правового иммунитета»¹.

Соглашаясь с этим суждением в той части, что международно-правовой иммунитет не освобождает от ответственности по российскому праву, обратим внимание, что одновременно иммунитет по внутреннему праву может усложнять или блокировать возможность применения УК РФ, но в тоже время иммунитет по внутреннему праву не препятствует возможности привлечения обладающего им лица к ответственности по нормам иностранного права в случае совершения преступления вне пределов РФ.

В подобной ситуации решающее значение имеет вид иммунитета по внутреннему праву и особенности совершаемого преступления. Важно напомнить, что иммунитет от уголовной ответственности не является личной привилегией того или иного лица. Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений подчеркивал (применительно к парламентскому иммунитету), что неприкосновенность «не является личной привилегией, а имеет публично-правовой характер, призвана служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций, ограждая его от необоснованных преследований, способствуя беспрепятственной деятельности парламентария и тем самым - парламента, их самостоятельности и независимости»².

Иммунитет предоставлен лишь в целях надлежащего и эффективно-го исполнения соответствующими лицами своих служебных обязанно-

¹ Кибальник А.Г. Иммунитет в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – С. 15.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.1996 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года "О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 9. – Ст. 828.

стей, и он не распространяется на случаи совершения этими лицами преступлений вне связи со службой. Конституционный Суд РФ отметил: «неприкосновенность парламентария не означает его освобождения от ответственности за совершенное правонарушение, в том числе уголовное или административное, если такое правонарушение совершено не в связи с осуществлением собственно депутатской деятельности. Расширительное понимание неприкосновенности в таких случаях вело бы к искажению публично-правового характера парламентского иммунитета и его превращению в личную привилегию, что означало бы, с одной стороны, неправомерное изъятие из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1), а с другой – нарушение конституционных прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью (статья 52)». Аналогичные суждения высказаны Конституционным Судом РФ и в отношении иммунитета судей: «не предполагается ограждение судьи, совершившего преступление, от уголовной ответственности – иное приводило бы к искажению конституционного смысла судейского иммунитета, а также к нарушению конституционных прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью»¹.

Исходя из этих предписаний, можно заключить, что в случае совершения преступления вне пределов РФ гражданами РФ, обладающими иммунитетом по внутреннему праву и не обладающими международно-правовым иммунитетом, вопросы их ответственности должны разрешаться на основании общей нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 12 УК РФ. Потенциально такие лица могут подлежать ответственности по нормам иностранного уголовного закона и в этом случае иностранный суд не обязан соблюдать гарантии неприкосновенности, установленные российским законодательством. Такие гарантии обеспечивают неприкосновенность лиц со специальным статусом только в рамках системы российского правосудия.

В подобной ситуации нельзя не усмотреть некоторые риски нарушения равенства граждан в зависимости от места совершения ими преступления. Однако представляется, что не являются критически важными и не определяют необходимость внесения существенных коррективов в уголовный закон, поскольку: во-первых, риски наступления неблагоприятных последствий в результате совершения преступления всегда в полном объеме возлагаются на лицо, совершающее преступление; во-вторых, совершаемые за пределами страны преступления лицами со специальным статусом преступления, как правило, не связаны с осуществлением ими своей служебной или профессиональной деятельности; в-третьих, в виду объективных представлений о границах суверенитета одного государства и юрисдикционного иммунитета другого государства. В тоже время, в целях обеспечения полно-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 44. – Ст. 6319.

ты регулирования вопросов осуществления юрисдикции, полагаем возможным в ч. 1 ст. 12 УК РФ сделать оговорку, уточняющую, что ее положения применимы и в отношении лиц, обладающих иммунитетом перед иностранной уголовной юрисдикцией.

Особое место в рамках анализа вопросов, связанных с совершением преступлений лицами, обладающими иммунитетом, занимает проблематика совершения наиболее опасных преступлений против мира и безопасности человечества. Как правило, в данном случае речь идет о лицах, составляющих высшее политическое и военное руководство страны.

Учитывая специфику юридического факта, порождающего правовые отношения ответственности высших должностных лиц за преступления против мира и безопасности человечества, уровень регулирования этих отношений выходит за пределы национального права. В специальной литературе на этот счет не без оснований отмечается, что правовая природа уголовной ответственности должностных лиц государства все больше проявляется как составная часть ответственности государства в качестве субъекта международного права; такая ответственность наступает в том случае, если государством грубо нарушаются основополагающие нормы и принципы, составляющие международное обязательство государства¹.

Иммунитет высших должностных лиц – сложный феномен. В случае совершения ими преступлений против мира и безопасности человечества он не может быть преодолен иностранным государством, которое берет на себя функции расследования таких преступлений и наказания виновных по своему внутреннему праву. Преодоление иммунитета возможно лишь в государстве, где лицо выполняло соответствующие функции (через процедуры отставки, импичмента, лишения неприкосновенности), либо в международных судебных инстанциях.

На этот счет, к примеру, ст. 27 Устава Международного уголовного суда четко устанавливает: «1. Настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора. 2. Иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица».

¹ Измайлова П.Р. Уголовная ответственность должностных лиц государства по международному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 11.

Поскольку, как известно, Россия не является членом Международного уголовного суда¹, иммунитет ее высших должностных лиц не может быть преодолен на основе Римского статута, но гипотетически может быть преодолен, исходя из международных нормативных правовых актов, составляющих основу действия трибуналов ad hoc. Однако такая ситуация может мыслиться как крайне маловероятная, сопоставимая с ситуацией краха российской государственности и международного правопорядка.

Таким образом, подводя итог исследованию проблем действия уголовного закона в отношении обладающих иммунитетом граждан РФ, в случае совершения ими преступления вне пределов РФ, можно констатировать следующие основные выводы:

- в случае совершения вне пределов РФ преступления гражданами РФ, которые обладают иммунитетом, вопрос об их уголовной ответственности решается, прежде всего, в зависимости от вида иммунитета – является ли он иммунитетом по международному праву или же предоставляется на основе норм внутреннего права;

- иммунитет, предоставляемый отдельным категориям граждан на основании норм российского права (судьи, прокуроры, парламентарии и др.), не является обязательным для иностранных правоприменительных органов, ограничен исключительно пределами РФ, не обеспечивает неприкосновенности граждан в случае совершения ими преступления вне пределов РФ, а вопрос об их ответственности решается на основании общих положений ч. 1 ст. 12 УК РФ;

- иммунитет, предоставляемый на основании норм международного права, гарантирует в отношении лиц, обладающих им, уголовную юрисдикцию РФ, за исключением случаев, когда такой иммунитет может быть преодолен, исходя из норм международного права, в отношении лиц, совершивших наиболее опасные преступления против мира и безопасности человечества;

- в части определения условий уголовной ответственности лиц, обладающих иммунитетом, уголовный закон требует уточнения в целях наиболее полного решения вопроса, в связи с чем ч. 1 ст. 12 УК РФ может быть изложена в конкретизирующей редакции: «1. Граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, в том числе дипломатические представители Российской Федерации и иные граждане, которые пользуются иммунитетом, совершившие вне пределов Российской Федерации преступление против интересов, охраняемых настоящим Кодексом, подлежат уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом, если в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства».

¹ Распоряжение Президента РФ от 16.11.2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 47. – Ст. 6630.

Список литературы

- Гефанова Е.И. Реализация юридических иммунитетов в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2019.
- Измайлова П.Р. Уголовная ответственность должностных лиц государства по международному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2015.
- Кибальник А.Г. Иммуниет в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.
- Крупцов А.А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.

Комягин Р.А.

Доктринальный обзор нормативистского подхода к пониманию категории «состав преступления»

Theoretical Review of Normative Approach to the Corpus Delicti Concept Understanding

Аннотация. На сегодняшний день можно констатировать дуализм в науке уголовного права по поводу понимания состава преступления. Сформировалось два лагеря ученых, одного из которых можно назвать «нормативисты», другого «объективисты». Именно нормативистское видение состава преступления получило наибольшее распространение как среди ученых советского периода, так и среди современных исследователей. В представленной работе рассмотрены основополагающие положения, составляющие основу нормативистского подхода к пониманию состава преступления.

Abstract. To date, we can state the dualism in the science of criminal law about the understanding of the corpus delicti. Two camps of scientists have formed, one of which can be called «normativists», the other «objectivists». The normativism theory of the corpus delicti has become most prevalent both among scientists of the Soviet period and among modern researchers. Current work considers the fundamental provisions that form the basis of the normativism approach to understanding of the corpus delicti.

Ключевые слова: состав преступления; нормативистский подход; элементы и признаки состава преступления; соотношение преступления и состава преступления.

Keywords: corpus delicti; normative approach; elements and signs of corpus delicti; the ratio of crime and corpus delicti.

С 1958 года в науке уголовного права, наряду с материальным понятием преступления, появилось преступление формально-материального типа, обязательным признаком которого стала предусмотренность деяния уголовным законом. Ввиду этого потребовалось немедленное переосмысление основания уголовной ответственности, а следовательно, и состава преступления¹. Не смотря на произошедшие изменения, преступление рассматривалось всеми авторами как реальное явление, в то время, как понятие состава преступления начинает распространяться не только на структуру общественного опасного деяния, но и на законодательное описание этого деяния в уголовном законе. С этого момента возникает дуализм в понимании состава преступления, когда одни авторы, определяют его как структуру преступно-

¹ См.: Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве: вопросы теории и правотворчества. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 1997. С. 89-91.

го поведения лица, а другие, переносят его понимание на часть нормы уголовного закона¹.

Е. Ю. Пудовочкин следующим образом описывает сущность каждого из них, при этом, специально оговариваясь, что и тот, и другой имеют право на существование: 1) «объективистская» концепция реального состава преступления: состав преступления здесь выступает в качестве явления объективной реальности, частью преступления как социальной действительности; 2) «нормативистская» концепция, в рамках которой состав преступления представляет собой некую теоретическую, юридическую абстракцию: законодательное понятие о преступлении, указывающее на те его признаки, которые закреплены в уголовном законе².

Наибольшее распространение в российской науке уголовного права получил нормативистский подход к пониманию состава преступления. Его разделяют, например, И.Я. Гонтарь, А.А. Пионтковский, В.Н. Кудрявцев, А.В. Иванчин, А.Э. Жалинский, А.И. Марцев, Л.Д. Гаухман, Е.В. Благов, С.В. Шиловский, Д.В. Решетникова и др.

Так, И.Я. Гонтарь пришел к выводу о том, что учение о составе преступления должно иметь объектом своего изучения не структуру самого деяния в его составных элементах, а своеобразии описаний деяния в содержании уголовного закона, поскольку именно они указывают, по каким признакам и в каком сочетании тот или иной вид общественно опасного поведения включается в основание уголовной ответственности³. Описание деяния представляет собой суть его предусмотренности в уголовном законе, выраженной в части уголовно-правовой нормы⁴.

А.А. Пионтковский занимал несколько иную позицию. Он говорил, что материальное понятие преступления и общее понятие состава преступления выражают различным путем существенные стороны одних и тех же явлений общественной жизни – общественно опасных деяний, которые предусмотрены в качестве преступлений в советском уголовном законе⁵. Нельзя признать наличие в действиях лица состава преступления, если совершенное деяние не может быть признано общественно опасным для советского строя. Общественная опасность – необходимый признак состава преступления⁶.

В.Н. Кудрявцев подробно рассматривал понятие и содержание состава преступления в нескольких своих монографиях. Он писал, что состав преступления - это совокупность признаков преступления, описанных в уго-

¹ См.: Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве: вопросы теории и правотворчества. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 1997. С. 90.

² См.: Пудовочкин Е.Ю. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009. С. 4.

³ См.: Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве: вопросы теории и правотворчества. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 1997. С. 96.

⁴ См.: Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве: вопросы теории и правотворчества. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 1997. С. 95-96.

⁵ См.: Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: в шести томах. Часть Общая. Том 2. Преступление. М: «Наука». 1970. С. 96.

⁶ См.: Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: в шести томах. Часть Общая. Том 2. Преступление. М: «Наука». 1970. С. 96.

ловном законе¹. Значение состава преступления состоит в том, что с его помощью определяют, в соответствии с советским уголовным законом, является ли действие (бездействие), совершенное тем или иным лицом, преступлением или нет. Ввиду этого, состав преступления служит одной из важнейших гарантий правильного решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности².

Признак состава преступления В.Н. Кудрявцев понимал как закрепленную в уголовно-правовой норме абстракцию, которая является результатом обобщения аналогичного признака единичных преступных проявлений. О каждом признаке конкретного преступления можно говорить как о соответствующем признаку, содержащемуся в уголовно-правовой норме. Именно в силу данных рассуждений В.Н. Кудрявцев считал разумным употребление состава преступления только в одном нормативном смысле. Для обозначения признаков совершенного преступного деяния, ученый предлагал вместо фактического состава термин «фактические признаки», или о признаки конкретного преступления³.

А. И. Марцев также описывал в своих работах состав преступления как сугубо законодательную категорию. Он говорил, что состав преступления - это правовая форма преступления или его законодательное описание, в то время как преступление представляет собой акт человеческого поведения, выраженный в социальной действительности⁴.

Из современных ученых, придерживающихся нормативистского подхода к пониманию состава преступления, можно отметить А.В. Иванчина. При определении понятия состава преступления данный автор особо подчеркивает формальную сущность состава преступления (состав преступления есть воплощение такого признака преступления как противоправность), и говорит о том, что состав преступления - это система признаков, характеризующих деяние, как предусмотренное в качестве определенного преступления частью статьи или неделимой статьей Особенной части УК РФ⁵.

Подводя итог точек зрения авторов, разделяющих нормативистский подход к пониманию категории «состав преступления», можно выделить свойственные ему положения:

1) состав преступления позиционируется учеными как законодательное описание, модель или конструкция, по своему содержанию полностью

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Что такое преступление. Государственное издательство юридической литературы. Москва, 1959. С. 24-25.

² См.: Кудрявцев В.Н. Что такое преступление. Государственное издательство юридической литературы. Москва, 1959. С. 34-35.

³ См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений, М., «Юридическая литература», 1972. С. 74.

⁴ См.: Марцев А.И. Преступление: сущность и содержание: Учебное пособие, - Омск: Высшая школа милиции МВД СССР, 1986. С. 46; См. также: Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении: Монография. - Омск: Юридический институт МВД России, 2000. С. 109.

⁵ См.: Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления. Ярославль, 2014. С. 123; См. также: Иванчин А.В. Рамки состава преступления в Особенной части УК РФ и вопросы его конструирования. Юридическая наука. 2014. № 2. С. 107.

укладывающаяся в структурные элементы уголовно-правовой нормы, закрепленная в рамках статей Общей и Особенной части УК РФ;

2) материальный признак преступления – общественная опасность - либо выводился за рамки состава преступления, либо признавалось наличие общественной опасности, присущее составу преступления определенного вида;

3) сам по себе состав преступления - это всегда обобщенная, лежащая на определенном уровне абстракции категория;

4) признание нормативистского подхода к пониманию состава преступления неминуемо влечет за собой введение дополнительных понятий, необходимых, в частности, для общей теории квалификации преступлений и обозначающих структурные признаки общественно опасного деяния, именуемые фактическим составом деяния, признаками совершенного деяния и т.д.;

5) нормативистский подход к пониманию состава преступления, как следствие, ведет к раздвоению основания уголовной ответственности и выделению в нем юридического или правового основания (состав преступления), и фактического основания (совершенное общественно опасное деяние);

6) решение вопроса о соотношении преступления и состава преступления ограничивается двумя положениями:

- состав преступления – это сугубо законодательное понятие, а преступление - социально-правовое явление;

- в различном функциональном назначении признаков указанных понятий;

7) особо дискуссионным остается вопрос о выделении общего понятия состава преступления.

В качестве примера наиболее полного, в рамках нормативистского подхода, понятия состава преступления можно привести следующее: «Состав преступления есть законодательно оформленная информационная модель, фиксирующая в нормах уголовного закона необходимые и достаточные для привлечения лица к уголовной ответственности признаки криминализируемого деяния»¹.

Список литературы

Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве: вопросы теории и правотворчества. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 1997. 200 с.

Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления. Ярославль., 2014. 50 с.

Иванчин А.В. Рамки состава преступления в Особенной части УК РФ и вопросы его конструирования. Юридическая наука. 2014. № 2. 8 с.

Иванчин А.В. Состав преступления как воплощение признака уголовной противоправности. LEX RUSSICA (научные труды МГИОА). № 6. 10 с.

Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений, М., «Юридическая литература», 1972. 352 с.

¹ См.: Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 5. Понятие преступления. Состав преступления / под. ред. д.ю.н., проф. Н.А. Лопашенко. Часть 2. Состав преступления: Коробеев А.И. - д.ю.н., профессор – глава 1 раздела 3.– М.: Юрлитинформ, 2016. С. 382.

Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. Государственное издательство юридической литературы. М., 1960. 244 с.

Кудрявцев В.Н. Что такое преступление. Государственное издательство юридической литературы. Москва, 1959. 64 с.

Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении: Монография. – Омск: Юридический институт МВД России, 2000. 136 с.

Марцев А.И. Преступление: сущность и содержание: Учебное пособие, - Омск: Высшая школа милиции МВД СССР, 1986. 68 с.

Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: в шести томах. Часть Общая. Том 2. Преступление. М: «Наука». 1970. 516 с.

Пудовочкин Е.Ю. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009. 248 с.

Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 5. Понятие преступления. Состав преступления / под. ред. д.ю.н., проф. Н.А. Лопашенко. Часть 2. Состав преступления: Коробеев А.И. - д.ю.н., профессор – глава 1 раздела 3.– М.: Юрлитинформ, 2016. 600 с.

Кривенко В.А.

Позиции Европейского Суда по правам человека по вопросу не признания провокации преступления в качестве обстоятельства, исключающие преступность деяния

European Court of Human Rights on Excluding the Provocation from the List of Circumstances Ruling Out the Criminality of Act

Аннотация. Рассматривается проблема признания провокации преступления как обстоятельства, исключающего преступность деяния. Формулируется понятие провокации, проводится анализ позиций Европейского суда по правам человека и Верховного суда Российской Федерации.

Abstract. Including the provocation into a list of circumstances ruling out the criminality of act is problematic. Author sums up a definition of provocation and analyses European Court of human rights and Supreme Court of the Russian Federation positions in that matter

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, Европейский Суд по правам человека, провокация, судебная практика.

Keywords: circumstances excluding criminality of act, the European Court of human rights, the provocation, the judicial practice

Правовая регламентация обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, отличается сложностью и неоднородностью. В научной среде активно обсуждается вопрос необходимости дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) новыми нормами, а также совершенствования редакции существующих в настоящее время статей, включенных в гл. 8 УК РФ. Актуальным является обстоятельство, выработанное в практике ЕСПЧ, и получившее дальнейшее развитие в национальном законодательстве, - провокация совершения преступления. Правило о недопустимости провокации, рассматриваемое во взаимосвязи с гарантированным ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, правом на справедливое судеб-

ное разбирательство¹, сформулировано следующим образом: в том случае, если есть основания полагать, что совершение преступления было спровоцировано тайными агентами публичной власти, и ничто не предполагает, что оно было бы совершено без какого-либо вмешательства, то данные действия следует квалифицировать, как подстрекательство к совершению преступления.²

В доктрине существует дискуссия о правовой природе провокации преступления и возможности дополнения им перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния. По мнению профессора П.С. Яни, благодаря практике ЕСПЧ и реакции судебных органов России проблема провокации совершения преступления получила широкий резонанс, и провокационно-подстрекательская деятельность сотрудников правоохранительных органов по праву может учитываться, в качестве дополнительного, пока не включенного в главу 8 УК РФ, обстоятельства, исключающего преступность деяния.³ В свою очередь А.В. Никуленко со ссылкой на постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21П⁴ и ст.1 УК РФ⁵ полагает, что Верховный Суд России и ЕСПЧ не вправе вводить в российское уголовное законодательство какие-либо новые нормы. Считает, что данный подход к провокации преступления подрывает институт соучастия, в частности, значение подстрекательской деятельности.⁶ По мнению С.Ф. Милокова целесообразным будет дополнение действующего УК РФ новой статьей о правомерной провокации.⁷

Проблема провокации совершения преступления и правовые позиции ЕСПЧ по данному вопросу нашли отражение в актах обобщенной судебной практики.⁸ В последующем Верховный Суд России сделал два

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) //URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2019).

² Постановление Европейского суда по правам человека от 15 декабря 2005 г. по делу "Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации" (жалоба N 53203/99); Постановление Европейского суда по правам человека от 4 ноября 2010 г. по делу "Банникова (Bannikova) против Российской Федерации" (жалоба N 18757/06) - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.03.2019).

³ Комиссаров В.С., Яни П.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. N 9. С. 8. - URL: www.znaniium.com (дата обращения 01.03.2019).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах РФ", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы" - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2019).

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2019).

⁶ Милоков С.Ф., Никуленко А.В. Провокация обороны: от безоговорочного отрицания к взвешенной оценке// Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. №1(68) С.8..

⁷ Милоков С.Ф. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Г. Л. Касторского, А. И. Чучаева. СПб., 2009.

⁸ Комиссаров В.С., Яни П.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. N 9. С. 8.

разъяснения по вопросам провокации совершения преступления. Они касаются незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228.1 УК РФ)¹, а также получения взятки (ст. 290 УК РФ) или коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ)². Однако данное обстоятельство можно учитывать не только в сфере незаконного сбыта наркотических средств или психотропных веществ либо получении взятки, но и в отношении других деяний, предусмотренных Особенной частью УК РФ (например, ст.ст. 151.1, 186 УК РФ).

Если сравнить позиции Верховного Суда Российской Федерации и ЕСПЧ, то можно прийти к выводу, что позиции последнего относят провокацию преступлений, в том числе, и к сфере материального уголовного права. Практика ЕСПЧ раскрывает проблему субъективной стороны данной категории дел, поскольку умысел лица не возник бы без вмешательства провокаторов. Российская практика делает уклон на процессуальное право. В частности, суды делают акцент на необоснованность проведения повторного и последующих оперативно-розыскных мероприятий (проверочных закупок), а полученные в ходе таковых доказательства признают недопустимыми со ссылкой на ст. 75 УПК РФ.³ Мотивировка такого решения часто включает указание на то, что проведение повторного оперативно-розыскного мероприятия в отношении одного и того же лица возможно только при наличии новых оснований или целей (установление других соучастников, выявление каналов поступления наркотиков и др.). Если же таковых не усматривается, констатируется недопустимость полученных доказательств, что, в свою очередь, влечет отмену состоявшихся судебных решений и невозможность привлечения лица к уголовной ответственности.⁴

Необходимо отметить, что иногда в решениях по конкретным делам в качестве обоснования невозможности привлечения лица к уголовной ответственности встречаются ссылки на сами правовые позиции Европейского суда по правам человека или Верховного Суда РФ, посвященные провокации совершения преступления.⁵

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами" - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2019).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 "О судебной практике по делам о взятках и об иных коррупционных преступлениях" - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.03.2019).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (с изм. и доп.) - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.03.2019).

⁴ Обобщение судебной практики по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами (утв. Постановлением Президиума Волгоградского областного суда от 8 апреля 2015 г.) - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.03.2019).

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 29 октября 2013 г. N 11-Д13-33.; Определение Верховного Суда РФ от 20 августа 2013 г. N 88-Д13-15 - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.03.2019).

Подводя итог, можно сказать, что изучение обстоятельств, исключая преступность деяния, играет большую роль при определении грани наказуемого и ненаказуемого деяния по национальному уголовному законодательству. На примере изучения проблемы провокации преступления, и судебной практики по данному вопросу, можно констатировать, что на сегодняшний день обстоятельства, исключая преступность деяния имеют особую актуальность, наблюдается взаимодействие международных и национальных судебных органов.

Список литературы

Комиссаров В.С., Яни П.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключая ответственность за получение взятки // Законность. 2010. N 9.

Милоков С.Ф. Обстоятельства, исключая преступность деяния // Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Г. Л. Касторского, А. И. Чучаева. СПб., 2009.

Милоков С.Ф., Никуленко А.В. Провокация обороны: от безоговорочного отрицания к взвешенной оценке // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. №1(68)

Обобщение судебной практики по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами (утв. Постановлением Президиума Волгоградского областного суда от 8 апреля 2015 г.) - URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.03.2019).

Лазарев А. А.

Проблемы совершенствования уголовного законодательства в области борьбы с разглашением государственной тайны

Improvement of Criminal Legislation Countering the Divulgence of State Secrets

Аннотация: в статье анализируется уголовное законодательство, направленное на противодействие разглашения государственной тайны, различные подходы и точки зрения, касающиеся формулировки уголовно-правовых норм Особенной части, охраняющих государственную тайну. Предлагаются изменения и дополнения к рассматриваемым нормам УК РФ.

Abstract: The article analyzes the criminal legislation aimed at countering the disclosure of state secrets, different approaches and points of view concerning the formulation of criminal law rules of the Special part of Criminal Code protecting state secrets. The author proposes changes and additions to the norms of the Criminal code.

Ключевые слова: государственная тайна, защита государственной тайны, разглашение государственной тайны, сведения составляющие государственную тайну.

Key words: state secrets, protection of state secrets, divulgence of state secrets, information constituting state secrets

Одним из самых охраняемых объектов в современном государстве и обществе являются отношения, связанные с информацией. Государство устанавливает различные средства и способы защиты информации, а для информации, составляющей государственную тайну, установлен особый способ защиты – уголовно-правовой институт защиты государственной тайны.

Общественная опасность преступлений, связанных с посягательством на государственную тайну вполне очевидна. В настоящее время в действующем УК РФ предусмотрено пять статей, которые регулируют вопросы, связанные с установлением уголовной ответственности за неправомерное обращение с государственной тайной: ст. ст. 275, 276, 283, 283¹, 284 УК РФ.

Нужно сразу отметить, что указанные составы преступления достаточно редко выступают в качестве предмета самостоятельного научного анализа на монографическом уровне, что нельзя сказать об уголовном законодательстве СССР, когда были опубликованы многочисленные научные исследования, касающиеся уголовной ответственности за разглашение государственной тайны¹

Нормы, регулирующие уголовную ответственность в сфере охраны государственной тайны, в целом, достаточно редко подвергались изменениям и дополнениям. Так, с 1996 года по 2019 год в УК РФ всего три раза были изменения в редакции статей 275, 276, 283, 283¹, 284 УК РФ. При этом основные изменения были внесены Федеральным законом от 12 ноября 2012 года № 190-ФЗ, который существенным образом скорректировал нормы исследуемого института² и в тоже время многие его положения вызвали, по нашему мнению, справедливую критику³.

В частности, серьезным изменениям в названном Федеральном законе от 12 ноября 2012 года № 190-ФЗ подверглась, в первую очередь, ст. 275 УК РФ, предусматривающая ответственность за государственную измену. К положительным новациям в редакции 2012 года следует отнести включение международных организаций в число адресатов получения государственной тайны при государственной измене. До внесения указанных изменений сообщение любым способом государственной тайны международной организации не подпадало под признаки уголовно-наказуемого деяния, что являлось существенным пробелом, позволяющим виновным избежать ответственности.

Тем не менее, далеко не все внесенные изменения заслуживают положительной оценки. Так, осуществляя конструирование диспозиции ст. 275 УК РФ, законодатель фактически ушел от основного юридико-технического правила «экономия текста». В современной редакции ст. 275 УК РФ стала излишне громоздкой, о чем свидетельствует подробный анализ ее диспози-

ции. Во-первых, к субъектам ст. 275 УК РФ отнесены лица, которым государственная тайна была доверена или же стала известна в виду службы, работы, учебы и в иных случаях. Возникает вполне закономерный вопрос, к чему излишний перечень видов деятельности (к тому же являющийся открытым), в силу которого лицу становится известна государственная тайна? Совершенно очевидно, что осуществить выдачу тайны может только то лицо, которое получило доступ к данной тайне на предусмотренных законом основаниях. Если доступ был незаконен – то происходит незаконное соби- рание и передача информации, составляющая государственную тайну.

Во-вторых, в статье перечислены конкретные виды помощи (финансовая, консультация и другие) которые виновное лицо может оказывать зарубежному государству, международной организации и т.д. в осуществлении деятельности, направленной против национальной безопасности Российской Федерации. Перечень конкретных видов помощи вполне может быть оправдан (с юридико-технической точки зрения) в случае формулирования его «закрытым». Если же он является открытым, то это автоматически делает перечисление не нужным.

В целом же, подводя краткий итог современной редакции ст. 275 УК РФ, можно отметить, Федеральный закон от 12 ноября 2012 года № 190-ФЗ по своей сути лишь усложнил ее понимание конкретным правоприменителем и гражданами, при этом во многом сам смысл статьи фактически остался неизменным. И можно только согласиться с С. С. Тихоновой, которая правильно указывает, что «усложнение норм закона посредством излишней детализации и многословия серьезным образом затрудняет правописание соответствующего нормативного предписания его конкретным адресатом»¹.

С учетом данного обстоятельства, представляется, что ч. 1 ст. 275 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции: *«шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации»*.

Значительное количество вопросов, связанных с правоприменением, возникает при анализе ст. 283 УК РФ. Во-первых, не совсем понятно место данной статьи в структуре уголовного закона. В уголовно-правовой доктрине высказывается точка зрения о том, что рассматриваемое преступное деяние ошибочно находится в главе

В научной литературе высказывается точка зрения о том, что указанное преступление ошибочно находится в главе 29 УК РФ². Сторонники данной точки зрения приводят аргумент о том, что в указанной статье фактиче-

¹ Ахметшин, Х. М. Уголовная ответственность военнослужащих за разглашение государственной и военной тайны по советскому военно-уголовному праву : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Х. М. Ахметшин ; Военно-юридическая академия советской армии. Кафедра уголовного права. М.: РИО ВЮА, 1952. 20 с.; Смирнов Е.А. Особо опасные государственные преступления : Вопросы квалификации в связи с применением уголовно-правовых норм : Учебное пособие / Киевская высш. шк. МВД СССР. Киев : Науч.-исслед. и ред.-издат. отдел, 1974. 179 с.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 12.11.2012 N 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 47. Ст. 6401.

³ Самсонов О.Г. Проблемы квалификации разглашения государственной тайны (ст. 238 УК РФ) // Актуальные проблемы правового и политического развития России: Материалы VI Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. Вып. 6: Сборник научных статей. 2013. С. 249.

¹ Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве: Курс лекций. Нижний Новгород, 2008. С. 110.

² Ткачевский Ю.М., Тяжкова И.М. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства // Курс уголовного права. Особенная часть. Учебник для вузов / Под ред. проф. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комисарова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 47.

ски отсутствует цель совершения данного преступления – изменение конституционного строя или же ослабление внешней безопасности Российской Федерации. Если же данная цель присутствует – то налицо состав ст. 275 УК РФ (государственная измена). С учетом данного обстоятельства делается вывод о том, что объектом ст. 283 УК РФ являются отношения обеспечивающие сохранность (правовой режим) государственной тайны, в виду чего указанное деяние должно быть отнесено к группе преступлений против порядка управления.

Как нам представляется, указанная выше точка зрения, хотя и имеет право на существование, все же не совсем верна, а именно нарушен основной логический посыл, закрепление ст. 283 УК РФ в главе 29 обусловлено не субъективными целями субъекта преступления, а исходя из содержания объекта. Отметим, что все статьи уголовного закона находят свое место в той или иной главе исходя из специфики (в первую очередь) объекта¹. В нашем случае налицо наличие общественных отношений направленных на сохранение государственной тайны, а их разглашение в любом случае ведет к причинению ущерба внешней безопасности Российской Федерации².

Определенной проблемы вызывает ограниченный перечень преступных деяний, закрепленный в ст. 283 УК РФ. В соответствии со ст. 283 УК РФ преступным является только разглашение государственной тайны. Однако, как показывает сравнительно-правовой анализ, в ряде иностранных государств уголовно-наказуемо несанкционированное использование сведений составляющих государственную тайну (ст. 265 УК Польши³, §798 Федерального УК США⁴).

Кроме того, следует иметь в виду, что лицо может фактически не разглашать информацию, содержащую государственную тайну, а лишь сделать из нее определенные выводы и в дальнейшем оперировать ими ради собственной выгоды. Но в действующем УК РФ отсутствует уголовно-правовой запрет, предусматривающий уголовную ответственность за использование государственной тайны и применить к лицу меры уголовной ответственности фактически невозможно. При этом отметим, что использование в личных целях иных видов тайн в отечественном уголовном законе криминализовано, а именно – установлен уголовно-правовой запрет на использование сведений, составляющих коммерческую тайну, банковскую или налоговую тайну (ст. 183 УК РФ). С учетом данного обстоятельства представляется вполне разумным дополнить диспозицию ст. 283 УК РФ словом «использование».

¹ Топильская Е.В. Состав преступления/Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие / Под ред. Е. Н. Рахмановой. – М.: РГУП, 2017. С. 61-82

² Гельдибаев М.Х., Рахманова Е. Н. Уголовное право в схемах и определениях. – СПб. Издательство «Юридический центр Пресс», 2017. С. 409

³ Уголовный кодекс Республики Польша [Электронный ресурс] // Образовательный онлайн-ресурс «Studbooks». Режим доступа: www.studbooks.ru. Дата обращения: 19.06.2019г.

⁴ Федеральный уголовный кодекс Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс] // Образовательный онлайн-ресурс «Studbooks». Режим доступа: www.studbooks.ru. Дата обращения: 19.06.2019г.

Также следует отметить, что неудачным является указание в действующем законе на последствия разглашения государственной тайны, а именно на то, что указанные сведения должны стать достоянием иных лиц. Отметим, что с точки зрения русского языка это являет собой явную тавтологию, поскольку сам по себе термин «разглашение» следует понимать не как процесс, а как конечный результат, который представляет собой доведение информации до конечного адресата. Как указывается в толковом словаре Ожегова, разгласить означает «Рассказав, оповестив, сделать известным всем (что-нибудь тайное). Р. чужую тайну, секрет»¹. В связи с изложенным полагает, что следовало бы исключить упомянутый выше признак из диспозиции ст. 283 УК РФ.

Далее необходимо остановиться на вопросе определения субъекта разглашения государственной тайны. Согласно нынешнему уголовному законодательству, субъектом разглашения государственной тайны является лицо, которому государственная тайна стала известна в виду служебной деятельности, или в виду учебной деятельности, или иной профессиональной деятельности, но в обязательном порядке государственная тайна должна стать известной в виду правомерного к ней доступа. Что это значит? Это означает, что лицо, которое получило информацию о государственной тайне должно было ее получить в установленном законом порядке, для того, чтобы являться потенциальным субъектом ст. 283 УК РФ. Если же указанное лицо получило сведения о государственной тайне каким-либо иным образом (к примеру, случайно подслушало разговор лиц, которые обладали сведениями о государственной тайне и обсуждали ее аспекты между собой), то привлечь его к уголовной ответственности по ст. 283 УК РФ не представляется возможным по той причине, что данное лицо не несет обязанности по обеспечению сохранности государственной тайны. Единственное за что можно привлечь данное лицо к мерам уголовной ответственности – это незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну, однако и это является спорным вопросом.

Сравнительно-правовой анализ аналогичных норм в зарубежном праве показывает, что указанный подход прямо не соответствует интересам осуществления защиты государственной тайны. Отметим, что в законодательстве ряда государств (ч. 1 ст. 357 УК Болгарии, ст. 265 УК Польши, п. а,б § 3 Закона Великобритании 1989 года «О государственной тайне»²) субъект аналогичных преступлений общий. Указанное положение, на наш взгляд, представляется вполне целесообразным и может быть реципировано в отечественное законодательство.

В этой связи представляется обоснованной следующая формулировка диспозиции ч. 1 ст. 283 УК РФ: «*Разглашение или использование сведений,*

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка// [Электронный ресурс]// http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt(Дата обращения: 24.06.2019 г.)

² Закон Великобритании 1989 года «О государственной тайне» [Электронный ресурс] // Образовательный онлайн-ресурс «Studbooks». Режим доступа: www.studbooks.ru. Дата обращения: 19.06.2019г.

составляющих государственную тайну, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 275 и 276 настоящего Кодекса, наказываются».

В свою очередь, признак специального субъекта можно было бы отнести к квалифицирующим, и закрепить во второй части статьи, а причинение по неосторожности тяжких последствий перенести в часть третью.

Подводя итог вышеизложенному, мы можем отметить, что в настоящее время существует значительное количество проблем, связанных с применением законодательства в области борьбы с разглашением государственной тайны, которое нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Список литературы

Ахметшин Х. М. Уголовная ответственность военнослужащих за разглашение государственной и военной тайны по советскому военно-уголовному праву : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук; Военно-юридическая академия советской армии. Кафедра уголовного права. М.: РИО ВЮА, 1952. 20 с.

Гельдибаев М.Х., Рахманова Е. Н. Уголовное право в схемах и определениях. – СПб. Издательство «Юридический центр Пресс», 2017.

Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]// http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt(Дата обращения: 24.06.2019 г.)

Самсонов О.Г. Проблемы квалификации разглашения государственной тайны (ст. 238 УК РФ) // Актуальные проблемы правового и политического развития России: Материалы VI Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. Вып. 6: Сборник научных статей. 2013

Смирнов Е.А. Особо опасные государственные преступления: Вопросы квалификации в связи с применением уголовно-правовых норм: Учебное пособие /Киевская высш. шк. МВД СССР. Киев :Науч.- исслед. и ред.-издат. отдел,1974. 179 с.

Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве: Курс лекций. Нижний Новгород, 2008. 244 с.

Ткачевский Ю.М., Тяжкова И.М. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства // Курс уголовного права. Особенная часть. Учебник для вузов / Под ред. проф. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.

Топильская Е.В. Состав преступления //Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие / Под ред. Е. Н. Рахмановой. М.: РГУП, 2017. С. 61-82.

Ляхова В.В

Документы как предмет преступлений, предусмотренных ч. ч. 1, 3 ст. 327 УК РФ: проблемы теории и практики

Official Documents as the Instruments and Targets of Crimes (p. 1, 3 of article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation: Problems of Theory and Practice

Аннотация: в работе рассматривается понятие официального документа, который выступает как непосредственный объект в некоторых категориях преступлений, так и как средство преступления в других категориях. Рассматриваются основные признаки официальных документов, а также различные точки зрения ученых на правоприменение данного понятия для различных категорий преступлений.

Исследуются такие вопросы как «должен ли официальный документ обладать, установленной нормативными актами формой?», а также «являются ли предметом преступлений, предусмотренных ст. 327 УК официальные документы, выдаваемые органами власти иностранных государств?».

Abstract: The article discusses the concept of an official document, which can act as a target in certain categories of crime, and as instruments in others. The author researches the main features of official documents as well as different scientific perspectives on use of this concept for various categories of crimes. The article offers answers to such questions as: «Should the official document have the form prescribed by the regulations?» and «Should the official documents issued by the authorities of foreign states be the targets of crimes according to the art. 327 of the Criminal Code?»

Ключевые слова: официальный документ, источник доказательств, служебный подлог, легализация, юридический факт.

Keywords: official document, source of evidence, official forgery, legalization, legal fact

Анализ судебно-следственной практики, а также нормативных актов свидетельствует о том, что документ является источником доказательств по целому ряду преступлений. От того, сумеют ли участники уголовного судопроизводства отыскать и грамотно распорядиться полученными доказательствами, будет зависеть полнота и объективность исследования обстоятельств дела.

В уголовном праве документ выступает и как непосредственный объект, на который направлено преступное посягательство, и как средство совершения преступления.

В качестве непосредственного объекта преступного посягательства «документ» фигурирует в следующих статьях Уголовного кодекса Российской Федерации: в ст. 164 «Хищение предметов, имеющих особую ценность»; ст. 284 «Утрата документов, содержащих государственную тайну», в данной статье под предметом преступления понимаются документы, исполненные машинописным, типографическим способом или от руки, в которых содержатся сведения, составляющие государственную тайну; ст. 292 «Служебный подлог», где в качестве предмета преступления рассматриваются «официальные документы» - материальные носители информации, письменные акты органов, ветвей власти, имеющие юридическую силу; ст. 324 «Приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград» предметом преступления являются официальные документы, пре-

доставляющие права или освобождающие от обязанностей, а также государственные награды РФ, РСФСР, СССР; ст. 325, в качестве объектов посягательства выступают такие разновидности документов, как личные документы граждан, специальные и акцизные марки или знаки соответствия; ст. 163 предметом преступления могут выступать документы (расписки, договора) или иные документы, подтверждающие наличие долга за вымогателем, либо документ, согласно которому определены имущественные права переходят к вымогателю, и др. статьи Кодекса.

В качестве средств совершения преступления документы упоминаются в следующих статьях Уголовного кодекса: 159; 142; 186; 187; 327 УК РФ и др.).

Подтверждение сказанному встречается и в ряде статей Общей части УК Российской Федерации. Например, согласно ст. 63 УК РФ использование при совершении преступлений документа представителя власти является обстоятельством, отягчающим наказание.

Несмотря на столь часто упоминание рассматриваемого понятие, определения официального документа в УК РФ не содержится, и поэтому оно дается наукой уголовного права.

Так, Н. В. Корепанов и С. Г. Щербаков считают, что «При расследовании уголовных дел доказательством могут быть различные документы, т. е. письменные акты и записи: наряды, накладные, чеки, справки, личные письма, записки, черновые заметки и т. д.»¹.

Наиболее развернутое определение документа представлено в работах Р. С. Белкина, который определяет документ, как материальный объект, на котором с помощью знаков, символов и т. п. элементов естественного или искусственного языка, зафиксированы сведения о фактах. При этом названный автор различает документы, рукописные, машинописные, полиграфические, фото и кинодокументы и т. д.²

Такую же позицию в отношении понятия «документ» занимает и А. А. Волков. По его словам, документ – это имеющий юридическое значение письменный акт, составленный в форме, удобной для использования человеком и регламентированный законом или исторически сложившимися вековыми традициями³.

По мнению З. А. Незнамовой, документ - это деловая бумага, которая подтверждает какой-либо факт либо право на что-то⁴.

В юридической литературе можно встретить и другие взгляды на правовую природу официального документа, при этом среди ученых, за-

нимавшихся этой проблемой, не сложилось единой точки зрения. Многие юристы понимают под официальным документом письменные акты, удостоверяющие определённые факты и события, имеющие юридическое значение, либо предоставляющие права или освобождающие от обязанностей. Другие юристы считают, что такой документ может иметь любой материальный носитель.

Анализ научной литературы позволил нам прийти к выводу о том, что наибольшее распространение имеют три подхода к определению официального документа.

Большинство ученых и практиков относят к «официальным», те документы, которые находятся в обороте государственных и муниципальных органов, учреждений, предприятий и иных организаций. Так, во многих комментариях к УК, учебниках и статьях утверждается, что они могут исходить как от государственных органов власти и управления, должностных лиц этих органов, органов местного самоуправления, так и от юридических лиц и других организаций коммерческого или иного характера.

Другие авторы признают официальными только те документы, которые выдаются государственными органами, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями, предприятиями и иными организациями, Документы, исходящие из различных коммерческих структур, а также некоммерческих организаций, не являющихся государственными или муниципальными, они не относят к «официальным».

Третья позиция сводится к тому, что к «официальным документам», следует относить и частные документы. При этом авторы связывают придание официального статуса документу, составителем которого является частное лицо, с нахождением его в обороте государственных, муниципальных органов и организаций (заявления, жалобы, документы, заверенные нотариусом или лицами, чьи подписи приравниваются к нотариально заверенным).

Между прочим, Г. Ф. Поленов считает, что любой частный документ никогда не может признаваться официальным, поскольку источник, его породивший, - частное лицо. Если такой документ находится о делах государственного или общественного учреждения, то его происхождение не меняется - он творение частного лица. Судить о документе нужно не с точки зрения его значения для кого или чего-либо, а с точки зрения его происхождения.

Следует отметить тот факт, что кроме Уголовного Кодекса России данная дефиниция существует в ряде других нормативных актах. Например, в соответствии со ст. 84 УПК РФ под документами понимаются не только письменные акты, но и документы, в которых информация зафиксирована иными способами. В ч. 2 ст. 84 УПК РФ в качестве доказательств выступают документы, которые содержат сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото и киносъемки, аудио и видеозаписи и иные носители информации, полученные,

¹ Корепанов Н.В., Щербаков С.Г. Особенности производства выемки и осмотра документов и материальных ценностей при расследовании хищений, совершенных на промышленных предприятиях. Екатеринбург, Екатер. гос. юр. акад. - 1993. - С. 5.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики. - 3-е издание, дополненное. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. - 2001. - С. 221.

³ Волков А. А. Диагностика в технико- криминалистическом исследовании реквизитов документов: Диссертация кандидата юридических наук. - Саратов. - 1999. - С. 26.

⁴ Козаченко И.А., Незнамова З.А., Новоселов Г.П. Уголовное право. Особенная часть. М.: Норма. - 2001. - С. 354.

истребованные или предоставленные в порядке, установленном в статье 86 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации. В ч. 2 ст. 84 УПК РФ документы, обладающие признаками, указанными в ч. 1 ст. 81 настоящего кодекса, признаются вещественными доказательствами.

В ст. 75 Арбитражного процессуального кодекса РФ в качестве документа, приравняемого к письменным, называются иные документы, выполненные в форме цифровой, графической записи или иными способом, а также указывается, что, независимо от способа выполнения документа он должен обладать формой, доступной для непосредственного восприятия человеком, всеми реквизитами юридически значимого документа, позволяющими установить его достоверность, т.е. содержать: код лица, изготовившего документ; код лица, ответственного за изготовленный документа на компьютерном носителе; код лица, утвердившего документ; цифровой или иной аналог собственноручной подписи.

Следует, также отметить, что о возможности использования в судебном процессе современных источников информации указывалось еще в постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 7 от 9 июля 1982 г. «О судебном решении» (п.п. 6 и 7)¹, а также обзоре судебной практики Верховного Суда СССР «Использование в качестве доказательств документов и заключений экспертов, подготовленных средствами электронно-вычислительной техники»². Высший Арбитражный Суд Российской Федерации также считает возможным принимать в качестве доказательств по рассматриваемым арбитражным делам документы, подготовленные с использованием ЭВМ.

Кроме всего в соответствии с ныне действующей редакцией ст. 5 ФЗ «Об обязательном экземпляре документа» (в ред. Федерального закона от 11 февраля 2002 г.) «официальные документы определяются как документы, принятые органами законодательной, исполнительной или судебной власти, носящие обязательный, рекомендательный или информационный характер». В ст. 8 Федерального закона от 9 июля 1993 г. «Об авторском праве и смежных правах» к официальным документам отнесены законы, судебные решения, иные тексты законодательного, административного и судебного характера, а также официальные их переводы.

Согласно Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов от 5 октября 1961 г., в качестве официальных документов рассматриваются:

- а) документы, исходящие от органа или должностного лица, подчиняющихся юрисдикции государств включая документы, исходящие от прокуратор, секретаря суда или судебного исполнителя;
- б) административные документы;
- в) нотариальные акты;

¹ Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР по гражданским делам. М., 1994; Бюллетень ВС СССР, № 4. – 1982. - С. 21.

² Письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 апреля 1992 г. N К-3/96 "О документах, заверенных электронной печатью типа «ЛАН-КРИПТО».

г) официальные пометки, такие как отметки о регистрации; визы, подтверждающие определенную дату; заверения, подписи на документе, не засвидетельствованном у нотариуса.

Конвенция не распространяется: а) на документы, заверенные дипломатическими или консульскими агентами; б) административные документы, имеющие прямое отношение к коммерческой или таможенной операции.

Постановлением Госстандарта РФ от 27 февраля 1998 г. № 28 утвержден Государственный стандарт РФ ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело». Согласно п. 23 названного ГОСТа официальным признается документ, созданный юридическим или физическим лицом, оформленный и удостоверенный в установленном порядке.

На наш взгляд, приведенные законодательные акты показывают, что легального общеупотребительного (межотраслевого) понятия «официальный документ» на данный момент не существует и поэтому имеет место столь расширительное толкование понятие «официального документа».

При этом названные акты официальному документу, в основном, придают два значения: 1) связанность с органами власти, их должностными лицами (узкое понимание); 2) оформленность с соблюдением всех правил (широкое понимание). Очевидно, что определение официального документа, данное ГОСТом, исходит из широкого понимания термина «официальный» - это все то, что оформлено и удостоверено в установленном порядке.

Между тем, в судебной практике также нет единства. Суды одних регионов России идут по пути отнесения к официальным тех документов, которые находятся в обороте государственных (муниципальных) органов, учреждений, организаций и предприятий и отвечают определенным требованиям. Еще более расширительное толкование понятия официальных документов предложено другими судами, полагающими, что официальными документами признаются документы, имеющие юридическое значение.

Так, судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что зачётные книжки студентов являются официальными документами, на основании которых принимаются решения о переводе студентов на следующий курс, а в итоге - о допуске к дипломной работе.

По другому делу следователем и судом были допущены грубые ошибки в определении признаков официального документа, что привело к постановлению незаконного приговора. Осужденная работала следователем следственного отдела при Чкаловском РУВД г. Екатеринбурга и приняла к производству уголовное дело, возбужденное в отношении Б. по ч. 4 ст. 228 УК (сбыт наркотических веществ). В январе 2000 г., действуя из личной заинтересованности, с целью избежать наложения на неё взыскания за волокиту по расследованию дела, а также для искусственного улучшения показателей своей работы, внесла в две статистические карточки (формы № 1.1- 99 и № 2-2000) заведомо ложные сведения. Удостоверив их личной подписью, она направила эти карточки в информационный центр ГУВД Свердловской области, и преступление было учтено как оконченное расследованием. Чка-

ловский районный суд г. Екатеринбурга признал С. виновной в служебном подлоге. Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда приговор оставила без изменения. Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда приговор оставила без изменения.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене приговора и кассационного определения за отсутствием в действиях С. состава преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ.

Президиум Свердловского областного суда 29 мая 2002 г. удовлетворил протест по следующим основаниям.

По смыслу ст. 292 УК РФ предметом служебного подлога являются лишь официальные документы, т.е. такие, которые удостоверяют события или факты, имеющие юридическое значение и влекущие соответствующие юридические последствия, либо предоставляют права, возлагают обязанности или освобождают от них. Такие обстоятельства по делу не установлены. Составление статистических карточек предусмотрено указанием Генерального прокурора Российской Федерации № 65/20-1 от 5 ноября 1996 г. и Министра внутренних дел Российской Федерации № 1/18430 от 6 ноября 1996 г. «О введении в действие документов первичного учета преступлений и лиц, их совершивших», приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России «О введении в действие Инструкции о едином учете преступлений» от 14 декабря 1994 г, № 66/418 и Инструкцией о едином учете преступлений, утвержденной Генеральным прокурором Российской Федерации 14 декабря 1994 г. № 20-1-85/94.

Исходя из положений приведенных указаний, приказа и инструкции статистические карточки являются формой первичного учета выявленных преступлений и лиц, их совершивших, служат целям контроля над своевременностью поступления первичной учетной документации, подбора отдельных сведений о преступности, результатах расследования по делу и т.д.

Таким образом, статистические карточки фирм № 1.1-99, 2-2000 носят информационный характер и как документы первичного учета преступлений применяются только для решения ведомственных задач.

Эти документы согласно § 22 гл. V упомянутой Инструкции хранятся в учетно-регистрационных подразделениях органов внутренних дел в течение года при условии, что по делам, направлявшимся с обвинительным заключением в суд, поступили справки по форме № 6 о вступлении приговора в законную силу. В зависимости от результатов рассмотрения дела судом в соответствии с § 10 и 11 гл. II зарегистрированные преступления подлежат снятию с учета или оставлению на учете.

Следовательно, составление С. карточки формы № 2-2000 на Б. как на лицо, совершившее преступление, до поступления из суда справки о вступлении приговора в законную силу, не могло повлечь никаких правовых последствий для этого лица, тем более что он под стражей не находился.

Составление карточки формы № 1.1-99 о направлении дела в суд также не являлось основанием для снятия данного дела с учета и не препятствовало продолжению расследования.

При таких обстоятельствах указанные статистические карточки как не устанавливающие каких-либо юридических фактов и не влекущие правовых последствий нельзя признавать официальными документами.

По изложенным мотивам выводы суда о признании этих карточек официальными документами и о наличии и действиях С. состава преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, являются ошибочными.

Приговор суда и определение судебной коллегии отменены, а дело прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в действиях С. состава преступления.

Таким образом, исследуя позиции судебно-следственных органов, а также, точки зрения различных ученых относительно определения понятия «официального документа» мы приходим к выводу о целесообразности рассмотрения его признаков.

По нашему мнению, документ следует признавать официальным, если он оформлен с соблюдением всех правил и обязателен для адресата (рассмотрения и/или исполнения) в силу нормативных правовых актов. Это означает, что, если документ составлен в порядке и в соответствии с нормативным правовым актом любым лицом, такой документ является официальным. Следовательно, дополнительными признаками официального документа выступают: предусмотренность (закрепленность) законодательством (в широком смысле слова); оформленность в установленном законодательством порядке; обязательность для адресата (рассмотрения и/или исполнения); вербальность - мыслью содержащаяся в документе, изложена в форме слов (словосочетаний) и посредством логических операций (понятий, суждений и умозаключений).¹

Именно по признаку оформленности и обязательности для адресата, а не по субъекту (источнику происхождения), как на это указывают отдельные ученые и в некоторых случаях судебная практика, документы можно классифицировать на: а) официальные; б) неофициальные.

Иными словами, официальный документ – это документ, имеющий юридическое значение, то есть, выполняющий юридические функции: доказательственную, удостоверительную, правоустановительную, правореализующую, правоохранительную и правопрекращающую функцию. В ст. 327 УК РФ из перечисленных прямо указано на правоустановительную и правопрекращающую функции - предметом данного преступления являются официальные (юридические) документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей. Предоставление права или освобождение от обязанности может быть прямо указано в официальном документе или вытекать из его содержания.

К числу официальных документов, предоставляющих права можно отнести: военный билет, водительские удостоверения, временные разрешения на право управления автомобилем, технические паспорта, документы для постановки автомашин на учет, паспорта, трудовые книжки, пенсион-

¹ Бриллиантов А. В. Критерии официального документа // Уголовное право, № 5. - 2010. - С. 4 - 7.

ные удостоверения, удостоверения ветерана, участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, дружинника, работников ФСБ, МВД и налоговой инспекции, пропуска для проезда в закрытый объект, медицинские книжки (карты), санитарные книжки, медицинские справки, листки временной нетрудоспособности, документы об образовании (свидетельства, аттестаты, дипломы), доверенности, договоры, приказы, разрешение на хранение и ношение оружия, страховые полисы (обязательные), повестки о вызове и правоохранительные органы и суд, патенты, лицензии, миграционная карта, документы о временной регистрации гражданина по пребыванию. Документами, освобождающими от обязанностей, могут быть, например, справки от освобождения от военной службы, листки временной нетрудоспособности.

Подобные документы имеют статус официальных не только потому, что они предоставляют определенные права или освобождают от обязанностей, но в силу того, что они включены в систему управления. Ученые, исследовавшие рассматриваемую проблему, считают, что если документ находится (попадает) в официальном документообороте (делопроизводстве) и связан с управленческой или служебной деятельностью государственных, муниципальных органов (организаций), то его следует признавать официальным, если даже его автором является частное лицо. Документы же так называемого хозяйственного назначения (от кого бы они ни исходили — юридических или физических лиц) не могут признаваться официальными.

Официальные документы, не включенные в официальный документооборот, связанный с обеспечением порядка реализации властных или управленческих полномочий государственными, муниципальными органами (организациями), или исключенные из него, не могут быть предметом преступления предусмотренного ст. 327 УК РФ не потому, что они перестают быть официальными, как на это указывают многие авторы, а в связи с тем, что их подлог не причиняет и не может причинить вред интересам государственной/муниципальной власти (службы) и порядку осуществления властных или управленческих функций государственными/муниципальными органами (организациями), т.е. видовым объектам, охраняемым главой 32 УК РФ. Например: статистические карточки, доверенности на право управления автомобилем, путевые листы, студенческие билеты, заводские пропуска, рецепты, донорские справки, месячные проездные билеты, ветеринарные свидетельства, сертификаты качества, марки для писем, квитанции об уплате штрафа, налога и госпошлины, чеки, банковские справки о покупке валюты, извещения о почтовом переводе, кассовые ордера, платёжные поручения, ведомости на выдачу зарплаты и гуманитарной помощи, листы бригадного расчёта для начисления зарплаты, товарные накладные, акты, письма на бланках администрация города и т.д.

Гражданско-правовые договоры между организациями, трудовые договоры с работниками, документы переписки между организациями по вопросам хозяйственной деятельности, оформленные в соответствии с гражданским, трудовым или иным законодательством и обязательные для сторон (участников документооборота), перестают быть официальными на том лишь основа-

нии, что они не связаны с осуществлением властных или управленческих функций государственными/муниципальными органами, то есть не посягают на установленный порядок управления. Подлог «хозяйственных» официальных документов наносит ущерб интересам службы в организациях, хозяйственной деятельностью, по нашему мнению, должен найти свое место в системе преступлений гл. 23 УК РФ или в других главах УК РФ.

Должен ли официальный документ обладать, установленной нормативными актами формой? По нашему мнению, официальный документ должен иметь, определенную форму и реквизиты. Более того, он должен отвечать требованиям, предусмотренным «Едиными правилами оформления официальных документов», которые утверждены распоряжением руководителя Администрации Президента РФ от 17 декабря 1994 г. Необходимо уточнить, официальные документы подлежат оформлению в соответствии с государственным стандартом «Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов», принятым и введённым в действие постановлением Госстандарта России от 31 июля 1997 г. № 273 (с изменениями, внесёнными постановлением Госстандарта РФ от 21 января 2000 г.). Этот стандарт распространяется на организационно-распорядительные документы (постановления, распоряжения, приказы, решения, протоколы, акты, письма и др.), используемые в деятельности: Федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления; предприятий, организаций и их объединений независимо от формы собственности и организационно правовой формы.

Следственные, судебные, организационно-распорядительные и иные официальные документы должны соответствовать установленным образцам. Если документ исходит от частного лица и у таких документов отсутствуют требуемые внешние признаки (признаки, отражающие их форму и размер, носитель информации, способ записи, элементы оформления), то они не обладают юридической силой. Неправильно оформленный, поддельный документ не может быть предметом преступлений, предусмотренных ст. 324 и 325 УК. Напротив, подобный документ является предметом преступлений предусмотренного ст. 327 УК РФ, объективная сторона которых выражается в его подделке (подлоге). Например, свойство официального приобретает документ, исходящий от частного лица и приобщенный в качестве доказательства по гражданскому делу. Фальсификация такого документа лицом, участвующим в деле, квалифицируется по ч.1ст.303 УК РФ.

Следующий важный момент – являются ли предметом преступлений, предусмотренных ст. 327 УК официальные документы, выдаваемые органами власти иностранных государств?

На наш взгляд, при решении этого вопроса необходимо учесть, что многие документы, исходящие от официальных органов иностранных государств, на территории России не обладают юридической силой. Для того чтобы в нашей стране они были признаны, их следует легализовать в Министерстве юстиции

РФ и Министерстве иностранных дел РФ. Легализация заключается в установлении и свидетельствовании подлинности подписи иностранных должностных лиц на документах и, следовательно, их соответствия законам иностранного государства. Однако процедура легализации может быть отменена или упрощена в соответствии с международными договорами государств. Россия участвует в ряде конвенций, упрощающих или отменяющих легализацию документов, выданных органами государств — участников этих конвенций. Так, согласно Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях, по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной рядом республик бывшего СССР, документы, которые на территории одной из Договаривающихся Сторон изготовлены, или, засвидетельствованы учреждением или специально на, то уполномоченным лицом в пределах их компетенции и по установленной форме и скреплены гербовой печатью, принимаются на территориях Договаривающихся Сторон без какого-либо специального удостоверения. Документы, которые на территории одной из договаривающихся сторон рассматриваются как официальные документы, пользуются на территориях других Договаривающихся Сторон доказательной силой официальных документов (ст. 13). Аналогичные положения содержатся в договорах между Российской Федерацией и другими государствами (Болгарией, Венгрией, Вьетнамом, Грецией, Китаем, Кубой, Монголией, Польшей, Румынией, Финляндией и т.д.) о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам.

С нашей точки зрения, документ, выданный органом иностранного государства, можно признать предметом преступления - официальным документом, если он, во-первых, обладает юридической силой, содержит информацию, имеющую правовое значение; во-вторых, прошёл процедуру легализации, либо признан официальным без легализации на основании норм международного права. Приобретение, сбыт, похищение, уничтожение, повреждение, сокрытие, подделка только такого документа могут быть квалифицированы соответственно по ст. 324, 325 или 327 УК.

Такое понимание «официального документа» являются оправданным, поскольку действующий Уголовный кодекс РФ существенным образом меняет традиционные представления о признаках официального документа.

Список литературы

- Белкин Р. С. Курс криминалистики. - 3-е издание, дополненное. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. - 2001.
- Бриллиантов А. В. Критерии официального документа // Уголовное право, № 5. - 2010.
- Волков А. А. Диагностика в технико- криминалистическом исследовании реквизитов документов: Диссертация кандидата юридических наук. - Саратов. - 1999
- Козаченко И. А., Незнамова З.А., Новоселов Г.П. Уголовное право. Особенная часть. М.: Норма. - 2001
- Корепанов Н. В., Щербakov С.Г. Особенности производства выемки и осмотра документов и материальных ценностей при расследовании хищений, совершенных на промышленных предприятиях. Екатеринбург, Екатер. гос. юр. акад. - 1993
- Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР по гражданским делам. М., 1994; Бюллетень ВС СССР, № 4. - 1982.

Некоторые вопросы отграничения посредничества во взяточничестве от смежных составов преступления

Distinguishing the Mediation in Bribery from Related Crimes

Аннотация: В рамках данной статьи автором исследуются проблемные вопросы, связанные с отграничением состава посредничества во взяточничестве от смежных составов. Рассматриваются критерии отграничения посредничества во взяточничестве от смежных коррупционных преступлений. По результатам проведенного исследования делаются авторские выводы.

Abstract: The author researches the problematic issues related to the differentiation of mediation in bribery from related crimes. Considering the frameworks of reference that help to differentiate adjacent crimes, author comes to certain conclusions.

Ключевые слова: посредничество во взяточничестве, отграничение посредничества во взяточничестве от смежных составов, взяточничество, коррупционные преступления.

Key words: mediation in bribery, differentiation of the mediation in bribery from related crimes, bribery, corruption crimes.

Введение в современное уголовное законодательство отдельного состава преступления, который предусматривает ответственность за посредничество во взяточничестве, в целом, оправданно и соответствует общемировым уголовно-правовым тенденциям. Вместе с тем, совершенно очевидно, что «дробление» преступлений коррупционной направленности на отдельные составы автоматически вызывает сложности в их квалификации и отграничении друг от друга. Указанное замечание вполне применимо и к составу посредничества во взяточничестве, а именно его отграничению от иных преступлений.

Во-первых, отметим, что одной из основных проблем является отграничение посредничества во взяточничестве, с одной стороны, от соучастия в получении/даче взятки (если размер предмета взятки превышает 25 000 рублей), а, с другой стороны, от обещания или же предложения посредничества во взяточничестве (п. 5 ст. 291¹ УК РФ).

Указанная проблема обуславливается тем, что до введения в уголовный закон самостоятельного состава посредничества во взяточничестве, действия посредника квалифицировались в рамках соучастия в получении/даче взятки и каких-либо сложностей не возникало, основной задачей являлось лишь определение какую сторону предоставляет посредник (взяткодателя или взяткополучателя).

Правоприменительные органы при этом, основываясь на соответствующих разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации осуществляли квалификацию посредничества во взяточничестве, определяя какую роль выполнял фактический посредник – организатор преступления или же пособник. При этом, функциональное понимание пособника полностью совпадает с ныне функционирующей объективной стороной преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 291¹ УК РФ.

По логике уголовного закона при признании способа соучастия преступным действиям субъекта требуют дополнительной квалификации по совокуп-

ности в зависимости от фактических обстоятельств совершенного деяния¹. Однако это правило в настоящее время не может быть использовано для квалификации данного вида преступления и назначения наказания за него, поскольку влечет за собой в условиях фактической конкуренции уголовно-правовых норм нарушение базового принципа уголовно-правового регулирования, принципа справедливости, в соответствии с которым лицо, совершившее преступление, не может дважды нести за него наказание. Другими словами, как справедливо указывает П.С. Яни, «понимание законодателем интеллектуального посредничества охватило все виды соучастия, поэтому соответствующее правило квалификации могло бы звучать так: исходя из того, что способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки охватывает все виды соучастия в получении и даче взятки в значительном размере, действия (бездействие) лица, образующие посредничество во взяточничестве, в силу ч. 3 ст. 17 УК не могут одновременно квалифицироваться как преступления, предусмотренные в ч. 3, 4 и 5 ст. 33 и ст. 290 либо ст. 291 УК РФ»².

С учетом вышесказанного, представляется, что разграничение двух вышеуказанных составов преступлений возможно с учетом применения правила о конкуренции общей и специальных норм (п. 3 ст. 17 УК РФ), в соответствии с которым при квалификации указанных действий применяется ст. 291¹ УК РФ. Вместе с тем, в случае, если посредник выполнил также действия, образующие соучастие в даче или получении взятки (например, склонил взяткодателя и взяткополучателя к совершению преступных деяний, выразил обещание скрыть совершение коррупционного преступления), то его действия необходимо квалифицировать по совокупности посредничества и соучастия в преступном деянии, предусмотренном ст. 290 УК РФ.

Относительно разрешения второй из обозначенных нами выше проблем, на наш взгляд, следует руководствоваться соответствующими разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении Пленума от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», в соответствии с которым определение критерия разграничения является фактический момент завершения (окончания) преступления. Так, в. 26 Постановления отмечается, что «по смыслу закона, если лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, впоследствии совершило преступление, предусмотренное частями 1-4 статьи 291.1 УК РФ, содеянное им квалифицируется по соответствующей части этой статьи как посредничество во взяточничестве без совокупности с частью 5 статьи 291.1 УК РФ»³.

¹ Безбородов Д. А. Квалификация многосубъектных преступлений/Проблемы уголовного права, криминологии и исполнения уголовных наказаний: Курс лекций/Под ред. Е.Н. Рахмановой. – М.РГУП, 2019. С. 87-88

² Яни П.С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. 2013. № 2. С. 24.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»// Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, сентябрь, 2013

В соответствии с указанной логикой квалифицировать преступное деяние в соответствии с нормами ч. 5 ст. 291¹ УК РФ представляется возможным лишь в случае неудавшегося посредничества. В данном случае имеется лишь подготовительная стадия, в рамках которой посредник осуществляет активное убеждение относительно передачи ему предмета взятки, однако результатов такие действия не приносят. В этом случае присутствует оконченный состав преступления, предусмотренного ч. 5. ст. 291¹ УК РФ.

В случае, если действия посредника по склонению взяткодателя к передаче ему предмета взятки, либо взяткополучателя к ее принятию завершились успехом, то такие действия образуют законченный состав интеллектуального посредничества в виде способствования или взяткодателю, или взяткополучателю (то есть, как оговорено это выше, лицам, согласившимся выступить в этом качестве) в достижении соглашения о получении и даче взятки.

Наконец, еще одной проблемой, возникающей при квалификации посредничества во взяточничестве в качестве самостоятельного преступления, является его разграничение с общим составом, предусмотренным ст. 291 УК РФ. В случае если посредничество совершено относительно предмета взятки, стоимость которого определена как незначительная, то конкуренция норм ст. 291 и 291¹ УК РФ отсутствует, так как отсутствует специальная норма, определяющая данный состав преступления, что, в свою очередь, предполагает действие общей уголовно-правовой нормы. Иными словами, в данном случае деяние подлежит квалификации как соучастие в даче взятки.

Следует отметить, что проблема осуществления разграничения указанных выше составов преступлений актуализируется при осуществлении дачи взятки должностному лицу за совершение действий (бездействий), которое было осуществлено им по службе в интересах иного лица, которое представляется взяткодателем. И в том, и в другом случае субъект данного преступления передает взятку за совершение действий в пользу того или иного третьего лица. Иными словами, осуществляя формальную квалификацию данного деяния, могут быть применимы обе из указанных норм.

Анализ позиций, высказанных в юридической науке по данному поводу, позволяет выделить три критерия разрешения указанной выше дилеммы.

Первый критерий – «критерий интереса». Его суть заключается в том, что применение норм ст. 291 УК РФ возможно при личной заинтересованности субъекта преступления в том, что взяткополучатель совершит то или иное действие. Другими словами, в указанном случае интерес в совершении взяткополучателем тех или иных действий будет являться одной из конечных целей субъекта преступления. То есть интерес простого посредника будет серьезным образом отличаться от интереса взяткодателя, поскольку по сути интерес посредника заключается исключительно в форме осуществления «представительских функций», а интерес, связанный с реализацией тех или иных коррупционных договоренностей фактически отсутствует. При этом, как указывает А.М. Егиян, возможна и совокупная квалификация указанных преступлений, которая наступает в случае, если передача посредни-

ком предмета взятки осуществлялась по согласованию с взяткодателем¹.

В целом данный критерий выглядит вполне логичным, однако если проанализировать подробнее, то можно выделить его определенный недостаток, а именно – для посредника выполнение определенных действий взяткополучателем всегда будет иметь положительную роль, являться ключевой гарантией «стабильности» его бизнеса, который обеспечивает «постоянный приток клиентов».

Иной критерий предложил П.С. Яни, который как нам представляется более конкретен, и заключается в том, что необходимо выявить принадлежность имущества, из которого образовывается взятка. В соответствии с ним посредник всегда действует, используя предмет взятки, образованный из имущества взяткодателя. Субъект, действия которого могут быть квалифицированы в соответствии со ст. 290 УК РФ, использует для достижения своих преступных целей имущество, принадлежащее ему на законных основаниях либо в качестве предмета взятки, либо для оплаты предоставляемых им взяткополучателю услуг. При этом такое имущество может находиться в обременении существенными условиями договора займа, либо кредита².

Третий критерий разграничения указанных составов преступления связан с оценкой объективной стороны совершения преступного деяния и предполагает учет конкретной стадии совершения преступных действий. Так, если посредник совершает действия, направленные на достижение или реализацию достигнутого между сторонами коррупционного преступления соглашения, то они могут быть квалифицированы как приготовление к даче взятки. Если посреднику не удалось реализовать свой преступный замысел при условии начала его совершения по независящим от него объективным причинам, то такие действия целесообразно квалифицировать как покушение на дачу взятки.

Подводя итог вышеизложенному, мы можем отметить, что в рамках одной статьи невозможно выделить исчерпывающий перечень вопросов, связанных с ограничением посредничества во взяточничестве от смежных составов, однако даже подобное «выборочное» исследование позволяет выявить ряд проблем. В этой связи полагаем, что правоприменительным органам необходимо максимально тщательно подходить к анализу того или иного преступного коррупционного деяния.

Список литературы

Егян А.М. Разграничение посредничества во взяточничестве от смежных составов преступлений // *European science*. 2016. № 3. С. 70-75.

Проблемы уголовного права, криминологии и исполнения уголовных наказаний: Курс лекций /Под ред. Е. Н. Рахмановой. – М:РГУП, 2019

Яни П.С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // *Законность*. 2013. N 2. С. 24-29.

¹ Егян А.М. Разграничение посредничества во взяточничестве от смежных составов преступлений // *European science*. 2016. № 3. С. 70.

² Яни П.С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // *Законность*. 2013. N 2. С. 24.

Контент-анализ положений об уголовной ответственности за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд

Content Analysis of Provisions on Criminal Liability for Abuses in the Procurement of Goods, Works, Services for State or Municipal Needs

Аннотация: статья содержит развернутый анализ положений ст. 200⁴ Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), которой предусматривается ответственность за совершение злоупотреблений в сфере государственных (муниципальных) закупок. В результате проделанной работы выявлены недостатки правовой регламентации и формулируются предложения по их устранению.

Abstract: The article contains a detailed analysis of the provisions of Art. 204 of the Criminal Code of the Russian Federation, which states the liability for committing abuses in the field of state (municipal) procurement. Author reveals the shortcomings of the legal regulation and proposes ways to eliminate them.

Ключевые слова: экономические и должностные преступления, уголовная ответственность, сфера закупок для государственных и муниципальных нужд, элементы состава преступления, разграничение смежных составов.

Key words: economic and official crimes, criminal liability, the field of procurement for state and municipal needs, the elements of the crime, differentiation of adjacent crimes.

В современных условиях функционирования органов государственной и муниципальной власти особое значение приобретает обеспечение всестороннего контроля, который осуществляется в целях недопущения коррупционных правонарушений. Это связано с проведением крупномасштабной кампании по борьбе с коррупцией на всех уровнях государственной и муниципальной власти, а также в коммерческих и некоммерческих структурах. Данная деятельность является разноплановой, а потому предполагает реализацию различных мероприятий, включая изменения и дополнения действующего уголовного законодательства.

Действительно, в УК РФ относительно недавно включены специальные нормы об ответственности за совершение противоправных действий в сфере осуществления закупок товаров, работ, услуг, необходимых для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Одной из таких нормовелл является ст. 200⁴ УК РФ, которая устанавливает ответственность за совершение нарушений в данной сфере¹. Однако, для обеспечения эффективности правоприменения положений указанной нормы необходимо осуществление анализа их содержания с целью выработки единых подходов относительно толкования признаков состава преступления в процессе квалификации.

Первичный анализ содержания ст. 200⁴ УК РФ указывает на чрезмерную громоздкость данной нормы, что явно не соответствует выработанным

¹ См.: Федеральный закон от 23.04.2018 г. №99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // *Российская газета*. 2018. 25 апр.

в науке общим требованиям к качеству законодательных, в т.ч. и уголовно-правовых, предписаний¹.

Диспозиция указанной уголовно-правовой нормы является бланкетной, о чем свидетельствует прямое указание на необходимость учета при квалификации преступления «законодательства о контрактной системе», перечень источников которого содержится в ст. 2 Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Учитывая данное обстоятельство можно определить с высокой степенью точности непосредственный объект состава данного преступления: в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ им признаются «отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок»².

В принципе, официальное определение объекта уголовно-правовой охраны сформулировано достаточно емко, что позволяет выделить конкретные общественные отношения, составляющие основной и дополнительный объекты состава преступления, предусмотренного ст. 200⁴ УК РФ. Прежде всего ими являются общественные отношения, возникающие в процессе заключения государственных и муниципальных контрактов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг. Одной из сторон данного контракта – заказчиком, является государственный или муниципальный орган (учреждение), а финансирование исполнения осуществляется из федерального, регионального или местного бюджетов. Учитывая, что анализируемая уголовно-правовая норма содержится в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», обозначенные общественные отношения представляют собой основной объект преступления.

В то же время приведенная дефиниция содержит указание на необходимость предотвращения коррупции и иных злоупотреблений, которые могут иметь место в сфере осуществления закупок для государственных или муниципальных нужд. Это обстоятельство указывает на сопряженность деяния, предусмотренного ст. 200⁴ УК РФ, с коррупционным поведением, а потому отношения в области обеспечения интересов государственной и муниципальной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления являются дополнительным объектом состава указанного преступления.

¹ См.: Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Сочинения: в 2-х томах. Т. 2 / Сост. В.В. Соколов. М., 1991. С. 206; Лапшин В.Ф. Технические приемы формулирования норм об ответственности за экономические преступления / Уголовная ответственность и наказание: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова / Под ред. В.Ф. Лапшина. Рязань, 2017. С. 95-99; и др.

² Российская газета. 2013. 12 апр.

Состав преступления, предусмотренного ст. 200⁴ УК РФ, является материальным. Исходя из содержания диспозиции анализируемой нормы, общественно опасным деянием может быть признано любое нарушение требований Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ, которые предъявляются к процедуре осуществления закупок для государственных или муниципальных нужд. В виду того, что процесс осуществления заключения соответствующих договоров поставки товаров, выполнения работ или оказания услуг является многоэтапным, рассматриваемое злоупотребление может представлять собой любые виды нарушений законодательства, совершаемые на различных этапах заключения и (или) исполнения заключенного договора.

Совершенное правонарушение может признаваться уголовно-наказуемым только в случаях, когда в результате его совершения причиняется крупный ущерб, который определяется суммой, превышающей 2,25 млн. рублей. Определение точного размера причиняемого ущерба, а равно как и лица, которому непосредственно причиняется данный вред, вызывает серьезные затруднения в процессе практического применения. В научной литературе также обосновывается мнение о том, что последствия в виде причиняемого ущерба не соотносятся с непосредственным объектом, представляющим «обеспечение охраны государственных интересов»¹. Соглашаясь с мнением об объективной трудности установления точной суммы причиненного ущерба, довольно трудно признать справедливость суждения о несоответствии – невозможности причинения вреда заявленным в качестве объекта уголовно-правовой охраны общественным отношениям в области государственных или муниципальных закупок. Напротив, прежде всего анализируемое деяние совершается в сфере осуществления экономической деятельности, которая включает в себя и осуществление поставок товаров, выполнение работ и оказание услуг. А при совершении преступления, в результате которого страдают служебные интересы, есть все основания для признания коррупционной направленности совершенного экономического преступления.

Особые сложности в процессе квалификации могут возникнуть при определении признаков субъекта рассматриваемого состава преступления в виду чрезмерно казуистичного их описания в диспозиции ст. 200⁴ УК РФ. Субъект является специальным, поскольку им может быть специально уполномоченное лицо, в должностную компетенцию которого входит представление интересов заказчика – государственного или муниципального органа или учреждения. Исходя из содержания ч. 1 ст. 200⁴ УК РФ, субъект преступления не является должностным лицом, равно как и лицом, выполняющим управленческие функции, но в то же время норма содержит открытый перечень видов осуществляемой субъектом служебной деятельности:

¹ См.: Любый И.А. К вопросу об ответственности за злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок // Российская юстиция. 2019. №5. С. 54-56.

- работник контрактной службы;
- контрактный управляющий;
- член комиссии по осуществлению закупок;
- лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг;
- иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

В научной литературе обращается внимание на то, что с 2015 года сотрудники негосударственных и немunicipальных организаций не могут совершить преступление, признаки состава которого предусмотрены ст. 200⁴ УК РФ, поскольку все лица, занимающие управленческие должности в ГУ-Пах, МУПах, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, и т.п., – в связи с изменением действующего законодательства приобрели статус должностного лица¹.

Такая же проблема существует и с разграничением категорий «должностное лицо» и «лицо, обладающее признаками субъекта состава преступления, предусмотренного ст. 200⁴ УК РФ», поскольку последний не является должностным лицом. Федеральный закон от 05.04.2013 г. №44-ФЗ, хотя и не определяет дефиниции перечисленных признаков уполномоченного лица – представителя заказчика, но содержит описание его основных юридически значимых признаков. Например, в ч. 4 ст. 38 указанного закона описываются функции и полномочия сотрудников контрактной службы и контрактного управляющего: разработка плана закупок, размещение в информационных системах информации об осуществлении закупок для государственных или муниципальных нужд, обеспечение заключения контрактов на поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг, организация и проведение консультаций с потенциальными контрагентами и др. Аналогичные полномочия предусматривает ст. 39 указанного закона, которыми наделен член комиссии по осуществлению закупок: определение поставщиков, подрядчиков и исполнителей по заключаемому контракту.

В принципе, указанные положения не содержат прямого указания на властные, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия, характерные для правового статуса должностного лица. Но, в то же время, анализ положений ст. 38 и 39 Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ свидетельствует о наличии коллегиальных административно-хозяйственных функций у субъекта состава преступления, предусмотренного ст. 200⁴ УК РФ, что может привести к сложностям при разграничении указанного уголовно-наказуемого деяния с составами должностных преступлений, предусмотренных гл. 30 УК РФ.

¹ См.: Борков В.Н. Злоупотребление в сфере закупок (ст. 200.4 УК РФ): место нормы в системе уголовного закона понизило ее предупредительный потенциал / Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 11 мая 2018 г.). Омск, 2018. С. 22.

Наконец, субъективная сторона состава рассматриваемого преступления характеризуется только прямым умыслом: лицо осознает общественную опасность и противоправность совершаемого им нарушения законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, по меньшей мере, предвидит реальную возможность причинения в результате совершения деяния крупного ущерба и желает его причинения. Утверждение, что вина в составе данного преступления может характеризоваться только прямым умыслом, подтверждается наличием обязательного для установления в процессе квалификации мотива совершения общественно опасного деяния – корыстной или иной личной заинтересованности.

Полагаем, что для определения указанного мотива как одного из обязательных признаков состава преступления следует обратиться к содержанию постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации отдельных должностных преступлений¹, поскольку в ч. 1 ст. 285 УК РФ присутствует идентичный термин «корыстная или иная личная заинтересованность», используемый при описании мотива совершения злоупотребления должностными полномочиями. Подобная возможность объясняется фактической идентичностью совершаемых деяний – злоупотреблений, запрещенных ст. 200⁴ и 285 УК РФ, а также наличием правила единообразного толкования одного и того же термина, используемого в различных нормах права, тем более одного и того же нормативного акта. Учитывая изложенное, под корыстной заинтересованностью лица, совершающего преступление, предусмотренное ст. 200⁴ УК РФ, в процессе квалификации следует понимать стремление к получению выгоды имущественного характера, но не предполагающее изъятие и безвозмездное обращение в свою пользу либо в пользу третьих лиц чуждого имущества. Содержание же иной личной заинтересованности сводится к стремлению извлечения выгоды неимущественного характера в результате нарушения действующего законодательства о государственных или муниципальных закупках.

Завершая исследование признаков состава преступления, предусмотренного ст. 200⁴ УК РФ, можно констатировать, что он является смежным с составом злоупотребления должностными полномочиями, ответственность за которое установлена ст. 285 УК РФ. Принципиальная для квалификации разница между ними заключается только в юридическом содержании признаков субъекта преступления. Злоупотребление, совершаемое в сфере государственных или муниципальных закупок, не предполагает наличие у преступника статуса должностного лица, хотя он также является специальным и обладает полномочиями при заключении и исполнении государственного или муниципального контракта. Учитывая данные обстоятельства – наличие в УК РФ общих норм об ответственности за злоупотребление пол-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 2009. 30 окт.

номочиями (ст. 201 и 285) – можно сделать вывод об избыточности криминализации злоупотребления в специальной сфере экономической деятельности, направленной на обеспечение интересов государственных и муниципальных органов и учреждений. После принятия Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ в целях уточнения статуса лица, принимающего юридически значимые решения в сфере государственных или муниципальных закупок, можно было бы ограничиться внесением соответствующих изменений и дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

Список литературы

Борков В.Н. Злоупотребление в сфере закупок (ст. 200.4 УК РФ): место нормы в системе уголовного закона понизило ее предупредительный потенциал / Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 11 мая 2018 г.). Омск: Омская академия МВД России, 2018. С. 21-25.

Гоббе Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Сочинения: в 2-х томах. Т. 2 / Сост. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1991. 736 с.

Лапшин В.Ф. Технические приемы формулирования норм об ответственности за экономические преступления / Уголовная ответственность и наказание: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова / Под ред. В.Ф. Лапшина. Рязань: Академия ФСИН России, 2017. С. 95-99.

Любый И.А. К вопросу об ответственности за злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок // Российская юстиция. 2019. №5. С. 54-56.

Непомнящий В.В.

Уголовная ответственность за преступления в сфере предпринимательской деятельности в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ

Criminal Liability for White-Color Crimes in Russia and Abroad: Comparative Legal Analysis

Аннотация: В рамках данной статьи автором выделяются особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности в законодательстве России, ФРГ и США. Так же автором отмечаются актуальные проблемы исследуемой сферы, пути их возможного решения на основе сравнительно- правового анализа.

Abstract: The author explores the question of criminal responsibility for crimes in the sphere of business in the Russian, German and US legislation. The author also delves into latest challenges in that field and suggests the possible solutions based on a comparative legal analysis.

Ключевые слова: Предпринимательская деятельность, преступления в сфере предпринимательской деятельности, уголовная ответственность, виды наказаний, штраф.

Key words business, crimes at the business sphere, criminal liability, types of punishment, fine.

В виду ряда исторических и политических процессов, предпринимательство в нашей стране долгое время считалось незаконным и наказуемым деянием. С 20-х годов прошлого века и вплоть до 1988 года, когда был принят Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-ХI «О кооперации в СССР»¹, предпринимательство могло существовать только в «тени» и было под запретом. Такое стечение обстоятельств не могло не оставить соответствующий отпечаток, и, как следствие, многие институты рыночной экономики и предпринимательства являются в нашей стране новыми и непривычными, отчего возникают некоторые сложности в уголовно-правовой охране предпринимательства.

В феврале 2019 года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин обратился с традиционным ежегодным Посланием к Федеральному собранию. В ходе обращения Президента была затронута, в частности, тема ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности. Согласно Перечню поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию, Президент рекомендовал «проанализировать практику квалификации деяний по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, обратив особое внимание на правильность применения такого квалифицирующего признака, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, и при необходимости представить предложения, направленные на недопущение необоснованного привлечения работников организаций к уголовной ответственности»². Буквально через несколько дней в прессе стали широко освещаться вопросы уголовной ответственности в сфере предпринимательской деятельности. Информационное агентство России «ТАСС» опубликовало достаточно репрезентативную, на наш взгляд, статистику дел о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности. «В 2018 году российские суды рассмотрели такие уголовные дела в отношении 1,7 тыс. лиц. В отношении 400 (24%) уголовные дела были прекращены судом. Приговоры были вынесены 1300 лицам (из них 500 обвинялись по статьям о мошенничестве). Среди осужденных за преступления в сфере предпринимательской деятельности 15% было назначено наказание в виде лишения свободы, 34% - условные сроки, 31% - штрафы, 5% - иные наказания, а 15% (около 200 подсудимых) были признаны виновными, но освобождены от наказания»³. Исходя из такого контекста, можно прийти к выводу о том, что судьи достаточно либерально подходят к выбору наказания за преступления, применяют, преимущественно, штрафы, широкое распространение получает условное назначение наказаний.

¹ Закон СССР от 26.05.1988 N 8998-ХI "О кооперации в СССР" // Свод законов СССР. Т. 5. С. 6-34-10.

² Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 год. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/59898> (дата обращения 23.06.2019).

³ В 2018 году в России более 100 уголовных дел расследовались свыше трех лет. - М.: ТАСС, 20.02. 2019. - URL: <https://tass.ru/obschestvo/6140497> (дата обращения 23.06.2019).

Наряду с этим возникают и определенного рода проблемные вопросы, касающиеся практических и теоретических аспектов уголовной ответственности за преступления, интересующей нас категории. Прежде всего речь идет о сложностях дифференциации уголовной ответственности. Нарочито детализированное описание составов преступлений, слишком сложное для восприятия описание диспозиций, повторение в отдельных статьях УК РФ формулировок, которые и так имеют закрепление в других нормативных правовых актах являются причиной возникновения трудностей при квалификации преступлений в исследуемой сфере, а также влияют на назначение наказания.

В условиях сложившейся социально-экономической обстановки, одним из возможных путей решения упомянутых выше проблемных вопросов было бы обращение к опыту зарубежных государств, особенно тех, которые выбрали капиталистический путь развития, где предпринимательство в том виде, каким мы его сейчас представляем, было естественным процессом на протяжении многих лет. По меткому высказыванию М.Г. Жилкина, «накопленные ими правовые позиции и законодательные решения во многих отношениях вполне применимы к российским реалиям и как минимум должны быть учтены при модернизации отечественного законодательства»¹.

Так, можно провести параллель между особенностями уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия. Будучи «локомотивом» европейской экономики, Германия является примером государства, где бизнес имеет сравнительно небольшое количество административных и бюрократических барьеров, и в меньшей степени подвержен коррупции и криминализации в целом. В определенной степени это результат эффективного правового регулирования, в частности, уголовно-правового. Категория преступлений в сфере предпринимательской деятельности рассматривается в уголовном законодательстве Германии в качестве «проступков», то есть правонарушений, за которые предусматриваются наименее строгие наказания. На наш взгляд, это верная тенденция, поскольку такие преступления, как, например, незаконное предпринимательство, имеют невысокую общественную опасность и вполне могут быть отнесены к упомянутой выше категории, при том, что неоднократно в нашей стране юридическое сообщество предлагало нормативно закрепить понятие «проступка», в частности, в уголовном законодательстве. По мнению В.М. Лебедева, «Уголовный проступок - это правовое понятие между уголовно наказуемым деянием и административным правонарушением». Со слов председателя Верховного Суда РФ, данное понятие «можно применять к преступлениям не только небольшой, но и средней тяжести. Проступок не наказывается лише-

нием свободы, имеет короткие сроки давности»¹. Что касается назначения наказаний за преступления в сфере предпринимательской деятельности в ФРГ, то наиболее часто на практике применяется такой вид наказания, как штраф, который, как правило, пропорционален нанесенному незаконными действиями вреду. Однако, хотелось бы подчеркнуть, что уголовным законодательством ФРГ за преступления интересующей нас категории, как отмечал А.С. Грибов, предусмотрены и иные меры воздействия: «1) лишение права занимать должности, права быть избранным и права голоса; 2) условная отсрочка наказания; 3) предостережение под условием наказания; 4) запрещение заниматься профессиональной деятельностью; 5) конфискация имущества»².

В рамках данной статьи хотелось бы также затронуть актуальные вопросы уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности в Соединенных Штатах Америки, стране англосаксонской правовой семьи. Несмотря на высокие показатели внешнего долга государства, экономика США является абсолютным лидером по номинальному ВВП. Согласно рейтингу Международного Банка Развития и Реконструкции, США прочно закрепились на 8 месте в рейтинге государств, где ведение бизнеса является наиболее простым, в то время, как РФ находится на 40-й позиции.³ Такое положение дел обусловлено, в частности, тем, что бизнес-среда в США имеет очень высокий уровень прозрачности, а её правовое регулирование осуществляется эффективными методами.

Характерной чертой уголовно-правовой охраны предпринимательства в США является привлечение к уголовной ответственности за преступления, интересующей нас категории юридических лиц. В отношении коммерческих организаций, нарушивших требования законодательства, применяются штрафы, причем, существенно превышающие штрафы физическим лицам, уличенным в совершении точно таких же преступлений. На наш взгляд, подобную практику можно было бы адаптировать и под отечественное законодательство. В настоящий момент к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности в России привлекаются только должностные лица организаций, в перспективе, к самим юридическим лицам можно было бы применять уже доказавшие свою эффективность в США, Канаде и Австралии такие уголовно-правовые санкции, как лишение квот, преференций, обращение имущества организаций в доход государства.

¹ Рузанова Н. Начать с чистого листа // Российская газета - Столичный выпуск, 20.09.2016, - № 212(7080). - URL: <https://rg.ru/2016/09/20/vs-rf-ugolovnoe-zakonodatelstvo-stradaet-izlishnej-kriminalizaciej.html> (дата обращения 23.06.2019).

² Грибов А.С. Система наказаний и дифференциация ответственности за экономические преступления в уголовном праве ФРГ // Российский следователь, - 2013, - № 1, - С. 47.

³ World Bank. 2017. Doing Business 2017: Equal Opportunity for All. Washington, DC: World Bank. P. 7. - URL: <http://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2017> (дата обращения 23.06.2019).

¹ Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. - М.: ИД «Юриспруденция», 2019. С.78

Что касается применения различных видов наказания, то в США, как и в упомянутой ранее ФРГ, активно применяются пропорциональные штрафы. Как неоднократно подчеркивал в своих работах М.Г. Жилкин, «В США активно применяются упоминавшиеся нами ранее штрафы, кратные причиненному преступлением ущербу, преступно полученному доходу или же предмету преступления. Не вызывает никаких сомнений эффективность применения этой меры противодействия преступлениям в сфере предпринимательской деятельности, что подтверждается ее успешной апробацией в странах Западной Европы и в США»¹.

Безусловно, в рамках одной статьи достаточно сложно провести широкую обзорную работу по исследуемой теме, поэтому приоритетной задачей для нас было именно обозначить основные тенденции развития и проблемные вопросы исследуемой темы. Так, вполне четко прослеживается тенденция назначения в качестве вида наказания для лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности, штрафа. Это характерно как для отечественной правоприменительной практики, так и для зарубежной. Также хотелось бы добавить, что в целях более эффективной уголовно-правовой охраны бизнеса в России, законодатель мог бы закрепить в Уголовном кодексе понятие «уголовного проступка» применительно к наименее общественно опасным преступлениям в сфере предпринимательской деятельности. Кроме того, могла бы быть введена доказавшая свою эффективность в западных странах уголовная ответственность юридических лиц.

Список литературы

Грибов А.С. Система наказаний и дифференциация ответственности за экономические преступления в уголовном праве ФРГ // Российский следователь, - 2013, - № 1

Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. – М.: ИД «Юриспруденция». 2019.

World Bank. 2017. Doing Business 2017: Equal Opportunity for All. Washington, DC: World Bank. P. 7. - URL: <http://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2017> (дата обращения 23.06.2019).

Пешкова Н. А.

Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности

Active Repentance as a Basis for Exemption from Criminal Liability

Аннотация. В статье анализируются проблемные аспекты применения института деятельного раскаяния в судебной и правоприменительной практике. Рассматривается возможность освобождения или смягчения наказания для лица, совершившего деяние с признаками преступления в связи с деятельным раскаянием одного из членов преступной группировки.

¹ Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. – М.: ИД «Юриспруденция». 2019. С.90

Abstract. The article analyzes the problematic aspects of the use of the institute of active repentance in judicial and law enforcement practice. Author considers the possibility of release or mitigation of punishment for a person who committed a crime as a member of the criminal group due to the active repentance..

Ключевые слова: Деятельное раскаяние, правовой институт, освобождение, смягчение наказания.

Keywords active repentance, legal institution, exemption, mitigation of punishment.

Опыт развития отечественного и зарубежного законодательства показывает, что в уголовном законодательстве всегда присутствовали нормы, предлагающие лицам, оказавшимся на преступном пути, добровольно прекратить преступные действия с обещанием, данным государственным органом власти, освободить их от отбывания наказания, существенно смягчить наказание, либо освободить от уголовной ответственности вовсе. Например, уже в отечественном праве, нормы, поощряющие раскаяние, можно встретить в самом первом памятнике права – Русской правде. В редакциях Русской правды регламентировано, что лицо, совершившее противоправное действие может быть освобождено от наказания, если в разумный срок вернет краденую вещь, возместит причиненные убытки и моральный вред, а также приложит все усилия и способствует раскрытию преступления¹.

В настоящее время основанием освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, выступает нецелесообразность привлечения его к уголовной ответственности по тем или иным причинам. Данное положение, как правило, закрепляется в определении судьи, постановлении следователя или дознавателя, в чьем производстве находилось уголовное дело.

Освободить лицо, совершившее преступление полностью от наказания, назначить меры уголовно – правового характера, которые не соответствовали бы характеру и степени общественной опасности не представляется возможным, так как тогда будут нарушены основополагающие принципы уголовного законодательства.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) находится 11 глава, в которой сосредоточены уголовно – правовые нормы, регулирующие основания освобождения от уголовной ответственности. Одним из видов освобождения от уголовной ответственности, закрепленным в УК РФ является деятельное раскаяние.

Детально рассматривая закрепленное в законе определение освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, нельзя не отметить, что деятельное раскаяние закрепляется в официальном акте государственного органа власти в форме решения, выраженного в желании освободить лицо, совершившее впервые преступление небольшой, средней, тяжести, деятельно раскаявшееся претерпеть иные меры государственного принуждения.

¹ История возникновения института деятельного раскаяния в России. URL: <http://student.zoomru.ru/ugolpravo/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-instituta/34850.262833.s1.html>. (Дата обращения: 13.06.2019 г.)

Деятельное раскаяние является безусловным, то есть окончательным видом освобождения от уголовной ответственности. Такой вид освобождения от наказания не может быть впоследствии отменен. Так же такой вид освобождения от уголовной ответственности предусматривает не обязанность, а право судьи, следователя или дознавателя применить освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление.

Освобождение от уголовной ответственности в случае выполнения ряда условий: «(1) лицо впервые совершило преступление; (2) преступление относится к категории небольшой или средней тяжести; (3) явки с повинной; (4) способствовало раскрытию и расследованию преступлений; (5) возместило причиненный ущерб; (6) загладило вред иным образом; (6) перестало быть общественно опасным»¹

Для освобождения от уголовной ответственности необходимо, чтобы деятельное раскаяние было действительным. При этом достаточно чтобы виновный совершил одно из постпреступных действий, например, способствовал раскрытию преступления, следственными органами путем выдачи орудий (средств) совершения преступления, а так же указания места и способа совершения преступления. Выдача орудия совершения преступления самим преступником предполагает и явку с повинной.

Для того, чтобы деятельное раскаяние считалось состоявшимся, необходимо совокупное выполнение условий, предусмотренных законом, а также ответственный подход самого преступника. Ведь если преступник будет вводить в заблуждение следствие, давать ложные показания, то его деяние можно будет квалифицировать, как заведомо ложный донос о совершении преступления (ст. 307 УК РФ). Данное деяние может стать отягчающим при назначении судом основного наказания за совершенное преступление.

В свою очередь, необходимо провести анализ практики применения судами института деятельного раскаяния. Судебная практика освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием пошла по пути применения ст. 75 УК РФ при наличии только одного или нескольких положительных посткриминальных действий из числа указанных в законе, так и всей совокупности перечисленных условий деятельного раскаяния².

Суд, в ряде случаев правомерно применял норму о деятельном раскаянии при соблюдении части из названных в ч. 1 ст. 75 УК условий. Это было связано с тем, что объективно их (условия) выполнить субъект преступления не мог.

В Ленинградский районный суд г. Калининграда, рассмотрев уголовное дело в отношении С., обвиняемого в совершении преступления, преду-

смотренного ч. 1 ст. 204 УК РФ, освободил его от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

С. обратился к генеральному директору ООО «К» с целью склонить его к совершению незаконных действий с использованием своего служебного положения, а именно выдать справку 2-НДФЛ, подтверждающую, что С. является сотрудником ООО «К» и получает заработную плату, предложив за указанные действия денежное вознаграждение, на что руководитель ООО «К» согласился и деньги принял. Однако в процессе расследования он признал факт получения незаконного вознаграждения.

Из материалов дела следовало, что подсудимый лишь активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, т.е. при наличии формальных признаков деятельного раскаяния выполнил только одно постпреступное деяние, которое закон связывает с деятельным раскаянием.

В данном случае отсутствовала явка с повинной, так как она должна осуществляться добровольно, а это предполагает, что лицо, раскаиваясь, приняло решение сообщить о содеянном.

С. не возмещал причиненный ущерб и иным образом не заглаживал вред, причиненный в результате преступления, поскольку в результате преступного деяния таких последствий не возникло¹.

В представленном случае наглядно можно увидеть, что суд действовал на основании закона и внутреннего убеждения. Лицо, совершившее противоправное деяние получило более мягкое наказание в связи с деятельным раскаянием и выполнением ряда, предусмотренных законом действий. Но в настоящее время, судебная практика не однозначна и противоречива, нет единого обобщения правоприменительной практики по данной категории дел.

Деятельное раскаяние применяется, как при выполнении одного из указанных в законе условий, так и при выполнении преступником всей совокупности регламентированных законодательством условий.

В следующем примере судебной практики, возможно, увидеть иной порядок правоприменения при рассмотрении уголовного дела.

Постановление мирового судьи судебного участка Никифоровского района от 15 ноября 2010 г. о прекращении уголовного дела по ч. 1 ст. 159 УК РФ в связи с деятельным раскаянием в отношении Т. оставлено без изменения.

Из материалов уголовного дела следовало, что Т. совершила хищение чужого имущества на основании сфальсифицированных договоров купли-продажи сельскохозяйственных животных получила целевой кредит по льготной ставке. Представив указанные сфальсифицированные документы воспользовалась правом на возмещение части затрат по уплате процентов из средств федерального бюджетов

¹ Рахманова Е.Н. Освобождение от уголовной ответственности и наказания//Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие/ Под ред. Е.Н. Рахмановой. – М., РГУП, 2017. С. 209-210

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/70404388/>. (Дата обращения: 14.06.2019 г.)

¹ Архив Ленинградского районного суд г. Калининграда. Дело № 1-201/2011г. URL: <http://leningradsky.kln.sudrf.ru>. (Дата обращения: 11.06.2019 г.)

Проблемы разграничения ст. 184 УК РФ со смежными составами преступления

Problems of Differentiating of art. 184 of the Criminal Code of Russian Federation from Related Offenses

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы разграничения ст. 184 УК РФ со смежными составами преступления. Показываются некоторые проблемы, которые могут возникать у правоприменителя в связи с применением. Делается вывод о необходимости внесения серьезных изменений и дополнений в ст. 184 УК РФ

Abstract: The article deals with the problems of differentiating of art. 184 of the Criminal Code form related offenses. Author explains what challenges may arise from the law enforcement in connection with the application of that norm and concludes that major changes and additions to Art. 184 of the Criminal Code of Russian Federation should be made.

Ключевые слова: спортивные соревнования, участники и организаторы спортивных соревнований, преступление коррупционной направленности, цель преступления, объект преступления, разграничение со смежными составами.

Key words: sports competitions, participants and organizers of sports competitions, corruption, the purpose of the crime, the object of the crime, distinction from related crimes

В условиях развития современного общества спортивные и зрелищные соревнования превратились в экономический рынок с огромным финансовым оборотом. Из года в год к спортивным соревнованиям и зрелищным коммерческим конкурсам все больше внимания приковывается людей, не имеющих практически никакого к этому отношения, но обладающих достаточно большими денежными ресурсами и влиянием. В данной сфере не редки случаи злоупотреблений своими должностными полномочиями для получения какой-либо финансовой выгоды. Именно этим определяется отношение данной статьи к коррупционным преступлениям.

Ярким примером тому является сложившаяся общая правовая система подходов к противодействию договорным матчам. Существующие положения (регламенты) о спортивных соревнованиях, предусматривающие наложение спортивных дисциплинарных и корпоративных штрафов и спортивных дисциплинарных и спортивных корпоративных дисквалификаций, не приводят к разрешению проблемы¹. При этом до сих пор по ст. 184 УК РФ не было привлечено и осуждено ни одного человека², несмотря на то, что уже пять раз с 1996 г. в нее вносились изменения и дополнения. Как справедливо пишут по этому поводу В.В. Векленко и М.В. Бавсун: «Содержащаяся в действующем УК России норма, устанавливающая запрет на противоправное влияние на участников и организаторов профессиональных спор-

¹ Рахманова Е. Н., Цветков П. В. Организованная преступность и спорт// Проблемы изучения и противодействия организованной преступности. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола: 20 февраля 2015 года. / Отв. ред. доктор юридических наук, доцент Е. Н. Рахманова. — СПб: ИД «Петрополис», 2015. С. 100-106

² Отчет Судебного Департамента о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 2017 год // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=586>

Т. совершила впервые преступление небольшой тяжести, свою вину признала полностью, в содеянном, раскаялась, добровольно возместила причиненный ущерб, вследствие чего перестала быть общественно опасной.

Судебная коллегия пришла к выводу, что освобождение Т. от уголовной ответственности и прекращение в отношении ее уголовного дела возможны при отсутствии всей совокупности предусмотренных обстоятельств¹.

Таким образом, решение о деятельном раскаянии фактически принималось на основании нескольких условий, но не всей их совокупности, закрепленной в ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Если обратиться к судебной статистике по делам, которые были прекращены судом в связи с деятельным раскаянием, можно заметить некоторую тенденцию. В 2016 году количество таких дел составило 13628, в 2017 году – 24000, а в 2018 году – 14258. Статистические данные позволяют сделать вывод о том, что пик прекращения дел судами в связи с деятельным раскаянием пришелся на 2016 год. В настоящее время тенденция прекращения дел снова возрастает, судя по статистическим данным 2018 года².

Институт деятельного раскаяния в Российской Федерации носит противоречивый характер. Согласно закону, для применения статьи 75 Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо такое деятельное раскаяние, которое устраняло бы общественную опасность лица. Никакое постпреступное поведение лица не может аннулировать общественную опасность лица, а только уменьшить ее.

Устранить полностью общественную опасность институт деятельного раскаяния не в силах. Возможно по решению суда с учетом всех характеристик личности преступника, характера противоправного деяния уменьшить степень общественной опасности. Каждое совершенное преступление будет рассматриваться судом без опоры на обобщение ранее вынесенных судебных решений, так как данная категория дел требует индивидуального дифференцированного подхода при рассмотрении дела и с учетом выявленных особенностей соразмерного наказания.

Список литературы

История возникновения института деятельного раскаяния в России. URL: <http://student.zoomru.ru/ugolpravo/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-institutata/34850.262833.s1.html>.

Практика мирового судьи: применение уголовного закона. Научно-практическое пособие/ Под ред. Е.Н. Рахмановой. – М., РГУП, 2017. С. 209-210

¹ Кассационное определение Тамбовского областного суда от 15 февраля 2011 г. № 22-356. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1035825#05585596126487333>. (Дата обращения 10.06.2019 г.)

² Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>. (Дата обращения: 14.06.2019 г.)

тивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, во-первых, не отражает всю гамму возможных последствий общественно опасного характера, распространенность которых в профессиональном спорте сегодня очевидна, а во-вторых, не имеет аналогов применения в отечественной судебной практике за весь период существования УК России»¹.

Кроме того, поскольку в сфере спорта отсутствуют службы, которые бы занимались «собственной безопасностью», также как нет и подразделений правоохранительных органов, специализировавшихся на выявлении, раскрытии и расследовании «спортивных» преступлений, можно практически с уверенностью прогнозировать и дальнейшее отсутствие позитивных изменений в этом направлении даже при условии продолжения реформирования спортивного и связанного с ним законодательства².

На наш взгляд, в числе основных проблем, помимо организационных, следует признать недостаточную проработанность диспозиции ст. 184 УК РФ, в которой содержатся понятия, которые до сих пор не получили официального толкования и разъяснений. В полной мере это относится и к другим нормам уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за действия, совершенные в спорте.

Диспозиция ст. 184 УК РФ предусматривает обязательное наличие цели, которая заключается в оказании влияния на результат соревнования. Стремясь достичь преступного результата лицо предпринимает активные действия.

С одной стороны, цель преступления предполагает оказание влияния на результат соревнований, т. е. на центральное место в данном случае выходит проблема правильности проведения соревнования, иными словами, затрагиваются проблемы общественной нравственности и общественного порядка. Однако, с другой стороны, расположение ст. 184 УК РФ говорит о том, что родовым объектом или что непосредственным объектом посягательства являются интересы субъектов, которые профессионально занимаются предпринимательской деятельностью и непосредственно связаны с профессиональным спортом и иными зрелищными соревнованиями. Таким образом, следует признать недостаточность разработанности положения о месте деяния, предусмотренного ст. 184 УК РФ в уголовном законодательстве, иначе говоря, речь идет о спорности объекта данного преступления³.

Так, по мнению И.А. Клепицкого, поскольку вред причиняется не только фактом получения спортсменами или иными лицами вознагражде-

ния, но и тем, что происходит фальсификация результатов состязания в целом¹. В связи с этим под непосредственным объектом рассматриваемого преступления

И.А. Клепицкий предлагает понимать общественную нравственность, предлагая рассматриваемую норму отнести к преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности, предусмотренных главой 25 УК РФ. Его поддерживает и П. В. Цветков.

Другие авторы выделяют в качестве непосредственного объекта рассматриваемого преступления отношения недобросовестной конкуренции², отношения в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также отношения по поводу организации и проведения профессиональных спортивных соревнований и зрелищных конкурсов, законных прав по их оцениванию и проведению³.

Неоднозначно решается вопрос о субъекте рассматриваемого преступления⁴. По общему правилу субъектом преступления (ч.1, ч.2 и ч.5 ст. 184 УК РФ) может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, а субъектом получения незаконного вознаграждения (ч.3 и ч.4 ст. 184 УК РФ) может быть только специальный субъект. Такими субъектами могут быть спортсмены, тренеры, руководители спортивных команд, иные участники зрелищных конкурсов, а также организаторы спортивных соревнований и зрелищных мероприятий. Однако, ряд ученых предлагают расширить список специальных субъектов рассматриваемого преступления, дополнив его, например, владельцами и руководителями спортивных клубов, а также спортивными агентами⁵.

Нужно в этой связи отметить, что влияние спортивных агентов на спортсмена явно недооценено законодателем. Если спортсмен всегда на виду, то агент напротив находится в тени и о нем широкому кругу лиц практически никогда ничего не известно. Текущая численность спортивных агентов у спортсменов очень низкая (за исключением некоторых видов спорта), так как чаще всего их сотрудничество начинается на ранней стадии спортивной деятельности, они привыкают и доверяют друг другу. Более того, порой спортсмен попадает под неограниченное влияние спортивного агента, готов выполнить любые его просьбы, в том числе, противоправного характера, не владея познаниями в области законодательства. Спортивные агенты фор-

¹ Бавсун М.В., Векленко В.В., Сараев В.В. Перспективы уголовно-правовой охраны профессионального спорта в России // Журнал российского права. 2011. N 3. С. 15 - 25.

² Иванов А. С. Предупреждение коррупционной преступности при организации и проведении профессиональных спортивных мероприятий: автореферат дис. кандидата юридических наук. Москва, 2017.

³ Цветков П. В. Об объекте преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ// В сборнике: Уголовная политика и правоприменительная практика сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. СПб., Петрополис. 2015. С. 301-308; он же. Об объекте преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ//Тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. «Противодействие преступности в сфере спорта» (14–15 марта 2019 г.) - Омск, 14-15 марта 2019 г., Омская академия МВД России, 2019. С.130-136

¹ Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005.

² Витвицкая С.С., Витвицкий А.А. Преступления в сфере экономической деятельности (уголовно-правовой аспект). Ростов-на-Дону, 1998.

³ Комментарий к уголовному кодексу РФ в 4 томах // под ред. Лебедева В.М., 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

⁴ Николаев К. Д. Круг субъектов преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», необоснованно заужен//Тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. «Противодействие преступности в сфере спорта» (14–15 марта 2019 г.) - Омск, 14-15 марта 2019 г., Омская академия МВД России, 2019. С. 46-49

⁵ Сапронов О. Л. О законодательных инициативах спортивного сообщества // Спорт: экономика, право, управление. 2010, №1. С. 27-31

мально или неформально объединяются по групповым интересам и могут представлять серьезную силу при достижении различных целей, в том числе для влияния на результаты профессиональных спортивных соревнований.

Правовое регулирование деятельности спортивных агентов осуществляется в соответствии с гражданским законодательством, согласно нормам, утвержденным общероссийскими спортивными федерациями, и положениям (регламентам) о спортивных соревнованиях¹, при этом они фактически «выпали» из поля зрения уголовного права.

Еще одной проблемой законодательного регламентирования субъектов рассматриваемой статьи, является отнесение некоторых лиц к категории должностных лиц. Следует отметить, что в российском уголовном законодательстве сложилось четкое разграничение понятий «взятничество» и «подкуп». К первой группе следует отнести преступления, совершаемые должностными лицами (т. е. преступления, предусмотренные ст. 290, 291 УК РФ), ко второй группе же относятся преступления, совершаемые лицами, выполняющими управленческие функции (ст. 204 УК РФ). Деятельность участников и организаторов профессиональных спортивных и зрелищных соревнований следует отнести ко второй группе преступлений, т. е. непосредственно связанные противоправным влиянием, которое оказывается на субъекты преступления. Это имеет значение для квалификации анализируемого преступления, поскольку организатор спортивных соревнований одновременно является и должностным лицом, которое может нести ответственность по ст. 290 УК РФ (т. е. получение взятки), если он таким образом пытается оказывать противоправное влияние на результаты спортивных и иных соревнований.

При анализе ст. 184 УК РФ возникает также вопрос о необходимости отграничения от ст. 204 УК РФ (или коммерческий подкуп). По своей юридической конструкции данные нормы имеют общие черты. Кроме того, ст. 184 УК РФ, как указывалось выше, может находиться с конкуренцией с составами, устанавливающими ответственность за взяточничество. Под конструкции все составы являются формальными, т. е. состав преступления считается «выполненным» с момента начала фактического осуществления действия, входящих в объективную сторону рассматриваемого преступления без достижения преступных последствий.

Наступление же преступных последствий, например, как в ст. 184 УК РФ, т. е. получение сфальсифицированных результатов соревнования или конкурса, для наступления уголовной ответственности значения не имеют. На мой взгляд, в рассматриваемом случае можно увидеть правовую коллизию. С одной стороны, для квалификации деяния по ст. 184 УК РФ, требуется установить непосредственно факт передачи предмета преступления лицу именно в целях оказания этим лицом преступного

влияния на результат соревнования. Под предметом преступления при этом следует рассматривать денежные средства, ценные бумаги, иное имущество. Кроме того, под предметом преступления может выступать предоставление иных имущественных прав.

С другой же стороны, сам факт передачи любого предмета преступления не обязателен для квалификации преступления по ст. 184 УК РФ. Имеет значение лишь факт договоренности о последующем передаче денежных средств, ценных бумаг или же любого другого имущества. Таким образом, важен не только результат оказанного влияния, а именно сама цель оказываемого влияния. Иными словами, для квалификации преступления по рассматриваемой статье не имеет влияние, когда лицо собиралось выполнить свои обязательства: до получения предмета вознаграждения или после него, а также собирался ли он вообще совершить то, на что было непосредственно направлено противоправное деяние.

Установление правоохранительными органами субъективной стороны рассматриваемого преступления является немаловажной задачей, которая в последующем оказывает влияние на квалификацию преступления и осуществления всего процесса доказывания. Так, например, если лицо, осуществляя передачу вознаграждения ставит перед собой цель не фальсифицировать результаты проводимого соревнования, а имеет иную цель, то квалификация по данной статье не применяется.

По мнению С. В. Кузьмина, логично, что в составе рассматриваемого преступления обязательно должен указываться не только корыстный мотив совершаемого преступления (например, желания выиграть на тотализаторе), но также и иные мотивы совершения преступления (например, личная неприязнь к определенному спортсмену, зависть)¹.

Подводя итог краткому анализу ст. 184 УК РФ можно сделать следующие выводы: требуется уточнение содержания данной статьи, ее места в системе уголовного законодательства, что, на наш взгляд, позволит повысить эффективность данной уголовно-правовой нормы.

Список литературы

- Бавсун М.В.*, Векленко В.В., Сараев В.В. Перспективы уголовно-правовой охраны профессионального спорта в России // Журнал российского права. 2011. N 3. С. 15 - 25.
- Витвицкая С.С.*, Витвицкий А.А. Преступления в сфере экономической деятельности (уголовно-правовой аспект). Ростов-на-Дону, 1998.
- Иванов А. С.* Предупреждение коррупционной преступности при организации и проведении профессиональных спортивных мероприятий: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Москва, 2017.
- Иванов А. С.* Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ) как один из видов преступлений коррупционной направленности / А. С. Иванов // Юридическая наука и правоохранительная практика. –2014. –№2(28). –С. 188-194.

¹ Попова Ю. П. Правовое положение спортивного агента // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том 3, № 1. С. 172-186

¹ Кузьмин С. В. Об одной из проблем обеспечения охраны профессионального спорта в новом Уголовном кодексе // Российской судья. 2002. №2. С. 34

Глецицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005.

Комментарии к уголовному кодексу РФ в 4 томах // под ред. Лебедева В. М., 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

Кузьмин С. В. Об одной из проблем обеспечения охраны профессионального спорта в новом Уголовном кодексе // Российской судья. 2002. №2. С. 34

Николаев К. Д. Круг субъектов преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», необоснованно заужен // Тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. «Противодействие преступности в сфере спорта» (14–15 марта 2019 г.) - Омск, 14-15 марта 2019 г., Омская академия МВД России, 2019. С. 46-49

Потова Ю. П. Правовое положение спортивного агента // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том 3, № 1. С. 172-186

Рахманова Е. Н., Цветков П. В. Организованная преступность и спорт // Проблемы изучения и противодействия организованной преступности. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола: 20 февраля 2015 года. / Отв. ред. доктор юридических наук, доцент Е. Н. Рахманова. — СПб: ИД «Петрополис», 2015. С. 100-106

Сапронов О. Л. О законодательных инициативах спортивного сообщества // Спорт: экономика, право, управление. 2010, №1. С. 27-31

Фоменко Е. В., Станкевич А. М. Оказание влияния в форме подкупа: уголовная ответственность в спорте // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21714> (дата обращения: 01.07.2019).

Цветков П. В. Об объекте преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ // В сборнике: Уголовная политика и правоприменительная практика сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. СПб., Петрополис. 2015. С. 301-308

Цветков П. В. Об объекте преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ // Тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. «Противодействие преступности в сфере спорта» (14–15 марта 2019 г.) - Омск, 14-15 марта 2019 г., Омская академия МВД России, 2019. С.130-136

Протасова А.Г.

Проблемы разграничения мелкого взяточничества от мошенничества

Differentiation of Petty Bribery from Fraud

Аннотация: Статья посвящена проблемам квалификации взяточничества и разграничения с мошенничеством. Рассмотрены особенности применения на практике, позволяющие отграничить мелкое взяточничество от мошенничества. И сделаны акценты, на что обратить внимание для правильной квалификации преступных деяний.

Abstract: The article is dedicated to the problems of the qualification of bribery crimes and differentiation from fraud. Author considers the features of practical application that allow to differentiation petty bribery from fraud and emphasize the important aspects in the correct qualification of criminal acts.

Ключевые слова: коррупция, мелкое взяточничество, мошенничество, криминализация, Уголовный Кодекс.

Key words: corruption, petty bribery, criminalization, fraud, the Criminal Code.

С таким негативным явлением, как взяточничество, в настоящее время знаком каждый. При этом, до 2016 года, уголовная ответственность устанавливалась вне зависимости от суммы незаконного вознаграждения. С

принятием Федерального закона от 03.07.2016 № 324-ФЗ Уголовный Кодекс Российской Федерации дополнен ст. 291² «Мелкое взяточничество». Данные изменения вполне обоснованы, так как в научных публикациях по антикоррупционной политике учеными ни раз высказывалось мнение о целесообразности дополнения уголовного закона составом, предусматривающим ответственность за «мелкую взятку». Так, по мнению заслуженного юриста В.И. Михайлова «дифференциация величины взятки способствовала бы концентрации внимания правоохранительных органов на выявлении и расследовании представляющих повышенную опасность случаев дачи взятки в крупном, особо крупном размерах и(или) группой лиц», так как в большинстве уголовных дел о взяточничестве сумма выявленных при осуждении взяток не превышает 10 000 рублей.¹

Анализируемая статья включает в себя две части и примечание. Основной состав преступления устанавливает ответственность за получение взятки, дачу взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей. В данной части фактически включены два состава преступления, обладающими своими особенностями применения на практике, позволяющими отграничивать мелкое взяточничество от смежных составов, например, мошенничества.

Правоприменители порой относятся безответственно к квалификации деяний содержащих признаки взяточничества, так как в суде можно переквалифицировать деяния обвиняемого со взяточничества на мошенничество, то есть с более тяжкого состава на менее тяжкий. Такие изменения не несут никаких последствий для практических работников. В следствие чего стало обычным возбуждение уголовных дел по ст.ст. 290 УК РФ, 291.2 УК РФ, а предъявление по ним обвинения по ст. 159 УК.² Для того чтобы разграничить мелкое взяточничество от мошенничества необходимо установить, входили ли в полномочия должностного лица те действия (бездействия), либо которые оно могло совершить с использованием своего должностного положения за совершение действий (бездействий) за которые предполагалось незаконное вознаграждение. При этом, П.С. Яни указывает, что для квалификации не играет роли законность действий либо бездействий должностного лица, при условии, что «служба дает ему возможность и незаконно действовать». Поскольку в приговорах используется примерно такая формулировка: «Получило взятку за совершение незаконных действий, которые оно могло совершить с использованием должностного положения» (но не полномочий!).³

Рассмотрим пример, Гоглев <ФИО>, являясь инспектором отдела безопасности ФКУ ГУ ФСИН России по Приморскому краю, в соответствии

¹ Михайлов В.И. Современный этап государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции и задачи по ее научному обеспечению // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: Сборник трудов по итогам Всероссийской научной конференции. Екатеринбург. 2014. С.23

² Бочкарев, С.А. И все-таки мошенничество или взяточничество? / С.А. Бочкарев, О.В. Радченко // Законность. – 2013. – № 1. – С. 35.

³ Яни, П.С. Взятка или мошенничество? / П.С. Яни // Законность. – 2012. – № 6. – С. 30-31

со ст. 26 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» должен был исполнять свои обязанности и пользоваться в пределах компетенции правами, предоставленными должностным лицам учреждений либо органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, предусмотренные данным ФЗ и другими законодательными актами Российской Федерации, в нарушение пп. 19, 21, 22 должностных инструкций инспектора отдела безопасности, совершил коррупционное преступление против государственной власти и интересов государственной службы при следующих обстоятельствах.

<ДАТА8> Гоглев А.Н. лично получил от осужденного, взятку в виде денег в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, путем получения денежного перевода в сумме 2 000 рублей на расчетный счет банковской карты на его имя, за заведомо незаконные действия в пользу осужденного <ОБЕЗЛИЧЕНО>, выразившиеся в проносе на режимную территорию и передаче осужденному <ОБЕЗЛИЧЕНО>. запрещенного предмета, а именно ценной вещи - ювелирного изделия из драгоценного металла в виде золотого кольца. Мировым судьей судебного участка № 108 Гоглев А.Н. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 291.2 УК РФ.¹

Таким образом, лицо совершило действия, за которые предполагалось незаконное вознаграждение, совершенные с использованием своего должностного положения, и при этом не имеет значения законны ли эти действия и входят ли они в круг полномочий должностного лица. Именно поэтому действия Гоглева А.Н. квалифицируются по ст.291.2 УК РФ.

Нередки случаи получения лицом ценностей за совершение действий (бездействий), которые в действительности оно не может выполнить ввиду отсутствия у него служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение. При таких условиях, действия лица квалифицируются как мошенничество с использованием служебного положения.

Так, Октябрьский районный суд г. Уфы в составе председательствующего судьи Гаймалеева Р.Р. приговорил признать виновным Беркута С.М. в совершении преступления, предусмотренного ст. 30 ч. 3, ст. 159 ч. 3 УК РФ. Обстоятельства уголовного дела следующие: Беркута С.М., занимая должность начальника отделения технического надзора отдела технического надзора и регистрации автотранспортных средств ГИБДД Управления МВД России по городу Уфе, являясь должностным лицом, дал согласие своему знакомому ФИО1 оказать содействие в регистрации транспортного средства ФИО2. В ходе разговора с ФИО2 Беркута С.М., заведомо зная о том, что присвоение государственных регистрационных знаков осуществляется в порядке случайного выбора исключительно с использованием возможностей программного обеспечения федеральной информационной сис-

¹ Архив мирового суда судебного участка № 108 Спасского района (Приморский край). – Уголовное дело № 1-20/2017.

темы Госавтоинспекции МВД России – ФИС ГИБДД – М, используя своё служебное положение, с целью хищения денежных средств, путём обмана, не имея полномочий, позволяющих нарушить случайный выбор государственного регистрационного знака, и возможностей намеренного присвоения «красивых» сочетаний цифр в информационной системе Госавтоинспекции МВД России – ФИС ГИБДД – М., сообщил ФИО2 о возможности получения ею государственного регистрационного знака с сочетанием цифр «777» на регистрируемое ею транспортное средство за денежное вознаграждение в размере <сумма изъята> рублей, сообщив, что указанные денежные средства необходимо будет передать ему позже через знакомого ФИО1. Беркута С.М., в продолжение своих преступных действий, неоднократно обращался к знакомому ФИО1 с требованием о передаче ему денежных средств в размере <сумма изъята> рублей, за якобы оказанную им в силу своего должностного положения организацию в выдаче ФИО2 государственного регистрационного знака с сочетанием цифр «777».

После этого ФИО1 сообщил о преступных действиях Беркута С.М. в правоохранительные органы. Во время встречи Беркута С.М. с ФИО1 участвующим в рамках оперативно-розыскного мероприятия – «Оперативный эксперимент», от которого получил денежные средства в сумме <сумма изъята> рублей, за якобы оказанную им организацию в выдаче ФИО2 государственного регистрационного знака с сочетанием цифр «777», и сразу же после получения этих денежных средств был задержан сотрудниками УФСБ России по <адрес>.

В результате этого, Беркута С.М. не смог реализовать свой преступный умысел до конца по независящим от него обстоятельствам.¹

По смыслу закона в том случае, если должностное лицо получило ценности (денежные средства) за совершение действий, которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать своё служебное положение, такие действия при наличии умысла на приобретение ценностей следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения. Так, уголовное дело, поступившее в суд в отношении Беркута С.М. по обвинению его во взяточничестве, было переквалифицировано на покушение на мошенничество с использованием служебного положения.

На практике также встречаются случаи, когда лицо получает денежные средства либо другие ценности, якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки, однако заведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего эти ценности в свою пользу. Такие действия лица квалифицируются как мошенничество.

Так, нами выделены наиболее распространенные вопросы квалификации взяточничества, и отграничения от такого смежного состава как мошен-

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Уфы (Республика Башкортостан). – Уголовное дело № 1-400/2018.

ничество, которые вызывают трудности в правоприменительной практике. Практические работники должны стремиться к исключению случаев пере-квалификации в судебном заседании взяточничества на мошенничество.

Список литературы

Бочкарев С.А. И все-таки мошенничество или взяточничество? / С.А. Бочкарев, О.В. Радченко // Законность. – 2013. – № 1. .

Михайлов В.И. Современный этап государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции и задачи по ее научному обеспечению/ В.И. Михайлов// Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: Сборник трудов по итогам Всероссийской научной конференции. Екатеринбург.2014.

Яни П.С. Взятка или мошенничество? / П.С. Яни // Законность. – 2012. – № 6.

Родимкина Е.В.

Крайняя необходимость в ситуации невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат

Extreme Necessity in the Situation of Non-payment of Wages, Pensions, Scholarships, Allowances and Other Payments

Аннотация. Автором проводится анализ возможности применения положений о крайней необходимости в ситуации невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат. В рамках работы представлен сравнительно-правовой анализ невыплаты заработной платы и уклонения от уплаты налогов и сборов организациями-налогоплательщиками.

Abstract. The author analyzes the possibility of applying the provisions on extreme necessity in the situation of non-payment of wages, pensions, scholarships, allowances and other payments. The work presents a comparative legal analysis of non-payment of wages and evasion of taxes and fees by organizations-taxpayers.

Ключевые слова: невыплата, заработная плата, уклонение от уплаты налогов, крайняя необходимость.

Key words: non-payment, wages, tax evasion, emergency.

В настоящее время в правоприменительной деятельности все чаще рассматриваются вопросы относительно возможного применения положений о крайней необходимости (ст.39 УК РФ) к ситуации невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст.145¹ УК РФ).

Так, анализируя положения ч.1 ст.145¹ УК РФ отметим, что целью указанного противоправного деяния является умышленное уклонение субъекта (руководителя или иного уполномоченного на выплату лица) от обязанности

по своевременной и полной выплате заработной платы и иных предусмотренных законом выплат. Умысел виновного лица направлен на нарушение трудовых и социальных прав граждан, осложнен корыстной или иной личной заинтересованностью субъекта. Объективная сторона

представлена бездействием лица (длящимся противоправным деянием), а именно невыполнением последним обязанности по оплате труда или социальному обеспечению. Субъект посягает на общественные отношения, складывающиеся по поводу оплаты труда и социального обеспечения граждан.

Но не во всех случаях указанное противоправное поведение субъекта продиктовано его личной заинтересованностью. Могут возникнуть внешние обстоятельства, провоцирующие ущемление указанных прав граждан. В таком случае возникает вопрос: будет ли лицо подвергнуто уголовной ответственности? Думается, что в данной ситуации следует рассмотреть вопрос о возможности (невозможности) применения положений ст.39 УК РФ к ситуации невыплаты заработной платы, как наиболее распространенному виду выплат. Интересным представляется также сравнительно-правовой анализ положений о крайней необходимости при невыплате заработной платы (ст.145¹ УК РФ) и в случае неуплаты налогов организацией-налогоплательщиком (ст.199 УК РФ).

Переходя к более детальному анализу, необходимо обратить внимание на тот факт, что крайняя необходимость (ст.39 УК РФ) является разновидностью обстоятельств, исключающих преступность деяния (глава 8 УК РФ). Суть крайней необходимости сводится к фактическому «столкновению двух правоохраняемых интересов, когда предотвращение причинения вреда одному из них возможно лишь путем причинения вреда другому».¹

Крайняя необходимость как любое иное обстоятельство, исключающее преступность деяния, обладает рядом свойств, обязательных для исполнения. Исключение негативных последствий в виде уголовной ответственности возможно только в случае соблюдения всех условий, закрепленных в ст. 39 УК РФ. Так, целью действий субъекта при невыплате должно быть не обогащение (или распоряжение средствами предприятия по своему усмотрению), а устранение реальной опасности как для организации, так и для самих граждан. Кроме того, заметим, что указанная реальная опасность, во-первых, должна угрожать законным интересам личности, общества или государства², а не быть абстрактной, во-вторых, как правило, реальность опасности сложно доказуема на практике. Вред в случае крайней необходимости причиняется исключительно третьим лицам (как правило, работникам предприятия при невыплате заработной платы или определенным категориям граждан при невыплате различных пособий). Вопрос качественной и количественной оценки причиненного вреда является ключевым при рассмотрении вопроса освобождения от уголовной ответственности. Так, вред, причиненный в результате нарушения прав и интересов

¹ Попов А. Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / науч. ред. Б. В. Волженкин. - СПб., - 1998. - С. 31.

² В контексте положений ст.145¹ УК РФ угроза непосредственно направлена на ущемление и нарушение прав граждан на получение надлежащих выплат. Сама угроза должна быть наличной и действительной, а не подразумеваться в будущем. Указанные свойства описывают непосредственность наступления масштабных негативных последствий.

третьего лица, должен быть меньшим, по сравнению с вредом возможным (предотвращенным), т.е. при оценке должен учитываться принцип разумной экономии. Значимость рассматриваемого критерия обусловлена тем, что состояние крайней необходимости возможно только в случае, когда указанная угроза не могла быть устранена иными (законными) средствами (следует помнить, что в ситуации крайней необходимости вред только переносится с одного объекта посягательства на другой, но при этом не устраняется)¹. Ущемление интересов лица при невыплате положенного вознаграждения по существу уже является нарушением гарантированного государством конституционного права граждан на оплату труда. Сомнительным представляется и устранение потенциального (возможного) вреда при невыплате заработной платы. Так, вред в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 145¹ УК РФ причиняется не только личности (работнику), но и семье сотрудника (например, происходит снижение уровня жизни), что может повлечь наступление тяжких последствий (речь идет о ситуации, когда у потерпевшего на иждивении находятся иные члены семьи). На наш взгляд, ни одно экономическое продвижение предприятия не может осуществляться за счет ущемления гарантированных государством прав и интересов сотрудников организации.

Также обратим внимание на тот факт, что при применении ст. 145¹ УК РФ в случае недостаточности средств на счетах обязанного лица (организации) списание денежных средств происходит в порядке ч.2 ст.855 ГК РФ. Указанная статья регламентирует очередность осуществления выплат. Так, в первую очередь производятся выплаты по требованиям о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в случаях взыскания алиментов. Вторая очередь включает в себя расчеты по выплате выходных пособий и оплате труда с лицами, работающими или работавшими по трудовому договору (контракту), по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности». Списание средств внутри самой очереди производится в порядке календарного предъявления требований. Однако отметим тот факт, что указанный порядок в большей степени предназначен для кредитной организации, обслуживающей предприятие, и органов, контролирующих соблюдение порядка очередности исполнения предъявленных требований, чем для руководителя предприятия; так как распоряжение денежными средствами со стороны руководителя возможно только в случае достаточности денежных средств на банковском счете организации.

Таким образом, на наш взгляд, ситуация крайней необходимости при невыплате заработной платы невозможна ввиду характера и повышенной степени общественной опасности указанного деяния.

Несмотря на схожесть внешнего выражения деяний, предусмотренных

¹ Берестовой А.Н. Крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ)/в сб. Проблемы уголовного права, криминологии и исполнения уголовных наказаний: Курс лекций/Под ред. Е.Н. Рахмановой. – М., РГУП, 2019. С.121-124

как ст.145¹ УК РФ, так и ст.199 УК РФ – бездействию лица, между ними имеется существенная разница. Так, ситуация с крайней необходимостью при уклонении от уплаты налогов и сборов организацией-налогоплательщиком (ст.199 УК РФ) выглядит иначе. Объектом преступного посягательства в данном случае выступают экономические (фискальные) отношения между налогоплательщиком и государством, а также общественные отношения при формировании бюджета и государственных внебюджетных фондов. Предметом, соответственно, выступают необходимые установленные законом отчисления хозяйствующих субъектов в бюджет государства и внебюджетные фонды (в ст. 145¹ УК РФ предметом выступают заработная плата и иные предусмотренные законом выплаты в отношении физических лиц). В юридической литературе ранее отмечалось, что «положения ст. 199 УК РФ предусматривают уголовную ответственность только за такие деяния, которые совершаются умышленно и направлены непосредственно на избежание уплаты законно установленного налога в нарушение закрепленных в налоговом законодательстве правил».¹

Кроме того, налоговым законодательством, а также практикой Верховного Суда РФ закреплена возможность освобождения налогоплательщика от уголовного преследования в случае возникновения чрезвычайных ситуаций. Так, «важным в данном случае является обстоятельство, на которое указано в п. 8. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64. В частности, следует иметь в виду, что при решении вопроса о наличии у лица умысла надлежит учитывать обстоятельства, указанные в ст. 111 НК РФ, которые исключают вину в налоговом правонарушении. К таким обстоятельствам относятся, например, совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, вследствие стихийного бедствия или других чрезвычайных и непреодолимых обстоятельств (данные обстоятельства устанавливаются наличием общеизвестных фактов, публикаций в средствах массовой информации и иными способами, не нуждающимися в специальных средствах доказывания)».²

Таким образом, отметим, что, несмотря на схожесть невыплаты заработной платы по ст. 145¹ УК РФ и уклонения от уплаты налогов по ст.199 УК РФ, указанные составы различны по объекту преступного посягательства и содержанию правоотношений. Вред причиняется различным категориям лиц (при невыплате заработной платы потерпевшими являются граждане, в случае уклонения от уплаты налогов страдают интересы государства). Указанная разница прослеживается и при рассмотрении вопроса относительно применения условий крайней необходимости к анализируемым составам преступления. На наш взгляд, крайняя необходимость в случае невыплаты заработной платы и иных выплат будет отсутствовать, так как на-

¹ Безбородов Д. А. Уголовно-правовая характеристика налоговых преступлений : учебное пособие — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2012. — 120 с.

² Там же.

рушение трудовых и социальных прав граждан представляет собой серьезные негативные последствия ввиду высокой значимости объекта уголовно-правовой охраны. В свою очередь, крайняя необходимость возможна в случае уклонения от уплаты налогов организацией-налогоплательщиком. Причинение вреда интересам государства возможно в случаях, указанных в ст. 111 НК РФ, например, в случаях чрезвычайных ситуаций.

Список литературы

Безбородов Д. А. Уголовно-правовая характеристика налоговых преступлений : учебное пособие — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2012. — 120 с.

Берестовой А.Н. Крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ)/в сб. Проблемы уголовного права, криминологии и исполнения уголовных наказаний: Курс лекций/Под ред. Е.Н. Рахмановой. – М., РГУП, 2019. С.121-124

Попов А. Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / науч. ред. Б. В. Волженкин. - СПб., - 1998. – 40 с.

Романченко О.С.

Психическое насилие как средство достижения преступных целей в некоторых должностных преступлениях

Mental Abuse as a Mean of Achieving Criminal Goals in Some Crimes of Officials

Аннотация: В работе обращается внимание на необходимость на законодательном уровне формального закрепления понятия «психического насилия» для унифицированного понимания и, как следствие, единства правоприменительной практики, а также во избежание совершения судебных ошибок при квалификации судом должностных преступлений, совершаемых с применением психического насилия.

Abstract. The work draws legislator's attention to the need to define «mental abuse» in order to unify understanding and enforcement practice and to avoid errors of justice in the court qualification of official crimes committed by mental abuse.

Ключевые слова: психическое насилие, должностное лицо, оскорбление, злоупотребление, превышение полномочий.

Key words: mental abuse, officials, insult, abuse, excess of authority.

В последние годы наблюдается устойчивый рост должностных преступлений. Согласно данным МВД РФ за 2018 год, количество преступлений против интересов государственной службы, государственной власти и службы в органах местного самоуправления составило 13262 (на 8,6 % больше, чем в предыдущий год), в том числе получение взятки — 3499 (больше на 9,8 %); дача взятки — 2612 (больше на 15 %); посредничество во взяточничестве — 979 (больше на 20,9 %), служебный подлог — 333, халатность — 162, злоупотребление должностными полномочиями — 468, превышение должностных полномочий — 1132, Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности — 95, заведомо

ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод — 617¹.

Особенностью данной группы преступлений является наличие должностного лица как обязательного субъекта преступлений и совершение им деяний в связи осуществлением, возложенных на него полномочий, либо вопреки интересам службы².

Наиболее распространенной формой совершения данных преступлений является использование психического насилия, содержание которого не раскрывается ни в законодательстве, ни в Постановлениях Пленума ВС РФ. Отсутствует единство в понимании данного термина и в научной литературе³.

Психическое насилие может совершаться в форме прямого или косвенного ограничения прав человека, может быть сопряжено с применением физического насилия и без него. Традиционно к видам психического насилия относят «угрозу, шантаж, гипноз, оскорбление, истязание, жестокое обращение (два последних — при отсутствии физического насилия) и др. Преступным результатом такого насилия является психический вред, который представляет собой отрицательные изменения в психическом состоянии потерпевшего»⁴.

Наконец, психическое насилие может быть совершено в форме психического принуждения, под которым, по нашему мнению, следует признать осуществляемое на потерпевшего воздействие с целью заставить его совершить те или иные действия в пользу виновного, либо заставить потерпевшего отказаться от их совершения.

В отечественной уголовно-правовой литературе до сих пор не выработана единая классификация должностных преступлений, которых объединяет лишь наличие в качестве специального субъекта преступления — должностное лицо. Понятие должностного лица содержится в прим. 1 к ст. 285 УК РФ. Но помимо гл. 30 УК РФ термин «должностное лицо» используется и в иных главах и разделах УК РФ.

Существует множество классификаций должностных преступлений, в т.ч. по субъекту преступления, по объекту, по предмету посягательства и т.п. Должностные преступления традиционно принято делить на преступления, которые могут совершаться в любой области государственного или общественного аппарата и любым должностным лицом (гл. 30 УК РФ), а так-

¹ Сайт Министерства внутренних дел. [Электронный ресурс]. URL: <http://мвд.рф/>

² Гельдибаев М.Х., Рахманова Е.Н. Уголовное право в схемах и определениях. — СПб.: Издательство «Юридический центр», 2017. С. 419-422

³ См. об этом: Попов Д. В. К вопросу о соотношении уголовно-правовых понятий: принуждение и насилие // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: Межвузовский сб. научных трудов. Уфа, 2003; Симонов В. И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972; Калугин В.В. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Иванцова Н. В. Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2005 и др.

⁴ Косьяненко Е. В. Последствия в психическом насилии // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2015 № 4.С. 43

же на специальные должностные преступления, которые могут совершаться в отдельных сферах жизнедеятельности, но не всеми лицами, а лишь наделенными дополнительными специальными функциями. В частности, это преступления против правосудия, преступления против военной службы, экологические преступления и др.

Должностные преступления, связанные с применением психического насилия, можно классифицировать следующим образом:

1. Преступления, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями (ст.ст. 285-288, 292-293 УК РФ).

Очевидно, что должностные полномочия состоят в возможности применения их в рамках властных, организационно-распорядительных или административно-хозяйственных полномочий. Это порождает в ряде случаев ситуации, когда должностное лицо осуществляет возложенные на него полномочия, используя насилие. Именно поэтому, например, п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ предусматривает возможность квалификации превышения должностных полномочий по признаку применения насилия или с угрозой его применения. При этом необходимо согласиться с мнением, что, учитывая смысл термина «насилие - принудительное воздействие на кого-нибудь, нарушение личной неприкосновенности¹», такой законодательный подход страдает «тавтологичностью. Отдельно называется угроза, хотя это лишь разновидность психологического насилия»²

При этом Европейский суд по правам человека в своем решении по делу Менешевой против Российской Федерации отмечает, что расследование данной категории дел находится на низком уровне, является неэффективным, неоднократно принимаются однотипные незаконные решения³.

2. Преступления, связанные со взяточничеством (ст.ст. 290-291.1 УК РФ).

Действия по получению или дачи взятки зачастую сопровождаются психическим воздействием на волю лица путем обещаний и уговоров что-то сделать или не сделать, осуществляемое с использованием должностного положения. Не случайно в Постановлении Пленума РФ от 09.07.2013 г. № 24 в п. 30 обращается внимание судов на то, что не являются преступлением «действия лица, вынужденного передать деньги, ценности, иное имущество, предоставить имущественные права, оказать услуги имущественного характера должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в состоянии крайней необходимости или в результате психического принуждения (статья 39 и часть 2 статьи 40 УК РФ), когда отсутствовали иные законные средства для предот-

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1999.

² Снежко А. С. Состав превышения должностных полномочий: законодательное описание и проблема квалификации: Монография / Под науч. ред. В. П. Коняхина. Краснодар, 2004. С. 26

³ По делу Менешевой О.Е. (Menesheva) против Российской Федерации: Постановление Европейского суда по правам человека от 09.03.2006 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2006. N 11;

ращения причинения вреда правоохраняемым интересам владельца имущества либо представляемых им лиц»¹.

3. Преступления, совершенные в сфере правосудия (ст. 302, 303, 305, 307 УК РФ)

Данная группа преступлений является наиболее уязвимой в плане применения психического насилия к участникам уголовного процесса. В результате оказываемого на них психического принуждения со стороны следователей, лиц, производящих дознание и др. обеспечивается получение тех или иных доказательств, что противоречит ч. 4 ст. 164 УПК РФ.

Анализ ст. 302 УК РФ показывает, что, исходя из смысла ч.1 статьи объективная сторона данного преступления включает в себя «принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта, специалиста к даче заключения или показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание». Так, например, следует из Определения Верховного Суда РФ от 20.05.2010 N 21-О10-4 «Хибиев С.М. признан виновным в том, что, являясь должностным лицом, представителем власти, старшим дознавателем отдела дознания ОВД <...>, проводящим дознание, с угрозой применения насилия и с применением насилия принуждал свидетеля Б. к даче показаний, чем совершил преступление против правосудия... Вина Хибиева в совершении преступления, за которые он осужден, подтверждается показаниями потерпевшего Б., который показал, что в 2007 году <...> его допрашивали по уголовному делу об обстоятельстве покушения на кражу металлических труб <...>, в котором подозревались Х. и К.

15 марта 2007 года его и Х. пригласил к себе в служебный кабинет для проведения очной ставки дознаватель Хибиев. Кабинет последнего располагался на первом этаже <...>. При проведении очной ставки он, Б., стал отрицать причастность Х. к указанному преступлению. Тогда Хибиев предложил Х. выйти из кабинета и закрыл за ним дверь на замок. После этого, выражаясь в его, Б., адрес нецензурными словами, Хибиев сказал, что "побьет" его за то, что он изменил свои показания, и сильно ударил его ладонью правой руки по голове в область левого уха, отчего он, Б., упал со стула и ударился головой о стену. От этого он, Б., потерял сознание, а, когда очнулся, спросил, за что Хибиев его ударил. Хибиев ответил, что ударил его за ложные показания, и еще два раза ударил его ладонью руки по голове в область левого уха. Затем Хибиев открыл дверь и позвал Х., а он, Б., в это время стряхивал со своей одежды пыль, которая попала на одежду, когда он падал. Он, Б., отпросился у Хибиева на улицу, и там его видел Ш., который сказал, что

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»// Бюллетень Верховного Суда РФ, N 9, сентябрь, 2013.

его ухо почернело, и спросил, что случилось. Он, Б., рассказал Ш., что его ударил Хибиев.

Затем его, Б., вновь позвал в кабинет Хибиев, и сказал, что будет допрашивать его с применением видеокамеры, а перед этим придет эксперт. Когда приехал эксперт, Хибиев переговорил с ним о чем-то на балкарском языке, после чего его, Б., вновь допросил Хибиев, предварительно пригрозив, что в случае изменения показаний он привлечет его к уголовной ответственности. Допрос был заснят на видеокамеру, при этом съемка велась только с правой стороны. Он, Б. считает, что эксперт и Хибиев не хотели снимать его с левой стороны, чтобы не были зафиксированы причиненные ему телесные повреждения. В ходе допроса он, Б., боялся Хибиева, а поэтому был вынужден давать показания против Х.»¹

4. Преступления, совершенные против военной службы (ст. 335, 336 УК РФ).

Психическое насилие в ст. ст. 335, 336 УК РФ является неотъемлемым признаком объективной стороны, зачастую оно играет роль средства совершения преступления.

Даже очень краткий анализ видов должностных преступлений, совершенных с использованием психического насилия, показывает, что существует необходимость законодательного признания психического насилия в качестве самостоятельного способа совершения преступления, поскольку явления, указывающие на психическое насилие, лишь презюмируют его, а не обличают.

Список литературы

Гельдибаев М.Х., Рахманова Е. Н. Уголовное право в схемах и определениях. – СПб.: Издательство «Юридический центр», 2017

Иванцова Н. В. Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2005

Калугин В. В. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001

Косьяненко Е. В. Последствия в психическом насилии//Вестник Алтайской академии экономики и права. 2015 № 4. С. 43-45

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1999.

Симонов В. И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972

Снежко А. С. Состав превышения должностных полномочий: законодательное описание и проблема квалификации: Монография / Под науч. ред. В. П. Коняхина. Краснодар, 2004.

**К вопросу о субъективной стороне преступления,
предусмотренного ст. 264 УК РФ**

**Mental Element of the Crime Described in Art. 264 of the Criminal Code
of the Russian Federation**

Аннотация. В статье дан анализ субъективной стороны нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Автором рассматриваются вопросы квалификации дорожно-транспортных преступлений и назначения наказания при обоюдной вине, а также освещаются вопросы отграничения указанных деяний от умышленных посягательств на личность.

Abstract. The author analyses the mental element of crimes against road safety and vehicle maintenance. The author discusses the challenges of assessing road traffic offenses and sentencing in conditions of mutual guilt and highlights the issues of delimitation of these acts from intentional offences against person.

Ключевые слова: дорожно-транспортное преступление, субъективная сторона, вина, неосторожность, совпадение деяния.

Key words: traffic offense, mental element of crime, guilt, negligence, coincidence of action.

С каждым годом в России увеличивается количество автомобилей и количество водителей. Как и любое социальное явление, процесс автомобилизации имеет свои достоинства и недостатки. Ощутимое удобство и комфортабельность повседневной жизни, вместе с тем, зачастую приводят к негативным последствиям в виде ухудшения экологической обстановки, а также огромного количества ДТП с причинением имущественного ущерба, а также вреда здоровью или жизни человека.

Стабильно высокий уровень преступных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств свидетельствует о неэффективности профилактики и противодействия преступности в данной сфере. На практике при квалификации указанных деяний органы предварительного расследования и суды не всегда правильно оценивают психическое отношение виновного к своим действиям и их последствиям. Здесь имеются в виду случаи, когда необходимо отграничивать косвенный умысел от легкомыслия.

Установление субъективной стороны в процессе квалификации преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, представляет значительную сложность, связанную с особенностями законодательной конструкции состава, с характером этого преступления. По поводу определения признаков субъективной стороны дорожно-транспортного преступления в теории уголовного права существуют определенные разногласия, обусловленные, прежде всего, противостоянием сторонников и противников признания смешанной и двойной формы вины в деяниях с материально выраженными неосторожными последствиями.

«Сторонники смешанной формы вины утверждают, что административный деликт, лежащий в основе общественно опасного деяния, может со-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 20.05.2010 N 21-О10-4//Консультант Плюс

вершаться как умышленно, так и по неосторожности, а психическое отношение виновного к наступившим вредным последствиям – только в форме неосторожности. Некоторые авторы выделяют «двойную» форму вины, и, по их мнению, действия (нарушение правил) совершаются умышленно, а последствия наступают по неосторожности, однако в целом это преступление неосторожное: содержание «двойной» формы вины раскрывается в ст. 27 УК РФ, в соответствии с которой в целом преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ должно признаваться умышленным, а значит, само по себе нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, в случае не наступления последствий, указанных в ст. 264 УК РФ, квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное этой же статьей, ошибочно¹.

Между тем, общественная опасность нарушения правил дорожного движения как разновидности нарушения специальных правил безопасного обращения с источником повышенной опасности, обусловлена, прежде всего, последствиями, которые наступают в результате его совершения². Поэтому вину применительно к данному составу необходимо устанавливать именно по отношению к последствиям.

Неосторожность в данных преступлениях может быть выражена не только в виде легкомыслия, но и небрежности. В первом случае психическое отношение виновного к содеянному выражается в предвидении возможности наступления общественно опасных последствий и самонадеянном, без достаточных к тому оснований расчете на предотвращение этих последствий. Во втором случае виновный не предвидит возможности наступления тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего, но при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия.

Однако, в том случае, если воздействие виновного направлено не на дестабилизацию общественных отношений в сфере безопасности дорожного движения, а непосредственно на личность потерпевшего, на умышленное причинение вреда жизни или здоровью человека, то квалифицировать деяние следует по статьям за преступления против личности. Транспортное средство в подобной ситуации следует рассматривать в качестве орудия преступления. Так, например, представим ситуацию, когда один водитель А «подрезал» другого водителя Б. Водитель Б, в свою очередь, желая проучить неумелого ездока, ответными действиями в нарушение требований п. 8.1 ПДД создал помеху транспортному средству водителя А. В результате водитель А не справился с управлением и съехал в кювет, от чего скончался на месте. В данном случае налицо осознание водителем Б общественной опас-

ности своих действий. При этом данное лицо безразлично относилось к возможным последствиям своего деяния либо рассчитывало на их случайное предотвращение. В совокупности все это свидетельствует о косвенном умысле на причинение смерти. Но поскольку преступление, предусмотренное статьей 264 УК РФ — неосторожное, следовательно, квалифицировать действия Б. необходимо по ст. 105 УК РФ.

Научный интерес представляет вопрос об обоюдной вине в ДТП. В правоприменительной практике при расследовании дорожно-транспортных преступлений иногда встречаются ситуации, когда общественно опасные последствия выступают результатом преступной небрежности или легкомыслия двух или более лиц, управляющих транспортными средствами. Такое поведение обуславливает взаимное причинение вреда лицам, управляющим транспортными средствами, и (или) третьим лицам (пассажирам, пешеходам). В силу абз. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25, в тех случаях, когда нарушение ПДД были допущены двумя или более участниками дорожного движения, содеянное каждым из них влечет уголовную ответственность по статье 264 УК РФ, если их действия по управлению транспортным средством находились в причинной связи с наступившими последствиями, указанными в названной статье Уголовного кодекса Российской Федерации¹. Данное явление в теории уголовного права именуется «совпадением деяния»². Это означает, что каждый из виновных совершает собственное преступное деяние, которые в совокупности, в силу сложившейся ситуации, привели к общему результату.

Так, приговором Комсомольского районного суда Хабаровского края от 24.05.2016 года Фомин А.А. и Михейкин Ю.А. признаны виновными в совершении преступления предусмотренного ч.5 ст.264 УК РФ. В суде установлено, что «5 августа 2015 года водитель автобуса №301 Михейкин выехал из города Комсомольска-на-Амуре в Хабаровск. На участке автодороги, где проводились дорожные работы, были выставлены временные дорожные знаки, ограничивающие скорость до 20 км/ч. Несмотря на это, Михейкин продолжил движение на данном участке дороге со скоростью 85 км/ч. Не снижая скорости, водитель выехал на встречную полосу движения, чтобы объехать дорожную технику. Однако, на встречу ему уже двигается с большой скоростью другой пассажирский автобус, за рулем которого автобуса находился Фомин, который также с превышением скорости двигался по маршруту №304 из города Хабаровска в Комсомольск-на-Амуре. При этом он даже не пытался снизить скорость, пока столкновение не стало не-

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. № 25.

² Безбородов, Д.А. Совпадение действия (бездействия) в неосторожном преступлении и его уголовно-правовое значение // Общество и право. – 2016. №3 (57). С.34-43.

¹ Гайков, В. Т., Саядова, А. С. Установление субъективной стороны в процессе квалификации преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ [Текст] / В. Т. Гайков, А. С. Саядова. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – 2013. № 6. - С. 74 — 78.

² Медведев, Е.В. Последствия транспортных преступлений в нормах УК РФ // Транспортное право. – М.: Юрист, 2017. № 3. – С. 23.

избежным. В результате действий обоих водителей в Нанайском районе Хабаровского края при столкновении двух пассажирских автобусов погибли 16 человек, многие пассажиры получили травмы различной степени»¹.

Трудности возникают при вменении последствий каждому из субъектов. В том случае, если в результате ДТП пострадало несколько человек, которым был причинен вред здоровью различной степени тяжести, а несколько человек погибло, то закономерно возникает вопрос о том, кому какие последствия вменить. Д. А. Безбородов считает наиболее приемлемым вариантом «вменение каждому из участников совпадения деяния наиболее тяжких последствий их деятельности»². Например, может возникнуть ситуация, когда при едином преступном результате степень вины каждого из субъектов неодинакова. В юридической литературе по данному вопросу можно встретить предложения о «процентном» назначении наказания в зависимости от степени вины каждого из субъектов. Также как и в рамках практики рассмотрения споров о страховом возмещении, в силу п. 2 ст. 1083 ГК РФ в случае установления обоюдной вины страховая выплата производится в уменьшенном объеме, размер которого зависит от степени вины каждого лица. Представляется, такой подход является вполне обоснованным и соответствующим принципу справедливости.

Определенные сложности вызывает квалификация действий водителя и пешехода в случае обоюдного нарушения ПДД, находящихся в прямой причинной связи с наступившими последствиями. Неправомерное поведение пешехода может создавать аварийную обстановку и привести к увеличению объема причиненного вреда. Если в ходе расследования будет установлено, что последствия наступили не только по причине нарушения ПДД водителем, но и ввиду несоблюдения этих правил пешеходом (пересечение проезжей части в неположенном месте или на запрещающий сигнал светофора и т. п.), то эти действия могут быть квалифицированы как совершенные при обоюдной вине. Лицо, управляющее транспортным средством, будет нести ответственность по ст. 264 УК РФ, а пешеход — по ст. 268 УК РФ.

Нарушение правил не может быть оправдано тем, кто из участников дорожного движения нарушил их первым. В то же время в определенных ситуациях следует учитывать, что поведение одного участника дорожного движения часто обусловлено действием другого. В связи с этим вывод о виновности может быть сделан лишь при системной оценке их поведения, с учетом степени вины каждого в развитии механизма дорожно-транспортного происшествия. Такой подход будет способствовать реализации принципа справедливости и позволит учесть все обстоятельства при индивидуализации наказания.

¹ Приговор Комсомольского районного суда Хабаровского края от 24 мая 2016 г. [Электронный ресурс]: URL: <http://sudact.ru/regular/doc/yiv1H0qmrDHg/>

² Безбородов, Д.А. Совпадение действия (бездействия) в неосторожном преступлении и его уголовно-правовое значение // Общество и право. – 2016. №3 (57). С.34-43.

Список литературы

Безбородов Д.А. Совпадение действия (бездействия) в неосторожном преступлении и его уголовно-правовое значение // Общество и право. – 2016. – №3 (57). – С.34-43.

Гайков В. Т., Саядова А. С. Установление субъективной стороны в процессе квалификации преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ// Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – 2013. – № 6. – С. 74 — 78.

Медведев Е.В. Последствия транспортных преступлений в нормах УК РФ // Транспортное право// М.: Юрист. – 2017. – № 3.

Стадникова О.А.

Актуальные проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: соотношение понятий

Crimes against Sexual Integrity: Complex Terms Definitions

Аннотация: В статье рассмотрены основные подходы к соотношению понятий «иные действия сексуального характера» и «развратных действий» в уголовно-правовой доктрине. Высказано предложение о реформировании действующего законодательного понимания данных видов преступлений.

Abstract. The article discusses the main approaches to the interrelation of such concepts as «other actions of a sexual nature» and «lecherous acts» in criminal law theory. Author proposes to reform the current legislative understanding of these types of crimes.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, иные действия сексуального характера, развратные действия, несовершеннолетние.

Key words: sexual integrity, other act of sexual nature, lecherous acts, minors.

В настоящий момент в Уголовном Кодексе РФ фактически предусмотрено 5 видов половых преступлений – половое сношение, мужеложство, лесбиянство (как насильственные, так и ненасильственные), иные действия сексуального характера, а также развратные действия.

В раннее действующем Пленуме¹, регулирующем вопросы половых преступлений, были даны конкретные понятия вышеперечисленных действий, что позволяло хоть как-то отграничивать составы при квалификации. Так, половым сношением являлось совершение полового акта между мужчиной и женщиной, под мужеложством понимались сексуальные контакты между мужчинами, под лесбиянством - сексуальные контакты между женщинами. Под иными действиями сексуального характера - удовлетворение половой потребности другими способами, включая понуждение женщиной мужчины к совершению полового акта путем применения насилия или угрозы его применения. Понятия развратных действий не раскрывались.

В настоящее время Верховный Суд не стал раскрывать и вовсе значение этих деяний, что вызывает недоумение и споры в рядах ученых и юристов-практиков. Об ошибках в употреблении законодателем терминов о по-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. N 11 "О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации" (утратило силу) // "Российская газета", N 3513, 29.06.2004.

ловых преступлениях говорит и Н. В. Тыдыкова¹, так, она предлагает ввести единый термин в диспозиции ст. 132 УК РФ «насильственные действия сексуального характера», аргументируя это тем, что под «мужеложством» в науке понимается такой половой контакт мужчины с женщиной, при котором происходит введение полового члена в анальное отверстие партнера², однако это не все виды проявления мужского гомосексуализма согласно медицинскому понятию (непонятно, подпадает ли под законодательный смысл мужеложства акты, связанные с проникновением инородных предметов в анальное отверстие мужчины, помимо полового члена, совершенное другим мужчиной) - сейчас по УК остальное подпадает под «иные действия сексуального характера», хотя формально тоже может являться мужеложством. Что же касается лесбиянства, женского гомосексуализма, то, по сути, любое проявление женского гомосексуализма может охватываться понятием лесбиянства, следовательно – и иными действиями сексуального характера. Все это имеет значение как при квалификации – по ст. 134 или 135 УК, так и при назначении наказания, если мы признаем любое ненасильственное проникновение женщины в полости девочки как лесбиянство (напр., введение пальцев) – наказание возможно до шести лет лишения свободы, при этом, если это признается развратным действием – до трех. Автор предлагает оставить три дефиниции – естественное половое сношение, действия сексуального характера с проникновением в полость тела потерпевшего, и действия без проникновения.

Н. Н. Изотов в свою очередь считает, что действия сексуального характера – лишь те, которые связаны с сексуальным проникновением, а все иные действия – развратные³. Согласимся с подходом М. Изотовой и Ю. Островецкой, которые также предлагают отличать иные действия сексуального характера и развратные действия в зависимости от проникновения в полость тела⁴, однако в таком случае, по нашему мнению, необходимо ограничить также развратные действия без проникновения, совершенные с применением насилия, поскольку получается, что иные действия сексуального характера, то есть действия с проникновением в полость тела могут быть ненасильственными и насильственными, такой же подход должен быть и к пониманию развратных действий. В этой связи представляется ценным предложение А. Н. Шаглановой, которое заключается в том, чтобы ввести особо квалифицирующий признак в ст. 135 – развратные действия, совершенные с применением насилия или угрозы применения насилия. Для этого необходимо разграничить понятие

«иных действий сексуального характера», указанное в ст. 132 УК РФ и самих «развратных действий» (ст. 135 УК РФ).

Таким образом, очевидна необходимость реформирования изучаемого состава преступления для более точного определения характера совершаемых деяний. Интересным представляется законопроект, внесенный в ГосДуму в 2014 году Законодательным Собранием Санкт-Петербурга и отклоненный в первом чтении в 2017 году. Фактически, проектом предполагалось предусмотреть в статье 134 УК РФ дополнение к диспозиции в ч.1 «иные действия сексуального характера», которые по нашему мнению, явно элементарно упущены законодателем. Важным для нас здесь является Официальный отзыв Верховного Суда РФ на данные изменения¹. Суд стоит на той позиции, что иные действия сексуального характера, совершенные ненасильственным путем и есть развратные действия, поэтому, считает он, при квалификации иных действий сексуального характера, не являющихся лесбиянством или мужеложством в диспозиции ст. 134 УК РФ может возникнуть коллизия со ст. 135 УК РФ, в связи с этим Отзыв носит отрицательный характер. Однако к такой позиции имеется ряд вопросов: почему в таком случае статья 134 УК РФ не названа «половое сношение, мужеложство и лесбиянство с лицом, не достигшим 16-летнего возраста»? почему в ст. 132 УК РФ не фигурирует понятие «насильственные развратные действия»? а статья 135 УК РФ не предусматривает «иные действия сексуального характера»? Что это – ошибки законодателя в терминологии или намеренное разделение данных понятий, а, следовательно, и выделение различных видов преступлений? О природе развратных действий долгое время ведутся дискуссии в юридической литературе. Пудовочкин Ю. Е. считает, что понятие развратных действий включает в себя и действия сексуального характера, в то же время ограничивает их с точки зрения цели удовлетворения полового влечения (если есть такая цель – развратные действия, если цель – унижить, ст. 134 УК)². Изотов Н. Н. различает их по проникновению, М. А. Конева определяет как все действия физические – иные действия сексуального характера, поэтому они должны квалифицироваться по ст. 134 УК. Некоторые авторы считают, что к иным действиям сексуального характера следует относить различные сексуальные действия между женщиной и женщиной или между мужчинами, кроме естественных половых актов и мужеложства, лесбиянства³; другие авторы предлагают также относить и действия, при котором происходит половое сношение женщины и мужчины под принуждением со стороны женщины⁴.

¹Тыдыкова Н. В. О некорректном использовании медицинских терминов при конструировании составов половых преступлений в Уголовном Кодексе Российской Федерации // Юрислингвистика. 2018. № 8. – С. 56-62.

²Цэнгэл С.Д. Квалификация насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ): дис. ... к. ю. н. СПб., 2004.

³Изотов Н. Н. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера: Автореф. Дис. ... Канд. Юрид. Наук., 2000, Ставрополь. – С.13

⁴Изотова М, Островецкая Ю. Проблемы применения законодательства об ответственности за насильственные сексуальные посягательства на несовершеннолетних // Уголовное право. 2013. №4. - С. 15-21.

¹ Официальный отзыв Верховного Суда РФ на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» № 5-ВС-294/14 / Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Режим доступа: URL: <http://duma.gov.ru/>, (свободный)

² Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву//монография. СПб:Алеф-Пресс.2002. – С. 220.

³ Новое уголовное право России. Особенная часть. Учеб. Пособие / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.:Зерцало Москва, 2005.- С. 72

⁴ Борзенков Г. Н. Курс уголовного права. Особенная часть: учеб. для вузов / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. Т.3. – с. 76.

Отдельно отметим, что законодатель не уравнивал по степени общественной опасности добровольное мужеложство и лесбиянство с естественным половым сношением – как видится, это также недосмотр законодателя, который уравнивал санкции между ст. 131 и 132 в связи с либеральными настроениями общественной жизни, однако все-таки до сих пор не затронул санкции ст. 134. Как отмечают С. Ф. Милоков и Степанова О. Ю.¹, разный «половой» подход также заключается в том, что по логике законодателя, показ порнографии, совершенный мужчиной в отношении девочки, ради последующего вступления в половой контакт, не достигшей 12 лет будет квалифицироваться по ч. 1 ст. 30, п. б, ч. 4 ст. 131 УК, и в отношении мальчика того же возраста – по ч. 1 ст. 30, п. б, ч. 4 ст. 132 УК РФ (в итоге – совокупность преступлений), в то же время, если деяние совершит женщина – квалификация будет только по ч. 1 ст. 30, п. «б, ч. 4 ст. 132 УК РФ.

По логике закона, если мы говорим о развратных действиях как подвиде иных действий сексуального характера, получается ситуация, при которой демонстрация половых органов на фото ребенку по своему влиянию может характеризоваться такой же общественной опасностью как оральный секс в отношении малолетнего, с чем мы в корне не согласны. Мы разделяем позицию авторов² в части необходимости реформирования данного подхода в законодательстве. На данный момент, исходя из позиции Пленума и практики происходит отграничение этих двух составов лишь по признаку насилия и субъекта преступления, кроме того, промах законодателя в противоречии названия статьи 134 и ее содержания дает основание квалифицировать любые ненасильственные действия сексуального характера к развратным действиям, хотя, опять же, характер общественной опасности данных деяний может быть совершенно разный.

На основании изученного материала нами предлагается следующее понятие развратных действий: Развратные действия - действия сексуального характера, направленные на возбуждение или удовлетворение половой потребности виновного или других лиц, либо способные вызвать у потерпевшего (потерпевшей) преждевременное сексуальное любопытство или сексуальное возбуждение, не связанное с непосредственным сексуальным проникновением в полость тела потерпевшего (потерпевшей), без применения насилия в отношении несовершеннолетнего лица.

Таким образом, разграничив прямым текстом закона понятие развратных действий и иных действий сексуального характера по признаку проникновения, мы сможем избежать ошибок в квалификации и других правовых пробелов и коллизий законодательства в области половой неприкосновенности несовершеннолетних.

¹ Милоков С. Ф., Степанова О. Ю. Актуальные проблемы квалификации половых преступлений: пределы судебного толкования // Российский журнал правовых исследований. – 2015 - №4(5). – С. 109.

² Обремченко А. Д. Развратные действия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореф. Дис... к.ю.н. Краснодар, 2014. – С.28; Игнатова А. А. Уголовная ответственность за ненасильственные посяательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста: автореф. Дис... к.ю.н., Москва, 2015. – С. 11.

Список литературы

Борзенков Г. Н. Курс уголовного права. Особенная часть: учеб. для вузов / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М., 2002. Т.3.

Игнатова А. А. Уголовная ответственность за ненасильственные посяательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста: автореф. Дис... к.ю.н., Москва, 2015.

Изотов Н. Н. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера: Автореф. Дисс.... Канд. Юрид. Наук., 2000, Ставрополь.

Изотова М., Островецкая Ю. Проблемы применения законодательства об ответственности за ненасильственные сексуальные посяательства на несовершеннолетних // Уголовное право. 2013. №4. - С. 15-21.

Милоков С. Ф., Степанова О. Ю. Актуальные проблемы квалификации половых преступлений: пределы судебного толкования // Российский журнал правовых исследований. – 2015 - №4(5). – с. 107-111.

Новое уголовное право России. Особенная часть. Учеб. Пособие / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.:Зерцало Москва, 2005.

Обремченко А. Д. Развратные действия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореф. Дис... к.ю.н. Краснодар, 2014.

Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву//монография. СПб:Алеф-Пресс.2002.

Тыдыкова Н. В. О некорректном использовании медицинских терминов при конструировании составов половых преступлений в Уголовном Кодексе Российской Федерации// Юрислингвистика. 2018. № 8. – С. 56-62.

Цэнгэл С.Д. Квалификация насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ): дис. ... к. ю. н. СПб., 2004.

Чамян Р.С.

Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Республике Абхазия

Criminal Law and Criminological Aspects of the Fight against Drug Trafficking in the Republic of Abkhazia

Аннотация: Статья посвящена проблематике противодействия незаконному обороту наркотиков, уголовной ответственности, а также мерам по совершенствованию борьбы с наркопреступностью в Республике Абхазия. В статье анализируется состояние преступности в рассматриваемой сфере правового регулирования.

Abstract. The author discusses the issues of combating drug trafficking, explores criminal liability in this field and suggests some measures to improve the fight against drug crimes in the Republic of Abkhazia. The article analyzes the state of crime in this field of legal regulation.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наркопреступность, наказание, предупреждение преступности.

Key words: criminal liability, drug crime, punishment, crime prevention.

Серьезной социальной проблемой для маленькой по масштабам Республики Абхазия и является наркомания и связанная с ней преступность. В стране принимаются меры для их предупреждения, среди которых приоритет отдается в основном уголовному закону. Неблагоприятные тенденции изменения качественных и количественных характеристик преступлений в

сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов требуют принятия адекватных мер борьбы с ними.

С каждым годом проблема наркомании в республике становится все более острым. Ежегодный прирост количества наркоманов в стране составляет до 10%. Так, если в 2004 году на учете в Республиканском наркологическом диспансере Минздрава Абхазии состояло 613 наркоманов, то в настоящее время около 2 000 человек, приведенные данные касаются лишь официально зарегистрированных лиц.

Наркотизм с каждым днём приобретает всё большие масштабы, так как только реализация широкого комплекса разноплановых мер может способствовать эффективной борьбе с этим опасным социальным явлением.

Надо отметить, что причины наркомании в Абхазии обусловлены социально-экономическими проблемами: это так называемый послевоенный синдром грузино-абхазской войны 1992-1993 гг., послевоенная разруха, экономический кризис, высокий уровень безработицы, ослабленная правоохранительная система и пр.

Наркотики вредят не только людям, употребляющим их, но и всему обществу, а значит генофонду Республики Абхазия (согласно официальной переписи населения в 2016 г. – 243 564 человека). Можно констатировать, что данная проблема также является производным для многих видов преступлений, в частности, краж, грабежей, разбойных нападений, похищения людей, ДТП.

Анализ состояния преступности в сфере незаконного оборота наркотиков свидетельствует об активной динамике наркотизма в целом. Так, по данным Информационного центра МВД Республики Абхазия правоприменительная практика по делам о незаконном обороте наркотиков выглядит следующим образом: за период с 1994 по 2007 годы органами внутренних дел всего зарегистрировано 1 120 преступлений, а с 2008 по 2018 годы – 1 168 преступлений (в 2008г. зарегистрировано – 43, 2009 – 63, 2010 – 75, 2011 – 41, 2012 – 79, 2013 – 100, 2014 – 92, 2015 – 134, 2016 – 138, 2017 – 179, 2018 – 224).

Следует отметить, что в 2018 году всего было зарегистрировано 782 преступления из них 224 преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, что составляет 28,6% от общего числа учтенных преступлений. Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков занимает первое место в структуре всех зарегистрированных преступлений, за ним следует кража – 218 преступлений.

Масштабы распространения наркотизма, статистические показатели преступности в сфере незаконного оборота наркотиков, а также иные негативные явления, сопутствующие существующему состоянию наркомании и наркотизма, требуют проведения соответствующей государственной политики, в том числе с помощью уголовно-правовых средств.

Уголовная ответственность в сфере незаконного оборота наркотиков впервые было предусмотрено в Уголовном кодексе ССР Абхазии 1925 года,

в главе VIII «Нарушение правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и публичный порядок», которая содержала только одну статью 221, предусматривающее наказание в виде принудительных работ или штрафа до 300 рублей золотом за приготовление ядовитых и сильно действующих веществ лицами, не имеющими на то права.

В Уголовном кодексе Республики Абхазия от 10 марта 1993 года (в редакции 1961 г.) было предусмотрено 4 статьи, в том числе и за потребление наркотических веществ (ст. 252) и склонение к потреблению наркотических веществ.

Уголовный кодекс Республики Абхазия 2007 г. содержит 10 статей, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами. Но ответственность за потребление наркотических средств или психотропных веществ в УК РА отсутствует или не предусмотрена. То есть названный состав преступления был декриминализован. За потребление предусмотрена административная ответственность.

Однако, в 2009 г. были внесены существенные изменения в УК РА в результате, которого ст. 223 УК РА утратила силу, т.е. исключена, а ст. 224 УК РА расширена по своему содержанию, без учета цели (для личного пользования или сбыта), а также статья не предусматривала изготовление наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. С внесением изменений в УК РА от 21 июля 2009 года статистика зарегистрированных преступлений с 2009 по 2011 изменилась и составило – 182 преступления (это за 3 года, учитывая, что уголовная ответственность за потребление исключена с 2007 г.).

Принятые в 2009 г. поправки в УК РА не разграничивали ответственность лицам, которые приобрели либо хранили для себя наркотики в небольших размерах (для потребления и др.) не было шанса даже после разоблачения, критически переосмыслить своё поведение, не подвергаясь строгим мерам наказания, стать на путь исправления. Ч. 1 ст. 224 УК РА предусматривает наказание в виде лишения свободы от 8 до 10 лет. Так, например, в 2011 г. Гулрыпшским райсудом В. был осужден к 10 годам лишения свободы за 9 грамм конопли.

В 2012 году в результате обсуждений, как в Парламенте страны, так и в обществе, законодатель принял поправки к УК РА, которым прежняя редакция ст. 223 УК РА была восстановлена, и разграничена ответственность за незаконный оборот наркотиков с целью сбыта и за потребление. Однако была допущена другая ошибка, которая в последующем была исправлена (это касалось наказания, в санкции ст. 224 было предусмотрено пожизненное лишение свободы, а в общей части не были внесены необходимые изменения).

В структуре уголовных дел о незаконном обороте наркотиков, зарегистрированных в 2018 году по ст. 223 УК РА - 175 , а по ст. 224 – 18, по ст. 224¹ – 12, также возбуждены о незаконном посеве и культивировании наркосодержащих растений (ст. 228 УК), которые составили всего 12 дел от общего количества.

Таким образом, мы видим, что преобладают дела о незаконном приобретении и хранении наркотических средств. Следовательно, воздействие уголовного закона в основном обращено на потребителей наркотиков, число которых постоянно увеличивается. При том, что большую опасность составляют представители второго «лагеря» - производители и сбытчики наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Обращаем внимание на то, что диспозиции норм о преступлениях против здоровья населения носят бланкетный характер. Законодатель не раскрывает, в чём конкретно состоит нарушение соответствующих правил, либо не даёт конкретного перечня предметов преступления. Вследствие этого, для уяснения признаков предмета и характера объективной стороны преступлений необходимо обращение к другим нормативным актам, в частности к Закону Республики Абхазия от 31.10.2001 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах». Именуясь законом о наркотиках, он ничего не говорит о том, что такое наркотики, отдавая решение Кабинету Министров Республики Абхазия, составляющему такой перечень без гласного обсуждения, в обстановке закрытости по отношению к человеку, подвергающемуся уголовному преследованию, применяется уже не закон, а перечень. Каждого могут подвергнуть наказанию на том только основании, что - то или иное вещество будет включено в этот перечень неконституционным путём¹.

Полагаем, что вполне обоснованы позиции тех юристов, которые утверждают, что все конкретные виды наркотических средств должны быть указаны в списках, содержащихся в документах нормативного характера.

Для придания необходимой эффективности антинаркотическим нормам Уголовного кодекса Республики Абхазия, необходимо изменить порядок утверждения перечня наркотических средств и психотропных веществ не Кабинетом Министров, а законом. Считаю, что существующий порядок не соответствует статье 35 Конституции Республики Абхазия, устанавливающей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законом². Кабинет Министров тем самым без гласного обсуждения принимает перечень. Согласно примечанию к ст. 223 УК РА «крупный» и «особо крупный» размеры для целей статей 224, 224¹ и 226 УК РА утверждаются Кабинетом Министров Республики Абхазия. Также следует отметить, что какие средства или вещества являются наркотическими определяются Кабинетом Министров.

Обращаем внимание, что в мире борьба с распространением наркотиков (распространителями) ведется жестко. К примеру, в Иране, Ираке, КНР, Индии, Пакистане, Малайзии, Саудовской Аравии, ОАЭ, Египте, Турции, Индонезии, Бангладеш, Вьетнаме, Таиланде, Сингапуре, Южной и Северной Корее предусмотрена смертная казнь за незаконный оборот наркотических

средств (наказание применяется к распространителям). Действующий УК РА в системе наказаний предусматривает и высшую меру наказания - смертную казнь (ст. 43 УК РА).

Применение смертной казни, согласно ст. 54 УК РА, допускается в виде исключительной меры наказания за умышленное убийство и за некоторые другие особо тяжкие преступления, в случаях, предусмотренных Уголовным Кодексом.

Несмотря на то, что в Республике Абхазия, в мирное время, действует запрет на применение смертной казни, согласно закону Республики Абхазия «О моратории на смертную казнь»¹, законодатель 4 апреля 2019 года принял закон, в соответствии с которым, (путем изменения санкции) ужесточил уголовную ответственность, предусмотрев наказание в виде смертной казни по ч. 3 ст. 224 (Незаконные производство, переработка, изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка с целью сбыта, а равно сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов), и по ч. 3 ст. 224¹ (Незаконные ввоз в Республику Абхазия, вывоз из Республики Абхазия или перевозка транзитом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов).

Принятые Парламентом Абхазии поправки к УК РА вступят в силу с 1 января 2020 года. Часть 3 ст. 224 УК РА и часть 3 ст. 224¹ УК РА содержит идентичные квалифицирующие признаки, а именно, деяние совершенные:

- а) организованной группой;
- б) в отношении лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста;
- в) в особо крупном размере;
- г) лицом с использованием своего служебного положения

В соответствии с принятыми изменениями в УК РА: «санкция ч. 3 ст. 224 УК РА предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового и со штрафом в размере от 600 000 рублей до 1 200 000 рублей, либо пожизненным лишением свободы, или смертной казнью»; «санкция ч. 3 ст. 224¹ УК РА предусматривает наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни с конфискацией имущества».

Законодатель, на мой взгляд, ошибочно считает, что эти меры помогут в решении проблемы противодействия распространению наркотических средств. Проблема, к сожалению, имеет место быть в республике, но для ее решения указанной меры недостаточно, тем более она не реализуема, т.к. в стране в мирное время действует моратории на смертную казнь. В УК РА (в поправках к нему) не делается разграничение о применении данного вида наказания только к не гражданам страны. Кроме того, в Абхазии нет прак-

¹ Закон Республики Абхазия «О наркотических средствах и психотропных веществах», 31.10.2001г. Законодательные акты, том № 17.

² Конституция Республики Абхазия от 26 ноября 1994 года.

¹ Закон Республики Абхазия «О моратории на смертную казнь» от 29 января 2007 года, № 1573-с-ХIV.

тики приведения в исполнение смертной казни, как вида наказания, и нет необходимых условий для ее исполнения. Соответственно отсутствует правоприменительная практика. Не представляется, каким образом законодатель видит осуществление смертной казни в стране с ее особым менталитетом. Также затруднительны взыскания вышеуказанных размеров штрафа.

Более эффективной могло быть, принятие закона, предусматривающий уголовную ответственность за повторное потребление наркотических веществ без назначения врача, если в отношении виновного лица были применены меры административного воздействия за такое же деяние.

Для повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Республике Абхазия было бы целесообразно:

1. Выработать более принципиальную позицию по вопросам уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков в Абхазии, и максимально объективно применять предусмотренные санкции за конкретные деяния.

2. Усилить ответственность работников таможенной службы за допущение пропуска наркотиков через таможенные границы.

3. Организовать приграничное сотрудничество с правоохранительными органами Краснодарского края по выявлению и пресечению контрабандных каналов поступления наркотиков в Республику Абхазия.

4. Создание в пограничных структурах Республики Абхазия кинологической службы, поскольку на практике доказано, что самым быстрым и эффективным способом обнаружения наркотиков служат специально обученные этому собаки.

5. Систематически вести пропаганду борьбы с наркоманией в СМИ, информировать население о вреде наркотиков и о последствиях, которые возникают вследствие их употребления, включая смертельный исход.

6. Понимаем, наказав преступника надеяться, что наркоман, отсидит в местах лишения свободы 2-3 года и прекратит потребление наркотиков, навивно. Следовало бы в местах лишения свободы создать соответствующие условия по принудительному излечению наркозависимых, закрыть все каналы поступления наркотиков в следственный изолятор.

7. Обеспечить Республиканский наркологический диспансер Минздрава Республики Абхазия современными необходимыми лекарственными препаратами и оборудованием для повышения лечения больных наркоманией.

СПИСОК АВТОРОВ

- АКИМЖАНОВ ТАЛГАТ КУРМАНОВИЧ** (Республика Казахстан, г. Алматы), директор НИИ права, профессор кафедры «Юриспруденции и международного права» Университета «Туран» доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник МВД Республики Казахстан, полковник юстиции в отставке
- АКИМОВА НАТАЛИЯ ВИКТОРОВНА** (Российская Федерация, Москва), доцент кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции, кандидат юридических наук, доцент
- АЛЕКСАНДРОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ** (Российская Федерация, Белгород), заместитель председателя Свердловского районного суда г. Белгорода
- АНДРЕЕВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА** (Российская Федерация, В. Новгород), доцент кафедры теории и истории государства и права АНО ВО «Открытый гуманитарно-экономический университет», кандидат юридических наук, действительный государственный советник РФ 3 класса
- АНДРЕЕВ СЕМЕН ПЕТРОВИЧ** (Российская Федерация, Санкт-Петербург), адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России
- АНТИПОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ** (Российская Федерация, Москва), ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент
- АНТОНОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ** (Российская Федерация, Хабаровск), доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права», кандидат юридических наук, доцент
- АНТОНОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА** (Российская Федерация, Хабаровск), заведующая кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права», доктор юридических наук, доцент
- БАВСУН МАКСИМ ВИКТОРОВИЧ** (Российская Федерация, Омск), заместитель начальника Омской академии МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор
- БАГАВИЕВА ЭЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА** (Российская Федерация, Ижевск), аспирантка кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
- БЕЗЛЕПКИНА ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА** (Российская Федерация, Владивосток), начальник кафедры общеправовых дисциплин, к.ю.н., доцент ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт МВД России»
- БЕРЕСТОВОЙ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ** (Российская Федерация, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент
- БИБИК ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ** (Российская Федерация, Омск), профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доктор юридических наук, доцент
- БОРКОВ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ** (Российская Федерация, Омск), начальник кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Омская академия МВД Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент
- БЫЧКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ** (Российская Федерация, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России», кандидат юридических наук, доцент
- ВОЛКОВ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ** (Российская Федерация, Хабаровск), директор Дальневосточного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
- ВОЛКОВА АЛИНА ЮРЬЕВНА** (Российская Федерация, Н. Новгород), адъюнкт адъюнктуры ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Н. Новгород)
- ГАЛИЕВ БАХЫТ БАЙСЕКЕНОВИЧ** (Казахстан, Костанай), профессор кафедры права ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат юридических наук
- ГЕЙНЦЕ ОЛЬГА ВИКТОРОВНА** (Российская Федерация, Абакан), судья Верховного суда Республики Хакасия, соискатель кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,

ГЕЛЬДИБАЕВ МАНСУР МОВЛАДОВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ГЕЛЬДИБАЕВ МОВЛАД ХАСИЕВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор

ГЕНРИХ НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА (Российская Федерация, Краснодар), заведующая кафедрой уголовного права Северо-Кавказского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент

ГИЛИНСКИЙ ЯКОВ ИЛЬИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор

ГОЛИКОВА АРИНА ВЛАДИМИРОВНА (Российская Федерация, Саратов), доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Россия, кандидат юридических наук

ГОЛОБОРОДЬКО ВИКТОР ИВАНОВИЧ (Донецкая Народная Республика, Донбасс), и. о. заведующего кафедры административного права и административной деятельности Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия» (ДЮА)

ГОЛУБОВСКИЙ ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ (Российская Федерация, Москва), заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ФГБОУВО «Российский государственный социальный университет», доктор юридических наук, профессор

ГОТЧИНА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), начальник кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Санкт Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор

ГРИБКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (Российская Федерация, Тула), заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин АНО ВО Институт законовещения и управления ВПА, кандидат юридических наук, доцент

ГРИЦЮК ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), магистрант 2 курса Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ДВОРЯНСКОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ (Российская Федерация, Москва), ведущий научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

ГРИГОРЯН НАРЕК ГУРГЕНОВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

ГУРИНСКАЯ АННА ЛЕОНИДОВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), доцент юридического факультета РГПУ им. А.И. Герцена, факультета свободных искусств и наук СПбГУ, кандидат юридических наук, доцент

ДАВИДЕНКО МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА (Российская Федерация, Москва), аспирант Московского института современного академического образования

ЕВСИКОВА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА (Российская Федерация, Симферополь), доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук

ЕМЕЛЬЯНОВ ВИКТОР АНАТОЛЬЕВИЧ, (Российская Федерация, Эссенуки), федеральный судья Эссентукского городского суда

ЕФРЕМОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА (Российская Федерация, Казань), профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент

ЖУТРАЛИНА БАХЫТ МАПАШЕВНА (Республика Казахстан, Алматы), доцент кафедры международного права права Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, кандидат юридических наук

ЗАРЕЦКАЯ ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА (Донецкая Народная Республика, Донбасс), преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»

ЗОКИНА АННА МИХАЙЛОВНА (Российская Федерация, Москва), соискатель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов

ЗУБАЛОВА ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА (Российская Федерация, Ставрополь), старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук

ИВАЩЕНКО КРИСТИНА АНДРЕЕВНА (Российская Федерация, Москва), аспирант кафедры уголовного права ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ИЛЬЮК ЕЛЕНА ВАДИМОВНА (Российская Федерация, Екатеринбург), доцент кафедры гражданско-правовых и гуманитарных дисциплин Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО «Московской академии Следственного комитета России», кандидат юридических наук, доцент

КАЗАРИНОВ ИЛЬДАР АЛЕКСАНДРОВИЧ (Российская Федерация, Москва), соискатель кафедры уголовного права ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

КАРПОВ КИРИЛЛ НИКОЛАЕВИЧ (Российская Федерация, Омск), доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

КАТАРЖИНА ЛЯСКОВСКА (Польша, Белосток), профессор кафедры уголовного права юридического факультета Университета в Белостоке, доктор юридических наук, профессор

КАФИАТУЛИНА АЛЛА ВЛАДИМИРОВНА (Российская Федерация, Иваново), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Ивановского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

КЛЕЙМЕНОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук

КЛЕЙМЕНОВ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ (Российская Федерация, Омск), заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

КОКИН ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук

КОМЯГИН РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ (Российская Федерация, Саратов), аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права СГЮА

КРАСНОВА КРИСТИНА АЛЕКСАНДРОВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент

КРИВЕНКО ВАЛЕРИЯ АНДРЕЕВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), студент 3 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

КУЗНЕЦОВА НАДЕЖДА ВЯЧЕСЛАВОВНА (Российская Федерация, Волгоград), старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России

КУНЦ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА (Российская Федерация, Челябинск), профессор кафедры уголовного права Уральского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор

ЛАЗАРЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ЛЕБЕДЬ АННА ЛЕОНИДОВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

ЛЕСНИКОВ ГЕННАДИЙ ЮРЬЕВИЧ (Российская Федерация, Москва), главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», доктор юридических наук, профессор

ЛОПАШЕНКО НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (Российская Федерация, Саратов) профессор Саратовской государственной юридической академии (СГЮА), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

ЛЯХОВА ВИКТОРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

МАГНУТОВ ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ (Российская Федерация, Бор), председатель Борского городского суда Нижегородской области

МАРТЫНКОВА АНТОНИНА АНАТОЛЬЕВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

МАРЧУК ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (Республика Беларусь, Минск), директор государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

МИЛЮКОВ СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург) профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», доктор юридических наук, профессор

МИРОНЕНКО СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ (Донецкая Народная Республика, Донбасс), доцент кафедры уголовного права и криминологии ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент

МИРОНОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА (Российская Федерация, Омск), научный сотрудник научно-исследовательского отдела федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

МОРОЗОВ АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ (Российская Федерация, Москва), соискатель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов

МУХАМЕДЖАНОВ ЭДУАРД БУЛАТОВИЧ (Республика Казахстан, Алматы), профессор кафедры международного права права Казахского университета международных международных отношений и мировых языков имени Абылай хана

НЕПОМНЯЩИЙ ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕРЬЕВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

НЕСТЕРЕНКО АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Российская Федерация, Ставрополь) преподаватель кафедры криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

НИКОЛАЕВ КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ (Российская Федерация, Омск), заместитель начальника кафедры уголовного права федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент

НИКУЛЕНКО АНДРЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России», кандидат юридических наук, доцент

НОМОКОНОВ ВИТАЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ (Российская Федерация, Владивосток) профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор

ОСИПОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ (Российская Федерация, Тула), старший научный сотрудник, доцент кафедры государственно – правовых дисциплин, АНО ВО Институт законовения и управления ВПА, кандидат юридических наук

ПАНКОВА ДАРЬЯ ВЛАДИМИРОВНА (Донецкая народная республика, Донбасс), преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия» (ДЮА)

ПЕРЕКИСЛОВ ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургская коллегия адвокатов «Юрконсалтсервис»), доцент

ПЕТРАШЕВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА (Российская Федерация, Ростов-на-Дону), доцент кафедры «Уголовное право и криминастика» Донского государственного технического университета, кандидат юридических наук

ПЕТРЯНИН АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Российская Федерация, Н. Новгород), профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент

ПЕШКОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), студент 3 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ПОПОВ ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВИЧ (Республика Казахстан, Костанай) доцент кафедры права Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат юридических наук

ПИНКЕВИЧ ТАТЬЯНА ВАЛЕНТИНОВНА (Российская Федерация, Москва), профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор

ПОТАПОВ ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент

ПРЕБЛАГИН ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ПРОТАСОВА АГНИЯ ГЕОРГИЕВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России

ПУДОВОЧКИН ЮРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (Российская Федерация, Москва) заведующий отделом уголовно-правовых исследований ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор

РАДОШНОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ФГБОУВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», кандидат юридических наук

РАХМАНОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), зав. кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент

РЕПИН МАКСИМ ЕВГЕНЬЕВИЧ (Российская Федерация, Н. Новгород), начальник смены дежурной части отдела полиции № 5 Управления МВД России по г. Н. Новгороду

РОДИМКИНА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

РОМАНЧЕНКО ОЛЕСЯ СЕРГЕЕВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), студент 2 курса магистратуры Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

РОМАНЮК ВИКТОРИЯ ИГОРЕВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), студент 2 курса магистратуры Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ.

САФОНОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент

СЕМЕНОВА ВИКТОРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), доцент кафедры дознания ОМВД России по Колпинскому району г. Санкт-Петербурга

СИРЕНКО БОГДАН НИКОЛАЕВИЧ (Донецкая Народная Республика, Донбасс), ст. преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия, (ДЮА) кандидат юридических наук

СМИРНОВ ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), профессор кафедры уголовного права ФГБОУВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», доктор юридических наук, профессор

СОПНЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА (Российская Федерация, Ставрополь), кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции в отставке

СТАДНИКОВА ОЛЬГА АНДРЕЕВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), студент 2 курса магистратуры юридического факультета ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

СУМАЧЕВ АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ (Российская Федерация, Ханты-Мансийск), профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», доктор юридических наук, профессор

ТИТОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (Донецкая Народная Республика, Донбасс), доцент кафедры административного права и административной деятельности ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент

ТОПИЛЬСКАЯ ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук

ТЮНИН ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), профессор кафедры уголовного права ФГКОУВО «Санкт-Петербургский университет Министерства Внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор

ФЕДОТОВА АНАСТАСИЯ ВАСИЛЬЕВНА (Российская Федерация, Владивосток), преподаватель кафедры общеправовых дисциплин ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт МВД России»

ФИЛАТОВА НАДЕЖДА ЮРЬЕВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ЦВЕТКОВ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ЦЭНГЭЛ СВЕТЛАНА ДУГАРОВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент

ШЕВЕЛЕВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА (Российская Федерация, Курск), профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», доктор юридических наук, доцент

ШИКУЛА ИЛЬМИРА РИФКАТЬЕВНА (Российская Федерация, Москва), заведующая кафедрой административного и финансового права МФПУ «Синергия», кандидат юридических наук, доцент, докторант ВГУЮ (РПА Минюста России)

ШКЕЛЕ МАРИЯ ВИТАЛИЕВНА (Российская Федерация, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ЧАМЯН РУСЛАН СЕТРАКОВИЧ (Российская Федерация, Санкт-Петербург), аспирант РГПУ им. А.И. Герцена, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Абхазского государственного университета.

DRAGANA CVOROVIC, University of Criminal Investigation and Police Studies, Department of Legal Science, PhD in Law, Assistant Professor; **ДРАГАНА ЦВОРОВИЧ**, доцент кафедры права Университета криминалистических и полицейских исследований, кандидат юридических наук, доцент (Венгрия, Будапешт)

MARINA M. SIMOVIĆ, Secretary of the Ombudsman for Children of the Republika Srpska and Associate Professor at the Faculty of Law of University «Apeiron» in Banja Luka; **МАРИНА М. СИМОВИЧ**, секретарь Омбудсмана по делам несовершеннолетних Республики Сербия, доцент юридического факультета общеевропейского университета «Айперон» (Республика Босния и Герцеговина, Баня-Лука)

GORAZD MEŠKO, President of the European Society of Criminology, Head of the Institute of Criminal Justice and Security University of Maribor, PhD Professor of Criminology, Slovenia; **ГОРАЗД МЕШКО**, Президент Европейской криминологической ассоциации, декан факультета уголовного судопроизводства и обеспечения общественной безопасности Университета Марибор, доктор юридических наук, профессор (Словения, Марибор)

MIODRAG N. SIMOVIĆ, Judge of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina, Full Professor of the Faculty of Law of the University of Banja Luka, Corresponding Member of the Academy of Sciences and Art of Bosnia and Herzegovina, Active Member of the European Academy of Sciences and Arts, Foreign Member of the Russian Academy of Natural Sciences and Active Member of the Balkan Scientific Center of the Russian Academy of Natural Sciences; **МИОДРАГ Н. СИМОВИЧ**, судья Конституционного Суда Боснии и Герцеговины,

академик, постоянный профессор юридического факультета Независимого университета Баня-Луке (Сараево, Босния и Герцеговина) иностранный член Российской академии естественных наук и постоянный член Европейской академии наук и искусств (Республика Босния и Герцеговина, Сараево)

MIKLÓS TIHANYI, PhD, Assistant Lecturer, National University of Public Service, Faculty of Law Enforcement, Public Security Department; **МИКЛОШ ТИХАНЫИ**, доцент кафедры общественной безопасности факультета правоприменения Национального университета государственной службы, доктор права (Венгрия, Будапешт)

SZABOLCS MÁTYÁS, Assistant Professor National University of Public Service Faculty of Law Enforcement Ph. D (Law). Police Major; **САЛБОШ МАТЯШ**, доцент Национального университета государственной службы, доктор права, майор полиции (Венгрия, Будапешт)

VINCE VÁRI, Assistant Lecturer, National University of Public Service, Faculty of Law Enforcement, Institute of Criminal Sciences, Department of Criminal Procedure Law, PhD in Law, Assistant Professor; **ВИНС ВАРИ**, доцент кафедры уголовно-процессуального права факультета правоприменения Национального университета государственной службы (Венгрия, Будапешт)

VLADIMIR M. SIMOVIĆ, Prosecutor of the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina and Associate Professor at the Faculty of Security and Protection of Independent University in Banja Luka and Faculty of Law of University «Vitez» in Vitez; **ВЛАДИМИР М. СИМОВИЧ**, прокурор Прокуратуры Боснии и Герцеговины, доцент факультета безопасности и защиты Независимого университета в Баня-Луке и юридического факультета Университета Витеза (Республика Босния и Герцеговина, Сараево)

Научное издание

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сборник материалов
VIII-ой Международной научно-практической конференции
(1–2 ноября 2019 года, Санкт-Петербург)

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № 138. Подписано в печать 26.08.2019 г.

Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆. Объем 40,375 п.л. Тираж 100 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, тел./факс (812) 685-73-00, 970-35-70

E-mail: asterion@asterion.ru